

Михаил
Горбачев
И ГЕРМАНСКИЙ
ВОПРОС

Международный фонд социально-экономических
и политологических исследований «Горбачев-Фонд»

Михаил Горбачев И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС

Сборник
документов
1986 – 1991

Предисловие и составление:

Александр ГАЛКИН, Анатолий ЧЕРНЯЕВ

ВЕСЬ
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2006

УДК 327
ББК 66.4(0)ʹ6
С 23

Составление, предисловие и примечания: *д.и.н. А.А. Галкин, к.и.н. А.С. Черняев*

Редактор: *к.и.н. О.А. Зимарин*

С 23 **Михаил Горбачев и германский вопрос.** Сб. документов. 1986–1991. Сост., предисл. и примеч. А.А. Галкина, А.С. Черняева/Горбачев-Фонд. — М.: Издательство «Весь Мир», 2006. — 696 с.

ISBN 5-7777-0364-X

Объединение Германии ознаменовало окончание «холодной войны» и кардинально изменило облик Европы. Это событие остается важным действующим фактором современной международной политики, имеет огромное значение для развития отношений Германии и России. Вошедшие в сборник документы раскрывают роль, которую сыграл в процессе обретения германского единства Генеральный секретарь ЦК КПСС, затем Президент СССР М.С.Горбачев. Большинство документов, среди которых записи переговоров Горбачева с немецкими политиками, лидерами мировых держав, письма, служебные записки сотрудников Горбачева, записи обсуждения германского вопроса на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, публикуются впервые.

Сборник документов подготовлен сотрудниками «Горбачев-Фонда» — А.С. Черняевым, работавшим в 1986–1991 гг. помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, и известным германистом профессором А.А. Галкиным. Сборник снабжен предисловием, примечаниями и подробным именованным указателем.

УДК 327
ББК 66.4(0)ʹ6

ISBN 5-7777-0364-X

© Издательство «Весь Мир», 2006

Содержание

Предисловие	xiii
--------------------------	------

1986 год

На заседании Политбюро ЦК КПСС. 27 марта 1986 г.	3
На узком совещании у М.С. Горбачева. 26 мая 1986 г.	5
На заседании Политбюро ЦК КПСС (при обсуждении итогов ПКК в Будапеште). 13 июня 1986 г.	6
Из беседы М.С. Горбачева с Й. Рау. 25 июня 1986 года	7
О беседе М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером. 21 июля 1986 г.	15
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 24 июля 1986 г.	16
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 25 сентября 1986 г.	17
Из разговора М.С. Горбачева с помощниками перед заседанием СЭВ. 29 сентября 1986 г.	18
Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером, Г. Мисом и Х. Шмиттом. 3 октября 1986 г.	20

1987 год

На заседании Политбюро ЦК КПСС. 29 января 1987 г.	29
Распоряжения М.С. Горбачева по германскому вопросу. 2 февраля 1987 г.	31
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 12 февраля 1987 г.	32
Из записки В.М. Фалина о беседах с Э. Баром. 13–16 февраля 1987 г.	33

Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером. Берлин, 28 мая 1987 г.	36
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 11 июня 1987 г.	43
Из беседы М.С. Горбачева с Рихардом фон Вайцзеккером. Москва, 7 июля 1987 г.	44
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 16 июля 1987 г.	55
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Мисом. 4 ноября 1987 г.	59
Беседа М.С. Горбачева с Ф.-Й. Штраусом. 29 декабря 1987 г.	62

1988 год

Из беседы М.С. Горбачева с Л. Шпэтом. 9 февраля 1988 г.	81
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 14 апреля 1988 г.	83
Из беседы М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем. Москва, 11 мая 1988 г.	85
Из беседы М.С. Горбачева с М. Бангеманом. 16 мая 1988 г.	96
Беседа М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером. 30 июля 1988 г.	104
Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером. 28 сентября 1988 г.	114
Продолжение беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером в широком составе. 28 сентября 1988 г.	119
Из беседы М.С. Горбачева с представителями журнала «Шпигель». 20 октября 1988 г.	129
Из интервью М.С. Горбачева журналу «Шпигель». 20 октября 1988 г.	130
Беседа М.С. Горбачева с Г. Колем. 24 октября 1988 г.	131
Докладная записка А.С. Черняева о реакции Западной Европы на визит Г. Коля в Москву. 28 октября 1988 г.	135

1989 год

Беседа М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем. 11 апреля 1989 г.	141
На заседании Политбюро ЦК КПСС. 13 апреля 1989 г.	151
Первая беседа М.С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером. Бонн, 12 июня 1989 г.	152
Беседа М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. Бонн, 12 июня 1989 г.	156
Обмен речами во время торжественного обеда. 12 июня 1989 г.	166

Беседа М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером. Бонн, 13 июня 1989 г.	171
Вторая беседа М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. Бонн, 13 июня 1989 г.	176
Подписание советско-западногерманских документов	180
Встреча М.С. Горбачева с представителями деловых кругов. Кёльн, 13 июня 1989 г.	188
Из выступления М.С. Горбачева на обеде у Р. фон Вайцзеккера. 13 июня 1989 г.	191
Беседа М.С. Горбачева с Л. Шпэтом. Штутгарт, 14 июля 1989 г.	193
Из третьей беседы М.С. Горбачева с Г. Колем наедине. Бонн, 14 июня 1989 г.	198
Заключительная беседа М.С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером. Бонн, 15 июня 1989 г.	199
На пресс-конференции М.С. Горбачева в Бонне. 15 июня 1989 г.	201
Из дневника А.С. Черняева. 5 октября 1989 г.	204
Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером. 7 октября 1989 г.	205
Из беседы М.С. Горбачева с членами Политбюро ЦК СЕПГ. Берлин, 7 октября 1989 г.	209
Из дневника А.С. Черняева. 9, 11 октября 1989 г.	215
В.В. Загладин о беседе с представителями ФРГ, состоявшейся 9 октября 1989 г.	217
Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем. 11 октября 1989 г.	220
Беседа М.С. Горбачева с Вилли Брандтом. Москва, 17 октября 1989 г.	223
Беседа М.С. Горбачева с Э. Кренцем. 1 ноября 1989 г.	232
Из дневника А.С. Черняева. 10 ноября 1989 г.	246
Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем. 11 ноября 1989 г.	247
В.В. Загладин о беседе с послом ФРГ в СССР К. Блехом. 16 ноября 1989 г.	251
«От конфедеративных структур к федерации». Выступление Федерального канцлера Г. Коля в бундестаге 28 ноября 1989 г.	254
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Андреотти. Рим, 29 ноября 1989 г.	264

Из совместной пресс-конференции М.С. Горбачева и Дж. Андреотти в Милане. 1 декабря 1989 г.	267
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем. Мальта, 2 декабря 1989 г.	268
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем. 3 декабря 1989 г.	271
Из беседы М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером. 5 декабря 1989 г.	273
Из беседы В.В. Загладина с Ж. Аттали в Киеве. 6 декабря 1989 г.	285
Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном. Киев, 6 декабря 1989 г.	286
Из беседы В.В. Загладина с Л. Горовицем. 11 декабря 1989 г.	292
Из бесед В.В. Загладина с К. Ламмерсом. 20–21 декабря 1989 г.	293

1990 год

Обсуждение германского вопроса на узком совещании в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС. 26 января 1990 г.	307
Из беседы М.С. Горбачева с Х. Модровым. 30 января 1990 г. ..	312
За Германию, единое отечество (концепция к дискуссии о пути к германскому единству)	325
В.В. Загладин о беседе с послом ФРГ в СССР К. Блехом. 1 февраля 1990 г.	327
Встреча М.С. Горбачева с Г. Гизи. 2 февраля 1990 г.	330
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бейкером. 9 февраля 1990 г. ..	332
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 10 февраля 1990 г.	339
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем (продолжение). 10 февраля 1990 г.	356
Телефонный разговор М.С. Горбачева с Х. Модровым. 12 февраля 1990 г.	361
В.В. Загладин о своей беседе с К. Райс. 12 февраля 1990 г.	365
Выдержки из выступлений на совещании в зале Секретариата ЦК по вопросам чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР и подготовки к XXVIII съезду КПСС. 13 февраля 1990 г.	367
Разговор М.С. Горбачева с Г. Колем по телефону. 20 февраля 1990 г.	369

Ответы М.С. Горбачева на вопросы корреспондента «Правды». 21 февраля 1990 г.	371
Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Дж. Бушем. 28 февраля 1990 г.	376
Встреча М.С. Горбачева с правительственной делегацией ГДР. 6 марта 1990 г.	379
Интервью М.С. Горбачева газете «Правда». 7 марта 1990 г.	381
Заявление МИД СССР. 14 марта 1990 г.	385
Заявление Советского правительства. 28 марта 1990 г.	388
Из беседы М.С. Горбачева с Д. Хэрдом. 10 апреля 1990 г.	391
Из беседы М.С. Горбачева с В. Ярузельским. 13 апреля 1990 г.	394
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. де Микелисом. 17 апреля 1990 г.	395
Записка В.М. Фалина М.С. Горбачеву. 18 апреля 1990 г.	398
Из беседы М.С. Горбачева с Л. де Мезьером. 29 апреля 1990 г.	409
Из докладной записки А.С. Черняева М.С. Горбачеву. 4 мая 1990 г.	424
Из беседы М.С. Горбачева с Х. Тельчиком. 14 мая 1990 г.	426
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бейкером. 18 мая 1990 г.	437
Из беседы М.С. Горбачева с А. Дубчеком. 21 мая 1990 г.	446
Из интервью М.С. Горбачева американскому журналу «Тайм». 22 мая 1990 г.	448
Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном. 25 мая 1990 г. ...	450
Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один. 25 мая 1990 г.	454
Из второй беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем. Вашингтон, Белый дом, 31 мая 1990 г.	466
Выступление М.С. Горбачева на совместной с Дж. Бушем пресс-конференции по итогам визита в США. 4 июня 1990 г.	477
Из беседы М.С. Горбачева с М. Тэтчер. 8 июня 1990 г.	478
На пресс-конференции М.С. Горбачева и М. Тэтчер. 8 июня 1990 г.	486
Совместное заявление правительств ФРГ и ГДР об урегулировании открытых имущественных вопросов. 15 июня 1990 г.	488
Из беседы М.С. Горбачева с М. Вернером. Москва, 14 июля 1990 г.	492

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г.	495
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем. 15 июля 1990 г.	504
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г.	507
Пресс-конференция М.С. Горбачева и Г. Коля. 16 июля 1990 г.	525
Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Дж. Бушем. 17 июля 1990 г.	542
Докладная записка Э.А. Шеварднадзе М.С. Горбачеву о представлении проекта советско-германского договора с приложением проекта письма М.С. Горбачева Г. Колю. 25 июля 1990 г.	545
Сопроводительное письмо к проекту советско-германского договора, отправленное М.С. Горбачевым Г. Колю	546
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Андреотти. Москва, 26 июля 1990 г.	548
Из беседы М.С. Горбачева с Р. Дюма. 25 августа 1990 г.	552
Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем. 7 сентября 1990 г.	554
Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем. Хельсинки, 9 сентября 1990 г.	560
Докладная записка А.С. Черняева о предстоящем телефонном разговоре с Г. Колем и возможной поездке в Германию 3 октября. 10 сентября 1990 г.	562
Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем. 10 сентября 1990 г.	563
Из беседы М.С. Горбачева с Л. де Мезьером. 12 сентября 1990 г.	567
Из беседы М.С. Горбачева с Г-Д. Геншером. 12 сентября 1990 г.	570
Из беседы М.С. Горбачева с Д. Хэрдом. 14 сентября 1990 г. ...	574
Выступление Э.А. Шеварднадзе на заседании комитета по международным делам ВС СССР. 20 сентября 1990 г. ...	575
Постановление Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. 20 сентября 1990 г.	582
Из беседы М.С. Горбачева с О. Лафонтеном. Москва, 21 сентября 1990 г.	584
Докладная записка А.С. Черняева и проект письма Г. Колю. 24 сентября 1990 г.	593

Постановление Верховного Совета СССР о Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР. 2 октября 1990 г.	595
Из беседы М.С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером. Бонн, 9 ноября 1990 г.	596
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. Бонн, 9 ноября 1990 г.	599
Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем. Бонн, 9 ноября 1990 г. . .	610
Выступления на церемонии подписания Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР. 9 ноября 1990 г.	615
Из беседы М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем и О. Лафонтеном. Бонн, 10 ноября 1990 г.	619
Из беседы М.С. Горбачева с Т. Вайгелем. Бонн, 10 ноября 1990 г.	621
Из беседы М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером. Бонн, 10 ноября 1990 г.	624
Указания М.С. Горбачева Черняеву. 10 ноября 1990 г.	628
В.В. Загладин о беседе с Н. Шефером. 14 ноября 1990 г.	630

1991 год

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем. 18 января 1991 г.	635
Заявление Верховного Совета СССР. 4 марта 1991 г.	637
Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем. 5 марта 1991 г.	639
Тезисы к беседе М.С. Горбачева с Г. Колем. 18 июня 1991 г. . . .	641
Письмо М.С. Горбачева Р. фон Вайцзеккеру об обмене культурными ценностями. 12 июля 1991 г.	643
Тезисы для телефонного разговора с Г. Колем. 2 октября 1991 г.	646
Телефонный разговор М.С. Горбачева и Г.-Д. Геншера. 25 декабря 1991 г.	648
Прощальное письмо М.С. Горбачева Г. Колю. 25 декабря 1991 г.	650
Примечания	651
Краткий биографический справочник	657

Предисловие

О воссоединении Германии написаны сотни книг, тысячи статей, снято множество документальных и художественных фильмов, дано множество интервью. Кажется, что скрупулезно прослежены все главные перипетии этого события мирового значения. Участниками и очевидцами событий, учеными и журналистами введены в оборот многочисленные документы, другие свидетельства, посвященные внутренним и внешним аспектам дела. Казалось бы, нет больше секретов, мешающих понять, чем воссоединение вызвано и как оно произошло. Тем не менее споры продолжаются, и, судя по всему, мы еще весьма далеки от того, чтобы иметь право утверждать, что наше знание о процессе объединения является полным, исчерпывающим.

На это есть объективные причины. Одна из них — минимальная историческая дистанция. Событие свежо в памяти, не свободно от эмоционального восприятия: поднятые им волны споров не улеглись, политические предпочтения довлеют, участники событий не утвердились в заслуженной или желанной для них исторической роли. Другая причина — односторонность информационной, источниковой базы. Наиболее доступными для исследователей — и тем более для публики — оказались материалы, дающие представление лишь о внешней стороне дела. Глубинная сторона, в том числе та, которую принято называть закулисной, во многом пока еще не доступна общественности. Как следствие, поверхностность многих суждений, подмена анализа домыслом, непонимание мотивов главных действующих лиц.

Отсюда вывод: в изучении событий, приведших к воссоединению Германии, движущих сил этого процесса, побудительных причин, сделавших его возможным, точку ставить рано.

Подлинное знание о том, что и как произошло, невозможно без всестороннего осмысления роли М.С. Горбачева. Само значение его вклада в воссоединение Германии вроде бы никто не отрицает. Однако трактуют его неоднозначно. И речь не обязательно идет о политических противниках Горбачева, о тех, для кого все, что он делал, имеет лишь один знак — минус. Непонимание истинных мотивов Горбачева, неверная трактовка конкретных эпизодов переговорного процесса иногда настолько глубоки, что полностью искажают смысл не только роли Горбачева, но и всего произошедшего.

Правильно понять и оценить политику Горбачева в германском вопросе можно только в том случае, если вписать ее в более общий контекст: оценку им мировой ситуации, решительный выбор в пользу прекращения «холодной войны», приведшей человечество на грань самоуничтожения, развития событий в самом Советском Союзе. Решение германского вопроса призвано было стать фактором демонстрации фронтального противостояния систем.

В середине 80-х годов германская проблема выступала для советского руководства в двух ипостасях. Существовали два немецких государства и две советско-германские политики. Общим было то, что и та и другая нуждались, как минимум, в корректировке и обновлении. Отношения и с ГДР, и с ФРГ сложились исторически, в них накопилось много иррационального, идеологически оторванного от реальности. Вопрос воссоединения Германии первоначально практически не ставился, хотя многим специалистам в Советском Союзе было очевидно, что рано или поздно оно произойдет.

В распоряжении Горбачева, когда он возглавлял СССР, было достаточно материала о том, что обстановка в ГДР складывается далеко не лучшим образом. Экономические и социальные проблемы не решались, а загонялись вглубь. Недовольство политикой власти охватило все социальные группы.

В ГДР, как и в самом Советском Союзе, назрели перемены. В этих условиях напрашивались два возможных, но исключающих друг друга подхода. Первый — навязать ГДР перестройку по образцу проводимой в Советском Союзе, то есть «инициировать» реформы извне. Второй — уважая независимость и суверенитет ГДР, следовать курсу невмешательства в ее дела, рассчитывая на перемены лишь под влиянием собственного, «перестроечного» примера. Исторически сложившийся характер отношений с социалистическими союзниками толкал руководство СССР к использованию первого подхода. Но лично для Горбачева, взявшего курс на глубокие преобразования во всем, это было абсолютно неприемлемо, ибо лишало отношения между СССР и стра-

нами Восточной Европы какой-либо перспективы. Уже на встрече с лидерами стран Организации Варшавского Договора (ОВД) в дни похорон своего предшественника Константина Черненко Горбачев заявил им, что советское руководство будет строго следовать принципу невмешательства в дела союзников. Как эту новую ситуацию использовало руководство ГДР, почему освобождение от опеки выявило несостоятельность режима, — особый разговор.

Сложность переосмысления отношений с Федеративной Республикой Германия объяснялась не только комплексностью проблемы. Немалую роль сыграли психологические моменты. Самому Горбачеву, пережившему мальчишкой все тяготы войны и немецкой оккупации, как и многим советским людям, не просто было преодолеть «антигерманский синдром». Что же говорить о миллионах простых людей? Как человек с высокоразвитым политическим чутьем, Горбачев полностью отдавал себе отчет в том, что крутой переход за определенные, устоявшиеся границы в отношениях с Германией не найдет понимания у советских людей. Их нужно к этому готовить постепенно.

Позитивную роль в преодолении данного «синдрома» сыграли многолетние двусторонние отношения с ГДР. Существенное влияние в этом же направлении оказывал импульс «восточной политики» Вилли Брандта, побуждавший к подвижкам в «германском вопросе».

Перемены в атмосфере отношений между СССР и ФРГ проявились еще в июле 1987 года во время визита в Москву Президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера. Беседа его с М. Горбачевым, казалось, не содержала чего-либо сенсационного. Так, Горбачев обратил внимание собеседника на важность вклада в дело мира и безопасности в Европе обоих германских государств. Он вновь, и в достаточно жесткой форме, подтвердил советскую позицию: два германских государства — это реальность. И любые попытки пересмотреть ее будут иметь самые нежелательные последствия.

И тем не менее в беседе прозвучали некоторые новые ноты. Выяснилось, что обе стороны готовы — более того, стремятся — положить конец застою в отношениях двух стран, наступившему в конце 70-х — начале 80-х годов, особенно очевидному на фоне активного развития связей СССР с другими государствами. Не менее важным было и то, что Горбачев в принципе не исключил воссоединения Германии — пусть не сейчас, пусть позже: надо дать истории возможность поработать. Для того времени и при тех обстоятельствах это был знаменательный момент.

Встречи, последовавшие за беседой с Вайцзеккером, в том числе с Ф.Й. Штраусом, Л. Шпэтом, М. Бангеманом, Х-Й. Фогелем и осо-

бенно с Г.-Д. Геншером, способствовали прояснению многих аспектов «германского вопроса». Горбачев все чаще говорил о нем и в своем кругу, и на заседаниях Политбюро.

В ответ на очередной пробный шар, поступивший от канцлера Гельмута Коля, Горбачев направил ему письмо, в котором впервые содержались слова о «новой главе» в отношениях между нашими странами. В октябре 1988 года канцлер прибыл в Москву. Для понимания смысла этого визита, особенно с точки зрения будущих подходов к германскому вопросу, важно учитывать атмосферу встречи, возникшее у двух политиков взаимное доверие.

28 октября 1988 года в Екатерининском зале Кремля состоялся переломный доверительный разговор, свободный от враждебности, идеологической перестрелки, двоемыслия и лукавства. Оба участника беседы позднее констатировали, что это был честный и откровенный разговор, отличавшийся реалистическими подходами, ответственностью и оптимизмом, чувством перспективы.

При обсуждении на Политбюро Горбачев так подвел итог визиту Коля: «Пока перелома не наступило. Но толчок сильный для движения вперед на этом важном направлении дан».

Отношения между Горбачевым и Колем быстро приобрели дружеский характер, что помогло, в конечном счете, провести процесс преобразований в ГДР без чрезмерных потрясений, когда в ней, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, наступили бурные месяцы политических потрясений.

Символично, что «контакт», соединивший обоих государственных деятелей, совпал с выступлением Горбачева в Организации Объединенных Наций в начале декабря 1988 года. Перед всем миром был обозначен важнейший рубеж: необратимость перехода СССР к принципиально новой политике, отказ от идеологической заданности в отношениях с любыми странами.

В начале июня 1989 года состоялся визит Горбачева в Федеративную Республику Германия. Всесторонний анализ германской проблемы, осуществленный за месяцы, разделившие два визита, убедил его в том, что жесткая позиция в вопросе германского единства, вызывавшая у него сомнения и ранее, бесперспективна.

Разумеется, никто, в том числе и Горбачев, не мог себе представить, как и какими темпами будут развиваться события. Не могли исчезнуть в мгновение ока и серьезные разногласия по вопросу единства Германии как в СССР, так и в самой Федеративной Республике. Тем не менее в Совместном заявлении, подписанном во время визита Горбачева в ФРГ, прозвучали новые ноты, составившие в совокупности

вполне очевидный подтекст. В беседе наедине с Горбачевым Коль охарактеризовал этот документ как черту, подведенную под прошлым, источник, освещающий пути в будущее. Аналогичной была оценка Горбачева, назвавшего совместный документ свидетельством прорыва в отношениях.

Сейчас, ретроспективно рассматривая итоги этого визита и значение подписанных тогда документов, можно с полным основанием сформулировать вывод: именно тогда фактически было положено начало процессу объединения Германии.

Подспудный смысл произошедшего в эти летние дни в Западной Германии сразу же уловили союзники ФРГ по НАТО: и американцы, и французы, и англичане, и все остальные. Это можно было четко выявить, в том числе по позиции, занятой печатью. Поняли смысл полученного сигнала и в ГДР: как «вверху», так и «внизу». Но если большинство населения ГДР, настроившееся на воссоединение, приняло к сведению, что СССР не намерен препятствовать волеизъявлению немецкого народа, что ничего подобного событиям 1968 года в Чехословакии не произойдет, то руководство СЕПГ и высшие власти государства проявили неспособность сделать адекватный вывод из происшедшего.

Между тем объективная возможность достичь германского единства спокойно, поэтапно существовала. При постепенном объединении можно было бы избежать или по крайней мере минимизировать некоторые проявившиеся потом негативные последствия, социальные издержки.

Осенью 1989 года обстановка в Восточной Германии стала без преувеличения взрывоопасной. Падение «Берлинской стены» вызвало огромный эмоциональный подъем в немецком народе. События в любой момент, действительно, могли выйти из-под контроля, и признаки такого развития уже давали о себе знать.

Между тем надо было постоянно помнить, что на территории ГДР размещена крупнейшая группировка советских вооруженных сил. Любая, пусть даже небольшая провокация по отношению к советским военнослужащим могла спровоцировать кровопролитие. Учитывать надо было и то, что и в СССР, и в ГДР существовали влиятельные силы, все более громко требовавшие использования войск «для наведения порядка».

В этих условиях главную свою задачу Горбачев видел в том, чтобы ввести неизбежный процесс воссоединения Германии в упорядоченные рамки, исключить силовой вариант и максимально учесть при этом государственные интересы Советского Союза, в частности ин-

тересы армии. В изменившихся условиях она не могла оставаться в Германии в неизменном качестве — и не только по политическим (включая международный аспект), но и по экономическим соображениям: за содержание наших войск в объединившейся Германии (само по себе бессмысленное) пришлось бы платить немалые деньги в иностранной валюте.

Велся интенсивный диалог между Горбачевым и лидерами западных стран. После отставки Хонеккера Горбачев 1 ноября 1989 года имел продолжительную беседу с его преемником Кренцем. В этой беседе он все еще исходил из предположения, что руководство СЕПГ в его новом составе окажется в состоянии удержать контроль над ситуацией и взяться наконец за преобразования, которые сделали бы возможным постепенное сближение, а затем и слияние ГДР и ФРГ. В контактах с Геншером и Колем он настойчиво убеждал их не поддаваться стихии и проявлять сдержанность.

Однако обострявшаяся политическая ситуация как в ГДР, так и ФРГ подталкивала их к форсированию процесса. Еще 11 ноября 1989 года Коля в беседе с Горбачевым, говоря о позиции ФРГ в отношении происходящего в ГДР, заверял: немцы отдают себе отчет в том, что такое глазомер, он означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать их возможные последствия, и чувство личной ответственности. Однако уже 28 ноября в обстановке начавшегося распада государственных структур ГДР канцлер выступил в бундестаге с «Программой из 10 пунктов по преодолению раскола Германии и Европы».

Реакция советского руководителя на программу Коля была предельно острой. Тем не менее размолвка с Колем из-за «10 пунктов» оказалась преходящей. Да и события вскоре перехлестнули рамки этой программы.

В конце января 1990 года в кабинете Горбачева состоялось узкое совещание по германскому вопросу. В итоге дискуссии определилась позиция, которую Горбачев сформулировал следующим образом.

— Выступить с инициативой образования «шестерки» (четыре державы-победительницы — СССР, США, Англия и Франция — и две Германии — ФРГ и ГДР) для обсуждения всех внешних проблем германского вопроса.

— В политике по отношению к ФРГ ориентироваться на Коля, не игнорируя вместе с тем Социал-демократическую партию Германии.

— Пригласить для переговоров в Москву нового премьер-министра ГДР Модрова и нового руководителя СЕПГ Гизи.

— Поддерживать регулярные контакты по германской проблеме с Лондоном и Парижем.

— Маршалу Ахромееву готовить вывод советских войск из ГДР.

Многое должно было произойти в мире, Европе и прежде всего в СССР в отношениях между русскими и немцами, чтобы такое решение германского вопроса стало возможным.

В феврале на конференции в Оттаве была достигнута договоренность относительно переговоров об «окончательном урегулировании» в рамках «шестерки». Вслед за этим в Бонне, Берлине и Москве состоялись три раунда переговоров, вошедшие в историю воссоединения Германии как «переговоры 2 + 4».

Впоследствии вокруг этого наименования был искусственно создан дипломатический туман. Противники политики Горбачева, преследуя политические, а кто-то чисто личные цели, утверждали, будто концепция переговоров в рамках «шестерки» первоначально базировалась на формуле «4 + 2», которая, де, предполагала доминирование держав-победительниц над обеими Германиями. Соответственно, документальное и публицистическое переименование формулы «4 + 2» в формулу «2 + 4» трактовалось как неоправданно большая уступка, чуть ли не капитуляция.

В действительности на фоне происходивших эпохальных изменений подобная канцелярско-дипломатическая схоластика потеряла всякое значение. По крайней мере для Советского Союза и других держав-победительниц. Понятен интерес «к перемене цифр» у немецкой стороны, которую поддержал государственный секретарь США Бейкер. Немцы хотели лишний раз продемонстрировать, что времена, когда Германия рассматривалась как второстепенный участник переговоров, ушли в прошлое. Формула «2 + 4» звучала как признание того, что свои германские дела решают сами немцы, а бывшие победители будут заниматься международными аспектами воссоединения. Иначе говоря, порядок цифр в этой формуле воспринимался как проблема национального престижа.

Упираясь в порядке цифр, когда речь шла о судьбах Европы и мира, было не в правилах Горбачева. Думал он и о перспективах отношений между Советским Союзом и будущей объединенной Германией. Ему не нужен был торг по мелочам. Для него было очевидно, что немцы не только имеют право, но и неизбежно будут сами решать свои дела. Десятого февраля 1990 года на встрече с прибывшим в очередной раз в Москву Коелем он четко и недвусмысленно заявил: «Немцы сами должны сделать свой выбор». И когда Коель переспросил: «Вы хотите сказать, что вопрос единст-

ва — это выбор самих немцев?», он получил ясное подтверждение: «Да... В контексте реальностей».

В начале 1990 года процесс воссоединения Германии, решающей движущей силой которого стало мощное народное движение, прежде всего в ГДР, окончательно перешел, уже и формально, в руки немцев. Основной проблемой, которую предстояло решить державам-победительницам, было обеспечение европейской безопасности в принципиально меняющихся условиях. На передний план выдвинулся вопрос о будущих отношениях между объединенной Германией и НАТО. Позиция США и правительства ФРГ в том вопросе была однозначной: объединенная Германия должна быть полноправным членом НАТО.

Собственно говоря, само вхождение будущей Германии в НАТО, а следовательно, смещение сферы ее компетенции на несколько сот километров к востоку имели для СССР не столько геополитическое, сколько психологическое значение. В ядерный век вообще, а в условиях начавшегося разоружения в частности (притом, что страны Восточной Европы, входившие в Организацию Варшавского Договора, получили реальную свободу выбора), вхождение объединенной Германии в НАТО по существу ничего не меняло в проблеме безопасности СССР. Тем не менее Горбачев не мог не считаться с взглядами, распространенными в обществе, в политических верхах и особенно среди военных. Поэтому он искал варианты, которые бы исключали прямое вхождение объединенной Германии в НАТО. Такие варианты обсуждались и в узком кругу сотрудников Горбачева, и на Политбюро ЦК КПСС на протяжении всей весны 1990 года. Так, накануне поездки Э.А. Шеварднадзе в начале мая в Бонн на первый раунд переговоров по формуле «2 + 4» в Политбюро состоялся крайне жесткий разговор на эту тему: не допустим Германию в НАТО!

Однако дальнейшие размышления привели к пониманию, что альтернативные идеи нейтрализации объединенной Германии или ее вступления одновременно и в НАТО, и в ОВД несостоятельны. Ведь если есть согласие на объединение, а значит, на прекращение всех ограничений, связанных с последствиями войны, то Германия тем самым получает суверенное право выбирать, в каком блоке ей быть или вообще быть вне блока. Позиция, зафиксированная в директиве, с которой Шеварднадзе поехал на переговоры «2 + 4», как и можно было предвидеть, «не прошла».

В конце мая 1990 года Горбачев поехал с этой же позицией в Вашингтон. Относительно поведения Горбачева там, на переговорах с Дж. Бушем, также возникло немало спекуляций, искажающих дей-

ствительные мотивы Горбачева. Суть дела заключалась в том, что, оставаясь на почве реальностей и элементарной логики, отстоять прежнюю советскую позицию было невозможно. Горбачев оказался перед выбором: либо «упереться», и тогда процесс объединения Германии все равно пошел бы, но в обход СССР, без него и даже против его жизненных интересов, либо, руководствуясь здравым смыслом, сохранить свою роль во всем этом деле и получить в результате в партнеры дружественную и благодарную Германию — крупнейшую величину в мировой экономике, а теперь и в политике. Тридцать первого мая была найдена компромиссная формула.

Теперь — о последних аккордах «марша» к воссоединению. В июле 1990 г. в Москву приехал Коль, чтобы окончательно определиться с порядком воссоединения Германии. Встретился он с Горбачевым в мидовском особняке на улице Спиридоновка. Коль был отчетлив и напорист. Вел честную, но жесткую игру. Шел на большие уступки, но получал главное — объединенную Германию в НАТО.

Горбачев охарактеризовал свою позицию в германском вопросе месяц спустя в Хельсинки в конфиденциальном разговоре с Бушем следующим образом: «Вы, наверное, согласитесь, что события в Восточной Европе, германские дела были более трудными для нас, чем для США. Я вам скажу откровенно, что потребовались колоссальные усилия, огромное напряжение, политическая воля, чтобы буквально перешагнуть через себя, преодолеть старые подходы, казавшиеся незыблемыми, действовать так, как этого требовали изменившиеся реальности. Мне до сих пор приходится у нас в стране разъяснять эту позицию, доказывать необходимость нового мышления, новых подходов к тому, что происходит в мире, убеждать в правильности таких шагов. Это не всегда легко, тем более что на Западе есть люди, которые подбрасывают анализ, основанный на старом мышлении, и это осложняет мое положение».

На Спиридоновке Коль передал Горбачеву проект «Большого договора» (как оказалось в общем приемлемого), который, по его словам, должен был закрыть прошлое и открыть принципиально новый этап отношений между двумя великими нациями с перспективой обоюдного сотрудничества и даже дружбы.

Для закрепления сделанного Горбачев повез Коля к себе на родину, на Ставрополье. Заключительные переговоры прошли в Архызе — небольшом живописном северокавказском курорте. Там они заночевали, вернее, почти всю ночь провели за столом переговоров. Обговаривалось во всех деталях содержание документов — будущего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, Договора об оконча-

тельном урегулировании в отношении Германии, Договора о временном пребывании советских войск, Соглашения о переходных мерах и других.

Впоследствии Коль честно и лояльно, при поддержке огромного большинства немцев, выполнил все то, что скрепил своим словом и подписью. Он перенес на Россию свой подход к СССР, не изменив при этом, кстати сказать, порядочности в отношении Горбачева, не унизив себя дипломатической «потерей памяти», которой оказались подвержены некоторые бывшие партнеры.

История пошла вперед. Тридцатого августа 1990 года в Берлине был подписан Договор об объединении ФРГ и ГДР, 12 сентября в Москве — Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии.

9–10 ноября 1990 года Горбачев нанес визит в уже объединенную Германию. Состоялись торжества и подписание документов, которые заложили международно-правовые и морально-политические основы нормальных, действительно дружественных отношений между германским народом и народами СССР.

Сегодня, оглядываясь на события того времени, имеются все основания утверждать: в русле государственной логики, которая предусматривала ликвидацию угрозы ядерной войны и коренное изменение самой сути мировой политики, освобождение от пагубного и уже непереносимого бремени сверхвооружений, исходила из первостепенного значения устойчивых добрососедских отношений с Германией, прав был Горбачев. Он сделал максимум возможного в тех условиях для достижения цели.

* * *

В сборник включены четыре группы материалов. Во-первых, записи бесед М.С. Горбачева с зарубежными политическими деятелями. Часть из этих записей приведена полностью, часть — в выдержках. В последнем случае опущены сюжеты либо не имеющие прямого отношения к германской проблеме, либо повторяющие уже изложенное в предыдущих беседах. Во-вторых, расшифровка записей хода заседаний и встреч, посвященных германскому вопросу, в которых принимал участие М.С. Горбачев, сделанных помощником М.С. Горбачева А.С. Черняевым. Сами блокноты с соответствующими стенографическими записями находятся в архиве «Горбачев-Фонда». В-третьих, служебные записки и другие материалы, касающиеся германского вопроса, подготовленные ближайшими сотрудниками М.С. Горбаче-

ва в то время, когда принимались основные решения, касавшиеся воссоединения Германии. В-четвертых, отдельные публикации в печати, важные с точки зрения понимания происходивших событий.

*А.А. Галкин, доктор исторических наук, профессор
А.С. Черняев, бывший помощник Президента СССР
по международным делам*

2 марта 2006 года

1986 год

На заседании Политбюро ЦК КПСС

27 марта 1986 года

[...] **Горбачев.** Вопрос о ФРГ серьезный¹. Линия на ограничение политического диалога с Колем при продолжении делового сотрудничества по другим направлениям была правильной. И пока ее надо продолжать. Она оказывает воздействие на канцлера, дает ему и его окружению понять, что такое СССР для Германии.

Общение с другими западными лидерами показывает, что они одобрили наш отлуп Колю. Итальянцы нам заявили, что они хотят, чтобы первый визит Генерального секретаря был не в ФРГ, а в Италию. Однако мы должны исходить из того, что ФРГ — это огромная сила, и нам надо считаться с этим фактором на европейском и мировом поле. Не пережать в сторону охлаждения. И чтобы в наших действиях не получилось так, что мы разрушаем то, что уже было достигнуто до нас.

Наша линия в отношении ФРГ сдерживает также и ГДР. Под давлением экономических факторов в Берлине могут броситься в объятия Западной Германии.

Туго идет дело у нас с Соединенными Штатами. Стимулировать эти отношения мы можем через Европу, в том числе через ФРГ, и даже через Японию и Китай. В Соединенных Штатах сразу же нервничают, как только мы начинаем устанавливать контакты с Западной Европой. И ФРГ тут играет очень важную роль. Надо продумать серьезные шаги. Но пока на высшем уровне на контакты с ФРГ не выходить. Надо еще давать уроки канцлеру. И быть внимательными к позиции Брандта—Шмидта. Но принципиальной разницы в германском вопросе с ХДС у них немного. И если мы круто повернем к ХДС, то повредим и нашим отношениям с СДПГ.

Большое внимание в контактах надо уделять экономическим вопросам, в том числе и с социал-демократами. Активизировать культурные, общественные связи. Немцы — народ серьезный. И сигналы они принимают по-деловому. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

На узком совещании у М.С. Горбачева

26 мая 1986 года

(Присутствовали: Шеварднадзе, Добрынин, Ахромеев, Черняев)

[...] **Горбачев.** Беседа Квицинского с Колем свидетельствует, что подошли к пределу, за которым надо что-то менять. Загнали Коля в угол. Теперь надо обдумать и не шарахаться. Тем более не надо ему помогать к выборам. Что-то предпринимать и в области экономики. Здесь мы очень заинтересованы, а также в области ядерной энергетики.

Есть ведь у нас закрытый канал с немцами, его мы не используем. Надо поразмышлять философски о наших отношениях и что-то по этому каналу выпустить. Для начала нужно, думаю, принять Квицинского у меня и объявить об этом. А потом пусть он расскажет Колю о нашем разговоре. Мол, готовы обдумать любые соображения, если с вашей стороны будет понимание. Наметить и конкретные сегодняшние шаги... И дать о них знать канцлеру через Квицинского.

Социал-демократы ведут очень тонкую игру — с установкой, конечно, на объединение Германии. Мы это видим...

Мой визит в ФРГ только в 1987 году, не раньше. А Геншера можно принять осенью. Пусть наши министры встретятся. Но поедет ли он, если не скажем, что будет прием и у меня. [...]

Запись А.С. Черняева

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

На заседании Политбюро ЦК КПСС (при обсуждении итогов ПКК² в Будапеште)

13 июня 1986 года

(Присутствовали: Шеварднадзе, Добрынин, Ахромеев, Черняев)

Горбачев о ФРГ. На всех встречах с друзьями³ выражено общее согласие, что надо работать с ФРГ. Они все очень связаны с нею, экономически — в первую очередь. Гусак особенно близок к нашей позиции. Когда мы сказали, что преподали урок Колю, все согласилось. Но не надо доводить до крайности. Коль уже начал нервничать. И это хорошо. Сказал об этом Хонеккер, сказал Кадар. Ни в коем случае нельзя разрушать отношения.

Однако в трещину, которую мы создали, сказав, что «надо работать», все устремились, желая сблизиться с ФРГ...

Европейское направление дает нам большие резервы. Все так считают. Работа здесь влияет и на Соединенные Штаты, на все мировые процессы. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Из беседы М.С. Горбачева с Й. Рау

25 июня 1986 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** У меня остались хорошие впечатления от нашей с вами беседы в сентябре прошлого года. Прошло девять месяцев. За это время произошло многое. Встречу с вами рассматриваю как подтверждение того, что межпартийные связи КПСС — СДПГ сохраняют активный характер. Мы это ценим. Рад принять привет от тех, кто возглавляет СДПГ и кого мы знаем как людей, которые много сделали для того, чтобы наши отношения достигли нынешнего уровня и продолжали углубляться и развиваться впредь. В советском руководстве должным образом оценивают этот факт. В свою очередь передайте от советского руководства и от меня товарищеский привет председателю Брандту, а также Бару, с которым мы недавно имели, как нам кажется, полезную беседу. Кстати, то, что я обещал ему, я сделал. А он, Бар, еще не все. Но это его дело.

Й. РАУ. [...] Хотел бы наметить три основных круга вопросов, которые представляются мне важными и по которым я хотел бы услышать ваши оценки. Во-первых, проблемы экономического развития в СССР. [...] Второй круг вопросов связан с нынешним положением на переговорах (или не переговорах) между сверхдержавами. Что произошло и происходит после внесения советской стороной январских, апрельских, июньских (в Будапеште) предложений и идей, вашей речи на недавнем Пленуме ЦК КПСС? Состоится ли встреча министров иностранных дел СССР и США, предложенная Рейганом, станет ли она подготовкой к новой встрече на высшем уровне? Во время моей поездки в США в феврале Президент Рейган очень оптимистично оценивал начавшийся политический диалог. Затем последовало несколько месяцев с очень плохим политическим климатом. Сейчас вроде бы есть новые подвижки...

И, наконец, хотел бы затронуть вопросы ядерной энергетики, о будущем которой в ФРГ идут большие дискуссии. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Из-за рубежа, в том числе и из ФРГ, мы получаем много советов о том, как и куда нам идти дальше. Радиостанция «Немецкая волна» с немецкой прямоотой дает указания, напоминающие, хотя и в несколько модифицированном виде, инструкции ЦРУ. Передаются провокационные указания о том, как бороться с советским руководством, дают характеристики Генеральному секретарю ЦК КПСС, пытаются вбить клин между партией и народом. Словом, ведет себя «Немецкая волна» не как государственная станция, а хуже «Свободной Европы». Да и в политике Бонна, в несколько подправленном виде, мы видим и слышим то же, что говорится в Вашингтоне. Остается только удивляться: что же стало с немцами, где их собственное лицо?

[...] Американцев сейчас пугает не наше ядерное оружие, а наш динамизм. Их главная забота — как затруднить для СССР переход на интенсивный путь развития с высоким уровнем экономического роста.

Кстати, вы ведь вот тоже проявляете особый интерес к нашим экономическим перспективам.

Й. РАУ. Я должен проявлять этот интерес. Земля Северный Рейн–Вестфалия является крупнейшим потребителем нефти и газа из СССР. Около 50% всего товарооборота между СССР и ФРГ проходят через нас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, что участие ФРГ в реализации наших планов принесет ей большую экономическую и политическую выгоду.

[...] **Й. РАУ.** Что касается «Немецкой волны», то очень неприятно, что ее можно спутать со «Свободной Европой». Руководитель радиостанции работает там еще со времен социально-либеральной коалиции. Он не сторонник «холодной войны». Может быть, имеет смысл организовать его встречу с советскими представителями для обсуждения создавшейся ситуации?

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** За 70 лет существования Советского Союза о нас наговорили горы выдумок и неправды. Пережили. Переживем и теперь. Что делать с руководителями «Немецкой волны» — это ваша забота. А для нас: собаки лают — караван идет... Впрочем, мы умеем отличать политику от пропаганды.

[...] Нам кажется, что правая группировка в руководстве США смогла убедить Рейгана, используя его консервативные взгляды, продолжать гонку вооружений — не только для достижения военного превосходства, а в основном для экономического изматывания СССР. Получается, что нынешняя администрация не может вести дела без

гонки вооружений. Но можем ли мы позволить себе стать заложниками военно-промышленного комплекса, оставить судьбы мира и своих стран на произвол американской администрации, тем более ее правой группировки? Нужны мощные совместные усилия для срыва их расчетов. Думаю, что наше сотрудничество с СДПГ по этим кардинальным вопросам имеет огромное значение для продолжения политического диалога, прекращения гонки вооружений, выравнивания международных отношений.

На переговорах сложилась следующая ситуация. Не желая реального прогресса, американцы, однако, обеспокоены тем, чтобы не облачить себя, не показать, что они против разоружения. А критика, в том числе и в самих США, нарастает. Мы внесли широкие реалистические предложения по стратегическим вооружениям, по космосу, пошли на серьезный компромисс по РСД, выступили с инициативой по обычным вооружениям.

Ответа от американцев мы не получили. В Вашингтоне и Женеве они создают видимость какой-то реакции, задают вопросы, копаются в мелочах. И опять получается: не переговоры, а ширма.

Ситуация серьезная. Я написал письмо Рейгану, которое вместе с комментариями ему вручил при передаче верительных грамот наш новый посол. Поставил перед ним все эти кардинальные вопросы, сказал, что надо брать в руки их решение, что мы надеемся на конструктивный ответ. В последнее время американцы несколько снизили риторику и критику в наш адрес, создают видимость, что опять завязываются контакты, диалог, вырисовывается новая встреча в верхах. В общем ведется какая-то игра, и пока трудно рассчитывать на что-то серьезное.

У руководства США — прожженные политиканы, но мы не дадим им спокойного житья. Или мы совместными усилиями (в том числе со стороны реалистически мыслящих сил Запада) добьемся серьезного подхода к переговорам, или выведем эту администрацию «на чистую воду».

Вы должны быть уверены в том, что в отношении разоружения мы настроены серьезно. Именно поэтому мы настаиваем на том, чтобы для начала были сделаны хотя бы один—два конкретных шага, которые могут дать импульс дальнейшему движению на переговорах. Если новая встреча в верхах состоится, то на ней должны быть сделаны эти один—два шага в сторону разрядки, разоружения, оздоровления международных отношений. Без этого новая встреча — пустое дело, она отвечала бы только интересам тех, кто хочет сорвать диалог между Востоком и Западом, продолжать раскручивание гонки вооружений.

Мы видим: Рейгана устроила бы просто встреча, и больше ничего — для внутреннего потребления. Да и союзникам он мог бы тогда сказать: что бы он, Рейган, ни делал, чего бы себе ни позволял, Горбачев, мол, все равно вот приехал в США. Так дело не пойдет. На пустую встречу мы не пойдем. Встреча для рукопожатия стала бы большим разочарованием для мировой общественности. Если же наметятся реальные шаги по оздоровлению обстановки, мы примем участие во встрече и внесем со своей стороны позитивный вклад в ее подготовку и проведение. Думаю, вы с пониманием отнесетесь к такой позиции. В конфиденциальном письме Рейгану мы изложили наш подход и внесли предложения в расчете на результативность. Внесли также предложения и по механизму подготовки встречи.

Й. РАУ. Предусматривает ли этот механизм встречу министров иностранных дел?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, предусматривает, и не только ее. Сейчас у нас уже есть некоторый опыт ведения дел с Рейганом. Занятие это, прямо скажу, «интересное». В память Рейгана как бы заложено несколько блоков: набор тем, которыми он от случая к случаю пользуется. Знакомясь с содержанием его беседы с нашим новым послом, я обнаружил излюбленные повторы того, что он говорил мне в Женеве: рассуждения о ядерной монополии Соединенных Штатов после Второй мировой войны, которой они «благородно» не воспользовались, о том, что Советский Союз, по марксистской теории, стремится распространить свое господство на весь мир. Правда, на этот раз Рейган добавил, что Горбачев не использует в последнее время тезис о мировой революции.

Добиться прогресса с этой администрацией трудно. Она очень закомплексована, и неизвестно, удастся ли сдвинуть ее с нынешней позиции. Если нет — подождем. *(И далее как бы в шутку.)* А может быть, подумать о том, что[бы], когда вы придете к власти, начать непосредственно с ФРГ прямые переговоры о выводе с территории вашей страны американских ракет и соответственном сокращении нашего потенциала? [...] Подобно тому, как мы уже предложили Франции и Англии.

Й. РАУ. Но имейте в виду, что, прежде чем заключать с вами такое соглашение, мне придется позвонить в США — нашему партнеру по НАТО.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорю это весьма условно. Что же касается выборов в ФРГ, то желаем вам успеха. Было бы хорошо, если бы на Западе сошла на нет консервативная волна, а «Немецкая волна» пусть остается *(вызвавший смех намек на разговор о радиостанции и на необходимость самостоятельности в политике)*.

Й. РАУ. В проекте резолюции по политике безопасности к съезду СДПГ мы повторяем известные положения о приверженности Атлантическому союзу, а также — что очень важно — одновременно подчеркиваем, что не смирился с безрезультативностью ведущихся переговоров. В случае их неуспеха мы займемся собственными поисками в направлении разоружения. Как они будут конкретно выглядеть, зависит от развития внутривосточной и международной обстановки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надеюсь, мы будем поддерживать контакт с вами и на этой фазе.

Й. РАУ. Конечно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Длительные контакты между КПСС и СДПГ приносят, с нашей точки зрения, большую пользу как для двусторонних отношений, так и для европейских и в целом международных дел. За нашими партиями идут массы трудящихся. В этом — реальная основа нашего сотрудничества, взаимодействия, залог того, что эти контакты имеют перспективу и будут расширяться. Наши партии представляют две ветви рабочего движения. Но идеологические и политические различия между ними не исключают и не должны мешать совместным усилиям по сохранению мира, обузданию гонки вооружений, оздоровлению отношений между Востоком и Западом, а также сотрудничеству в экономической, культурной и других областях.

(Й. РАУ предлагает перейти к третьему кругу вопросов — о мирном использовании ядерной энергии.)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, Чернобыль поставил проблемы по-новому⁴. Мы впервые столкнулись с такой серьезной ситуацией. Даже для столь огромной страны, как наша, она создала большие трудности. Представляете, что произойдет, если несколько подобных очагов образуется в стране с меньшей территорией?

Й. РАУ. Когда вы получили информацию о происшедшем на АЭС? У нас пишут, что на месте аварии не сразу оценили ее масштабы и не смогли своевременно проинформировать Центр.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это не совсем так. Первая информация о разрушении реактора пришла своевременно. До того как сообщать об этом (вопрос ведь острейший), нужно было провести замеры, регистрацию фактического положения. Мы должны были исключить панику и именно поэтому не пошли по «западному пути». После информации о факте разрушения блока была тут же образована правительственная комиссия, определены необходимые средства, направлены специалисты для выяснения полной и объективной

картины происшедшего. Вечером было передано сообщение по радио и телевидению, проинформированы другие страны. Сознательного намерения скрывать, что произошло, не было. Поэтому позиция правительств ряда стран вызывала у нас удивление и возмущение.

Нам надо было в первую очередь ограничить рамки, последствия этого тяжелого события. Работали день и ночь, сознавая ответственность и перед собственным народом, и перед народами других стран. Правительственная комиссия завершает свою работу, и предстоит сделать все необходимые выводы.

В Чернобыле мы прошли грозную, трудную, серьезную науку. Основной урок ясен уже сейчас: и к мирному атому надо относиться с величайшей осторожностью и высокой ответственностью. В рамках каждой страны и в международном масштабе ядерная энергетика требует пристального внимания, учитывая, что она уже достигла в некоторых странах огромных масштабов.

Мы считаем важным факт сближения позиций многих государств в том, что касается необходимости более действенного международного сотрудничества в этой области. Под эгидой МАГАТЭ предпринимаются первые координационные шаги, намечается перспектива международной встречи, на которой можно было бы обсудить совместные меры по повышению безопасности атомной энергетике, определить характер будущего сотрудничества. Мы дали поручение нашим специалистам проработать конкретные вопросы, которые могли бы представить интерес для всех стран, занимающихся атомной энергетикой: по режиму работы АЭС, механизмам поддержания на должном уровне систем безопасности и порядка, учесть эффект привыкания к АЭС как некоему «вечному двигателю», потерю бдительности. Как известно, имеются и предложения ФРГ⁵.

Возникает и проблема международного ядерного терроризма. Действия безответственных групп в состоянии создать весьма серьезную опасность.

Й. РАУ. Согласен с высказанными вами предложениями по этой теме. В ФРГ ведутся усиленные исследования в области атомной энергетике, накоплен практический опыт. Наряду с венскими инициативами по линии МАГАТЭ, которые мы, разумеется, всецело поддерживаем, считали бы целесообразным установить и двустороннее сотрудничество с советской стороны. Мы готовы передать свои предложения послу Квицинскому.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, не следует исключать возможности и таких контактов. Наше общество остро прореагировало на аварию

в Чернобыле. Мы должны дать ответ народу, объяснить, как это могло произойти. И мы это сделаем. Уже сейчас, не дожидаясь результатов работы комиссии, мы начали ревизию всех действующих АЭС на предмет безопасности их работы. Пользуясь случаем, хотел бы выразить благодарность населению ФРГ за выраженное сочувствие в связи со случившимся, за идущие из вашей страны предложения оказать помощь.

Й. РАУ. Чернобыль показал, что радиация не знает границ. В этой обстановке мы еще раз однозначно заявили о необходимости прекратить ядерные испытания и благодарны Советскому Союзу за неоднократное продление советского моратория. Будем продолжать оказывать давление на США с тем, чтобы они заняли такую же позицию. На недавнем кёльнском конгрессе «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», подготовленном совместными усилиями, Вилли Брандт и я еще раз выступили за прекращение по примеру СССР ядерных испытаний...

Можете ли сказать, когда вы приедете в ФРГ?

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом году не приеду. Это могу сказать.

Й. РАУ *(в шутку)*. Если приедете в следующем году, у меня может измениться адрес. Своевременно сообщу вам его, чтобы не разминуться⁶.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы бы такое развитие приветствовали. А об изменении адреса договоримся в такой форме, чтобы не вызывать ненужных подозрений. Кстати, Бар советовал как-то покритиковать СДПГ.

Й. РАУ. По-моему, неплохой совет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я ему ответил, что мы стесняться не будем. Думаю, однако, что в результате длительных контактов между нашими партиями никто не может упрекнуть кого-либо в том, что кто-то из участников этого диалога потерял свое лицо или оказался под пятой партнера. Скорее наоборот. Отрадно отметить и налаживание хорошего сотрудничества с Социнтерном, особенно учитывая, в каком напряженном мире мы живем и как важно объединить все разумные силы для выправления международных отношений.

Й. РАУ. В июле в Москву приедет Геншер. Он является моим политическим противником, однако следует отметить, что в меру своих возможностей он пытается сохранить в нынешнем курсе Бонна элементы преемственности со времен социально-либеральной коалиции. В частности, он однозначно высказался по поводу отказа США от соблюдения обязанностей по ОСВ-27.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы видим это различие. Приезд Геншера к нам продемонстрирует, что у нас нормальное общение и контакты с ФРГ

как государством покажет, что у нас нет здесь перекоса, «флюса». Думаю, это соответствует вашим интересам.

Й. РАУ. Таково и наше мнение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Желаю успеха вашей выставке⁸, еще раз заверяю, что в намерения советского руководства входит развитие экономических отношений с ФРГ. Нам здесь надо идти дальше, за рамки простого товарообмена, искать новые формы. Возникающие колебания экономической ситуации, некоторые отрицательные явления не меняют нашего взгляда на эти отношения. И мы будем уделять вашей стране должное внимание.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

О беседе М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером 21 июля 1986 года

21 июля М.С. Горбачев принял в Кремле заместителя Федерального канцлера, федерального министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, который передал послание Генеральному секретарю ЦК КПСС от Федерального канцлера Г. Коля. Обсуждался широкий круг вопросов международной, прежде всего европейской, ситуации и двусторонние отношения. Собеседники подтвердили верность своих государств Московскому договору 1970 года и хельсинкскому Заключительному акту, которые лежат в основе советско-западногерманских отношений и их участия в общеевропейском процессе.

М.С. Горбачев отметил, что в той ситуации, которая сложилась в мире, в Европе, в двусторонних отношениях ФРГ—СССР, данная встреча, визит Г.-Д. Геншера выходят за обычные рамки. Мир стоит сейчас на перепутье, и то, куда он пойдет, во многом зависит от политической позиции Европы.

М.С. Горбачев подчеркнул обоюдную ответственность таких государств, как СССР и ФРГ, в строительстве «европейского дома» — с учетом уроков истории, положения и реального веса их в Европе и в мире, при сохранении, разумеется, верности своим военно-политическим союзам. Выдвигая на первый план вопрос о сотрудничестве европейцев, мы исходим из того, что нарушение сложившейся политической и территориальной структуры в Европе привело бы только к хаосу и ухудшению обстановки.

М.С. Горбачев отметил проявление непоследовательности в политике ФРГ.

«Правда». 22.07.1986

На заседании Политбюро ЦК КПСС

24 июля 1986 года

Об итогах приезда Геншера

[...] **Горбачев.** Хорошо обдумали визит. Урок мы немцам дали. Дальше — не пережимать, не сбрасывать со счетов значение ФРГ. Получилось как надо. Кое-что мы до их понимания донесли... [...] В выражениях не стеснялись.

Квицинский. Хорошо, что поддержали левое крыло в коалиции ХДС — Геншер. Дали сигнал социал-демократам и зеленым, чтобы активнее работали, помнили, что они не монополисты в отношениях с СССР. Атмосфера в ФРГ меняется: там хотят улучшения отношений с нами.

Горбачев. Пусть поработает «утечка» о нашей готовности идти на военные контакты. Самое главное — поработать в экономическом плане. Немцы готовы перешагивать через КОКОМ⁹. Геншер за это ухватился. Конкретику проработать. Пойдем ли на совместные предприятия — тут еще надо подумать. Но кооперация, кредиты, компенсационные сделки — это не откладывать, работать. Они на это могут пойти. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

На заседании Политбюро ЦК КПСС

25 сентября 1986 года

Международные вопросы

[...] **Горбачев** (*в связи с письмом Хонеккера от 28 августа*). Поскольку для нас немецкий вопрос и в Европе, и в социалистическом содружестве главный, надо очень серьезно относиться к идее, чтобы социалистическую интеграцию мы сначала проработали с Хонеккером, а потом уже со всеми остальными. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Из разговора М.С. Горбачева с помощниками перед заседанием СЭВ¹⁰ 29 сентября 1986 года

[...] Получается так, что все поворачиваются к нам — и в ООН, и в Стокгольме¹¹. В самом деле, некуда им от наших инициатив деваться, не отболтаются. Нужна конкретика инициатив. Она неотразима в нашем наступлении.

Есть вопросы, по которым нам навстречу не пойдут, наплевав на все и вся. Но мы должны понимать: выдвигая предложения, должны рассчитывать и на их интерес, на то, что на все 100% нигде ничего не получим.

Хонеккер прислал свои предложения по экономическому сотрудничеству. Тут не надо пренебрегать интересами друг друга. Не хотят широко идти на совместные предприятия — ладно, давайте проявим осторожность. Попробуем то, с чем они согласны. Хотя соотношение научного развития и внедрения у нас и в ГДР обратно пропорционально. Они действуют по Остапу Бендеру: идеи наши — бензин их. Надо дать понять, что все видим, все знаем. Но не отворачиваться. Ладно, мол, давайте согласовывать...

Хонеккер заигрывает с Китаем. Не даем ли мы ему функции «генсека НАТО–СЭВа» в отношении КНР? Может, не наделять его такими функциями? Ярузельскому ведь ничего такого не поручали с другими членами СЭВ. А Хонеккер сам себя уполномочил...

А чего вы хотите? Ведь чем больше КПСС будет углублять процесс перестройки, тем больше будет проблем. Это нормально.

О ФРГ скажу (*на совещании СЭВа*) друзьям так: на пределе «выдержали» Коля. ФРГ заинтересована в связях с Восточной Европой. Мы — за. Хотя замыслы мы видим.

Хонеккер жметесь, когда мы ему напоминаем о «стене». Надо поэтому тактичнее об этом сказать — о процессах, которые неизбежны.

Мол, «хотел бы высказать...», имея в виду: пусть немецкие друзья сами сначала скажут, раскроют карты. Тогда и не будет «коминтернового начала» в наших отношениях *(в СЭВе)*.

Может быть, сказать: как, мол, вы смотрите на будущее — на «немецкий вопрос»? Пусть выскажутся. Неуютная для них беседа будет. Нам вообще там меньше надо говорить. Пусть они побольше поговорят.

Может, пробросить идею: пусть все «три немца» *(т.е. руководители СЕПГ, компартий ФРГ и Западного Берлина)* соберутся, поговорят «о мировой политике». Доверительно сообщить им о наших планах на Рейкьявик. Таким образом подтянуть к европейской политике ГДР и ФРГ вместе.

О визите Хонеккера в ФРГ самим вопрос не поднимать... Уязвимы все соцстраны — можно потерять их все. ГДР сильнее других, но перед объединением с ФРГ не устоит, т.е. тоже за счет социализма.

По СДПГ. По проблемам мира у нас с ними (с западногерманскими социал-демократами) много общего. Восточная политика и нам выгодна. Но конечная ее цель та же, что у Коля—Геншера, только хитрее: тема реваншизма приглушена. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером, Г. Мисом и Х. Шмиттом

3 октября 1986 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** В последнее время у нас состоялось немало бесед с представителями Западной Германии. И здесь, в Москве, в частности с Геншером, и в самой Федеративной Республике, о чем нам сообщает Квицинский. В них наши собеседники настойчиво проводят мысль о том, что от того, как будут развиваться отношения между немцами и Россией, во многом будет зависеть развитие обстановки в Европе в целом. Конечно, здесь надо разобраться, что они имеют в виду, когда говорят о нас и о немцах, что под этим подразумевают и какие цели преследуют, когда выступают за расширение контактов с нами. Но одно ясно. Сотрудничество СССР и ГДР имеет огромное значение для социалистического содружества, да и для всей Европы. Важность развития наших отношений с ФРГ, как двусторонних, так и в рамках нашей общей скоординированной линии, объясняется, прежде всего, весом треугольника СССР, ГДР и ФРГ. Эти отношения мы развиваем на основе таких ценностей, как сохранение мира, укрепление разрядки, признание существующих реальностей, и в соответствии с принципами, которые заложены в хельсинкском Заключительном акте, в двусторонних договорах.

Из этого проистекают и особый характер сотрудничества между нашими партиями, высокая мера ответственности перед нашими народами и народами Европы и всего мира. Мы слишком много отдали для того, чтобы создать Европу, да и весь мир в целом такими, какими они сегодня предстают перед нами. Я уже не говорю о тех жертвах, которые мы понесли на этом пути.

Я размышляю об уникальном характере этой встречи. Он определяется реальным весом наших стран в европейской политике. В этом

смысле еще раз хотел бы приветствовать всех вас как старых боевых друзей.

Э. ХОНЕККЕР. Хочу поддержать твои слова о ее уникальном характере, о значении развития отношений между нашими государствами и партиями в интересах европейской безопасности, сохранения мира во всем мире. Здесь я хотел бы вернуться к мысли, которую лишь затронул в выступлении на митинге. Речь идет о твоей инициативе встретиться с Рейганом в Рейкьявике. Неслучайно, что известие об этом вызвало большой отклик в мире. Мы знаем о тех усилиях, которые были предприняты, чтобы такая встреча состоялась. Политбюро нашей партии с удовлетворением восприняло письмо, которое мы от тебя получили. И даже если встреча в Рейкьявике является только подготовкой к встрече на высшем уровне, то это ничего не меняет в том факте, что мир в этот момент меньше всего думает о встрече в США.

Герберт и Хорст согласятся со мной, что это известие повсюду встречено с удовлетворением и радостью. Во всяком случае в ГДР, среди наших трудящихся, оно было воспринято с всеобщим одобрением — как успех миролюбивой политики СССР, нашей совместной линии, определенной в Будапеште.

Согласен с твоей оценкой нашей сегодняшней четырехсторонней встречи, значения углубления контактов между нашими государствами и партиями. Западногерманская буржуазия всячески подчеркивает: если отношения между ФРГ и СССР развиваются хорошо, то и в Европе все будет идти хорошо. После поездки в Москву Геншер попросил организовать для него доверительную встречу с одним из членов нашего ЦК. Мы поручили это товарищу О. Рейнгольду, ректору Академии общественных наук при ЦК СЕПГ. В беседе с ним Геншер неоднократно подчеркивал, что визит в Москву открыл новую главу в отношениях между ФРГ и СССР; при этом он проводил мысль, что, и его — Геншера — заслуги в этом деле чрезвычайно велики. Но мы понимаем, что многие перемены к лучшему в ФРГ стали возможны не в последнюю очередь благодаря нашим согласованным действиям, весу нашей дружбы с СССР, с которой приходится считаться руководству Западной Германии. Примечательно, что Геншер с большим уважением вспоминал о беседах в Москве.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Шеварднадзе встречался с Геншером в Нью-Йорке. Вспоминая о нашей с ним беседе, Геншер сказал: передайте Горбачеву, что я выполнил свое обязательство, которое брал по Стокгольму. Тогда в Москве мы откровенно сказали Геншеру: мы реалисты и знаем, что представляет собой ФРГ экономически,

политически, технологически, а значит, и в военном плане. Знаем немецкий народ. Но мы не хотим получать в наших контактах с представителями нынешнего руководства страны плохой немецкий перевод того, что говорят в Вашингтоне. Мы за то, чтобы сократить дистанцию, чтобы переводить прямо с немецкого на русский. И если ФРГ будет в международных делах иметь свое собственное лицо, то это только пойдет на пользу самой Федеративной Республике.

Э. ХОНЕККЕР. Геншер не умолчал об этих «наскоках». Он сказал Рейнгольду: я пообещал Горбачеву оказать влияние на американскую администрацию, и я это сделаю. Интересно, что он по своей инициативе захотел проинформировать нас и предложил на будущее продолжить практику доверительных встреч.

Конечно, мы видим мотивы, которые лежат в основе таких действий. Это прежде всего предстоящие 25 января будущего года выборы в бундестаг, к которым сегодняшнее руководство ФРГ хотело бы подойти, имея авторитет ангелов-миротворцев. Тем не менее мы приветствуем такое развитие, в том числе и в связи со встречей в Рейкьявике¹². Это соответствует нашей согласованной политической линии, способствует продвижению вперед на решающих направлениях обеспечения международной безопасности,

М.С. ГОРБАЧЕВ. А как смотрится из Бонна то, что мы вместе делаем?

Г. МИС. Я придаю большое значение этой работе, имея в виду интересы как нашей партии, так и всего международного коммунистического движения... Я не буду излагать прописные истины о том, какое огромное значение имеет для внутривнутриполитического развития ФРГ политика СССР и ГДР по отношению к Федеративной Республике. Благодарю вас за очень активные, всесторонние усилия в этом направлении. Во многом благодаря им у нас есть сегодня исторический шанс свернуть часть западногерманской буржуазии с курса на конфронтацию с социалистическими странами, завоевать ее на сторону мирного сосуществования.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ты поднял интересный вопрос. Действительно, по той большой информации, которую мы получаем от Квицинского, создается впечатление, что западные немцы просто стучатся во все двери. Что-то там происходит, «бродит». Я еще скажу, что мы по этому поводу думаем. Сейчас же в присутствии Герберта и Хорста хотел бы отметить следующее: после XXVII съезда КПСС и XI съезда СЕПГ наше сотрудничество стало более динамичным, усилилось движение навстречу друг другу — в экономической,

политической, культурной сферах, в отношениях между партиями. В этом есть и наша с Эрихом заслуга. Если мы выдержим этот курс, то впереди нас ждут еще большие достижения. Но добиться их будет нелегко. Нам многое приходится находить заново, на этом пути не исключены и ошибки. Но если мы осилим этот новый этап — а мы справлялись и не с такими задачами, — то это позволит нам сделать большой рывок вперед в интересах и СССР, и ГДР, и всего соцсодружества.

Э. ХОНЕККЕР. Полностью согласен с тем, что Михаил Сергеевич сказал о новом этапе нашего сотрудничества. Таково же мнение и всего нашего Политбюро. И мы уверены, что решим все стоящие перед нами задачи. СЕПГ и КПСС понимают свою ответственность за развитие обстановки в ФРГ и Западном Берлине.

[...] Последнее время мы ведем активный диалог с социал-демократами. Так, по просьбе Брандта мы приняли у нас всех кандидатов СДПГ на выборах в земельные парламенты. Так что наши партии играют авангардную роль в сплочении всех прогрессивных сил в Германии. В программной комиссии СДПГ активно сотрудничают наши товарищи. В истории комдвижения такого еще не было. За это боролся еще Эрнст Тельман в свое время. Ты говорил сегодня на митинге о тех условиях, при которых можно было бы предотвратить войну. Тогда СДПГ боялась коммунистов как черт ладана. Пока еще Хорсту Шмитту не удалось наладить таких же деловых отношений с западно-берлинской социал-демократией, но к нам ее представители приезжают довольно часто — несмотря на все наши идеологические разногласия. Социал-демократы вынуждены признать нас, потому что к этому их вынуждают внутривнутриполитические причины. ГДР сегодня — это часть социалистического содружества, сила, с которой они не могут не считаться.

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Взаимная информация значительно расширилась.

[...] **Э. ХОНЕККЕР.** Причины сегодняшних изменений в позиции правительства ФРГ не только предстоящие выборы, но и перемены в настроениях тех кругов, которые определяют западногерманскую политику, — промышленников. Сегодня они все активнее выступают за развитие диалога между Западом и Востоком, не хотят следовать приказам из США. Недавно у меня были беседы с Байцем и Амеронгеном. Они прямо-таки враждебно настроены по отношению к США и высказываются за расширение экономических отношений с СССР. Говорили, что такова точка зрения большинства промышленников ФРГ.

Огромную роль для изменения умонастроений сыграл мораторий¹³. Под его воздействием усилились дискуссии даже в лагере ХДС/ХСС.

Предложение о моратории получило большую поддержку среди большинства населения.

Таким образом, можно сказать, что перед Рейкьявиком администрация США и ее близкие союзники находятся в положении обороняющихся. Сейчас уже и Рейган подвергается в США нападкам справа из-за своего согласия ехать в Исландию...

Недавно в ФРГ возник скандал вокруг высказываний Вернера и Дреггера — наиболее правых в ХДС/ХСС — против встречи. То есть крайне правые силы в США и НАТО хотели бы помешать любому шагу в деле разоружения, опасаясь далеко идущих последствий ослабления международной напряженности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ты прав, они действительно боятся последствий.

[...] **Э. ХОНЕККЕР.** Не случайно, 70–80% населения в Западной Европе и США высказываются в пользу моратория, и правительства этих стран не могут не считаться с этими настроениями. Так что мы можем с оптимизмом смотреть вперед. Недавно мы стали свидетелями такого уникального события, как поддержка Социнтерном мирных инициатив Советского Союза. Если исходить из того, что большинство партий, входящих в Социнтерн, — рабочие партии, то здесь мы имеем пример единства действий рабочего класса в борьбе за мир. В беседе со мной Папандреу сказал: без кристально ясной политики стран Варшавского Договора, без конструктивной политики Михаила Горбачева «шестерка» не смогла бы занять столь ясной позиции, как это было сделано в Мексике¹⁴.

Со своей стороны, мы стараемся выдвигать инициативы, которые также содействовали бы укреплению международной безопасности на европейском континенте. 1 октября Президиум СДПГ одобрил проект документа о создании в Центральной Европе зоны, свободной от ядерного оружия поля боя, разработанный представителями нашей партии и социал-демократии.

11–12 октября состоятся заключительные переговоры в Бонне. Брандт сообщил, что 17 октября на международной пресс-конференции в Бонне согласованный проект будет представлен общественности. Наша согласованная политика дает свои результаты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы вышли в нашей беседе на мировую политику. Это естественно. Ведь сохранение мира — это сверхзадача для всех нас. Для ее решения необходимы совместные усилия всех социалистических стран, международного комдвижения, освободительных движений. Классовые интересы империалистических кругов

подталкивают их к тому, чтобы сохранить атмосферу конфронтации, противодействовать силам прогресса. Поэтому инициатива должна исходить от нас. Сегодня мы переживаем исторический, переломный момент.

Э. ХОНЕККЕР. Да, это исторический перелом, относящийся к наиболее значительным событиям за весь послевоенный период. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

1987 год

На заседании Политбюро ЦК КПСС

29 января 1987 года

Об итогах Варшавского совещания секретарей ЦК стран СЭВ

Яковлев. От XXVII съезда и теперь от нашего Пленума у друзей политические неудобства: что делать у себя и как себя вести с нами.

Добрынин. Не стоит драматизировать нюансы в поведении Хонеккера, СЕПГ. По международным вопросам у нас позиция одинаковая, за исключением немецко-немецких отношений. В противовес им надо расширять наши отношения с ГДР. Друзья плохо знают наши позиции по развитию перестройки.

Горбачев. У нас разногласия с ними в сфере надстройки. Наше самоуправление Хонеккер отождествляет с югославским: насколько же плохо мы знаем друг друга! Пьесу Шатрова о Ленине¹⁵ оценивает как отход от традиций Октября. Недоволен, как мы поступили с Сахаровым¹⁶.

Медведев. В СЕПГ отказались от лозунга: «Учиться у Советского Союза побеждать». Делийская декларация в ГДР не опубликована. Смягчена критика в адрес США. Нельзя говорить об особой линии СЕПГ. Ведь нет решений ЦК СЕПГ об этом. Речь идет об отклонениях и отступлениях.

Горбачев. Ничего неожиданного пока не происходит. Этого можно было ожидать. Корни там — еще до нашего Апрельского пленума¹⁷.

Отход от нас есть и у Хонеккера, и у Кадара, и у Живкова. Экономические связи с Западом зашли далеко. Это результат того, что у нас в экономике не получалось. Технику и технологию на современном уровне мы им не могли давать, и они залезли в долги к Западу.

Политическая сторона: ослабли связи между нами на высшем уровне. А между ними самими связи расширились. Каким должен быть подход?

а) Использовать интерес к процессам в Советском Союзе, показать динамизм нашего развития, динамизм во внешней политике. Мы не можем в ответ на их поведение встать на путь закрытия краников (*газ, нефть*).

Расчеты в валюте, если бы они этого потребовали, для них были бы катастрофой. Глупо кричать: зря мы им даем (*топливо по дешевке*). Надо переходить на взаимовыгодные обмены. И тверже держаться принципа: каждая компартия отвечает за то, что происходит в ее стране. Это надо и нам. Мы заинтересованы в том, чтобы на нас не валили то, что у них происходит и может произойти.

б) Нельзя игнорировать и другую сторону дела. Там тоже назрели изменения. Там подошли к моменту смены руководства. Лидеры сидят по 35–25–17 лет. Проблем накопилось уйма. А таким людям, в таком возрасте просто физически трудно справиться. В высших эшелонах у них, по сути, развернулась борьба. Идет процесс обновления: у одних так, у других эдак. Мы не можем встать на такую позицию, чтобы давать политическую оценку или третировать кого-то. Наше воздействие может быть только одним: через то, что мы сами у себя делаем. И, как видим, общество в этих странах реагирует на нас правильно. Нюансы в оценках есть. Они заметны. Кадар и Хонеккер не верят, что у нас процесс необратим. Гусак выдает много комплиментов, но против всего нового у себя. В Праге карикатура появилась на улицах: на плакате написано: «Мишу бы на них на всех!». Имеется в виду Гусак, Штроугал, Биляк. Живков говорит о кампанейщине: ваш Хрущев, мол, своими реформами вызвал 1956 год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество. В Болгарии обстановка напряженная.

Но не надо драматизировать. Не надо считать, что это уже не друзья.

Надо оставаться друзьями. И реагировать спокойно, что бы о нас Хонеккер ни говорил. И все надо видеть. Не надо упрощать. Работать в дружеском ключе и не обострять. Больше контактов, больше информации.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Распоряжения М.С. Горбачева по германскому вопросу

2 февраля 1987 года

(Присутствовали Лигачев, Яковлев, Добрынин, Болдин, Черняев)

Указания Квицинскому, Добрынину, Шеварднадзе, МИДу по ФРГ и европейской политике

[...] 1. Квицинскому — обеспечить визит Вайцзеккера в Москву. Развертывать экономические связи. Не спешить выходить с немцами на правительственный уровень.

2. МИДу и Добрынину — подготовить аналитическую записку и предложения по ФРГ. «Не отдавать ФРГ Хонеккеру!». Шеварднадзе — съездить в ФРГ. Обновить материал для моего интервью «Шпигелю»... Пора выходить на ФРГ активнее, чтобы Марго (*М. Тэтчер*) не лопнула от удовольствия.

3. МИД — ускорять и ускорять европейское направление, раз с Америкой бардак. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

На заседании Политбюро ЦК КПСС

12 февраля 1987 года

Об итогах поездки Шеварднадзе в ГДР и в Чехословакию

[...] **Шеварднадзе.** Спекулянты продают на черном рынке выступление Горбачева на январском Пленуме ЦК [...] по хорошей цене *(в ГДРовской печати оно не опубликовано)*¹⁸. [...]

В ГДР мы столкнулись с элементом настороженности в отношении нас. В высшем руководстве без энтузиазма говорят о нашем Пленуме и даже о XXVII съезде.

Горбачев. Теперь становится яснее, какой мы Пленум провели...

Шеварднадзе. Идея единой германской нации жива в психологии и мышлении даже коммунистов. Заигрывают с западными немцами. Не критикуют ФРГ. И дело тут не только в экономической заинтересованности.

Идея единой Германии требует серьезного изучения, научного. Кстати, на этот счет и поляки беспокоятся.

...Коллеги Хонеккера боятся его. Все, что он говорит, — истина в последней инстанции. Насаждает авторитарные формы руководства. Это не всем по душе. Хонеккер сознает, что ему предстоит борьба на предстоящей партийной конференции. Понимает, что, если он возьмет на вооружение принципы, которыми сейчас руководствуется КПСС, появится угроза для него лично.

Запись А.С. Черняева

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из записки В.М. Фалина о беседах с Э. Баром 13–16 февраля 1987 года

[...] Вывод, к которому подводил Э. Бар, — СССР для успеха его внешнеполитических начинаний нужны союзники и надежные партнеры. Второй вывод — это было повторено неоднократно — сотрудничество должно быть долговременным и честным; плохо, когда действия одного заставляют другого теряться в догадках; общая высшая цель (мир) не предполагает стирания различий или отказа от собственных инициатив в различных областях. Третий вывод — ФРГ была центральной осью процесса европейской разрядки, и по сию пору именно она больше остальных пользуется плодами «новой восточной политики», начатой в свое время В. Брандтом. Соответственно сохраняется правовая и морально-психологическая база для возрождения сначала климата доброжелательности в советско-западногерманских двусторонних отношениях, а затем для параллельных и совместных действий, нацеленных на достижение «военной разрядки» в Европе.

Если советское руководство полагает, что задачу стабилизации и оздоровления обстановки оно лучше решит без ФРГ или в сотрудничестве с правительством Г. Коля, социал-демократы примут это к сведению как факт. Зная, однако, в деталях ситуацию, В. Брандт и его коллеги не склонны высоко оценивать ни потенциал доброй воли ХДС/ХСС, ни возможности Г.-Д. Геншера.

В ближайшие два года Бонн будет послушно следовать за Вашингтоном, хотя на словах, прежде всего употребляемых в закрытых беседах и доверительных посланиях, может не скупиться на обещания. Неконструктивное поведение Г. Коля изменится в означенный период только при двух условиях: «образумится» Р. Рейган и на ХДС/ХСС сможет быть организован достаточно сильный нажим внутри ФРГ.

Иначе говоря, если сосредоточиться на западногерманском аспекте проблемы, Советскому Союзу предстоит определить для себя:

- а) Какой из возможных контрагентов для него на длительную перспективу предпочтителен — ХДС/ХСС или СДПГ?
- б) Если выбор падет на нынешнюю коалицию, то каким мог бы стать на будущее характер контактов с социал-демократами?
- в) Если больше доверяют СДПГ, то как могли бы выглядеть стратегия и тактика сторон, рассчитанные на возвращение социал-демократов к власти к началу 90-х годов или хотя бы не противодействующая этому?

Изложенное не означает, что СДПГ, даже в случае охлаждения отношений с КПСС, станет мешать расчистке завалов между ФРГ и СССР. Напротив, долг перед своим народом побуждал, и впредь будет побуждать, социал-демократов проводить взвешенную, конструктивную линию. Но СДПГ не хочет быть картой и не может не реагировать, подчас болезненно, на явления, которые она рассматривает как задевающие ее интересы.

На просьбу уточнить свою мысль Э. Бар сослался на выраженную А.К. Антоновым в беседе с Вольфом фон Америкенгомом за 8 дней до январских 1987 года выборов в бундестаг готовность вскорости посетить ФРГ. Из этой мелочи противники СДПГ раздули слона, который доставил партии немало огорчений. Необъяснимой до сих пор является смена Советским Союзом не просто акцентов, но позиций по ряду важнейших вопросов разоружения, по сути, сразу после смены в Бонне коалиции. Получи Г. Шмидт своевременно те же уступки, события вполне могли принять совсем другой оборот.

Как Р. Рейган есть порождение динамики, создавшейся в какой-то степени не без «вклада» СССР, так и правительство Г. Коля—Г.-Д. Геншера обязано появлением на свет, отчасти конечно, европейской политике Москвы. Хорошо или плохо, Советский Союз — непрменный участник всех происходящих в ФРГ дискуссий по вопросам безопасности, отношений с ГДР и другими социалистическими странами. С известными ограничениями и оговорками, может быть, не менее влиятельный, чем США. СДПГ волнует, как намерен СССР распорядиться своим влиянием сегодня — в момент огромных и притягательных перемен, происходящих в советском обществе и советской внешней политике.

Характеризуя развитие в СДПГ, Э. Бар сообщил, что принято решение выдвинуть О. Лафонтена в лидеры социал-демократического движения ФРГ. Это произойдет в два этапа. В ближайшее время Лафонтен будет провозглашен кандидатом в канцлеры, а где-то

во второй половине 1988 года сменит В. Брандта на посту председателя партии. Принципиальный обговор об этом уже имел место в самом узком кругу.

Э. Бар показал неплохую осведомленность о содержании контактов Ю. А. Квицинского с Г.-Д. Геншером. По его словам, В. Брандт, Х.-Й. Фогель и другие социал-демократические лидеры симпатизируют идее визита президента Вайцзеккера в СССР. Лично для Вайцзеккера такой визит — знак уважения к Советскому Союзу и вместе с тем выражение стремления играть более активную роль в ХДС, в стране, в борьбе за общественное мнение против крайне правых. Успешный визит станет залогом его переизбрания на президентский пост на следующие пять лет.

Но все-таки, заметил Э. Бар, визиту должно было бы предшествовать или сопутствовать официальное письмо Г. Коля с извинениями по известному инциденту¹⁹. Неправильно, на взгляд Бара, проявлять великодушие к человеку, который неспособен его должным образом оценить, и из советской покладистости может даже сделать неверные заключения.

Э. Бар предполагает возглавить западногерманскую группу, которая прибудет в Москву 27–28 марта по линии «Бергедорфского дискусионного клуба»²⁰. В состав группы собирается войти бывший канцлер Г. Шмидт. Э. Бар дал понять, что было бы бесполезно воспользоваться поездкой Г. Шмидта для проведения с ним бесед на соответствующем уровне, имея в виду авторитет бывшего канцлера, который он сохраняет в ФРГ и в определенных кругах за пределами Федеративной Республики.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером²¹

Берлин, 28 мая 1987 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел обсудить с вами два принципиальных вопроса.

Прежде всего речь идет о наших с вами отношениях с ФРГ. Известно, что и для вас, и для нас они имеют немаловажное значение при проведении и европейской, и мировой политики.

Надо сказать, что ситуация в Европе пришла в движение. Возникает много новых проблем, выявляется новая расстановка политических сил.

Мы в Политбюро не раз обсуждали этот вопрос и считаем, что было бы полезно нам с вами совместно подумать об отношениях с ФРГ, совместно оценить взаимосвязь различных интересов в этой области. Кстати, сегодня на Совещании ПКК также выявилось наличие таких различных интересов. Словом, есть необходимость совместно подумать над этим вопросом. Можно было бы поручить международным отделам Центральным комитетов наших партий, министерствам иностранных дел проанализировать ситуацию, внести свои соображения на этот счет, а затем мы с вами, товарищ Хонеккер, могли бы встретиться и все подробно обсудить.

У нас есть свои соображения насчет развития взаимоотношений с ФРГ. Но мы не хотим двигаться в эти области без вас. Думаю, что и у вас существует такая потребность.

Э. ХОНЕККЕР. Согласен с вашими соображениями. Отношения с ФРГ действительно являются одним из главных вопросов нашей европейской политики.

Вы совершенно верно заметили, что здесь имеются определенные различия, которые выявились в ходе сегодняшнего Совещания ПКК.

В ФРГ происходит перегруппировка политических сил. Новое руководство Социал-демократической партии пытается активизировать

свою деятельность и укрепить позицию партии. Важно, что сейчас она получает поддержку со стороны профсоюзов, которые активно выступают по вопросам войны и мира, по ядерным ракетам в Европе. В настоящее время внутри ХДС выявляются определенные противоречия. Г. Коль был недавно в Западном Берлине и просил передать мне, что он выступает за «двойное нулевое» решение²². При этом он предлагает иметь дело непосредственно с ним, а не с руководителями земель, которые-де ничего не решают.

Надо сказать, что ХДС немало потерял голосов во время последних земельных выборов. В то же время свободные демократы укрепили свои позиции. Геншер через доверенных лиц предлагает обсудить актуальные вопросы. Он подчеркивает, что борется и будет продолжать бороться за соглашение по РСМД²³.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По-моему, мы пришли к общему мнению — надо дать поручение товарищам, пусть они поработают и представят свои соображения нам.

Э. ХОНЕККЕР. Кому лучше поручить это — аппарату ЦК или МИДам?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, что лучше международным отделам Центральных комитетов, а они могут привлечь товарищей из других ведомств.

Теперь второй вопрос. Это о том, о чем мы начали с вами говорить по дороге с аэродрома, — о наших экономических отношениях. С точки зрения вчерашнего и сегодняшнего дня все здесь идет хорошо. Но для того чтобы двигаться дальше, этого мало. А нам топтаться на месте нельзя. Думаю, нужен серьезный разговор о том, как лучше соединить экономические потенциалы наших стран.

Э. ХОНЕККЕР. Я специально передал вам список тем нашего сотрудничества, чтобы показать, как оно развивается. Мы придаем этому сотрудничеству большое значение, подключаем лучшие наши силы.

Если говорить о прямых связях между предприятиями, объединениями, то вначале, как мне доложили, нередко возникали различные трудности. Уже сейчас к этим связям подключается около одного миллиона рабочих и служащих, одна треть наших научных кадров. Я вам и направил свой материал для того, чтобы вы видели, какое значение мы придаем этому вопросу.

Поскольку мы говорим по-товарищески, откровенно, хочу сказать, что при внедрении новых форм экономических связей случается еще немало срывов. Тем не менее мы считаем, что установление прямых связей является наиболее эффективным путем в нынешних условиях. Дело в том, что при создании совместных предприятий проявляется

много трудных вопросов, таких, как валюта, цены, кадры и др. Может быть, нам стоит пока ограничиться созданием шести совместных предприятий. Пусть они накопят опыт. Имеющийся у нас до сих пор опыт в этой области не очень благоприятен. Есть у нас совместные предприятия с поляками, но они работают неэффективно. О «Висмуте» я не говорю, поскольку это предприятие и не рассчитано на получение прибыли²⁴. Его нам придется дотировать. Да и по форме это акционерное общество.

Мы говорили на Политбюро об экономическом сотрудничестве и стараемся выполнять договоренности о совместной борьбе за научно-технический прогресс. В этой связи хочу высказать три мысли.

Первое. Нашими совместными усилиями достигнут немалый прогресс в разработке лазерной техники.

Второе. Прямые связи мы рассматриваем как главное направление развития нашего экономического сотрудничества.

Третье. Налаживая прямые связи, нам необходимо основываться на долгосрочных соглашениях, включенных в пятилетний план.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В экономическом сотрудничестве мы сейчас выходим на новый этап. Дело это действительно сложное, новое. Неудивительно, что не все получается так, как хотелось бы. Но нас это не обескураживает.

Согласен с вами относительно того, что не надо торопиться с созданием совместных предприятий, следует накопить необходимый опыт.

Если дело пойдет хорошо, то будем развивать эти формы сотрудничества шире.

Где, по нашему мнению, у нас дело не продвигается? Возьмем структуру товарообмена. За СССР закрепляется роль поставщика сырья. Конечно, мы свои обязательства на этот счет выполняли и выполнять будем. Но нельзя не видеть, что возможности наши значительно шире. И вперед нужно смотреть. Мы модернизируем экономику, двигаем науку, и это надо учитывать. А сейчас получается так, что, когда в ГДР создаются новые производственные мощности, вы обращаетесь к Западу. Может быть, сейчас оттуда вы и получаете оборудование лучше, чем от нас. Но тем не менее нам с вами надо смотреть вперед, больше думать друг о друге.

Не очень хорошо продвигается дело с поузловой кооперацией. ГДР выражает готовность поставлять конечный продукт. Но так мы, наверное, не очень далеко продвинемся. Если ситуацию не изменить, то к концу 1990 года Советский Союз будет должен ГДР 4 млрд рублей. И тогда, естественно, возникнет вопрос о том, как балансировать

этот дефицит: за счет сокращения нашего импорта из ГДР или за счет увеличения наших поставок.

Думаю, правильное решение этого вопроса одинаково нужно и вам, и нам. Нам надо совместно искать развязки.

ГДР не очень активно идет на участие в добыче сырья на нашей территории. Другие страны СЭВ уловили это. Может быть, ГДР здесь руководствуется лишь соображениями сиюминутной выгоды? Мы за то, чтобы больше думать о будущем.

Э. ХОНЕККЕР. Знаю, что из-за падения цены на нефть перед СССР стоит вопрос о необходимости увеличения своих поставок в другие социалистические страны. Нам действительно нужно ваше сырье, поскольку у нас его просто нет. Товарооборот между нашими странами достиг огромного объема — 82 млрд рублей, или 380 млрд марок. В нашем внешнеторговом обороте на Советский Союз приходится 38%. У вас на торговлю с нами — примерно 10%.

ГДР поставляет вам много станков. 70–80% из них отвечают требованиям высшего мирового уровня. Мы рассматриваем такие поставки как выполнение нашего долга. Возьмите комбинат «Цейс». Он выпускает продукцию высокого качества, большая часть ее идет в СССР.

Мы вовсе не хотим, чтобы сложилась такая ситуация: мы будем получать от вас сырье, а Советский Союз окажется в долгу перед ГДР. Мы за другое — за то чтобы и вы, и мы устойчиво развивались. Но здесь есть проблема.

Ваши товарищи плохо используют возможности сотрудничества с нами. Например, мы передали вам очень экономичный процесс прядения на новой технологической основе. А настоящего производства у вас не развернули. Мы оказали вам содействие в овладении технологией производства полиэтилена высокого давления. Но у вас создали предприятие мощностью 15 тыс. тонн продукции в год. Мы же построили у себя в г. Лойне такое предприятие на 60 тыс. тонн.

Есть, конечно, направления, где мы прекрасно сотрудничаем. Завтра вы увидите на выставке некоторые новинки нашей промышленности. 80% из них отвечают требованиям самого высокого мирового уровня, и около них — табличка с надписью «Сделано в сотрудничестве с СССР». Там будут представлены хорошие ЭВМ. Только США и Япония делают лучше.

Мы хотим развивать кооперацию с вами, но ваши люди, которые в ней участвуют, должны хорошо работать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если бы у нас не было политического и экономического интереса к дальнейшему развитию сотрудничества с вами,

то не был бы нужен и нынешний разговор. Мы заинтересованы в том, чтобы лучше взаимодействовать во всех областях.

Если говорить о том, как на практике осуществляется экономическое сотрудничество, то мы замечаем, что в некоторых областях ГДР занимает активную позицию, а в других, где она не чувствует сейчас выгоды, дело продвигается медленно.

Конечно, встающие перед нами вопросы научно-технического прогресса мы можем в конце концов решить и сами. Да, видимо, и вы можете многое для себя решить самостоятельно. Но нам представляется, что здесь выгоднее наше самое тесное взаимодействие, потому что совместно мы можем добиться успехов быстрее.

Сейчас получается так, что ГДР в ряде случаев уклоняется от наших предложений, скажем, помочь ей в реконструкции отдельных предприятий. Уходит она и от участия в реконструкции наших предприятий.

Скажу прямо, у некоторых советских товарищей появляются скептические рассуждения по поводу нашего экономического сотрудничества. Мы не хотим, не в наших это интересах, чтобы для таких рассуждений была почва.

Советское руководство исходит из того, что нам нужно серьезно поговорить по вопросам экономического сотрудничества. Можно было бы дать нашим соответствующим министерствам и ведомствам поручение дней за 10–15 проработать эти вопросы, а затем могли бы встретиться т.т. Рыжков Н.И., Зайков Л.Н., Слюньков Н.Н., Маслюков Ю.Д. с т.т. Штофом, Миттагом и другими товарищами.

Э. ХОНЕККЕР. Приветствую такой откровенный разговор. Но должен сказать, что у нас только одна политика: самое тесное сотрудничество с Советским Союзом. Мы вовсе не страдаем национальным высокомерием. Это для нас попросту опасно, ведь противник не дремлет.

Нас не смущает, будет ли торговый баланс со знаком «плюс» или «минус».

Главное для нас — это эффективность сотрудничества в экономике. Например, паром Клайпеда–Мукран доказал свою эффективность. Многие решения здесь найдены на высшем мировом уровне. Наши товарищи хорошо отзываются о сотрудничестве с тов. Колесниковым в электронике.

Но мне приходится слышать много критического о том, как у вас подходят к экономическим делам. В Кривом Роге дела идут с большим отставанием. Ваши товарищи не выполняют свои обязательства, и нам трудно объяснить своим рабочим эти факты.

Мы решили наладить конверторное производство мощностью в 1,2 млн тонн и обратились за этим в Магнитогорск. Однако дело затянулось на несколько лет. Пришлось переадресоваться к австрийской фирме «ФЕСТ-Альпина».

Нам очень нужно было оборудование для горячего проката. Заказали его в ФРГ, поскольку если уж строим новый завод, вкладываем миллиарды марок, то нужно брать оборудование, оснащенное современной электроникой. У вас такой электроники пока нет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы привели несколько негативных примеров. Полагаю, что такие факты не должны накапливаться, вопросы надо решать сразу же. А то в одном случае мы недовольны, в другом — недовольны вы, глядишь — и появляется мысль: а есть ли у сторон желание сотрудничать, пойдет ли дело дальше?

Поэтому мы и предлагаем договориться сейчас — вынести все нерешенные острые вопросы на уровень правительств.

Э. ХОНЕККЕР. Согласен. Нам нужно открыть путь для плодотворного сотрудничества.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я — за это.

Э. ХОНЕККЕР. Могу пункт за пунктом показать, где мы хорошо сотрудничаем. Даже в ФРГ облизали бы пальчики от такого сотрудничества.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если мне тов. Чаушеску говорит, что он где-то хочет, а где-то не хочет идти на сотрудничество, то нас это особенно не волнует. А с ГДР мы связаны накрепко, исторической судьбой связаны, и поэтому нам безразлично, как пойдет сотрудничество, какое у него будущее.

Э. ХОНЕККЕР. Я вырос в Советском Союзе, считаю его своей второй родиной; при этом, конечно, люблю ГДР.

Я согласен с тем, что нужно глубоко обсудить оба поставленные вами вопроса.

Хотел бы в свою очередь остановиться еще на одном вопросе. Нельзя ли за счет экономии нефти в Советском Союзе увеличить ее поставки в ГДР на 2 млн тонн в год и довести тем самым до того уровня, который у нас был согласован, прежде чем вы сократили свои поставки. Мы построили большие мощности специально под вашу нефть. К тому же на нашей территории находятся ваши войска, которые мы снабжаем нефтепродуктами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам понятны ваши заботы. Если будет какая-то возможность увеличить вам поставки нефти, то мы это непременно сделаем.

Э. ХОНЕККЕР. Может быть, и этот вопрос мы передадим на обсуждение нашим правительствам?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не возражаю. Можно обсудить и этот вопрос.

Э. ХОНЕККЕР. Я хотел бы направить к вам для обсуждения экономических проблем тов. Миттага.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы хотели поручить ведение этих переговоров тов. Рыжкову. Поэтому и рассчитываем на соответствующий ваш уровень. А если вы захотите кого-то подключить, то — пожалуйста.

Мы начали с вами с вопроса об отношениях с ФРГ. Это, конечно, важный вопрос. Но главное для нас с вами — экономика. Ведь от нее зависит наше настоящее и — еще больше — наше будущее.

Мы закладываем сейчас те основы, которые приведут к существенным сдвигам в экономике. Нам нужна ясность, чего хотят наши партнеры. Если СССР и ГДР не дадут примера эффективного сотрудничества в области экономики, то кто же это тогда сделает? Если мы хорошо наладим сотрудничество, то ГДР и в отношениях с Западом, с ФРГ почувствует себя сильнее.

Э. ХОНЕККЕР. Да, это так.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Итак, можно считать, что мы по обоим вопросам договорились?

Э. ХОНЕККЕР. Договорились.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

На заседании Политбюро ЦК КПСС

11 июня 1987 года

Горбачев. В связи с ПКК, состоявшимся в конце мая 1987 года в Берлине, поручаем готовить материалы для обсуждения на Политбюро нашей линии на ФРГ. Надо идти в отношении с ФРГ на неординарные вещи. Надо подтягивать эту страну к нам.

Оттуда есть тяготение. И в этой связи в печати активизировалась проблематика по объединению Германии. Проверка нашей реакции идет через средства массовой информации. Хотят, чтобы мы определились. Вместе с тем ясно, что за пределами Германии на Западе боятся объединения.

В ГДР у народа отношение к нам очень дружественное. И если бы не языковой барьер, то, когда там находишься, чувствуешь себя как у себя дома.

Хонеккеру я сказал: находите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается.

Запись А.С. Черняева

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из беседы М.С. Горбачева с Рихардом фон Вайцзеккером

Москва, 7 июля 1987 года

*(Во встрече приняли участие министр иностранных дел ФРГ
Г.-Д. Геншер и помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Во время прошлогоднего визита в Москву присутствующего здесь г-на Геншера мы вроде бы договорились «открыть новую страницу» в отношениях между двумя странами. Однако она осталась незаполненной. Более того, возникла угроза, что ее пришлось бы заполнять всякими неприятными для нас с вами вещами. Была даже опасность, что эта страница закроется. К счастью, этого не произошло. Именно в этом свете мы рассматриваем нынешний визит Президента ФРГ в нашу страну.

Если говорить откровенно, то нам не совсем понятно, что страна, с которой у нас отношения должны были бы развиваться, не очень, на наш взгляд, к этому стремится. Прежде всего отсутствие такого стремления мы видим у нынешнего руководства ФРГ.

Когда мы говорим о желании, о воле к развитию добрососедских отношений, то мы имеем прежде всего в виду настроение народов, простых людей. Они нам известны. Настроение в общественности также формируется в пользу развития взаимоотношений...

Советский Союз учитывает потенциал и возможности вашей страны, ее место в Европе и мире. ФРГ знает, какую роль играет Советский Союз, каково значение нашей страны для политики ФРГ. Эта взаимозависимость должна учитываться при формировании политического курса.

Нас к этому в конечном счете должным образом обязывает история. Отношения между Россией и Германией имеют большие традиции, которые уходят своими корнями в глубь веков. В наших отношениях было много и тяжелого, и позитивного. Были и горькие страницы. Это прежде всего Вторая мировая война. Трагические уроки прошлого

обязывают наши страны стремиться к недопущению их повторения, к совершенствованию взаимоотношений, приданию их развитию необратимого позитивного хода.

Даже в самые тяжелые времена прошлой войны нам не изменило чувство реальности. В самый острый момент, осенью 1941 г., когда немцы стояли под Москвой, здесь, в Кремле, были произнесены слова, подтверждающие это: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». Мы не спутали немецкий народ с нацистским режимом. И не его виним в бедствиях, которые нам принесла гитлеровская агрессия. Мы никогда не меняли своего отношения к немецкому народу как крупной исторической европейской нации.

Уроки истории побуждают делать соответствующие выводы и вас, и нас. В этом смысл нашей ответственности перед народами. Мы понимаем роль и значение ФРГ, на реалистической оценке возможностей участия ФРГ в изменениях к лучшему всей ситуации в мире и в Европе строим мы и нынешнюю свою политику. Можете не сомневаться, что мы в полной мере учитываем вес и потенциал ФРГ. В свою очередь мы вправе рассчитывать на реалистическую оценку руководством ФРГ роли и возможностей Советского Союза.

Наша перестройка привлекает к себе внимание других народов. Мы видим, что во многих слоях западногерманского общества есть встречные стремления развивать с нами отношения в самых разных областях. Мы будем меняться, перестраиваться не для того, чтобы кому-то понравиться, а потому, что это жизненно необходимо нам самим. Перемены эти изменяют наш облик, характер, образ жизни и подход к различным вопросам в позитивную сторону. В этом многие уже убедились и еще смогут убедиться.

Хотел бы со всей ответственностью подчеркнуть, что Советский Союз выступает за серьезный, постоянный и основательный политический диалог с ФРГ. Мы готовы рассматривать все вопросы, представляющие взаимный интерес, ни от чего не собираемся уклоняться...

Естественно, могут возникать отдельные казусы. Никто от этого не застрахован. Но если твердо придерживаться главного, принципиальной линии, любые вопросы можно урегулировать.

Предпочитаю говорить прямым и откровенным языком. Не обесцудьте, г-н Президент, если замечу, что ваши высказывания бывают порой весьма утонченными, когда их читаю, то не сразу улавливаю основную мысль. Но это дело привычки, а они, как и люди, бывают разными.

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. Чем откровеннее беседа, тем лучше. Постараюсь говорить также прямо и без обиняков.

Прежде всего несколько замечаний личного свойства. Среди участников беседы за этим столом я, наверно, самый старший по возрасту. Войну мне пришлось пережить со всеми ее невзгодами и страданиями с первого и до последнего дня. Когда я вчера шел возлагать венок на могилу Неизвестного солдата и проходил мимо обелисков, на которых отмечены все этапы кровопролитной Второй мировой войны на земле Советского Союза, я думал о тех страданиях, которые немцы принесли русским. Мысль о долге и ответственности в этой связи никогда меня не оставляет.

Когда я с делегацией бундестага в бытность свою парламентарием был осенью 1973 года в Ленинграде, то после посещения Пискаревского кладбища я был вынужден с сожалением сказать советским представителям, что в войну в частях вермахта стоял под Ленинградом. Тогда я был молод, но мне очень не хотелось бы, чтобы нынешняя молодежь испытала то, что довелось испытать представителям моего поколения.

Во время тогдашнего визита в Советский Союз у меня в этой связи были те же чувства, которые я испытываю сейчас. Я весьма признателен советской стороне за то, что эскорт мотоциклистов сопровождал меня сегодня на подмосковное кладбище немецких солдат, умерших в плену.

В Советском Союзе такая же любознательная, жизнерадостная, но далеко не беззаботная молодежь, как и у нас в ФРГ. Сегодня на телевидении я имел дискуссию с большой группой советских молодых людей. Это были рабочие, студенты, представители науки и культуры. Разговор с ними меня просто воодушевил. Я даже сам стал как будто моложе. В то же время беседа была, как вы сами понимаете, непростой, поскольку мы приходим из разных идеологических миров. Но для честного, откровенного и взаимообогащающего общения это отнюдь не препятствие. В этом я лишний раз убедился сегодня.

Мне бы очень хотелось, г-н Генеральный секретарь, когда вы приедете в ФРГ, чтобы у вас состоялась такая же дискуссия с представителями нашей молодежи. Смею заверить, атмосфера будет совершенно открытой, а в вопросах также не будет недостатка.

[...] У нас есть ответственность перед историей, на которую мы не можем закрывать глаза. Как соседи на континенте, мы делим эту ответственность друг с другом, особенно в нынешних условиях, когда страны и народы в силу интенсивности развивающихся связей все теснее переплетаются друг с другом.

У молодежи во всех государствах растет чувство общности, солидарности, идентичности интересов. Все это сейчас усиливается, пре-

вращается в объединяющий фактор. А то, что разделяет, вызывает отчуждение, превращается в шаблон, в стереотип, который необходимо преодолевать с помощью нового мышления.

Примечательно, что молодежь начинает мыслить долгосрочными категориями. Это тем более обязывает нас, политиков, руководствоваться в своих подходах и действиях долгосрочной перспективой. Именно с ориентацией на будущее мы должны подходить к вопросу о том, какими будут взаимоотношения между Востоком и Западом на пороге следующего тысячелетия. С думой о будущем мы должны представлять себе и наш общий европейский дом. Кстати, хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить Вас, г-н Генеральный секретарь, за введение в политический лексикон этого столь свежего понятия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как оно воспринимается в ФРГ?

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Это ориентир, который помогает нам представить себе, как должен выглядеть порядок в этом общем европейском доме. Насколько, в частности, будут в нем квартиры доступны для взаимных посещений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Все это правильно, только не всем может понравиться, когда приходят в гости ночью, а муж и жена лежат в постели.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Нам тоже не очень нравится, когда через общую гостиную тянется глубокий ров.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне понятен ваш намек.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Необходимо доверие. По моему мнению, оно может, и должно расти в ходе осуществления концепции взаимовыгодного и нарастающего сотрудничества на долгосрочной основе.

Исходной базой для этого могут быть все три «корзины» Заключительного акта Хельсинки²⁵. Решающее значение имеет, естественно, «первая корзина», включающая в себя комплекс вопросов безопасности. Серьезные вопросы заключены в «третьей корзине». Особо хотел бы обратить внимание на «вторую корзину». Именно она открывает возможности для развития интенсивного сотрудничества. Мы его готовы развивать с Советским Союзом, будучи также одним из ведущих членов Европейского сообщества. Воля к сотрудничеству — один из характернейших признаков ЕС. Это я еще раз хотел бы подтвердить вам в нашей сегодняшней беседе.

Проходящая в Советском Союзе перестройка полностью созвучна стремлению в ФРГ и Европейском сообществе к сотрудничеству с вашей страной. Слово «перестройка» стало неологизмом в нашем языке, все хорошо понимают его новаторский смысл.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но это слово ведь переводится на немецкий язык.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Перевод есть, но по-русски оно звучит более самобытно. На наш взгляд, очень важно, когда начинается большое дело, охарактеризовать его широким, общедоступным понятием, которое окрыляло бы фантазию людей. Именно таким является понятие перестройки...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если это ваш вывод, сделанный на основе аналитических размышлений, ориентирующихся на сотрудничество на длительную перспективу и на долгосрочной основе, то он придаст основательность отношениям между нашими странами сейчас и на будущее и встретит адекватный ответ со стороны советского руководства.

Однако он нуждается в такой политике, которая не подвержена шатаниям, конъюнктурной реакции на преходящие события и которая отражает собственные, а не чьи-либо интересы.

Нам хотелось бы быть уверенными в том, что федеральное правительство вновь не использует какие-нибудь события, сиюминутные явления для притормаживания сближения между нашими странами и народами. Частное не должно заслонять главного. Именно таким должен быть один из критериев формирования серьезной и вдумчивой политики.

[...] Нам кажется, что в ФРГ должны ценить тот факт, что Советский Союз желает хороших, серьезных отношений с вашей страной. Мы готовы их развивать и углублять. Такова точка зрения всего советского руководства.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Можете исходить из того, что наша политика не будет представлять собой цепь реакций на случайные события. Мы готовы строить ее на серьезной основе, оставляя в стороне сиюминутные явления.

Естественно, могут встречаться отдельные вещи, обременяющие отношения. Происходит это потому, что в течение десятилетий мы культивировали недоверие друг к другу. Последствия этого сказываются до сих пор. Они нежелательны, их необходимо преодолевать совместными усилиями.

Федеральный канцлер Аденауэр в последние годы своей жизни неустанно наставлял ХДС, что в интересах ФРГ было бы поставить отношения с Советским Союзом на солидную и долгосрочную основу.

Перелом наступил с появлением Московского договора²⁶. Он является фундаментом для деятельности любого федерального правительства. Благодаря ему открылась возможность для заключения договоров ФРГ с Польшей и Чехословакией, а также Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Без Московского договора —

это общепризнанно — не было бы процесса СБСЕ²⁷, не было бы Заключительного акта в Хельсинки.

Договор является также и базой для откровенного и доверительно-го обсуждения друг с другом упоминавшихся случайных событий или трудностей во взаимоотношениях. События бывают большие и малые, резонанс от них тоже отличен, и подходить к ним надо дифференцированно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы приветствуем ваши высказывания о Московском договоре и других договорах ФРГ с социалистическими странами как о базе политики ФРГ в отношении Востока Европы. Я хотел бы поддержать эти мысли, повторить эти слова, готов подписаться под ними. Когда мы их слышим, то говорим, что есть понимание реальности, желание строить солидные отношения, укреплять взаимное доверие.

В то же время мы не можем не настораживаться, когда мы параллельно с этим то и дело слышим, будто «немецкий» вопрос открыт, что с «землями на Востоке» не все ясно и что Ялта и Потсдам «неправомерны». Лично вас я не имею в виду, г-н Президент, но такие высказывания из ФРГ до нас доносятся. Естественно, что мы начинаем спрашивать себя: можно ли после этого верить в искренность заверений о желании соблюдать все положения Московского договора. У нас возникают сомнения, настроено ли руководство ФРГ последовательно придерживаться этого Договора, или ведет линию на его размывание своей практической политикой.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Если у вас появляются вопросы или сомнения, то сразу же доводите их до нашего сведения, не носите их в себе. Наши отношения нуждаются в гласности, а не в подозрительности.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что уважение буквы и духа Московского договора является постулатом для формирования политики любого федерального правительства. Заявление о верности Московскому договору неизменно присутствует во всех правительственных заявлениях, которые канцлер ФРГ делает в бундестаге. Это незыблемая традиция, берущая свое начало с даты подписания Московского договора.

[...] Канцлер Коль без каких-либо оговорок или ограничений разделяет убеждения всего руководства ФРГ в необходимости строго придерживаться Московского договора и на его основе развивать всесторонние взаимовыгодные связи с Советским Союзом.

Для меня было весьма поучительно услышать от вас, г-н Генеральный секретарь, что советский народ даже в самые тяжелые периоды войны проводил различия между немецким народом и господствовав-

шим тогда в Германии режимом. Немцы, как и все народы, живут сознанием своей истории, приверженностью к своему прошлому — естественно, его позитивным главам.

В этом смысле мне было весьма интересно то, что вы сказали во время недавнего пребывания в СССР премьер-министра Англии М. Тэтчер. Вы заявили, что нация, которая не уважает свою историю, ставит под вопрос свое будущее. Это как нельзя лучше относится к немцам. Мы живем в двух разделенных государствах, принадлежим к двум оборонительным союзам, к двум противоположным общественным системам и исповедуем две различные идеологии. Но являясь одной нацией, мы в состоянии эффективно служить делу мира и сотрудничества в Европе. Принадлежность немцев к одной нации является, на наш взгляд, двигателем на пути прогресса в Европе, а не источником помех или препятствий.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне не хотелось бы сейчас теоретизировать по поводу понятия нации в данной связи. Сейчас важен политический аспект. Есть два немецких государства с различным социально-политическим строем. У них свои ценности. Оба они извлекли уроки из истории, и каждое может вносить свой вклад в дела Европы и мира. Но нельзя не видеть, что то, что находится за пределами этих элементов, не может не вызывать озабоченности в Польше, Чехословакии, Советском Союзе, а также и в ГДР. Я имею в виду то, чем в ФРГ окружают эти элементы.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Тогда уже надо говорить об озабоченности во Франции, Дании, у других наших соседей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этой озабоченности может не быть, например, в Бразилии и Аргентине, хотя и там тоже проживает немало немцев.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. У нас очень много соседей. История никогда не принадлежала одним немцам. Немцы отдают себе отчет в том, что им нужно жить в мире и согласии со своими соседями, а не порождать в них озабоченность и тревогу.

Вы знаете, что, например, отношения между ФРГ и Францией в послевоенный период проделали большую эволюцию и достигли сейчас безукоризненного, на наш взгляд, уровня. А ведь на протяжении столетий Германия и Франция постоянно вели друг с другом кровопролитные войны. Сейчас все складывается к всеобщему удовлетворению и благополучию. Правда, это не помешало одному из видных французских политиков сказать, что он так сильно любит немцев, что ему нравятся два немецких государства, а не одно.

Так или иначе, но чувство принадлежности к одной нации не мешает нам развивать добрые отношения со своими соседями. Мы отда-

ем себе отчет в масштабности будущего политического строительства в Европе. Для того чтобы отношения были хорошими, должна существовать возможность для откровенного и доверительного обсуждения всех проблем.

Мы не хотим нарушать или изменять европейские границы. Однако нам бы очень хотелось, чтобы межгосударственные границы утратили свой разъединяющий людей характер. Тот факт, что пока такое разъединение существует, побуждает нас к проведению линии на интенсивное развитие добрососедских отношений ФРГ со всеми государствами. Мы надеемся, что в таком стремлении нет ничего предосудительного. При взаимности, при встречных шагах со стороны наших партнеров границы начинают утрачивать роль преграды между народами. Наши отношения с Францией являются тому примером.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В 1975 году, когда исполнялось 30-летие победы над фашизмом, я был в ФРГ. На одной из автозаправочных станций под Франкфуртом завязался разговор с ее владельцем. Он мне стал напоминать, что вот, мол, Сталин говорил, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». На самом же деле Советский Союз по окончании войны разъединил немецкий народ: по его, дескать, вине возникли два немецких государства.

Завязалась дискуссия. Я напомнил своему собеседнику о планах Черчилля и американцев по окончании войны, о том, что не Советский Союз виновен в расколе Германии. Мы были противниками этих планов Черчилля. Хотели создания единого и суверенного немецкого государства. Вспомните: что появилось раньше — ФРГ или ГДР, что предлагал в тот период Советский Союз?

Решения Потсдама и Ялты о денацификации, демократизации и демилитаризации Германии предусматривали создание единого и суверенного, прежде всего мирного немецкого государства. Однако на Западе нашлись силы, которым это не понравилось. Результат известен. Так что ищите виновных в расколе Германии у себя в ФРГ, а не в Советском Союзе.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Весьма признателен вам за этот исторический экскурс. Выступая в бундестаге, в день 40-летия окончания Второй мировой войны я назвал 8 мая 1945 года Днем освобождения. Это так, хотя для многих немцев страдания начались именно в этот день и продолжают до сих пор. В своих высказываниях в этой связи я всегда призывал к исторической сознательности и ответственности, предостерегал от разжигания нездоровых политических страстей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Народы невиновны в происшедшем. Обвинять надо фашистов, тех, кто привел Германию к расколу.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Я призываю всех у себя в стране стоять на почве реальностей и договоров. ФРГ существует, она не является великой державой, но может быть полезным партнером и важным фактором для мирного будущего Европы.

Наша задача заключается в обеспечении безопасности в долгосрочном плане. Сейчас для этого возникли хорошие предпосылки, и их надо использовать.

[...] Поэтому мы заинтересованы в вашей перестройке. Для этого, естественно, понадобятся выдержка и терпение...

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас, в советском руководстве, созрело ощущение необходимости переосмыслить отношения между СССР и ФРГ, совместными усилиями поднять их на новый уровень.

Мы к этому готовы, но для этого необходимо освободиться от комплексов, от политических мифов, от образа врага в лице Советского Союза.

Основательность отношений между ФРГ и СССР имела бы поистине историческое значение. Оставаясь самими собой в своих системах и своих союзах, оба государства могут сыграть очень большую роль в мировом развитии. Стабильность отношений между ними означает стабильность в Европе, отвечает интересам их самих, европейского и мирового сообщества государств.

Приглашаю вас к конструктивному обдумыванию сделанных нами предложений на этот счет. Мы готовы продолжить соответствующий обмен мнениями, когда я буду с визитом в ФРГ или канцлер Коль придет к нам, в Советский Союз.

Год назад мы говорили с г-ном Геншером об исторических взаимосвязях России и Германии, об обязательствах, которые вытекают из них для советско-западногерманских отношений в нынешний период. У вашей стороны мы пока видим дефицит реальной политики. Если вы обдумаете наши предложения, если примете их, то наш диалог пойдет динамично, по восходящей линии и в интересах как наших народов, так и всего мира.

Мы за всестороннее развитие процесса Хельсинки. Без активного участия СССР и ФРГ немислимо европейское строительство. Советский Союз заинтересован в том, чтобы безопасность ФРГ была надежной. Он готов совместно наполнять «вторую корзину» т.е. укреплять материальную базу общеевропейского развития, расширяя и совершенствуя экономические связи. Мы готовы к широкому обмену по «третьей корзине». И это тоже вполне возможно, если она впредь не будет использоваться для вмешательства во внутренние дела.

Хотел бы затронуть один пункт, который стоило бы учесть при обдумывании того, как действовать дальше. Европа является нашим общим домом, но в ней идут — на Востоке и Западе — интеграционные процессы. На наш взгляд, следовало бы подумать об общеевропейском процессе, который мог бы послужить Европе в целом...

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Я признателен вам за ваши соображения по всем трем «корзинам» хельсинкского процесса, они созвучны нашему ходу мыслей. Необходимо обеспечивать друг другу право на достаточную безопасность. Это является неотъемлемой, составной частью любого процесса разоружения.

Я уже высказывался в пользу развития экономических связей. Хотел бы лишь сказать, что, на мой взгляд, область телекоммуникации может иметь большое значение.

Что касается «третьей корзины», то мы категорически против вмешательства во внутренние дела кого бы то ни было. Это может завести очень далеко. Однако мы хотели бы продемонстрировать населению нашей страны примеры того, что процесс разрядки и сотрудничества становится реальным и осязаемым делом. Перед отъездом сюда я видел, например, советского гражданина немецкой национальности, которому, как он мне сказал, вы лично разрешили после сорокалетней разлуки посетить проживающую у нас в Дюссельдорфе мать. Этот факт произвел очень большое позитивное впечатление на нашу общественность.

Ваши высказывания о процессах интеграции, которые идут в Европе, представляются мне чрезвычайно важными. Они будут постоянно в поле моего зрения...

М.С. ГОРБАЧЕВ. В наше время перед человечеством встали величайшие проблемы: выживания, экологии, научно-технической революции и ее социальных последствий, взаимной информации, энергетики, народонаселения. На наш взгляд, все эти проблемы разрешимы, если руководствоваться новым мышлением и избавиться от психологии динозавров. Однако времени терять нельзя. Через 10–20 лет эти проблемы будет решить труднее.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Есть «динозавры», которые мешают проводить также внутреннюю политику. Никто не владеет абсолютной истиной, но стремление приблизиться к ней надо уважать. Мне думается, что в Советском Союзе думают не иначе.

Интеграционные процессы тоже надо направлять таким образом, чтобы они не выходили из-под контроля, не превращали своих творцов в безвольные инструменты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне нравится наша содержательная и откровенная беседа и нравится наш собеседник. Вы очень интересные соображения высказываете, г-н Президент.

Просил бы вас и руководство ФРГ основательно поразмыслить над тем, что мы вам предложили. Мы за новую страницу в наших отношениях, за то, чтобы заполнять ее последовательно и интересным содержанием. Мы готовы к дальнейшей работе. Однако если вам требуется какое-то время на раздумье, то мы не торопимся, мы можем подождать.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Страница открыта, мы не хотим оставлять ее пустой. Мы будем заполнять ее четким, каллиграфическим почерком. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

На заседании Политбюро ЦК КПСС

16 июля 1987 года

Об итогах визита в Москву Вайцеккера, Президента ФРГ

Горбачев. По-моему, мы эти итоги уже обсудили в рабочем порядке.

Громыко. Полностью поддерживаю вашу оценку. Уловил я, что Вайцеккер занимал более умеренную позицию, чем Коль и другие... По наиболее острым вопросам он избегал говорить, а по проблеме ядерных вооружений не имел права говорить — не его компетенция. Но намекал, что ФРГ готова занять облегчающую (*нам переговоры с США*) позицию.

По экономическим отношениям. Он целиком за их развитие. Но идею совместных предприятий и кооперации немцы не переваривают. Пока на эту идею в ФРГ не клюнули.

Менеджерство. Тут — да. Немцы это умеют. И тут есть что воспринять. Вайцеккер предложил, и надо использовать.

Горбачев. На этом этапе Вайцеккер — самая подходящая фигура и по авторитету в стране и в Европе и по своим политическим и человеческим качествам. Однако впереди него по контактам придется поставить Геншера.

Шеварднадзе. Мы акценты правильно расставили. В целом итог визита позитивный и для ФРГ, и для нас, и для мира.

Горбачев. Он переживал. Квицинского расспрашивал, какое впечатление он здесь произвел. Самый плохой для него вопрос был — о «Першингах»²⁸.

Следующие этапы — встречи со Штраусом, Шпэтом. Без них новую страницу, которую мы открываем с ФРГ, не заполнить. Потом последуют другие. Посмотрим, кто последует.

Добрынин. Главная мысль Михаила Сергеевича — переосмыслить весь комплекс отношений ФРГ—СССР. И мы это реализуем, выходим на большой диалог с одной из крупнейших стран.

Горбачев. Вообще, товарищи, визит этот относится к одному из важнейших направлений нашей политики. ФРГ — главная страна Западной Европы. Мы взяли правильную линию — ориентироваться на реальности, серьезно их анализировать. В Европе мы смогли бы многое сделать, если найдем должные подходы в отношении с ФРГ, включая и исторический аспект: и настоящее, и будущее.

Думаю, что мы дошли уже до предела в противопоставлении себя немцам. И это их беспокоит. Особенно сейчас, когда мы завязали диалог с другими крупными государствами. И не зря Штраус и другие озабочены тем, какую роль мы — СССР — отводим ФРГ в своей новой политике. Мы сейчас застаем эту страну в состоянии, когда ей не просто определиться с конкретными шагами в отношении нас. В обществе там нарастает настроение дистанцироваться от Соединенных Штатов. Особенно когда Рейган стал «прихрамывать». Там задумываются: с кем же они себя связали, к какой колеснице привязаны?

Исполняется 65 лет Рапалло²⁹. Немцы об этом помнят. Память о Рапалло мучает западные державы, бродит в умах: возможен ли новый поворот такого рода? Своим выходом на Вайцзеккера мы заставили и французское руководство пошевеливаться. И если такова реальность, если сотрудничество с ФРГ возможно, мы можем «держаться немцев». А это и в военном отношении имеет огромное значение, в частности, для нашей линии сохранения обоих государств (германских) и вообще итогов войны. С помощью этой встречи нам надо было выяснить, готовы ли немцы к повороту в нашу сторону.

Мы им дали понять, что не согласны на пересмотр итогов войны, но готовы идти далеко навстречу, а вы, мол, обдумайте свою позицию. Мы, таким образом, первый шаг сделали. Как дальше будут строиться отношения, зависит от них. Забеспокоились и в Соединенных Штатах: через ФРГ «Советы», мол, на всю Европу выйдут. ФРГ, конечно, будет бояться напугать и Америку, и Францию новым Рапалло. Поэтому нам тоже пережимать нельзя. Хотя реально ни о каком Рапалло речи нет: другое историческое время, другие условия.

В политическом плане в Западной Германии чувствуют себя неуютно, когда там возникает ощущение, что мы ею вроде пренебрегаем. Это надо использовать. Но действовать расчетливо. У наших друзей тоже беспокойство. Ярузельский интересовался, что у нас там с Вайцзеккером получилось. Я ему сказал и о двух германских государствах, и о Ялте, и о Потсдаме. И о новом оружии для Европы вме-

сто ядерного. Поддержал нашу инициативу и Гусак. Но все они тревожатся, не забываем ли мы о них в своих отношениях с ФРГ. Поэтому надо дать им откровенную и подробную информацию. Снять обеспокоенность у друзей.

При публикации речей моих и Вайцзеккера были купюры и у них, и у нас: ничего не было пропущено в печать по «национальному вопросу».

И еще хочу сказать: нельзя превращать Коля в козла отпущения в этой ситуации. Иначе это не политика, а журналистика. Визит Шеварднадзе в ФРГ, визит Штрауса и Шпэта к нам — пусть это будет подготовкой к встрече с Кодем.

Надо ставить вопрос так: «Першинг-1» на территории ФРГ — это допуск ее к ядерному оружию и противоречит договору о нераспространении. Это уже сейчас надо дать в печати.

Об одном просчете хочу сказать. Шпэт прислал две темы, два экономических проекта. Подает это как модель экономических взаимоотношений. Почему мы ничего не отвечаем? Это же интересный подход. И человек интересный.

Штраус предлагает экономические связи с Баварией. Думайте, думайте.

Дело не в визитах туда-сюда, а в том, почему мы не идем навстречу таким предложениям. Мы же заинтересованы больше, чем они. Конкретные деловые планы экономических связей будут влиять и на другие аспекты отношений с ФРГ.

(Обращается к Каменцеву.) Есть философия отношений, а есть конкретные вещи, которые этой философии дают реальную перспективу на 15–20 лет. Напугаем своими планами ФРГ и всю Западную Европу. Но ведь это на пользу и соцстранам в том числе. Живков ведь мечтает, чтобы Болгарию проглотила ФРГ.

Считаю, что даже на риск стоит пойти в сближении с немцами.

И, разумеется, не забывать о Франции, Англии. Здесь все в норме должно быть. Продолжать, продолжать работу.

Да, есть Австрия, Финляндия, с которыми мы крепко связаны. Они без нашего рынка жить не могут. А есть ФРГ — это другое дело. Через нее и на Швецию выйдем...

ФРГ — реальность, и не только в европейском масштабе. Перестройка отношений с ФРГ многое могла бы изменить в Европе. Немцы еще не нашли своего места. Они забеспокоились, когда мы внесли радикальные предложения по европейскому разоружению. Возник вопрос: а что будет с ФРГ? Привязка к рейгановской колеснице их не устраивает. По словам Вайцзеккера, Запад сильно беспокоит дух

Раппало. К большому повороту они не готовы. Пусть обдумают. Это показал визит.

В общественном мнении зреет сознание того, что без признания роли ФРГ с нашей стороны она подняться не сможет. Продолжением наших отношений с ФРГ будет визит Шеварднадзе, а также приезд Шпэта и Штрауса к нам, а Коль будет дозревать. Публично надо выступить по «Першингам», интерпретируя их наличие в ФРГ как доступ ее к ядерному оружию. Рассмотреть предложение Шпэта о связях с Ленинградом. Аналогичное предложение у Штрауса от Баварии. Они нас не совратят, а мы через контакты с ими будем влиять на Запад и держать соцстраны.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Мисом³⁰

4 ноября 1987 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Искренне рад видеть тебя, Герберт. Времени у нас, правда, немного, но я хотел обязательно встретиться с тобой.

Г. МИС. Мы уже так хорошо знакомы, что понимаем друг друга с полуслова. Хочу поблагодарить тебя за прекрасную речь. Чувствуется, что за ней — большая напряженная работа, серьезный анализ. Главное в ней, как мы это понимаем, философское, политическое и историческое обоснование перестройки. Речь дает ответы на многие вопросы, будит мысль, заставляет всех нас задуматься о будущем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом и заключался наш замысел: не рассказывать о том, как идет перестройка, об этом мы за последнее время уже не раз говорили, а как бы показать ее философию.

Г. МИС. Твою речь все мы ждали с большим нетерпением. Особенно я хотел бы поблагодарить за диалектический анализ того исторического развития, которое прошел Советский Союз.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Здесь пришлось не только многое проанализировать заново, но и прочувствовать.

Г. МИС. В выступлении подняты многие вопросы, которые непосредственно касаются международного коммунистического движения. Важны при этом не только оценки его исторического развития, но и содержащийся в речи призыв идти вперед, искать новые формы взаимодействия.

Рано давать окончательную оценку, впечатления должны еще отстояться. Но уже сейчас можно сказать: мы, возможно, присутствовали при зарождении нового этапа в развитии международного коммунистического движения. Сделано удачное начало. При этом важно отметить то, что это зарождение происходит в присутствии представителей других

политических партий, прежде всего социалистов и социал-демократов.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И в этом наши впечатления полностью совпадают.

Г. МИС. То, что КПСС поддерживает двусторонние связи с социал-демократическими партиями, стало уже нормальным явлением. Но то, что сегодня в Москве впервые коммунисты и социалисты встретились на многосторонней основе, за одним столом, такого еще не было. Может быть, по тактическим соображениям и не стоит слишком громко говорить об этом, но значение этого факта трудно переоценить.

Никогда еще не было столь единодушной симпатии к руководству КПСС со стороны практически всех собравшихся. Пускай речь идет при этом во многом о личных симпатиях к одному определенному человеку. Но также остается фактом и то, что все: и «промосковские партии», и еврокоммунисты, и социалисты, и наполовину социалисты — в этот момент единодушно признают руководящую идейную роль КПСС в двух важнейших вопросах — борьбы за мир и перестройки; причем делают это добровольно, не по команде сверху.

Пускай этот факт и не получил своего организационного оформления.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И не нужно никакой организационной структуры. Главное, что мы оказываем наше воздействие через разработку новых теоретических подходов. А во-вторых, через раскрытие потенциала социализма внутри страны в ходе нашей перестройки.

Г. МИС. Можно ли найти в недавнем прошлом другой такой документ, который без какого-либо давления сверху, без организационной подготовки с участием целых легионов пропагандистов с таким интересом изучался бы в международном коммунистическом движении, как только что вышедшая в свет книга Горбачева? Другими словами, у нас есть сегодня уникальный шанс двинуть вперед дело сотрудничества братских партий, их единства на основе добровольного признания руководящей идеологической роли КПСС.

Перестройка затронула и нашу партию. И, как это бывает в хорошую бурю, со дна на поверхность поднимается различный хлам. Однако я думаю, что пугаться этого не стоит.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я имею информацию о твоих беседах. Должен сказать, что мы всегда прислушиваемся к твоему мнению. И не только потому, чтобы сделать тебе приятное, но прежде всего потому, что ценим твои идеи, твои размышления.

Г. МИС. Перестройка уже захватила так или иначе всех: одни уже включились в нее, другие только думают, но тоже непременно вклю-

чатся. У нас были известные трения с товарищами из Берлина. Но сейчас положение улучшается. Так что тут у вас не должно быть беспокойства. Дело выправляется. Сами товарищи из СЕПГ начинают понимать необходимость более критически посмотреть на самих себя, но пока не говорят об этом в открытую. Двадцатого декабря я, Аксен и Загладин соберемся в Берлине, чтобы поговорить о нашей работе на ФРГ. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Беседа М.С. Горбачева с Ф.-Й. Штраусом

29 декабря 1987 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас в Москве, г-н Штраус.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я уже бывал в Советском Союзе, но в другом качестве — офицера вермахта. Войну начал с Украины, был во Львове, Умани, Харькове, Ростове.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это рядом с моей родиной, на границе с тем краем, где я родился и жил. Я был на оккупированной территории пять месяцев. Запомнилось это время, г-н Штраус.

Воспоминания интересны, но надо извлекать уроки на будущее.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я помню уроки истории.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я знаю, что вы по образованию учитель древних языков и истории. Вам, видимо, известно замечательное изречение Гераклита: «Все течет, все изменяется». Его можно было бы применить и для вас, и для нас.

Ф.-Й. ШТРАУС. У него есть и другое изречение: «Война — учитель всех вещей». Так было, но теперь это неприемлемо. Мы многому научились для того, чтобы не допускать подобного впредь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У Клаузевица есть такое высказывание: война — продолжение политики другими средствами. Если им руководствоваться, то трудно предсказать, что могло бы произойти.

Почему я вспомнил о греках и вашей профессии? После войны много воды утекло в Рейне и в Волге. Много изменилось в наших странах, в Европе и в мире. Эти качественные изменения игнорировать нельзя.

Мир стал другим. Мировое сообщество состоит из различных государств — социалистических, развитых капиталистических и огромного «третьего» мира, в котором идут сложные, бурные процессы.

К этому надо добавить, что мы оказались на новом этапе научно-технической революции с ее огромными социальными и другими последствиями. Есть очень много вопросов, которые связывают нас друг с другом и решать которые необходимо совместными усилиями во имя будущего.

Взять хотя бы экологию. У вас в связи с этой проблемой даже партия возникла. Вы немного «позеленели». *(Оживление.)* У нас партии нет, а проблемы экологические есть.

Ф.-Й. ШТРАУС. Не надо нам завидовать. С «зелеными» много хлопот, не рекомендовали бы заводить их у себя. *(Оживление.)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы у себя так взялись за экологию, что не успеваем принимать решения. Взялись решительно за то, чтобы сохранить памятники истории и культуры. Это общенародное дело. Люди готовы отдать последнее, чтобы сохранить старину.

В Баварии, насколько мне известно, немало исторических памятников. А как самостоятельная единица она существует, пожалуй, более тысячи лет.

Ф.-Й. ШТРАУС. Тысячу двести лет. Это примерно столько же, сколько и Россия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На будущий год будет отмечаться тысячелетие Крещения Руси. А до Крещения уже существовала Киевская Русь. Еще до Крещения было Русское государство, которое развивалось динамично, поддерживало широкие связи с Европой. Так что у нас примерно общая история.

Ф.-Й. ШТРАУС. Русская история очень многогранна. Я всегда с удовольствием выделяю для нее время. Была ведь даже польско-ягеллонская империя, границы которой простирались до Москвы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Было немало империй, начиная с Римской. Правда, от них сейчас сохранились лишь воспоминания.

Ф.-Й. ШТРАУС. Была когда-то и великая Британская империя, а сейчас от нее не осталось почти ничего. Мы, немцы, помогли ей дойти до такого состояния. Разумеется, я говорю это в шутку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я продолжаю мысль о качественных изменениях в мире за последние 40 лет. Они огромны. А если вы возьмете наш политический, дипломатический словарь, то он засорен старыми подходами и прецедентами.

Госпоже Тэтчер я говорил: в мире все изменилось после фултонской речи Черчилля. И Британия не та, и мир уже не тот. А вы, англичане, ведете себя так, как будто в мире ничего не произошло.

Политическое мышление отстает от процессов, которые подвели человечество к новому этапу развития. Новые реальности требуют

нового подхода. Даже то, что господин Штраус в Москве, — это не рядовая новость.

Новое мышление с трудом пробивает себе дорогу. И все-таки в мире начинают думать по-новому. Это очень важно, где бы мы ни находились — в Европе, Америке, Азии. Стоит понять процессы, которые идут. Надо остановиться, оглянуться, обдумать, что делать дальше. А чтобы дело пошло легче и быстрее, необходим постоянный диалог. Потребность в нем ощущается все сильнее.

Ф.-Й. ШТРАУС. Да, с каждым днем все больше возникает потребность во взаимном узнавании друг друга, в обмене информацией.

Это веление времени, и никакая сила в мире не способна этому воспрепятствовать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Желание переосмыслить, понять мир, где мы живем, захватывает сейчас политиков. Прежде все было просто: несколько держав командовали миром, навязывали другим свою волю. Сейчас это невозможно. Нужна деидеологизация международных отношений. Пусть каждый народ выбирает свой путь, свой строй, свою религию, свою идеологию, свой образ жизни.

Это же суверенное право каждого народа сделать свой выбор без подсказок или принуждения.

Раз мы не можем допустить конфликт, раз война неприемлема, а мир взаимосвязан в плане экономическом, научно-техническом, культурном, надо думать, как строить новые международные отношения.

Что из того, что мы — разные. Не знаю, что бы мы чувствовали, если бы не знали немецкую культуру. Это была бы ущербность для нас. Но, зная и любя немецкую литературу, музыку, зная культуру других народов, мы остались русскими, привержены своим ценностям. И вместе с тем стали другими, поскольку владем знанием культур других народов.

Э.А. Шеварднадзе рассказал мне, что у вас была с ним вчера хорошая, реалистическая беседа. Правда, господин Штраус критиковал марксизм-ленинизм. Но это не новость. Именно Ленину принадлежат слова о том, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Как видите, г-н Штраус, коммунисты не противопоставляют себя не только своей истории, но и истории человечества. Мы ощущаем себя частью человеческой истории. А стать настоящим коммунистом не очень легко. Да и не каждому дано.

Вообще, господин Штраус, надо менять образы. Еще недавно в Германии нас рисовали с рогами на голове. А ведь именно Германия заварила кашу с коммунизмом. Маркс и Энгельс были немцами. Их

теория прошла длинный путь становления, выдержала испытания временем. Надо сейчас, как никогда, твердо стоять на почве реальностей. Игнорирование реальностей в прошлом привело к тяжелым последствиям. Если мы окажемся неспособны извлечь уроки из прошлого, то произойдет непоправимое.

В свое время Даллеса спрашивали, какое оружие будет применено в третьей мировой войне. Он сказал, что не знает, но может с уверенностью сказать, что четвертая мировая война будет вестись при помощи лука и стрел.

Я часто говорю о том, что мировое сообщество не может терять время. Нужно многое успеть. А для этого необходим реализм.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я согласен с вами. Нельзя терять время. В греческой философии есть понятие «кайрос». Оно означает возможность, которой необходимо воспользоваться, так как другой не представится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это, наверное, то, что принято именовать шансом.

Ф.-Й. ШТРАУС. Это даже нечто большее, чем шанс. В истории Европы неоднократно бывали моменты, когда «кайрос» упускался. Последствия были самые ужасающие..

Тридцатого января 1933 года в Германии к власти пришел Гитлер. Тридцать первого января мой отец сказал мне: «Гитлер стал рейхсканцлером. Это означает войну и уничтожение Германии». Мой отец оказался прав. А ведь он был простым ремесленником.

Однако прошлое остается прошлым, а внимание должно быть устремлено в будущее. Сейчас мы находимся в состоянии «кайрос». Человечество находится на пороге новой эры, живет надеждами на будущее. Эти надежды пробудились в решающей степени благодаря именно вам, господин Генеральный секретарь. Все ожидания немцев в ФРГ подпитываются импульсами, идущими из Москвы. Это факт, а не идеология. Я не коммунист, но в данном случае должен констатировать, что ваши инициативы, ваши предложения затрагивают самые сокровенные уголки человеческих душ. Вы тот руководитель, о котором больше всего говорят. Это факт, а не комплимент.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, тема советско-западногерманских отношений займет соответствующее место в нашей беседе.

Ф.-Й. ШТРАУС. Война не является продолжением политики иными средствами, а означает конец всему, что существует.

В 1956–1962 г. я занимал пост министра обороны. 25 лет тому назад, летом 1962 г., был в Пентагоне, откровенно разговаривал с высшими чинами американской армии. По моей просьбе американцы ознакомили меня с макетом, с картиной предстоящей войны, как она, по их представлениям, может пойти и чем закончится.

Мое резюме после этой информации было однозначным: после такой войны на планете Земля жить будет невозможно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Министром обороны тогда был, кажется, Макнамара. В последнее время от него приходилось слышать немало разумных вещей.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я был у него дома в Вашингтоне, беседа была очень продолжительной. Он пригласил председателя комитета начальников штабов, а я был один и все подробно записал. По возвращении я доложил об этой беседе К. Аденауэру, а кроме того, приказал генеральному инспектору бундесвера подготовить соответствующую разработку о будущей войне в применении к ФРГ. Вывод был более чем однозначным: с появлением ядерного оружия как инструмента ведения войны никаких надежд на выживание не остается.

Вчера в беседе с господином Шеварднадзе я обращал его внимание на то, что такие понятия, как мировая революция, мировое господство, «последний решающий бой», изжили себя, более не соответствуют императивам нашего времени. Это риторика, и не более. Именно так к ним и надо подходить.

Может быть, я был вчера несколько критичен, однако делал это для того, чтобы быть лучше понятым. Научно-техническая революция все перевернула. Люди стали совершенно другими, и этого нельзя не видеть.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не знаю, почему марксизму-ленинизму приписывают агрессивную доктрину.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я не говорю об агрессивности. Я говорю о мировой революции. Я воспринимаю эту теорию как известный призыв к последнему решающему бою. Если это не так, то тем лучше.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Все это в корне не так. Революция может созреть только на реальной, национальной почве. Это главное в марксизме. Если такой почвы нет, то подталкивание революции ведет к авантюризму. Экспортировать революцию вообще неприемлемо.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мне это очень приятно услышать от вас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но так всегда было. Видимо, интерпретировать марксизм по-иному кому-то выгодно. Человечество проходит через определенные этапы в своем развитии: рабовладельческий строй, феодальный, капитализм, социализм. Марксизм сделал вывод, что все нации придут к социализму. Но это теория. Она основана на том, что общество идет вперед в своем развитии. Но когда это произойдет, — в этом веке или в следующем?..

У капитализма есть резервы, он адаптируется к меняющейся обстановке, учится.

Почему теоретики буржуазии считают, что буржуазный строй — это высшее достижение, что это рай на земле? Будущее покажет, кто прав, а кто заблуждается. Давайте жить, соревноваться, сотрудничать.

Ф.-Й. ШТРАУС. Совершенно верно, история все расставит по своим местам.

Вы, конечно, знаете, что я бывал в ГДР, Венгрии, Болгарии, а также в Румынии, хотя эта страна — особый случай. В ходе состоявшихся у меня там бесед, причем весьма откровенных, выяснилось, что капитализму присущи отдельные элементы социализма, причем порой в гораздо более развитой форме, чем в социалистических странах. Основная разница заключается в частной собственности на орудия и средства производства при капитализме. Но и здесь история примет свое решение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Трудно пока давать оценку социализму в полном объеме. Социализм — молодой строй. Он еще не раскрыл свои потенциальные возможности.

Возьмите нашу историю. Советское государство существует лишь 70 лет. Накануне революции Россия была в катастрофическом состоянии во всех отношениях. Или крах, или другой путь. Условия для революции созрели. Надо было что-то делать. Иначе национальная катастрофа.

Ф.-Й. ШТРАУС. Согласен, что у России не было иного пути.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А что началось после революции? Сделаем беглый обзор нашей истории. Сразу же началась интервенция 14 государств. Это отбросило страну во всех отношениях. Сначала разруха, потом восстановление хозяйства, процесс социалистических преобразований.

Но пришел январь 1933 г., о котором вы вспомнили. Мы знаем, какие цели тогда были провозглашены, особенно в отношении русского народа, Советского государства. Начали готовить оборону страны к войне. Тогда было не до демократии. Вся страна была напряжена. Если бы не провели индустриализацию, не создали отечественную промышленность, нас бы беспощадно раздавила ваша бронированная машина, в составе экипажа которой были и вы.

А что нам оставила война? До Волги все было порушено. Пришлось начинать строить заново. Но нам навязали «холодную» войну и гонку вооружений. Можно болтать с трибун о чем угодно. А это жизнь, реальности. Говорю вам об этом, зная, что вы — реалист.

Все это наложило отпечаток на политическую организацию общества, на формы демократии. Мы все находились в состоянии мобилизационной готовности. В этих условиях социализм сказал только

первое свое слово в смысле развития демократии. Мы верим в свой строй. Он поднял страну и народ. Это урок истории. От добра добра не ищут, как говорят у нас в народе.

Но мы не ставим под сомнение выбор других народов. Хочу высказать главную мысль: мы привержены своему строю, своей системе, но уважаем выбор других, в том числе ФРГ. Давайте жить и сотрудничать. Чем быстрее придем к этому выводу, тем лучше. Надо уменьшить военное противостояние, укреплять доверие.

Мы не только излагаем нашу философию, но и предлагаем реальную политику. Делаем это и внутри своего общества, и на международной арене. А на Западе бытует образ «русского медведя», пытающегося наложить свою когтистую лапу.

Когда был в Вашингтоне, там тоже эта тема поднималась в печати: «Русские идут». Но на этот раз, правда, никто из окна не выбрасывался, как это сделал в свое время Форестолл.

Ф.-Й. ШТРАУС. Американцы, насколько мне известно, испытывают к вам глубокие симпатии. Журнал «Тайм» провозгласил вас «человеком года». Хотел бы воспользоваться случаем и поздравить вас с этой заслуженной оценкой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы сделали исторический, философский экскурсы. Это, так сказать, разминка для знакомства. А что делать дальше? Какие шаги предпринять в интересах безопасности Европы?

Ф.-Й. ШТРАУС. В вашем изображении мира есть целый ряд пунктов, с которыми можно согласиться. Есть, однако, моменты, по которым у меня иное мнение, отличное от вашего. Это касается, в частности, предистории Второй мировой войны. Однако дискуссия на эту тему увела бы нас в сторону от основной магистрали нашей беседы. Хотя я хотел бы лишь напомнить о том пакте, который в августе 1939 года был подписан здесь, в Кремле.

Исторической истиной является и то, что политика Сталина привела в конечном счете американцев в Европу. А ведь был период, когда они вывели из Европы 90% своих войск.

Важно другое. Вы говорили о воздействии на человеческое сообщество научно-технической революции. Я считаю, что за последние 70 лет объем знаний в области естественных наук, накопленный человечеством, удвоился. До 1917 года или 1920-го был один уровень, а сейчас он превзойден вдвое. Мы проходим этап акселерации человеческих познаний. История движется поистине семимильными шагами. Войне не должно быть места, вся наша жизнь активно ей противится.

Я изучал историю не как перечень каких-то событий, а как этапы на пути развития человеческой цивилизации. Мое глубокое убежде-

ние заключается в том, что время войн и революций в промышленно развитых государствах прошло навсегда.

Сейчас ситуация такая, что мы смотрим на Восток. Как политик, повидавший многое на своем долгом веку, не могу не сказать, что мы находимся в последние годы под воздействием импульсов, которые исходят из Москвы, которые дает Генеральный секретарь Горбачев.

ФРГ, как и Советский Союз, хочет поставить окончательно крест на химическом оружии. Сложным является вопрос контроля. Но мы, наши химики могут здесь эффективно поработать.

Подписанный в Вашингтоне Договор по РСД-РМД³¹, предусматривающий уничтожение 3% ядерных арсеналов, следует рассматривать как стартовую отметку, как начало процесса сокращения и ликвидации вооружений. Иначе бы этот Договор не имел никакого смысла.

Я лично приветствовал бы, если бы разоружение началось одновременно по всем категориям вооружений. Я не являюсь приверженцем частичных решений, хотя в них, конечно, что-то есть.

Сейчас на повестке дня стратегические наступательные вооружения. Это дело в основном двух великих держав. Нас в ФРГ больше всего интересует проблематика химического оружия, сокращения обычных вооружений до возможно более низкого уровня, а также ядерных вооружений короткого радиуса действия. Я не страстный сторонник «двойного нуля», но после заключения договора об РСМД для ФРГ и ГДР главная угроза — «короткие» ракеты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не думаю, что политик такого масштаба, как вы, безразличен к стратегическим наступательным вооружениям. Это трагивает всех.

Ф.-Й. ШТРАУС. Вы меня неправильно поняли. Естественно, я заинтересован и в сокращении СНВ. Однако главным для меня было бы процентное сокращение всех категорий оружия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это я принимаю к сведению.

Ф.-Й. ШТРАУС. Если взять европейскую историю, то в течение 2500 лет на нашем континенте почти непрерывно велись войны. Потом наступил период после 8 мая 1945 года, когда войн не было. Появление атомного оружия, осознание тех последствий, к которым может привести его применение, делают войну невозможной.

У военных, а также у некоторых политиков есть роковая теория, заключающаяся в следующем. Если на протяжении 2500 лет были сотни войн, то весьма вероятно и новая война. Раз это так, то надо постараться ограничить ее по возможности небольшой территорией и небольшим количеством применяемого оружия.

Для нас такой подход является абсолютно неприемлемым, так как под этой ограниченной территорией могут подразумеваться лишь ФРГ и ГДР. Мы выступаем не за сокращение географических пределов вероятной войны, а за ее исключение из сознания, за устранение ее возможности. Для нас неприемлемой является любая война — тотальная или ограниченная, ядерная, полужадерная или обычная. Не допустить ее — вот то, чего мы ждем от политики. Эта задача под силу, однако, лишь политическим деятелям, а не военным. У нас с вами общий интерес — избежать войны.

Вы, г-н Генеральный секретарь, устранили многое из страха перед «русским медведем». Это колоссальный психологический прорыв. Мы всегда будем приветствовать любой шаг в этом направлении. Эту точку зрения я постоянно отстаиваю в своих подчас весьма острых дискуссиях с генералами НАТО.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я ставлю перед вами центральный вопрос нашей беседы. Вы сказали, что для СССР, ФРГ и ГДР война в любой форме неприемлема, что в случае войны этим странам будет нанесен непоправимый ущерб. Есть, правда, желающие посмотреть на это со стороны. Но пусть они не думают, что мы не в состоянии разгадать их замыслы.

Ф.-Й. ШТРАУС. Война является абсолютно невыносимым и непредсказуемым делом, вести ее нельзя.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Из этого надо делать вывод, что нужны другие отношения между СССР и ФРГ. Мы уделяем неизменное внимание развитию наших отношений с ФРГ, внимательно прислушиваемся к мнению, которое нам высказывают в Бонне. Но иногда складывается впечатление, что Федеральное правительство хочет быть более американским, чем сами американцы,

Ф.-Й. ШТРАУС. Так вести себя нетрудно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда Германия и России сотрудничали, в Европе был порядок. Это урок истории. Мы говорим Федеральному правительству, говорили недавно Федеральному Президенту, что хотели бы открыть новую страницу в отношениях между СССР и ФРГ. Пригласили руководителей ФРГ обдумать это. Созрело ли правительство ФРГ для новых отношений? Пока ясного ответа не слышим.

Ф.-Й. ШТРАУС. Прошу вас понять меня правильно, без какой-либо обиды. Если бы я не был уверен в том, что это ваши собственные мысли, то я бы сразу же сказал, что вы позаимствовали их у меня. Я всегда говорил, что, когда между русскими и немцами были хорошие отношения, народы были счастливы. А когда они выступа-

ли друг против друга, то это приносило несчастья и им самим, и другим народам.

Я уже говорил, что главный вывод современности заключается в том, что в последние годы объем научных познаний удвоился. Мы находимся на пороге третьей промышленной революции. Это качественно меняет ситуацию. Все идеологические споры и разногласия ни к чему не приведут.

Некоторое время назад я в откровенной беседе спросил польского министра иностранных дел, как обстоит дело с выдвинутой в свое время Хрущевым целью: к 1980 году догнать Запад, а к 1990 году перегнать его. Он мне ответил, что говорить надо о реальных вещах, а не об идеологии.

Хотел бы задать вам один смелый вопрос: каким будет Советский Союз через 10 или 20 лет в результате проводимой политики перестройки? Как вы представляете себе будущее вашего государства?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я хотел посвятить вас в наши планы, ждал вашего вопроса. Начну издали, с проблематики разоружения.

Выдвигая свою программу избавления мира от ядерного оружия до 2000 года, мы руководствовались реальными вещами. Мы не только приглашаем к диалогу, но и переводим наши предложения в реальную политику. Это касается ядерного, химического и обычных вооружений.

Мы не наивные люди и не предполагали, что сразу же откликнутся на наши предложения. Нет, конечно! Особенно трудны первые шаги. Но их надо делать, идти по пути реального сокращения вооружений таким образом, чтобы сохранялась равная безопасность для всех — для СССР, США, ФРГ, всей Европы.

Мы считаем, что если у американцев или у западных европейцев будет озабоченность, то процесс разоружения застопорится, он не пойдет. Неприемлемо, чтобы кто-то кого-то обхитрил, обманул, обыграл. Это всегда будет вскрыто. Мы все знаем друг о друге или почти все.

Второе. Наряду с программой действий мы предпринимаем и практические шаги, проявляем гибкость, готовность идти на компромиссы.

Об этом говорят результаты Стокгольма-1. Мы пошли на уничтожение РСД и РМД, пошли на компромиссы по вопросам контроля, оставили без внимания на этом этапе ядерные потенциалы Франции и Англии. Именно поэтому договор стал возможным, и мы подписали его с Президентом Рейганом.

В повестке дня не только стратегические наступательные вооружения, но и проблема химического оружия и обычных вооружений.

Готовы и этими проблемами заниматься реалистически, идя навстречу друг другу. Надеемся, что другие не будут безучастно на это взирать, а окажут действенную поддержку этому процессу.

Ф.-Й. ШТРАУС. ФРГ является небольшой державой. Поэтому ее влияние, может быть, будет не столь значительным, как бы хотелось.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Процесс достижения договоренности по химическому оружию сейчас затормозился из-за США; к тому же они нажали на Англию. Мы в Вашингтоне прямо об этом говорили. Добились того, чтобы вопрос о химическом оружии был включен в наше совместное заявление. Поэтому так остро реагировали на принятое США решение о производстве бинарных зарядов. Мы с вами можем многое сделать в этой области. Интересы здесь совпадают. Можем выйти на конвенцию о полном запрещении химического оружия.

Готовы с вами сотрудничать и в области сокращения обычных вооружений. Повторю то, что мы сказали Президенту Рейгану: эти вооружения беспокоят европейцев. Раз беспокоят европейцев, для СССР это серьезное дело.

В политике действуем так, чтобы ни один шаг не наносил ущерба безопасности Западной Европы. Мы — сами европейцы, все будем делать, чтобы понижать в Европе уровень противостояния.

Сейчас говорят, что СССР, мол, должен сделать односторонние шаги по разоружению в Европе. Это неправильная постановка вопроса. Давайте садиться за стол переговоров, выкладывать карты. И все будет ясно, где и какой у кого перевес. Это единственно правильный подход.

Назову вам несколько цифр. У ОВД больше танков на 20 тыс., у НАТО больше ударной авиации на 1400 самолетов. У НАТО больше вертолетов. Говорят, что у стран Варшавского Договора есть перевес в Центральной Европе. Да, есть. Но у НАТО есть перевес на южном фланге, причем по всем показателям. А ведь Балканы примыкают к нашей границе.

Ф.-Й. ШТРАУС. Вы, наверное, имеете в виду балканский регион, Турцию и Грецию?

М.С. ГОРБАЧЕВ. НАТО превосходит там ОВД по самолетам фронтовой авиации в соотношении 1 : 2,6; по боевым вертолетам — в соотношении 1 : 5,8; по артиллерии — в соотношении 1 : 1,9. К чему я это говорю? Да, есть дисбалансы, есть асимметрии. Но в целом существует примерный паритет.

Мы предлагаем решать всю проблематику с помощью «пакета сокращений». Давайте ликвидируем дисбалансы, давайте отсекаем асимметрии. Готовы конкретно обсуждать эти проблемы.

Мы готовы подумать и о создании широкого коридора на линии соприкосновения двух блоков, отвести от этой линии войска в обе стороны. Здесь мы тоже готовы действовать на реалистической основе, учитывая должным образом интересы безопасности всех сторон.

Вы говорили о тактических ядерных вооружениях. Мы выражаем готовность к их полной ликвидации. То есть идем здесь на полный ноль. Учитывая, что оружие это «двойного назначения», предлагаем все это обсуждать в комплексе с обычными вооружениями.

Мы готовы взвесить и другие варианты решения этого вопроса. Думаю, ФРГ ближе к нам в этих вопросах. Вы говорили, что короткие ракеты будут падать на вашу территорию. Если бы ФРГ оказала воздействие на своих главных союзников, то можно было бы найти конструктивное решение. А вообще надо, чтобы оба блока действовали так, чтобы располагать силами, достаточными лишь для обороны и недостаточными для наступательных действий.

Вчера на беседе у Шеварднадзе вы задавали вопрос, что будет, если американцы уйдут из Западной Европы? Как мы будем действовать?

Ф.-Й. ШТРАУС. Меня интересует, как отреагирует Советский Союз, если американцы по согласованию с западными европейцами отведут часть своих войск из Европы. Будет ли это вкладом в снижение конфронтации?

Я считаю изжившей себя догмой тезис о том, что безопасность Европы невозможна без присутствия на континенте американских войск. У нас кое-кто впадает в панику, когда слышит, что американцы, скажем, подумывают вывести из Европы одну бригаду. Я придерживаюсь совершенно противоположного мнения. На мой взгляд, абсолютно противоестественным является то, что верховным главнокомандующим войсками НАТО в Европе является американский генерал.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На эту тему я высказывался в своем выступлении в Варшаве на съезде ПОРП. Мы остаемся привержены этой позиции. Это тоже часть процесса снижения противостояния. Мы не собираемся нападать и воевать. У нас своих забот хватает. Вообще война для нас неприемлема с точки зрения наших принципов.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я вижу задачу в том, чтобы вытеснить с политического ландшафта военные элементы. Тогда несомненно легче будет решать и вопросы разоружения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. То обстоятельство, что по некоторым вопросам наши мнения совпадают, отнюдь не означает, что я их у вас, как вы сказали, подглядел. *(Оживление.)*

Ф.-Й. ШТРАУС. Я просто хотел подчеркнуть таким образом идентичность наших взглядов. Само по себе это уже большой плюс.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если это так, то я хочу задать прямой вопрос. Для нас, и не только для нас, предметом серьезных раздумий являются многие заявления Федерального правительства.

С одной стороны, мы слышим заверения о желании развивать отношения с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. Но слышим и рассуждения о «границах 1937 года», «восточных землях», нерешенности германского вопроса, восстановлении роли Берлина как имперской столицы.

Что это означает? Мы же все это слышим, в том числе и от господина Штрауса. Если это политика, то она ведет в политический и логический тупик.

Разговор об открытом германском вопросе давно стал беспредметен. Чем чаще и настойчивее об этом говорить, тем более строгие и эффективные гарантии безопасности будут требоваться для поддержания нормальной обстановки в Европе. Все эти разговоры стимулируют подозрение. Ведь если кому-то взбрдет в голову реализовать это, чем все обернется?

Мы приглашаем вас идти по пути сотрудничества. Послевоенные вопросы решены. Решения несут на себе отпечаток конкретной ситуации. Оставим это истории.

Если ФРГ исходит из этого, то открываются возможности для политического, экономического сотрудничества. Резервы для политики ФРГ на Востоке, а не на Западе, и в «третьем мире». Я вас не тяну сотрудничать, а приглашаю двинуться навстречу друг другу. Вот стержневой вопрос!

Ф.-Й. ШТРАУС. Еще раз со всей убежденностью, как христианин, хотел бы подчеркнуть, что мы никогда не позволим себе попытаться решать политические вопросы с помощью насилия. Мы никогда не возьмемся за меч, чтобы решать политические вопросы. Гитлер на собственной шкуре испытал, к чему это приводит.

Со всей ответственностью заверяю вас, что в ФРГ никогда не появится политическое руководство, которое будет считать, что проблемы следует решать войной или иными насильственными методами.

Будучи министром обороны, я постоянно обращался к солдатам бундесвера со словами о том, что их задача заключается не в оказании содействия в решении политических проблем, а в защите их государства от насилия. Профессия солдата, говорил я, включает в себя коренное противоречие. Обычную профессию человек осваивает

для того, чтобы ее применять на деле. А солдатам надо думать о том, чтобы их профессия никогда бы не нашла себе применения.

Что касается германского единства, то следует видеть большую разницу между исторически возникшими фактами и юридическими правовыми позициями.

Я никогда не был сторонником мирного договора. 30 лет назад мы сделали заявление, что Германия примет участие в мирной конференции только в качестве равноправной стороны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вот вы обвиняете Сталина, а он был за единую демократическую Германию. Даже предлагал выбор между НАТО и единой Германией. Вы выбрали НАТО.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я знаю об этом. Мы не форсируем вопрос о воссоединении Германии. Могут пройти и десять, и пятьдесят, и сто лет. Но мы знаем, что ключ к решению этой проблемы находится в Москве, а не в Вашингтоне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для истории безразлично, что записано в принятой в 1949 году Конституции ФРГ.

Ф.-Й. ШТРАУС. Идея мирного договора не нравилась мне и потому, что в случае ее реализации нам бы пришлось платить репарации.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Чувствуется истинно немецкая практичность. *(Оживление.)*

Ф.-Й. ШТРАУС. Когда я в первый раз был в Албании и беседовал с ее руководителями, то они сказали, что ФРГ обязана заплатить Албании 10 млрд долларов, если хочет установить с Тираной дипломатические отношения. Я им на это сказал, что вы можете оставаться со своим требованием, а мы останемся со своими долларами.

Мы будем и впредь придерживаться возможности единства немецкой нации в двух германских государствах и рассматривать это как задачу, возложенную на нас историей. Именно в этих рамках будет осуществляться наша «немецкая политика».

Мне в политике приходилось нелегко. До смерти Аденауэра я был вторым, а после его смерти стал первым политическим деятелем, являющимся мишенью для всевозможных клеветнических выпадов и оскорблений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наверное, в этом было что-то объективное. Так просто ведь не бывает.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я никогда не считаю в этой связи виноватой лишь одну сторону. Это самокритично, я всегда так к себе подходил.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую такой подход. Главное — идем вперед, а не назад.

Ф.-Й. ШТРАУС. В 1983 году в июле я принял приглашение Хонеккера посетить ГДР для обсуждения с ним некоторых экономических вопросов. Как по мановению волшебной палочки, я из «чудовища» превратился в честного политика-реалиста, в том числе и в средствах массовой информации ГДР.

Расскажу одну анекдотичную историю. У меня есть в Галле знакомый профессор. Он мне рассказывал, что в свое время в выступлении у себя в университете сообщил, что Штраус по приглашению Хонеккера придет в ГДР, будет с ним встречаться, беседовать, в честь него будет устроен обед. Один из «ортодоксальных» сотрудников университета заявил этому профессору, что Штраус не удостоится приглашения даже от дворника Хонеккера, не то что от него самого. Буквально через месяц я уже был в гостях у Хонеккера, а мой друг-профессор спросил своего оппонента: «Кто же теперь Хонеккер — дворник или председатель Государственного совета ГДР?».

Недавно Хонеккер был у меня в гостях в Мюнхене. Времена меняются. Не знаю, может быть, изменился и я сам. Со стороны виднее...

М.С. ГОРБАЧЕВ. По отношению к советчикам с Запада мы действуем по такому принципу: писатель пописывает, читатель почитывает, а жизнь идет сама по себе. В политике нельзя заниматься авантюризмом. Будем преодолевать консерватизм, административно-командные методы, бороться с бюрократизмом. Но через этапы не будем перескакивать. Ни с консерваторами, ни с авантюристами нам не по пути...

Будем и дальше углублять процесс перестройки. Это нужно нашему обществу. Перестройка ничем не угрожает соседям.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мы желаем вам успеха на этом пути, руководствуясь при этом эгоистическими мотивами в хорошем смысле этого понятия. Ваша перестройка объективно и субъективно способствует исчезновению чувства страха друг перед другом, Я не считаю, что внутренние реформы Советского Союза идут во вред другим странам, стимулируют, как это пытаются заявить американцы, вмешательство Советского Союза в дела других регионов...

Американцы воображают, что если они в какую-нибудь развивающуюся страну привезут томик Конституции и Библию, построят там некое подобие Капитолийского холма, то эта страна молниеносно решит свои проблемы и пойдет по пути строительства «американского образа жизни».

Мне неоднократно приходилось беседовать с американцами по проблемам «третьего мира», и я пришел к выводу, что у них об Африке,

в частности, представления такие же наивные, как у детей до школьного возраста.

М.С. ГОРБАЧЕВ. С Президентом США мы обменивались мнениями по региональным конфликтам и пришли к выводу, что у нас разные точки зрения. Наша линия заключается в том, чтобы и в Кампучии, и на Ближнем Востоке, и в Афганистане, и в Центральной Америке стремиться к достижению политического урегулирования.

Мы предложили оценить нынешнюю ситуацию. А она такова: повсюду растет стремление к урегулированию конфликтов политическими средствами. Давайте использовать авторитет и влияние СССР и США, чтобы поддержать эту политическую тенденцию. И мы не только провозглашаем этот лозунг, но и вносим конкретные предложения. Реакция американцев была, мягко говоря, нереалистической. Но к концу визита они высказались за продолжение обмена мнениями.

Должен сказать, что мы застали Америку в движении. В обществе там бродят интересные идеи.

Ф.-Й. ШТРАУС. Наша беседа носит исключительно насыщенный и всеобъемлющий характер. Мы выступаем за всестороннее развитие отношений ФРГ с Советским Союзом. В них мы видим важнейший элемент европейского политического ландшафта. Правительство Баварии чрезвычайно заинтересовано в развитии экономического и научно-технического сотрудничества с Советским Союзом. Ваши специалисты всегда у нас желанные гости, я с удовольствием вспоминаю об интересных беседах с ними.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Такое сотрудничество могло бы строиться успешно на основе взаимной выгоды. Вообще развитие экономических, научно-технических, культурных связей — это хорошая основа для укрепления доверия.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мы исходим из того, что в обозримом времени состоится ваш официальный визит в ФРГ. Буду весьма рад приветствовать вас на день или хотя бы на полдня в качестве своего гостя в Мюнхене. На канцлера Коля мы сумеем «с баварским обаянием и нажимом» оказать воздействие при составлении программы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне приходилось бывать в ФРГ, в частности в Нюрнберге, во Франкфурте-на-Майне, в Штутгарте, в Саарбрюккене. В Мюнхене, а кстати, и в Бонне мне бывать не доводилось.

Ф.-Й. ШТРАУС. Бавария — это что-то вроде Грузии или Ставропольского края. Вам там обязательно понравится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надеюсь, что предстоящий 1988 год ознаменуется наращиванием конструктивного политического диалога между СССР

и Федеративной Республикой, расширением контактов и встреч между двумя странами.

Ф.-Й. ШТРАУС. Господин Генеральный секретарь, мне настолько понравился этот деловой и непринужденный обмен мнениями с вами, что я позволю себе предложить вам продолжать его в письменном виде. Надеюсь, вы не будете возражать, если я иногда, когда возникнет большая потребность обменяться мыслями, пришлю вам письмо.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Принимаю ваше предложение. Желаю вам интересных и содержательных встреч в Москве.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

1988 год

Из беседы М.С. Горбачева с Л. Шпэтом

9 февраля 1988 года

*(Во встрече принимал участие
помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев)*

[...] **Л. ШПЭТ.** Есть одна сложная проблема, которая нас очень беспокоит и где Советский Союз может нам помочь. У нас появляется слабое место, как только мы становимся активнее в политике.

Речь идет о Западном Берлине, о его Четырехстороннем статусе. Я говорю чисто теоретически. Стоит нам только более активно начать действовать в том или ином направлении, как США, Франция и Англия в случае, если им эта линия не нравится, сразу же начинают указывать тогда на особый риск, связанный с Западным Берлином. Нам бы хотелось, чтобы Советский Союз во избежание недоразумений начал подходить к Западному Берлину с таких же реальных позиций, с каких он подходит к другим вопросам.

Я смотрю на берлинскую ситуацию реально, как и на другие. Мы должны прагматично подходить к таким ситуациям. Для нас очень важно, чтобы наши западные партнеры не тормозили нас своими действиями в отношении статуса Западного Берлина.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы рассуждали в теоретическом плане, а я выскажусь в практическом. Я уже говорил и Президенту Вайцзеккеру, и Геншеру: то, что мы имеем сегодня, — это послевоенные реальности.

Заключен целый ряд договоров, которые лишь тогда имеют смысл, если их уважают. Мы знаем, что многие не в восторге от них. Однако с ними надо обращаться как с реальностями. Я говорил федеральному Президенту, что надо предоставить истории решение этих вопросов.

К этим реальностям я отношу и Западный Берлин. Мы будем ответственно вести политику. Не надо пытаться провести друг друга, перехитрить в чем-то. Рано или поздно хитрость станет известна, но она породит подозрительность, которая будет жить годы и даже десятилетия.

Наша позиция ясна. У нас хорошие отношения с ГДР. Мы хотим хороших отношений с ФРГ, спокойствия вокруг Западного Берлина. Чего вы еще хотите от нас?

Л. ШПЭТ. Мы тоже хотим хороших отношений с ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо иметь хорошие, добрые отношения. Другой подход чреват серьезными осложнениями. Мы считаем, что развитие Европы на путях мира откроет возможность и для дальнейшего улучшения отношений между ГДР и ФРГ. Ограничения, препятствия появляются тогда, когда возрастает напряженность.

Л. ШПЭТ. Сейчас между двумя немецкими государствами существуют прагматичные отношения. Хорошо было бы, чтобы Советский Союз, как я уже говорил, начал прагматично относиться и к Западному Берлину. Без этого нам непросто развивать конструктивную, наступательную политику.

Когда возникают расхождения по каким-то другим крупным вопросам, то у нас это не вызывает психологической нагрузки, поскольку речь идет о взаимоотношениях между двумя противоположными общественными системами. Нервозность начинает появляться лишь тогда, когда речь идет о том, вызовет ли тот или иной шаг риск для Западного Берлина. Это имеет под собой историческую, эмоциональную подоплеку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я уже говорил, что на вещи надо смотреть с реалистических позиций. Если будут хорошие отношения между СССР и ФРГ, между ФРГ и ГДР и между ГДР и Советским Союзом, то и ситуация вокруг Западного Берлина будет спокойная. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

На заседании Политбюро ЦК КПСС

14 апреля 1988 года

О Брандте

Горбачев. Встреча моя с ним³² вышла масштабной на двух важных направлениях: в отношении ФРГ и в отношении международной социал-демократии — Социалистического Интернационала.

1. Советско-западногерманские отношения почти не затрагивались в беседе. Брандт соблюдал декорум: он ехал сюда как представитель международной социал-демократии, а не как западногерманский лидер (чтобы не вторгаться в официальную компетенцию руководства страны).

Однако сам факт встречи с ним (фигура он очень значительная в современной истории ФРГ) позволил нам немного выправить тот крен, впрочем, очень полезный, который мы сделали в последнее время в отношении ХДС—ХСС и либералов.

2. Получилась крупная акция в отношении Социалистического Интернационала. Здесь Брандт — фигура пока что вне конкуренции, с очень высоким авторитетом.

Ему надо было убедиться — он не скрывал этого ни в беседе, ни потом в контактах с прессой и со своими коллегами, — что перестройка устойчива, что отходить и останавливаться мы не собираемся, так же, как и во внешней политике.

И именно поэтому большую часть времени пришлось уделить нашим внутренним делам. В результате, по сведениям, которые поступили в шифровках, Брандт действительно утвердился в мнении о надежности курса перестройки. А это его, надо сказать, беспокоило. И беседу он начал с упоминания о статье в «Советской России»³³. Статью в «Правде» немцы еще не успели прочитать.

3. По международным вопросам заранее было известно, что у нас принципиальных расхождений нет: ни в отношении СОИ, ни в отношении СНВ³⁴, ни по химическому и обычному оружию. Здесь западногерманские социал-демократы занимают позитивные позиции. Встреча помогла закрепить близость подходов.

Кстати, мной было сказано, что неплохо было бы, если бы они на очередном Совете Социнтерна или съезде (в 1989 году) перестали ставить на одну доску СССР и США. Кажется, Брандт воспринял это всерьез. И вообще, по сведениям, которые поступают от него и его окружения из ФРГ, он намерен основательно учесть итоги встречи при подготовке майского заседания Совета Интернационала в Мадриде, добиться, как он сказал в своем кругу, «перестройки» в подходе Социнтерна к Советскому Союзу.

Кроме того, сейчас готовится новая программа Социнтерна, которая, по заявлению Брандта, в корне будет отличаться от прежней, принятой в 1951 году. Та была густо замешана на «холодной войне», на антикоммунизме и антисоветизме. В этом смысле встреча тоже была своевременной.

4. Позиция по «круглому столу»³⁵. В принципе они выступают за общеевропейский форум с участием разнообразных сил. Но, видимо, сговорились с итальянцами (с Натта) и не хотят, чтобы участвовали мелкие компартии, по крайней мере, из тех стран, где огромном большинстве.

Удалось немного сбить их с этой позиции. Договорились на двусторонней основе проработать проблему «круглого стола». Дело стоящее. Это огромный клин европейского общественного мнения.

5. Словом, нужна была такая встреча. Ведь речь идет об очень большом массиве рабочего движения и вообще трудящихся масс, особенно Западной Европы. Партии Социнтерна (их 70) насчитывают более 20 млн человек и имеют поддержку более 120 млн избирателей. Подтягивать их к новому мышлению, к поддержке нашей перестройки, к делу разрушения «образа врага» надо продолжать. Продолжать по-умному, деликатно, на принципах равноправия.

6. Идеологические различия. Они остаются здесь возможны и время от времени целесообразны в разных формах деловые принципиальные дискуссии. Но, разумеется, не в прежних формах, которые разжигали вражду между коммунистами и социал-демократами.

Между прочим, Брандт, отметив наличие разногласий, добавил, что, по его мнению, в последнее время расстояние между коммунистами и социал-демократами начинает сужаться.

Запись А. С. Черняева

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из беседы М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем³⁶

Москва, 11 мая 1988 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Искренне приветствую вас и ваших товарищей в Центральном Комитете партии. Сразу скажу: мы высоко ценим, как складываются у нас отношения с СДПГ. Мне кажется, отношения между КПСС и СДПГ — это уже самостоятельная, крупная тема. Главное, ни мы, ни вы ничего не потеряли от развития таких отношений, а многое приобрели. Мы не стали филиалом СДПГ, а вы — филиалом КПСС. Обе наши партии, занимая самостоятельные позиции, выражают собственное мнение, а обмены лишь приносят пользу обеим сторонам.

У нас много друзей в ФРГ и в СДПГ. Мы их мнение ценим. В наше скоротечное, переломное время со многими опасностями большую ценность представляет возможность диалога на высоком уровне. В духе сложившихся традиций мы готовы развивать и углублять этот диалог. Он помогает констатировать, где мы находимся, чем располагаем. На базе достигнутого, двигаясь дальше, мы хотели бы вести и нынешний наш разговор.

Еще раз приветствую вас и, как гостю, предоставляю слово вам.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Благодарю за оценку отношений между нашими партиями, согласен с ней. Лет пять назад даже оптимисты не могли предполагать, что нынешнее состояние этих отношений станет возможным.

Мы знаем наши границы, не преувеличиваем собственного значения. Однако нормализация отношений СССР—ФРГ — это прежде всего достижение социал-демократов, моего предшественника на посту председателя — Брандта, с которым вы имели недавно обстоятельную беседу. Он меня подробно информировал о ней и просил передать вам привет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Людям моего поколения присущи особые чувства, воспоминания, когда стоишь у Кремлевской стены, перед могилой Неизвестного солдата. Несколько минут назад, посетив это место, нам вспомнились события 1941—1945 годов.

Вы любезно предоставили нам время. И мы хотели бы правильно им распорядиться. Нам хотелось бы обсудить следующие темы.

Первое — это о внутреннем развитии Советского Союза. вы знаете, с каким вниманием и симпатиями мы следим за перестройкой. Хотелось бы услышать от вас более детально оценку хода, трудностей, перспектив перестройки, какое сопротивление она встречает, чем можем помочь мы. Эта политика и в наших интересах. Не только из чувства любви к ближнему мы желаем ей успеха.

Второе — это вопросы обеспечения мира и безопасности. Что делать дальше? Что могли бы сделать СДПГ, федеральное правительство? Мы хотели бы также затронуть вопросы «общеευропейского дома», которые сильно занимают умы людей, обменяться мнениями по двусторонним отношениям СССР—ФРГ. Если не возражаете, можно было бы затронуть отношения между двумя германскими государствами. Со своей стороны мы готовы дать анализ внутривнутриполитической обстановки в ФРГ и ее перспектив.

Хотел бы остановиться также на отношениях между СДПГ и КПСС. У нас есть ряд конкретных предложений относительно наших контактов, в том числе выходящих за рамки нашей совместной рабочей группы. Если останется время, можно было бы сказать несколько слов о кризисных регионах. Полтора месяца назад я был в США, есть некоторые впечатления. Одним словом, каталог тем довольно большой. Но и возможность побеседовать с вами предоставляется не каждый день.

Повторяю: за политикой перестройки мы, социал-демократы, следим с большим вниманием и безусловной симпатией. За три года произошли большие перемены. Откровенно говоря, я не верил, что газета «Правда» будет у нас раскупаться. Не хотим вмешиваться в ваши дела, не преувеличиваем своего значения. Но хотели бы услышать, в чем можем помочь, ибо мы по-партийному болеем за удачу перестройки...

Беседа несколько недель назад с Живковым, услышал от него, что срыв перестройки был бы катастрофой не только для Советского Союза, но и для всей Европы, для всех нас. Могу с этим только согласиться. Так что в пожелании вам удачи есть и свой эгоизм...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы говорили о симпатии вашей партии к перестройке. Как мы видим реальное отношение к перестройке на Западе?

Поначалу там реагировали весьма позитивно. Но, как теперь стало ясно, Запад просто не верил в то, что перестройка — всерьез и надолго. Но как забеспокоились известные центры! Социализм, который собирались «отправить на свалку истории», обнаруживает новую динамику. Оказывается, в «империи зла» разворачивается демократизация, оттуда исходят инициативы по разоружению. А где же «образ врага»? Рушится вся концепция, на которой строятся политика и пропаганда.

После Рейкьявика из Вашингтона пошла паника. В Брюсселе говорили не о том, как двигать процесс разоружения, а отчитывали Рейгана, который-де пошел на поводу нового мышления русских и оказался в дураках. Там говорилось, что нельзя больше терпеть, чтобы инициатива оставалась в руках Советов. Тэтчер занималась самокритикой относительно своего «вклада» в популяризацию Горбачева. А послушайте выступление Рейгана накануне визита! Пришлось его несколько остудить. Так что отнюдь не всем нравятся перестройка и новое мышление. Здесь надо быть реалистами. Но в общественных кругах, среди интеллектуалов, в народе перестройка, новое мышление находят большой отклик. Посмотрите, этот феномен с моей книгой «Перестройка». Тираж уже подходит к 4–5 млн.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. В ФРГ в списке бестселлеров ваша книга уже давно занимает первое место.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для меня важно, почему эта книга получила такой отклик. Видимо, мир устал и ждет перемен к лучшему. В этом причина ее популярности. Будем действовать уверенно, последовательно, хотя вести переговоры сейчас очень трудно по всем направлениям.

Американцам тяжело дается новый подход. Они все еще пытаются действовать с позиции силы. Кто-то им вдолбил в голову (а может быть, они сами это решили), что «Горбачев и его команда» оказались сейчас в трудной ситуации, можно выжать из них побольше. Есть попытки, добившись сокращения межконтинентальных баллистических ракет — самого опасного оружия, обойти нас через космос, через наращивание крылатых ракет морского базирования — словом, там, где им кажется, что они обладают преимуществом.

Наверное, мир и Америка будут меняться. У нас хватит ума и выдержки. Но покоя мы не будем давать ни Америке, ни Западу. Там должны либо пойти на ядерное и всеобщее разоружение, либо открыто разоблачить себя, признать, что они — сторонники милитаризма.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Это, пожалуй, самый важный вопрос. Ваш ответ прозвучал трезво, по-деловому и произвел на нас, людей, искушенных в политике, очень сильное впечатление.

Выход из неподвижного, застывшего состояния высвобождает силы народа, придает динамизм и идет в конце концов на пользу всем вашим людям. Со временем ваша страна будет играть мировую политическую роль не только на основе военной силы, но и опираясь на эффективность экономики, открытость и привлекательность общества.

Советский Союз будет наращивать свой вклад в совместное решение общечеловеческих проблем, переходящих границы систем и обостряющихся из года в год. Я понимаю под этим уничтожение оружия массового поражения, угрожающего самой жизни людей, сохранение природы, противодействие экологическим опасностям, в частности, проблему озонового слоя, изменения климата. К общечеловеческим я отношу и социальные вопросы, имеющиеся не только внутри каждого отдельного народа, но и общие для всего человечества — взаимоотношения между Севером и Югом. Мир стал действительно тесным, и для решения всех этих проблем требуются соответствующие международные учреждения.

В Федеративной Республике и США есть явное меньшинство, которое предпочло бы открытому, притягательному Советскому Союзу неподвижный, окостеневший облик реального социализма. вы правильно сказали, что многое зависит от понимания людей. И мы чувствуем внимание и надежды на Западе, связываемые с руководителем КПСС. Самых больших успехов вы добились в политике разоружения, выдвигая неожиданные предложения или просто принимая предложения Запада. Должен самокритично заметить, что там просто не знали, что делать, вели себя как растревоженные куры.

Еще большего эффекта, на более широком фронте вы можете добиться через процесс демократизации — плюрализм, возможность критиковать, разворачивать собственную инициативу.

Здесь, за столом, сидят три бывших обер-бургомистра крупных городов. Самоуправление наших городов и общин, поощряющее дух соревновательности, многообразие, необычно даже для Европы, например Франции. Наше местное самоуправление возлагает всю меру ответственности за принимаемые решения на саму общественность.

Говоря об экономической реформе, вы упомянули о намерении вернуть цене ее экономическую функцию, что было у вас долго не в почете. Для этого нужны заинтересованные люди, готовые использовать инструмент цен, не оглядываясь «на верхи», брать на себя риск выиграть или проиграть. Такое положение нам известно по валютной реформе 1948 года, по реформе в Китае.

Тэтчер говорила мне в пространной форме, что вне Великобритании ей нравятся двое мужчин — Горбачев и Шмидт. Правда, позже она столь же пространно пояснила, что с коммунистами все же нужно быть поосторожнее.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А как насчет осторожности с социал-демократами?

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. По этому вопросу у нее тоже весьма строгое мнение, хотя и по другим причинам... Тэтчер весьма энергично высказалась вчера в нижней палате парламента за ратификацию Договора по РСМД.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сейчас она снова стучится к нам насчет организации ответного визита.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Она восприимчива к налаживанию особых отношений между Лондоном и Москвой. С ней надо поработать, как со Штраусом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Штраус — очень интересный собеседник.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Это мне известно из 30-летнего опыта общения с ним. Я давно высказывался за прием Штрауса в СССР и ожидал его реакцию на беседы в Москве. Как говорят американцы, вы получили «так много за так мало», с помощью минимальных средств получили большую рекламу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В главных вопросах он был ясен. Он понимает значение отношений ФРГ с СССР, усвоил уроки еще тогда, когда его эвакуировали с обмороженными ногами из Сталинграда. Твердо, не раз говорил нам, что нельзя допустить военного столкновения в Европе, что это было бы самоубийством. Я не склонен относить Штрауса к безответственным политикам. У него есть свои консервативные убеждения, но он реалист, с ним можно вести дела.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Согласен с вашей оценкой. Он не хочет войны, и это всерьез. В то же время он часто непредсказуем. Его у нас сравнивают с электростанцией большой мощности, у которой порой перекипают котлы. Вам бы принять его пораньше, например в 1975 году. Убежден, что тогда многого можно было бы избежать в наших взаимоотношениях.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда СДПГ была у власти, она предложила новую «восточную политику», нашедшую реализацию в известных договорах. Из рядов ХДС, а тем более со стороны Штрауса слышались тогда возгласы о предательстве. Мы это помним. В Москве Штраус высказывался в трезвом и реалистическом духе по крупным международным проблемам. Значит, мир меняется.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Согласен. В Библии говорится, что один раскаявшийся грешник дороже 99 праведников.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Штраус процитировал в беседе своего отца, который говорил ему после прихода Гитлера к власти: «Йозеф, этот человек погубит Германию».

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Несколько слов по вопросам обеспечения безопасности. Мы придаем большое значение Договору о ракетах средней и меньшей дальности. Впервые удалось приостановить гонку вооружений. Мы уверены, что Договор будет ратифицирован в США. Думаем, что нынешние трудности не имеют принципиального характера. Видим мы и влияние предвыборной борьбы, и напряженность в отношениях между Сенатом и Белым домом. Однако провал этого Договора означал бы для авторитета американцев неразумно высокую цену.

В области СНВ мы надеемся на завершение работы по разработке соглашения. Верим, что можно решить проблему контроля за крылатыми ракетами морского базирования. Мы с самого начала решительно выступили против всех видов космических вооружений, кому бы они ни принадлежали. Миллиарды нам нужны не в космосе, а на нашей грешной земле для решения насущных проблем.

Мы выступаем также за полный и всеобъемлющий запрет химического оружия. У нас создается впечатление, что трудности в вопросах контроля исходят от американской стороны. Ваши предложения в этой области пошли дальше американских. Мы называем это «эффектом Горбачева». Вместе с правительством ГДР и присоединившимся к нам правительством ЧССР СДПГ выдвинула предложение о создании в Центральной Европе зоны, свободной от химического оружия. Если не удастся сразу достичь полного запрещения этого оружия, то мы предлагаем провести в течение 3–4 лет испытание на практике возможностей реализации такой зоны, в том числе и вопросов контроля.

По нашему мнению, одной из главных проблем становится сейчас разоружение в обычной сфере. Вооруженные силы обоих союзов должны, по нашему убеждению, быть структурно неспособными к ведению наступательных действий. Нам приятно, что подобные концепции находят поддержку со стороны Варшавского Договора, что ими свободно оперирует Геншер. Имеющиеся асимметрии подлежат устранению. У вас в ГДР слишком много танков. Согласен, что и у Запада есть превосходство, например, по самолетам. Надо решать эти проблемы. Мы поддерживаем ваше предложение об обмене данными относительно обычных вооружений и вооруженных сил. Но почему вы приглашаете к такому обмену только США, а не другие европейские государства?

Наш второй проект — безъядерный коридор в Центральной Европе глубиной по 150 км по каждую сторону. Здесь через артиллерию за-

трагивается и обычное вооружение. Советский Союз мог бы придать новый импульс, заявив о готовности демонстративно отвести инженерно-понтонную технику, предназначенную исключительно для наступательных действий, на 300–500 км в глубину.

Мы признаем наличие связи между разоружением в обычной сфере и ядерными системами малой дальности. Я имею в виду тактические ядерные ракеты дальности менее 500 км и ядерное оружие поля боя. Сознавая сложность этой проблемы, мы привержены новым нулевым решениям и полному уничтожению этих вооружений. В ФРГ намечается консенсус по этому вопросу, выходящий за рамки СДПГ. Это относится и к позиции Геншера, и к недавним высказываниям ведущих представителей ХДС в Вашингтоне. Мы приветствуем это новое явление. Вес ФРГ в пользу проведения разумной политики в области разоружения может повыситься.

Решающее значение мы придаем преодолению «образа врага». Если не изменится сознание людей, мы можем рассчитывать лишь на преходящие успехи. Надо внимательно следить за генералами с их военно-стратегическими выкладками. Они иногда склонны при составлении своих анализов больше оглядываться на комиссии по военным ассигнованиям.

Несколько слов о военных союзах. В обозримом будущем они сохраняют свои функции. Социал-демократическое правительство ФРГ не ставило бы под вопрос членство страны в НАТО. Мы выступаем за изменение стратегии нашего союза, однако темпы и объем этих изменений должны определяться с учетом подобных изменений в стратегии Варшавского Договора. Мы отвергаем какой-либо особый немецкий путь. На основе полной лояльности к своим союзам и находясь в географическом центре Европы, социал-демократы вносили и вносят вместе с руководством ГДР свой вклад в обеспечение мира.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Благодарю вас. Ваши высказывания укрепили наше мнение о том, что СДПГ вносила в последнее время конструктивный вклад в поиск путей укрепления мира и разоружения. Мы ценим это. Наш диалог был постоянным и регулярным. Отдаем должное четкой позиции СДПГ по вопросу о ракетах «Першинг-1А».

Сейчас существует возможность с реальных позиций продвигать те проблемы, по которым есть совпадение между СДПГ и КПСС...

(Затем собеседники перешли к обсуждению европейского процесса и двусторонних отношений.)

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Надо изменить человеческое сознание, психологию. Война не средство политики, даже война с применением обычного оружия. Удалось достичь уже немало изменений. Отсюда наш реа-

листический оптимизм. Конечно, люди, о которых вы упоминали, существуют. Мы только что занесли г-на Штрауса в категорию конструктивную. А кто тогда остается, по крайней мере, в ФРГ?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Что касается Европы, то она может сыграть в это переломное время незаменимую роль. Здесь накоплен наибольший исторический, интеллектуальный опыт. Поэтому мы придаем столь большое значение европейскому направлению нашей политики. В Европе мы хотим иметь лучшие, чем до сих пор, отношения с ФРГ. С приходом к власти нынешней коалиции отношения между нашими странами не только остановились, но мы даже что-то потеряли. Сейчас отношения меняются к лучшему. Это в интересах советского народа и немцев ФРГ, в интересах Европы и мира.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Несколько слов о Европе и двусторонних отношениях. Вы впервые произнесли слова «общеввропейский дом». Мы с большим согласием относимся к ним. Но я считаю ненормальным явлением, что представители континента, о котором не в последнюю очередь идет речь в Женеве, не сидят за столом переговоров.

Мы выступаем за развитие процесса политического объединения Европы. Считаем, что создание внутреннего рынка Европейского сообщества, объединяющего около 350 млн человек, даст импульс мирному хозяйственному развитию. ЕС должно больше заботиться о безопасности, говорить здесь одним голосом. 2000-летний кровавый опыт европейцев, со многими ужасными ошибками, весьма поучителен.

Мы приветствовали бы установление официальных отношений между СЭВ и ЕЭС. По нашей информации, все еще сохраняется небольшая проблема. Были бы рады, если ее удастся разрешить еще во время председательства ФРГ в ЕС. Это помогло бы и развитию отношений между нашими двумя странами. Мы создали свою рабочую группу по европейским вопросам.

Что касается двусторонних отношений, то там были сбои. Мы критиковали то, что считали нужным. И я не хотел бы повторяться. Мы приветствуем предстоящий визит Коля в СССР. Конечно, было бы хорошо, если бы обстоятельства позволили провести его один—два года назад. Мы ждем вашего визита в ФРГ. Было бы полезно, если программа визита, кроме Бонна, включала бы и другие города, в частности Дюссельдорф.

Экономическое сотрудничество по-прежнему занимает во всем комплексе наших отношений одно из ведущих мест. Это тем более актуально в связи с изменениями в вашей стране. Мы приветствуем только что достигнутую договоренность между советской стороной и «Дойче Банк», хотя мы с ним не всегда согласны.

Можно было бы много сделать в области экологии. Немало возможностей имеется в области культурного сотрудничества. Многие западногерманские города проявляют желание установить партнерские связи в СССР. Ко мне обратилось руководство Вольфсбурга с просьбой передать их предложения об установлении связей с Тольятти. Такие отношения распространялись бы также на школы, производственный совет местного завода «Фольксваген», обмен людьми. Передаю вам эти материалы.

В экономической сфере мы пока задействовали лишь малую часть возможностей. Со стороны средних и малых фирм ФРГ имеется готовность завязывать отношения напрямую с вашими предприятиями, минуя длинный бюрократический путь согласований, на которые уходит слишком много времени. Нужны конкретные решения, и количество может перейти в качество.

Хотел бы поставить два конкретных вопроса. В близком к нам Фонде Эберта есть возможность предоставить 20–30 мест для молодых советских менеджеров среднего звена с целью теоретической подготовки и производственной практики в нашей стране, приобретения ими навыков общения с западными предпринимателями. В некоторых отраслях, в частности в тяжелой промышленности, сокращается пенсионный возраст — до 57–58 лет. Уходящие на пенсию инженеры, мастера хотели бы применить свой опыт и знания. Вы могли бы пригласить их к себе на 6–8 месяцев. Для них речь идет не о деньгах, а о возможности принести пользу.

Два слова о Берлине, Западном. Мы бы хотели, чтобы он включался в экономическое сотрудничество. С удовлетворением констатируем установление контактов в области воздушного сообщения. Будет жаль, если этот город не получит никаких преимуществ от общего улучшения отношений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ваши и наши мысли идут в правильном направлении, навстречу друг другу. Мы — за политический диалог на правительственном уровне, за развитие экономических связей. Сейчас у нас идет перестройка внешнеэкономической сферы. Надо переносить дело в плоскость конкретных решений. Пока есть трудности, но, думаю, дело наладится. Наверное, в плане подготовки визита Коля мы сможем что-то зафиксировать. Что касается ваших предложений, я не вижу препятствий, чтобы посмотреть, как использовать возможности Фонда Эберта. Что касается связей городов, то мы передадим ваши предложения правительству.

О Западном Берлине. Самое лучшее, что у нас есть, — это Четырехстороннее соглашение. И было бы хорошо не нарушать этот баланс.

Западный Берлин не должен быть мертвым городом. У нас нет таких идей.

Хотел бы высказать еще одну мысль о Европе. Нам нужно выработать единое понимание по одной проблеме. Мы слышим: «надо преодолеть раздел Европы». Под этим подразумевается нечто отличное от того, что имеем в виду мы. Мы говорим: давайте строить общий европейский дом при уважении суверенитета, социального выбора, территориальных реальностей. А некоторые требования о преодолении раздела Европы направлены на то, чтобы некоторые государства исчезли. Это неприемлемо и нереалистично. Реалистом надо быть и в этом вопросе.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Мы понимаем под объединением Европы единство этого континента в рамках европейского сообщества. Мы хотим жить в общем европейском доме, хотя и на разных этажах. Мы не за пересмотр границ. Мы за то, чтобы границы теряли свое нынешнее значение, становились более «проходимыми», объединяли, а не разъединяли людей. Вместе с СЕПГ мы разработали документ «Спор идеологий и совместная безопасность», в котором мы не пытаемся замазывать различия между системами. Это ничего не даст.

Мы хотим организовать мирное соревнование как оживляющий элемент и для людей, и для совместного решения общечеловеческих задач. Такой совместный документ является историческим событием. С 1917 года социал-демократы и коммунисты не предпринимали в Германии ничего подобного. Передаю вам текст этого документа.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я читал его еще до того, как вы его подписали.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Я об этом догадывался.

Что касается отношений между двумя германскими государствами, то мы внимательно следим за вашими высказываниями. Ваша формулировка на встрече с Вайцзеккером о том, что ответ даст история, пользуется у нас признанием. Думаем также, что она не противоречит наличию исторической, культурной, языковой, духовной общности немцев.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Полезен обмен и по этому вопросу. Здесь должна быть ясность. Со своей стороны могу лишь подтвердить то, что говорил ранее. Как, наверное, и вы, мы выслушиваем высказывания партнеров, а затем смотрим, сопоставляем их с практическими делами и делаем для себя выводы. Так будем действовать и по данному вопросу.

И еще одно. В прошлом было так: хотим мы этого или нет, различия между народами, странами были источником конфронтации, противоборства. Это касается и идеологических различий. В Средневековье ордена вели между собой войны, втягивая в них народы.

Важнейшим принципом для нас является то, что различия не являются препятствием для сотрудничества, для обмена достижениями в науке, культуре, технике. Большие различия имеются и внутри отдельных стран — между группами населения, различными слоями. Надо оставаться самим собой, уважать выбор другого, находить баланс интересов. Другой подход чреват негативными последствиями, если не сказать катастрофой. Весь послевоенный опыт полон уроков, заставляющих лучше оценивать мир. При всех противоречиях мы — одна цивилизация, и надо учиться жить по-новому.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Вы правы, г-н Генеральный секретарь. Такая постановка вопроса мне очень близка.

В целях улучшения взаимной информации между нашими партиями хотел бы сделать два предложения. Фонд Эберта ведет переговоры относительно открытия в Москве своего постоянного представительства. Насколько я знаю, эти переговоры уже привели к некоторым результатам, что мы весьма поддерживаем.

Мы уже говорили сегодня о важной роли печати. Наша партия издает еженедельник «Форвертс». Он основан почти одновременно с СДПГ и выходит уже более ста лет с 12-летним перерывом, когда во время действия «закона против социалистов» и в годы гитлеровского режима он был запрещен. Мы хотели бы распространять у вас 10 тыс. экземпляров этого еженедельника.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вопрос о представительстве Фонда Эберта уже решен. Что касается «Форвертса», мы позитивно подойдем к этой просьбе и проинформируем вас...

Мы довольны тем, как развиваются связи между нашими партиями. И эта встреча внесет определенный вклад в этот процесс. Мы открыты для диалога.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Хочется думать, что личное знакомство подтвердило как критические, так, надеюсь, и позитивные характеристики, данные мне заочно вашими помощниками. В заключение хотел бы преподнести портрет Фердинанда Лассаля, имя которого мы с удовлетворением обнаружили на памятнике в Александровском саду у Кремлевской стены. С именем Лассаля связано основание нашей партии. Передаю вам также одно из его редких изданий, где он размышляет о демократии, избирательном праве.

Из беседы М.С. Горбачева с М. Бангеманом

16 мая 1988 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** В советском руководстве придают большое значение поддержанию контактов со Свободной демократической партией. Мы знаем г-на Геншера, теперь рады знакомству с вами.

У нас идет активный диалог с основными политическими партиями и силами ФРГ. Нарастает его динамика, расширяется диапазон контактов и связей. Устанавливаются новые формы сотрудничества. В целом это оценивается должным образом. Нам надо восполнять то, что упустили, потеряли.

И в этом контексте я хотел бы выделить вклад Ганса-Дитриха Геншера, с которым у меня сложились хорошие отношения и взаимопонимание. Говорю это не потому, чтобы сделать приятное. Хочу констатировать, что ваша партия занимает конструктивную позицию в европейской и мировой политике и в плане советско-западногерманских отношений.

Вы, наверное, внимательно следите за тем, что происходит у нас. А мы следим за вами — что кто говорит и что предлагает миру.

Во время встречи с г-ном Геншером летом 1986 года — а это был первый разговор с представителем нынешней коалиции — мы пришли к единому мнению, что отношения между Советским Союзом и ФРГ — ключ к пониманию европейской и мировой политики. Это важно сегодня и особенно завтра, если мы действительно хотим построить Европу без комплексов, на основе реальностей, с учетом исторических достижений и ценностей, созданных народами Европы на протяжении своей многовековой и богатейшей истории.

Что касается ФРГ, то я уже как-то говорил: мы за то, чтобы слышать ее собственный голос, а не слушать из Бонна перевод с англий-

ского на немецкий, а затем на русский язык. (*Оживление.*) Это длительный процесс, в ходе которого утрачивается специфика.

Мы видим в Федеративной Республике Германия крупную величину в мировой и европейской политике с точки зрения экономических, политических и философских представлений о современном мире. Нам многое легче понять, потому что русские и немцы давно знают друг друга, история их тесно переплелась. И говорить они друг с другом могут с той прямотой, которая вообще характерна для их национальных характеров.

То, о чем я сейчас говорил, относится больше к области воспоминаний. Сейчас ситуация изменилась. Могу констатировать: мы перевернули страницу в наших отношениях и начали писать новую. Мы за широкое сотрудничество с любым правительством ФРГ, избранным ее народом. Надеемся, что немцы никогда не допустят чего-либо похожего на национал-социализм и не согласятся иметь реваншистское правительство.

М. БАНГЕМАН. Для ФРГ опасность появления национал-реваншизма является весьма незначительной, а шансы создания этими силами правительства вообще мизерные. Если взять соседние с нами государства, в частности Францию и Данию, то на недавно прошедших там выборах ультраправые силы получили заметный прирост голосов. У нас же, в ФРГ они, даже при самых благоприятных для себя условиях, могут рассчитывать на 1–1,5% голосов избирателей.

Вам уже говорили, и я со всей ответственностью хочу подтвердить, что немцы извлекли для себя жестокий урок из истории. И сделают все для того, чтобы не допустить его повторения. Наши соседи и мы сами понесли колоссальные жертвы, забыть о них мы не вправе. Это было бы аморально.

С националистами или фашистами человечество не может развиваться в обстановке стабильности и уверенности в своем завтрашнем дне. Опасность фашизма можно устранить, у нас следят за тем, чтобы он не смог возродиться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы тоже так думаем, исходим в принципе из этого. Но и не оставляем без внимания ни малейшей попытки реваншистских проявлений. У нас к этому особая чувствительность.

Если говорить по большому счету, то СССР и ФРГ в значительной мере могли бы сыграть роль архитекторов общего европейского дома, выступить как соавторы добрых начинаний, создать модели сотрудничества двух различных систем, проверить их на практике, продемонстрировать их жизнеспособность и выгодность для всех народов Европы. От такого сотрудничества в политической, эконо-

мической, других областях народы наших стран, народы всей Европы только выигрывали бы. Об этом убедительно свидетельствует опыт истории.

Мы — разные, но нам жить в одном европейском доме. Почему народы разных стран не могут жить вместе? Ведь европейцы веками живут рядом, накопили огромный опыт сосуществования. Это необходимо с точки зрения и мировой, и европейской политики...

Нам иногда говорят: вы, мол, увлечены отношениями с Соединенными Штатами. Чепуха это! Европа никогда не была на заднем плане в нашей политике. Никогда. Она была и останется главным направлением в нашей политике. И мы постараемся это доказать реальными шагами, а не только заявлением позиций. Без Европы невозможна выработка реальной и предсказуемой политической линии.

Мне хотелось об этом еще раз напомнить вам, члену правительства ФРГ. Я уже говорил представителям ФРГ, что резервы внешней политики Бонна на Западе исчерпаны. Резервы внешней политики ФРГ лежат на Востоке.

М. БАНГЕМАН. Я тоже так думаю.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сказанное — это своего рода совет, который я, в отличие от Киссинджера, даю бесплатно...

М. БАНГЕМАН. Хотел бы сказать со всей ответственностью, что партия свободных демократов в качестве одной из своих основных политических целей видит закрепление ФРГ на линии развития отношений взаимного доверия и сотрудничества с Советским Союзом. Моя партия еще в середине 50-х годов выработала концепцию развития отношений с соседями ФРГ на Востоке, прежде всего с СССР.

Наша концепция тогда не получила одобрения. Она была, в частности, встречена в штыки такими крупными партиями, как ХДС/ХСС. Противоречия достигли такой остроты, что СвДП оказалась на грани краха. Это явилось одной из причин того, почему мы вступили в коалицию с СДПГ и в течение 13 лет делили с социал-демократами места в правительстве. За это время наша концепция утвердила себя в практической политике, была принята ее прежними противниками.

Нынешняя коалиция ХДС/ХСС — СвДП проводит ясную «восточную» политику. Мы вступили в коалицию с христианскими демократами при условии строгого соблюдения такой линии. Сейчас все коалиционные партии выступают за внешнюю политику, основанную на наших принципах.

Я думаю, г-н Генеральный секретарь, что во время ваших бесед со Штраусом и Шпэттом вы имели возможность убедиться в правоте такого утверждения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. СВДП знают в Советском Союзе как партию, внесшую существенный вклад в политику разрядки, отстаивание преемственности оправдавшего себя курса на развитие конструктивного сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Эту политику отстаивал господин Геншер во время выборов в бундестаг в 1986 году. Она получила тогда широкую поддержку избирателей. В конце концов и вся правящая коалиция подтвердила эту политику, хотя избиратели увидели различия в позициях партий и дали возможность свободным демократам укрепить свой авторитет.

М. БАНГЕМАН. Думаю, что наша внешнеполитическая концепция признана бесспорной. Мы с самого начала сказали, что не будем участвовать в правительстве, которое не станет поддерживать такую политику. ХДС/ХСС хорошо это поняли и своевременно перестроились.

Наше экономическое сотрудничество, научно-технические связи с Советским Союзом развиваются по восходящей линии. Завершившаяся на днях в Москве XVI сессия Комиссии СССР—ФРГ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству прошла в деловой и конструктивной обстановке. Эта сессия оказалась, на мой взгляд, самой результативной из всех предшествовавших.

Деловой мир ФРГ, крупный капитал страны высказываются за ту политику, которую мы проводим, в том числе и во внешнеэкономической сфере. Мы активно внедряем новые формы хозяйственного взаимодействия. Нами создано девять совместных предприятий. У Советского Союза ни с одной западной страной нет такого числа совместных предприятий.

На заседаниях Комиссии мы говорили о совместном освоении Кольского полуострова, разработке сырьевых ресурсов Западной Сибири, модернизации предприятий легкой и пищевой промышленности в СССР. Все это сулит взаимную выгоду, послужит делу углубления взаимопонимания между нашими странами и народами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда я думаю о том, что надо придать второе дыхание нашим отношениям, то не мыслю их без развития экономических связей. Только политическая воля не обеспечит надежного сотрудничества, не придаст ему должного динамизма, если мы не сделаемся более «зависимыми» друг от друга. Я имею в виду не стремление задушить друг друга в объятиях, а такое широкое развитие связей, когда мы будем очень нужны друг другу при полной независимости каждого. Такая «зависимость» и создаст хороший фундамент для долгосрочного надежного развития сотрудничества. Оно будет прино-

сить реальную пользу обоим народам, а также и европейскому сотрудничеству, мировой экономике.

Вот тогда наши отношения приобретут и сильное человеческое измерение. Тогда можно говорить об их надежности. Когда я это говорю, то не впадаю в утопию, не предаюсь иллюзии. Я хочу твердо оставаться на реальной почве.

Смотрите, как непросто сочетать интересы в СЭВ и в Европейском сообществе. Но это жизнь. И все же, думаю, мы вправе перевести давние разговоры в плоскость реальных поисков.

Сейчас и мы, и вы не всем довольны. Деловые люди из ФРГ говорят, что не все делается, как хотелось бы. Это понятно, если учесть, в какие преобразования мы втянулись. Нашим кадрам предстоит многому научиться во внешнеэкономической сфере. Идет переходный этап, налаживается новый экономический механизм.

Немцев отличает философская фундаментальность. Если речь идет о том, чтобы сорвать куш, — это одно. А если строить отношения на долговременной основе, над этим надо размышлять. И здесь важное значение имеет вклад вашей партии, ваш как министра экономики и сопредседателя Комиссии по экономическому сотрудничеству. Давайте не бояться жизни, того, что не все пока получается. Давайте твердо идти избранным путем.

Когда придет канцлер Коль, мы поговорим об этом, сопоставим все, что было сделано за эти годы. Видимо, придет и г-н Геншер.

Мы исходим из того, что этот визит станет этапным событием для наших стран. Ожидаем от визита многого, прежде всего закрепления поворота к лучшему в наших взаимоотношениях.

Мы не хотим отрывать ФРГ от США, от Западной Европы, нанести удар по сложившимся у вас связям. Таких намерений у нас нет. Пусть все знают, что в Кремле не вынашивают никаких коварных замыслов в отношении ФРГ и любого другого западного государства.

М. БАНГЕМАН. Я согласен с вами.

На завершившейся сессии Комиссии мы обсуждали предстоящий визит федерального канцлера Коля в Советский Союз. вы знаете, что в течение многих десятилетий экономика ФРГ настраивалась на развитие долгосрочных связей с Советским Союзом. Нашим предпринимателям всегда были чужды сиюминутные выгоды, желание раз нажиться и исчезнуть с рынка. Можете не сомневаться в том, что мы хотим быть вашими самыми надежными партнерами, причем по возможности на самый долгосрочный период.

Несколько слов об отношениях между СЭВ и ЕЭС. В свое время в ходе вашей беседы с Кракси, когда тот был премьер-министром

Италии и председательствовал в ЕС, был достигнут ряд договоренностей, ознаменовавших собой поворот в отношениях между двумя экономическими объединениями. Сам я длительное время был председателем либеральной фракции в Европейском парламенте.

В свое время я не мог понять, почему Советский Союз рассматривает ЕЭС как воздух, как пустое место. Тем, кто хочет строить «общеевропейский дом», необходимо в первую очередь использовать весьма существенный потенциал ЕЭС. Поэтому сейчас мы приветствуем прогресс, достигнутый в подходе к ЕЭС, то обстоятельство, что на востоке Сообщество теперь считается реальностью.

Для нас было бы весьма важно, если бы договоренность о сотрудничестве между СЭВ и ЕЭС была подписана во время председательства ФРГ в этой организации, т.е. до конца июня 1988 года. Этот факт был бы и для Советского Союза, и для ФРГ важной политической вехой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я отреагирую кратко на ваши высказывания.

Почему мы раньше не признавали ЕЭС и почему хотим сотрудничать с ним теперь? Под влиянием реальностей все меняется. В том числе и наши взгляды. ЕЭС — это реальность, и она должна учитываться при формировании долгосрочной и предсказуемой политики.

Что касается второй части вашего вопроса, то мы надеемся подписать соответствующий документ между СЭВ и ЕЭС до завершения срока председательства ФРГ. В нашем подходе ничего не изменилось. Мы тоже считаем, что без решения этого вопроса нельзя строить «европейский дом», хотя процесс стыковки экономик двух объединений — дело непростое и потребует времени.

Практически отношения между обеими организациями уже развиваются. После подписания документа не все пойдет гладко. Мы знаем, что в ЕЭС тоже идут дискуссии. В частности, о создании к 1992 году единого рынка в Западной Европе. Нам известно, что деловые люди в ФРГ относятся к этому неоднозначно. Есть высказывания, что рынок есть рынок, а национальные интересы все-таки остаются.

М. БАНГЕМАН. Вы правильно информированы о настроениях деловых людей в ФРГ, да и не только ФРГ.

Создание единого западноевропейского рынка будет весьма важным событием, далеким от утопии. Сейчас нам удалось выработать совместные европейские нормативные акты. Существенным является и то, что в процедуре голосования теперь можно опираться на квалифицированное большинство, а не на единогласное решение. Так или иначе, но единый западноевропейский рынок будет

объединять 320 млн потребителей. А это огромный покупательский потенциал.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наш путь к расширению экономических связей в Европе и мире лежит через большую интеграцию. Определяющее значение для этого будут иметь экономическая реформа в СССР, а также конвертируемость рубля. Сегодня мы пока не можем сделать рубль конвертируемым, необходимо подождать. Все требует своего времени.

М. БАНГЕМАН. Мы будем поддерживать ваши усилия в этом направлении.

С господином Рыжковым в ходе нашей сегодняшней беседы я договорился о проведении семинара с участием специалистов из двух стран на правительственном уровне. Темой семинара будет воздействие внутреннего западноевропейского рынка на сферу двусторонних экономических отношений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В заключение нашей беседы хотелось бы сказать, что мы ценим те политические силы в ФРГ, которые привержены линии на разоружение, на достижение договоренностей по ядерному оружию, обычным вооружениям, химическому оружию. Нам импонирует активная позиция ФРГ в этих вопросах; мы надеемся, что она будет нарастать, а не убывать.

Мы не первый раз говорим так. Пусть нас обвинят в сговоре. Ну, что ж! Сознаемся, что у нас сговор в том, что мы за разоружение. *(Оживление.)*

Разоружение — это основополагающая проблема современности. И она займет центральное место во время предстоящих бесед с федеральным канцлером.

М. БАНГЕМАН. Прогресс в области разоружения важен для всех сфер межгосударственной деятельности, в том числе и для экономических связей. В ФРГ хорошо понимают, что мир обязан достигнутому на этом пути в последние годы, прежде всего благодаря вашей энергии и дальновидности.

Мы заинтересованы в сбалансированном разоружении, охватывающем не только ракетно-ядерное оружие, но и обычные вооружения. ФРГ, как известно, выступила с рядом инициатив в направлении заключения конвенции об уничтожении химического оружия. Можете быть уверены в том, что правительство ФРГ с этого курса не сойдет.

Позвольте сердечно поблагодарить вас за весьма содержательный и интересный обмен мнениями. Еще раз сердечный привет вам от Федерального канцлера Коля, всех членов правительства ФРГ. Феде-

ральный канцлер активно готовится к предстоящему визиту в Советский Союз, стремится к тому, чтобы он был результативным, дал хорошую отдачу и новые импульсы развитию отношений между нашими странами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад был с вами познакомиться. Ценим ваш вклад в развитие советско-западногерманских отношений. Надеюсь, что он будет нарастать.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Беседа М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером³⁷

30 июля 1988 года

(Во встрече участвовал помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать вас, г-н министр. В вашем лице мы приветствуем давнего и вдумчивого собеседника, интересного партнера.

Дело, которое мы с вами ведем многие годы, показывает, что представители разных систем могут успешно работать. По-моему, это хороший вывод. Что из того, что мы разные? Наоборот, это интересно, надо аплодировать тому, что мир разнообразен, в нем идут различные процессы. Очень хорошо, что у нас с вами в этом есть понимание. Думаю, наша сегодняшняя беседа, как и всегда, будет результативной, позволит не только подвести некоторые итоги, но и выстроить перспективу.

Вы приехали в очень интересное время с точки зрения внутреннего развития в нашей стране. Вчера состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором были обсуждены некоторые практические меры по выполнению решений XIX Всесоюзной партийной конференции. Были подведены позитивные итоги и выявлены некоторые негативные факторы и тенденции. Как конференция, так и Пленум продемонстрировали решимость советского общества идти вперед, преодолевая консерватизм и торможение. Одновременно был дан отпор всевозможным псевдоревOLUTIONIONНЫМ, оторванным от жизни лозунгам, максималистским требованиям и утопическим призывам перестроить все с одного маха.

Не хочу драматизировать обстановку, но консерватизм еще силен, его сопротивление чувствуется. Однако мы не намерены отступить. Весь народ — за перестройку. И с каждым днем все увереннее и решительнее поддерживает партию в ее начинаниях на пути революционного обновления советского общества.

Г.-Д. ГЕНШЕР. На Западе, и в частности в ФРГ, с пристальным вниманием следят за процессами, идущими в Советском Союзе. Я уже говорил, что с большой симпатией отношусь к проводимым в жизнь реформам в вашей стране, перестройке в целом. Мы желаем вам успеха на этом пути, так как видим в этом благоприятные шансы и для себя. Как вы неоднократно правильно говорили, все мы взаимосвязаны в этом мире. Поэтому чем лучше будут идти дела у вас, тем стабильнее будут отношения между Западом и Востоком в целом, тем многограннее станет взаимовыгодное сотрудничество.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы правы: перестройка идет на пользу обеим сторонам. Можно сказать, что мы все становимся умнее. Естественно, надо думать о том, как жить в мире, сотрудничать друг с другом, решать совместно общечеловеческие задачи. Стрелять друг в друга — дело нехитрое, пусть это останется в прошлом.

Перед людьми много еще не освоенных сфер взаимодействия. Это касается и политики, и экономики, и культуры, и других областей. У каждого имеются свои собственные ценности. Они призваны и в состоянии служить делу взаимного обогащения, а не конфронтации. Сейчас все больше людей на той и другой сторонах приходят к такому выводу. А это как раз и говорит в пользу того, что мы становимся умнее.

Но необходимо учитывать и фактор времени, стремиться к его продуктивному использованию. Это касается как наших отношений в целом, так и вашего нынешнего визита в Советский Союз, г-н министр. Поэтому предлагаю вам выделить из вашего багажа те вопросы, которые вы хотели бы обсудить со мной, а остальные оставить для предстоящих переговоров с Э.А. Шеварднадзе.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Всемерно приветствую такой подход. Собираясь на встречу с вами, г-н Генеральный секретарь, я прочитал материалы о беседе, состоявшейся у нас с вами в Москве два года тому назад, в 1986 году.

Должен откровенно сказать, что я с чувством величайшего удовлетворения сделал вывод: с тех пор мы прошли вперед солидный участок пути, оказались в состоянии решить целый ряд проблем, сблизить точки зрения и позиции по ряду крупных вопросов. Все это стало возможным благодаря тому, что мы взаимно учили друг друга мыслить по-новому, стремились подняться над повседневностью, старались заглянуть подальше в будущее.

Темпы набраны хорошие, динамику развития следует поддерживать. Прежде всего это касается, конечно, вопросов безопасности, проблематики разоружения. Надо подумать о том, как разумнее орга-

низовать работу на этих направлениях на предстоящее десятилетие с тем, чтобы благоприятному в целом ходу дел можно было бы придать необратимый характер.

Нас, бесспорно, радует, что начал претворяться в жизнь Договор по РСМД. С чувством удовлетворения ФРГ думает о вкладе, сделанном ею в его достижение. Сейчас на первый план выдвигаются вопросы обычных вооружений. Здесь у ФРГ, как вы знаете, особый интерес и, как мы понимаем, особая ответственность. В такой же степени она возложена и на Советский Союз. Все это ставит нас перед необходимостью и дальше искать общий язык, взаимопонимание на пути решения возникающих в этой связи задач.

Вы знаете, г-н Генеральный секретарь, что в Бонне считают, что отношения с Советским Союзом имеют для ФРГ центральное значение. Говоря так, мы имеем в виду не только наш двусторонний комплекс, но и его воздействие на всю Европу, на комплекс отношений между Западом и Востоком в целом. В последние годы и, можно сказать, десятилетие это воздействие в целом было позитивным. Мы за то, чтобы его благотворная сила нарастала. Ради этого мы не пожалеем своих усилий.

Мы приветствуем, в частности, тот факт, что за время председательства ФРГ в ЕС была подписана декларация об установлении связей между ЕЭС и СЭВ. На наш взгляд, открываются принципиально новые возможности для налаживания сотрудничества между двумя группами стран, прежде всего под углом зрения создания к 1992 г. западноевропейского единого рынка. Хотел бы подчеркнуть, что он будет не замкнутой формацией, отгороженной от остального мира, а открытым образованием, приглашающим к сотрудничеству всех желающих. Естественно, что это приглашение мы адресуем прежде всего Советскому Союзу и социалистическим странам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Получится у вас этот рынок? Действительно ли будет что-то реальное, жизнеспособное?

Г.-Д. ГЕНШЕР. Проблемы, конечно, есть, но они разрешимы. Как я уже говорил, общий рынок мыслится как открытая к сотрудничеству организация, которая будет призвана содействовать установлению не только экономической, но и политической стабильности в Европе. Таким образом, он вписывается в концепцию общеевропейского дома.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Важно знать, что это будет действительно открытый единый рынок, что он будет расширять пути сотрудничества стран и народов европейского континента. Больше всего меня занимает, не помешает ли военная интеграция процессу разоружения, освобождения Европы от гигантских арсеналов вооружений. И чтобы

1992 год не привел к замкнутости. Иначе, конечно, основание общеевропейского дома будет основательно подорвано...

Приветствую то, что вы продолжаете думать над концепцией общеевропейского дома. В последнее время мы продвинулись по пути наполнения этой концепции конкретным материальным содержанием. Но главное заключается в том, чтобы было взаимопонимание в военно-политической и экономической областях...

Глядя на Европу, на расстановку сил в ней, невольно приходишь к выводу, что, наряду с совпадением целого ряда позиций государств, наличием общеевропейского звучания, имеются и различия — своего рода диссонанс. Отдельные государства сознательно пытаются выделиться, причем, как нам кажется, в неконструктивном направлении. Я имею в виду, например, Францию и Англию, которые повязаны своим ядерным оружием, ограничены им в своем мышлении на сегодняшний и завтрашний день.

Разумеется, что мы ведем и будем продолжать вести с ними диалог. Однако более продуктивным и перспективным такой диалог обещает быть с государствами, имеющими больше свободы действий, маневра для активной политики. Среди таких западноевропейских государств прежде всего мы называем ФРГ. Надеюсь, что такой подход не вызывает и ваших возражений.

Мы ценим ваш вклад в достижение договоренности по РСМД. Мы считаем возможным более активно сотрудничать с вами по обычным вооружениям, по другим пунктам разоруженческой повестки дня.

Нам известны настроения деловых кругов ФРГ в отношении дальнейшего наращивания хозяйственного взаимодействия с Советским Союзом, внедрения новых форм, вызванных к жизни нашей перестройкой.

Как всегда, буду с вами откровенен до конца: при анализе того, что говорится и делается в отношениях между нашими странами, вырисовывается картина, на которой комплексу советско-западногерманских отношений отводится ключевая для Европы, для нас с вами роль.

Продолжая быть откровенным, хотел бы услышать ваше мнение о впечатлении, которое у нас складывается. В политических кругах ФРГ, в правительственной коалиции пока не хватает решимости сделать крупный шаг в направлении нового, многообещающего, сулящего значительную отдачу как для ФРГ, так и для Европы в целом. Дело выглядит так, будто руководство ФРГ стоит перед дверью, переминается с ноги на ногу, но не отваживается сойти с места, шагнуть вперед. Пока еще превалирует сдержанность, чрезмерная, на наш взгляд, осторожность.

Наверное, вы боитесь, что кое-где вас не поймут, неодобрительно отнесутся к широким и активным действиям ФРГ на конструктивных направлениях европейского и мирового развития. Может быть, вы опасаетесь, что скажут французы, англичане или американцы? Остерегайтесь, что кто-нибудь вдруг попытается уличить вас в злоумышленных попытках взорвать НАТО или устроить что-нибудь в этом духе?

Мы тоже могли бы отговариваться ссылками на американцев или на Восточную Европу, но мы этого не делаем. Наша цель проста и ясна: в ходе делового и благожелательного диалога взвесить возможности того, как путем динамизации межгосударственных отношений на всех уровнях внести существенный вклад в обеспечение стабильности и безопасности на европейском континенте.

Меня интересует, г-н министр, как вы относитесь ко всему изложенному, нет ли в этом какого-то преувеличения.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Два года назад мы говорили с вами совершенно откровенно, г-н Генеральный секретарь. Я и сейчас за продолжение этой традиции.

В Европе действительно есть люди, которые утверждают, что две великие державы сговариваются за наш счет, сидя у нас на спине. Мы видим это по-другому. Согласен с вами в том, что от хороших советско-американских отношений исходят положительные импульсы и на Европу. Комплекс отношений СССР—США является предпосылкой выживания человечества. Достижение этой благородной дели никак нельзя назвать сговором. Все это соответствует нашим интересам, мы выступаем в поддержку такого развития.

В то же время ФРГ не была и не собирается стоять в стороне. Мы видим собственную роль Европы в интересах самой Европы. Но мы глубоко сознаем, как немцы, и свою собственную ответственность в этом контексте. В прошлом часто бывало так, что свои, немецкие интересы мы противопоставляли интересам своих европейских соседей. Теперь у нас подход другой: наши интересы должны соответствовать интересам соседних с ФРГ государств, служить делу улучшения климата на континенте в целом.

Мы по-прежнему намерены играть активную роль в отношениях между Западом и Востоком. То, что мы делаем, отнюдь не является преувеличением, а соответствует нашему везу...

Германо-русские отношения, отношения между ФРГ и СССР служили и могут служить образцом добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Корни его уходят и в экономическую, и в культурную сферы, и в область личных связей. У нас накоплен богатейший опыт, и им во что бы то ни стало надо воспользоваться. Были, конечно, и за-

блуждения, случалось, что мы оказывались на ложном пути, но сейчас перспективы хорошие, их надо видеть, их надо разрабатывать объединенными усилиями.

Согласен с вами в том, что при этом необходимо в полной мере учитывать и европейское самосознание, европейскую самобытность. Всем нам есть чем гордиться, у нас есть чему поучиться. Мы ни перед кем не собираемся закрывать двери, ни к кому не собираемся поворачиваться спиной. ФРГ последовательно будет выступать за то, чтобы Европа объединяла свои силы на пути достижения этих целей.

Я передаю вам, г-н Генеральный секретарь, привет от Федерального канцлера Г. Коля. Он с большим интересом и надеждами ожидает своего визита в Москву. Скажу прямо: мы основательно готовимся к этому визиту, готовы к принятию крупных решений, которые позволят поднять наши отношения на качественно новую ступень. Для этого сейчас возникает благоприятная атмосфера, не в последнюю очередь благодаря вашей перестройке. У нас, в ФРГ, очень оживленно и в деталях обсуждают происходящее в Советском Союзе. Ваши реформы, ваши дискуссии, принимаемые вами меры, в том числе и по непростым вопросам, соответствуют нашим представлениям о демократии. Отношение к Советскому Союзу у нас в стране меняется коренным образом, причем не по дням, а по часам.

Весной 1987 года в заявлении вновь сформированного Федерального правительства, как я уже говорил, было сказано, что отношения с Советским Союзом имеют для ФРГ центральное значение. Более того, эту целеустановку поддерживают не только коалиционные силы, но и все политические партии, представленные в бундестаге. Такое заявление, кстати, говорит и о том, что мы не только не стоим в нерешительности, а уже вошли в упомянутую вами новую дверь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, не ошибусь, если назову вас одним из уникальных политических деятелей, который на протяжении десятилетий поддерживает связь времен.

Определяющее значение для европейского процесса имеет то, как в ФРГ сформулировали политику в отношении СССР. Это позволяет и ФРГ влиять на процессы в европейской и мировой политике.

К этому привел основательный опыт, связанный с так называемой «восточной политикой» ФРГ, начало которой положила предшествующая правительственная коалиция и приверженность которой сохраняется сегодня. Сложился определенный фонд доверия, который, действительно, имеет решающее значение. В ходе реализации «восточной политики» был подписан Московский договор, дан импульс общеевропейскому процессу, увенчанному принятием Заключи-

тельного акта в Хельсинки. Им был подведен итог Второй мировой войне. ФРГ стала уважаемым членом мирового сообщества, отношение к ней, в том числе и в СССР, коренным образом изменилось. Это большой политический капитал, им необходимо дорожить. ФРГ вышла на новый этап своей истории.

И вам, западным европейцам, и нам надо смотреть вперед, а не назад. Оглядываться на прошлое полезно лишь для того, чтобы извлекать уроки из истории. Думать же надо о будущем, о том, что нас ждет впереди. Путь этот нелегкий, но складывающееся доверие будет придавать нам силы.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Доверие легко разрушить, а создается оно трудно. Этому учат история обоих народов, история Европы. Вот почему так важно дорожить доверием, развивать его, наполнять конкретным содержанием.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Задачи перед нами стоят грандиозные. Сейчас необходимо ускорить целый ряд крупных процессов. Московский договор в свое время положил начало новому развитию, расчистил завалы на пути к Заключительному акту в Хельсинки. Сейчас на очереди преодоление трудностей в Вене³⁸.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы, немцы, живем в центре Европы и поэтому крайне заинтересованы в том, чтобы Венская встреча закончилась результативно. В целом я во все возрастающей степени чувствую, что Европу начинают все сильнее признавать, растет ее авторитет. Не в последнюю очередь этому содействует и новая советская внешняя политика.

Естественно, ФРГ готова к самому тесному сотрудничеству под этим добрым знаком с Советским Союзом. Обстановка складывается таким образом, что другие государства уже не просто смотрят, а начинают ориентироваться на нас. Эту позицию надо не только сохранять, но и преумножать.

Если обратиться к европейской истории, то можно увидеть, что в свое время мы экспортировали горе в другие государства. Теперь перед нами другая задача: Европа должна не экспортировать конфликты, а решающим образом содействовать их предотвращению или устранению...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пора выводить внешнюю политику на такой уровень, когда она будет не только реакцией на текущие события, но и проекцией в новые международные отношения в духе нового мышления. Такой подход к формированию внешней политики уже принес первые важные практические результаты, хотя поначалу вызывал скептицизм и сомнения.

Взять хотя бы наше Заявление от 15 января 1986 года³⁹. Первая реакция на него на Западе была такой — иллюзия, утопия. Говорили, что вот, мол, явился новый Иисус Христос и думает, что принесет людям мир. А ведь прошло каких-то два с половиной года, и появился первый Договор об уничтожении целого класса ракетно-ядерного оружия. Скажу откровенно: если США не будут упорствовать по некоторым пунктам, отдавая, как мы знаем, дань привязанностям нынешнего Президента, то можно будет найти решение и о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений...

Так что давайте смотреть вперед, не бояться сложных вопросов, верить в то, что нет непреодолимых трудностей.

Ядерная угроза стучится во все окна и двери, на это нельзя закрывать глаза. Создание безъядерного мира является общечеловеческой задачей, соответствует интересам всех людей, всех государств. Если будем ее недооценивать, отмахиваться как от назойливой пропаганды, то в один прекрасный день может так рвануть, что и разбирать не придется, где какая система существовала.

Внимание к позициям друг друга, конструктивность, уважение, доверие — все это принципы, которыми надо руководствоваться в межгосударственных отношениях. Никакой монополии на правду, никакого навязывания другим своих воззрений, никакого экспорта своих ценностей. Продуктивный обмен мнениями, взаимовыгодные связи, сотрудничество — этому нет и не может быть альтернативы в наше время.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы с большой симпатией смотрим на то, какие цели вы наметили в ходе осуществления ваших реформ как в политической жизни, так и в экономике. Мы за них, так как они, по нашему глубокому убеждению, несут выгоду не только для Советского Союза, но и для всей Европы.

ФРГ, как и другие государства, стремится к укреплению своей экономики, руководствуясь при этом не эгоизмом, а желанием сотрудничать с другими странами и народами. Это является не только экономическим, но одновременно и политическим фактором глубинного значения, который решающим образом способствует созданию доверия.

ФРГ широко открывает свои двери для наращивания сотрудничества со всеми государствами, в том числе и с Советским Союзом, который становится нам ближе, доступнее и понятнее. Мы за разоружение, причем — как я уже говорил — и по обычным вооружениям. Вооруженные силы и обычные вооружения требуют гигантских средств на свое содержание. Их можно было бы обратить на мирные цели, на рост жизненного уровня народов.

Хотел бы сказать и о необходимости усиления роли ООН. Резервы этой весьма авторитетной организации еще не исчерпаны. Сейчас она начинает играть все более заметную роль в обеспечении мировой стабильности, причем не только политической, но и экономической

Хотел бы заверить вас, г-н Генеральный секретарь, что в лице ФРГ вы всегда будете иметь открытого и надежного партнера. Наши отношения стоят на солидном фундаменте. В них создан хороший задел и нет особых препятствий для того, чтобы переводить их в качественно новое русло. Еще раз повторю свою мысль: новое качество отношений между СССР и ФРГ может и должно придать также новое качество отношениям между Востоком и Западом. В этом я вижу совместную ответственность двух наших государств, подпитываемую не каким-то германо-советским эгоизмом, а ответственностью всей Европы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен. Если говорить о конкретных шагах, то давайте поработаем в Вене. Здесь мы готовы пойти далеко. Это не какая-то пропаганда, которую нам приписывают. Мы делаем соответствующие высказывания и заявления для того, чтобы зашевелились политики в западных столицах. Слов на ветер мы не бросаем. И в этом можно было убедиться, ознакомившись с решениями, принятыми на ПКК.

Советский Союз, все государства Варшавского Договора заинтересованы в завершении Венской встречи без проволочек. Мы готовы пойти далеко в развязке возникших там проблем. Но пусть никто не рассчитывает на наше одностороннее разоружение.

Теперь об обмене визитами на высшем уровне. Думаю, это большое событие. Тем более такого обмена давно не было. Раз должен быть обмен визитами, то я за то, чтобы их основательно подготовить. Оба визита должны вобрать все, что мы накопили. Все проблемы надо хорошо проработать: политические, экономические, в сфере экологии, культуры, человеческих контактов...

Желание сотрудничать надо переводить в конкретную плоскость. Мы надеемся, что ФРГ станет для нас еще более надежным и привлекательным партнером.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Этим вопросом мы как раз и собираемся заняться в ходе подготовки визита канцлера Г. Коля в Москву. Мы условились с Шеварднадзе обстоятельно побеседовать на эту тему во время нашей предстоящей встречи в Нью-Йорке в сентябре...

Согласен с вами в том, что визит канцлера в Советский Союз и ваш — в ФРГ должны стать крупными, запоминающимися событиями. Отрадно констатировать, что наши подходы в этом вопросе совпадают, что мы намереваемся действовать в одинаковом ключе.

В понедельник, 1 августа, я встречу с Федеральным канцлером в Австрии, где он находится на отдыхе, и подробно информирую его о своем пребывании в Москве, прежде всего, разумеется, о беседе с Вами, г-н Генеральный секретарь.

Еще раз хотел бы сказать, что перестройка в Советском Союзе является делом всех государств и народов Европы. Она никого не оставляет вне сферы своего воздействия, ее импульсы ощущаются во всех общественных слоях. Мы готовы с вами двигаться вперед, преодолевать стагнацию в отдельных областях отношений, черпать из взаимного сотрудничества новые силы. Чем сильнее будет Советский Союз, чем выше будет уровень жизни его населения, тем стабильнее будет обстановка на европейском континенте, тем успешнее будут развиваться отношения между его странами и народами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Благодарю вас, г-н Федеральный министр, за интересные, как всегда, рассуждения, полезные мысли и идеи.

Прошу передать привет канцлеру Колю. Жду встречи с ним в недалеком будущем.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером 28 сентября 1988 года

*(В беседе приняли участие с советской стороны
А.К. Антонов и Н.Н. Слюньков, с немецкой — Г. Миттаг)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотя ваш визит на этот раз короткий, рабочий, по содержанию он не уступит официальному. Можно сказать, что это соответствует духу перестройки и новому мышлению — поменьше фанфар, побольше дел...

Э. ХОНЕККЕР. Наши отношения находятся на таком уровне близости и доверительности, что я могу откровенно сказать о том, что нас беспокоит. В вашей печати иногда появляются публикации, не совпадающие с твоим выступлением. Они порождают у нас дискуссии. До сих пор мы проводили четкий курс и получали поддержку и понимание у своего народа и у братских партий. Надо иметь в виду, что для миллионов наших людей Советский Союз всегда был ориентиром, поэтому, когда ставятся под сомнение достижения Октябрьской революции, то это вызывает недоумение.

Хонеккер высказал убеждение, что в результате встречи будет подтверждено единство подходов КПСС и СЕПГ ко всем основным вопросам социалистического строительства и международной политики. В свою очередь М.С. Горбачев подробно информировал собеседника о ходе перестройки в СССР, завершив свой анализ словами:

Если мы доведем перестройку до успешного конца, то это будет иметь историческое значение. Срывы, конечно, есть, что-то мы делаем не так, допускаем перехлесты, но главное направление определено верно. Будем уверенно развивать этот процесс, и тогда шелуха отпадет сама собой.

Я считал необходимым, Эрих, сказать обо всем этом, глядя тебе в глаза.

Э. ХОНЕККЕР. Для меня и большинства наших товарищей нет никаких сомнений в том, что перестройка в СССР является историче-

ской необходимостью, и мы уверены, что она пробьет себе дорогу. Хотя речь при этом идет о проблемах Советского Союза, мы их рассматриваем как собственные. Ведь идеалы марксизма-ленинизма неразделимы, по-прежнему в силе лозунг «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Поэтому у нас в ГДР огромный интерес к развитию Советского Союза. Конечно, есть при этом правильные оценки, а есть и неправильные.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И у нас есть.

Э. ХОНЕККЕР. Недоразумения возникают обычно из-за отдельных публикаций. Помню, в 1985 году на мое замечание ты сказал, что для ускорения научно-технического прогресса нам нужна боевая атмосфера в обществе.

В то время я не полностью понял смысл этого высказывания. Мне тогда, честно говоря, не была, как сейчас, видна вся глубина застойных явлений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И нам до конца не было ясно.

Э. ХОНЕККЕР. Я твердо исхожу из необходимости перестройки, как ты ее изложил. Нужно упорядочить функции партии и укрепить ее связь с массами, следовать ленинской концепции социалистического строительства. Это то, что нас объединяет. Откровенно скажу, было время, когда мы за основу всей идеологической работы СЕПГ брали ленинские работы «Что делать?» и «Очередные задачи Советской Власти».

Не хочу утверждать, что мы у себя все делали правильно, но ведь совершенно верно ты говорил, что в каждой стране процесс социалистического строительства проходит по-своему. Мы вступили на путь социализма после победы Красной Армии во Второй мировой войне. Хотя многие коммунисты пали в ней жертвой, победа Советского Союза создала новый шанс, и мы в Германии его использовали. Немецкие коммунисты и во время Веймарской республики, и в особенности в послевоенные годы всегда брали Советский Союз за образец. В 1947 году я был в Сталинграде, он лежал тогда в руинах, люди жили во временках. И нас потрясло, как они говорили с большой уверенностью: мы восстановим нашу страну и наш Сталинград. Там я бывал еще не раз, видел, как строили город, посещал тракторный завод. Но особое впечатление всегда оставляло употребление слова «мы». Мы — как завод, как город, как страна. В ГДР еще предстояло добиться того, чтобы люди говорили: «мы» и «наше». Такую работу мы провели под влиянием Советского Союза. Хотя уже в Заявлении от 11 июня 1945 г. наша партия сказала, что не намерена механически переносить на свою почву советский опыт. У нас была программа-

минимум и программа-максимум; первая предусматривала демократизацию, а вторая — переход к строительству социализма. Но мы очень многое брали за ориентир у вас. Я сам участвовал в строительстве Магнитогорска, «Уралмаша», работал на электрозаводе в Москве, где в сложных условиях создавалось то, что стало основой для современной советской индустрии. Но мы не считали нужным в своей идеологической работе выпячивать эти трудности. Поэтому сейчас иногда у нас кое-кто говорит, что мы идеализируем Советский Союз.

Хочу еще раз подчеркнуть: вопроса отношения к перестройке у нас не существует. В партии понимают, что она неизбежна и отвечает интересам всех братских стран.

Надо признать, что и у нас своих проблем немало. О них говорилось на XI съезде СЕПГ. Сейчас идут перевыборы в партийных организациях, в собраниях участвуют 94,8% коммунистов. Это очень высокий процент. В центре внимания, во-первых, построение развитого социалистического общества, что мы по-прежнему ставим как свою главную цель, а во-вторых, идейно-политический отпор враждебным наскокам с Запада. Буржуазная пропаганда сейчас налегает на то, что якобы пример Польши, СССР и других стран свидетельствует о неудаче социалистического эксперимента. Они, конечно, не ссылаются на твои выступления, цитируют некоторые высказывания, которые появляются под лозунгом социалистического плюрализма в «Литературной газете», «Огоньке», «Новом времени».

М.С. ГОРБАЧЕВ. То, что говорит буржуазная пропаганда, для нас не новость. Там иногда заявляют, что Горбачеву осталось работать месяц, перестройка отвергается народом, бюрократия все похоронит и т. д. Подбрасываются советы народу нажимать на руководство или, наоборот, руководству — идти на сдачу принципиальных позиций. Говорят, что в СССР перестройка идет, а в ГДР — нет, что якобы между руководством двух стран напряженные отношения. Словом, стараются поссорить нас. Но мы не будем, естественно, поддаваться на провокации. Я убежден, что лучшая защита перестройки — это уверенно вести ее дальше, обеспечивать удовлетворение потребностей людей.

Э. ХОНЕККЕР. В этом отношении у нас нет трудностей. Экономическое развитие ГДР идет неплохо. А что касается социального развития, то оно, надо признать, даже превышает наши возможности. Проблема, однако, в том, что круглые сутки ведется пропаганда с Запада на территорию ГДР..

У нас также проявляется некоторая озабоченность событиями в Азербайджане, Армении, Прибалтике, а также созданием партии «Демократический союз».

М.С. ГОРБАЧЕВ. По вашим данным, она уже создана?

Э. ХОНЕККЕР. Нет. Но на Западе идет пропаганда...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если у тебя будут трудности с объяснением, позвони мне, я приеду, мы вместе пойдем в массы и растолкуем, что у нас происходит — развитие социализма или нет. Но я уверен, что руководство СЕПГ лучше подготовлено, чтобы отвечать на вопросы своих граждан...

Э. ХОНЕККЕР. Ты и Политбюро можете быть уверены, что мы полностью поддерживаем вашу политику и знаем: КПСС в этом процессе является главной силой.

Что касается нашей партии, то она прошла столько испытаний, что ее ничем не поколебать. У нас всегда была в партии демократия, мы советовались с народом. СЕПГ у нас сотрудничает с другими партиями и общественными организациями, заботится о том, чтобы у них были свои представители в органах власти. У меня в Госсовете пять заместителей. Таков наш опыт, но мы не хотим навязывать его другим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У вас больше демократии в хозяйстве, полезно работают кооперативный сектор, ремесленники, мелкие торговцы.

Э. ХОНЕККЕР. Это старая немецкая традиция.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И у нас это было при Ленине, а потом все разрушили. Разве из-за ремесленников, кооператоров у вас погиб социализм?

Э. ХОНЕККЕР. Вчера я давал интервью редактору испанской газеты «Эль Паис». Она спросила меня: «Вы знаете господина Горбачева. Как думаете, перестройка ему удастся?». Я ответил, что обязательно. Президент Евангелической церкви ГДР требует, чтобы мы провели те же реформы, что и в Советском Союзе. При этом сослался на западную пропаганду. Я же ему сказал, чтобы он сам перестраивался. Социал-демократы ФРГ тоже говорят, что нам пора начинать свою перестройку, а мы им советуем начать с себя.

Но все равно мы бы просили взять под контроль те неудачные публикации, которые появляются в ваших изданиях на немецком языке. Не хотелось бы, чтобы их было слишком много.

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Рад тому, что у нас полное взаимопонимание, по крайней мере я так чувствую. Ну, а то, что вопросы возникают, — это естественно.

Что касается публикаций, то мы будем иметь эту проблему в виду. Только не хотим прибегать к прежним методам: окрикам, командованию.

Надо действовать политическими средствами — влиять на эти процессы разъяснением, убеждением. Ну и, конечно, есть такое средство,

как кадровая политика. На последней встрече с прессой я сказал, что у нас нет зон, свободных от критики. Мы помогаем прессе, однако, если увидим, что не встречаем отклика, что не проявляется должного внимания к тому, о чем говорит Генеральный секретарь, то от таких редакторов будем освобождаться. Они восприняли это с пониманием. Но, повторяю, нам нельзя возвращаться к старым методам. Люди все время боятся, как бы не поставили точку на гласности, считая, что это означало бы конец самой перестройки. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Продолжение беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером в широком составе

28 сентября 1988 года

*(В беседе приняли участие с советской стороны А.К. Антонов
и Н.Н. Слюньков, с немецкой — Г. Миттаг)*

(В политической части беседы во многом повторяется сказанное в предыдущей. Ниже сохранена представляющая наибольший интерес тема экономического сотрудничества СССР и ГДР.)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Достигнутый уровень сотрудничества и доверия между нашими партиями и странами — это большое завоевание, и этот капитал надо сохранить.

Мы с товарищем Хонеккером подтвердили также, что нет необходимости вносить какие-либо изменения в стратегическую линию нашего сотрудничества. [...]

Я информировал товарища Хонеккера о ходе перестройки в СССР, наших замыслах, стратегии и тактике. Мы нашли здесь с ним полное взаимопонимание.

Были и проблемы, требующие обсуждения, но это не меняет главного содержания нашей беседы.

Что касается вопросов экономики, то товарищ Хонеккер заявил, что обсуждать их без товарищей Миттага и Слюнькова бесполезно. Это правильно. А я добавил, что к этой беседе надо привлечь товарищей Медведева, Антонова и Катушева.

Мы понимаем проблемы экономического развития ГДР. Они и нам близки, поскольку мы хотим в лице ГДР видеть стабильное государство. Что касается вопроса о топливе, то мы его обсуждали у нас в руководстве и думаем, что на 1991—1995 гг. сохраним тот объем поставок в ГДР, каким он был в предыдущей пятилетке. У товарища Хонеккера было пожелание увеличить эти наши поставки. Но пока у нас такой возможности нет, а если они появятся — постараемся пойти навстречу.

Обсуждался также вопрос о том, как строить наше дальнейшее сотрудничество с учетом изменений, происходящих в хозяйственном механизме как СССР, так и ГДР.

Правильно я доложил, Эрих?

Э. ХОНЕККЕР. Все правильно. Спасибо за хороший доклад о состоявшемся обсуждении... Предлагаю, чтобы товарищ Миттгаг информировал нас по конкретным вопросам, а товарищ Антонов скажет, в какой степени могут быть приняты наши предложения.

Г. МИТТАГ. В нашей беседе с товарищем Слюньковым были откровенно и в критическом плане обсуждены все основные вопросы, выяснено, что мы не только можем, но и должны делать в будущем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для продолжения всей этой работы и завершения ее по-деловому и в определенные сроки было бы целесообразно создать специальные рабочие группы.

Вы с товарищем Слюньковым об этом не говорили?

Г. МИТТАГ. Этот путь мы считаем наиболее быстрым для достижения наилучших результатов. То есть по важнейшим задачам организовать сотрудничество специалистов СССР и ГДР. В области микроэлектроники есть опыт такого сотрудничества — без создания новых учреждений за два года решили задачу создания интегральной схемы емкостью в 1 мегабайт. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы задать конкретный вопрос. До нас доходит информация, будто не очень получается в вопросах кооперации с вами. Прямые связи есть, разработки есть, но, когда приходит время заняться конечной продукцией, дело не клеится.

Правда, это общая болезнь СЭВ. Но его пока оставим в стороне. Будем думать, как нашим двусторонним отношениям придать динамичный характер.

Иногда возникает мысль: не пытаются ли наши и ваши хозяйственники друг друга объегорить, не в этом ли причина того, что в конечном счете не получается достаточно эффективного сотрудничества?

Весь мир занимается кооперацией: а мы все ходим вокруг этой проблемы, как вокруг горшка с горячей кашей.

Э. ХОНЕККЕР. Нам неизвестен ни один конкретный отрицательный пример в этой области.

Что же касается положительного опыта, то у вас всего полтора месяца назад был генеральный директор комбината «Карл Цейс» товарищ Бирман, встречавшийся с министром электронной промышленности СССР Колесниковым. У них было полное совпадение мнений по вопросам сотрудничества в области микроэлектроники. Они определили направления дальнейшей совместной работы. К сожалению,

товарищ Колесников сообщил, что не может поставить в ГДР такое количество элементов, какое мы хотели бы.

Второй пример — световоды. К проводимым в ГДР работам по этой тематике с самого начала подключено ваше соответствующее министерство, с ним налажено прекрасное сотрудничество. Я сам посещал у нас молодежный объект, на котором ведется работа по световодам, и имел возможность убедиться в этом.

Сотрудничество с вашими инженерами осуществляется также в вопросах керамики, хотя нас тут несколько стесняют положения западного эмбарго против соцстран.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас с вами заключено 140 соглашений о кооперации, а фактическая производственная кооперация осуществляется только по семи из них. В этом слабая сторона нашего сотрудничества.

А.К. АНТОНОВ. Научно-техническое сотрудничество между нашими странами поставлено в целом неплохо. На ГДР приходится 30% объема нашего сотрудничества в этой области со странами СЭВ. После встречи товарищей Горбачева и Хонеккера в 1986 году был принят план дальнейшей работы на этом направлении. Но получается так, что в рамках этого сотрудничества ГДР умело использует результаты наших фундаментальных исследований, а советской стороне не удается столь же эффективно использовать достигнутые ГДР результаты в прикладных областях.

Э. ХОНЕККЕР. Я не знаю, в чем тут причина.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, в этом надо разобраться.

Э. ХОНЕККЕР. При развитии прямых связей иногда возникают помехи из-за того, что соответствующие советские предприятия принимают решения, не согласующиеся с тем, что ранее было обговорено на более высоком уровне. Я уже приводил пример об отказе производственного объединения в Ленинграде поставлять оборудование для наших АЭС. Это ставит под угрозу всю программу развития атомной энергетики в ГДР. Нам ФРГ предлагает построить АЭС на территории ГДР, но нам нужно не это, а чтобы Ленинград не отказывался от своих обязательств.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По справке товарища Антонова у нас никто об этом шаге ленинградцев не знал.

Э. ХОНЕККЕР. Другой пример — по паромной линии Мукран—Клайпеда. Это фактически наше с вами совместное предприятие. В свое время вместе решили использовать на этой линии шесть судов. Затем летом советская сторона вдруг сообщила нам, что шестое судно не нужно. Мы возразили, затем три месяца велись переговоры, пока с советской стороны было дано согласие на спуск этого судна.

В то же время есть примеры хорошего сотрудничества — по Нововоронежскому и Клинскому заводам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас тоже имеются свои примеры, но не хотелось бы этим заниматься.

Надо, видимо, преодолеть взаимное недопонимание и опять возникающее у некоторых советских товарищей впечатление, будто ГДР хочет сотрудничать только там, где это ей выгодно, а в других областях не хочет. Может быть, это явление упирается в механизмы управления: для завершения производственной кооперации наши предприятия выходят на комбинаты ГДР, а им из Берлина не разрешают действовать самостоятельно?

Возможно, сказывается при этом и неразворотливость наших министерств.

Э. ХОНЕККЕР. У нас нет никаких тайн от советских товарищей. Когда приедете в ГДР, приглашаю вас посетить любое предприятие по вашему выбору. Имеется много фактов прекрасного, налаженного научно-технического сотрудничества между нашими странами, когда быстро заключаются конкретные договоренности и о поставках, и о ценах, и насчет кооперации. Например, завод прессового оборудования в Эрфурте 80% своей продукции поставляет советской автомобильной промышленности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если говорить конкретно, то из 48 пар предприятий, заключивших соглашения о прямых связях, лишь у 25 пар предусмотрено кооперационное сотрудничество, а фактические поставки комплектующих изделий осуществляются лишь между семью парами. Общая сумма таких поставок — 80 млн рублей, то есть 1% объема товарообмена.

В то же время поставки в ГДР комплектующих изделий из капиталистических стран растут более быстрыми темпами.

Надо разобраться с этим вопросом. Почему нет интереса у ваших хозяйственников к такого рода сотрудничеству с нашими предприятиями? Может быть, технический уровень советских изделий низок?

Н.Н. СЛЮНЬКОВ. Можно привести следующий конкретный пример, когда ГДР заинтересована в научно-технических разработках, но не в поставках связанных с этим изделий в СССР. Ни у нас, ни у вас не было полиэтилена, покупали его за валюту. Создали совместную научную организацию, где ГДР играла главную роль, и разработали установку «Полимер-50». Соответствующие мощности были построены на основе кооперации и в СССР, и в ГДР. Но как только ГДР обеспечила свои потребности в этой продукции, ваши машино-

строители стали отказываться поставлять оборудование и нам пришлось искать самостоятельное решение этой проблемы.

Получается так, что в сотрудничестве по Комплексной программе научно-технического прогресса в СЭВ у нас все оканчивается научной разработкой. Но нет выхода на кооперацию и организацию производства на основе специализации. Поэтому мы договорились с товарищем Миттагом проанализировать этот процесс и принять необходимые решения...

Э. ХОНЕККЕР. Вопросы, которые поднял Михаил Сергеевич, быстрее всего, как мне кажется, можно решить, если наши министры вместе посмотрят, где еще имеются помехи. Для ГДР это крайне важно, так как доля СССР в нашей внешней торговле составляет почти 40%, а всех соцстран — 70%. И только 30% приходится на капиталистический мир, причем 15% из них — на развивающиеся страны.

Уже из того, что друг для друга мы крупнейшие партнеры, следует, что у нас в нашем экспорте нет и не может быть разделения товаров по качеству: одни — для Запада, а другие — для Востока.

Важно также завершить работу над двусторонней Концепцией экономического и научно-технического сотрудничества до 2000 года. Мы утвердили ее проект на Политбюро ЦК СЕПГ еще 28 июня этого года, но совместного решения пока так и нет. В чем тут дело? Ведь с ней согласны и Госпланы наших стран.

Я предлагаю поручить товарищам Миттагу и Слюнькову разобраться в этих вопросах, определить конкретные сроки и ответственных, исполнителей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Все сказанное в этой связи говорилось с единственной целью — снять имеющуюся обеспокоенность. У нас не было и нет двойного подхода к сотрудничеству с ГДР, но должен соблюдаться принцип взаимности.

Наши товарищи докладывают, что, к примеру, машиностроительные комбинаты ГДР стремятся сотрудничать преимущественно на стадии научно-технических разработок, а их реализацию берут на себя. А потом получается, что они не заинтересованы в выпуске той или иной продукции. Во всяком случае, у нашей стороны такое впечатление есть. Это и наша проблема, но и вам это следует учитывать. Мы за то, чтобы двигать наше сотрудничество вперед.

Э. ХОНЕККЕР. То, что ты говоришь, для нас совершенно неожиданно. Мне это не совсем понятно. Например, технический университет в Карл-Маркс-Штадте тесно сотрудничает с машиностроительным комбинатом им. Фрица Геккерта. И там работают советские специалисты, которые точно знают, сколько и чего производится.

В ГДР вообще нет ни одного крупного предприятия, на котором бы не присутствовали советские специалисты. Надо, видимо, вызвать соответствующих министров. Пусть они представят конкретные доказательства того, что сторона ГДР получает разработки, а конечными результатами не делится.

Со своей стороны хотел бы обратить внимание на такой факт. По нашему совместному контракту на одном из предприятий комбината «Карл Цейс» изготавливались ракеты класса «воздух—воздух». Сейчас контракт истек. На складе все еще находятся 600 ракет. Мы теперь не знаем, что с ними делать, поскольку никто их не берет. А завод, видимо, придется закрывать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для нас это тоже новость. Такое положение никуда не годится.

Правда, говорят, что наше сотрудничество с «Цейсом» несколько осложнилось с приходом туда нового генерального директора.

Э. ХОНЕККЕР. Мне докладывали, что недавно генеральный директор товарищ Бирман побывал у своих партнеров в СССР. Ему все показали, за исключением одной лаборатории. Как будто между нами налажено взаимопонимание. К тому же на «Цейсе» также есть ваши специалисты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо все же снять эту проблему, чтобы у участников сотрудничества не возникало негативных настроений по отношению друг к другу. Я считаю, что для СССР, даже если оставить в стороне стратегические вопросы, экономическое сотрудничество с ГДР является необходимым и полезным.

Э. ХОНЕККЕР. Я тоже за устранение возникших недоразумений. Со стороны ГДР нет никаких идеологических или политических препятствий для развития производственной кооперации. Хочу это еще раз подтвердить. Разумеется, такому сотрудничеству надо обеспечить долгосрочный и стабильный характер, очень важно на основе нашей кооперации обеспечить прорыв в области ключевых технологий, особенно в микроэлектронике.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Верно, тогда мы сможем добиться технологической независимости от Запада.

Э. ХОНЕККЕР. В том, что касается микроэлектроники, мы независимости уже добились. В ГДР сами добываем кремний и производим арсенид галлия. Надо только наращивать совместное производство компьютеров. Мы уже начали поставлять 16-разрядные компьютеры в ФРГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы сейчас переживаем компьютерный бум. Вопросы отраслей огромны. Нам следует, видимо, разгрузить Министерст-

во электронной промышленности от мелочей и оставить за ним только элементную базу.

Будем считать, что с экономикой мы договорились, никакого кризиса между нами нет.

Предлагаю теперь обменяться мнениями в связи с предстоящим визитом канцлера ФРГ Коля в СССР.

Э. ХОНЕККЕР. Согласен.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как нам видится, западные немцы отдают себе отчет в том, что их отношения и с нами, и с вами представляют собой своего рода треугольник. Это, пожалуй, хорошо. Политическая линия в отношении ФРГ у нас с вами согласована. Можем не знать частных деталей, но в принципе все ясно.

В контактах с ними мы всегда отстаиваем не только свои, но и ваши интересы. Интересы СССР и ГДР для нас равнозначны. Причем подчас именно ваши выдвигаем на первое место. Может быть, иногда и резко, но будем им говорить именно так.

Оценивая нынешнюю ситуацию в ФРГ, мы исходим из того, что в западногерманском обществе произошли определенные перемены, усилились настроения в пользу развития нормальных взаимовыгодных отношений с соцстранами. Думаю, созрели предпосылки для того; чтобы нам сделать новый шаг в отношениях с ФРГ. Это отвечало бы нашей согласованной политике и на ФРГ, и на Европу в целом. А с другой стороны, это может оказать сдерживающее влияние на ФРГ в вопросах ее участия в западноевропейской военной интеграции и особенно военной кооперации с Францией.

В любом случае это будет важный визит: о его результатах мы вас подробно проинформируем...

Э. ХОНЕККЕР. Мы полностью разделяем ваш подход к отношениям с ФРГ. Я информировал уже о том, что в ходе своего визита в Бонн ни я Колю ничего не уступил, ни он мне. Однако если мы хотим серьезно говорить об «общеевропейском доме», то без широкого сотрудничества с ФРГ такого разговора не получится. На сегодняшний день это самая крупная и сильная как в экономическом, так и в военном плане капиталистическая держава в Европе. Еще на совещании ПКК в Варшаве я говорил, что нельзя делать ставку на одну из политических сил в ФРГ, надо строить отношения с тем правительством, которое в данный момент находится у руля.

Из весьма близких к Колю кругов мы получили доверительную информацию, согласно которой в ходе своего визита в СССР канцлер намеревается в основном решить экономические проблемы, а уже во время твоего ответного визита в Бонн поднять политические

вопросы. Дело в том, что сейчас он вынужден действовать с постоянной оглядкой на результаты президентских выборов в США. С другой стороны, и в самой ФРГ ситуация довольно противоречива. Несмотря на высокий уровень безработицы, страна переживает экономический подъем. В последнее время чаша весов постоянно колеблется в сторону то СДПГ, то ХДС/ХСС. И хотя почти на всех последних выборах в земельные парламенты ХДС несла потери, а СДПГ прибавляла, шансы их примерно равны, а резервуары избирателей обеих сторон составляют около 40%. По словам социал-демократов Лафонтена, Энгхольма и Шрёдера, с которыми мы в последнее время беседовали, если в ближайшем будущем произойдет падение конъюнктуры, то СДПГ может рассчитывать на победу на выборах в бундестаг 1991 года в коалиции либо с «зелеными», либо с СвДП.

В ХДС царит неясность — кто будет следующим кандидатом партии на пост канцлера: Коль или Шпэт. СДПГ пытается набирать очки, выдвинув лозунг «Правительство Коля — правительство богачей». Тщательный анализ итогов последних выборов в парламент показывает, что вопросы безопасности, разоружения отошли на второй план. Людей волнуют в основном проблемы экономической защищенности. Предложенный недавно министром финансов Штольтенбергом проект налоговой реформы встретил дружную критику со стороны не только СДПГ и зеленых, но и Штрауса, так что документ пришлось срочно корректировать.

Серьезные вопросы встают в связи с планами создания единого западноевропейского рынка, которые вызывают тревогу даже в США. В начале этого года в ходе нашей беседы в Париже Миттеран говорил мне, что западные немцы ведут себя заносчиво, хотя особых оснований для этого нет, ведь Франция, мол, не слабее ФРГ. Примерно в том же духе высказывается и Маргарет Тэтчер.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А де Мита вообще заявляет, что Италия — наиболее динамично развивающаяся страна Запада.

Э. ХОНЕККЕР. Это говорит о том, что между западными европейцами сохраняются разногласия. Именно поэтому, на наш взгляд, Коль будет стремиться к тому, чтобы в Москве добиться как можно больше экономических результатов.

И все же мы считаем, что страны ЕЭС в итоге договорятся между собой. Они уже ввели универсальную расчетную единицу — экю, которая получит хождение наряду с национальными валютами. Чтобы не быть голословным, хочу передать тебе в качестве сувенира монету достоинством в 50 экю.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо. Кстати, а почему бы нам не ввести в СЭВ единую валюту?

Э. ХОНЕККЕР. Мы не против этого, но считаем, что пока это дело нереальное. В рамках СЭВ мы представляем собой коллектив, внутри которого идет товарообмен. Однако специфика каждой страны, в частности ценообразование, своя. Другое дело, когда у нас будет создан общий товарный рынок.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Может быть, наши товарищи встретятся по этому вопросу?

Э. ХОНЕККЕР. Хорошо, мы за предварительные консультации. Пока же, как мы считаем, нам следует создавать организацию объединенных социалистических государств Европы. Надо уже сейчас продумывать дальнейшие этапы нашего развития вне зависимости от того, все ли наши страны согласятся с этой идеей или нет.

Господство транснациональных монополий в Западной Европе значительно упрощает создание таких форм политической интеграции, как, например, Европарламент. К этому следует добавить, что к 1992 году страны ЕС не будут иметь между собой границ.

С согласия стран — членов СЭВ ГДР установила дипотношения с ЕС и таким образом впервые добилась того, что ФРГ, как член сообщества, вынуждена была признать ГДР «заграницей».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы постоянно чувствуем с западногерманской стороны зондаж: а не удастся ли в ходе предстоящего визита вывести нас на какие-то новые подходы к западноберлинской проблематике. Лезут к нам по поводу Четырехстороннего соглашения, которое проверено жизнью. Так что мы подтвердили наши позиции, а если возникнет что-то новое, то все равно никаких обещаний давать не будем.

Э. ХОНЕККЕР. ФРГ хочет добиться признания Западного Берлина в качестве федеральной земли. Правда, после вашего ответа на памятную записку трех западных держав по воздушному сообщению, с которым мы полностью согласны, в Бонне, похоже, наступило отрезвление.

Когда я был с визитом в ФРГ, Коль тоже поднимал этот вопрос. Я сослался на четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Он попытался меня поправить, заявив, что соглашение касается всего Берлина. вы ошибаетесь, сказал я ему; если внимательно прочитать текст этого документа, вы нигде не найдете слова «Берлин». Зато западные секторы Берлина встречаются часто. И еще я подчеркнул, что ФРГ должна бы только радоваться тому, что, благодаря соглашению, в Центре Европы наконец-то воцарилось спокойствие.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, ФРГ постоянно нарушает Четырехстороннее соглашение. Вот и сейчас западные немцы добиваются включения в состав делегаций бундестага ФРГ депутатов от Западного Берлина.

Э. ХОНЕККЕР. Это верно. Однако, если вы будете твердо выступать против этого, то встретите поддержку трех так называемых западных держав-защитниц. В последнее время они очень чувствительно реагируют на малейшее ущемление их прав в Западном Берлине. Например, недавно они отклонили даже просьбу западноберлинского правящего бургомистра об отмене утратившего всякий смысл постановления союзнической комендатуры конца 40-х годов о введении смертной казни за ношение холодного оружия. Так что при всех разногласиях США, Англия и Франция едины в одном — в стремлении сохранить свои позиции в Западном Берлине.

Суммируя сказанное, хочу отметить, что Коль, на мой взгляд, вполне приемлемый партнер по переговорам. Правда, ему не всегда хватает политической самостоятельности и глубокого знания проблем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Геншер выигрывает на фоне столь нечетких позиций канцлера.

Э. ХОНЕККЕР. Да, он более самостоятельно выступает за развитие отношений между Востоком и Западом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если у нас еще что будет перед визитом Коля, мы тебя проинформируем. Если нет, вместе обсудим итоги визита. Думаю, что действуем правильно как в контексте Восток–Запад, так и в контексте двух германских государств.

Э. ХОНЕККЕР. Полностью с этим согласен.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с представителями журнала «Шпигель»

20 октября 1988 года

Р. АУГШТАЙН. Мы надеемся, что весной будущего года вы посетите с визитом Федеративную Республику Германия и сможете там увидеть, что доверие к сотрудничеству между народами, к его ценности очень сильно возросло. Мы думаем, что само по себе это является большим достижением. Господин Генеральный секретарь знает нашу землю не только по официальным визитам. Нам известно, что, будучи секретарем Ставропольского крайкома, вы прогуливались в толпе федеральных немцев, и они вас не узнавали...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Интересная была поездка, хотя и непростая. Почему? Вот бывший посол помнит этот мой приезд во главе делегации. Это ведь совпало с 30-летием разгрома фашизма. Мне особенно запомнилась дискуссия у одной бензоколонки под Франкфуртом-на-Майне (*далее М.С. Горбачев воспроизвел эпизод, о котором ранее рассказал Президенту ФРГ Р. фон Вайцеккеру*).

Р. АУГШТАЙН (*в ответ на воспоминание о том, как было дело с разделом Германии в 1945 году*). Мы, конечно, сейчас не сможем повторить всю историю, обсудить все исторические факты. Я с вами полностью согласен в отношении планов США и Англии о разделе Германии, которые не имели ничего общего с планами СССР. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

**Из интервью М.С. Горбачева
журналу «Шпигель»
20 октября 1988 года**

Вопрос. Германский вопрос — является ли он еще открытым?

Ответ. Об этом мне уже приходилось говорить и публично, и на встречах с государственными деятелями ФРГ. И я лишь могу еще раз подтвердить сказанное ранее по этому вопросу.

Вместе с тем хочу со всей определенностью подтвердить: не может быть разных мнений о том, что судьба немцев неразрывно соединена с судьбами всей Европы, с прогрессом ее в условиях полной безопасности всех и каждого, то есть с перспективами строительства «европейского дома».

Любые попытки размыть границы между суверенными германскими государствами, тем более силовые эксперименты в этой области, неприемлемы, а то и катастрофичны. В таких вопросах должна быть полная ясность...

Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 7. С. 63.

Беседа М.С. Горбачева с Г. Колем⁴⁰

24 октября 1988 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** В силу влияния Европы в мире то, что мы с вами будем делать, должно быть понятно и США, и Канаде. Понятно нашим союзникам, всем другим...

Г. КОЛЬ. Между нами существуют трудные реальности, но с ними нужно жить. Я имею в виду не идеологические, а психологические моменты. Вторая мировая война явилась трагедией для наших народов. Ужасно то, что немцы причинили народам Советского Союза. Ужасно и то, что немцам пришлось испытать в конце войны. Этого нельзя забывать, на этих реальностях надо учиться.

К реальностям относится и то, что после войны были передвинуты государственные границы. Реальность и то, что мы потеряли треть Германии, что наша страна разделена.

Но реальностью является Московский договор, а также договоры, подписанные в Варшаве и Праге. Московский договор является их прародителем. Я всегда говорил, что договоры должны соблюдаться.

Есть проблемы, по которым у нас нет согласия. И мы должны принимать этот факт к сведению. Мы, немцы, говорим, что раздел не последнее слово истории. Мы, реалисты, считаем, что война не является средством политики. Изменения, о которых мы говорим, возможны лишь мирными средствами и совместно со своими соседями. Ждать придется, может быть, очень долго. Однако надо видеть, что это не рецидив реваншизма. Когда мы говорим, что нация едина, то имеем в виду шанс, который может открыться через несколько поколений.

Мы знаем, что у вас другое мнение. Но если видеть, что мы разьединены и что признание этого состояния вместе с надеждами на его изменение не является реваншизмом, то само по себе это уже будет

шагом вперед. Конечно, речь идет о задаче не нашего поколения. Но мы должны идти в Европе на сближение. И, может быть, нашим внукам будет предоставлен тот шанс, о котором я говорил.

Реальностью является и Берлин, который, как мне кажется, должен быть полностью включен в процесс развития наших отношений. Четырехстороннее соглашение показало, что может быть прочной основой. При его строгом соблюдении и полном осуществлении должны быть найдены практические и разумные урегулирования и для еще не решенных вопросов.

Может быть, сегодня мы еще не сможем обо всем договориться. Но пройдет какое-то время, вырастет доверие, и невозможное может стать реальностью.

Мы подготовили соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Нас попросили прислать номера почтовых ящиков возможных западноберлинских участников этого соглашения. Неловко фамилию известного ученого заменять номером почтового ящика. Но мы решили на это пойти, чтобы не сорвать подписание соглашения. Со временем такой вариант развязки себя, наверное, изживет. И мы найдем что-нибудь более приемлемое, отвечающее интересам обеих сторон.

Вы говорили о выживании Европы с точки зрения экологии. Согласен с вами и в том, что СССР и ФРГ уже сейчас могли бы осуществлять эффективные меры для решения нарастающих острых проблем. Примером может служить Чернобыль. Нам он обошелся в 600 млн марок.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А нам в 5 млрд рублей, да и это, пожалуй, еще не все.

Г. КОЛЬ. Надо сотрудничать в области совершенствования атомной энергетики, повышения безопасности АЭС. Это соответствовало бы, как интересам наших государств, так и всей Европы. Если на пути развития нашего сотрудничества появится такая реальность, как списки КОКОМ, то мы можем поговорить и о том, как сделать так, чтобы они нам не мешали. Соответствующее решение можно будет найти.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы затронули важную часть нашего диалога, без прояснения которой нам не удастся открыть новую главу во взаимоотношениях. Я готов к личным контактам, к открытому обсуждению всех вопросов.

Г. КОЛЬ. Именно так я и подхожу к нашему диалогу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И, конечно, не только сегодня пытаюсь понять ситуацию в Европе, разобраться в тех реальностях, которые нам достались в наследство. Сначала о самых болезненных реальностях, кото-

рые сложились после войны. Не может быть двух мнений: мы — за хорошие отношения с двумя германскими государствами на здоровой и долговременной основе. У нас союзнические отношения с ГДР. И мы ведем линию на то, чтобы были добрые отношения с ФРГ. Что касается советско-западногерманских отношений, то, как я уже говорил, самый трудный период остался позади. Это создает предпосылки к тому, что мы можем выйти на новый уровень отношений. И в ФРГ в широких массах происходят позитивные изменения по отношению к СССР.

Г. КОЛЬ. Да, вы правы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важно. Теперь о других реальностях, которые оставила война. Должен сказать, что нам понятны переживания немецкого народа. Но что поделаешь — историю не перепишешь. В интервью «Шпигелю» я не зря вспомнил беседу с хозяином бензоколонки под Франкфуртом-на-Майне. Она сидит во мне.

Но история так распорядилась, что сложились эти реальности. И то, как вы подметили, что Московский и другие договоры — реальности. Это тоже реальность.

В духе той же откровенности скажу. Когда говорят что, мол, вопрос объединения открытый, когда хотят его решать на уровне политического мышления 40–50-х годов, это вызывает реакцию не только у нас, но и у ваших соседей на Западе. С одной стороны, признаются реальности, а с другой — все время реанимируется прошлое. И это есть не только в обществе. У политиков тоже ностальгия. И не только мы этот видим.

За этим столом много нас проверяли — представители Востока и Запада, — какова позиция Советского Союза. И возникал вопрос о доверии. Можно ли доверять правительству, если оно сохраняет претензии к своим соседям, а не только недовольно итогами войны?

Г. КОЛЬ. Это не одно и то же.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Господин канцлер, у всех есть понимание проблемы разделенных семей и многого другого. Но есть реальности.

Есть проблема Западного Берлина. Никто не ставит перед собой цель превратить его в мертвый город. Но что означают попытки подбрасывать тему Берлина как земли ФРГ? Когда это появляется на политическом горизонте, сразу же возникает реакция и с нашей, и с других сторон. Главная ваша мысль верна — это реальность. И никак нельзя не считаться с тем, что это реальность. И вы, и мы не можем не считаться. Иначе это будет тянуть назад.

А надо вместе сотрудничать, сближаться. Мы готовы и к дружбе с ФРГ. И пусть история опять распорядится. Но не будем навязывать ей модели. Это не только бесполезное занятие, но и осложняет отношения.

Во многих странах эту ностальгию, эти претензии связывают и с нюансами отношения ФРГ к проблемам разоружения, в том числе обычных вооружений, тактического ядерного оружия. В ФРГ чаще говорят, что разоружаться должны СССР, страны Варшавского Договора. А со стороны ФРГ меры разоружения должны, мол, носить символический характер. И это говорится тогда, когда зарождается какой-то переговорный процесс в сфере разоружения. Это вызывает тревогу.

Г. КОЛЬ. Могу ли я внести одно предложение? Может быть, Геншер и Шеварднадзе смогут обсудить некоторые более совершенные формы вовлечения Западного Берлина в сферы нашего двустороннего сотрудничества. Я имею в виду, прежде всего, чисто практические дела, которые позволили бы избежать бюрократической волокиты или использования всяческих «заумных» развязок.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пусть поговорят на основе строгого соблюдения Четырехстороннего соглашения.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Докладная записка А.С. Черняева о реакции Западной Европы на визит Г. Коля в Москву

28 октября 1988 года

Михаил Сергеевич!

Ю.А. Квицинский общался все эти дни с немцами и сообщает.

Коль и мадам Коль безоговорочно удовлетворены результатами визита. Особенно глубокое «личное» впечатление на них произвел вечер в узком кругу. Мадам, правда, говорила, что она перед этим очень волновалась. Но когда встретила такое радушие и открытость, такое понимание «ее положения», она сразу приободрилась и, кажется, держалась «как нужно» и «вроде понравилась».

Коль на эту тему (и даже интервьюеру во время посещения Данилова монастыря) добавил такой нюанс: он очень хотел, но не рассчитывал на то, чтобы Горбачев разговаривал с ним не только как государственный деятель, а и «как человек». И это произошло, что его особенно «очаровало». Горбачев разговаривал с ним как человек, который хорошо чувствует и психологическую атмосферу, личностную ситуацию, показал, что умеет строить доверие не только на основе объективных императивов, государственной заинтересованности, но и в плане чисто человеческого.

Окружение Коля очень внимательно следило за реакцией союзников по НАТО и детально ему докладывало. Коль опасался, что ему «может влететь», когда вернется домой. Насторожило его выступление двух французских газет («Котидьен де Пари» и «Фигаро»), которые не намеками, а прямым текстом писали, что характер визита ставит под сомнение верность Коля союзническим обязательствам. Эти же подозрения нашли отражение в ядовитых вопросах, которые Колю задавали во время пресс-конференции на Зубовской площади французские корреспонденты: мол, хорошо! вы столько надавали русским,

а что получили взамен? Несколько узников совести, которых русские обещали отпустить? Или: а как же теперь быть с франко-германским альянсом, совместной армией и другими обещаниями в отношении французов? Не изменил ли Коль теперь крен — с французского Запада на советский Восток? Обратил Коль внимание и на аналогичные намеки в американской прессе и со стороны американских дипломатов. Успокоило, впрочем, его то, что англичане среагировали довольно спокойно, хотя именно от них он ожидал резкостей.

Из разговоров Квицинский ухватил, что май для ответного визита назван был Колем не случайно. Тут своя тактика. Коль как раз доволен, что в промежутке между двумя его встречами с Горбачевым съездят в СССР французы, и с американцами будут контакты, может быть, «и с другими». Ему тогда будет легче вести дела с нами, отбиться от подозрений.

Что касается экономической части, то и у Коля, и у министров, и у промышленников большое удовлетворение и большие надежды. Они рассчитывают на серьезность со стороны советских партнеров. Судя по всему, готовят дополнительные большие проекты к вашему визиту.

Квицинский уловил твердое нежелание немцев связывать себя с Западной Сибирью. К Кольскому полуострову интерес большой. Предлагают создать совместную комплексную советско-германскую комиссию по решению всех проблем, связанных с этим проектом.

Мадам удивлена и немножко раздосадована тем, что ее подарок детской больнице не нашел никакого отражения в советских средствах массовой информации, а она «так к этому готовилась». Никто из официальных лиц не присутствовал. Правда, работники больницы, директор, больные приняли ее очень по-доброму. По-видимому, надо попросить Лиханова (*руководитель Детского Фонда*) написать ей письмо и найти способ рассказать и о посещении, и о подарке в нашей печати.

Михаил Сергеевич!

От Шахназарова я узнал, что он проявил инициативу с передачей Хонеккеру записей ваших бесед с Колем (кстати, не зная еще их содержания!).

Мое мнение: не надо этого делать. Во-первых, прецедент. Во-вторых, дело даже не в содержании, хотя и по этой части не все ему следует знать, особенно об атмосфере бесед. Хонеккер может сделать совсем не нужные нам «идеологические» выводы (по части подозрительности в смысле «ортодоксии») и прагматические (мол, «и я теперь могу идти куда смелее»).

Послать в усеченном виде опасно, так как из ФРГ может быть утечка (за содержание которой мы, естественно, не отвечаем).

И вообще, у нас все-таки своя политика, отнюдь не идентичная хонеккеровской. Она хорошо просматривается в том, что и как вы говорили Колю. И зачем нам себя связывать?

Сегодня к Хонеккеру летит Бондаренко. Я согласился, чтобы он передал ему привет от вас.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

1989 год

Беседа М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем⁴¹

11 апреля 1989 года

*(В беседе приняли участие с немецкой стороны Э. Бар
и А. Майер-Ландрут, с советской — В. Фалин)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сердечно приветствую в Москве членов руководства Социал-демократической партии Германии. Вчера состоялось символическое событие, которое свидетельствует о новом качестве отношений между нашими партиями. Я имею в виду открытие в Москве постоянного представительства Фонда Фридриха Эберта.

Эти отношения прошли большой путь. Вначале, в ходе первых контактов, мы обсуждали проблемы послевоенного урегулирования. Затем темой наших бесед стала общая забота об укреплении мира. Теперь мы сопоставляем наш опыт, сравниваем идеи, обмениваемся мнениями. Прямо скажу, мы доверяем нынешнему руководству СДПГ, ценим наше сотрудничество. После такого заявления я могу уже больше ничего не говорить. Все остальное детали.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Большое спасибо. С удовольствием принимаю ваши слова. Со своей стороны хотел бы сказать, что и мы испытываем к вам полное доверие. Может быть, это звучит несколько выпендренно, но мы считаем, что, именно благодаря вам, членам руководства вашей партии, избранным в последнее время, мы являемся свидетелями процессов, которые изменяют мир. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы ничего не могли бы сделать в одиночку, если бы в этих процессах не принимали участие другие, в том числе и ваша партия. Вот мы ведем диалог с США, говорим, что процесс осмысления американской администрацией современных внешнеполитических реальностей затянулся. Но, какие бы сложности здесь ни возникали, мы понимаем, что без США, без их вклада в оздоровление и перестройку международных отношений нормализовать обстановку в мире не удастся. Речь идет, таким образом, о нашей общей задаче.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Применительно к СДПГ можно было бы следующим образом конкретизировать эту мысль: наша сегодняшняя политика была бы невозможной без Московского договора, без «восточной политики». Наконец, без таких людей, как Вилли Брандт, который просил меня передать вам свои сердечные приветствия, как Валентин Фалин и Эгон Бар, сидящие за этим столом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Главное, что эти люди успешно пережили то время и продолжают активно работать дальше.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. У них еще, как минимум, двадцать лет впереди.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Одним словом, надежный народ. Дело, в котором они принимали участие, было поистине поворотным.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. За него пришлось бороться, и бороться упорно. Сегодня мы с удовлетворением констатируем: те люди у нас в ФРГ, которые тогда сопротивлялись этим процессам, сегодня перешли на совершенно иные позиции.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня на памяти, как напряженно шло голосование в бундестаге по этим вопросам.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Вы говорили о перестройке, о трудностях в ее осуществлении. Мы с большой симпатией следим за процессами, которые происходят в вашей стране, желаем вам всяческих успехов, так как эти успехи не только в ваших, но и в наших интересах. Хотел бы передать вам публикацию, только что подготовленную нашей партией. Здесь подборка выдержек из ваших выступлений. (*Передает Горбачеву брошюру.*) Это тоже вклад СДПГ в перестройку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда-то я читал по-немецки, с разговорной речью сложнее. Мне кажется, что я доставлял удовольствие людям, когда в ФРГ или в ГДР пытался говорить по-немецки.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Мы только что вернулись из Соединенных Штатов. У меня сложилось впечатление, что и там ответственные политические круги сегодня более позитивно относятся к перестройке. Это показали наши беседы с Бушем, Бейкером, конгрессменами. Совсем недавно в этом же духе выступил перед членами Комиссии по иностранным делам Сената США один из лучших знатоков советско-американских отношений Джон Кеннан. Его выступление было встречено членами Комиссии овациями. Хотел бы передать вам текст этого выступления, а также номер журнала «Тайм» со статьей под примечательным заголовком «Холодная война закончилась». (*Передает Горбачеву материалы.*) [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы отметить, что в изменениях, свидетелями которых мы являемся, большая заслуга западногерманской социал-демократии. Прежде всего в том, что после такой ужасной

войны, столь дорого обошедшейся и нам, и вам, благодаря усилиям советских руководителей, Вилли Брандта отношения между нашими народами были нормализованы. Без этого не было бы ни Хельсинки, ни современного развития в целом.

Меня подозревают в том, что я хочу похоронить Хельсинкский процесс, выдвигая идею «общеевропейского дома». О таких опасениях на Западе мне как-то говорил Эгон Бар. Мы также не хотим вытеснить из Европы Соединенные Штаты Америки, о чем иногда говорят. Это было бы иллюзией. Мы прочно стоим на почве реальной политики. А только с таких позиций возможно продвижение вперед. Хельсинкский процесс развивается, он достиг нового уровня, создаются новые механизмы общения, обмена не только товарами, но и идеями.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. В 1983 году Юрий Андропов сказал мне в беседе, что между нашими народами существуют «кровные связи». Я не понял сразу, что он имеет в виду, однако потом я подумал о 20 млн советских людей, о миллионах немцев, погибших в последней войне. Это большое достижение — в большей степени ваше, чем наше, — что спустя 40 лет нам удалось преодолеть прошлое.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Главное, что дерево советско-западногерманских отношений начало давать новые побеги. Следовательно, у этого дерева есть сильные корни. Об этом я говорил и с Вайцзеккером, и с Колем. Мне представляется, что все политики — и у нас, и у вас — хорошо осознают значение наших отношений для Европы, для всего мира.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Согласен с вами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Знаю, что в ФРГ есть колеблющиеся в этом вопросе, кое-кто опасается, как бы развитие советско-западногерманских отношений не вызвало подозрений у союзников, у Франции. Ничего, время и факты реальной политики покажут, что альтернативы этому курсу нет. Мы говорим о том, что собираемся открыть новую страницу в наших отношениях, однако процесс этот идет подчас трудно, страницу заполнять оказалось не так уж легко. Я говорил на эту тему с нашим послом Квицинским. Вы знаете этого человека как активного поборника развития всесторонних контактов между СССР и ФРГ. Кстати, это относится и к присутствующему здесь послу Майер-Ландруту.

Так что не все у нас здесь пока ладится. Когда что-то не получается, ищут козла отпущения. Что ж, пусть пока ими будут наши послы (*Оживление.*)

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Я хотел бы продолжить тему преодоления прошлого. Почему мы так мало говорим о примирении между нашими наро-

дами? Ведь смогли же немцы подвести черту под прошлым с французами, поляками, израильтянами. Двадцать миллионов погибших советских граждан во Второй мировой войне на совести немецкого правительства, на нашей совести. В 1991 году исполняется 50 лет с 22 июня 1941 года. Почему бы в этой связи не подумать о том, чтобы поставить у нас памятник советским солдатам, погибшим в Германии, а в каком-либо подходящем месте в Советском Союзе памятник тем молодым немецким солдатам, которые погибли у вас, пускай в несправедливой войне, выполняя несправедливый приказ. Памятник тем молодым людям, которые, говоря субъективно, шли в свой последний бой с чистой совестью. Такой акт затронул бы чувства людей наших стран, показал готовность новых поколений, выросших после войны, подвести раз и навсегда черту под трагическим прошлым. Уверен, что людям нужны такие символы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этот вопрос нужно серьезно обдумать. Здесь есть сомнения не столько политического свойства, сколько эмоционального.

Например, где можно было бы поставить такой памятник? Под Вязьмой, где все было выбито? Как люди отнесутся к этому? Не скажут ли они нам: здесь все было уничтожено, а вы ставите памятник? Давайте не спеша, очень внимательно обдумаем это предложение. Я сейчас не готов дать ответ. Еще раз повторяю, в политическом плане это предложение заслуживает внимания, но здесь есть очень сильный эмоциональный аспект.

Конечно, солдат остается солдатом. Но какие жертвы! Я думаю, что, например, в Белоруссии осуществить это предложение было бы невозможно. Политический смысл предложения я вижу в том, чтобы выразить убеждение наших поколений никогда не допустить повторения прошлого. Но при этом не надо приукрашивать того, что было, не изображать прошлое в розовых тонах, помнить о трагедии.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. У нас есть еще время подумать.

Прошу вас сказать несколько слов о процессе разоружения...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Чего хотят в этой связи немцы? Если «третьего нуля», то мы готовы к этому. Надо дополнить процесс переговоров по обычным вооружениям переговорами по тактическому ядерному оружию. Иначе так и будем подозревать друг друга.

Не утратили, на наш взгляд, своей актуальности, не ушли на задний план и наши идеи и соображения, связанные с зонами, свободными от ядерного и химического оружия. Все это вписывается в рамки процесса разоружения, все это его важные элементы, особенно там, где не удастся сразу выйти на крупные решения. Так что давайте сотруд-

ничать. То, что этими проблемами занималась наша совместная рабочая группа, — хорошо, это нам помогло. Но она должна работать и дальше. Может быть, создать новую группу по проблеме «общеевропейского дома». Это также интересный вопрос. Говорят в этой связи, что предложения Горбачева по «общеевропейскому дому» носят размытый характер. Но тут есть одна хитрость: пусть на эту тему высказываются и другие. Мы считаем, что бригада строителей этого дома должна быть общеевропейской. Здесь есть свои реальности, это НАТО и Варшавский Договор.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Каждому дому нужны несущие стены. Эти организации таковыми являются.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Почему бы нам их не политизировать? Пускай военные встречаются друг с другом, дискутируют. Мне кажется, что сам процесс Вены будет способствовать снижению конфронтации. Кстати, это могло быть еще одной темой для нашей рабочей группы.

Другой вопрос — перспективы развития ЕЭС и СЭВ. Важно, чтобы интеграционные процессы, идущие в обеих частях Европы, не разошлись. Западная и Восточная Европа располагают всеми необходимыми ресурсами. Их не надо искать за тридевять земель. Важно не терять время, идти от реального и, конечно, избегать любых действий, которые могли бы дестабилизировать обстановку. Надо отказываться от психологии, строящейся на принципах «холодной войны», когда чем хуже соседу, тем лучше для меня. Сегодня принципом должно стать: если плохо кому-то, то плохо и мне. Таков один из постулатов нового мышления.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Что касается разоружения, то этот процесс обрел сегодня свою динамику, благодаря прежде всего вашим идеям. Хотя должен заметить, что социал-демократическое правительство не отдало бы вам так просто инициативу в этих вопросах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Так берите власть в свои руки.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Мы стараемся.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Разумеется, это ваше внутреннее дело. Что касается нас, мы будем сотрудничать с Федеративной Республикой при любом правительстве.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Примечательно недавнее высказывание Гудпейстера, главкома НАТО в 60–70-годы, о необходимости сокращения вооруженных сил НАТО и Варшавского Договора до 50% нынешнего уровня НАТО. Так что за последнее время в США слышишь все больше хороших новостей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. К сожалению, такие высказывания не всегда имеют практические последствия. Кстати, такой же опыт мы собрали,

осуществляя нашу политику перестройки и гласности. Некоторые предложения, высказанные в ходе нашей предвыборной кампании, зачастую не имеют практического значения. Иногда кажется даже, что кое-кто видит смысл демократии в том, чтобы выпускать пары...

Наша концепция — это концепция социалистической демократии. Процессы демократизации идут не только в политической, но и в экономической сферах. Последнее в условиях частной собственности, видимо, особенно трудно осуществить. Мы же хотим, используя новые формы в политике и экономике, сделать главным действующим лицом человека труда, дать ему возможность не только выполнять принятые решения, но и непосредственно участвовать в их выработке.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Это как раз все то, о чем мы говорим в проекте нашей новой партийной Программы. (*Передает М.С. Горбачеву проект новой программы СДПГ.*) Один из ее важных разделов посвящен проблеме участия трудящихся в управлении производством и обществом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Национализовав частную собственность, мы создали возможность для преодоления отчуждения человека. Однако командно-административная система не позволила ликвидировать это отчуждение на практике — ни в экономике, ни в политике.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Человек больше зависит от функционера, чем от собственности.

М.С. ГОРБАЧЕВ (*листает проект Программы*). Мне нравится раскованность языка проекта. Многие его формулировки совсем как наши.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Но не забывайте, пожалуйста, что нам уже 126 лет, мы старше вас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В свое время я говорил Вилли Брандту, которого очень уважаю и с которым мы обмениваемся письмами: когда же мы начнем поворот от раскола 1914 года. Сколько мы потеряли из-за этого.

Думаю, что и фашизм не смог бы прийти в 30-е годы к власти в Германии, если бы рабочее движение было едино. Время сейчас такое, что нужно всемерно развивать наше сотрудничество. Разумеется, не выдавая при этом желаемое за действительное.

Э. БАР. Не будем спорить об идеологиях, давайте решать практические вопросы там, где это возможно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы изучаем ваш опыт, опыт других стран с социал-демократической традицией.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Хотел бы в свою очередь высказать несколько замечаний по вопросам разоружения. В целом между нами и правительством здесь существует больше согласия, чем когда-либо в прошлом.

Есть различия в трех вопросах. Во-первых, мы предлагаем, чтобы параллельно с Веной шли переговоры по тактическому ядерному оружию. Правительство вроде тоже за это, но вынуждено оглядываться на союзников, а те говорят: не спешите. Мы считаем, что «третий ноль» был бы наилучшим решением⁴². Но можно было бы пойти и на такой шаг, как определить здесь общие потолки, которые были бы меньше числа имеющихся на сегодняшний момент «лэнсов»⁴³. Мы выступаем против модернизации, поскольку считаем, что под видом модернизации произошла бы замена существующего оружия качественно новым, к тому же более дальнобойным. Правительство видит, что настроения против модернизации широко распространены в общественном мнении страны, и стремится выиграть время.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Модернизация вызвала бы огромный скандал. Ведь что получается: мы ликвидировали ракеты с радиусом действия от 500 км и выше, а теперь хотят поставить на вооружение ракеты дальностью до 495 км. Это было бы чистым надувательством.

В.М. ФАЛИН. Кстати, по Договору по РСМД мы убрали ракеты с дальностью даже менее 500 км.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В США не хотят переговоров, так как американский ВПК уже развернул программу новых вооружений. У нас есть информация, но не от американцев, о том, что в Белом доме обсуждали вопрос, как быть с перспективами процесса разоружения, как отнестись к нашей перестройке. Самый большой противник дальнейшего расширения отношений с нами — это ВПК. Его руководители опасаются, что если процесс разоружения пойдет дальше, то вырастет безработица. Они также не знают, что делать со своей наукой. Возник целый конфликт между администрацией и наукой, обслуживающей ВПК. Американцы рассчитывали на то, что Советский Союз откроет свой внутренний рынок для массовых поставок товаров ширпотреба из США. А Советский Союз мучается, но не идет на это. Западный же рынок забит товарами. Поэтому перестройка для них неприемлема. Предстоит борьба.

Какие идеи выдвигают в этой связи американцы? Бжезинский, в частности, рассуждает таким образом: социализм может существовать или как сталинская диктатура, или как анархия, которую, с его точки зрения, Советский Союз переживает на данном этапе перестройки. Проводится и такая мысль: стоит ли связываться с Советским Союзом, если результаты перестройки пока непредсказуемы? К сожалению, на эту удочку попадают и немецкие деловые круги, причем даже в большей степени, чем французы и англичане. Говорят, лучше вложить меньше капитала, но в более надежное место. Такие настроения мы

хорошо чувствуем. Так, по ряду объектов легкой и пищевой промышленности мы получили более выгодные предложения от французских и итальянских фирм. Трудно реализуется трехмиллиардный кредит, предоставленный западногерманскими банками. Так что вопрос этот непростой.

Перестройка — сложный процесс. Но мы знали, на что шли, не хотели ограничиться перекрашиванием фасада...

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Или переклейкой обоев⁴⁴. [...]

Мы наблюдаем за этим процессом, быть может, с более близкого расстояния, чем многие другие. И мы видим, что ему нет альтернативы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. За четыре прошедших года никто ничего другого предложить не смог.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Мне кажется, что вы излишне пессимистично оцениваете настроения среди деловых людей ФРГ. Я бы мог привести много примеров, которые говорят, что деловые круги ФРГ готовы активно сотрудничать с вашей страной. Вместе со мной в Москву прилетели, как вы знаете, ряд видных бизнесменов. Руководитель «Люфтганзы» Рунау парафировал в эти дни договор о расширении аэропорта «Шереметьево-2», прорабатывает вопрос об использовании самолетов «Ил-76» для грузовых перевозок. Руководитель концерна «Хеш» Роведдер сотрудничает в деле модернизации завода, на котором будут производиться гидравлические экскаваторы. Нойбер — руководитель «Вестдойче ландесбанк» — активно сотрудничает с советскими партнерами в области кредитных операций. Вместе со мной в Москву прилетели три председателя производственных советов крупных заводов. Это очень интересные люди, настоящие рабочие лидеры. Мы готовы активно поддержать ваши планы подготовки среднего звена руководящего персонала. Управляемые социал-демократами земли ФРГ готовы принять по линии Фонда Эберта 100 человек для этих целей. Советские специалисты могут приехать к нам на 3—4 месяца для того чтобы повысить свою квалификацию, причем не только на промышленных предприятиях, но и, например, в органах коммунального управления.

Вы говорите о ВПК — он имеет влияние повсюду, не только в США. На предприятиях ВПК расходуются впустую триллионы марок.

И это в то время, когда человечеству грозят такие опасности, как изменение климата, разрушение озонового слоя, проблемы во взаимоотношениях между Севером и Югом, демографический взрыв. На решение этих проблем нужна каждая марка. Я с интересом прочел ваше выступление в ООН. И надеюсь, что мы доживем до того времени, когда люди на всей земле не будут отгораживаться друг от друга

в своих национальных квартирах, а будут выступать совместно, осознают себя как общность.

Хотел бы затронуть один вопрос. Одна из крупнейших земель ФРГ с развитой угледобывающей, сталелитейной, химической промышленностью, с высоким уровнем технологии — Северный Рейн—Вестфалия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я как раз собирался напроситься туда в гости.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Премьер-министр этой земли, один из моих заместителей по партии Йоханнес Рау, был бы счастлив, если бы во время вашего пребывания в ФРГ вы смогли бы побывать у него в гостях. В этой связи еще одно пожелание. Сейчас советские организации подыскивают место для размещения в ФРГ дома советской экономики. Почему бы таким местом не могла бы стать столица Северного Рейн—Вестфалии город Дюссельдорф?

И еще одно пожелание. Недалеко от Дюссельдорфа находится крупный промышленный центр Дортмунд. Если бы Генеральный секретарь смог захватить туда и выступить перед 6 тыс. металлургов. Высказать вам это приглашение меня уполномочили как руководство концерна «Хеш», так и трудовые коллективы. Надеюсь, что обменяться мнениями с немецкими рабочими будет для вас не менее интересно, чем встречи в «высших эшелонах».

М.С. ГОРБАЧЕВ. В Великобритании я с трудом пробивался к рабочим.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Встречались ли вы в Англии с Нилом Кинноком?

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас состоялась обстоятельная беседа. Я предложил ему подумать над тем, чтобы вместе отметить 100-летие Второго Интернационала. Ведь это общий юбилей всего рабочего движения. Я хотел бы и вам предложить принять участие в тех мероприятиях, которые мы будем проводить в связи с этой датой у себя. Со своей стороны, мы готовы были бы участвовать в соответствующих ваших мероприятиях.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Об этом надо было бы поговорить с Брандтом. Но в этом году будет еще один общий праздник — 125-летие Первого Интернационала.

Вы говорили о совместной рабочей группе КПСС—СДПГ. Мы хотели бы, чтобы она занималась проблемой «общеевропейского дома».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я бы добавил к этой теме и тему экологии, которая прямо-таки стучится во все двери. Можно было бы обсудить и проблему задолженности.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. В «европейском доме» есть комната, разделенная на два помещения. На двери написано «Берлин». Я согласен, что

в подъездах и на лестницах дома надо следить за порядком. Но плохо, когда в доме начинается стрельба. Люди должны иметь право свободно перемещаться. Конечно, это перемещение следует каким-то образом организовать, в том числе с помощью полиции. Но она не должна стрелять. Нам хотелось бы, чтобы коллеги в ГДР доверяли себе больше, чем они это делают сейчас, проявляли больше гибкости.

М.С. ГОРБАЧЕВ. То, что они недодали вам, мы готовы компенсировать.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Это хорошее предложение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Несколько слов о советских гражданах немецкой национальности и в более широком плане. В рамках процесса гармонизации межнациональных отношений мы ведем поиск формулы, которая позволила бы представителям различных национальностей, проживающих в нашей стране, лучше удовлетворять свои потребности в культурном развитии и т. д. При этом гармонизацию мы не рассматриваем как перекройку существующих границ между республиками, национальностями. Мы думаем наполнить новым содержанием понятие суверенитета республик, автономии, расширить возможности для развития культуры национальных меньшинств. Здесь много проблем, в том числе и экономических, связанных с развитием и размещением производительных сил в стране. Но эти проблемы мы будем решать...

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Несколько слов о наших межпартийных контактах. Здесь я должен признать, что в одном пункте мы опростоволосились. При нашей последней встрече я высказал пожелание, чтобы в Советском Союзе распространялись 10 тыс. экземпляров еженедельника «Форвертс». Вы знаете, очевидно, о трудностях, которые мы переживаем с этим изданием. Не только у вас, но и у нас не все всегда идет так, как хотелось бы. Но что касается другого важного дела — открытия постоянного представительства Фонда Фридриха Эберта в Москве, то эту задачу мы решили. Будем ждать открытия представительства ИМЛ при ЦК КПСС в Бонне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это, действительно, очень важное событие. Может быть, мы и не сумеем сегодня в полной мере оценить всю его значимость. [...]

На заседании Политбюро ЦК КПСС

13 апреля 1989 года

О беседе Горбачева с Фогелем

Горбачев. Очень интересная беседа. Но самое интересное он сказал Яковлеву: международного коммунистического движения уже фактически нет, социалистическая мысль продолжает жить в социал-демократии. Значит, мы и вы должны идти рядом.

В защите демократии он был особенно активен. Может, мы, говорит, и будем шуметь по поводу событий в Тбилиси. Но мы понимаем ваши обстоятельства. А вы все-таки ведите себя так, чтобы не погибла перестройка.

Фогель доволен встречей с Николаем Ивановичем (*Рыжковым*). «Эти фирмы — назвал какие — будут иметь с вами дело, когда мы, СДПГ, придем к власти», — сказал он нашему премьеру.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Первая беседа М.С. Горбачева с Р. фон Вайцеккером⁴⁵

Бонн, 12 июня 1989 года

(На первой части беседы присутствовали с немецкой стороны Г. Коль, Г.-Д. Геншер, К. Блех, А. Майер-Ландрут, с советской — Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, И.С. Силаев, Ю.А. Квицинский)

[...] **Р. фон ВАЙЦЕККЕР.** В политическом плане сейчас весьма благоприятный момент, чтобы сделать решающий шаг в двусторонних отношениях и для оказания положительного воздействия на обстановку в Европе и в мире.

Нынешний официальный визит — это как бы другая половина того развития, начало которому было положено во время визита Коля в СССР в октябре 1988 года. Подготовлены совместные фундаментальные политические документы и договоры, которые хорошо иллюстрируют обоюдное стремление сторон открыть новую главу во взаимоотношениях.

Между немцами и русскими в истории были не только войны, но и хорошие примеры взаимодействия и сотрудничества, гуманных добрососедских отношений. Наше сотрудничество не направлено ни против кого, но оно имеет решающее значение для судеб Европы. Все население ФРГ приветствует ваш визит и выражает надежду на то, что ответственная работа, которой, несомненно, будет насыщен визит, внесет весомый вклад в дальнейшее укрепление мира и добрососедских отношений на европейском континенте. Важно при этом подчеркнуть, что сотрудничество между нашими странами осуществляется с учетом союзов, в которые мы и вы соответственно входим. При этом в рамках своего союза ФРГ намерена всемерно поддерживать тенденции взаимопонимания.

Несколько дней тому назад я встречался с Президентом Бушем, который просил передать вам привет и добрые пожелания. Он говорил, что его беседы с вами характеризовались откровенностью и хорошей атмосферой. Если вы обратили внимание на последние выступ-

ления американского Президента во время его недавнего визита в ФРГ, на юбилейной сессии НАТО в Брюсселе и в крупнейших американских газетах, то мимо вас, очевидно, не прошло ощущение того, что американская администрация после определенной задержки делает ставку на конструктивную фазу в отношениях Восток—Запад. Хотелось бы отметить, что западногерманская сторона — как правительство, так и общественность — внесла в это немаловажное изменение весьма существенный вклад.

М.С. ГОРБАЧЕВ (*благодарит за гостеприимство и добрые пожелания*). [...] За последние два—три года в советско-западногерманских отношениях было сделано весьма много, чтобы можно было бы совершить коренной поворот — открыть новый, качественно более высокий этап в этих отношениях.

Если говорить о взаимосвязи состоявшихся до этого визитов, то хочу упомянуть и ваш визит в Москву летом прошлого года. Он также во многом способствовал развитию новых подходов и появлению новых идей в наших отношениях. Мы очень ценим то, что было с тех пор сделано, и хотели бы с самого начала визита подтвердить, что прибыли на берега Рейна с искренним желанием и далее развить все положительное, с тем чтобы поворот в отношениях носил действительно коренной характер. Разумеется, мы также исходим из того, что такая линия только на пользу и нашим двум народам, и другим странам Европы, нашим союзникам и партнерам. Ведь мы не собираемся взрывать то, что создано на европейском континенте, а намерены лишь приумножать тот позитив, который уже явственно обозначился.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Даже господин Хонеккер в своем недавнем пространном интервью газете «Вашингтон пост» в позитивном плане высказался о результатах последней сессии НАТО в Брюсселе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А почему вы вспомнили именно в этой связи о Хонеккере?

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Дело в том, что прежде я никогда не слышал, чтобы он в положительном смысле говорил о НАТО. Именно поэтому я и обратил внимание на упомянутое интервью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Со своей стороны я хотел бы отметить, что Хонеккер всегда выступал и выступает за то, чтобы два немецких государства в Европе твердо преследовали цель не допустить, чтобы с немецкой земли когда-либо вновь исходила война. Он последовательно привержен мирной политике, и его соображения отличаются большим реализмом.

(Затем беседа продолжилась в узком кругу во время завтрака у Президента.)

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Период «холодной войны» закончился, нормализованы и развиваются отношения между ЕЭС и СЭВ, происходят кардинальные сдвиги в двусторонних отношениях между европейскими государствами. Одним словом, многое пришло в движение. И в этой ситуации само геополитическое положение ФРГ существенно увеличивает ее вес и значение. [...]

ФРГ не является великой державой, но она имеет свой вес и значение в Европе и в системе западных союзов. Мы хорошо понимаем значение конструктивных переговоров между США и СССР. Мы считаем очень важным то обстоятельство, что Президент Буш готов к доверительному диалогу с Горбачевым о долгосрочной перспективе устойчивого и стабильного мирного порядка.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если уж зашла речь о линии Президента Буша, то хотелось бы отметить, что в личных беседах у нас с ним царил доверительная, благожелательная атмосфера. Стремясь сохранить такой настрой, мы, несмотря на то, что администрация надолго затянула прояснение своей линии относительно дальнейшего развития советско-американских отношений, набрались терпения и не выступали с критикой Буша и его правительства. Не втягивались в полемику и тогда, когда даже среди общественности США и Западной Европы стала нарастающим потоком раздаваться критика в связи с такой затяжкой. Сейчас видно, что мы поступили правильно.

Говоря об американской внешнеполитической линии, следует отметить, что для нее характерен ряд перманентных слабостей. Во-первых, когда Президент Буш ведет беседы один на один, его отличают и прагматизм, и стремление не упираться в идеологические каноны. Однако когда он выходит на общественность, то частенько в его словах звучат такие нотки, которые мы когда-то называли «рейгановским крестовым походом против коммунизма».

И второе. Для администрации Джорджа Буша, как и для его предшественников, характерна позиция выжидания и затягивания в подходе к развитию связей с СССР. Вновь и вновь предпринимаются попытки посмотреть, не перейдет ли Советский Союз из-за различных трудностей, с которыми он сталкивается, на более уступчивые позиции, которые дадут «плюс» Соединенным Штатам. Мы неоднократно говорили им об иллюзорности подобного подхода, о том, что политику нельзя строить на заблуждениях. Но они пока не перестают цепляться за такой подход. [...]

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Президента Буша, видимо, нельзя сравнивать с бывшим Президентом Рейганом. С Джорджем Бушем можно решать дела прагматично, без раздувания идеологической стороны дела.

Конечно, он все еще находится под очень сильным давлением справа; причем речь идет даже не о правом крыле Республиканской партии и, может быть, даже не о позиции Конгресса, а о мощных «группах давления», которых немало в США. Да что уж говорить о США! Подобные группы имеются и у нас в ФРГ. [...]

(В заключение Р. фон Вайцеккер поблагодарил М.С. Горбачева за беседу, подчеркнул, что деловой мир, общественность, все население ФРГ с большим интересом и ожиданиями встречают визит советского руководителя.)

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Беседа М.С. Горбачева с Г. Кодем один на один

Бонн, 12 июня 1989 года

[...] **Г. КОЛЬ.** Сразу хотел бы поздравить вас с избранием на высокий пост Председателя Верховного Совета СССР. Мы в ФРГ внимательно следили за Съездом народных депутатов, с интересом наблюдали вас в роли председателя и пришли к единодушному мнению, что она вам подходит как нельзя лучше.

Сейчас время больших свершений, подведения итогов, определения перспектив на будущее. Первого сентября исполняется 50 лет с начала Второй мировой войны. На днях мы отмечали сороковую годовщину образования ФРГ. Здесь есть над чем подумать, и мы от этого не намерены уклоняться.

Поэтому я хотел бы прежде всего приветствовать наш совместный политический документ, который мы подпишем завтра. Он подводит черту под прошлым и освещает путь в будущее.

В сугубо личном плане хотел бы со всей определенностью подчеркнуть следующее. Как я, так и возглавляемое мною федеральное правительство намерены вместе с вами, г-н Горбачев, и вашими сподвижниками идти по пути, определенному положениями нашего совместного документа. Я надеюсь, что наши общие планы и устремления пойдут на пользу не только нашим государствам и их населению, но и всей Европе, всему миру. Думаю, что у нас хватит на это сил и энергии. Главное в том, что люди идут за нами.

Мы знаем, что вам сейчас непросто. Мы хорошо представляем трудности, с которыми вы столкнулись, желаем вам успеха в их преодолении, готовы оказывать вам в этом посильное содействие.

Мир сейчас пришел в движение. Не в последнюю очередь благодаря перестройке в Советском Союзе. Многие переосмысливаются, при-

чем порой настолько быстро и качественно по-новому, что приходится только удивляться.

Недавно я беседовал с американским Президентом Бушем, которого хорошо и давно знаю. Я ему прямо сказал, что интересы ФРГ — это европейские интересы, т.е. интересы всех европейцев, взаимосвязанных друг с другом. На первом месте, конечно, в списке европейских приоритетов находятся вопросы безопасности, обеспечения и сохранения мира. Мы считаем, что сейчас весьма благоприятная атмосфера для того, чтобы воспользоваться шансами на разоружение.

Я думаю, что Буш все это также хорошо видит и понимает. Наши интересы ему хорошо известны, и он не может с ними не считаться.

Разумеется, я далек от того, чтобы преувеличивать значение нашей позиции, однако в Брюсселе на сессии НАТО ФРГ сыграла весьма заметную и, как нам кажется, конструктивную роль.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы тоже это заметили, от нашего внимания ничто не ускользнуло.

Г. КОЛЬ. Я рад слышать такие слова, приятно, когда наши взгляды на ту или иную картину совпадают. В политике большую роль часто играют случайности. Фридрих Великий говорил, что для генерала важна фортуна...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ваши соображения созвучны моим размышлениям. [...]

Я считаю, что мы без лишней скромности можем сказать, что наш совместный политический документ получился впечатляющим и масштабным. Он свидетельствует о прорыве в отношениях, о выходе их из застойного состояния, об утверждении нового мышления.

Согласен с вами, что вступление наших отношений в качественно новую фазу воздействует не только на двусторонний, но и на многосторонний комплекс. Мир действительно пришел в движение, и с каждым днем во все большей остроте встает вопрос — куда пойдет политика, куда двинутся международные отношения. Основное здесь — кто возьмет верх. Будут ли это силы инерции, порождающие рецидивы «холодной войны», или победа будет за силами прогресса, конструктивного сотрудничества, и человечество уверенно начнет движение по новому руслу, ведущему в будущее. Одним словом, можно сказать, что сейчас выдался шанс и для перестройки международных отношений. Под перестройкой мы понимаем их обновление во имя идеалов будущего, идеалов общих, не наносящих никому ущерба, не ущемляющих чью-либо безопасность.

Мы — реалисты и, конечно, понимаем, что советско-американские отношения оказывают решающее воздействие на обстановку в мире, на то, пойдет ли речь о ее оздоровлении или помрачении.

Однако комплекс советско-американских отношений не изолирован сам по себе, не замыкается в двусторонней сфере. На него тоже идет воздействие извне, и прежде всего из Европы. А на европейском континенте, очевидно, ключевую роль играют отношения между СССР и ФРГ. Без преувеличения можно сказать, что от них зависит будущее Европы, поэтому нет больше ответственности, чем владеть таким ключом. Хотел бы подчеркнуть, что мы в советском руководстве, как я вам уже говорил в октябре прошлого года, при формировании нашей политики неизменно и всесторонне учитываем глобальную роль политики ФРГ.

Позвольте задать вам один ясный и совершенно откровенный вопрос. Не кажется ли вам, что американская администрация и сам Президент проводят какую-то двойственную линию, стараются создать одно впечатление внутри страны, а другое — вовне?

С Президентом США у меня идет весьма активный диалог, механизм его хорошо отлажен. В личном плане он производит впечатление реалистически мыслящего политика, трезво смотрящего на вещи. Излагаемые им намерения носят конструктивный характер, открывают, одним словом, возможность для принятия в будущем позитивных решений. Таково мое личное впечатление.

Однако когда речь идет о публичных высказываниях, о выступлениях перед различными слоями общественности, то порой происходит заметное смещение акцентов, появляются противоречия, которые не могут не смущать. Может быть, Президент хочет продемонстрировать правым кругам в Республиканской партии или военно-промышленному комплексу, что он в состоянии представлять и их интересы, что может быть их выразителем. Или Буш хочет показать себя волевым и решительным человеком, освободиться от каких-то не нравящихся ему характеристик. Но ведь это можно сделать и с помощью конструктивных инструментов. Многие в его последних речах отдают временами «холодной войны», в них присутствуют категории, от которых мы сейчас уходим.

Я люблю поговорить откровенно, с полным доверием к собеседнику. Надеюсь, что такой подход устраивает и вас, господин Коль.

Г. КОЛЬ. Я целиком и полностью за это. Дам вам такой же откровенный и, насколько удастся, исчерпывающий ответ.

Джорджа Буша я знаю давно, у нас с ним хорошие, дружеские отношения. Давая ему оценку как Президенту, находящемуся всего

лишь несколько месяцев на своем посту, необходимо учесть его предшествующее положение.

В течение восьми лет он был вице-президентом при Рейгане. Всегда был лояльным человеком, на этот счет у нас, наверное, общая точка зрения: подобные качества мы воспринимаем с удовлетворением. Однако для самого Буша такая оценка имела негативный аспект, вредила ему, поскольку все постоянно задавались вопросом: сумеет ли он когда-либо выйти из тени Рейгана, обрести свое собственное оригинальное политическое лицо или так и останется на позициях лояльности.

В плане работы на публику Бушу далеко до Рейгана: у него нет ни актерского обаяния, ни мастерства общаться с народом на телеэкране, ни других аналогичных качеств. Он интеллектуал. В Америке они различаются на происходящих с Тихоокеанского и Атлантического побережий. Люди из Калифорнии совсем не похожи на тех, кто происходит с Запада США.

В этом смысле Буш как политик очень важен для Европы, у него гораздо более европейское видение дел, чем у Рейгана. Кстати, Рейган как политик вырос буквально у меня на глазах. Я его знаю с 1979 года, когда еще возглавлял оппозицию. Он как-то приехал в Бонн, я его принял, и мы с ним проговорили три часа. Тогдашний канцлер Гельмут Шмидт не стал его принимать, заявив, что у него нет времени. Беседа с Рейганом произвела на меня тогда удручающее впечатление. Выяснилось, что он абсолютно ничего не смыслил в европейских делах. Мой помощник Тельчик был на ней и может сейчас вам подтвердить, насколько мы были тогда обескуражены. Но ведь Рейган стал Президентом, и вы, г-н Горбачев, тоже нашли с ним общий язык.

Буш совершенно другой человек. Нельзя забывать, что ему досталось тяжелое внутривнутриполитическое наследство, прежде всего в экономическом плане. Сейчас в двери США стучится призрак единого общеевропейского рынка, который будет создан в 1992 году. В самих США всю работу японские предприниматели, захватывающие все новые и новые позиции. Жизненный уровень населения США, прежде всего социально незащищенных слоев, продолжает стагнировать. [...]

В Брюсселе на сессии НАТО мы, представители ФРГ, находились на разных дистанциях по отношению к другим участникам. Ближе всех к нам были, кстати, после определенной работы американцы, а вот дистанция по отношению к Лондону оказалась значительной. Буш, также Бейкер показали в Брюсселе всю свою политическую незаурядность. Они сильны — и Президент, и его госсекретарь. Это нельзя недооценивать, этим надо пользоваться.

Играет роль и то обстоятельство, что жена Буша — это спокойная, уравновешенная женщина. Она оказывает на окружающих умиротворяющее воздействие. Раньше этого не было. Я давно знаю Барбару Буш — обаятельную женщину, мать и бабушку. Атмосфера, где она появляется, сразу же разряжается. Это очень чувствительный момент для деятельности Белого дома. Вы в этом убедитесь, когда посетите его.

Могу вам с уверенностью сказать, что Буш лично может и хочет вести с вами дела. Также по-деловому настроено и его окружение. Примером может служить арабо-израильский конфликт, изменение стиля действий Белого дома в отношении задействованных в этом конфликте государств.

В целом можете для своей ориентации настраиваться на развертывание дел с США. На втором месте следует иметь в виду Елисейский дворец и нас. Я не оговорился, упомянув Елисейский дворец. Между Миттераном и мной нет никаких расхождений в отношении того, что нам делать вместе. Я реалист. Генеральный секретарь ЦК КПСС тоже должен быть реалистом. Иначе он не смог бы занять этот пост и не сумел бы на нем удержаться. То же касается и меня как председателя ХДС. Я бы дня не продержался на этом посту, если бы не был реалистом. Про мою работу говорят, что она напоминает скачки на тигре. Я уже 16 лет сижу верхом на тигре. Каждые три месяца в году мне регулярно предсказывают политическую смерть, однако я до сих пор жив и пока что умирать не собираюсь.

Настроен я оптимистически, готов к углублению доверительного диалога с вами, не обходя ни одного вопроса или проблемы. Если терпеливо и последовательно вести дело, то не останется ни одного белого пятна, ни одного неурегулированного вопроса. Я был и останусь оптимистом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня с Бушем было немало встреч, в том числе и личного характера. Последний раз мы беседовали с ним в декабре прошлого года, когда он уже был избран Президентом. В доверительном порядке мы условились, что будем развивать советско-американские отношения по формуле: преемственность плюс-то, чем следует ее дополнять.

В наших отношениях немало деликатных вопросов, поэтому необходимо укреплять доверие между Москвой и Вашингтоном. Пока что со стороны Буша я не замечал особых отступлений от условленного. Однако, как я уже говорил, последние его выступления вызвали у нас озабоченность. [...]

Г. КОЛЬ. Если нам удастся через 12–15 месяцев добиться решающего продвижения в Вене, то это коренным образом изменит об-

становку на всех направлениях разоруженческой деятельности. Сейчас вообще нет никаких табуированных тем, нет никаких неразрешимых проблем. Приведу один пример. В Брюсселе мы заговорили о КОКОМ, о том, что его надо менять, так как он давно уже стал анахронизмом. Буш с этим согласился, причем вполне серьезно, а не из каких-то тактических соображений. Еще один пример. Мы с интересом следим за развитием Венгрии. За этим следят США и, конечно, вы, г-н Генеральный секретарь. Я Бушу говорил, что в отношении Венгрии мы поступаем по старой немецкой пословице: пусть церковь останется в деревне. Это значит, что пусть венгры сами решают, что им нужно, но никто не должен в их дела вмешиваться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас есть похожая пословица: в чужой монастырь со своим уставом не ходят...

Г. КОЛЬ. Бывает мнение одной стороны, бывает мнение другой стороны, но бывает и третье, единое мнение. Это мнение и Советского Союза, и США, и ФРГ, и других стран. Одним словом, надо не мешать чьему-либо развитию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Напряженность в целом ряде стран сейчас огромная. Если кто-то попытается дестабилизировать обстановку, то это сорвало бы процесс укрепления доверия между Западом и Востоком, разрушило бы все, что создано до сих пор. Мы же хотим сближения, а не возврата на позиции противоборства.

Г. КОЛЬ. Целиком и полностью согласен с вами. Позвольте еще несколько прямых и откровенных слов. У нас не ослабевают проблемы в отношениях с ГДР. Однако ни для кого не секрет, что господин Хонеккер не проявляет склонности к каким-либо изменениям или реформам и тем самым сам дестабилизирует обстановку.

У меня в ФРГ из-за этого проблемы. Я все время заявляю, что не заинтересован в дестабилизации положения в ГДР. Однако люди меня все время спрашивают, почему ГДР занимает застывшие позиции. Мне говорят, что надо что-то предпринять, чтобы там ощутили бы ту свободу, которая характеризует сейчас Венгрию, Польшу и, конечно, Советский Союз.

Вы не представляете, что у нас здесь творилось, когда стало известно, что ГДР запретила распространение советского журнала «Спутник». Все смеялись. Но мне было не до смеха. Ведь с меня, канцлера, требуют новых шагов по улучшению отношений с ГДР, а я ничего не могу сделать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В отношении наших союзников у нас действует твердая концепция: каждый отвечает сам за себя. Мы не собираемся никого учить, но и не просим, чтобы нас учили. По-моему, сказанное

мною ясно говорит о том, есть «доктрина Брежнева» или ее нет. Мы за позитивные перемены во всех отношениях, за политическое оздоровление, за укрепление экономики, но и за сохранение самобытности и традиций социалистических государств.

Г. КОЛЬ. Поддерживаю ваши соображения. Вообще, откровенно скажу, что Москву мы сейчас понимаем гораздо лучше, и она нам гораздо ближе, чем Берлин. Пятьдесят процентов населения в ГДР смотрят наше телевидение. Там в курсе всех дел, но публично пока высказываться опасаются. Просто жалко людей. Но я, повторяю, не делаю ничего для того, чтобы дестабилизировать обстановку. Это касается также и Венгрии, и Польши. Воздействовать на чье-либо внутривнутриполитическое развитие — значило бы проводить деструктивную линию на отбрасывание Европы к временам настороженности и недоверия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важная констатация, она соответствует духу времени.

Г. КОЛЬ. Именно поэтому сейчас уместно вспомнить, что 50 лет тому назад началась Вторая мировая война. Есть процессы, которые невозможно остановить или пустить вспять. Сейчас все в движении, все обновляется. В этих условиях необходимо проявлять государственную мудрость и понимание позиций друг друга.

Я являюсь председателем крупнейшей в Западной Европе Христианско-демократической партии. Наши идеологические установки расходятся с вашими, однако это не значит, что мы не можем общаться и сотрудничать. Более того, я желаю успеха проводимой вами, коммунистами, перестройке, так как она является шансом и для Запада, для его благополучия.

Во время своего недавнего пребывания в США я выступал в Нью-Йорке на закрытом внешнеполитическом семинаре. Присутствовали ряд крупных политиков, представителей деловых кругов и журналистов. Я там, в частности, сказал, что не согласен с Горбачевым по вопросу о единстве Германии. Затем отметил, что не вижу для себя никакого смысла в том, чтобы спорить об этих делах с утра до вечера. Пусть каждый остается на своих позициях: он — на своей, а я — на своей. Канцлер ФРГ обязан также говорить о Берлине, о стене и т.п. Однако вопрос заключается в том, как это говорить: констатировать имеющуюся ситуацию или призывать к ее изменению.

Еще я сказал американцам, что у Горбачева хватает своих проблем, в частности национального характера, а также обеспечения населения продовольствием. Вот здесь надо подумать, как оказать необходимое содействие, прежде всего, конечно, в экономической сфере. Я катего-

рически против такой политики, когда сидят в театральной ложе, смотрят на сцену, а в конце действия говорят, что нам, дескать, все было заранее известно, мы все предвидели и не ошиблись в своих предположениях.

Кроме того, я в своем выступлении подчеркнул, что никто не должен быть заинтересован в дестабилизации обстановки в Советском Союзе. Если Горбачев добьется успеха, если перестройка будет утверждать себя во все большей мере, то это пойдет на пользу всеобщему миру и благосостоянию. Это очень хорошо понимают люди нашего поколения. Я ездил в США к сыновьям, они там учатся, а до этого отслужили свой срок в бундесвере. Они офицеры запаса, но мне не хотелось бы, чтобы они когда-либо воевали. Кажется, мои высказывания пришились американским слушателям по душе, во всяком случае — мне активно аплодировали.

У меня нет никаких иллюзий, когда я как председатель ХДС говорю с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Но у нас общая цель: не допустить третью мировую войну. Это объединяет. А что касается противоречий, то они бывают и между союзниками внутри их блоков.

Обстановка развивается в позитивном направлении. Вот и сейчас мы с вами говорим уже более откровенно и доверительно, чем в октябре прошлого года в Москве. В Брюсселе на сессии НАТО я тоже уже говорил по-другому. За час до вашего приезда мне из Мадрида звонил Гонсалес. Он вице-председатель Социнтерна, но мой хороший друг. Ты, говорит, будешь встречаться сейчас с Михаилом. Я тебе завидую, но напрягись... С ним непросто... Он просил меня передать вам привет, пожелал успеха вашему визиту, посоветовал мне тоже постараться ради этого.

Сейчас, как видите, мы уже говорим по-другому с социалистами, причем не только на руководящем, но и на простом человеческом уровне. В воскресенье состоятся выборы в Европейский парламент. Французские социалисты проводят кампанию, используя всего лишь один плакат, на котором Миттеран и я изображены во время нашего пребывания в Вердене. Меня, немца, к тому же христианского демократа, используют в предвыборной борьбе социалисты...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы тоже с интересом следим за предвыборной борьбой в Европейский парламент. Нам хотелось бы, чтобы и выборы, и сама деятельность Парламента пошли на пользу созидания общего европейского дома.

Г. КОЛЬ. Необходимо укреплять доверие, так как оно является залогом того, что если не сегодня, то завтра удастся решить вопросы, которые до сих пор казались неразрешимыми.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен с вами, что укрепление доверия имеет решающее значение для достижения взаимопонимания по всем вопросам. Этот процесс должен идти параллельно с переменами во взглядах, с внедрением нового мышления. Главное, однако, во всех этих процессах — ослабление военного противостояния. В этом смысле, конечно, первостепенное значение имеют многосторонние переговоры, идущие в Вене. Мы тоже за то, чтобы они скорее приносили плоды.

Я ознакомился с переводом текста Декларации брюссельского Совета НАТО. Она, кажется, состоит более чем из 50 пунктов. Откровенно говоря, этот документ вызвал у меня смешанные чувства. С одной стороны, там констатируется приверженность позитивным процессам, идущим в Европе, документам, принятым в Хельсинки и Вене, конструктивному диалогу. Но в то же время там нельзя не увидеть элемента устрашения с опорой на ядерное оружие и даже допущено применение ядерного оружия.

В Женеве мы с Рейганом в свое время провозгласили, что ядерной войны не должно быть. Этот постулат является краеугольным камнем выживания человечества, основой для политики, обращенной в будущее. Непонятно, как Федеральный канцлер ФРГ может ставить свою подпись под «документом», содержащим столь неконструктивные элементы. Может быть, г-жа Тэтчер сумела навязать вам свои убеждения?

Мы ведь собираемся идти курсом сближения, наращивания сотрудничества, укрепления взаимопонимания. А в Брюссельской декларации делается ставка на силу. Как же можно демонстрировать перед всем миром такую единую позицию? Наверное, НАТО все это понадобилось для того, чтобы подправить свои кое-где ослабевшие в последнее время позиции, приглушить центробежные силы, о которых в последнее время порой заходила речь. Если не в этом причина, то, значит, мы имеем дело со старой политикой, опирающейся на силу, на ядерное устрашение, допускающей применение ядерного оружия. Если говорить откровенно, то это пещерная политика, от нее веет сыростью, затхлостью и холодом.

Г. КОЛЬ. У НАТО своя философия, опирающаяся на известные высказывания Армеля⁴⁶. Суть их в том, чтобы быть сильным и в то же время вести переговоры, укрепляя мир. НАТО сейчас едино и сильно. Но это не является самоцелью. Мы не хотим сидеть на горах оружия и тем более поднимать их выше. Возможность своих конструктивных действий продемонстрирована на примере Договора по РСМД. Мировлюбие НАТО, и в том числе ФРГ, проявилось, в частности, в отказе от ракет «Першинг-1А». Всесторонне все взвесив, я одобрил решение об отказе от этих ракет.

Мы за то, чтобы динамично развертывались дела в направлении достижения договоренности по СНВ. В Брюссельском документе мы четко высказались также за запрещение химического оружия. ФРГ уже давно играет роль застрельщика в этом вопросе. Эту функцию мы постараемся выполнять и впредь.

Что касается обычных вооружений, то ключ к этой проблематике в ваших руках. Есть реальная возможность договориться, причем основательно, по обычным вооружениям в течение если не 12, то по крайней мере 14–15 месяцев. Договоренность по обычным вооружениям переведет всю разоруженческую проблематику в качественно новое русло. Я буду одним из тех, кто об этом скажет ясно и четко.

Хотел бы предложить вам, г-н Генеральный секретарь, в течение ближайших месяцев напрямую, а не через ведомства поддерживать контакт по тематике Венских переговоров. Да и в целом, я считаю, надо интенсивнее общаться, почаще звонить друг другу, даже если нет конкретных дел. Если регулярно говорить, слышать голос друг друга, то и проблемы решаются легче. Что касается спецпредставителя, то я уже говорил, что к вам буду посылать своего ближайшего помощника Тельчика, который присутствует здесь. Вы можете посылать ко мне Черняева.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен.

Г. КОЛЬ. Своей роли мы не преувеличиваем, но и не преуменьшаем. Считаться с нами будут все больше и больше. Я это уже чувствую.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо теснее взаимодействовать, так как наше сотрудничество может дать очень эффективные импульсы и вызвать позитивные подвижки в еще не решенных вопросах.

Г. КОЛЬ. Я доволен тем, как прошел промежуток между моим пребыванием в Москве и вашим приездом сюда. Мы очень значительно продвинулись, подписали целый ряд документов, подготовили к подписанию новые. Есть, однако, один вопрос, который нам уже давно мешает. Это неурегулированность дел с подключением Западного Берлина к нашему сотрудничеству. Из-за этого мы так и не смогли договориться по соглашению о судоходстве. Может быть, наши эксперты попытаются что-то сделать за время вашего пребывания в ФРГ. От западноберлинского вопроса, как он стоит в наших отношениях, тоже веет пещерной сыростью. Время требует от нас пересмотреть подходы, освободить западноберлинскую проблематику от деструктивной роли.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я передам Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе ваше обращение.

Обмен речами во время торжественного обеда

12 июня 1989 года

Г. КОЛЬ

[...] Мы, немцы, сознаем, как много смерти и опустошений, как много горя и страданий, причиненных руками немцев и от имени немцев, принесла эта война народам Советского Союза.

Безвинно погибло также множество немцев, а многим пришлось вынести ужасные страдания. Более 10 млн изгнанных и беженцев потеряли свою родину. Наша Отчизна и наша древняя столица Берлин были разделены.

Но чувство сопричастности немцев Запада и Востока осталось неизменным. Продолжающийся раскол мы воспринимаем как открытую рану.

Заключительный документ Венской встречи по результатам Хельсинкского совещания наметил новые пути, особенно по достижению прогрессивных сдвигов в деле соблюдения прав человека, свободы передвижения, свободы вероисповедания и защиты меньшинств.

Мы способствуем этому общеевропейскому процессу также посредством своих добрососедских отношений с нашими восточными и юго-восточными соседями. При этом наши отношения с вашей страной, г-н Генеральный секретарь, играют главную роль. А хорошие отношения между ФРГ и СССР имеют центральное значение для отношений между Западом и Востоком в целом.

Восстановление дипломатических отношений в 1955–1956 гг. и Московский договор 1970 года, букву и дух которого мы соблюдаем, заложили прочный фундамент. На их основе мы намерены путем обмена нашими визитами и благодаря импульсу, который он дает нашим отношениям во всех областях, целеустремленно продолжать развитие наших отношений.

Мы намерены регулярно продолжать доверительный диалог на самом высоком уровне. Мы поощряем консультации, контакты и встречи на всех уровнях: правительств, парламентов, церквей и общественных организаций, городов и общин, граждан и особенно молодежи.

Соглашение об обмене закрепит это завтра. Берлин (Западный) будет включен в него — как и во все наши договоры — в полном соответствии с Четырехсторонним соглашением. Вы знаете, какое значение имеет включение Берлина в развитие наших связей во всех областях.

Наши экономические отношения проявили себя стабильным элементом отношений в целом еще в трудные времена. С учетом глубоких экономических и социальных преобразований в Советском Союзе Федеративная Республика Германия сознает свою роль крупнейшего западного экономического партнера вашей страны. Мы готовы на основе взаимной выгоды расширять наше сотрудничество, в том числе в новых формах кооперации и в новых областях, например в сфере технологий, благоприятных для окружающей среды.

Соглашения об обучении и повышении квалификации специалистов и руководящих кадров, а также о защите инвестиций и содействии им, которые мы также подпишем завтра, имеют при этом исключительное значение. Центры торговли и промышленности в обеих странах еще больше облегчат сотрудничество между предприятиями.

Великие первопроходцы проложили нам путь тесного, плодотворного обмена в области культуры и науки...

Все они открыли двери для культурных и человеческих контактов и для взаимной оценки значения наших народов. Мы хотим продолжить их путь:

— так, завтра мы договоримся о давно ставшем необходимым создании культурных институтов;

— мы подпишем соглашение об обмене учеными, учителями и учащимися.

Тем самым мы опираемся на хорошие традиции в нашей истории, насчитывающей сотни веков.

Частью исторического наследия, объединяющего нас, являются также наши немецкие соотечественники, начавшие миграцию в Россию около 250 лет назад и способствовавшие своим прилежанием и надежностью строительству своей новой родины. По прошествии десятилетий несчастья, в котором эти люди неповинны, они вновь могут стать посредниками между обоими народами.

Многим из них вы, г-н Генеральный секретарь, дали возможность выехать к своим семьям и друзьям в нашей стране, и мы благодарим

вас за это! Тем, кто захотел остаться в Советском Союзе, мы желаем, чтобы они смогли сохранить свою самобытность. Мы бы охотно помогли им сохранять их религию, язык и культуру.

Господин Генеральный секретарь,

— политика остается абстрактным идейным построением, если она не овладевает сердцами людей;

— все усилия правительств по улучшению отношений будут наталкиваться на свои границы, если народы не поддержат эти усилия.

В отношениях между нашими странами и народами всегда в достаточной мере присутствовало человеческое участие. Об этом свидетельствуют не только большое внимание, с которым мои сограждане следят за развитием событий в Советском Союзе, но и чисто человеческая солидарность, которую они впечатляющим образом проявили после землетрясения в Армении в прошлом году и после страшной железнодорожной катастрофы несколько дней назад.

Господин Генеральный секретарь, мы хотим развивать эти политические и общечеловеческие основы в рамках нашей политики с перспективой до 2000 года. Завтра мы подпишем в качестве такого путевказующего документа наше Совместное заявление. Посредством данной политики мы исполним самое насущное желание народов — путем взаимопонимания и примирения залечить раны прошлого и построить лучшее будущее. [...]

М. ГОРБАЧЕВ

[...] Мы хотим всемерно расширять обмен идеями, людьми, опытом, готовы к контактам на всех уровнях и во всех сферах со всеми государствами — далекими и близкими, большими и малыми. Это в полной мере относится к Федеративной Республике Германия, с которой мы искренне хотим развивать, углублять наши отношения, обогащать их новыми идеями и конкретными делами. В этом духе мы с вами, господин Коль, говорили раньше, в Москве. И теперь я подтверждаю вновь именно такой подход.

[...] Полагаю, все мы понимаем, сколь большое воздействие оказывает состояние советско-западногерманских отношений на положение дел в Европе и за ее пределами, на международную обстановку в целом. Это очевидный факт, подтвержденный и историей, и событиями последних лет.

Трагедия, которую пережили наши народы и весь мир в результате развязанной нацистами войны, побуждает, склоняя голову перед ее жертвами, извлечь уроки. И главный состоит в том, чтобы в межгосударственных отношениях первенствовали идеи взаимного уважения,

равенства, безусловного признания свободы выбора. Согласие в этом главном позволило нам с вами поставить вопрос о новой странице в советско-западногерманских отношениях. В Москве, г-н канцлер, мы с вами выразили обоюдное желание придать им качественно иной характер. Сегодня мы уже можем констатировать, что начали перелистывать первые страницы в «новой главе» наших взаимоотношений. Мы подводим черту под послевоенным периодом. И это, на наш взгляд, позволит каждой из наших стран сделать еще один решающий шаг навстречу друг другу.

В таком именно контексте я и рассматриваю совместный политический документ, который мы с вами, г-н канцлер, завтра подпишем.

Я вижу его ценность прежде всего в том, что в нем мы существенно развиваем идеи и концепции Московского договора. Пожалуй, это первый документ такого характера и масштаба, в котором два крупных европейских государства, принадлежащих к различным системам и союзам, попытались философски осмыслить суть переживаемого сегодня мировым сообществом момента и совместно очертить цели своей политики.

Документ не требует ни от вас, ни от нас отказа от своей самобытности или ослабления наших союзнических связей. Напротив, я уверен: следование ему в нашей политике послужит укреплению вклада каждого из наших государств в строительство мирного европейского порядка, а также в формирование общеевропейского сознания.

После вашего визита в Москву представители обеих сторон заметно активизировали контакты и договорились о существенных проектах сотрудничества, прежде всего в экономической сфере. В эти дни эта работа, от которой мы ждем практических результатов, будет продолжена.

Мы взяли курс на лучшее и более совершенное познание нашими народами друг друга. Этому послужит все более оживленное и многообразное общение наших людей. Пусть знакомятся, учатся друг у друга, перенимают все ценное и лучшее, что есть у каждого, наши школьники и студенты, наши рабочие, крестьяне и инженеры, наши деловые люди и деятели культуры, ученые и общественные деятели. А они и есть народ в самом широком и подлинном смысле слова.

Вот чем мы тоже хотим наполнить «новую главу», вот на что мы рассчитываем, приближая новый, по-настоящему мирный период наших отношений.

И еще об одном. Для всего мира, а для Европы особенно, жизненное значение приобрели проблемы экологии. Известны, обсуждаются и уже реализуются крупные проекты международного масштаба.

С интересными предложениями на этот счет выступили Президент Миттеран, немецкие социал-демократы, «зеленые», другие партии и движения. Полагаю, что включение в общие рамки сотрудничества в этой области научно-технических и экономических возможностей СССР и ФРГ имело бы огромное значение. Я предложил бы, например, проработать такие идеи:

— о совместных предприятиях по производству очистного оборудования, установок по переработке отходов;

— о системе обмена опытом экологической политики между районами и городами СССР и ФРГ;

— о совместных исследовательских проектах по разработке экологически чистых технологий в наиболее опасных для окружающей среды отраслях промышленности и в сельском хозяйстве;

— об организации срочной экологической взаимопомощи на случай стихийных бедствий или крупных производственных аварий;

— о создании двусторонней рабочей группы СССР–ФРГ (которая в перспективе могла бы стать многосторонней) по формированию общеевропейской экологической политики.

Господа! В отношениях между СССР и ФРГ есть специфические сложности, которых нет в отношениях между другими западноевропейскими государствами. Но можно, видимо, считать, что мы с вами достигли достаточно высокой степени согласия и понимаем, что в обоюдных интересах и в интересах Европы в целом не усугублять имеющиеся сложности и не сворачивать решение тех или иных совместных задач в сторону тупиков.

Итак, мы берем курс на то, чтобы нашим отношениям отныне и навсегда были присущи стабильность и динамизм, современное содержание и неизменное доверие.

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева
в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.*

(Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1989. — С. 11–20).

**Беседа М.С. Горбачева
с Г.-Д. Геншером
Бонн, 13 июня 1989 года**

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я рад нашей встрече, придаю ей большое значение. Вчера у Президента я говорил о том большом вкладе, который министры иностранных дел вносят в развитие наших отношений. И это не просто вежливость. Достигнуто немало, и достичь этого было нелегко. Но у нас есть хороший барометр — это отношение людей наших стран друг к другу. Здесь большие изменения, но на дальнейшее потребуются еще много усилий.

Надо сказать и о наших послах, которые ведут большую работу. Они пользуются нашим полным доверием. Квицинского мы очень ценим и повысили его, сделав членом ЦК. Не знаю, какие у вас планы в отношении Майер-Ландрута... *(Оживление.)*

Г.-Д. ГЕНШЕР. В отношении Майер-Ландрута мы тоже кое-что имеем в виду...

Хотел бы очень поблагодарить вас за ваши слова. Я часто вспоминаю о нашей первой беседе летом 1986 года. Тогда вы говорили о необходимости открыть новую главу в наших отношениях. С тех пор пройден большой путь. То, что сегодня будет подписано, — это венец проделанной работы, но еще не конечная остановка.

За этот период люди в ФРГ стали лучше понимать, что происходит у вас, что совместно делается на благо обеих стран. Создано большое доверие, в том числе и в личном плане. Это я хотел бы сказать и в адрес моего коллеги господина Шеварднадзе.

Хотел бы отметить два события, которые вселяют в меня особую уверенность и дают чувство удовлетворения. Первое — это то, что сегодня я буду присутствовать на акте подписания Совместного политического заявления. А второе — это то, что в Брюсселе нам удалось

договориться с союзниками о курсе, который ФРГ давно отстаивает и предлагает. Это очень важно, так как в общем контексте отношений между Востоком и Западом отношения между СССР и ФРГ играют большую роль. Но они не могут одни определять качество всей международной атмосферы. Поэтому мы приветствуем то, что достигнуто между Советским Союзом и США. Эти достижения соответствуют нашим желанием. Они не идут в ущерб собственной роли ФРГ в Европе, которую она охотно принимает на себя.

М.С. ГОРБАЧЕВ. При чтении Брюссельского документа у меня возникло противоречивое ощущение. Как человек реальных взглядов, я понимаю, что нелегко делать новые крупные шаги. Но уж очень размашисто там представлена «теория» ядерного устрашения, как будто ничего не произошло за последние годы. Я сказал вчера это канцлеру. Там смесь нового и старого, как бы переходный период от «холодной войны» к новой ситуации.

Г.-Д. ГЕНШЕР (как бы шутя). Там было много авторов. В нашем, советско-западногерманском заявлении такого количества авторов нет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Поэтому меня очень интересует, поймут ли наши замыслы в европейских столицах и еще в одной столице. Сам документ — еще не прорыв. Но он открывает дорогу к прорыву. Это важно, поскольку сейчас такой момент, когда надо определяться с политикой на будущее. Я вижу нашу перестройку изнутри. Ваш посол докладывает вам о ее ходе как бы со стороны. Утром докладывает, наверное, что мы разваливаемся, а к вечеру, что еще пока нет. (*Оживление.*) Происходят очень глубокие перемены, и они очень своеобразно преломляются в умах людей. Такая ломка взглядов и подходов — самое трудное дело.

Это можно отнести и к нашему совместному документу. То, что мы делаем, тоже не сразу поймут. Но надо быть готовым к тому, чтобы показать, что это выгодно не только нам, но и всей Европе. У нас тут нет никаких секретов или «секретных протоколов».

[...] Наше совместное заявление — это символ открытости, квинт-эссенция нового мышления.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Многие на Западе привыкли к тому, что в СССР может быть только одно-единственное мнение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Его давно уже нет.

Г.-Д. ГЕНШЕР. В свое время другое мнение просто не выражалось. А сейчас, когда есть разнообразие взглядов, кое-кто толкует его как признак слабости. Но ведь в отношении своего, западного общества мы считаем, что оно может быть только сильнее от наличия разных точек зрения. Почему же должно быть иначе у вас?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Съезд народных депутатов показал, что это возможно. Хотя мы были не очень готовы психологически к такой ситуации. Это наша драма. Но надо идти вперед. Если бы в апреле 1985 года мне кто-нибудь сказал, что можем зайти так далеко, я бы не поверил. Теперь вижу, что надо идти дальше.

Г.-Д. ГЕНШЕР. На меня произвело большое впечатление, когда в ходе нашей первой встречи вы обрисовали стоящие проблемы и сказали при этом, что не знаете ответов на все вопросы. Я очень настороженно отношусь к тем людям, которые всегда все знают, особенно — наперед.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Есть люди, которые думают, что существуют только два мнения: их собственное и неправильное (*смеются*).

Г.-Д. ГЕНШЕР. Когда вчера после ужина в «Редуте» вы вышли из автомобиля и общались с людьми на улице, вы могли увидеть, как они относятся к вам и вашей политике. Здесь есть очень много доверия, есть большое уважение к ее смелости и искренности. А ведь люди намного умнее, чем думают некоторые политики. У них есть врожденное чувство того, что подлинно, а что нет. А ныне у них есть правильное ощущение того, что сейчас в наших руках — будет ли у Европы лучшее будущее. Это было очень заметно в ходе дискуссий в ФРГ по проблемам тактических ядерных ракет. Люди не хотели, чтобы было решение об их модернизации.

В последний выходной я был в своем родном городе Галле, говорил там со знакомыми, встречался с школьниками. Все они говорили: ты правильно поступил с этими ракетами, а если бы поступил иначе, лучше бы сюда не приезжал. Во всей стране люди думают так же.

Сейчас мы должны приложить усилия к тому, чтобы создать в Европе новые структуры безопасности, которые позволили бы обойтись без многого из того, что нам приходится иметь сегодня.

Вы правильно сказали, что наше Совместное заявление — это еще не сам прорыв, но оно открывает дверь прорыву, в том числе и на этом направлении. Заявление мы должны воспринимать так же, как хельсинкский Заключительный акт. Оно не закрывает, а только открывает новую главу в развитии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы сказать следующее. Мы все сейчас втянуты в глубокие перемены — и в отдельных странах, и в Европе, и в мире в целом. Надо быть очень осторожным, чтобы уберечься от соблазна использовать эту ситуацию только в собственных интересах. Я хотел бы еще пояснить эту мысль, много об этом думал. Если на нынешнем очень важном этапе игнорировать реальности, такие, как союзы, интересы США, их связь с Европой, интересы Советского

Союза, существующие у него связи, то это могло бы все взорвать. И наоборот. Если мы будем действовать ответственно, прагматично, дальновидно, то процесс пойдет гармоничнее. Найдутся правильные решения для всех вопросов — и о судьбе союзов, и в отношении интересов отдельных стран, и об их взаимных отношениях. Я себе мыслю наш континент как живой, динамичный. В результате такого развития многое должно уладиться.

Г.-Д. ГЕНШЕР. На данном этапе нужно знать, куда хочешь идти. Я думаю, что применительно к Европе ответ на этот вопрос ясен. Мы хотим совместными усилиями вновь объединить Европу. Ее нынешнее состояние нельзя назвать правильным. Оно не соответствует сознанию европейцев. И это сознание набирает силу, все больше осмысливая общность истории и ответственности перед будущим. Мы знаем, что для Европы не наступит лучшего будущего, если кто-то будет видеть его в торжестве над другими.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Очень верная мысль.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Собственная свобода — это всегда свобода других. То же самое относится и к безопасности. Настоящую безопасность нельзя достичь за счет безопасности других.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А вот здесь вы входите в конфликт с Брюссельским заявлением. Там присутствует идея безопасности только для НАТО.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Думаю, вам надо еще раз внимательно посмотреть текст заявления. Оно является показателем того, что в НАТО растет число «геншеристов». Важно укрепить элементы сотрудничества, в том числе в вопросах безопасности. Соответствующие реальности отражены в Советско-западногерманском политическом заявлении.

Разумеется, мы исходим при этом из существования двух союзов, соучастия США в европейских делах. На следующей неделе я нанесу краткий визит в США. Буду иметь беседы с американской администрацией. Подчеркну, что мы приветствуем те шаги, которые предпринимаются совместно США и Советским Союзом. Убеждены, что они благотворно отразятся и на развитии в Европе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы, несомненно, расскажете и о содержании переговоров с нами. Можете сказать при этом, что за столом наших переговоров всегда присутствовал и третий собеседник (*оживление*). Речь не идет о том, что мы стоим перед кем-то на задних лапках или как кролик перед удавом. Речь идет о существующей реальности, которая заключается в том, что без участия США немислим прогресс в мировых делах. Если увидите с Бушем, передайте ему мой привет. Думаю, все образуется.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Из всех моих бесед с представителями администрации США я знаю, что там очень стремятся к достижению с вами согласия и взаимопонимания.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы рассчитываем, что не только не потеряем ничего из того, что было достигнуто в отношениях с США за последнее время, но и еще поднакопим. Пусть только они никого ни в чем не подозревают — ни нас, ни вас, а то там есть люди, которые подбрасывают пищу для сомнений.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Это главным образом пресса.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не только. Это и ваш друг Киссинджер, есть еще Бжезинский, Фонд наследия.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Но новый Президент не может сразу всех сделать министрами иностранных дел, а те, кто определяет политику сегодня, смотрят на вещи по-другому.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Вторая беседа М.С. Горбачева с Г. Кодем один на один

Бонн, 13 июня 1989 года

Г. КОЛЬ. Начнем второй день работы, продолжим наш обмен мнениями. Хотел бы предложить вам обсудить несколько вопросов, которые имеют значение для нашей страны, для наших людей.

Вначале хотел бы просить вас рассмотреть вопрос о возможности посещения гражданами ФРГ города Калининграда, бывшего Кёнигсберга. У нас есть круизные лайнеры, которые уже заходят в советские порты на Балтийском море. Наверное, не будет ничего плохого, если они будут заходить и в Калининград, а туристы смогут сойти на берег и пробыть какое-то время в городе. Это могло бы быть, конечно, и источником валютных доходов для Советского Союза.

Далее хотел бы поблагодарить вас за начатую передачу нам списков немецких военнопленных и открытие для посещения новых кладбищ в местах их захоронения. Этот аспект имеет для нас важное психологическое значение. Здесь же осуществляются плодотворные контакты по линии Красного Креста. Их дальнейшее развитие принесет взаимную пользу, послужит делу взаимопонимания между народами СССР и ФРГ.

Есть еще один трудный вопрос из прошлого. Накануне вашего визита я получил много писем от наших граждан. Пишут те, кто сам или чей родственник попали в свое время под паушальное (Групповое. — *Ред.*) осуждение в Советском Союзе в ходе войны и после нее. Конкретно речь идет об имевших место фактах осуждения военнопленных немцев целыми частями и соединениями без какого-либо индивидуального подхода. Об этом рассказали те, кто вернулся из Советского Союза после освобождения, которое согласовал в ходе своего пребывания в Москве К. Аденауэр в 1955 году. Давайте поручим нашим представи-

телям в доверительной атмосфере обсудить эту проблематику. Это поможет устранить нам еще одно белое пятно в наших отношениях.

Еще один вопрос. Мы знаем, что советское руководство намерено в духе перестройки принять необходимые решения по национальному вопросу. У вас сейчас в этом смысле трудный период. Но мы уверены в том, что вы сумеете разрядить обстановку. Раз предстоят решения по национальному вопросу, позволю себе напомнить о советских гражданах немецкой национальности.

Нам кажется, что у вас в стране дело идет к тому, чтобы предоставлять автономию тому или иному национальному меньшинству в местах его компактного проживания или возвращать его туда, откуда оно было в свое время выселено. В этой связи, может быть, имело бы смысл взвесить вопрос о выделении автономной административной единицы, например области, и для советских немцев. Вы примете политическое решение, а мы, естественно, не останемся в стороне, окажем то экономическое содействие, которое будет сочтено возможным и желательным. Следует обдумать какую-то модель. И мы бы могли, если будет необходимо, принять в этом посильное участие в допустимых пределах.

По данному вопросу мы не намерены поднимать какой-либо шум, раздувать публичную дискуссию. У Советского Союза и без того на этот счет забот хватает. Просил бы вас только держать в поле зрения то, с чем я к вам сейчас обратился, обдумать мои соображения и, когда у вас вызреет ответ, проинформировать нас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня в делегации есть три советских гражданина — немцы по происхождению. Это актриса Фрейндлих, академик Раушенбах и Наташа Геллерт — механизатор.

Национальные вопросы будем решать, они у нас были загнаны внутрь, а сейчас все более требовательно напоминают о себе.

То, что вы сейчас сказали, в том числе и относительно посещения Калининграда, мы обдумаем.

После нашего разговора в октябре относительно судьбы пропавших без вести военнопленных мною были даны поручения. В результате в наших архивах обнаружено 30 тыс. дел военнопленных, умерших в Советском Союзе. Всех, кто пропал без вести, установить невозможно, а на умерших дела сохранились. Сейчас эти дела обрабатываются, и по мере готовности списки будут передаваться западногерманской стороне. Как мне известно, список на 1500 человек уже передан. Работа здесь по линии Красного Креста будет продолжаться.

Расширяется и число открытых для посещения кладбищ. Помимо Елабуги и Казани в РСФСР, мы открываем два кладбища в Узбекистане — в Коканде и Кагане.

Хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить через вас Народный союз по уходу за военными захоронениями в ФРГ, который передал нам списки наших соотечественников, чьи останки покоятся в западногерманской земле. Прояснена судьба почти 340 тыс. человек. Эта акция воспринята у нас с глубокой признательностью.

Паушальное осуждение у нас целых частей и соединений вермахта для меня вопрос новый. Мы в нем разберемся, а потом продолжим наш разговор.

О советских немцах мы говорим уже не первый раз. Это наши хорошие граждане, их уважают, относятся к ним, как и ко всем советским людям. У нас еще не опубликовано основное Постановление Съезда народных депутатов. В проекте, который обсуждался, в частности, предлагается дать поручение Верховному Совету СССР рассмотреть вопрос о восстановлении прав целого ряда советских национальных меньшинств. Там речь идет и о крымских татарах, и о месхетских турках, и о немцах, и о других национальностях.

Вопрос о предоставлении национальным меньшинствам автономии стучится в дверь, и мы не можем закрывать на это глаза. Его следовало бы, конечно, решать раньше, потому что территории, где они раньше жили, теперь заселены и обжиты. Перестройка в этом деле тоже нужна. Прикосновение к этому вопросу является весьма болезненным. Однако решать его надо, жизнь требует.

Г. КОЛЬ. Что будем делать с Западным Берлином?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я поинтересовался ходом дел по соглашению о судоходстве. Фактически суда уже плавают, причем давно. Соглашение явится лишь юридической основой для такой деятельности.

Думается, что вопрос находится на пути решения. Поэтому хотел бы предложить поручить нашим специалистам продолжить над ним работу и довести ее до конца.

Г. КОЛЬ. Конечно, раз затрачено столько усилий, то вопрос надо доработать. Мы придаем важное значение этому соглашению.

(Во время беседы состоялся обмен мнениями по проблемам сокращения вооружений и о ходе советско-американских переговоров на эту тему.)

Г. КОЛЬ. У нас не только общая судьба, но и общая история. Сейчас, когда мы с вами беседуем, наши жены посещают мемориал в Штуккенброкке — место, где похоронены погибшие в войну советские граждане. Ни в ФРГ, ни в СССР нет ни одной семьи, которая не была бы затронута войной. У меня два сына — офицеры бундсвера, а брат погиб в войну.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Политика, лишённая нравственности, не может считаться серьёзной политикой; безнравственным политикам не может быть веры.

Г. КОЛЬ. На недавней встрече в верхах в НАТО я прямо сказал своим коллегам, что я единственный из вас, у кого оба сына служили в армии, интегрированной в НАТО. При этом я подчеркнул, что, конечно, не трус, но просил иметь в виду, что я немец и хорошо знаю историю и географию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Очень признателен вам за эти честные и откровенные суждения. Ценю то доверие, которое нарастает между нами от встречи к встрече.

Г. КОЛЬ. Давайте чаще общаться, звонить друг другу по телефону. Мне думается, что многое мы в состоянии сделать сами, не отдавая дела ведомствам, которые могут затянуть их рассмотрение.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Подписание советско- западногерманских документов⁴⁷

Совместное заявление

I

Союз Советских Социалистических Республик и Федеративная Республика Германия едины в том, что в преддверии третьего тысячелетия человечество оказалось перед историческим вызовом. Проблемы, имеющие жизненно важное значение для всех, могут быть решены всеми государствами и народами только сообща. Все это требует нового политического мышления.

— В центре внимания политики должны находиться человек с его достоинством и правами, забота о выживании человечества.

— Огромный потенциал творческих сил и способностей человека и современного общества должен быть использован для обеспечения мира и благополучия всех стран и народов.

— Должна быть предотвращена любая война, как ядерная, так и обычная, урегулированы конфликты в различных районах планеты, сохранен и надежно обеспечен всеобщий мир.

— Должно быть гарантировано право всех народов и государств свободно распоряжаться своей судьбой и суверенно строить отношения друг с другом на основе международного права. Должен быть обеспечен примат международного права во внутренней и международной политике.

— Достижения современной экономики, науки и техники открывают невиданные возможности, которые должны идти на пользу всем людям. Заключенные здесь, как риск, так и шансы требуют совместных ответов. Поэтому важно расширять сотрудничество во всех этих

областях, продолжать сокращать всякого рода препятствия на пути развития торговли, искать и динамично использовать к обоюдной выгоде новые формы взаимодействия.

— Нужны решительные действия для сохранения окружающей природной среды в интересах нынешнего и будущих поколений, голод и нищета в мире должны быть устранены.

— Необходимо энергично бороться с новыми опасностями, включая эпидемии и международный терроризм.

Стороны исполнены решимости оказаться на высоте ответственности, проистекающей из осознания этих обстоятельств. Имеющиеся различия в представлениях о ценностях в политических и общественных порядках не являются преградой для проведения совместной политики, формирующей будущее и выходящей за рамки одной социальной системы.

II

Европе принадлежит исключительная роль в построении мирного будущего. Несмотря на продолжавшуюся десятилетиями разобщенность континента, сознание европейской самобытности и общности живет и набирает силу. Необходимо способствовать развитию этого процесса.

Советский Союз и Федеративная Республика Германия видят первоочередную задачу своей политики в том, чтобы, опираясь на исторически сложившиеся европейские традиции, способствовать преодолению разобщенности Европы. Они исполнены решимости совместно работать над поиском путей, ведущих к созданию Европы мира и сотрудничества — европейского мирного устройства, общего европейского дома, в котором есть место для США и Канады. Хельсинкский Заключительный акт во всех своих разделах, а также итоговые документы Мадридской и Венской встреч определяют курс к реализации этой цели.

Европа, которая больше всех пострадала от двух мировых войн, обязана показать пример поддержания стабильного мира, добрососедства и конструктивного сотрудничества, способного слить воедино на общее благо возможности всех государств, независимо от различий в их общественных системах. Европейские государства могут и должны жить совместно без страха друг перед другом, мирно соревнуясь между собой.

Элементами строительства Европы мира и сотрудничества должны быть:

— безоговорочное уважение целостности и безопасности каждого государства. Право каждого свободно выбирать свою политическую и социальную систему. Безоговорочное соблюдение принципов

и норм международного права, в частности уважение права на самоопределение народов;

— энергичное продолжение процесса разоружения и контроля над вооружениями. В ядерный век усилия должны быть направлены не только на то, чтобы предотвратить войну, но и на то, чтобы сформировать мир и сделать его более надежным;

— насыщенный диалог, охватывающий все — как традиционные, так и новые — темы двусторонних и международных отношений, включая регулярные встречи на высшем политическом уровне;

— осуществление прав человека и содействие обменам между людьми и обмену идеями. Сюда же относятся развитие партнерских связей между городами, транспортных сообщений и средств связи, культурных контактов, туристского и спортивного общения, поощрение изучения языков, а также благожелательное рассмотрение гуманитарных вопросов, включая воссоединение семей и поездки за границу;

— развитие прямых контактов между молодежью и воспитание подрастающих поколений в приверженности идее построения мирного будущего;

— широкое взаимовыгодное экономическое сотрудничество, которое включало бы в себя и новые формы кооперации. Совместное заявление Совета Экономической Взаимопомощи и Европейского сообщества от 25 июня 1988 года и нормализация отношений между европейскими государствами — членами Совета Экономической Взаимопомощи и Европейским сообществом, а также начавшийся политический диалог между Советским Союзом и 12 государствами — членами Европейского сообщества открывают новые перспективы для общеевропейского развития в этом направлении;

— поэтапное создание структур общеевропейского сотрудничества в различных областях, в частности в транспорте, энергетике, здравоохранении, в сфере информации и коммуникаций;

— интенсивное экологическое сотрудничество и использование новых технологий, которые в интересах людей предупреждали бы, в частности, возникновение трансграничных опасностей;

— уважение и бережное отношение к исторически сложившейся культуре народов Европы. Ее многообразие является одним из великих сокровищ континента. Национальные меньшинства в Европе с их культурой являются частью этого достояния и заслуживают защиты их законных интересов.

Советский Союз и Федеративная Республика Германия обращаются ко всем государствам — участникам СБСЕ с призывом включиться в общую работу над будущей архитектурой Европы.

III

Советский Союз и Федеративная Республика Германия заявляют, что никто не должен строить собственную безопасность в ущерб безопасности других. Они будут поэтому стремиться устранять причины напряженности и недоверия посредством конструктивной, направленной в будущее политики, с тем чтобы еще сохраняющееся ощущение угрозы шаг за шагом сменялось атмосферой взаимного доверия.

Стороны признают, что каждое государство, независимо от его размеров или мировоззренческой ориентации, имеет свои законные интересы обеспечения безопасности. Они осуждают стремление к военному превосходству. Война не должна быть больше средством политики. Политика в вопросах безопасности и строительства вооруженных сил должна служить только уменьшению и устранению угрозы войны, обеспечению мира с меньшим количеством оружия. Это исключает гонку вооружений.

Обе стороны стремятся к устранению существующих асимметрий посредством обязующих договоренностей под эффективным международным контролем и к уменьшению военных потенциалов до стабильного равновесия на более низком уровне, который достаточен для обороны, но не для нападения. Обе стороны считают, в частности, необходимым исключить способность вооруженных сил для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий.

Советский Союз и Федеративная Республика Германия выступают за:

— 50-процентное сокращение стратегических наступательных ядерных вооружений США и Советского Союза;

— согласованные советско-американские решения на переговорах по ядерным и космическим вооружениям; это касается также соблюдения Договора по ПРО;

— установление стабильного, надежного равновесия обычных вооруженных сил на более низком уровне, а также согласование дальнейших мер по укреплению доверия и безопасности во всей Европе;

— глобальный, всеобъемлющий и эффективно контролируемый запрет химического оружия в кратчайший срок;

— согласование в кратчайший срок надежно контролируемого прекращения ядерных испытаний в рамках Женевской конференции по разоружению. Они приветствуют поэтапное приближение к этой цели в ходе текущих контактов между США и Советским Союзом;

— введение дальнейших мер по укреплению доверия, за большую транспарентность военных потенциалов и оборонных бюджетов,

а также за эффективные международные механизмы противодействия кризисам, в том числе кризисам за пределами Европы.

IV

Советский Союз и Федеративная Республика Германия, учитывая европейскую историю и положение Европы в мире, а также тот вес, которым каждая из сторон располагает в соответствующем союзе, сознают, что позитивное развитие их взаимоотношений имеет центральное значение для обстановки в Европе и для отношений между Востоком и Западом в целом. Желая надежно обеспечить отношения прочного добрососедства, они будут опираться на позитивные традиции своей многовековой истории. Их совместная цель состоит в том, чтобы продолжать развивать и углублять плодотворное сотрудничество, придавая ему новое качество.

Московский договор от 12 августа 1970 года остается фундаментом взаимоотношений двух государств. Стороны будут полностью использовать заложенные в этом договоре и других соглашениях возможности.

Они решили последовательно расширять договорную базу своих отношений и добиваться партнерского сотрудничества во всех областях на основе доверия, равноправия и взаимной выгоды.

Берлин (Западный) участвует в развитии сотрудничества при строгом соблюдении и полном применении положений Четырехстороннего соглашения от 3 сентября 1971 года.

V

Советский Союз и Федеративная Республика Германия, уверенные в долгосрочной предсказуемости политики друг друга, преисполнены решимости развивать далее свои взаимоотношения во всех направлениях. Они будут придавать поступательному развитию отношений между ними стабильность и прочность.

Эта политика учитывает договорные и союзнические обязательства сторон, она ни против кого не направлена. Она отвечает сокровенным и давним чаяниям народов залечить путем взаимопонимания и примирения раны прошлого и совместно построить лучшее будущее.

Бонн, 13 июня 1989 года

М. ГОРБАЧЕВ

Г. КОЛЬ

Совместное сообщение

1. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик М.С. Горбачев и Федеральный канцлер Г. Коль в соответствии с договоренностью, достигнутой во время визита Федерального канцлера в Москву в октябре прошлого года, подписали 13 июня 1989 года Совместное заявление (опубликовано в печати).

2. Обе стороны заключили следующие соглашения.

— Договор Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германия о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия о создании линии прямой связи между Кремлем в Москве и ведомством Федерального канцлера в Бонне.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия об углубленном сотрудничестве в подготовке и повышении квалификации специалистов и руководящих кадров в области экономики.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительствам Федеративной Республики Германия о расширении сотрудничества в области науки и высшего образования.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия о создании и деятельности культурных центров Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германия.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия об обмене школьниками и учителями.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия о молодежном обмене.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия о содействии повышению квалификации специалистов в области охраны труда и профессиональной реабилитации инвалидов.

— Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики

Германия о сотрудничестве по борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконным оборотом.

— Дополнительный обмен нотами в соответствии с соглашением между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германия об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках от 25 октября 1988 года.

3. Были успешно завершены переговоры о передаче городского архива Ревеля-Таллина и архивов ганзейских городов Бремена, Гамбурга, Любека в соответствующие места происхождения.

4. Стороны по достоинству оценили первое успешное проведение общественного форума в Бонне, о создании которого была достигнута договоренность в октябре 1988 года, и согласились в том, что этот важный инструмент по развитию отношений и впредь должен пользоваться поддержкой обеих сторон.

5. Федеральное правительство, а также деловые круги Федеративной Республики Германия готовы и в дальнейшем содействовать в рамках своих возможностей успеху процесса экономических реформ в Советском Союзе.

Это относится, в частности, к участию предприятий из Федеративной Республики Германия в модернизации советской легкой и пищевой промышленности путем поставок и организации совместных предприятий. Предоставленный в октябре 1988 года консорциумом банков Федеративной Республики Германия рамочный кредит в размере 3 млрд марок покрыт за истекшее время соответствующими проектами более чем наполовину.

6. Обе стороны высказались за дальнейшее развитие сотрудничества между обеими странами в области исследования и использования космоса в мирных целях и за скорейшее вступление в силу соответствующего соглашения между Академией наук Союза Советских Социалистических Республик и федеральным министерством научных исследований и технологии Федеративной Республики Германия от 25 октября 1988 года и первой программы сотрудничества, включая участие космонавта-исследователя в полете на советском космическом корабле и советской орбитальной станции. Ответственные организации обеих сторон уполномочены в ближайший срок заключить соглашение о проведении этого полета.

7. Бюро Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик по машиностроению и «Дойче Банк АГ» подписали протокол о создании Дома экономики и промышленности Союза Совет-

ских Социалистических Республик в Федеративной Республике Германия и Дома экономики Федеративной Республики Германия в Союзе Советских Социалистических Республик.

8. Стороны договорились об углублении сотрудничества в правовой области. С этой целью образована рабочая группа по правовым вопросам под председательством руководителей правовых управлений министерств иностранных дел обеих стран. Эта рабочая группа будет заниматься, в частности, правовыми вопросами сотрудничества в областях борьбы против международного терроризма и наркомании, вопросами морского права, Арктики и Антарктики, а также общего международного права и создаст в этих целях подгруппы.

9. Стороны условились изучить вопрос о заключении соглашения о взаимной помощи при стихийных бедствиях.

10. Стороны договорились продолжить переговоры о заключении соглашения о международном автомобильном сообщении.

11. Советская сторона изучит возможности дальнейшего расширения телефонной связи между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германия.

12. Стороны приветствуют позитивные результаты последнего заседания рабочей группы по сотрудничеству в гуманитарных вопросах. С обеих сторон внесены предложения, относящиеся к сотрудничеству в области языка и культуры, изучение которых будет продолжено.

13. Стороны высказались за сотрудничество и контакты в области литературы между соответствующими литературными архивами, организациями и специалистами в этой области.

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева
в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.*

(Документы и Материалы. — М.: Политиздат, 1989. — С. 31–40)

Встреча М.С. Горбачева с представителями деловых кругов

Кёльн, 13 июня 1989 года

Речь М.С. ГОРБАЧЕВА

[...] Вчера и сегодня состоялись важные переговоры с Президентом ФРГ, канцлером г-ном Коелем и его коллегами по кабинету. Хочу выразить свое глубокое удовлетворение уровнем этих переговоров и их результатами.

Мне думается, мы можем сегодня говорить действительно о новой главе в наших отношениях и о первых страницах в этой новой главе.

Позволю себе поделиться с вами одним просто человеческим наблюдением. Я очень растроган реакцией простых людей на нынешний визит в вашу страну: я почувствовал, что они, как и наш народ, хотят идти навстречу друг другу. Поэтому думаю, это своего рода императив, идущий от обоих народов. И его должны услышать и политики, и, я надеюсь, деловые круги. Ибо не мыслю себе расширения и углубления сотрудничества без того, чтобы в условиях, когда нарастает диалог, расширяются обмены и контакты, масштабы экономического и делового сотрудничества не изменялись бы и мы, топтались бы на месте. Более того, я думаю, что именно экономическое сотрудничество — это тот надежный базис, для того чтобы могли идти — и идти успешно, — развиваться, принимать стабильный характер все другие формы сотрудничества.

Экономические связи с ФРГ в общем-то у нас развивались неплохо — даже в то время, когда в других областях было плохо или, если выразиться помягче, не совсем хорошо.

Мне думается, что здесь сказывались и вековые традиции, большой опыт немцев в торговле с нами и, наконец, немаловажная деталь — взаимодополняющий характер наших экономик.

[...] ФРГ сохраняет первенство среди наших западных партнеров.

Но если учесть, что вы — мировой чемпион по экспорту и обогнали по этому показателю Соединенные Штаты Америки и Японию, что ФРГ, если не ошибаюсь, экспортирует более четверти своего совокупного общественного продукта — на гигантскую сумму в 323 млрд долларов, то цифры наших экономических связей до смешного малы.

Все ли у нас делается для того, чтобы использовать возможности перестройки для наращивания темпов и объема деловых связей? По-видимому, далеко нет. Нам самим придется еще многое сделать, чтобы среда, в которой могли бы развиваться и действовать компании, была другой, более благоприятной. Мы видим свою обязанность в том, чтобы действовать именно в этом направлении, и этой цели служит, в частности, один из документов, который сегодня подписан, — о защите иностранных инвестиций, направляемых в нашу экономику.

Конечно, многое связано с тем, что в нашей экономике сейчас происходят большие перемены.

[...] Есть определенная настороженность со стороны деловых кругов ФРГ. В данном случае я говорю о вас, здесь присутствующих. До меня доходили, например, такие суждения представителей деловых кругов вашей страны — а, собственно, почему нам торопиться развивать связи с Советским Союзом? Пусть они разберутся там в СССР сначала со своими делами, мы подождем, над нами, как говорится, «дождь не каплет», результаты экономики ФРГ неплохие, положительное сальдо большое, можно пока и так пожить. А уж когда все прояснится, когда можно будет без риска пойти на советский рынок, на расширение связей, тогда и по-настоящему всем этим заняться. Не знаю, вам судить в конечном счете, как вам действовать. Но я другого мнения.

Сейчас мы открываемся мировой экономике, другим странам, ищем новые, надежные связи.

[...] Что ж, давайте изучать друг друга. Во всяком случае, я могу только сказать, что деловые круги ФРГ даже в прошлом, невзирая на не очень благоприятную политическую атмосферу в наших отношениях, сделали серьезные шаги по развитию деловых связей с нами. Думается, этот опыт показывает, что вы ничего не проиграли.

[...] Многое упиралось до сих пор и в то, что юридически не были решены некоторые проблемы, что тоже мешало уверенно действовать западным компаниям, в том числе и западногерманским, на нашем рынке.

[...] В общем, мои размышления сводятся к тому, что всем нам надо освобождаться от старых сложившихся стереотипов, сопоставлять

свои нынешние подходы с теми тенденциями, которые пробивают себе дорогу. А эти тенденции таковы, что мир становится все более взаимозависимым. Особенно хорошо мы чувствуем это здесь, в Европе, где народы повязаны общей судьбой. Да и от того, как пойдут процессы на Европейском континенте, многое будет зависеть во всем мире. Полагаю, что нам всем нужно над этим задуматься и, в частности, вам, капитанам западногерманской экономики, поскольку, как и все немцы, вы особенно болезненно чувствуете на себе последствия раскола Европы. [...]

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева
в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.*

(Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1989. — С. 47–60)

Из выступления М.С. Горбачева на обеде у Р. фон Вайцзеккера

13 июня 1989 года

[...] Мы понимаем, что от прошлого не так просто отделаться, что легковесный, с наскоком подход к прошлому может только затормозить, а то и сорвать движение вперед. Такому пониманию способствует постепенное высвобождение общественного сознания от шока мировой войны. Наша перестройка с ее открытостью и ясностью целей открывает новые возможности для движения навстречу друг другу, а ваш доброжелательный отклик на нее обнадеживает. Нарастает многообещающая тенденция к реализации всего того позитивного, что оставили нашим двум народам многовековое общение и традиции сильного взаимного влияния.

Все это позволяет смелее смотреть вперед и строить свою политику, не перечеркивая послевоенный опыт, а серьезно и всесторонне осмысливая его с учетом современных требований жизни. И бдительно следить за тем, чтобы каким бы то ни было образом не воссоздавались ситуации, способные стать источником войны.

Мы хотим идти к будущему, к новым отношениям. Но на это вряд ли можно рассчитывать, если будем игнорировать реальности, закрепленные в договорах и соглашениях. Мне кажется, что политически мы созрели для такой постановки вопроса. Это я говорю с тем большей уверенностью, поскольку позади у нас девятнадцатилетний опыт соблюдения договора 1970 года.

Как говорил Фридрих Шиллер, «человек вырастает по мере того, как растут его цели». И я надеюсь, что нам достанет мудрости и прозорливости, чтобы стремиться к цели, достойной XXI века. Надо искать. В этом наш долг, особенно политиков, облеченных доверием своих народов, а ныне также и ответственностью за сохранение самой жизни на Земле.

Высокий уровень советско-западногерманских отношений, их развитие и наполнение всего новым содержанием не противоречит ничьим интересам, тем более никому не угрожает — конечно, при правильном понимании места каждого из нас в Европе и в мировом сообществе. Напротив, наше сотрудничество может быть катализатором новых отношений между Востоком и Западом в целом.

Думаю, уже достигнутый уровень взаимоотношений позволяет воплотить его в весомые конкретные дела, не только преодолевая военное противостояние, но и создавая новые структуры, новые нормы взаимодействия между нашими народами.

Этому не должна быть препятствием та очевидная реальность, что их развитие идет и пойдет различными путями. Каждый сохраняет приверженность основополагающим и исторически обусловленным ценностям. Каждый остается верен союзническим обязательствам, пока они служат стабильности в Европе. Но оговариваюсь: эти обязательства мы можем и должны, исходя из собственных национальных интересов, использовать для формирования системы безопасности, основанной на оборонительной доктрине, для реального продвижения к взаимному и существенному сокращению вооружений. [...]

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева
в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.
(Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1989. — С. 71–72)*

Беседа М.С. Горбачева с Л. Шпэтом

Штутгарт, 14 июля 1989 года

(На встрече присутствовал помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев)

Л. Шпэт приветствовал М.С. Горбачева и выразил большое удовлетворение тем, что в рамках официального визита в ФРГ советский руководитель посетил землю Баден—Вюртемберг. [...]

Л. ШПЭТ. В настоящее время, в значительной мере благодаря совершенно новому курсу советского руководства, складывается благоприятная ситуация, чтобы решающим образом продвинуться в расширении отношений сотрудничества и кооперации между Востоком и Западом. Параллельное развитие интеграционных процессов в Западной Европе и открытие Советского Союза как ведущей силы СЭВ в сторону Европейского сообщества дает исторический шанс начать практическое воплощение в жизнь идеи общеевропейского дома. Количество договоров и соглашений как принципиально нового политического характера, подобно подписанному вчера Совместному заявлению между СССР и ФРГ, так и касающихся сотрудничества в конкретных областях, постоянно увеличивается. Это, разумеется, создает хорошие политические рамки для налаживания подлинного взаимодействия между нашими странами. Главное теперь в том, чтобы на этой базе всемерно и не теряя времени углублять и расширять сотрудничество в области экономики, науки и техники и в деле внедрения новейших технологических достижений. Именно на этом следует сейчас особенно сосредоточиться.

М.С. Горбачев поблагодарил Шпэта за гостеприимство и теплый прием, оказанный ему и советской делегации в Штутгарте. Уже первое общение с населением на улицах города, сказал он, однозначно подтверждает, что в настроениях людей вообще и в отношении к СССР, в частности, произошли существенные перемены широкого и положи-

тельного политического плана. Мы приветствуем это и полагаем, что задача политиков должна заключаться в том, чтобы отразить эти изменения, перенести их дух на все области сотрудничества между СССР и ФРГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы целиком согласны с соображениями господина Шпэтта относительно приоритетного углубления взаимодействия в экономике, технологии и внедрении в производство новейших научных разработок. Здесь вы найдете в нас надежных партнеров. Важно побыстрее приступить к практическим делам.

Л. ШПЭТ. Я много размышлял над тем, как приступить к практической реализации идеи о взаимодействии и сотрудничестве. Было бы весьма целесообразным на базе компактной группы небольших и средних фирм, например, из Баден—Вюртемберга, создать в одном из городов Советского Союза своего рода показательный центр, который взаимодействовал бы с такой же группой средних советских предприятий. В ходе такого сотрудничества можно было бы наладить не только инфраструктуру, производство по принципу наличия головного предприятия и группы субпоставщиков, но и вести эффективную практическую подготовку как менеджеров, так и технических специалистов. Такого рода модель можно было бы опробовать, например, в области машиностроения и выпуска товаров широкого потребления. В дальнейшем этот опыт можно было бы распространить и на другие отрасли. Во всяком случае это решающим образом двинуло бы дело вперед, поскольку небольшие и средние фирмы и предприятия весьма мобильны и не страдают структурными недостатками крупных предприятий и объединений.

М.С. Горбачев поинтересовался, какие, по мнению Шпэтта, существуют основные трудности в налаживании подобного рода сотрудничества.

Л. ШПЭТ. Я вижу тут целый ряд проблем. Во-первых, советские предприятия получают сейчас все большую самостоятельность. Однако их руководители пока еще далеки от четкого понимания того, какие вопросы и в каком объеме они могут действительно решать сами. Это крайне затрудняет практическое сотрудничество. Далее, ваши специалисты полагают, что главное в налаживании сотрудничества состоит в том, что теперь существуют гарантии для инвесторов, гарантии в том, что вложенные деньги не пропадут. Однако это лишь часть дела. Для того, кто настраивается на сотрудничество, важно видеть долгосрочную перспективу.

Каждый должен быть уверен, что внедряемая в советской экономике перестроечная концепция будет стабильно существовать и раз-

виваться длительное время, что здесь не будет неожиданных поворотов и изменений. Кроме того, в Советском Союзе многие экономисты дают всякие глобальные советы. Они хороши как теоретическая проработка различных моделей, однако любая глобальная ломка может привести к неожиданным и непредвиденным отрицательным последствиям. В этой связи появилась сейчас масса глобальных советов, вроде кардинальной реформы цен и т. п.

Представляется гораздо более оправданным идти параллельным курсом — совершенствовать структуру крупных предприятий и одновременно наладить функционирование упомянутых моделей сотрудничества на базе взаимодействия групп средних и мелких фирм. Мы прямо говорим, что земельное правительство Баден—Вюртемберга готово создать подобную модель сотрудничества с группой мелких и средних фирм в любом городе с развитой инфраструктурой и промышленностью, который назовет советская сторона. Вы дадите здание, коммуникации и т. п., а мы определим группу наших фирм, которые поставят необходимое оборудование, предоставит ноу-хау и наладит обучение специалистов. Все это надо сделать без затяжек с тем, чтобы сформировать положительный пример конкретного сотрудничества.

«Дома экономики», о создании которых подписано вчера соглашение, дело, конечно, очень полезное и хорошее, но их создание, а тем более функционирование могут растянуться на достаточно продолжительное время. Мы же предлагаем более быстрый путь, который мог бы дать отдачу в самый ближайший период.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы поддерживаем такую модель. Теперь важно побыстрее реализовать ее, не откладывая в долгий ящик.

Одновременно мы подумаем и над тем, какие структурные изменения следует провести с нашими крупными предприятиями, чтобы они могли побыстрее приспособиться к реальному восприятию того передового технологического опыта, который оправдал себя, например, в рамках современного наукоемкого промышленного комплекса земли Баден—Вюртемберг.

Несомненно, вы правы в том, что решающий вопрос состоит сейчас в темпе внедрения новейших технологических решений. Здесь ваш опыт во многом схож с японским, и он достаточно хорошо зарекомендовал себя.

Л. ШПЭТ. Да, это действительно так. Мы уже убедились, что такая модель ведет к убыстряющемуся международному разделению труда. Фирмы Баден—Вюртемберга, например, поставляют свои изделия почти в сто стран мира и более чем из пятидесяти стран получают

комплектующие изделия. Все это ведет к возрастающей взаимозависимости и имеет весьма важный политический аспект — подобное сотрудничество углубляет понимание того, что процесс укрепления мира на земле должен быть сделан необратимым.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я вообще уверен, что чем больше будет наша взаимная зависимость, тем прочнее и надежнее будут наши отношения, тем эффективнее мы сможем взаимодействовать в налаживании разделения труда.

Л. ШПЭТ. В связи с планами создания «Единого европейского рынка» в 1992 году мы приложим максимум усилий для того, чтобы не произошло его отгораживание от партнеров как на Западе, так и на Востоке. ФРГ кровно заинтересована в этом, равно как и в налаживании регионального сотрудничества между различными областями Единого рынка с тем, чтобы избежать трудностей и конфликтов на почве различного рода национальных требований. А подобная опасность существует. Ведь с формированием такого рынка произойдет естественный перелив капиталов и производств. В южных странах, где заработная плата, как, например, в Португалии, чуть ли не в шесть раз ниже, чем в ФРГ, сосредоточатся производства, которые требуют применения рабочей силы в больших масштабах. И, наоборот, в таких областях, как, например, Баден—Вюртемберг, начнут концентрироваться наукоемкие производства.

Это соответственно приведет и к углублению разделения труда. Вот тут-то мы и видим шанс расширить кооперацию с Советским Союзом, поскольку гораздо разумнее наладить применение технологии в расположенных в непосредственной близости от ФРГ социалистических странах, нежели идти по пути ее инвестирования в отдаленных районах, скажем, Ближнего или Дальнего Востока. Пока ситуация в этом отношении оставляет желать лучшего. Ведь из более чем 100 млрд марок экспорта баден-вюртембергских фирм пока только 1,5 млрд марок приходится на Советский Союз. Следовательно, советский научно-промышленный комплекс еще очень мало взаимодействует с Баден—Вюртембергом. А наша земля имеет весьма неплохие показатели в рамках ФРГ: при 15% общего населения страны мы производим 18% валового национального дохода, даем 20% экспорта ФРГ и имеем у себя 30% научно-исследовательских мощностей государства. Мы готовы задействовать этот потенциал в кооперации с советской промышленностью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это хорошие намерения, и мы их целиком поддерживаем. Готовы со своей стороны всемерно содействовать конкретной реализации соответствующих планов. Просили бы вас без задер-

жек представить конкретные соображения на этот счет, и мы обязуемся со всем вниманием не только быстро рассмотреть их, но и в максимально короткий срок приступить к конкретной реализации предлагаемых моделей и проектов.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

**Из третьей беседы М.С. Горбачева
с Г. Колем наедине
Бонн, 14 июня 1989 года**

[...] **Г. КОЛЬ.** Теперь несколько слов о наших общих друзьях.

Скажу прямо, что мне не дает покоя Хонеккер. Только что его жена выступила с заявлением, в котором призвала молодежь ГДР в случае необходимости с оружием в руках защищать завоевания социализма от внешних врагов. Совершенно очевидно, что под внешними врагами она подразумевает социалистические страны, которые проводят в жизнь реформы, стимулируют демократические процессы, идут своим собственным, оригинальным путем. В первую очередь, конечно, имеется в виду Польша и Венгрия. Странное это, конечно, заявление.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как у вас идут дела с Польшей?

Г. КОЛЬ. Страна находится в нелегком положении. Но мы хотим помочь ей выйти из кризиса. Как и отношения ГДР, мы не хотим никакой дестабилизации.

[...] Я уже говорил, что в отношении соцстран, в отношении Советского Союза мы проводим четкий курс невмешательства во внутренние дела. Но политика невмешательства может быть двух категорий. Одно дело — сидеть в театральной ложе, наблюдать за всем происходящим на сцене, а когда действие подойдет к концу сказать, что мы, дескать, все это предвидели, предсказывали, иначе, мол, не могло и быть. Вот какие мы умные.

Другое дело — тоже не вмешиваться, но с сочувствием относиться к происходящему на сцене. Не сидеть в ложе, но и не участвовать непосредственно в действии. Можно взять на себя другие функции. Например, помочь улучшить освещение, идущее на сцену. Оно ведь тоже играет далеко не маловажную роль. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Заключительная беседа М.С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером

Бонн, 15 июня 1989 года

*(Во встрече принимал участие Федеральный канцлер ФРГ Г. Коль.
С советской стороны присутствовал помощник М.С. Горбачева
А.С. Черняев)*

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. От всей души хотел бы вас поздравить, г-н Председатель, с блестяще проведенным визитом. Состоялись очень содержательные и насыщенные политические переговоры и беседы, выступления перед общественностью и деловыми кругами, контакты на других уровнях. Главное же, однако, в том, как принимало вас население, простые люди. Даже если бы мы хотели, мы не смогли бы организовать столь массовый выход людей на улицы и площади, чтобы приветствовать вас. Это было волеизъявление сердец, движение души, демонстрация симпатий, желания совместно мирно жить и сотрудничать. Я уже говорил, в чем заключается причина столь теплого приема. Вам, г-н Горбачев, удалось освободить немецких граждан от страха перед русскими, от страха перед войной. Вы растопили в них лед недоверия, зачеркнули создававшийся десятилетиями «образ врага». Ваш визит, как нам кажется, окончательно положил конец вражде между русскими и немцами. Все мрачное позади, и мы с оптимизмом можем смотреть в будущее.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прделана большая работа, я и мои коллеги весьма удовлетворены ходом визита.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что визит ознаменовал новый уровень и новое качество советско-западногерманских отношений. Мы много и интересно говорили с канцлером Колем, между нами установился тесный личный контакт, который мы будем развивать и впредь. Особо хотелось бы отметить дружественную и сердечную атмосферу, которая была характерна для этих дней, стремление обоих народов идти навстречу друг другу, сотрудничать, вместе строить мирное будущее для себя и содействовать улучшению отношений между Востоком и Западом в целом.

Хотел бы поблагодарить вас, г-н Президент, а также Гельмута Коля и Ганса-Дитриха Геншера, их коллег за сотрудничество, взаимопонимание и доверие, которые во многом предопределили успех визита. Проявленное гражданами ФРГ доброжелательство и стремление к сближению с советским народом показало, что выбранный обоими правительствами курс на тесное взаимодействие, насыщенное конкретными и полезными делами, на поддержание постоянных контактов на всех уровнях, включая самые высокие, — это курс правильный, отвечающий интересам обоих государств, интересам Европы и всеобщей безопасности. Он способствует формированию мирного периода в мировом развитии.

Заслуживают благодарности также за проделанную работу министры иностранных дел. Очень важны состоявшиеся в рамках визита контакты, которые имел Яковлев с руководством политических партий и общественных движений, для углубления общественно-политических связей и взаимопонимания между двумя народами. Хорошую работу провели Силаев и его западногерманские коллеги.

Хотел бы пригласить вас, г-н Федеральный Президент, и вас, г-н Федеральный канцлер, посетить с официальными визитами Советский Союз. Официальными визитами обменяются также министры иностранных дел Шеварднадзе и Геншер, которые будут поддерживать также регулярные рабочие контакты между собой. Еще раз сердечное спасибо за все сделанное для меня.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

На пресс-конференции М.С. Горбачева в Бонне

15 июня 1989 года

М.С. Горбачев. Наш визит подходит к концу, хотя предстоят еще интересная поездка, встречи и беседы в Дортмунде и Дюссельдорфе. Тем не менее уже сейчас можно говорить об итогах визита, попытаться дать первые оценки этому событию, которое мы считаем крупным событием не только в наших двусторонних отношениях, но и в рамках европейской политики, мировой политики в целом.

Мы оцениваем итоги визита как значительные. Он показал большие возможности советско-западногерманского взаимодействия в интересах обоих народов, Европы и других стран.

[...] Несомненно, в центре визита были переговоры с руководством ФРГ. Откровенный и глубокий обмен мнениями с Президентом г-ном фон Вайцзеккером, с Федеральным канцлером г-ном Колем, с которым у нас были три беседы один на один, с другими политическими и общественными деятелями, представителями делового мира — все эти встречи и беседы дали нам много нового для познания Федеративной Республики Германия, ее политики и ее устремлений. Много важных и полезных встреч в эти дни было у других членов делегации. И это расширяло рамки визита, придавало ему поистине уникальный характер. Мы высоко оценили состоявшиеся перед визитом и во время визита контакты и дискуссии представителей нашей общественности со своими коллегами из ФРГ. Я имею в виду ученых, журналистов, других представителей интеллигенции.

Все это позволяет мне сказать, что эти дни действительно были наполнены большими и важными совместными размышлениями о нынешнем дне и о будущем. И особенно хочу подчеркнуть еще раз: хотя и краткое, но прямое и живое общение с гражданами ФРГ убедило

нас в том, что перемены во взглядах и настроениях по отношению друг к другу происходят не только в нашем народе. Они происходят и здесь. И, может быть, мы сегодня вправе говорить о том, что оба наших народа идут навстречу друг другу, сближаются, думают о планах сотрудничества. И это само по себе, может быть, самое главное, что сегодня стоит констатировать и что в значительной мере будет определять будущее, влияя и на деятельность правительств обеих стран.

Все это, вместе взятое, говорит о том, что через большую и непростую, терпеливую работу мы совместно сумели выйти к новым отношениям, действительно начали листать страницы большой и интересной главы нашей новой истории.

Из ответов на вопросы журналистов

Вопрос. Считаете ли вы возможным, чтобы когда-нибудь в обоих немецких государствах произошло такое, что европейская идентифицированность и общность могли бы быть зафиксированы в одном документе?

М.С. Горбачев. Я все допускаю. Но время нам оставило этот мир после известных событий, после войны. И время само должно распорядиться, как будет потом.

(Из-за отсутствия перевода ответ был дан вторично.)

Смысл моего ответа на ваш вопрос был такой: нынешняя ситуация в Европе порождена определенным временем. Это реальности. На базе их развиваются и хельсинкский, и другие процессы. Таким образом, ситуацией, какую мы имеем, мы обязаны определенному времени. И надеемся, что время само решит, само распорядится. Сегодня мы с удовлетворением констатируем и приветствуем, что и в Федеративной Республике Германия, и в Германской Демократической Республике есть понимание необходимости делать все — и это делается, — чтобы никогда больше война не исходила с немецкой земли.

Вопрос. Многие западные немцы считают, что берлинская стена — это и физический, и политический барьер на пути сближения, полного сближения наших двух стран. Считаете ли вы, что общеевропейский дом, к которому вы стремитесь, возможен, пока берлинская стена по-прежнему существует?

М.С. Горбачев. Сводить к тому, что единственным препятствием на пути к строительству европейского дома является берлинская стена, было бы несерьезно. Нам придется решить много проблем при постройке европейского дома в интересах всех народов, при этом уважая их выбор, их традиции, их историю, создавая условия для равно-

правного, взаимовыгодного сотрудничества. Ничего нет вечного под луной. Будем надеяться, что мы на правильном пути. Стена появилась в конкретной ситуации, и продиктовано это было не каким-то злым умыслом. ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы. [...]

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева
в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.
(Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1989. — С. 83–85)*

Из дневника А.С. Черняева

5 октября 1989 года

М.С. завтра летит в ГДР, на 40-летие⁴⁸. Очень ему не хочется. Два раза звонил сегодня: вылизал, говорит, текст (выступления) до буквы — в микроскоп ведь будут везде смотреть... В поддержку Хонеккера не скажу ни слова. Республику и революцию поддержу.

Сегодня в Дрездене — 20-тысячная демонстрация. Вчера — в Лейпциге.

Идет информация, что в присутствии Горбачева начнут штурмовать «стену». Жуткие сцены при прохождении спецпоезда (*с беженцами из ГДР на Запад*) из Праги в ФРГ через Дрезден. Западногерманское телевидение сняло все это и показывает на всю ГДР. Вся западная пресса полна статьями о воссоединении Германии.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из беседы М.С. Горбачева с Э. Хонеккером 7 октября 1989 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Повторяю то, что я уже говорил в машине: для нас ГДР — приоритетный союзник, из этого надо исходить. Прошедшие десятилетия не были безоблачными с точки зрения развития наших стран и международной ситуации. Мы всегда действовали в определенном контексте. А это были условия «холодной войны», и приходилось с ними считаться. То, что нас сегодня объединяет, неслучайно: наши отношения уходят в историю. И на этой прочней основе можно решать любые частные вопросы внутреннего и внешнего порядка. Думаю, что мы сегодня лучше понимаем и свою роль, и свою ответственность, ни в чем друг друга не подозреваем. Есть все основания говорить о зрелых отношениях между двумя народами, партиями и странами.

[...] Но для этого нужно быть вместе, необходимы высокий уровень взаимопонимания, новое качество сотрудничества во всех сферах. Таково убеждение всего нашего руководства. Нам надо быть решительными и твердыми в преобразовании международных отношений. И, конечно, наше сотрудничество должно учитывать специфику поворотного момента в развитии социалистической цивилизации.

Мы почувствовали на первых этапах перестройки, что радикальные преобразования в нашей стране сопрягаются с большой сумятицей в умах, в том числе и среди коммунистов.

[...] К чему я об этом говорю? Партия не может действовать иначе как вбирая в себя все импульсы, которые подает общество.

Вчера я сказал, что в твоём выступлении убедительно показаны достижения республики. Хорошо, что ты бросил также взгляд в будущее. В такой день и в такой речи, видимо, не было необходимости глубже

развивать эту тему. Как я понимаю, этим вам придется заниматься и сразу после праздника, и в ходе подготовки съезда. Проблемы, которые нас с вами беспокоят, нуждаются в этом. Инициатива должна быть за партией, руководством, опаздывать нельзя.

Э. ХОНЕККЕР. Хотелось бы еще раз высказать свою признательность за то, что ты смог принять участие в праздновании юбилея ГДР. Я просил тебя об этом еще на пути в Магнитогорск, исходя из того, что 40-летие республики — это наше общее дело. Братское сотрудничество ГДР и Советского Союза вошло в кровь большинства населения. И хотя в наших отношениях были свои подъемы и спады, определяющее значение всегда имело сотрудничество КПСС и СЕПГ.

У нас уже было несколько бесед на тему перестройки. Вы добились больших успехов во внешней политике. Что касается внутренних процессов в Советском Союзе, мы о них подробно рассказываем в своих средствах массовой информации.

Сейчас наши противники требуют реформ. Партия должна усилить работу по разъяснению некоторых идеологических вопросов, которым уделялось недостаточное внимание. В ходе подготовки к съезду мы эти проблемы решим. Создали ряд комиссий, одна из них занимается анализом, каким будет социализм в XXI веке.

О наших проблемах я сказал в своем вчерашнем выступлении. Мы находимся на границе ОВД и НАТО, существует раскол Германии. Это является источником нарастающей классовой борьбы во всех сферах. Коль сказал в интервью, что, если ГДР вступит на путь реформ, ФРГ окажет ей помощь. Но мы не позволим диктовать нам правила поведения.

Накануне событий в Венгрии, о которых я жалею, Немет был гостем СДПГ. Они договорились, что ФРГ предоставит кредит в 550 млн марок, если венгры откроют границу. И венгры пошли на это. А у нас до 3 млн туристов ежегодно ездили в Венгрию. В связи с этими событиями мы вынуждены отменить безвизовый обмен с ВНР.

Сегодня в Будапеште будут, очевидно, приняты решения, направленные против социализма. Я получил тревожную телеграмму Гроса, но мы отсюда ничем не можем им помочь. Потерять Венгрию как социалистическую страну тяжело. Все это вызывает у нас опасение: куда движется социализм?

Разложение некоторых стран — Венгрии, Польши — на Западе рассматривают как повод для нанесения удара по социализму. Сейчас сосредоточивают силы против ГДР. Коль, встречаясь со мной, говорил хорошие слова против нацизма, а на съезде ХДС стал утверждать, что социализм, якобы, провалился, победила западная демократия.

Демонстрируют и военную мощь. В ФРГ готовятся к маневрам, в которых будут участвовать 250 тыс.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я разделяю мнение о сложности процессов, происходящих сейчас в странах социализма. Запад обещает большие подачки за сдачу позиций. Нас тоже агитируют взять побольше кредитов. У нас непростые процессы в обществе, но подобраться к нам трудно. Другое дело — Венгрия и Польша. Там ряд лет создавалось благосостояние на искусственной базе, и это теперь поставило их в положение зависимости.

Э. ХОНЕККЕР. Что касается событий у вас, то мы приветствуем сентябрьский Пленум ЦК. На нем было справедливо сказано, что нельзя давать простор демагогам. Однако в советских журналах, распространяемых у нас, есть много неприемлемого. Надеюсь, вы простите нас за то, что мы напечатали статью о пребывании Ельцина в США⁴⁹?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вам как-то надо было отреагировать на этот факт. Мы только были разочарованы, что «Правда» перепечатала статью из буржуазной прессы, как будто не могла высказать собственное мнение.

Э. ХОНЕККЕР. Сложившуюся у нас ситуацию мы уже обсуждали и будем продолжать дискуссию во вторник. Ясно, что нужно укреплять общественную структуру путем более широкого вовлечения населения в осуществление назревших мер. Я договорился встретиться с руководителями партий народного фронта. Необходимо, чтобы СЕПГ и другие партии, профсоюзы действовали в одном направлении.

На пути к XII съезду особое значение приобретает идеологическая работа. В целом у рабочего класса и особенно у крестьянства хорошее настроение. Трудящиеся поддерживают линию партии. Вопросы, конечно, есть, но наше счастье, что мы своевременно взяли за социальные проблемы, и в первую очередь решили вопрос с жильем. Продолжаем овладевать достижениями НТР: к 40-летию часть предприятий получила новое автоматизированное оборудование, а к XII съезду СЕПГ будет проведена дальнейшая их реконструкция на основе электроники. Прирост производительности труда на таких предприятиях составляет от 300 до 700%. Полностью оправдала себя форма комбинатов. Они сейчас выходят на мировой рынок, все более тесно сотрудничают с советскими предприятиями. Вообще, наши связи сейчас приобретают новое качество: на производствах, поставляющих продукцию в СССР, занято от 40 до 50% трудящихся.

Сделаю только одно замечание. С большим трудом созданная нами совместно паромная переправа в Клайпеде не используется на полную мощность — 3,5 млн в год.

Подытоживая сказанное, подчеркну, что мы делаем то, о чем договорились еще на первой встрече. По сравнению с Советским Союзом ГДР — маленькое государство, но это держава с большим потенциалом в промышленности, науке и технике. И очень важно, что у нас с вами сейчас единство по всем основным вопросам.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с членами Политбюро ЦК СЕПГ

Берлин, 7 октября 1989 года

(С немецкой стороны в беседе участвовали члены Политбюро ЦК СЕПГ, секретари ЦК Г. Аксен, И. Херман, Х. Долус, Э. Крениц, В. Кроликовский, Г. Миттаг, К. Хагер, Г. Шабовский, В. Яровинский, члены Политбюро Г.Й. Беме, Х. Зиндерман, Х. Кесслер, Г. Кляйбер, Э. Лорениц, Э. Мильке, Э. Мюккенбергер, А. Нойман, Г. Тиш, В. Штоф, В. Эберляйн, кандидаты в члены Политбюро В. Вальде, И. Ланге, Г. Мюллер, М. Мюллер, Г. Шюрер, а также члены ЦК СЕПГ Г. Зибер, И. Херман, Г. Отт, Г. Кениг.

С советской стороны присутствовали В.М. Фалин, Г.Х. Шахназаров, И.П. Абоимов, В.И. Кочемасов, Г.И. Герасимов, В.А. Коптельцев)

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Достижения ГДР свидетельствуют, что жизнь всех тех, кто связал с ней свою судьбу, не напрасна. То, что у вас достигнуто за четыре десятилетия, перекрывает и перенесенные трудности, и потери, которых было не избежать. Ведь только в схемах все выглядит гладко, а не в реальной жизни. Все вы, товарищи, можете испытывать чувства огромного удовлетворения.

Замечательный юбилей ГДР, ее успехи никого, конечно, не освобождают от забот и ответственности за дальнейшее развитие страны.

[...] В беседах с официальными представителями страны, в коротких встречах на улицах Берлина я еще раз убедился, что люди привержены братству и сотрудничеству с Советским Союзом. И мы высоко это ценим.

Мы были, действительно, единодушны в беседе с товарищем Хонеккером в том, что, оценивая нынешние процессы в наших странах и в целом в социалистическом мире, важно воспринимать новые импульсы, которые даются современным общественным развитием.

Это имеет прямое отношение и к нашей перестройке. Там, где партия отстает в теоретическом и практическом плане, там мы пожинаем горькие плоды. Все вы знаете, как разыгрались у нас в последнее время межнациональные конфликты и страсти. Межнациональные проблемы очень сложны. В них многое переплетается: и экономика, и демография, и проблемы суверенитета, истории, традиций отдельных народов. Мы должны были выйти к обществу с основательно проработанными подходами к этим проблемам. Но пока мы вели интенсивную работу, что потребовало, конечно, известного времени, другие силы бросали ядовитые семена на почву межнациональных отношений.

И лишь когда мы на сентябрьском Пленуме утвердили платформу межнациональной политики КПСС, это внесло определенное успокоение в общество. Люди получили ясные, определенные ориентиры, позволяющие консолидировать общественные силы.

Размышляя в эти юбилейные дни над нашими общими проблемами, прихожу к выводу о том, что в докладе товарища Хонеккера исключительно важной является та его часть, где затрагивается тема ваших планов на будущее.

[...] Но коммунисты, как известно, не удовлетворяются достигнутым. Для всех нас важно — что же дальше? Конечно, в юбилейном докладе положения, касающиеся перспектив развития, не могли быть развернуты достаточно широко. Но сама мысль о необходимости перемен в обществе исключительно важна и в базисе, и в настройке, особенно в сфере демократии с акцентом на более полное и реальное включение трудящихся в преобразовательные процессы. Видимо, у вас уже началась работа по подготовке к съезду, который должен означать поворот к новому этапу развития страны.

Вы знаете, услышать об этом здесь было важным для меня. Ведь наша перестройка — это тоже ответ на вызов времени. В конечном счете мы, коммунисты, думаем о том, что же останется после нас, что мы оставим поколениям, которые идут за нами.

Я, правда, сказал Эриху, что, видимо, вам будет во многом легче, чем нам. У вас нет такой напряженности в социально-экономической сфере. Но принять решение о политических переменах — это тоже очень нелегкое дело. Вас ожидают времена, которые потребуют мужественных решений. Говорю об этом, исходя из нашего опыта. Помните, Ленин отмечал, что в бурные революционные годы даже за недели и месяцы люди приобретают больше опыта, чем за иные десятилетия.

Наша перестройка привела нас к выводу, что дело революции не получит поддержки трудящихся, если не будут улучшаться условия их

жизни. Но оказалось, что проблема колбасы и хлеба — это еще не все. Люди требуют новой общественной атмосферы, больше кислорода в обществе, тем более что речь ведь идет о социалистическом строе. Это я говорю, чтобы напомнить о проблемах, с которыми мы сталкиваемся у себя.

Образно говоря, люди требуют не только хлеба, но и зрелищ. Если понимать это в широком смысле, то речь идет о необходимости создания не только материальной, но и социально-духовной атмосферы для развития общества. Мне думается, что это урок для нас. Здесь важно не упустить шанс. Партия должна и здесь иметь свой взгляд на эти проблемы, свою четкую политику и в этом отношении. Когда мы опаздываем, жизнь нас наказывает. Кстати говоря, мы и приблизили сроки созыва XXVIII съезда КПСС в связи с этим.

В обществе сейчас понимают: как обстоят дела в партии, так пойдет и перестройка. Настроения и в рабочем классе, и в обществе, и в партии неоднозначные. Я бы сказал, идея перестройки в партии никем не подвергается сомнению. Никто за четыре года не предложил реальной альтернативы. Отдельные группки, не общественные течения, а именно группки шарахаются в самом широком диапазоне — от монархизма до анархизма. Вряд ли это следует серьезно принимать в расчет. Основные общественные силы — все — за перестройку. Идут столкновения по поводу ее темпов, глубины, тактики. Но все сходится в том, что перестройка зависит от положения в партии.

[...] Настолько остро затрагиваются вопросы о партии, что многие организации даже высказались за чрезвычайный съезд. Аргументы были такие: многие кадры не воспринимают перестройку, поэтому нужно обновить партийные структуры.

Мы перехватили инициативу и предложили повестку дня съезда, предложили обновить Устав, с тем чтобы он способствовал развитию процессов демократизации в партии. Программу КПСС пока трогать не будем, еще многое должно лучше выкристаллизоваться. Но иметь программу действий на ближайшее будущее необходимо. Видимо, уже в марте будем ее иметь и основательно, не допуская какого-либо хаоса, в рамках партийной демократии будем осуществлять обновление партийных органов. Как только на сентябрьском Пленуме было принято решение о приближении съезда, то сразу стало ясно, что инициатива за нами. Если учесть, что одновременно Верховный Совет СССР, Съезд Советов будут решать вопросы о собственности, аренде, социалистическом предприятии, земле, то это значит, что практически в ближайшие месяцы будут созданы мощные правовые заделы для дальнейшего развития.

Говорю здесь об этом, поскольку вы проявляете большой интерес к нашим делам. Этот ваш интерес понятен, тем более что, как сказал мне Эрих, у вас предстоит в ближайшее время разработка перспективных вопросов к съезду СЕПГ. Уверен, что вы пойдете дальше, учитывая главные импульсы времени. И это еще больше нас сближает. В этой связи мы должны полностью использовать договоренность о совместной работе наших обществоведов. Жизненно необходимо обменяться по всем вопросам, связанным с динамичными требованиями времени. Мы подошли к этапу, где требуются очень крупные и хорошо рассчитанные новые шаги вперед.

На собственном опыте, на опыте Польши и Венгрии в особенности мы с вами убеждались: если партия делает вид, что ничего особенного не происходит, не реагирует на требования жизни, она обречена. Мы переживаем за здоровые силы в Польше и Венгрии, но помочь им очень непросто. Ведь там были сданы позиции. Они были сданы потому, что вовремя не было дано ответа на требования жизни, процессы приняли болезненный характер. Польские товарищи не использовали возможности, которые открылись перед ними в начале 80-х годов. Да и в Венгрии Кадар уже на исходе жизни глубоко переживал, что вовремя не сделал того, что должен был и мог сделать. Так что у нас с вами остается один выбор — решительно идти вперед, иначе будем побиты.

[...] **Э. ХОНЕККЕР.** Дорогие товарищи! Думаю от вашего имени мы можем сердечно поблагодарить Михаила Сергеевича Горбачева за его слова. Он сказал тут многое из того, о чем мы с ним говорили еще в первой беседе.

Для нас очень важно то положение, которое я выдвинул вчера в докладе «Всегда вперед и никогда назад!». Народ хорошо понимает этот лозунг. Когда слово и дело в единстве, тогда теснее становятся связи с массами, которые буквально каждый день строят нашу жизнь. Михаил Сергеевич приветствует итоги нашей работы и устремленность в будущее. Мы действительно наметили, в каком направлении предстоит идти, хотя уже и сейчас ведется широкий диалог с общественными организациями, профсоюзными, партийными организациями. Кстати, в профсоюзах у нас 9 млн 600 тыс. членов.

Мы намерены решающее внимание уделить подготовке XII съезда партии. Здесь помогают индивидуальные собеседования. Созданы комиссии по разработке материалов и предложений, состоящие из научных сотрудников Академии наук и других учреждений. Они уже разработали массу материалов, которые изучаются.

Могу заверить советских товарищей, что мы принимаем близко к сердцу их советы сделать социализм на немецкой земле еще более

прочным. Михаил Сергеевич вспомнил здесь о требовании древних римлян «Хлеба и зрелищ!». Я хочу напомнить в этой связи мысль Энгельса, высказанную им на похоронах Маркса. Он говорил, что люди прежде всего должны иметь пищу, одежду, кров над головой. Мы не недооцениваем духовных проблем, мы следуем заветам Маркса и Энгельса, которые превратили социализм в научную теорию и тесно связали ее с рабочим классом. Маркс в «Критике Готской программы» подчеркнул важность того, что при социализме распределение может вестись только по труду, а не по потребностям, как при коммунизме. Это одна из ключевых проблем, которую предстоит учитывать в полной мере.

Проводя личные собеседования с членами партии в связи с обменом партбилетов, мы получаем ценные импульсы для работы центральных органов. Мы готовим и выборы в Народную палату ГДР, которые состоятся в июне 1990 года. Это повышает значение съезда партии. Он наметит программу, с которой СЕПГ пойдет на выборы. В Народной палате ГДР в отличие от других социалистических стран действуют 10 фракций. Тем выше ответственность СЕПГ. Она не только декларируется. Важно, чтобы кандидаты других партий шли вместе с нами с чистой совестью, по внутреннему убеждению. Это требует, чтобы по всем перспективным вопросам внутреннего развития и внешней политики были разработаны четкие позиции и предложения.

На пленуме ЦК мы выступили за политику преемственности и обновления. Этим подчеркивается, что наша партия — партия новаторов. Мы понимаем, что нельзя останавливаться. Ведь иначе отстанешь. Необходимо видеть новые вопросы и решать их.

Сердечное спасибо Михаилу Сергеевичу за добрые слова о ГДР, за вклад в развитие отношений между нашими странами и партиями. Мы согласны, что КПСС и СЕПГ — сильные партии. Но, конечно, мы понимаем особую роль КПСС в развитии всех мировых дел.

Михаил Сергеевич привел два примера, касающихся подходов к вызовам времени. Я хочу высказаться еще по одному вопросу. Во время нашей первой встречи с Михаилом Сергеевичем сразу после XXVII съезда КПСС он сказал, что мои соображения о развитии научно-технической революции правильные, но для их реализации нужна соответствующая общественная атмосфера. Я тогда не понял этой мысли во всем ее объеме. Но жизнь показала, что это была крупная мысль. Без соответствующей атмосферы, без заинтересованного участия трудящихся невозможно связать достижения научно-технической революции с преимуществами социализма.

Правильно, что наша партия обратилась к проблемам научно-технической революции уже давно, еще тогда, когда Михаил Сергеевич

был у нас в 60-е годы. В связи с новым прорывом империалистических государств в области высоких технологий мы в 70-е годы приняли постановление ЦК о развитии микроэлектроники. И нам удалось сделать то, что некоторые недооценили. Мы создали мощную микроэлектронную базу.

Для этого потребовалось более 15 млрд марок капиталовложений и не только в комбинаты, но и во все отрасли промышленности. Повсеместно шла самая широкая их электронизация.

Я уже говорил, что при подготовке к съезду мы намерены модернизировать более 6 тыс. предприятий. В ходе подготовки к 40-летию ГДР более чем на 100 предприятиях внедрены гибкие автоматизированные системы. Это шаг к созданию заводов будущего, которые мы показывали недавно на выставке в Москве. На этих предприятиях обеспечен прирост производительности труда на 300–700%. Это крупная акция, имеющая перспективное значение, хотя возникает ряд новых конкретных проблем, поскольку из трудового процесса высвобождается много людей. С помощью профсоюзных организаций мы организуем для них третью смену, решаем связанные с этим социальные проблемы. Все это идет не без трений. Нужен чуткий подход к проблемам.

Когда я был в Магнитогорске, я видел там строительство новых конверторных цехов мощностью в 9 млн тонн высококачественной стали. Советский Союз тоже прилагает большие усилия в решающих отраслях производства для прорыва вперед. Я говорю об этом потому, что это очень важно для нашего сотрудничества. Вместе мы развиваем оптико-электронику, технику датчиков, лазерную технику, создаем новые материалы, работаем в сфере освоения космоса. Мы рады тому, что сотрудничество наших ученых в этих областях приобретает новое качество. Новое качество нашим связям придает и обмен рабочими. Таким образом, совместными усилиями создается основа для нового будущего наших стран.

Ваши соображения, Михаил Сергеевич, очень ценны для нашего будущего, и, несомненно, их реализация имеет большое международное значение. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из дневника А.С. Черняева

9 октября 1989 года

Европа вся в восторге от М.С. в Берлине. И многие «на ушко» нам шепчут: хорошо, что СССР высказался, хотя и деликатно, против «воссоединения Германии» сейчас.

Загладин только что объездил всю Францию. С кем только ни встречался — от Миттерана до мэров. Завалил Москву шифровками о своих беседах. И все в один голос — одна Германия никому не нужна. А Аттали заговорил с ним о восстановлении серьезного советско-французского союза (включая военную интеграцию — через камуфляж — использование армии в борьбе со стихийными бедствиями).

...NB! Тэтчер... в разговоре с М.С. ...вдруг попросила «не записывать». Решительно против «объединенной Германии». Но я, мол, не могу этого сказать ни у себя дома, ни в НАТО.

В общем, нашими руками хотят это предотвратить.

11 октября 1989 года

Читал запись беседы М.С. с Хонеккером в Берлине. Зашел об этом разговор с ним. Был Шахназаров. М.С. назвал Хонеккера м...ком. Мог бы сказать своим: четыре операции перенес, 78 лет, требуется много сил в такой бурный период, отпустите, я свое дело сделал. Тогда, может, остался бы в истории.

Мы с Шахом⁵⁰ усомнились, что он, сделав это сейчас, останется в истории. Два—три года назад куда ни шло! Сейчас он уже проклят народом.

В Берлине второй день идет Политбюро. Кренц обещал «поставить вопрос» о переменах (послу нашему — для передачи М.С.). Хонеккер его предупредил: будешь моим врагом. Но тот, кажется, это сделал. Чем-то кончится?

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

В.В. Загладин о беседе с представителями ФРГ, состоявшейся 9 октября 1989 г.

9 октября встретился с прибывшей по линии Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество делегацией фракции Свободной демократической партии в бундестаге ФРГ во главе с У. Роннебургером и новым послом ФРГ К. Блехом.

1. Глава делегации У. Роннебургер высказал глубокую озабоченность ситуацией, сложившейся в связи с выездом нескольких десятков тысяч граждан ГДР в ФРГ. Моя озабоченность, говорил он, связана как с положением в ГДР, которое может дестабилизировать весь европейский процесс, так и с развитием событий в ФРГ, где растет «неоднозначный накал страстей».

События в ГДР позволили ХДС—ХСС сориентировать фактически начинающуюся предвыборную кампанию в русло «необузданных требований воссоединения». Руководители этих партий, продолжал собеседник, не отдают себе отчета в том, что, выдвигая заведомо нереализуемые требования, они открывают простор для действий реваншистских, по сути дела, сил, а с другой стороны, восстанавливают против ФРГ политические силы всей остальной Европы.

Г.-Д. Геншер, говорил Роннебургер, настроен совершенно не так, как канцлер. Он считает необходимым строго придерживаться положений заключенных ФРГ договоров, советско-западногерманской декларации, подписанной в Бонне. Внутренне, продолжал собеседник, нынешние действия Г. Коля побуждают Геншера думать о возможности «смены партнера» по коалиции. К сожалению, этот партнер, то есть СДПГ, сам еще не нашел точной линии поведения.

В этих условиях выступление Горбачева в Берлине сыграло большую роль. Оно стало стимулом для размышлений как для ХДС, так

и для СДПГ. Что же касается свободных демократов, то они восприняли эту речь, как соответствующий их собственным взглядам призыв к разуму, обращенный и на Запад, и на Восток.

Теперь, заключил Роннебургер, многое будет зависеть от того, как поведут себя в Берлине, что будет дальше делать Хонеккер. К сожалению, однако, Хонеккер не один. А в его окружении много людей, по-прежнему считающих, что всего можно добиться с помощью силы.

2. Посол Блех также высказывал глубокое удовлетворение выступлением М.С. Горбачева в Берлине. Это было, говорил он, предупреждение всем, призыв «не раскачивать лодку». Этот призыв услышан в ФРГ, но пока не всеми.

Блех признал, что кампания отъезда граждан ГДР, в целом носившая спонтанный характер, все же в какой-то мере была спровоцирована из ФРГ. Неточное толкование событий, данное канцлером, его по существу дезориентирующее общественность выступление на съезде в Бремене, его толкование советско-западногерманского документа сыграли отрицательную роль.

Канцлер, продолжал посол, рассчитывал, что он своими действиями привлечет на сторону ХДС правых избирателей. Но этого не произошло. Получилось иное — республиканцы увеличили свое влияние, ХДС же (в Северном Рейне—Вестфалии) потеряла голоса. При этом республиканцы выиграли (в частности, в Дортмунде и Дуйсбурге) за счет социал-демократов и «зеленых». Канцлер, конечно, рад ослаблению своих левых противников, но очень огорчен тем, что его собственная партия не получила «прибавки сил». Посол обещал позднее передать статистический анализ последних выборов. Кроме того, после первого «взрыва радости» по поводу бегства людей из ГДР теперь начинается отрезвление. Никто у нас, говорил посол, не принимал во внимание того, что молодые немцы из ГДР имеют свои «социальные привычки». Они не умеют «заботиться сами о себе», они хотят, чтобы боннское правительство искало им работу по специальности, обеспечивало их детей детскими домами и т. д. Но ведь ФРГ — «страна свободного частного предпринимательства». И многие молодые немцы из ГДР начинают «унывать». Это вызывает тревогу. Некоторые у нас, говорил посол, спрашивают себя: а что будет, если эти немцы начнут возвращаться в ГДР? Что если они начнут вслух разоблачать «социальный климат» в ФРГ? Словом, заключил он, положение совсем не такое простое.

Выступление Горбачева не дало, конечно, тех ответов, которые хотели получить и на Востоке, и на Западе. Но оно заставило всех задуматься о том, что надо самостоятельно решать свои проблемы. Фраза

о том, что немецкие дела надо решать не в Москве, а в Берлине, многих отрезвила. «Теперь важно совместно работать так, чтобы добиться смягчения возникшей напряженности», — говорил посол.

Посол просил разрешения обращаться с вопросами по «острым проблемам», если они будут у него возникать. Со своей стороны не возражал против этого, оговорившись, что, конечно, вряд ли он сможет сразу получить от меня ответы на эти вопросы, но что мне самому будет интересно знать, какие проблемы он считает «острыми».

Учитывая, что Блех до назначения послом был одним из руководителей ведомства бундесканцлера, что он имеет широкие связи в Бонне, информация, исходящая от него, представляет, как кажется, определенный интерес.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем

11 октября 1989 года

(Состоялся по просьбе Коля)

Г. КОЛЬ. Приветствую вас, г-н Генеральный секретарь, очень рад вновь услышать ваш голос, надеюсь, у вас все в порядке.

Решил позвонить вам, воспользоваться, как мы условливались в Бонне, возможностью для краткого неформального контакта, чтобы обменяться мнениями по некоторым текущим вопросам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас, г-н Федеральный канцлер. Вспоминаю о наших встречах в Бонне, готов продолжить наш диалог.

Г. КОЛЬ. Прежде всего мне хотелось бы со всей ясностью подтвердить, что все, о чем мы договорились в ходе вашего пребывания в Бонне летом этого года, сохраняет свою силу и продолжает для нас действовать в полном объеме. Как канцлер ФРГ еще раз совершенно четко заверяю вас в этом. Теперь позвольте перейти к некоторым вопросам, которые побудили меня позвонить вам.

Мы считаем, что развитие в Венгрии идет в направлении, которое мы оцениваем как прогрессивное, рассматриваем как положительное явление. ФРГ намерена в складывающихся условиях активизировать свои связи с Венгрией, прежде всего в экономической области. Мы намерены по мере своих сил и без какого-либо вмешательства во внутренние дела этого государства оказывать Венгрии необходимое содействие, с тем чтобы она могла повысить жизненный уровень своего населения, укрепить свое положение в целом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Принимаю к сведению сказанное вами, г-н Федеральный канцлер. Для меня и для всего советского руководства очень важны ваши заверения в неизменности отношения к нашему совместно намеченному курсу, к тому, о чем мы договаривались в ходе встреч в Бонне на высшем уровне. Сказанное вами соответствует

и нашему настрою. Мы тоже за то, чтобы в полном объеме выполнять все, о чем было условлено.

Ваши намерения в отношении развития сотрудничества с Венгрией, как они были вами сформулированы, представляются интересными.

Г. КОЛЬ. В Польше, на наш взгляд, развитие тоже идет в позитивном направлении. Во время нашей последней беседы в Бонне мы обсуждали складывающуюся там ситуацию, возможности, которые могут открыться для воздействия на нее в положительном смысле, с тем чтобы помочь и государству, и польскому народу. ФРГ намерена оказать полякам экономическое содействие, принимая во внимание кризисное положение, в котором находится страна. Вы знаете, что у немцев к полякам особое чувство, мы являемся в какой-то степени их должниками.

Наши намерения помочь Польше, думаю, с пониманием будут восприняты в Советском Союзе. Обстановка складывается таким образом, что в середине ноября я смогу, наверное, совершить официальный визит в ПНР. Сразу же хотел бы заверить вас, что в наших контактах с польским руководством мы будем твердо придерживаться положений договора между ФРГ и ПНР, строго соблюдать его букву и дух.

До моей поездки в Варшаву у меня, наверное, возникнет потребность еще раз переговорить с вами по телефону. Надеюсь, что вы не будете возражать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Разумеется, звоните. Я буду только рад.

Сегодня я имел беседу с находящимся в Москве Раковским. Положение в Польше непростое, ее руководство ищет выхода из кризисной ситуации. Из беседы у меня сложилось впечатление, что поляки надеются на помощь Запада, в том числе ФРГ, на наше содействие, а также на помощь Америки. Я сказал Раковскому, что им следовало бы рассчитывать в первую очередь на самих себя.

Г. КОЛЬ. Это, разумеется, правильно. Мы тоже так считаем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если у вас все, г-н Федеральный канцлер, то хотел бы еще раз поблагодарить вас за звонок.

Г. КОЛЬ. У меня есть еще один, последний пункт для нашего разговора. Он касается ГДР.

Хотел бы заверить вас, что ФРГ ни в коей мере не заинтересована в дестабилизации ГДР, не желает ей плохого. Мы надеемся, что развитие там не выйдет из-под контроля, что эмоции последнего времени улягутся.

Единственное, чего нам хочется, — это то, чтобы ГДР присоединилась к вашему курсу, курсу прогрессивных реформ и преобразований. События последнего времени подтверждают, что ГДР уже созрела для

этого. Что касается ее населения, то мы за то, чтобы жители ГДР оставались у себя дома. Мы не собираемся их будоражить, склонять к каким-то действиям, за которые нас потом стали бы упрекать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Очень важно слышать такие высказывания из уст Федерального канцлера ФРГ. Надеюсь, что эти слова не будут расходиться с делами.

Г. КОЛЬ. Можете в этом не сомневаться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам надо бережно относиться к тому, что мы достигли в своих двусторонних отношениях, наполнять жизнью имеющиеся договоренности, а если понадобится, то и защищать их от отрицательных воздействий извне.

Я дал указание руководящим представителям нашего правительства внимательно следить за реализацией того, о чем мы договорились во время нашего визита в Бонн. Все вопросы находятся у нас в поле зрения, мы прилагаем усилия для их динамичной материализации.

Г. КОЛЬ. Я тоже держу под контролем комплекс вопросов двусторонних отношений с СССР, в том числе и их экономический аспект.

Мне думается, что к весне будущего года нам надо будет иметь обзорный материал, своего рода обобщающую справку о том, как идут дела в целом, что выполнено, что близко к реализации, а также о том, где имеется отставание, где еще есть неосвоенные резервы.

Считаю, что у нас состоялся хороший разговор. Прошу вас, г-н Генеральный секретарь, если я в чем-то понадобится, незамедлительно вступать со мной в телефонный или любой иной контакт. Я всегда в вашем распоряжении. Нам надо почаще общаться по телефону, следить за тем, чтобы интервалы между разговорами не были очень длительными.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я тоже за это. Нам надо поскорее ввести в действие линию специальной связи между Москвой и Бонном. Имеющуюся об этом договоренность надо форсировать.

Г. КОЛЬ. Я прослежу за тем, как этот вопрос решается у нас.

Позвольте в заключение еще раз сердечно приветствовать вас от имени моей супруги и от меня лично. Передайте наш сердечный привет вашей супруге.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прошу вас также передать привет вашей супруге от меня и от моей супруги. Желаю вам всего доброго, до свидания.

Беседа М.С. Горбачева с Вилли Брандтом

Москва, 17 октября 1989 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сердечно приветствую г-на Брандта и его коллег в Москве. Наши встречи стали уже традицией, являются важным элементом нашей внешнеполитической деятельности. С удовлетворением говорю о взаимопонимании. Это важно не только для двусторонних отношений, но и для Европы.

В. БРАНДТ. Согласен с вами. Думаю, что эти встречи весьма важны для обеих сторон. Хотел бы передать приветы от моих коллег по президиуму Социнтерна, а также из ФРГ, причем не только от моей партии, но и от господина Коля. За пару дней до отъезда в Москву я виделся с канцлером. На ваши похвалы в Берлине он обратил больше внимания, чем на критические замечания. У нас свежи еще воспоминания о вашем июньском визите в ФРГ. Он стал крупным событием. Не я один с интересом и большим уважением следил за вашей поездкой и в ГДР. Весьма внимательно слушали ваши высказывания там.

Разрешите представить моих коллег. Эгон Бар часто бывает в Москве...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это критика в его адрес? Для нас встреча с Баром — нормальная вещь.

В. БРАНДТ. Ганс Кошник — председатель внешнеполитической комиссии при Правлении СДПГ, Герхард Шрёдер из Нижней Саксонии, кстати, бывший «комсомолец», теперь повзрослевший (*оживление*).

М.С. ГОРБАЧЕВ. По своему опыту знаю, что и комсомольцы взрослеют.

В. БРАНДТ. Завтра Шрёдер собирается вылететь в Казахстан. Вы знаете, что нас интересуют вопросы, связанные с советскими гражданами немецкой национальности. Хочу сразу сказать, что наш интерес

заключается в том, чтобы они оставались в Советском Союзе, сохраняли свою культурную самобытность. Было бы хорошо, чтобы часть тех, кто уже уехал в ФРГ, вернулась обратно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам с вами и легко, и трудно разговаривать. Легко потому, что уровень взаимопонимания позволяет по-товарищески, открыто беседовать, обсуждать любые темы. А трудно потому, что мы не можем отделяться общими фразами.

У меня такое впечатление, скажу сильнее — убеждение, что в результате глубоких перемен, происходящих в социалистических странах, а также тех процессов, которые идут в социал-демократических партиях, мы становимся ближе друг к другу. Если мы говорим, что в нашем взаимозависимом мире мы должны искать способы жить в согласии с любой страной, какой бы выбор она ни сделала, то сам Бог велел искать сотрудничества, новых форм связей с социал-демократами не только по вопросам мира, но и в плане решения различных социальных задач. Вы и, разумеется, мы в первую очередь должны быть заинтересованы в том, чтобы перестройка у нас в стране удалась. По большому счету это касается всех, кто привержен идеям социализма. Мы чувствуем солидарность, понимание с вашей стороны. [...]

Между нами много общего, и его становится все больше. Мы должны быть сейчас особенно внимательны друг к другу в связи с теми поисками, которые ведутся в рамках социалистической перспективы как в соцстранах, так и у социал-демократов. На этом пути мы сможем предложить миру, цивилизации очень важные суждения, предложения, наше видение того, как будет выглядеть цивилизация в XXI веке.

Это предварительные замечания.

В. БРАНДТ. Хотел бы особо поддержать последнюю мысль: очень важно, чтобы перестройка привела к успеху. Я был бы благодарен вам, если вы скажете, чего ожидаете от так называемого Запада и от нас, социал-демократов, относящихся в основном к Западу, в плане помощи перестройке. Идет много разговоров о том, что социализм «кончается», изжил себя. Но я считаю, что мы имеем дело, с исторической точки зрения, с новым началом, с новым качеством социализма в очень крупной части мира.

Вчера мы встречались с советскими учеными, изучающими социал-демократию. Шел разговор о программах. Если взять развитое общество, то его экономика не может отказаться от элементов рынка. С другой стороны, процессы интернационализации подталкивают к решениям отнюдь не либералистского характера.

Мы попытались найти общий знаменатель для различных партий из Западной Европы, Латинской Америки, других частей мира. Не все

удалось, как нам хотелось бы. Но главное заключалось в том, чтобы наметить новое развитие в программной сфере, в том, что касается основных ценностей.

Мы не хотим создавать впечатления, что все, что было между нами в прошлом, прояснено и «переварено». Наряду с возможно близким соседством в духе нового мышления нам следовало бы наращивать практическое, прагматическое сотрудничество. Согласен с вами в том, что наряду с вопросами войны и мира — а они остаются приоритетными — необходимо взаимодействовать и в других сферах, достигая через такое сотрудничество нового качества отношений.

Завязывание практического сотрудничества не исключает, разумеется, дальнейшего обмена по вопросам основных ценностей. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. О нашем сотрудничестве можно сказать, что оно приобретает предметный характер. И не только по международным вопросам. Из этого мы исходили, когда давали согласие на открытие в Москве представительства Фонда имени Эберта.

Мы считаем полезными интенсивные обмены по проблемам социализма, которые беспокоят сегодня, по проблемам научно-технической революции, экологии, информации и т. д. Ваше предложение об обменах по этим проблемам, в том числе и о визите делегации вице-председателей Социнтерна мы приветствуем.

Не все мы прояснили, многое предстоит прояснить. Тем более, что мы, действительно, находимся и в процессе осмысления прошлого опыта, и ищем подходы к переходу в новое качество. И политическая, и теоретическая деятельность в этом направлении нарастает в партии. [...]

Сотрудничая друг с другом, мы остаемся самими собой как партии, но при этом взаимно обогащаемся. Идет процесс лучшего взаимопонимания. Может быть, пришло время подумать о том, что нужно предпринять для преодоления раскола 1914 года. Мне запомнилась ваша, г-н Брандт, позитивная реакция на эту мысль в одной из наших предыдущих встреч.

Что касается статьи для журнала, то это интересная идея. Надо будет подумать.

Что мы ждем от Запада в связи с перестройкой? Понимания. Чтобы в это переломное время не произошло того, что происходило в предшествующие десятилетия — каждый действовал по принципу: чем хуже, тем лучше для другого.

Слишком ответственный поворот происходит. Миттерану, Колю, Тэтчер я говорил: недопустимо, чтобы кто-то действовал сейчас как слон в посудной лавке. Это имело бы губительные последствия.

И все же большинство в мире понимают позитивное значение перестройки. И социал-демократы, Социнтерн поступают ответственно, когда выражают солидарность с нами. Стремление понять наши проблемы мы ценим. По достоинству восприняли ваше, г-н Брандт, обращение, касающееся отдельных аспектов нашей национальной политики. Мы говорим о возникновении нового доверия. Но сотворить перестройку должны мы сами. [...]

Что касается поставок нам каких-то товаров, хотя особого желания не видно, то иждивенчество рождает еще большее иждивенчество! Да и зачем нам эти подачки? Другое дело — нормальное сотрудничество в области экономики, экологии, культуры. Короче говоря, нормальная внешняя среда для нашей внутренней работы.

Самый большой дефицит у нас сейчас — в активной адекватной политике на всех направлениях. Мы часто не успеваем. В то же время мы не хотим бросать в общество незрелые плоды. А для вызревания нужно время. Так было с нашей платформой по национальному вопросу. Пока мы ее продумывали, проблемы продолжали накапливаться. И сейчас мы продолжаем еще чувствовать «остаточные» толчки этого «землетрясения». После принятия платформы процессы входят в более или менее нормальное русло. И все же есть люди, которые склонны все решать очень просто. Это весьма опасная публика. Со стороны нам подбрасывают разные идеи, привносят сумятицу. Я бы назвал это «нищетой философии». Предлагают либо вернуться к тому, с чего начали, закрыть перестройку. Либо одним махом все сломать. Вот и весь интеллектуальный потенциал! Это, я бы сказал, и «нищета политики», и безответственность.

Работа в экстремальных условиях приводит и к ошибкам, дефициту системного подхода. Дав предприятиям экономическую самостоятельность, мы не подумали о механизмах, которые удерживали бы этот процесс в определенных рамках. Монополизм у нас еще сильнее, чем у вас. Потребителю навязывают цены, и ему некуда деваться. Денежные доходы растут, а товаров не прибавляется. Раньше предприятия выпускали ассортимент: план им это навязывал. Теперь им это невыгодно, а общество лишается товаров. Не все мы здесь додумали. Нет у нас налоговой политики.

Сложная ситуация и на потребительском рынке. Много «дурных» денег. Если раньше ежегодный прирост товарооборота на 10–12 млрд рублей считался нормальным, то в прошлом году он составил 24 млрд, а в нынешнем выйдем на 29 млрд. И тем не менее полки магазинов пусты. Нам надо снять напряжение в обществе. Иначе будет нарастать критическое отношение к самой перестройке. Оно возникло, и от этого не отмахнешься.

И все же мы не теряем главного направления. Сейчас в стране обсуждается целый комплекс законов — о собственности, земле, аренде, кооперации. Они будут менять ситуацию в базисе, менять положение человека. Тут мы готовы использовать опыт и других стран. Но те, кто предлагают просто копировать чужой опыт, совершают очередную глупость. Мы должны всегда видеть реальное общество и в нем вызывать процессы, которые изменили бы его. Именно тут идут поиски.

[...] Одно уходит, а другое еще не пришло. Важно не потерять ориентиры, не сбиться на шатания. Мы переживаем момент, когда в обществе кристаллизуется понимание, что главное сейчас — это конструктивная работа. Постепенно, с трудом выходим из митинговой фазы. Она столько вытряхнула! Но она была необходима. Без нее не было бы перестройки. Все получили возможность высказаться. Это позволило людям понять себя.

Наше общество очень непростое для глубинных перемен, сильно обременено привычками и представлениями прошлого. В кровь и плоть вошла привычка ждать указаний от центра, отвыкли от ответственности. Распространены уравнилельные тенденции, в духе которых трактуется социальная справедливость. Идет масштабная ломка всего этого. [...]

У нас сейчас больше уверенности в успехе, ибо больше знаний, ибо мы вышли на фундаментальные вопросы: собственность, власть, культура. Все это приобретает качественно новое содержание. Это был мой отчет о перестройке.

(Далее беседа была продолжена один на один.)

М.С. ГОРБАЧЕВ. [...] Если бы мы могли побыстрее снять напряжение на потребительском рынке, многое прояснилось бы. Сейчас перестройка переживает острейший период. Огромная страна, огромное разнообразие условий. Накопились тяжелейшие проблемы. Сознание, замешанное на догматизме, консерватизме. Это все — масштабные препятствия. И в то же время выход в новое русло развития — в экономике, политике, в социальных процессах — будет иметь колоссальное значение для страны, для социализма, для мира.

В. БРАНДТ. Поддерживаю эту мысль.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу доверительно высказать нашу оценку ситуации. Главное в том, что альтернативы перестройке нет. Все выступают сейчас по различным проблемам, но никто так и не смог предложить альтернативы нынешнему курсу. Значит, стратегия правильная.

Вопрос в тактике, приоритетах, темпах перемен. Здесь большой разброс мнений.

Если социальная напряженность будет нарастать и ухудшатся условия жизни, то может оказаться достаточно любой спички. Поэтому судьба перестройки зависит от того, как удастся развязать эти узлы — рынок, финансы. Уже предпринят ряд мер, обдумываются и вырабатываются жесткие меры, чтобы обуздать негативные процессы, взять ситуацию под контроль.

Если с философской точки зрения обобщить суждения, которые высказываются сегодня, то вы найдете все от анархизма до монархизма. Но мы научились на все это смотреть спокойно.

В. БРАНДТ. Вспоминается мысль французского писателя Камю о том, что человек должен уметь смотреть на Сизифа как на счастливого человека.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Один прислал мне сувенир, олицетворяющий сто Гераклов.

В. БРАНДТ. Это почти та же мысль.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я вернулся из ГДР обеспокоенный и встревоженный. Там теряют время. В этой стране много сделано для человека. Дело, видимо, за тем, чтобы люди могли пользоваться не только материальными и социальными благами, но и имели возможность реализовать себя как личность. Я сказал в разговоре с немецкими товарищами: ваши бы проблемы нам! Сама жизнь дает вам сигналы, и вы должны реализовать их в политике.

В Берлине я счел нужным отреагировать на некоторые пассажи из бременской речи Коля. Он вроде бы понимает реальности. Но речь его продиктована тем, чтобы на националистическом коньке завоевать позиции на выборах, нанести удар по СДПГ.

Но национализм — это опасная штука. Мы это видим у себя. Поэтому в своем выступлении в Берлине я сказал, что канцлер отступил от Совместной декларации, принятой в Бонне. Он понял это и на днях звонил мне. Разговор был непростой, обсуждали разные темы. Канцлер все не решался заговорить о том, ради чего он позвонил. И лишь когда я стал благодарить его за звонок, он заговорил о ГДР. Подтвердил, что все остается в силе, как это было зафиксировано в Боннской декларации. Он исходит из имеющихся договоренностей, не хочет дестабилизации положения в ГДР. Я сказал, что принимаю к сведению сказанное им.

Еще раз возвращаюсь к теме, что в этот период глубоких перемен недопустимо никакое вмешательство. Канцлеру я не сказал, а вам скажу это, ибо вижу, что у нас с вами есть глубокое понимание про-

блемы. Так или иначе то, что происходит в руководстве ХДС, вызывает беспокойство и у Миттерана, и у Тэтчер. Это я почувствовал в последних беседах. И у американцев, хотя уверенности в этом нет, что-то происходит. Мне кажется, что США подумывают: то, что происходит между ФРГ и СССР, может привести к тому, что Советский Союз станет «крестным отцом» воссоединения Германии. И как бы они не решили, что это надо опередить. Но это мои предположения, основанные на наблюдениях. Коррективы в их линии есть.

Мы с вами давно заняли реалистические позиции, которые дали сильные импульсы процессам в Европе и открыли новый этап сотрудничества.

В. БРАНДТ. Недавно моя жена — историк по профессии — была в США. Там она встречалась с высокопоставленным чиновником из госдепартамента, дочерью посла Чарльза Болена, известного по советско-американским отношениям послевоенного периода. Она высказывалась в том смысле, что ключ к решению немецкого вопроса находится в Москве. И в США пока не знают, что произойдет в следующем раунде и как на это реагировать. Вот такое послание из Америки.

Нам не нравится, что из ГДР уезжают молодые люди. Уходит далеко не худшая часть общества, скорее те, кому живется лучше других. Следовательно, они переезжают в ФРГ не по материальным соображениям! Причина в том, что руководство страны не рассматривает их как граждан с правом голоса. Говорят, цифры бегущих увеличатся. В ГДР рождается новое самосознание. Там необходимо срочно что-то решать. Руководство должно вступить в диалог с широкой общественностью, а не только с блоковыми партиями.

Хочу затронуть вопрос о положении двух Германий в новом европейском мирном порядке. Во время вашего визита в Берлин мы обратили внимание на весьма важное заявление Герасимова, указавшего на стратегический фактор, связанный с советским военным присутствием в ГДР. Это важный факт, об этом надо говорить прямо. И это не означает, что там будет меньше войск. Но в отношениях между двумя самыми крупными державами это остается важным фактором.

Давно хотел поделиться с вами вот какой мыслью. Нельзя немецкие дела отделять от европейских дел. Если это так, если остальная Европа будет продолжать идти по пути сближения, срастания, то оба немецких государства могут обнаружить между собой больше общности в различных областях, чем с другими странами. Может быть, имеет смысл нарисовать перед ними в перспективе возможность обретения некоей «общей крыши» для взаимодействия в этих областях? Причем это не имеет ничего общего с воссоединением. Я вообще дав-

но выступаю против этого термина. Воссоединение означает возврат к прошлому, который, во-первых, невозможен и, во-вторых, не может являться нашей целью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Давайте подумаем. Тем более что, как я полагаю, у нас есть понимание того, что этот вопрос не стоит сегодня на повестке дня. В Европе идут интеграционные процессы. И будущее покажет, как будет выглядеть объединенная Европа. У истории достаточно фантазии. Не так давно я получил письмо от некоего Тоденхефера из ХДС, прямо-таки ультиматум. Аналогичное послание он направил Бушу, Тэтчер, Миттерану.

В. БРАНДТ. Его не следует принимать всерьез.

Еще один вопрос. Не думаю, что он приобретет серьезное значение, но упомяну о нем, поскольку идет откровенный разговор. В ГДР образовалась группа социал-демократов. Они считают себя не партией, а объединением. С ними лично я не знаком, но слышал, что они не хотят быть придатком СДПГ. Недавно получил от них письмо на имя Председателя Социнтерна и оказался в нелегком положении. С одной стороны, речь не может идти о приеме этого объединения в Интернационал. В то же время я не могу не реагировать на такое обращение. Пока что решил направить к ним своего шведского друга и дать тем самым понять, что адресат для них не СДПГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Что я бы сказал... По-моему, там начинаются серьезные перемены. Сегодня состоится заседание Политбюро, за которым, видимо, последует Пленум ЦК. Речь будет идти о широком диалоге партии с общественностью, населением. Я бы советовал подождать некоторое время, с тем чтобы не помешать идущим там процессам, проявить именно сейчас осторожность и сдержанность. Затем можно было бы, оценив ситуацию, происходящие процессы, выработать и реакцию на них.

В. БРАНДТ. Согласен с вами.

Для ГДР было бы очень важно изменить положение в средствах массовой информации.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен.

В. БРАНДТ. Меня занимает обстановка в Прибалтийских республиках. Нахожусь в контакте с нашими северными друзьями. Недавно в Бонне побывали Койвисто и Пассио. Говоря о взаимоотношениях Финляндии с Эстонией, они заявили, что намерены развивать их по линии экономики и культуры — благо языки очень схожи — и воздерживаться от любого вмешательства и создания каких-либо помех.

Шведский руководитель Карлссон заверил меня, что, развивая традиционные, еще со времен Лифляндии, шведско-латышские связи

в различных областях, они не намерены мешать Советскому Союзу. Думаю, что вы можете не беспокоиться по поводу позиции этих стран.

Сложнее обстоит дело с Литвой. У нее на Севере Европы нет твердого партнера. В Дании, правда, разгорелась демагогическая конкуренция между консерваторами и социал-демократами на предмет первенства в контактах с Литвой. Нашим товарищам в Копенгагене я порекомендовал оставить это дело. Надеюсь, меня послушают.

Социал-демократический обер-бургомистр рурского города Дуйсбурга, поддерживающего партнерские связи с Вильнюсом, поедет, наверное, туда с моим заданием оценить обстановку. Наше влияние в этом регионе невелико. Но заверяю вас, что если мы и воспользуемся им, то лишь в интересах успокоения. Если будет нужно, мы скажем кое-кому: ставить под вопрос федерацию в СССР — это просто играть с огнем. Сохранение же федерации открывает широкие возможности для сотрудничества между республиками.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это, действительно, так. Я много общаюсь с депутатами от Прибалтики. Встречаясь с ними, стараюсь довести до них простую мысль: мы еще никогда не жили вместе в условиях настоящей федерации. То, что есть, называли федерацией, а было унитарное государство. Теперь республикам предоставляется экономическая самостоятельность, реальным содержанием наполняется их суверенитет, даем полную свободу развитию культуры, языка, самобытности.

В. БРАНДТ. Время истекает. Я хотел затронуть еще ряд вопросов, связанных с европейскими делами, глобальной проблематикой. Думаю, будет лучше сформулировать их письменно, в виде памятной записки. Передам ее вам через Фалина.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен. Это будет весьма интересно для нас.

Благодарю за содержательную беседу и, главное, за то доверие, человеческую симпатию, которые установились в наших отношениях. Передайте привет членам руководства Социнтерна.

В. БРАНДТ. Благодарю вас.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Беседа М.С. Горбачева с Э. Кренцем⁵¹ 1 ноября 1989 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Советских людей глубоко интересует все, что происходит сейчас в ГДР. Надеемся получить от вас самую живую информацию, хотя, конечно, мы многое знаем. Развитие ситуации в ГДР, судя по всему, набирает высокие темпы. Нет ли опасности отстать от перемен? Мы с вами, помните, еще в Берлине говорили, что отставание — это всегда проигрыш. Знаем это и по собственному опыту.

Хорошо, что вы признали необходимость диалога, иначе не может действовать серьезная партия. Люди сейчас у вас высказывают различные суждения. Важно умело управлять этими процессами, не пугаться их. Это я говорю, тоже опираясь на собственный опыт. Иногда приходилось заставлять некоторых своих товарищей в угнетенном состоянии, которое вызывалось нахлынувшими на нашу жизнь крутыми переменами. Я всегда говорю в подобных случаях: мы же сами стремились вызвать перемены, и теперь они начались. Пусть не все идет так, как представлялось ранее, но не нам же бояться собственного народа.

Не скажу, что мы уже «оседлали коня перестройки», который оказался довольно ретивым. Во всяком случае, далеко еще не объездили его. Он порой пытается и сбросить седока наземь. Но опыт приобрели, чрезвычайно важный.

Приветствую твой приезд к нам, от души желаю успехов на новом поприще. Ваша страна, народ, партия стоят перед глубокими переменами, и мы будем с вами в это непростое время. Все, что происходит в ГДР, находит самый живой отклик у советских людей. После вас самих, наверное, больше всего желает вам успехов наш народ. Из этого вы можете твердо исходить.

Э. КРЕНЦ. Большое спасибо за искренний и сердечный прием. Просили передать привет все члены Политбюро. Очень признателен за то, что меня принимают в Москве сразу же после нашей просьбы. Многие острые для нас вопросы удалось продвинуть в результате твоего визита в ГДР на празднование 40-летия. Все прежде всего восприняли твою мысль о том, что того, кто опаздывает, непременно наказывает жизнь. Все сказанное тобой нашло большой отклик и дало толчок борьбе вокруг определения нашей будущей политики.

Бесспорно, за прошедшие десятилетия мы добились больших успехов и, празднуя 40-летие, обоснованно отметили непреходящие результаты деятельности партии, всего народа. На прочном фундаменте всего того, что было сделано, мы можем строить и дальнейшие планы. Но люди у нас были очень недовольны тем, что средства массовой информации создавали иллюзорный мир, не соответствующий реалиям жизни. Пропаганда расходилась с практикой. Партия стала терять доверие народа, а это самое страшное, что может случиться с правящей партией.

Некоторые говорят, что, мол, главная причина обострения обстановки — события трех последних месяцев, то, что партийное руководство молчало, когда тысячи людей покидали страну. Это серьезная критика, и ее нельзя не учитывать. Была допущена и серьезная психологическая ошибка: в нашей печати заявлялось, что мы не станем проливать слезы из-за тех, кто уехал. А ведь у этих людей есть матери, отцы, другие родственники, друзья, и просто по-человечески нельзя не пожалеть о том, что мы теряли своих граждан.

На Политбюро мы пришли к выводу, что политический кризис сложился не только за эти несколько месяцев. Многие проблемы накапливались годами. Нереальными, во многом ошибочными были исходные позиции XI съезда партии. Его экономические решения основывались на субъективистских взглядах. Практически не была учтена широкая гамма мнений, которая высказывалась в то время в партии и в народе.

Но коренная ошибка была, пожалуй, в том, что не были сделаны серьезные выводы из новых процессов общественного развития, начавшихся в СССР, других социалистических странах, назревших и в самой ГДР. Ведь если у тебя есть главный союзник, ты должен понимать и разделять его проблемы и трудности. Нельзя на словах декларировать дружбу и союзничество, а на деле держаться в стороне, когда он пытается решить свои нелегкие проблемы. Люди мыслящие почувствовали, что у нас вдруг не стало единства с Советским Союзом, и этот барьер возвели мы сами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сейчас люди получают информацию отовсюду, в том числе с Запада, сами анализируют ее, сами способны делать свои выводы.

Э. КРЕНЦ. Да, к сожалению, мы отдали проблемы перестройки на откуп западным средствам массовой информации, не давали своих оценок, не вели диалог со своей общественностью.

Остро ударил по политическому сознанию людей запрет советского журнала «Спутник». И дело, конечно, не в самом журнале — гражданину ГДР дали почувствовать, что он несвободен в обращении именно к советским источникам информации, хотя в то же время мог свободно смотреть западное телевидение. Произошел глубокий срыв в политическом сознании, негативные последствия которого были достаточно серьезны. Поэтому не случайно одним из первых наших шагов стала отмена запрета «Спутника».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это, кстати, не лишает вас права критиковать в своих изданиях те материалы «Спутника», с которыми вы не согласны. В наших средствах массовой информации сейчас печатают что угодно.

Э. КРЕНЦ. Теперь, когда мы начали в своих средствах массовой информации настоящий диалог, наша «актуальная камера» (телепередача по типу вашего «Времени») стала привлекать больше внимания, чем передачи западного телевидения. И хотя у нас пока нет цельной концепции решения возникших перед страной проблем, успехом является уже то, что они обсуждаются сейчас в самой ГДР, а не только на Западе.

Хочу сказать, что путь к IX Пленуму ЦК СЕПГ был очень нелегким. По договоренности с товарищем Штофом я готовил проект заявления по актуальным политическим вопросам. Он носил компромиссный характер, он исходил из того, что Хонеккер останется во главе партии. Мы еще надеялись, что вместе с ним сможем выйти из создавшегося положения. Однако, когда Эрих получил проект, то счел, что он направлен лично против него. Он сам сказал мне об этом, заметив, что сам никогда не предпринимал ничего ни против Пика, ни против Ульбрихта. Это не соответствует фактам, но Хонеккер сказал именно так. Если внесешь этот проект, заявил он, будет раскол в руководстве, и, кроме того, станут невозможны кадровые перемены, которые намечались при определенных условиях.

Несмотря на эти угрозы, я все-таки внес проект на обсуждение Политбюро. На заседании Хонеккер сразу же подчеркнул это. Однако все, кроме одного, поддержали проект заявления. Правда, была предпринята попытка ослабить его, поручив доработку Миттагу и Херману. Я, со своей стороны, подключил Шабовского.

М.С. ГОРБАЧЕВ. С политической точки зрения ситуация ясная, но чисто по-человечески драматическая. Я это тоже переживал. У меня в общем-то были неплохие отношения с Хонеккером, но в последнее время он оказался как бы слепым. Ведь если бы он по собственной инициативе два—три года назад пошел на необходимые перемены в политике, все бы было во многом по-другому. Но, видимо, у него произошел какой-то сдвиг, он перестал видеть реальные процессы в мире и в собственной стране. Это человеческая драма, а поскольку Хонеккер занимал очень высокий пост, то она переросла в драму политическую.

Э. КРЕНЦ. Да, ты прав, это драма и для меня — Эрих Хонеккер меня воспитал, был моим политическим наставником.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На этом кое-кто сейчас спекулирует, но, думаю, тебя не должно это смущать.

Э. КРЕНЦ. Поворот у Хонеккера произошел, пожалуй, как раз с 1985 года, с твоего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС. Он увидел в этом угрозу для своего авторитета, так как именно себя считал самым динамичным политическим лидером. Его покинуло чувство реальности, он совершенно не опирался на коллектив Политбюро. И очень плохую услугу в этом плане ему оказали Миттаг и Херман. Первый — как стратег, а второй — как исполнитель.

Вчера на Политбюро мы обсудили экономическое положение. Пожалуй, впервые была представлена неприкрашенная картина, такого откровенного и полного анализа у нас еще не было. И выяснилось, что ситуация в финансах крайне тяжелая.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это знакомая картина. В свое время я, будучи уже членом Политбюро, практически не знал нашего бюджета. Как-то мы с Рыжковым выполняли поручение Андропова, связанное с бюджетными делами, и, естественно, решили, что нам нужно лучше с ними познакомиться. Андропов сказал: не лезьте сюда, это не ваше дело. Теперь-то мы знаем, почему он так сказал. Ведь это был не бюджет, а черт-те что.

Э. КРЕНЦ. Девизом нашего пленума мы избрали: «Глядеть прямо правде в глаза». Но если изложить всю правду, как она есть, это было бы шоком.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы знали о положении у вас, о ваших экономических и финансовых связях с ФРГ, понимали, чем все это может обернуться. Со своей стороны добросовестно выполняли свои обязательства перед ГДР, в том числе по поставкам нефти, хотя некоторое ее количество в свое время пришлось снять. Хонеккер в этих делах не был достаточно искренен с нами. Мы знали об этом, но проявляли

выдержку, терпение, руководствуясь самыми высокими политическими соображениями.

Э. КРЕНЦ. Многие наши товарищи тоже давно знали об этом, но молчали, считая, что нельзя нарушать единство партии. Вчера, однако, на Политбюро сильно прозвучала мысль, что сохранение единства во что бы то ни стало может оказаться дурной услугой, если нет откровенности и честности, если люди не смеют высказывать собственное мнение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если бы Хонеккер слушал не только Миттага, но и тебя, Штофа, Кроликовского, других здравомыслящих товарищей, делал из этого объективные выводы, то было бы совсем другое дело. Но он, насколько нам известно, унижал Штофа. А как он обращался с Модровым — просто, можно сказать, «подрезал» человека.

Э. КРЕНЦ. Два года назад мне было поручено снять его с работы. Актеры Дрезденского театра направили два письма в поддержку перестройки: одно — в Берлин, а другое — тебе, в Москву. Тогда Хонеккер поручил мне поехать в Дрезден, чтобы снять Модрова. Я поехал, мы откровенно поговорили и применили такую тактику: его покритиковали, но оставили на месте.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вопрос о единстве очень важен. Но нужно единство не формальное, а основанное на уважении к мнениям других товарищей, на обмене разными точками зрения, на объективном синтезе различных суждений. Там же, где лидер теряет свои позиции, он цепляется за формальное единство. Вы, помнится, сильно расширили Политбюро. Это, очевидно, делалось для того, чтобы разводнить его.

В нашем Политбюро сейчас все говорят, что думают, высказываются свободно и широко. Поэтому иногда приходится заседать днями, а то и ночь прихватываем. Всесторонний, объективный подход создаст совершенно иную ситуацию.

Э. КРЕНЦ. Вчера, пожалуй, впервые у нас было такое эмоциональное заседание Политбюро. Оно продолжалось три часа сверх намеченного времени. Экономическое положение столь сложно, что связывает нам руки для принятия необходимых политических решений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По нашим данным, прирост производства у вас составляет не 4–5%, а на 2% ниже.

Э. КРЕНЦ. Это еще кто-то очень щедро посчитал. Кроме того, прирост, выраженный в деньгах, — одно, а реальный прирост — совсем другое. Вызывают беспокойство слишком большие затраты на микроэлектронику. Они в несколько раз выше международных стандартов, ежегодная субсидия составляет 3 млрд марок. Конечно, нужно и дальше развивать ключевые технологии, но нельзя не считаться с затрата-

ми. Да и население все это видит. Нам говорят: хорошо, получена схема в один мегабит, но ведь на прилавках нет соответствующих потребительских товаров.

Одним из ключевых вопросов является выплата долгов. Ты знаешь наш платежный баланс. К концу 1989 года долг составит 26,5 млрд долларов или 49 млрд валютных марок. Доходы в иностранной валюте составляют 5,9 млрд долл. (выручка от экспорта и других платежей), а расходы — 18 млрд долл., включая выплаты процентов по займам. Таким образом, дефицит составляет 12,1 млрд долларов. Это заставляет брать новые кредиты. Одни выплаты по процентам составляют 4,5 млрд долл. в год, а это 62% всей выручки за экспорт.

В общем мы потребляли больше, чем производили. Народ требует улучшения своего материального положения, но он не знает, насколько ограничены наши возможности. Чтобы выровнять платежный баланс, понадобилось бы процентов на 30 снизить жизненный уровень.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Такая ситуация нам знакома. Я бы посоветовал найти способ в общей форме дать понять людям, что вы жили не по средствам, а потом, со временем, осветить ситуацию подробнее.

Э. КРЕНЦ. Думаю, уже на ближайшем Пленуме я скажу об этом в общем виде. Для нас очень важно сохранить экономическую стабильность, обеспечить необходимые выплаты долгов. Если придется обращаться к Международному валютному фонду, положение может оказаться исключительно сложным.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы постараемся выполнить свои обязательства перед ГДР. Наши поставки сырья — это очень большое облегчение для вас.

Э. КРЕНЦ. Мы очень благодарны Советскому Союзу за эти поставки. К сожалению, в народе многие не очень хорошо знают, что они значат для ГДР. Недавно Шюрер доложил, какую уйму денег пришлось бы нам платить на капиталистическом рынке за эти товары. К тому же весьма проблематично, удалось ли бы их там получить. В конце 70-х — начале 80-х годов у нас много писали о том, насколько жизненно важны для нас советские поставки. Надо и сейчас делать это.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, конечно, делать спокойно, без крика, но люди должны знать реалии... В том, что касается экономических связей, хотел бы также сказать о необходимости проведения принципиальной и вместе с тем гибкой линии по отношению к ФРГ. Оттуда, видимо, будут нажимать на вас. Надо действовать так, чтобы решения, касающиеся ГДР, принимались в Берлине, а не в Бонне. Но, повторяю, нужно быть и достаточно гибкими, так как может последовать сильный удар.

Э. КРЕНЦ. Согласен. Вообще был бы очень благодарен за советы, касающиеся отношений с ФРГ. Хотелось бы яснее представить себе, какое место Советский Союз уделяет ФРГ и ГДР в общеевропейском доме? Это очень важно для нас. Мы исходим из того, что ГДР — это дитя Советского Союза, а ведь порядочные люди всегда признают своих детей, по крайней мере позволяют давать им свое отчество. *(Оживление.)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вчера Яковлев принимал Бжезинского, а это, как вы знаете, голова с «глобальными мозгами». И он сказал: если бы события сегодня повернулись так, что стало реальностью объединение Германии, то это был бы крах для многого. Думаю, мы до сих пор проводили правильную линию: твердо выступали за сосуществование двух немецких государств и в результате вышли на широкое международное признание ГДР, добились Московского договора, дали толчок Хельсинкскому процессу. Поэтому надо уверенно продолжать именно эту линию.

Ты должен знать: все серьезные политические деятели — и Тэтчер, и Миттеран, и Андреотти, и Ярузельский, и те же американцы, хотя в позиции последних сейчас проявляются некоторые нюансы, — не стремятся к объединению Германии. Более того, в нынешних условиях оно имело бы взрывной характер. Большинство западных лидеров не хотят роспуска НАТО, как и Варшавского Договора. Серьезные политики понимают, что все это факторы необходимого равновесия. Хотя, скажем, Миттеран считает нужным упомянуть и о своем сочувствии к идее объединения Германии. О подобном сочувствии к тяге немцев объединиться поговаривают и американцы. Но, думаю, они это делают в угоду Бонну и в какой-то мере опасаясь чрезмерного сближения ФРГ и СССР. Таким образом, повторю, сейчас самое верное — продолжать ту линию в германских делах, которую мы до сих пор успешно вели.

Кстати, такого же мнения придерживается Брандт. Он полагает, что ГДР — это огромное завоевание социализма, хотя, конечно, социализм понимает по-своему. Ликвидация республики, по его мнению, была бы крахом для социал-демократов. Поэтому, думаю, всем нам надо исходить из формулы: история распорядилась так, что есть два немецких государства. Но, конечно, вам никуда не деться от ФРГ. Потребность в человеческих контактах предполагает нормальные отношения с нею. Вам нельзя обрывать связи с ФРГ, хотя, конечно, они должны быть под контролем.

Уверен, что нам стоило бы лучше координировать связи с ФРГ, от чего Хонеккер в какой-то мере уклонялся. Мы знаем о ваших отно-

шениях с ФРГ, вы знаете о наших. Так что же здесь темнить, утаивать друг от друга! Стоило бы подумать и о возможностях тройственного сотрудничества между СССР, ГДР и ФРГ, особенно в экономической сфере. Ведь в свое время была даже специальная советско-гедезэровская комиссия по координации. Формально она не ликвидирована до сих пор, хотя уже давно не действует. Кажется, от ГДР в нее входит Миттаг.

Э. КРЕНЦ. Видимо, он и приложил руку к тому, чтобы комиссия перестала работать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо восстановить работу такой комиссии, разумеется, с учетом происходящих перемен. Думаю, для нас было бы выгодно использовать потенциал ФРГ, постараться привязать ее к нам, тем более что и там кое-кем проявляются встречные настроения. Правда, ФРГ готова во многом пойти навстречу Советскому Союзу в обмен на наше содействие в объединении Германии. Американцы прямо говорят, что ключи к нему лежат в Москве. Они не прочь нас столкнуть с западными немцами. Процесс сближения СССР и ФРГ им, повторяю, очень не нравится.

[...] Словом, нам с вами надо хорошо обдумать все, что касается отношений с ФРГ. Тем более в вашей ситуации дело может обернуться так, что будет не до идеологии. Надо быть очень расчетливыми. Вы, видимо, чувствовали бы себя уверенней при нашем участии в тройственных связях. Это было бы выгодно для всех и в то же время помогло в ваших политических отношениях с ФРГ, способствовало бы упрочению в целом позиций ГДР. Кроме того, вам стоило бы смелее выходить на связи с другими западными государствами, а не только с ФРГ. Это тоже будет укреплять ваши позиции в отношениях с Бонном.

В Венгрии и Польше сейчас сложилось такое положение, что им, как говорится, деваться некуда, настолько они погрузились в финансовую зависимость от Запада. Сейчас кое-кто нас упрекает: куда, мол, смотрит Советский Союз, почему он позволяет Польше и Венгрии «уплывать» на Запад. Мы ведь не можем взять на содержание Польшу. Герек набрал долгов... Польша уже выплатила 49 млрд долл. и все равно должна еще выплатить почти 50 млрд. А что касается Венгрии, то еще при Кадаре в 1987 году Международный валютный фонд продиктовал ей жесткий ультиматум.

Э. КРЕНЦ. Это не наш путь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо учитывать это и в отношениях с ФРГ.

Что касается того, как в конечном счете решится немецкий вопрос, то вряд ли нам нужно сейчас гадать об этом. Надо исходить из ситуации, которую «подарила» история. Не считаться с этой реально-

стью — это худший вариант политики. Может быть, через сколько-то десятков лет, если будут нормально развиваться интеграционные процессы в Европе, иначе будет выглядеть и немецкий вопрос. Хотя и сейчас, говоря о западноевропейской интеграции, на Западе говорят о сохранении определенной политической, культурной и иной самобытности отдельных стран.

Словом, сегодня вопрос об объединении Германии не актуален. Прошу передать это наше твердое убеждение Политбюро и ЦК СЕПГ. Повторяю, такое понимание есть и у наших партнеров по антигитлеровской коалиции, что, конечно, немаловажно. Сейчас на первом месте — облагораживание отношений в Европе, иначе все может взорваться.

Э. КРЕНЦ. Согласен с такой постановкой вопроса. Она требует идеологического обеспечения. В начале 80-х годов Хонеккер выдвинул пять известных требований к Бонну — признание гражданства ГДР и т. д. С тех пор мы заключили ряд договоров с ФРГ, но ни одно из наших требований, по сути дела, удовлетворено не было. Более того, создалось ложное положение: люди видят, что Хонеккер, Миттаг, Кренц ездят в ФРГ, почему же им это заказано?

Один непростой для нас вопрос. Ты часто говоришь об общечеловеческих ценностях. Я тоже выступаю за них. Но есть еще и общегерманские проблемы. В этой связи деидеологизация отношений между ГДР и ФРГ чревата для нас большими осложнениями, означала бы отказ от защиты социализма в ГДР. Сложные проблемы связаны с Берлинской стеной, с режимом на границе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо все это обдумать и найти формулы, которые позволили бы людям реализовывать их человеческие потребности...

Э. КРЕНЦ. Мы уже предприняли ряд шагов. Во-первых, дали указание военным не применять оружие на границе, за исключением случаев прямого нападения на пограничников. Во-вторых, приняли на Политбюро проект закона о заграничных поездках. Вынесем его на всенародное обсуждение и рассчитываем принять в Народной палате еще до Рождества. В проекте закона предусматривается, что каждый гражданин может за определенную плату приобрести заграничный паспорт и получить выездную визу. Исключение будет делаться только по соображениям безопасности. Другим ограничением будет сильная нехватка валюты для обмена на марки. Нас, конечно, будут за это критиковать, но придется сказать, что мы не можем не считаться с реальностями. [...] В среду 8 ноября на X пленуме ЦК СЕПГ мы будем рассматривать пути дальнейшего развития ГДР. Там мне предстоит ответить на вопрос, как и почему мы дошли до положения,

которое сложилось на сегодня. Если не дать на это серьезного ответа, члены ЦК будут остро критиковать Политбюро.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На мой взгляд, твоя речь в Народной палате была очень позитивной. На первую речь реакция, как известно, была сдержанной. Надо углублять позицию, идти дальше. Кстати, мы информировали о своей поддержке перемен в руководстве ГДР ведущих политиков ряда стран, в том числе Буша, Тэтчер, Миттерана. Все ответили позитивно.

Э. КРЕНЦ. Я от всех получил поздравительные телеграммы. Большое спасибо за такую поддержку. Состоялся разговор по телефону с Колем. Он сказал, что у него постоянная связь с Горбачевым, предложил наладить ее и со мной. Я согласился, сказав, что лучше разговаривать друг с другом, чем друг о друге.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это неплохо.

Э. КРЕНЦ. Он сразу предложил обсудить вопрос о поездках, окружающей среде, Западном Берлине. Я сказал, что мы можем говорить по всем вопросам, но лучше начинать с того, о чем можно договориться. Дал понять, что у нас есть встречные интересы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Коль явно заволновался, когда я в речи в Берлине упомянул о превратном толковании некоторых наших договоренностей с ФРГ. Он немедленно позвонил мне в этой связи.

Э. КРЕНЦ. С ним надо считаться, это реальная фигура... Думаю, у нас будет бурный Пленум ЦК.

Выступать хотят многие и, конечно, будут ставить вопрос об ответственности Политбюро как коллектива, а также о лично моей ответственности. Надо будет найти умный ответ, а главное — принять программу действий. Партия сейчас в очень сложном положении, так как жизнь, по сути дела, опрокинула решения VII и VIII Пленумов ЦК. Сейчас мы сказали, что хотим обновления, но как и что обновлять — пока надо всем нам над этим думать. Главное — нужно сказать, что мы понимаем под лучшим, более привлекательным, современным социализмом, за какие ценности боремся.

Крупный вопрос — это радикальная экономическая реформа. Видимо, укажем на ее главные направления и поручим правительству подготовить соответствующие разработки. Подчеркнем, что реформа должна быть в рамках социализма.

Ясно, что необходимо широкое развитие демократии. В этой связи большая проблема — выборы. Здесь надо учесть все замечания, высказанные до сих пор. Предстоит отразить в Конституции вопросы свободы прессы, гласности, защиты достоинства и свобод личности.

Во многом заново надо будет осмыслить руководящую роль партии в новых условиях, высказать соображения относительно ее Устава. Нужны гарантии, исключающие субъективизм. В этой связи речь пойдет и об ограничении сроков полномочий Генерального секретаря ЦК, других руководителей партии.

Предстоит решить ряд кадровых вопросов. Попросили о переходе на пенсию Мильке, хотя я его уговаривал подождать, ведь это мой друг, можно сказать, отец, Нойман, Мюккенбергер, Хагер (кстати, его фраза о том, что перестройка — это «переклейка обоев», лишь повторение чужой формулировки, которую он воспроизвел в силу высокой дисциплинированности), Аксен. Все они опытные люди, их уход непростое дело. До съезда хотел бы остаться на своем посту Зиндерман, но в партии широко высказываются за отставку стариков. Даже Штоф в поле критики. Буду его защищать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По-моему, нельзя валить всех в одну кучу. Вот Штоф, например, всегда держался достойно, принципиально.

Э. КРЕНЦ. Очень критикуют сейчас Тиша. Он допустил одну очень серьезную ошибку: выступая на телевидении, возложил всю ответственность за критическое положение на низовых работников, сказал, что, мол, они виноваты во всем, поскольку слишком прислушивались к секретарям партийных организаций. Это вызвало массовые протесты. Многие требовали его отставки с поста Председателя совета профсоюзов. Мы на Политбюро воздержались от рекомендаций, посоветовали профсоюзам решить вопрос самим. Вчера Тиш сказал, что уйдет в отставку.

Сложная ситуация возникает в связи с массовыми демонстрациями. В них участвуют разные группы, есть и наши явные противники, но в большинстве просто недовольные существующим положением. Выступая в Народной палате, я подчеркнул, что политические проблемы можно решать только политическими средствами. Стремимся, по возможности, не прибегать к использованию полиции. Предстоящий уик-энд будет для нас очень серьезным: на 4 ноября, субботу, намечается крупная демонстрация в Берлине. В ней намерены участвовать 17 творческих союзов — артисты, писатели и т. д. Может собраться до полмиллиона человек.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Накануне поездки в Берлин мне было передано письмо, в котором от имени «Культурбунда»⁵² прямо говорилось, что, если в ГДР не будет позитивных перемен, «Культурбунд» выступит с прямым обращением к народу.

Э. КРЕНЦ. Если бы Хонеккер на праздновании 40-летия выступил по-другому, сказал о необходимости перемен, то и вся ситуация

могла бы выглядеть несколько иначе. Сейчас мы призвали коммунистов участвовать в демонстрациях. Среди предполагаемых ораторов выступит и Шабовский. Это для нас своего рода эксперимент.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Партия должна быть там, где массы.

Э. КРЕНЦ. Мы исходим из того, что отнюдь не все демонстранты наши противники. Вместе с тем принимаем меры против массового выхода к Берлинской стене. Там будет полиция. Если будут попытки прорывов в Западный Берлин, возникнет тяжелейшая ситуация: придется вводить чрезвычайное положение. Но, думается, до этого не дойдет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо все сделать, чтобы это исключить, хотя верно и то, что следует учитывать и возможность худшего варианта.

Э. КРЕНЦ. В ходе демонстрации выдвигаются следующие лозунги: назвать ответственных за создавшееся кризисное положение; отставка стариков, кадровые перемены в правительстве; свобода выезда за границу; изменения в профсоюзах, Союзе молодежи; новый Закон о выборах; легализация оппозиции, отмена привилегий, свобода печати, улучшение снабжения населения, обеспечение ритмичности производства.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это серьезные требования. Необходим и серьезный пленум.

Э. КРЕНЦ. Когда у нас на днях был Михник, западные корреспонденты спрашивали: что я думаю об оппозиции? Я сказал, что те, кто на улицах требует лучшего социализма, — это мои соратники, а не оппоненты, мы против того, чтобы превращать их в преступников. Очень осторожно приходится подходить к вопросу о признании таких организаций, как «Новый форум». Есть опасность, что они могут превратиться в подобие польской «Солидарности».

[...] Хотел бы особо подчеркнуть несколько принципиальных подходов, которыми мы руководствуемся.

Главное — то, что мы приходим к единению в наших мыслях и сердцах. Чувствуем искренний, открытый подход с вашей стороны и со своей стороны, обязательно хотим вернуться к открытым, честным отношениям с вами.

Когда ты был в Берлине, то, конечно, почувствовал, насколько сердечно приветствовала тебя вся молодежь, над всем городом звучало: «Горби, Горби!». Меня даже кое-кто упрекал: «Что это за празднование ты подготовил?». Но такую встречу невозможно было искусственно подготовить. Она лишь свидетельство того, что никому не удалось испортить отношение молодежи ГДР к Советскому Союзу, перестройке.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Откровенно говоря, это создавало для меня неловкую ситуацию, особенно во время факельного шествия, когда я стоял рядом с Хонеккером.

Сегодняшняя встреча очень важна для наших партий и стран.

В это ответственное время мы вместе, рядом. Об этом должны знать все, это очень важно для социалистических стран, для всего мира. Сейчас западные немцы особенно остро интересуются, о чем Кренц договаривается с Горбачевым.

Разделяю размышления, которыми ты здесь поделился... Говоря об этом, вспоминаю и некоторые наши горькие уроки. Кое в чем мы серьезно просчитались, прежде всего в экономике...

Всем нам надо работать над более глубоким пониманием социализма, перспектив его развития в подлинно гуманистическом направлении. Это сложный и долгий процесс.

Кое-кто настороженно относится к таким поискам. Болезненно, например, переживает то, что происходит у нас, Фидель (Фидель Кастро. — *Ред.*). Но когда я в последней беседе с ним прямо дал понять, что мы никому не навязываем своих методов, приемов, конкретных подходов, то он, похоже, несколько успокоился. Я и сейчас не устаю подчеркивать, что революцию, перестройку невозможно никому навязать, она должна вызреть. Вот она вызрела и в ГДР. И вам виднее, как ее конкретно вести. Это сфера вашей компетенции и вашей ответственности. Мы, как ты знаешь, проявляли со своей стороны выдержку, не позволяли высказывать какое-либо раздражение, хотя поводы для этого были.

Теперь и у вас общество «разряжается», похоже, довольно грозно. И опять хочу подчеркнуть: в этих новых условиях надо действовать с учетом вашей конкретной ситуации. Конечно, есть общие критерии, определенные компоненты социалистической идеи, социалистической политики, социалистического развития. Но нет схем, подходящих для всех условий и времен. Тем более что сейчас разворачивается полемика и по принципиальным вопросам, касающимся самого понимания социализма. [...]

Думаю, обстановка творческого поиска будет все более характерна и для ГДР; тем более что у вас экономическое положение, как мне уже приходилось говорить, получше нашего. Хотя, как показала жизнь, недостаток колбасы — это еще далеко не все, что нужно сейчас людям. Еще Аристотель говорил: «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим, чтобы жить». Это я имел в виду и когда говорил в Берлине о современном значении лозунга древних римлян «Хлеба и зрелищ».

Э. КРЕНЦ. Все это хорошо поняли, кроме Хонеккера.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне говорили, что он и наши беседы на Политбюро не воспринял адекватно. Но никакого недоброжелательства у нас к нему, конечно, нет. Если бы он два—три года назад сделал правильные выводы, это имело большое значение и для ГДР, и для него лично. В любом случае нельзя отрицать всего, что сделано у вас партией и народом за прошедшее время. В этом у нас с тобой полное взаимопонимание.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из дневника А.С. Черняева

10 ноября 1989 года

Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории «социалистической системы».

За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер. Сегодня пришло сообщение об «уходе» Дэн Сяопина и Живкова. Остались «наши лучшие друзья»: Кастро, Чаушеску, Ким Ир Сен, ненавидящие нас яро.

Но ГДР, Берлинская стена — это главное. Ибо тут уже не о «социализме» речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии...

Вот что «наделал» Горбачев. Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в «естественное русло».

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем

11 ноября 1989 года

(Беседа состоялась по просьбе Г. Коля)

Г. КОЛЬ. Весьма рад приветствовать вас, г-н Генеральный секретарь. Хотел бы выразить признательность в связи с вашим вчерашним обращением. Это очень хороший шаг. В связи с последними событиями я был вынужден прервать свой очень важный визит в Польшу, однако сегодня через 2 часа вновь вылетаю в Варшаву. Завтра мне предстоит весьма обстоятельный разговор с господином Ярузельским. Полагаю, было бы очень хорошо, если бы я смог, сославшись на наш сегодняшний разговор, передать ему привет от вас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В свою очередь рад приветствовать вас, г-н Федеральный канцлер. Высокая степень взаимного понимания и доверия, которыми отличается советско-западногерманское сотрудничество на современном этапе, характеризует и сложившиеся между нами личные отношения. Наша нынешняя беседа отражает это новое качество в отношениях и, думается, такую форму обмена мнениями следует практиковать шире. Пользуясь случаем, желаю вам успешного продолжения вашего визита в Польшу и, конечно, рад передать приветствие Президенту В. Ярузельскому.

Г. КОЛЬ. С удовольствием сделаю это. Хотел бы дать ответ в связи с вашим посланием. Час назад у меня состоялся телефонный разговор с господином Кренцем. Как вы знаете, на следующей неделе в ГДР ожидается формирование нового правительства.

Сразу после этого в понедельник через неделю я направлю своего представителя в ГДР, где он обсудит вопросы подготовки моей встречи с Кренцем. Вероятно, она состоится в конце ноября.

Хотел бы подчеркнуть, что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях.

Я, в частности, отвергаю какую бы то ни было радикализацию в любой форме. Я говорил об этом в течение последних дней и вчера в Берлине. Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, как утверждают некоторые, что мы не смогли бы решить возникшие в этом случае проблемы — так, в этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тыс. человек, и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдным развитием — мы хотим, чтобы немцы у себя дома строили свое будущее.

Хотел бы с поправкой на предварительный характер этих данных проинформировать вас также о том, что, по оценке на 12 часов сегодняшнего дня, сотни тысяч людей пересекли границу ГДР. Однако есть впечатление, что большинство из них — просто посетители и не имеют желаний остаться в ФРГ. Число же тех, кто хочет переселиться в ФРГ на постоянное жительство, гораздо меньше, чем этого можно бы опасаться. Я недавно говорил о том, что мы не хотим дестабилизации положения в ГДР. Сейчас я по-прежнему стою на этой точке зрения. Я не знаю, в каком объеме господин Кренц действительно планирует осуществление реформ. Однако руководству ГДР следовало бы в создавшихся условиях действовать динамично.

Вновь хотел бы сказать, что очень ценю ваше обращение ко мне в связи с этими событиями. На следующей неделе, сразу после возвращения из Польши, хотел бы, если вы не возражаете, еще раз позвонить вам, с тем чтобы обсудить актуальное развитие.

Очень коротко в связи с визитом в Польшу: мы весьма сильно поддерживаем курс на экономическую стабилизацию в этой стране. Надеюсь, что развитие в ней пойдет по такому пути.

Наконец, хотел бы — как очень позитивный момент — отметить вашу предстоящую встречу с Президентом Бушем. Я уже говорил ему, что мы приветствуем проведение новой советско-американской встречи в верхах и ожидаем от нее значительных импульсов на переговорах по разоружению.

И последнее, г-н Генеральный секретарь. Прошу вас дать знать мне, что в связи с развитием в Вашей стране можно было бы улучшить в контексте заключенных между СССР и ФРГ соглашений о сотрудничестве в экономической области.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Вспоминаю, как мы в общефилософском плане обсуждали проблемы отношений между нашими народами, в целом развития в Европе. Как видите, г-н канцлер, это обсуждение не было просто упражнениями в риторике. В мире идут глубокие перемены. Это относится и к восточноевропейским странам.

Еще один пример тому — начало процесса перемен в Болгарии. При чем преобразования идут даже быстрее, чем еще недавно можно было предполагать.

Конечно, в различных странах перемены могут идти по-разному, осуществляться в разных формах, достигать различной глубины. При этом, однако, необходимо, чтобы сохранялась стабильность, чтобы все стороны действовали взвешенно.

В целом, я думаю, основа для взаимопонимания улучшается. Мы становимся ближе друг к другу. А это очень важно.

И с этой точки зрения, как очень важные шаги, я оцениваю то, что вы сделали вчера и о чем вы говорили сегодня. Мне думается, что программа у нынешнего руководства ГДР будет далеко идущей. Они сейчас ее обдумывают и в том, что касается обеспечения демократии, свободы, и в том, что касается форм хозяйственной жизни страны. Однако все эти вопросы требуют глубокой проработки, а для этого нужно время.

Я, в частности, советовал Кренцу, чтобы руководство республики проводило подготовку реформ, внимательно учитывая настроения в обществе, на основе широкого диалога с общественными силами, общественными движениями в стране.

Я понимаю, что за событиями в ГДР сейчас следят все европейцы, и не только европейцы. Это очень важный пункт мировой политики. Но факт и то, что нас с вами — ФРГ и Советский Союз — развитие здесь интересует в большей степени как вследствие истории, так и в силу характера наших нынешних отношений.

В общем можно было бы сказать, что образуется своего рода треугольник, в котором все должно быть продумано и сбалансировано. Думаю, что наши нынешние отношения позволяют все это сделать так, как надо.

Конечно, всякие перемены — это определенного рода нестабильность. Поэтому, когда я говорю о сохранении стабильности, я имею в виду, чтобы мы со всех сторон делали продуманные шаги по отношению друг к другу. Мне думается, г-н канцлер, в настоящее время происходит исторический поворот к другим отношениям, к другому миру. И нам не следовало бы неуклюжими действиями допустить нанесения вреда такому повороту. Тем более форсированием событий подтолкнуть развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу. Это было бы во всех отношениях нежелательным. Поэтому я очень всерьез принимаю то, что вы сказали мне в этом нашем разговоре. И я надеюсь, вы используете ваш авторитет, политический вес и влияние для того, чтобы и других удерживать в рамках, адекватных времени и его требованиям.

Г. КОЛЬ. Г-н Генеральный секретарь, только что завершилось заседание правительства ФРГ. Если бы вы на нем присутствовали, вы бы, возможно, удивились, как совпадают наши оценки. Этот исторический час требует соответствующей реакции, исторических решений. В немецком языке есть очень важное понятие «глазомер». Оно означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать их возможные последствия, и чувство личной ответственности. Хотел бы заверить вас, что я особенно остро осознаю свою ответственность. За 40 лет существования ФРГ ни на одного канцлера нашей страны не ложилась такая ответственность, как на меня в этой ситуации.

Я считаю очень удачным, что отношения между СССР и ФРГ достигли столь высокого уровня развития, какой они имеют сейчас. И я особенно ценю хорошие личные контакты, сложившиеся между нами. На мой взгляд, наши отношения перешли сугубо официальный уровень, имеют личный оттенок. Полагаю, так они могли бы развиваться и впредь. Я к этому готов. Понимаю, что личные отношения не меняют сути проблем, однако они могут облегчать их решение.

Возвращаясь к оценке ситуации в ГДР, хотел бы заметить, что, на мой взгляд, главная проблема сейчас лежит в области психологии. Курс Хонеккера, который до конца отвергал любые реформы, поставил в весьма затруднительное положение новое руководство ГДР. «Команда» Кренца вынуждена действовать под поистине чудовищным давлением времени, и в этом мне видится главная проблема. Вы правы, для выработки и осуществления реформ нужно время. Но как это разъяснить жителям ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, что основательность, которая присуща немцам и в той, и в другой стране, поможет глубоко проработать все возникающие вопросы и выйти на далеко идущие процессы и преобразования.

Хочу еще раз пожелать вам успеха в продолжении визита в Польшу.

Надеюсь, если ситуация будет требовать того, чтобы нам нужно будет что-то срочно обсудить, мы найдем форму, чтобы незамедлительно вступить в контакт.

Г. КОЛЬ. Безусловно. Было бы лучше, однако, если бы в наших будущих беседах нам не пришлось уделять столь значительное внимание обсуждению каких-то драматических событий.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надеюсь, что как раз благодаря диалогу, обмену мнениями, взвешиванию наших шагов будет меньше драматических событий и поворотов.

В.В. Загладин о беседе с послом ФРГ в СССР К. Блехом

16 ноября 1989 года

16 ноября принял, по его просьбе, посла ФРГ в СССР К. Блеха.

Поводом для его посещения была передача следующего сообщения. В мае или начале июня 1990 года в ФРГ, на «Вилле Хюгель», принадлежащей концерну Крупа, откроется выставка художественных сокровищ Московского Кремля. Покровительство этой выставке, которой придается большое значение, готов оказать Федеральный Президент Р. фон Вайцзеккер. Однако он рассчитывает, что в этом случае с советской стороны такое же покровительство оказал бы ей и М.С. Горбачев. Это не влекло бы для президентов никаких обязательств (может быть, направление посланий), но сильно подняло бы престиж выставки, повысило бы уровень советско-западногерманских культурных контактов.

По поручению Р. фон Вайцзеккера посол хотел в неофициальной форме поставить вопрос о возможности такой организации дела. Лишь в случае согласия М.С. Горбачева ему будет дан официальный ход.

Заверил посла, что передам запрос по назначению.

Затем состоялся краткий разговор по «германскому вопросу».

Рассуждения посла сводились к следующему. В результате спонтанного и неожиданно быстрого развития событий «национальный немецкий вопрос» возник как проблема остроактуального характера. Он, посол, как и его правительство, не считает, что речь идет о возможности, тем более необходимости немедленного воссоединения Германии. Так ставят вопрос «некоторые круги» в ФРГ, которые употребляют при этом «непродуманно крепкие выражения». Но руководство страны с этими кругами не согласно.

Твердая точка зрения руководящих кругов ФРГ состоит в том, что будущее решение «германской проблемы» возможно лишь в рамках «европейской архитектуры». Отвечая на мое замечание о том, что «некоторые круги», о которых говорил Блех, как раз и стремятся разрушить всю «европейскую архитектуру», что грозило бы непредвиденными последствиями, посол реагировал, повторив свое замечание о том, что руководство страны с этими кругами не согласно. Оно намерено исходить из духа и буквы подписанного в Бонне советско-западногерманского заявления.

На это сказал послу, что в некоторых выступлениях, в частности на съезде ХДС в Бремене, но не только там, Коль весьма вольно интерпретировал заявление. Блех согласился с этим, но сказал, что впоследствии канцлер «исправился». В качестве примера привел высказывания канцлера в Польше.

Возразил ему, что эти высказывания, хотя они шли в целом в правильном направлении, касались сегодняшнего дня. Между тем в других заявлениях тот же канцлер намекал на возможность постановки вопроса о пересмотре границ (с той же Польшей в случае воссоединения Германии). Блех уверял, что это «просто дань Конституции ФРГ», но что руководство страны знает: нарушать свои международные обязательства оно не может.

Далее посол задал в свою очередь вопрос: как в СССР видят конструктивные отношения между двумя германскими государствами в новых условиях, в условиях проводящихся в ГДР реформ? Сказал послу, что ответ на данный вопрос должны давать в Берлине и Бонне, но, разумеется, с учетом того, что конструктивные отношения не могут быть трактуемы как псевдоним воссоединения. Блех сказал, что речь идет не об этом, а о развитии сотрудничества при продолжающемся существовании двух германских государств. От ответа на вопрос, собирается ли ФРГ полностью признать, наконец, права ГДР как суверенного государства, посол отделался невнятными выражениями.

Затем, вернувшись к поднятой им теме, он сказал: мы не считаем, что в условиях активизации и применения новых форм сотрудничества с ФРГ ГДР должна «отстыковываться» от СССР: это для нее невозможно, да и противоречило бы идеям «общевропейской архитектуры». Он намекал при этом на открывшиеся новые возможности налаживания в ряде случаев трехстороннего сотрудничества или даже кооперации между СССР, ГДР и ФРГ. Сказал послу, что эта идея должна быть тщательно продумана.

Блех с энтузиазмом высказывался о принятых правительством ГДР мерах, направленных на облегчение передвижения граждан ГДР

в ФРГ и Западный Берлин. Это решение, по его мнению, сразу разрядило обстановку. Те «некоторые круги», о которых он упоминал, поутихли. Вообще вся обстановка изменилась.

Посол выразил убеждение, что, хотя многие граждане ГДР могут пожелать выехать в ФРГ, абсолютное их большинство все же останется в своей стране и даже некоторые из уехавших потом вернуться.

Здесь он сделал любопытное замечание: «Помимо того, что граждане ГДР — немцы, они все-таки патриоты своей страны. А страна эта во многих отношениях более привлекательна для любого немца, чем ФРГ. Конечно, в ФРГ много товаров. Но жизнь там сложная, беспокойная, не жизнь, а постоянная борьба. Жизнь же в ГДР, хотя она и была до сих пор полицейским государством, более спокойна. Она там идет размеренно. Это старый прусский образ жизни, столь милый немецкому характеру, в том числе и моему».

Убежден, говорил Блех, немцы и на Востоке, и на Западе станут другими, изменятся. Но и там, и там они проявят разум. Подрывать почву у себя под ногами не будут.

Западные политики, продолжал посол, сейчас как будто готовы признать «законность» проблемы воссоединения. Спросил его, считает ли он эти заявления искренними. Посол, засмеявшись, сказал: «Не всегда. Просто, видимо, в нынешней обстановке они не хотят вступать в противоречие с проснувшимся немецким духом». Но, добавил он, практического значения эти заявления не имеют, на развитие событий влияния не окажут. Может быть, как раз наоборот, высказывания Тэтчер, которая вслух дает понять о своем неодобрительном отношении к воссоединению, призывает к терпению, приведут к «взрывной» реакции «у некоторых кругов в ФРГ».

В заключение посол, еще раз повторив тезис о приверженности своего руководства «европейскому процессу и европейским решениям», выразил пожелание, по мере развития событий, обмениваться впечатлениями. Это, мол, будет полезно и для него, и для дела. Не возражал против подобных дискуссий.

«От конфедеративных структур к федерации»

**Выступление Федерального канцлера Г. Коля
в бундестаге 28 ноября 1989 года⁵³**

Дамы и господа!

С момента открытия внутригерманской границы и границы между секторами в Берлине 9 ноября германская политика вступила в новую фазу — фазу новых шансов и новых вызовов.

Мы все испытываем большую радость в связи со вновь обретенной свободой передвижений для всех людей в разделенной Германии. Вместе с немцами в ГДР мы рады тому, что наконец-то удалось мирным путем преодолеть существовавшие десятилетиями Берлинскую стену и пограничные заграждения.

И мы испытываем гордость в связи с тем, что немцы в ГДР своими энергичными и мирными выступлениями в защиту свободы, прав человека и права на самоопределение продемонстрировали всему миру пример своего мужества и свободолюбия — пример, который получил высокую оценку во всем мире.

Глубокое впечатление на всех нас произвела живая и несломленная воля к свободе, которая движет людьми в Лейпциге и во многих других городах. Они знают, чего они хотят. Они хотят сами определять свое будущее, в истинном смысле этого слова. Мы со своей стороны будем, само собой разумеется, уважать любое решение, которое примут люди в ГДР в ходе свободного самоопределения.

Мы, в свободной части Германии, с чувством солидарности поддерживаем наших земляков.

В начале прошлой недели Федеральный министр Зайтерс беседовал с Председателем Государственного Совета Кренцем и премьер-министром Модровым относительно планов нового руководства ГДР.

Для нас было важно узнать, каким образом планируется осуществить заявленную программу реформ и в каких временных рамках следует ожидать конкретных шагов.

Достигнута договоренность продолжить этот разговор в начале декабря. Если в ходе этого обсуждения наметятся, как мы надеемся, первые результаты, то еще до Рождества я лично также хотел бы встретиться с ответственными лицами в ГДР.

В Восточном Берлине Федеральный министр Зайтерс беседовал также с представителями оппозиции и церкви. На прошлой неделе я лично принимал в Бонне представителей оппозиции. Мы считаем необходимым во всем, что мы сегодня делаем и решаем, учитывать взгляды, мнения и рекомендации оппозиции в ГДР. Этим контактам мы продолжаем придавать большое значение. Мы хотим их интенсивно развивать и в будущем.

Открываются шансы для преодоления раскола Европы и тем самым нашего отечества. Немцы, которые сегодня вновь находят путь к единству в духе свободы, никогда не будут угрозой, а скорее, наоборот, приобретением для срастающейся воедино Европы.

Подъем, который мы сегодня наблюдаем, является прежде всего заслугой людей, которые так впечатляюще продемонстрировали свою волю к свободе. Но он является также и результатом развития многих политических процессов последних лет. Своей политикой мы в значительной мере способствовали такому развитию.

Решающим здесь прежде всего было то обстоятельство, что мы осуществляли эту политику на прочном фундаменте нашей интегрированности в сообщество свободных демократических государств. Сплоченность и стойкость Союза в период трудного испытания на прочность в 1983 году дали свои плоды. Нашим четким курсом в Атлантическом союзе и в Европейском сообществе мы оказали поддержку движениям за реформы в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Начало — в Восточной Европе

С переходом к новым ступеням экономической и политической интеграции в рамках Европейского сообщества мы с успехом продолжили развитие модели свободного объединения европейских народов: объединения, которое обладает притягательной силой, выходящей далеко за пределы Сообщества.

С другой стороны, решающей предпосылкой явились политика реформ, проводимая Генеральным секретарем Горбачевым внутри Советского Союза, и новое мышление в советской внешней полити-

ке. Без признания права народов и государств на собственный путь развития движения за реформы в других государствах Варшавского пакта не имели бы успеха.

Драматическое развитие событий в ГДР не имело бы места, если бы Польша и Венгрия не подали пример коренных реформ в политике, экономике и обществе. Я приветствую тот факт, что сегодня намечаются перемены и в Болгарии, и в ЧССР. Особенно я рад тому, что лауреат учрежденной Союзом немецкой книжной торговли Премии мира этого года, Вацлав Гавел, сегодня наконец-то может пожать плоды своей многолетней борьбы и своих страданий за свободу. Его великолепная благодарственная речь, с которой ему не позволили выступить лично и которая была зачитана во франкфуртской церкви Св. Павла, явилась яркой отповедью социалистическо-коммунистической системе.

Не в последнюю очередь значительную роль здесь сыграл и процесс СБСЕ, в ходе которого мы вместе с нашими партнерами постоянно настаивали на устранении причин напряженности, на диалоге и сотрудничестве и, в том числе, особенно на уважении прав человека.

Подготовка посредством политики договоров

Новое доверие в отношениях между Западом и Востоком смогло произрасти благодаря последовательной дипломатии великих держав на высшем уровне и многочисленным интенсивным встречам руководителей государств и правительств Запада и Востока. Исторический прорыв в области разоружения и контроля над вооружениями является наглядным выражением этого доверия.

Широкая политика договоров Федерального правительства в отношении Советского Союза и всех остальных государств — членов Варшавского пакта внесла существенный вклад в развитие отношений между Западом и Востоком и придала этому развитию важные импульсы.

К причинам последних перемен также относится и последовательная политика сохранения сплоченности нашей нации. С 1987 года нас ежегодно посещали несколько миллионов земляков из ГДР, среди них множество молодых людей. В трудные годы наша «политика маленьких шагов» помогла сохранить и обострить осознание единства нации и углубить у немцев чувство единения.

Сегодня это проявляется особенно сильно.

Подобный ход событий опровергает все мрачные прогнозы тех, кто с самого начала моего правления предсказывал наступление «нового ледникового периода» в отношениях между Западом и Востоком и обвинял нас — в том числе и меня лично — в неспособности сохранить

мир. Произошло же совсем обратное: сегодня в Германии и Европе имеется больше взаимопонимания и общности, чем это имело место когда-либо раньше с момента окончания Второй мировой войны.

Сегодня — и это понятно каждому — мы стоим в начале новой главы европейской и немецкой истории, — главы, которая уводит нас за пределы статус-кво, за пределы существовавших до сих пор в Европе политических структур.

Перемены являются прежде всего делом рук людей, которые выступают за предоставление свободы, уважение прав человека и за право самим определять свое будущее.

Все те, кто несет ответственность в Европе и за Европу, должны учитывать эту волю людей и народов. Мы все сегодня призваны создать новую архитектуру европейского дома, прочного и справедливого мирного порядка на нашем континенте, как это подчеркнули Генеральный секретарь Горбачев и я в нашем совместном Заявлении от 13 июня сего года.

При этом должны быть соблюдены законные интересы всех участников. Это, естественно, относится также и к интересам Германии. Таким образом, мы приближаемся к цели, которую Атлантический союз поставил перед собой еще в декабре 1967 года. Я цитирую: «Достижение окончательного и стабильного урегулирования в Европе... невозможно без решения германского вопроса, который является ядром современной напряженности в Европе. Любое подобное решение должно устранить неестественные преграды между Восточной и Западной Европой, которые наиболее наглядно и чудовищно проявляются на примере раздела Германии».

Мы не можем спланировать дорогу к единству, сидя за «столом с зеленым сукном» или с рабочим календарем в руках. Абстрактные модели не помогут. Однако мы уже сегодня можем подготовить те этапы, через которые пролегает путь к данной цели. Я хотел бы пояснить это на примере Программы из десяти пунктов.

Первое. Прежде всего требуются срочные меры, необходимость в которых проистекает из событий последних недель, особенно в результате увеличения потока беженцев и резкого возрастания количества поездок граждан.

Федеральное правительство готово оказать немедленную конкретную помощь там, где сегодня такая помощь необходима. Мы будем оказывать гуманитарную помощь и помогать в медицинском обслуживании в той мере, в какой этого пожелают.

Мы знаем также, что те «приветственные деньги», которые мы раз в год платим каждому приезжающему из ГДР, не могут быть решени-

ем вопроса о финансировании поездок. В конечном счете ГДР должна сама обеспечивать своих туристов необходимой валютой. Но мы готовы в переходный период сделать взнос в валютный фонд. Это, однако, возможно при условии, что будет отменена обязательная минимальная сумма обмена валюты при поездках в ГДР, что будет значительно облегчен въезд в ГДР и что ГДР будет вносить свою существенную долю в данный фонд.

Нашей целью является как можно более беспрепятственная свобода передвижений в обоих направлениях.

Второе. Федеральное правительство, как и прежде, продолжит во всех областях свое сотрудничество с ГДР, которое приносит непосредственную пользу людям по обе стороны границы. Это прежде всего относится к сотрудничеству в экономической, научно-технологической и культурной областях. Особо важным является интенсификация сотрудничества в сфере охраны окружающей среды. Здесь уже в ближайшее время могут быть согласованы новые проекты.

Кроме того, мы хотим оказать содействие в скорейшем расширении телефонной сети ГДР.

Продолжаются переговоры о развитии железнодорожной магистрали Ганновер—Берлин. Помимо этого необходимы переговоры по принципиальным вопросам перепланировки транспортной системы в Европе открытых границ и подключения к ней транспортной сети ГДР, прежде всего с учетом современных высокоскоростных поездов.

Третье. Я предложил значительно расширить нашу помощь и наше сотрудничество в том случае, если будет принято решение, гарантирующее коренные перемены в политической и экономической системе ГДР, и начнется необратимый процесс перемен. «Необратимый» означает для нас, что государственное руководство ГДР договорится с оппозиционными группами об изменении Конституции и новом законе о выборах.

Мы поддерживаем требование свободных, равных и тайных выборов в ГДР при участии независимых, в том числе и несоциалистических, партий. Монополия СЕПГ на власть должна быть упразднена. Требуемое введение условий, соответствующих принципам правового государства, означает прежде всего и ликвидацию уголовного преследования по политическим мотивам.

Экономическая помощь может быть эффективной только в том случае, если будут осуществлены коренные реформы экономической системы. Это демонстрирует опыт всех стран СЭВ. Бюрократическое плановое хозяйство должно быть ликвидировано.

Мы не хотим содействовать стабилизации положения, ставшего нетерпимым. Экономический подъем сможет наступить только

в том случае, если ГДР откроется для западных инвестиций, создаст условия для рыночной экономики и обеспечит возможность для частной предпринимательской деятельности. В Венгрии и Польше уже имеются такие примеры, на которые может ориентироваться ГДР. При этих условиях очень быстро возникли бы возможности для создания совместных предприятий. Уже сегодня существует огромная готовность к этому у многочисленных предприятий внутри страны и за рубежом. Все это не какие-то предварительные условия, а деловые требования для того, чтобы наша помощь вообще смогла заработать. В целом же не может существовать никаких сомнений относительно того, что люди в ГДР хотят такого экономического порядка, который дал бы им экономическую свободу и тем самым благосостояние.

Четвертое. Премьер-министр Модров в своем правительственном заявлении говорил о договорном сообществе. Мы готовы подхватить эту мысль, ибо близость и особый характер отношений между двумя государствами в Германии требуют все более плотной сети соглашений во всех областях и на всех уровнях.

Это сотрудничество будет во все большей степени требовать также и совместных институтов. Перед уже существующими комиссиями могут быть поставлены новые задачи, могут быть созданы новые комиссии. При этом я прежде всего думаю о сферах экономики, транспорта, охраны окружающей среды, науки и техники, здравоохранения и культуры. Само собой разумеется, Берлин будет полностью включен в это сотрудничество.

Я призываю все общественные группы и институты участвовать в оформлении такого договорного сообщества.

Пятое. Однако мы также готовы пойти на еще один решающий шаг, а именно, развивать между обоими государствами в Германии конфедеративные структуры с целью последующего создания федерации, то есть федеративного государственного порядка в Германии. Это предусматривает в обязательном порядке наличие в ГДР узаконенного демократическим путем правительства.

При этом нам представляется возможным создание сразу же после свободных выборов следующих институтов:

- совместной правительственной комиссии для постоянных консультаций и согласования политических вопросов;
- совместных специализированных комиссий;
- совместного парламентского органа.

Предшествующая политика в отношении ГДР должна была ограничиваться в основном маленькими шагами, которые должны были

смягчить для людей последствия раздела и сохранять и обострять осознание единства нации. Если в будущем нашим партнером будет узаконенное демократическим путем, то есть свободно избранное правительство, тогда откроются совершенно новые перспективы.

Постепенно могли бы возникать и развиваться новые формы институционального сотрудничества. Подобное сращивание заложено в непрерывности немецкой истории. Организация государства в Германии всегда означала конфедерацию и федерацию. И сегодня мы вновь можем использовать этот исторический опыт.

Как в конце концов будет выглядеть воссоединенная Германия, сегодня не знает никто. Но то, что единство придет, если люди в Германии захотят его, в этом я уверен.

Шестое. Развитие внутригерманских отношений остается в русле общеевропейского процесса и отношений между Западом и Востоком. Будущая архитектура Германии должна стать составной частью будущей архитектуры единой Европы. Для достижения этого Запад своей концепцией прочного и справедливого европейского мирного порядка сыграл роль лидера.

Генеральный секретарь Горбачев и я в нашем Совместном заявлении от июня сего года говорим о строительных элементах «общего европейского дома». В качестве примера назову:

— безграничное уважение целостности и безопасности каждого государства. Каждое государство имеет право свободного выбора своей политической и социальной системы;

— безграничное уважение принципов и норм международного права, особенно уважение права народов на самоопределение;

— реализация прав человека;

— уважение и сохранение исторически сложившихся культур народов Европы.

При помощи всего этого мы хотим — так это записали Генеральный секретарь Горбачев и я — продолжить исторически сложившиеся европейские традиции и способствовать преодолению разъединения Европы.

Седьмое. Притягательная сила и сила воздействия Европейского сообщества были и остаются постоянной величиной общеевропейского развития. Мы хотим еще больше усилить их.

Сегодня от Европейского сообщества требуется открытый и гибкий подход к ориентированным на реформы государствам Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Это единогласно констатировали руководители государств и правительств государств — членов ЕС во время своей недавней встречи в Париже.

Само собой разумеется, что ГДР входит в число таких государств, поэтому:

— Федеральное правительство выступает за скорейшее заключение с ГДР соглашения по торговле и кооперации, которое расширит и гарантирует доступ ГДР на Общий рынок, в том числе и с учетом перспективы 1992 года;

— в будущем возможно создание определенных форм ассоциирования, которые приблизят народное хозяйство ориентированных на реформы государств Центральной и Юго-Восточной Европы к ЕС и тем самым помогут ликвидировать экономические и социальные различия на нашем континенте.

Европа должна быть открыта в восточном направлении

Процесс восстановления единства Германии мы понимаем как задачу европейского масштаба. Поэтому он должен рассматриваться также и во взаимосвязи с европейской интеграцией. В этом смысле Европейское сообщество должно оставаться открытым по отношению к демократической ГДР и ко всем другим демократическим государствам Центральной и Юго-Восточной Европы. ЕС не имеет права оканчиваться на Эльбе, а должно оставаться открытой и в восточном направлении.

Только в этом смысле ЕС сможет стать основой для действительно всеобъемлющего европейского единения. Только в этом смысле оно хранит, утверждает и развивает идентичность всех европейцев. Эта идентичность коренится не только в культурном многообразии Европы, но также и — прежде всего — в таких основных ценностях, как свобода, демократия, права человека и самоопределение.

По мере того как государства Центральной и Юго-Восточной Европы будут достигать соответствия необходимым условиям, мы также приветствовали бы, если бы они вступали в Европейский совет и, особенно, присоединялись к Конвенции по защите прав человека и основных свобод.

Восьмое. Процесс СБСЕ есть и останется сердцевиной этой общеевропейской архитектуры и должен энергично развиваться. Для этого должны быть использованы предстоящие форумы СБСЕ:

— Конференция по правам человека в Копенгагене в 1990 году и в Москве в 1991 году;

— Конференция по экономическому сотрудничеству в Бонне в 1990 году;

— Симпозиум о культурном наследии в Кракове в 1991 году;

— не в последнюю очередь, ближайшая встреча в Хельсинки по следам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Через самоопределение к единству

На этих форумах нам следовало бы подумать в том числе и над новыми институциональными формами общеевропейского сотрудничества. Мы считаем возможным создание коллективного органа для координации экономического сотрудничества между Западом и Востоком, а также общеевропейского Совета по проблемам окружающей среды.

Девятое. Преодоление разъединения Европы и раздела Германии требует далеко идущих и непрерывных шагов в вопросах разоружения и контроля над вооружениями. Разоружение и контроль над вооружениями должны идти в ногу с развитием политических процессов и поэтому, возможно, получить новое ускорение.

В особенности это относится к Венским переговорам по сокращению обычных вооружений в Европе и к соглашениям о мерах по укреплению доверия, а также к всемирному запрещению химического оружия. Это также требует, чтобы ядерные потенциалы великих держав были сокращены до стратегически необходимого минимума. Предстоящая встреча Президента Буша и Генерального секретаря Горбачева предоставляет хорошую возможность придать ведущимся переговорам новый импульс.

Мы стараемся, в том числе и в ходе двусторонних переговоров с государствами Варшавского пакта, включая ГДР, поддерживать этот процесс.

Десятое. Данной всеобъемлющей политикой мы стремимся к установлению в Европе прочного мира, в условиях которого немецкий народ посредством свободного самоопределения сможет вновь обрести свое единство. Воссоединение, то есть возвращение государственного единства Германии, остается политической целью Федерального правительства. Мы благодарны, что в Заявлении Брюссельской встречи НАТО на высшем уровне в мае этого года мы вновь нашли поддержку в этом вопросе со стороны наших союзников.

Мы отдаем себе отчет в том, что на пути к единству Германии встают особенно трудные вопросы, на которые мы сегодня еще не можем дать окончательного ответа. К ним прежде всего относится вопрос о всеобъемлющих структурах безопасности в Европе.

Объединение германского вопроса с общеевропейским процессом и отношениями между Западом и Востоком, как я это только что пояснил в десяти пунктах, создает возможность для органического развития, которое учитывает интересы всех участников и гарантирует мирное сосуществование в Европе.

Лишь вместе и в климате взаимного доверия мы сможем мирным путем преодолеть раздел Европы и Германии. Чтобы начавшийся сегодня процесс протекал устойчиво и мирно, нам требуется наличие у всех сторон рассудительности, здравого смысла и чувства меры.

К тому, что могло бы повредить этому процессу, относятся не реформы, а отказ от них. Не свобода создает нестабильность, а ее подавление. Каждый успешный шаг на пути реформ означает больше стабильности для всей Европы в целом и приумножение свободы и безопасности.

Перевод АПН

Frankfurter Allgemeine Zeitung
29.11.1989

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Андреотти⁵⁴

Рим, 29 ноября 1989 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. [...] Теперь о германском вопросе. Вы в Западной Европе в отношении него очень деликатны. Даже Миттеран, когда его спросили об этом после беседы с Колем, сказал, что он вроде бы в целом, мол, позитивно смотрит на перспективу воссоединения Германии. И только потом начал уточнять, корректировать, нюансировать. Никто из западных европейцев не хотел прямо высказываться по этому вопросу. Выжидали: пусть об этом скажет Горбачев. И я сказал, что две Германии — это реальность, и именно так мы смотрим на них. Оба эти государства — члены ООН, появились они на определенном этапе истории, после известных событий, и с этим надо считаться. Кстати, господин Андреотти, Вашу позицию по этому вопросу я знаю и цену.

Если мы начнем пересматривать итоги войны, то сразу встанет вопрос: как быть с границами? Это очень опасный путь. Пусть Европа развивается, пусть мир движется вперед, и будущий мир даст ответ на этот вопрос. Я прямо сказал: воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос.

Дж. АНДРЕОТТИ. Это абсолютно верно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если мы поддадимся подобным настроениям, то все окажемся втянутыми в ловушку. Так что пусть наш друг Коль не суетится, а то я вижу, что накануне выборов у него появляется соблазн поиграть на реваншистской ноте.

Дж. АНДРЕОТТИ. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что полностью согласен с Вашей мыслью о том, что ни Восток, ни Запад не обладают абсолютной истиной, к которой должна приспосабливаться другая сторона. Сейчас, кстати, появилась новая мания: призывы приспосабливаться к законам рынка. Это тот самый случай, когда говорится одна

вещь, а подразумевается добрая сотня других. Я не считаю, что развитие нашей страны было во всем правильным; многое и в социальной, и в политической области можно было бы изменить. Одно дело, когда говорят о рынке с коррективами в виде антитрестовского законодательства, соответствующей налоговой системы. С таким подходом можно согласиться. А вот если указанных коррективов нет, то это не рынок, а диктат капитала, причем сосредоточенного в немногих руках.

Поэтому, оценивая происходящее в социалистических странах, мы прекрасно понимаем, что речь не идет о том, чтобы они перешли в «западную веру». Пусть выбирают тот путь, который принесет для них лучшие результаты. В сугубо доверительном плане хочу рассказать вам о следующем. Когда в Польше начались известные процессы, папа римский сказал мне: самой серьезной вашей ошибкой будет, если вы решите, что это контрреволюция, которая сметет все, что уже создано. И это была очень справедливая мысль.

Теперь, что касается Германии. Я не раз говорил, в том числе и недавно в парламенте, что это одна нация, но два государства. Это наша твердая, даже очень твердая позиция. Полностью согласен с вашим справедливым замечанием о том, что никто из нас не может предугадать, что же в конце концов случится в будущем. В конце этой недели будут встречаться главы правительств и руководители христианско-демократических партий тех из двенадцати европейских стран, в которых они находятся у власти. И мы собираемся очень откровенно поговорить на этот счет с Колем. Если быть абсолютно точным, то и Миттеран никогда прямо не говорил о воссоединении Германии.

В ФРГ есть сейчас, конечно, и предвыборные расчеты. Правительство опасается усиления республиканцев — крайне правой партии. Отсюда и всякого рода импровизации типа вчерашнего выступления Коля в бундестаге. Но мы, конечно, не будем мешать развитию отношений между двумя германскими государствами, в том числе экономических. Они, кстати, существуют уже давно.

Хотел бы задать вам один вопрос. В чем причина столь стремительного развития событий в ГДР? Сначала манифестация в Лейпциге, Дрездене, а затем вдруг такие быстрые перемены, вся эта история со «стеной». Скажу прямо: мы оказались не подготовлены к такому развитию событий. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я долго размышлял на следующую тему. Ведь если взять только развитые страны Запада, то и они очень разные между собой, даже внутри ЕЭС. И у нас, несмотря на ту модель социализма, которая раньше использовалась, страны тоже разные. И меняются они по-разному. Некоторые уже вышли на многопартийность,

многоукладность форм собственности. Поэтому сегодня многовариантность в развитии каждой системы — это факт...

Дж. АНДРЕОТТИ. Пользуясь тем, что мы пока беседуем в узком составе, хочу вновь вернуться к вопросу о том, была ли какая-то конкретная причина столь стремительного развития событий в ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пожалуй, такая причина есть. Руководство ГДР на протяжении многих лет держало общество в состоянии мобилизации из-за противостояния с ФРГ. И это тоже сработало. Когда у нас начались перемены, им надо было делать то же самое: открывать возможности для того, чтобы люди могли реализовывать себя, находить более адекватные времени формы, в том числе что касается связей с ФРГ. Но Хонеккер считал себя хранителем священного огня. А то, что делали другие, рассматривал чуть ли не как предательство, как сдачу позиций под давлением Запада. Общественное сознание требовало перемен, а политическое руководство не реагировало.

По очень настоятельной просьбе Хонеккера я был на праздновании 40-летия ГДР и был поражен, насколько сильны требования перемен в самых разных слоях общества... Там было двухчасовое факельное шествие, в котором участвовали люди из разных округов. И ведь это был в основном партийный актив. Когда они проходили перед трибуной, они кричали: «Горбачев, оставайся у нас». А я в этот момент стоял рядом с Хонеккером. Это была просто драма. Речь, с которой я там выступил, была сдержанной, дифирамбов в ней не было. Но была констатация успехов ГДР, ведь это передовое государство, находящееся в десятке промышленно развитых стран мира. Я сказал тогда, что партии и народу необходимо вместе искать подходы к решению проблем. Но это в любом случае их дело.

Действительно, те перемены, которые происходят сейчас в различных странах, рождены внутренними процессами и стимулами, а раз так, то это гарантирует жизненность перемен. Попытаться подтолкнуть с той или иной стороны — значит только погубить дело. В ГДР политическое руководство отстало от процессов, происходящих в обществе, а когда начались перемены, это выплыло наружу. И, наверное, это еще только начало.

Дж. АНДРЕОТТИ. Я не знал хорошо Хонеккера, но был знаком с некоторыми членами руководства ГДР. Кое-кто из них изображал из себя современно мыслящего деятеля, но это было только внешне. Пример тому Аксен.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это все были деятели вчерашнего дня. [...]

Из совместной пресс-конференции М.С. Горбачева и Дж. Андреотти в Милане

1 декабря 1989 года

Вопрос «Мессаджеро». Я хотел бы узнать, что думает Президент Горбачев в этот момент, когда в Европе происходят колоссальные перемены, о стремлении к воссоединению Германии?

М.С. ГОРБАЧЕВ. История так распорядилась, что сегодняшняя Европа представляет собой то, что мы знаем и что закреплено во многих международно-правовых актах, в том числе и в хельсинкском Заключительном акте, включая и тот факт, что есть два германских государства — члена Организации Объединенных Наций. Они осуществляют широкие межгосударственные связи, народ каждого из них суверенен распоряжаться своей судьбой.

Таким образом, нынешняя Европа, включая ее границы, а также наличие двух германских государств, — это итог определенного исторического периода. Как будет дальше с судьбой этих государств, интересует нас всех, как и то, что будет с миром, с нашей цивилизацией, Европой, нами. Я думаю, время покажет. Пусть история сама распорядится. Сегодня ставить вопрос о воссоединении как актуальный вопрос международной политики было бы неправомерно. Больше того, это бы только осложнило ситуацию. Однако это вовсе не противоречит тому, что перемены, которые происходят и в ФРГ, и в ГДР, открывают большие возможности для сотрудничества между ними, для развития связей, для человеческих контактов, с тем чтобы это носило нормальный характер. Итак, пусть распорядится история. Не надо подталкивать и форсировать незрелые процессы.

*Вестник Министерства иностранных дел СССР.
1989. 31 декабря. № 24(58). С. 22*

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем⁵⁵

Мальта, 2 декабря 1989 года

(Беседа проходила в формате «один на один».
На встрече присутствовали помощник Дж. Буша
Б. Скоукрофт и помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев)*

[...] В связи с вмешательством США во внутренние дела Филиппин М.С. Горбачев иронически заметил: «Уже начинают поговаривать, что на смену “доктрины Брежнева” появляется “доктрина Буша”».

Дж. БУШ. Неужели в связи с Филиппинами? Я просто хочу понять, почему так говорят? Ведь речь идет о законно избранном руководителе? Он просит о помощи в борьбе с наглым полковником.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен. Однако думаю, что такая реакция объяснима в контексте нынешней ситуации. Ведь посмотрите: в Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же, как действует Президент Буш?

Дж. БУШ. Понятно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Иногда приходится слышать, что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении наших друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы проходят в конституционной форме.

Дж. БУШ. Я бы сказал больше: именно благодаря вам они протекают мирным путем...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я понимаю вас. Мы — за мирные перемены, мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть. Но, понимаете, такие филиппинские полковники могут найтись в любой стране.

* Формат встречи «один на один» предполагает участие переводчиков и помощников. — *Примеч. ред.*

Дж. БУШ. Если и мы, и вы выступаем за демократию и мирные перемены, то это является важным фактором оздоровления и улучшения советско-американских отношений...

Впрочем, я рад, что вы высказались на этот счет, откровенность полезна. Но если вы развернете эту критику публично, то как бы это не повредило делу.

Я не хочу быть похожим на заезженную пластинку, но позвольте повторить еще раз: общественное мнение в США поддерживает вас, решительно поддерживает перестройку, а также вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы сказать несколько слов по поводу реакции и поведения в связи с событиями в Восточной Европе.

Направление перемен в Восточной Европе и Советском Союзе сближает нас, и это главное... В этой связи о «германском вопросе». У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неотчетливо. Как бы не получилось так, что тема воссоединения будет эксплуатироваться в предвыборных целях, что будут учитываться не стратегические факторы, а влияние момента. Кстати, в ФРГ существует определенное разнообразие мнений по этому вопросу — и внутри правительственной коалиции, и между коалицией и социал-демократами. Но нам с вами очень важно довести до сведения всех, что определенные действия могут нанести ущерб позитивным процессам, более того, поставят под вопрос очень важные и серьезные вещи, в том числе доверие к правительству ФРГ.

Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать.

Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история. Пусть же история распорядится этим вопросом и в будущем. Мне кажется, у нас с вами есть на этот счет взаимопонимание.

Дж. БУШ. Думаю, что в действиях Гельмута Коля большую роль играет эмоциональная реакция на развертывающиеся события. То же можно сказать и о Геншере. Да, в программе из десяти пунктов ощущается некоторое влияние предвыборных политических соображений. Но нельзя не учитывать той эмоциональной волны, которая сейчас возникла.

Коль знает, что некоторые западные союзники, на словах выступая в поддержку воссоединения, если того захочет народ Германии, встревожены этой перспективой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, я знаю это. И эта точка зрения была сообщена ему. Но в отличие от ваших союзников и вас я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира. Коль неоднократно заявлял, что он понимает свою ответственность, что он будет соблюдать те понимания, о которых мы договорились с ним в Бонне. В общем это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались.

Дж. БУШ. Согласен. Мы не пойдем на какие-либо опрометчивые действия, попытки ускорить решение вопроса о воссоединении.

Если вы будете говорить с Кодем, то обнаружите, что он согласен с моим подходом. А если какие-то его публичные заявления не всегда подтверждают это, то надо учесть как особенности политического уравнения, так и эмоциональную сторону. Особенно последнее. Они говорят на эту тему со слезами на глазах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу подчеркнуть, что изменение ситуации, создающее возможность нормальных контактов, расширения сотрудничества, торговли между двумя германскими государствами, оценивается нами позитивно.

Дж. БУШ. Как ни странно, в этом вопросе вы в одной лодке с нашими союзниками по НАТО. Самые консервативные из них приветствуют ваш подход. И в то же время им приходится думать о том времени, когда понятия ФРГ и ГДР уйдут в историю. Я в этом вопросе буду действовать осторожно. И пусть наши демократы обвиняют меня в робости. Я не собираюсь прыгать на стену, потому что слишком многое в этом вопросе поставлено на карту.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, прыгать на стену — это не занятие для Президента. *(Смех.)*

Дж. БУШ. Если Буш и Горбачев смогут выразить удовлетворение по поводу идущих перемен, то это будет хорошо. Но я не буду поддаваться соблазну действий, которые выглядят красиво, но могут иметь опасные последствия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Правильно. Ведь время, в которое мы живем, не только многообещающее, но и очень ответственное. [...]

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем

3 декабря 1989 года

(В расширенном составе. В беседе принимали участие с американской стороны помощник Президента Б. Скоукрофт, руководитель аппарата Белого Дома Д. Сунуну и др., с советской стороны — Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев)

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Вы хотели бы первым высказаться по европейским делам?

Дж. БУШ. Вы ближе к Европе, но мне хотелось бы предварить наш разговор некоторыми замечаниями.

Прежде всего, признаюсь, что мы были потрясены стремительностью разворачивающихся перемен. Мы высоко оценили вашу личную реакцию и реакцию Советского Союза в целом на эти динамичные и одновременно фундаментальные изменения.

Вчера в беседе с глазу на глаз мы обсудили, хотя и не вдаваясь в детали, проблему воссоединения Германии. Я надеюсь, вы понимаете, что от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения. В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Стараемся вести себя с определенной сдержанностью. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная. Подчеркиваю этот момент. [...]

Дж. БЕЙКЕР. Вопрос объединения Германии... вызывает нервность и у нас, и у вас, да и у многих европейцев. За что мы здесь выступаем? Чтобы объединение происходило на принципах гласности, плюрализма, свободного рынка. Мы отнюдь не хотим, чтобы объединенная Германия воспроизвела модель 1937–1945 гг., которая, видимо, вас беспокоит. Германия того времени не имела ничего общего с западными ценностями.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А почему демократия, гласность, рынок — это «западные» ценности?

Дж. БУШ. Поскольку США и Западная Европа разделяют их в течение многих лет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И мы их разделяем. Это же общечеловеческие ценности.

Дж. БУШ. Но так было не всегда. Вы лично положили начало этим переменам, движению к демократии и открытости. Сегодня, действительно, значительно яснее, что мы с вами разделяем эти ценности, чем, скажем, 20 лет назад.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вот это очень важно... Надо четко видеть объективную жизнь, как она есть, выделять позитивные процессы и стимулировать их. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером⁵⁶

5 декабря 1989 года

(На беседе присутствовали Э.А. Шеварднадзе и А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствуем ваш визит в Москву, он носит актуальную окраску. Вы для нас привилегированный собеседник, так как мы вас давно знаем и ценим. Новых, малознакомых людей принято щадить, а с давними знакомыми можно говорить прямо и открыто. На них позволено сразу наваливаться с трудными делами.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Благодарю вас за приветствие. Готов к честной и откровенной беседе.

Прежде всего хотел бы передать вам приветы от Федерального Президента и Федерального канцлера. Они считают, что мой нынешний визит в Москву имеет актуальное значение. Сейчас открылась новая фаза в отношениях между Востоком и Западом, поэтому очень важен прямой и откровенный обмен мнениями. Я готов его вести в духе действующих между нами договоренностей. Именно для этого я и приехал в Москву.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как вы оцениваете текущий момент?

Г.-Д. ГЕНШЕР. Это момент, дающий большие новые шансы для Европы. В отношениях между Востоком и Западом происходят крупные сдвиги. Они, мне кажется, носят необратимый характер. Однако то, что достигнуто, является еще весьма хрупким, и этого нельзя недооценивать. Необходимо проявлять ответственный и осторожный подход, а также внимание, дальновидность и чуткость.

ФРГ в осуществляемых ею шагах руководствуется Заключительным актом совещания в Хельсинки, а также договорами, заключенными ею с СССР, Польшей, Чехословакией, а также Договором об основах отношений с ГДР. Мы в полном объеме руководствуемся также Совместным заявлением, принятым в Бонне во время встречи на высшем уровне летом этого года.

Сейчас зарождается новое качество в отношениях между Западом и Востоком. Мы были едины в том, что к этому надо стремиться. Об этом шла, в частности, речь на нашей первой встрече летом 1986 года. Тогда вы излагали мне цели и намерения советского руководства в отношении задач внутривосточного развития, а также внешней политики. Я с самого начала проникся к этому симпатией, повсеместно, как вы знаете, поддерживал политику реформ, осуществляемых Советским Союзом. Ваша перестройка имеет глубокое значение не только для вашей страны, но и для народов Европы и всего мира. Это вклад в европейский мирный порядок, в дело созидания общеевропейского дома.

К идущему ныне развитию, как я уже говорил, все мы должны подходить с ответственностью. Нужны целенаправленные усилия с тем, чтобы создать стабильные рамки для реформ в Центральной и Восточной Европе. Особая ответственность падает при этом на плечи немцев в силу их исторического прошлого и географического местоположения. Мы знаем, что на нас смотрят европейские народы, поэтому я не случайно упомянул договоры ФРГ с Советским Союзом, социалистическими странами, а также Совместное заявление. Благодаря этому, нам удастся внести ясность в целый ряд важных пунктов, таких, как, например, западная граница Польши, и избежать возможных недопониманий.

Эта тема была затронута в моем выступлении в ООН, которое получило одобрение в бундестаге. Я в нем, в частности, говорил, что польский народ 50 лет тому назад стал первой жертвой развязанной Гитлером войны. Мы не ставим под вопрос границы польского государства, не хотим развития вспять, а стремимся к сотрудничеству. Вместе с Польшей мы хотим строить лучшую Европу будущего. Нерушимость — основа всей жизни в Европе. В этом духе шли высказывания на вчерашней встрече НАТО в Брюсселе. В конце недели в рамках Совета Европы в Страсбурге также будут изложены эти соображения. Миттеран скажет вам завтра то же самое.

Мы не хотим извлекать из процессов, идущих в Восточной Европе, которые порождают проблемы, неизбежные при проведении крупных реформ, каких-то односторонних выгод для себя. Наша цель — это стабилизация обстановки путем развития отношений с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, ГДР. Это потребность нашего сердца.

Мы не стремимся к движению в одиночку, к сепаратному немецкому пути. Наша страна интегрирована в ЕЭС, хотя это и не вся Европа. Мы намерены также способствовать развитию хельсинкского процесса, поскольку он выступает как гарантия стабильности на континенте.

Не следует ожидать от немцев шагов, которые могли бы повредить европейскому развитию. Мы за стабильность в Европе, за сближение ее государств и народов.

Развитие в Европе не может оставлять немцев на обочине магистрального пути, идти в обход их. В то же время европейское сближение не может осуществляться лишь руками одних немцев и только вокруг Германии.

Сегодня в ходе беседы с Шеварднадзе мы констатировали единство мнений относительно необходимости прогресса в области разоружения, поскольку это является важнейшей общечеловеческой задачей. Необходимо вести дело к уменьшению роли военных компонентов, развивать сотрудничество, наращивать диалог по глобальным проблемам. Это отвечало бы надеждам и чаяниям народов. В современных условиях существующие союзы имеют стабилизирующее значение, им предстоит еще долго существовать. Но они должны политизироваться, играть большую роль в процессе разоружения. ФРГ прилагает и будет прилагать усилия к достижению прогресса на переговорах в Вене и Женеве. Об этом вы говорили и с США.

Нам импонирует динамичное, позитивное развитие отношений между Советским Союзом и США. Мы на этот процесс смотрим не с недоверием, а с растущим доверием. Видим и хорошо понимаем значение этих отношений. Конечно, Европа имеет собственный вес и играет свою роль, но США несут ответственность за безопасность континента, активно участвуют в процессе СБСЕ. Мы это приветствуем.

Хотел бы подчеркнуть, что я полностью отвечаю за каждое слово, характеризующее мою позицию. Все, что я говорю, основывается на моей убежденности. Это касается и убежденности в том, что ФРГ проводит ответственную политику.

Я говорю об этом не как частное лицо, а как министр иностранных дел ФРГ. Политика нашего правительства — это не политика меньшинства, а линия, которая поддерживается большинством населения ФРГ, снискала себе самое широкое одобрение в бундестаге. Все это гарантирует нам крупный кредит доверия со стороны всех, кто с нами взаимодействует и, конечно, со стороны СССР. Мы намерены наращивать этот кредит.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я с вниманием и доверием отношусь к вашим высказываниям. Если все сказанное вами соответствовало бы действительности, то это можно было бы только приветствовать, и мы могли бы завершить нашу беседу с чувством удовлетворения и оптимизма. Однако есть некоторые замечания.

Есть две плоскости. Одна — философско-концептуальная, и именно на ней базируется изложенное вами. Другая плоскость касается реальных, практических шагов, и мы за этим внимательно смотрим.

В Европе, да и во всем мире сейчас происходит крупный поворот. Это поворот к лучшему. Прекращаются конфронтация, гонка вооружений, растет взаимное доверие. И было бы очень опасно, если бы на этом повороте возобладали какие-то провинциальные, региональные, эгоистические, утилитарные подходы.

Все мы, как политики, которые сумели выработать совместные подходы, проходим проверку — проверку историей, историческим процессом. И тут возникают серьезные моменты, которые не могут нас не беспокоить.

Прямо скажу, что не могу понять Федерального канцлера Коля, выступившего со своими известными десятью пунктами, касающимися намерений ФРГ в отношении ГДР⁵⁷. Следует прямо заявить, что это ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного немецкого государства. Причем хотя речь идет о ГДР, но сказанное канцлером касается нас всех.

Во-первых, эти десять пунктов появились после того, как мы имели конструктивный и позитивный обмен мнениями, достигли договоренностей по ряду основополагающих вопросов. По идее, с таким документом надо было бы выступить после соответствующих консультаций с партнерами. Или Федеральному канцлеру все это уже не нужно? Он, видимо, уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать. Не думаю, что такие шаги будут содействовать укреплению доверия и взаимопонимания, вносить вклад в наполнение жизнью достигнутых между нами договоренностей. О каком «европейском строительстве» можно говорить, если будут так действовать?

Вы знаете, что мы разговаривали с канцлером Кодем по телефону. Я говорил ему, что ГДР — фактор не только европейской, но и мировой политики, что и Восток, и Запад будут внимательно следить за всем, что будет происходить. Коль соглашался с этим, заверял меня в том, что ФРГ не хочет дестабилизации обстановки в ГДР, будет действовать взвешенно. Однако практические действия канцлера расходятся с его заверениями.

Я сказал Колю, что для Советского Союза ГДР является важным партнером и союзником. Мы заинтересованы также в развитии своих отношений с ФРГ. Это тот треугольник, который играет особую роль в европейском и мировом развитии. И в нем все должно быть тщательно взвешено. А теперь выдвигаются ультимативные требования.

Даются указания, каким путем должна идти ГДР, какие структуры создавать. Руководство ФРГ просто распирает от желания командовать. И это, уверяю вас, чувствуют все.

Может быть, ситуацию подогревает Буш? Но ведь надо продумывать свои ходы на два—три—пять вперед, предвидеть их последствия.

Реальность заключается в том, что оба немецких государства являются суверенными и самостоятельными. Так распорядилась история. Действительно, для того, чтобы оставаться реалистами, мы должны исходить из того, что история и распорядится судьбой и процессами, происходящими в целом на континенте, в том числе и определит место и роль этих двух государств.

Идет общеевропейский процесс, мы хотим строить новую Европу, общеевропейский дом. Для этого нужно доверие. В этих рамках и должны развиваться отношения между двумя немецкими государствами. Они, видимо, будут более тесными. Но все эти процессы должны идти нормально. Всякое искусственное их подталкивание только осложнило бы весь огромной значимости поворот, который происходит в развитии европейских государств, а это значит — в центральном пункте мировой политики.

И, думаю, искусственное подталкивание было бы и не в интересах народов двух немецких государств. Именно в стремлении к стабильности, на основе взвешенности и взаимного уважения, именно в таком контексте оба германских государства должны адаптировать свои отношения.

Однако то, что происходит на самом деле, свидетельствует об обратном. Вчера канцлер Коль, ничтоже сумняшеся, заявил, что Президент Буш поддерживает идею конфедерации. Что же дальше? Что означает конфедерация? Ведь конфедерация предполагает единую оборону, единую внешнюю политику. Где же тогда окажется ФРГ — в НАТО, в Варшавском Договоре? Или, может быть, станет нейтральной? А что будет значить НАТО без ФРГ? И вообще, что будет дальше? Вы все продумали? Куда денутся тогда действующие между нами договоренности?

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Сегодня этот стиль применен к ГДР, завтра он может быть применен к Польше, Чехословакии, затем — к Австрии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Со всей ответственностью заявляю вам, что вы демонстрируете не лучший стиль политики — ведь вы не отделяете себя от Г. Коля. Во всяком случае ответственным и предсказуемым его никак не назовешь.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Философская концепция нашей политики как раз и свидетельствует о ее предсказуемости. Мы знаем, куда мы идем. Я это говорю как человек, стоящий на принципиальных позициях.

Политический курс ФРГ всегда был понятным и ясным, иначе бы я не согласился его представлять.

Московский договор, наше Совместное заявление являются составной частью нашей политики, слагаемыми мира в Европе. Мы никогда не упускаем этих элементов из поля зрения. Сегодня я уже говорил Э.А. Шеварднадзе: если окажется, что ФРГ будет проводить не ту политику, то я не смогу за нее отвечать.

Если говорить о заявлении Федерального канцлера в бундестаге, то оно демонстрирует долгосрочность политики ФРГ, показывает, что она является составной частью общеевропейского интеграционного процесса. Обращаясь к ГДР, Федеральный канцлер прежде всего хотел подтвердить, что мы готовы к помощи и сотрудничеству на данном этапе, а также продемонстрировать возможности для сближения в будущем. Сказанное им является не диктатом или ультиматумом, а лишь предложением. ГДР сама решит на свободной, независимой основе, как ей реагировать на такое предложение. Именно из этого мы и исходим. ГДР, конечно, тоже понимает свою ответственность за европейское развитие.

Накануне своего отлета в Москву я беседовал в Брюсселе с канцлером Колем. Его заявление из десяти пунктов не является календарем неотложных мер, а определяет перспективу на длительный срок. ГДР сама определится, сама ответит на его предложение — да или нет.

Мы заинтересованы во внутренней стабильности в ГДР. Своим заявлением Федеральный канцлер внес, как нам кажется, вклад в укрепление такой стабильности. Здесь нет ни диктата, ни ультимативных требований. Нам известно, что ни Польша, ни Венгрия не имеют такого впечатления. Эти десять пунктов, нашу политику поддерживают все представленные в бундестаге партии, включая СДПГ.

В то же время мы отделяем себя от внутренних проблем ГДР, за которые ФРГ не несет ответственности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Никак не ожидал, что вы будете выступать в роли адвоката Федерального канцлера Коля. Возьмите третий пункт его заявления. Он высказался «за всестороннее расширение нашей помощи и нашего сотрудничества, если ГДР в обязательном порядке осуществит коренные перемены в политической и экономической системе», если государственное руководство ГДР договорится с «оппозиционными группировками» и ГДР бесповоротно пойдет этим курсом. Что же это как не самое бесцеремонное вмешательство во внутренние дела суверенного государства?..

Более того, канцлер Коль требует отмены монополии СЕПГ на власть. Он говорит о необходимости ликвидации «бюрократического

планового хозяйства». Экономический подъем, по его словам, может произойти лишь тогда, когда ГДР откроет свои двери для западных капиталовложений, создаст в экономике условия для рыночного хозяйства и обеспечит возможность частного предпринимательства.

Я думаю, что в ГДР не обойтись без коренных перемен. Но это ее внутреннее дело. Канцлер же Коль по сути дела обращается с гражданами ГДР как со своими подданными....

Г.-Д. ГЕНШЕР. Я бы хотел обратить ваше внимание на второй пункт, где говорится о желании Федерального правительства расширять сотрудничество с ГДР на равноправной основе во всех областях.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Бросьте адвокатствовать, г-н Геншер. Пункт второй этого заявления полностью девальвируется пунктом третьим. В царской России в свое время, когда освобождали политзаключенного, то говорили ему, что ты можешь жить где угодно, за исключением восемнадцати губерний, а в России всего было восемнадцать губерний, так где же ему, по-вашему, надо было жить? Так же получается и с этим заявлением.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Но это не так...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Заявление канцлера — это политический промах. Мы не можем оставить его без внимания. Мы не намерены играть в дипломатию. Если вы хотите сотрудничать с нами, мы готовы. Если же нет, будем делать политические выводы. Прошу отнестись к сказанному со всей серьезностью.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Я тоже говорю серьезно. Никаких условий в десяти пунктах не содержится. Это лишь предложения, и ГДР должна определить, подходят они ей или нет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Тогда это тем более ультиматум. Судя по всему, вы подготовили похороны европейских процессов, тем более еще в такой форме.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Это не так. Я за то, чтобы говорить открыто. Вы не должны так интерпретировать второй и третий пункты. Мне не хотелось бы, чтобы нас обвиняли в отсутствии доброй воли. ФРГ не хочет вмешиваться ни в чьи внутренние дела.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы тоже не собираемся вмешиваться во внутренние дела как ФРГ, так и ГДР. Но просил бы иметь в виду, что мы знаем, что сказать народу и миру. Тут все должно быть ясно.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Совершенно ясно, что мы выступаем за политическое сотрудничество и ответственные шаги. Иного не дано.

Другой вопрос — в чем причина происходящего в ГДР. Это вызывает и вашу, и нашу озабоченность. ГДР находится вне сферы компетенции министерства иностранных дел ФРГ. Однако в этом году

я имел возможность два раза выразить нашу озабоченность Эриху Хонеккеру. То же самое я говорил господину Шеварднадзе во время его пребывания в Бонне. Мы видим, как идут реформы в Советском Союзе, Польше, Венгрии, ГДР, как люди требуют для себя новых прав. Мы не считаем это победой одной системы над другой, далеки от того, чтобы утверждать, что рушатся существовавшие ранее системы, отнюдь не собираемся торжествовать в этой связи. Речь идет о демократических преобразованиях, о формировании новых ценностей.

То, что сегодня происходит в ГДР, — это не мы устроили. Кризис там может быть преодолен. Это зависит от того, каким путем пойдет новое руководство ГДР, как пройдет чрезвычайный съезд СЕПГ.

Мне неизвестно содержание вашей вчерашней беседы с господином Модровым. Однако если бы я встретил его вчера в аэропорту, то сказал бы ему, что дело завоевания доверия населения ГДР в руках ее руководства. Это я вам говорю совершенно убежденно и от чистого сердца.

Не надо называть меня чьим-то адвокатом. Я говорю от имени всех партий, от имени Федерального канцлера и Федерального правительства.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Перемены в ГДР мы считаем хорошими, только не надо лезть со всевозможными наставлениями и поучениями.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы уважаем эти перемены.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А я сейчас говорю о ФРГ. Там сумятица в умах, суматоха. Чувствуется, что там кое-кого распирает от происходящего. Кое-кто уже начинает терять голову и не видит ничего вокруг себя. А политика без головы — это не политика. Так можно испортить все, что мы вместе создавали. Немцы эмоциональный народ, но вы и философы. И должны помнить, к чему приводила в прошлом политика без головы.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы знаем свои исторические ошибки и не намерены их повторять. То, что сейчас происходит в ФРГ и ГДР, не заслуживает столь резкой оценки. Люди в ГДР без какой-либо агрессивности, а вполне миролюбиво требуют своих законных прав. Вы знаете, что ГДР — моя родина, и к этим требованиям ее населения я отношусь с удовлетворением и симпатией. Все население ФРГ рассматривает события в ГДР с симпатией и участием. Все ответственные политики у нас говорят о том, что люди ГДР сами решат, что им нужно. Мы уважаем их путь.

При любых оценках необходима справедливость. В Бонне меня нередко критикуют за оценки советской политики в Европе. А ведь именно она является причиной происходящего и в ГДР, и в Венгрии, и в других социалистических странах.

Я не закрываю глаза на то, что означает ваша политика для будущего Европы. Но мы не хотим забывать и своего вклада, и вклада населения ГДР. Не хотелось бы, чтобы советская сторона недооценивала вклад федерального правительства в стабилизацию политической жизни. Я не знаю, что сказал господин Модров вам, но знаю, что он позитивно высказался о речи федерального канцлера и согласился с целым рядом пунктов. Естественно, что мы не могли ожидать, что он согласится со всеми пунктами, этого и не произошло.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы хотите, словом, сказать, что действуете верно и ответственно. Таково мое резюме. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что мы придаем всему чрезвычайно важное значение и внимательно будем за воем следить.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Да, политика Федерального правительства является ответственной и предсказуемой, иначе бы мне нечего было сказать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорю сейчас не о всей политике, а о десяти пунктах. Вы забываете о прошлом. Ведь любому видно, что канцлер Коль торопится, искусственно подстегивает события, подрывая с таким трудом налаживающийся общеевропейский процесс. Неужели он думает, что мы не в состоянии дать беспристрастную оценку его поведению.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Я уже говорил, что все происходящее не надо драматизировать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы сейчас слышали мнение руководства Советского Союза. Оно было прямым и откровенным. Другие, может быть, и не говорят вам все так прямо и без обиняков, но, смею заверить, в глубине души они думают то же самое, что и мы.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Кто же эти другие?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ваши и наши основные партнеры на Западе и на Востоке.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мне кажется, ФРГ не заслужила таких оценок. Никто не оспаривает, что события развиваются динамично. Но верно и то, что ни одна страна за последние недели и месяцы не внесла такого вклада в политику стабилизации, как ФРГ. Мы за демократические прогрессивные реформы и стабильность.

Отнюдь не в наших интересах что-то ускорять в отношениях между двумя германскими государствами. Но мы хотим, чтобы наши мотивы были поняты, поскольку мы намерены в Европе действовать совместно со всеми государствами, а не единоличным путем, не эгоистично.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы знаем вас лично, ценим, поэтому и говорим с вами прямо. Если бы ФРГ руководствовалась этими побуждениями,

то она поступала бы по-другому. Десяти пунктов не было бы. У вас не во всем разобрались. Процессы идут сложные, можно сказать, накаленные, а вы бросаете в этот огонь не дрова, а взрывчатку.

Откровенно говоря, нас озадачивает такая опрометчивость. Мы ведь с вами долго формировали сегодняшнюю ситуацию. Вы имели прямое отношение к выработке «восточной политики». А теперь вы очень многое ставите под угрозу. Я боюсь, не собираетесь ли вы сделать все происходящее предметом своей предвыборной борьбы. Конечно, ФРГ может действовать так, как считает нужным. Но мы должны делать выводы. И видим, что вы ставите под угрозу наши так сложно налаживавшиеся отношения.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Подобное нам и в голову прийти не может. Происходящее не имеет ничего общего с выборами. Даже если бы выборы были не на будущий год, а года через три, то я и сейчас повторил бы вам то же самое. У нас ни один политик не собирается отказываться от чего-либо ради краткосрочной выгоды. Мнение на этот счет в разных странах может быть разным. Это неизбежно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я обратил ваше внимание на конкретные факты и дал им оценку.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы не авантюристы, мы знаем меру своей ответственности. Никто не может сомневаться в том, что мы ко всему подходим серьезно. Об этом свидетельствует, в частности, наше участие в процессе СБСЕ. Происходящее в ГДР является внутренним делом этой страны, выбором ее граждан. Мы этот выбор будем уважать, ничего не собираемся навязывать.

Мы знаем о своей ответственности за дело стабильности в Европе и во всем мире. Понимаем, что означают блоки и союзы. ФРГ не берет ни слова назад из того, что зафиксировано в Совместном заявлении. Прошу не сомневаться в искренности наших целей и намерений. Мы во всем отдаем себе полный отчет. Немцы были бы первыми, кто пострадал бы от дестабилизации в Европе. Она никого не оставила бы в стороне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По-моему, мы с вами начинаем повторяться. Я не ставлю под сомнение вашу искренность, то, что вы говорите о действующих между нами договоренностях. Однако то, что происходит в практическом плане, имеет мало общего с большой ответственной политикой. Прямо скажу, что импровизации в политике — вещь чрезвычайно опасная.

Нам надо сотрудничать, развивать отношения, народы наших стран ждут от нас этого. Еще раз приглашаю вас к такому сотрудничеству. Однако просил бы впредь воздерживаться от сюрпризов, не де-

лать подобные подарки нам и другим. Надо воздерживаться от введения тормозящих моментов в начавшееся встречное движение между Востоком и Западом. Если вести себя как слон в посудной лавке, то мы, действительно, упустим шанс.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Заверяю вас, что предвыборная борьба в ФРГ не наложит отпечатка на ее внешнеполитический курс, не внесет в него никаких изменений. Политика, за которую я выступаю, пользуется поддержкой всей страны, основных политических партий. Предвыборная борьба на нее не окажет никакого влияния.

Ваше приглашение к сотрудничеству я с удовольствием принимаю. Я выступаю за ответственное и бережное отношение к политике. Именно в этом духе и под этим углом зрения я рассматриваю и буду характеризовать нашу беседу.

Хотел бы спросить вас, что мы скажем общественности о нашем сегодняшнем разговоре? Мне предстоит, как вы знаете, пресс-конференция, да и дома меня тоже будут на этот счет пытаться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наш разговор был откровенным и насыщенным, мы говорили обо всем открыто и прямо. То, о чем мы говорили, должно иметь прежде всего значение для политических выводов. Если бы мы хотели нарушить отношения с ФРГ или испортить их, то можно было бы тогда, наверное, и обнародовать содержание нашего разговора. Но мы с надеждой смотрим на будущее наших отношений с ФРГ.

Именно поэтому было бы целесообразно сообщить для общественности, что мы обсудили важнейшие вопросы европейской и мировой политики, с учетом процессов, развертывающихся в Европе и в мире.

В этом контексте мы упомянем и факт обсуждения вопросов отношений между двумя суверенными германскими государствами — ГДР и ФРГ. Мы скажем, что Советский Союз видит в ГДР своего верного союзника, важного гаранта мира и стабильности в Европе, будет проявлять по отношению к ней солидарность и поддержку. Далее скажем, что в этой связи заместитель Федерального канцлера говорил о необходимости поддержания стабильности на континенте, дальнейшего развития и углубления общеевропейского процесса, выступающего как гарантия такой стабильности.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы тоже исходим из этих предпосылок, разделяем ваши тезисы и в своих ответах прессе будем ими руководствоваться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В заключение хотел бы сказать вам: не забывайте о том, что в Кремле внимательно следят за всеми нюансами и поворотами в политике. В Европе, в ФРГ и ГДР должны идти нормальные процессы. Не надо торопиться, не надо представлять из себя пожарную команду, как это сделал канцлер Коль.

Кстати, мне кажется, г-н Геншер, что о его десяти пунктах вы слышали только из соответствующего выступления в бундестаге.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Да, это так, но это наше внутреннее дело. Мы сами в этом разберемся.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сами видите, что ваше внутреннее дело задевает всех. Главное, что мы поняли друг друга.

Вас устраивает, как я вижу, то, что мы собираемся сообщить прессе. Сегодня мы пока еще говорим так. Однако имейте в виду, что если у вас не образумятся, то завтра мы сделаем другое сообщение.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Заверяю вас в том, что мы будем проявлять самый ответственный подход. Прошу не думать, что я говорю не то, что имею в виду.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не относите все, что мною сказано, на свой личный счет, г-н Геншер. Вы знаете, что мы относимся к вам иначе, чем к другим. Надеюсь, что вы правильно все восприняли. Благодарю вас за беседу.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы В.В. Загладина с Ж. Аттали в Киеве⁵⁸

6 декабря 1989 года

В ходе краткой беседы помощник Президента Франции Ф. Миттерана Жак Аттали рассказал следующее.

Четкая позиция СССР в пользу невмешательства во внутренние дела братских стран, проявившая себя и в нашем отношении к событиям в ГДР, озадачила французское руководство. С одной стороны, оно искренне и с удовлетворением приветствовало тот факт, что «доктрина Брежнева» канула, наконец, в Лету, но, с другой стороны, невольно задавало себе вопрос: а не означает ли эта линия, что СССР уже как бы примирился с воссоединением Германии и не будет ничего предпринимать, чтобы избежать его? Это вызывало страх, близкий к панике.

Франция никоим образом не хочет воссоединения Германии, хотя и понимает: в конце концов оно осуществится. И когда Ф. Миттеран в ходе разговора с М.С. Горбачевым убедился: СССР разделяет эту позицию, он успокоился и «воспрял духом».

Далее, Ж. Аттали повторял ранее высказывающуюся им позицию: необходимо как можно быстрее начать создание «структур через границы блоков, через демаркационную линию Восток–Запад». Такие структуры не позволят Германии действовать в одиночку и даже в случае воссоединения помешают ей осуществлять свои гегемонистские претензии.

Наконец, он напомнил об особом статусе СССР и Франции: во-первых, как двух из четырех держав-победительниц, несущих особую ответственность за предотвращение угрозы новой войны с территории Германии, и, во-вторых, как традиционных союзников, более всего страдавших от германской агрессии и более всего заинтересованных в ее предотвращении. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном

Киев, 6 декабря 1989 года

*(На беседе присутствовал Первый заместитель заведующего
Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас, г-н Президент, и проявленную вами инициативу встречи здесь, в Киеве. Диалог, который идет между Президентом Франции и руководством Советского Союза, очень ценен. Может быть, сегодня этот диалог еще более необходим, чем в совсем недавнем прошлом. В нынешнем контексте требуется еще более основательное сотрудничество между нами.

Именно поэтому я еще раз скажу — приветствую вашу инициативу приехать к нам.

Ф. МИТТЕРАН. Спасибо. Я и приехал сюда потому, что понимаю ответственность переживаемого момента.

Я рад, что мы смогли восстановить великую историческую традицию — постоянный диалог, своего рода надежный мост между нашими странами. Это очень важно.

С другой стороны, нынешние события ставят перед нами серьезные вопросы. Я хотел бы пройти начавшийся трудный период в обстановке тесных отношений между нашими странами. Отношений в духе полного доверия.

Я считаю, что нужно сделать все для того, чтобы перебросить мосты не только между нами, но и между обеими частями Европы. Пока еще надо говорить именно о мостах. А потом, надеюсь, Европа станет единой землей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я согласен с вами. То, о чем вы сказали, — главная идея нашей встречи. Не думаю, что мы преувеличиваем значение своей миссии. Глубоко убежден в том, что в нынешнее время — время глубоких перемен в Европе, в СССР, да и во всем мире — новизна встающих проблем требует от нас глубоких размышлений, которые

стали бы адекватной основой новой политики, столь нужной Европе и миру.

Ф. МИТТЕРАН. Реальная проблема сегодня — Германия. Ситуация здесь противоречива. Конечно, когда народ проявляет сильную волю, высказывает ее, трудно это не учитывать. Точно так же трудно не учитывать то, что граница между двумя Германиями — это не то же самое, что граница, разделяющая разные народы.

С другой стороны, в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объединения Германии, которое неизвестно что принесет. Нам надо совершенствовать свое сообщество на Западе континента. Вы должны увидеть, как дальше пойдет дело в странах, входящих в Организацию Варшавского Договора. И, естественно, мы должны все вместе работать над дальнейшим углублением общеевропейского процесса. База европейского развития — решения совещаний общеевропейского характера. И необходимо добиться того, чтобы общеевропейский процесс развивался быстрее германского вопроса, обгонял немецкое движение. Мы должны создать общеевропейские структуры. А германский компонент должен быть лишь одним из элементов европейской политики, но отнюдь не преобладающим, не ведущим.

Это не только моя точка зрения. Так думают практически все европейцы. Они считают, что мы должны вместе идти вперед, чтобы минимизировать германскую проблему.

Я не боюсь воссоединения Германии. Но надо, чтобы оно проходило демократически и мирно. При этом, когда я говорю «мирно», то я думаю не о войне, а о том, что мы с вами вместе с Великобританией и Соединенными Штатами отвечаем за европейскую безопасность. И мы не можем отдавать предпочтение немецкому балансу по отношению к европейскому.

Я сделал, признаюсь, замечание нашим немецким друзьям, выразив удивление по поводу того, что они, выдвигая свои соображения, не упомянули о границах с Польшей. Это серьезная проблема. И у всех стран Европейского сообщества подход к этому вопросу такой же, хотя они и выражают его с разной степенью остроты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня возникло ощущение, что США не совсем откровенно говорят о своей позиции, излагают ее не до конца.

Ф. МИТТЕРАН. Это правда. Я говорил на эту тему с руководителями Англии, Италии, Бельгии, Голландии, Дании. До Испании не добрался — там идет процесс формирования правительства. Но у всех, с кем я говорил, общая линия. Все считают, что германская проблема развивается слишком стремительно. Все согласны с тем, что европей-

ский процесс должен развиваться быстрее, что принципы хельсинкского Заключительного акта, гарантирующего границы, должны соблюдаться.

Что касается Буша, то еще раз повторю, что разделяю вашу оценку. Американцы не договаривают, в том числе и по германскому вопросу. Тем не менее я не думаю, что они готовы встать на позицию ломки европейских границ.

В последний понедельник, 4 декабря, все мы были в Брюсселе. Буш говорил не о нерушимости границ, а о постоянстве границ в Европе. Есть ли тут разница? Я задал ему этот вопрос, но не получил ответа. Направление мыслей Буша тем не менее правильное. Но он не раскрывает их до конца.

Я с вами говорю совершенно свободно. Мы с ФРГ имеем особые отношения. Де Голль и Аденауэр в 1963 году заключили союз. Я действую в соответствии с этим договором. Поэтому мне, может быть, труднее, чем другим, отказать немцам в праве на ошибки. Но я верен своему долгу — сохранять баланс в Европе, сохранять мир.

Порядок процессов менять нельзя. На первом плане у нас, повторю, должны быть европейская интеграция, эволюция в Восточной Европе и общеевропейский процесс, создание в Европе мирного порядка. Если США будут участвовать в этих процессах, то это дает всем нам дополнительные гарантии.

Речь Коля, его десять пунктов все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы, он спешит. Я сказал об этом Геншеру, и он не очень противился моим выводам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это интересно! Но об этом я еще скажу.

Ф. МИТТЕРАН. Геншер — политик масштабный, видит проблемы в крупном плане.

Итак, я хочу, чтобы наши друзья и союзники и, прежде всего, мы с вами поддерживали постоянные контакты, серьезно относились к этой проблеме.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен с вами в том, как надо действовать. Наш подход такой же — в отношении перемен и на Востоке и на Западе, и в том, что касается новой ситуации в германском вопросе. Думается, что у нас складываются взаимопонимание и новое сотрудничество с учетом событий в Европе. Мы можем на этой основе обеспечить нормальное развертывание всех этих процессов, хотя проходят они бурно. Наше взаимопонимание надо сохранить. В этот поворотный момент в развитии Европы очень опасны спекуляции с любой стороны.

Ф. МИТТЕРАН. Что конкретно вы собираетесь делать?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прежде всего продолжить линию мирных перемен. Пусть каждая страна сама определяет их направленность. Мы убеждены в том, что нельзя допускать внешнего вмешательства, искажать волю народов.

В связи с этим хочу обратить ваше внимание на наше заявление от 4 декабря. Все государства Варшавского Договора, которые участвовали в акции 1968 года⁵⁹, высказали свою оценку этой акции, заявили о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств. Вы правы в том, что надо не только наблюдать, но и действовать. При этом проявлять доверие каждой из стран, расширять сотрудничество.

Ф. МИТТЕРАН. Я позволю себе спросить: что может произойти внутри ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пока я говорил о Восточной Европе. А теперь о ГДР. Я полностью разделяю ваше мнение о том, что германский вопрос должен рассматриваться в контексте общеевропейского процесса, найти в нем свое место. Это будет гарантировать Европу от всяких катаклизмов, от нестабильности. Именно так можно найти более правильное решение и самого германского вопроса. Искусственное подталкивание процесса воссоединения должно быть исключено.

Вчера я очень резко сказал Геншеру, что 10 пунктов Коля не вписываются в современную ситуацию, противоречат достигнутому нами с ФРГ взаимопониманию, противоречат и принципам общеевропейского процесса. Во-первых, Коль забегает вперед, спешит. Во-вторых, он формулирует свои тезисы в такой форме, что фактически это означает диктат.

Ф. МИТТЕРАН. Прямо так и сказали? Диктат — это немецкое слово.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорил даже более резко. В пункте третьем своих тезисов Коль говорит о том, что ГДР должна сделать, и прямо диктует, выдвигает требования об изменении общественного строя, экономической системы. [...]

У нас с Геншером был крупный разговор. Но иначе быть не могло, для нас германский вопрос — большой вопрос. Общество наше резко реагирует на действия канцлера. И я прямо сказал — если вы хотите все взорвать, ликвидировать все, что достигнуто, тогда действуйте так, как вы действуете. Но вся ответственность ляжет на вас. Не забывайте, что даже политики среднего масштаба должны просчитывать свои действия на два—три шага вперед.

Канцлер говорил о конфедерации ФРГ и ГДР. Кстати, в Брюсселе он сказал, что Буш поддержал эту идею. А я спросил Геншера: что та-

кое конфедерация? Ведь главные ее признаки — это общая внешняя и общая оборонная политика. Это во всех учебниках написано. Но как два немецких государства могут выработать такую общую политику? Я спросил: куда войдет эта конфедерация — в НАТО или в Варшавский Договор? Или же она будет нейтральной? Тогда что останется от НАТО? Я спросил: вы все продумали?

Потом я задал Геншеру вопрос: знал ли он о 10 пунктах Коля до их оглашения? Геншер признался, что он впервые услышал их в бундестаге. Тогда я спросил его, будет ли он и дальше так себя вести?

Ф. МИТТЕРАН. Вы знаете, мы, как и Геншер, не были проинформированы заранее о предложениях Коля.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я спросил: а вы не могли с нами поговорить? Чего стоят все наши договоренности о консультациях? В таком чувствительном для всех вопросе вы действуете так грубо.

Геншер заверял в своей преданности общеевропейскому процессу, напоминал о том, что он лично делал для его успеха... Я сказал: ваше дело решать, как вам поступать. Это ваша компетенция. А в нашу компетенцию входит делать выводы. Просил его все передать канцлеру.

Геншер долго убеждал меня, что мы неверно понимаем 10 пунктов Коля. А потом спросил: как же мы будем освещать для прессы наш разговор? Я ему сказал: напишем, что у нас был прямой и откровенный разговор. Пока мы не хотим ставить под сомнение то, что сделано нами за годы. И подчеркнул при этом — пока. Но будем очень внимательно следить за тем, что будет происходить дальше, потому что поведение ФРГ напоминает действия слона в посудной лавке.

Ф. МИТТЕРАН. Вы знаете о том, что партия Геншера — свободные демократы — на своем съезде разошлась с идеями Коля? Противоречия есть везде — даже в ФРГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я беседовал вчера с Модровым. После того как они распустили все партийные институты, была создана организационная группа. Модров — во главе ее. Эта группа готовит внеочередной съезд партии.

Ф. МИТТЕРАН. Да, ситуация сложная. А я ведь собираюсь в ГДР 20 декабря.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо все взвесить. Может быть, и мне туда приехать?

Ф. МИТТЕРАН. Ну что же, поедем вместе. Своеобразие ситуации состоит в том, что я еду в ГДР по приглашению Хонеккера. По существу это ответный визит. Но я не хочу его откладывать, несмотря на сложность ситуации. Это имело бы политическое значение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, наше время все время приносит сюрпризы. Обстановка в ГДР сложная. Но не катастрофическая. Люди работают, митингов стало меньше.

Ф. МИТТЕРАН. А есть в народе ГДР какой-то серьезный отклик на идею воссоединения?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Отклик есть. Но, знаете, больше половины жителей ГДР хотят сохранить нынешний облик своей страны, конечно, изменив ее политическую структуру, углубив демократию и т. д. Они представляют себе отношения между ГДР и ФРГ как отношения между двумя суверенными государствами. Модров говорит о новой договорной общности.

Ф. МИТТЕРАН. Я поеду в ГДР вне зависимости от хода событий. Но подчеркну, что это государственный визит.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думается, что это будет подчеркивать естественный характер разворачивающихся в ГДР процессов.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

**Из беседы В.В. Загладина
с Л. Горовицем
11 декабря 1989 года**

Встретился, по просьбе сенатора Э. Кеннеди, с его ближайшим сотрудником Ларри Горовицем. [...] Сенатор направил письмо тов. Горбачеву М.С. В нем он вносит на его рассмотрение ряд идей на будущее. В дополнение к письму (передано адресату через соответствующие каналы) Л. Горовиц сказал следующее...

Из числа европейских проблем, по словам сенатора (переданным Л. Горовицем), Дж. Буш придает сейчас особое значение германской проблеме. Он ни в коем случае не хочет допустить воссоединения Германии, но, с одной стороны, не считает для себя возможным открыто выступать с этой позицией, а с другой — не знает, что реально можно предпринять. По словам Л. Горовица, Президент, вернувшись домой, обсуждал со своими советниками возможность использования четырехстороннего механизма, но ни к какому выводу не пришел.

Во всяком случае, по мнению Президента, в нынешних условиях необходимы сохранение двух военных союзов и установление более тесных контактов между ними, а также ускорение европейской интеграции (даже несмотря на сопротивление М. Тэтчер), ибо оба эти инструмента способны, по его мнению, «сдерживать» немцев. Видимо (по мнению Э. Кеннеди) Президент в зависимости от хода событий (который, по его мнению, может стать неуправляемым) может обратиться к нам, предлагать консультации. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

Из беседы В.В. Загладина с К. Ламмерсом 20–21 декабря 1989 года

В ходе бесед со спикером по вопросам разоружения фракции ХДС–ХСС в бундестаге ФРГ Карлом Ламмерсом затрагивались: германский вопрос, положение в ГДР, проблемы европейского процесса и изменения в сфере международных отношений, прежде всего отношений между Европой и США. Собеседник, разделяя в основном позиции руководства своей партии (иначе он не был бы ее спикером в бундестаге), высказывал, в том числе и собственные, нередко не сходные с официальными позиции. Наибольший интерес представляют следующие моменты бесед.

1. Германский вопрос.

В ходе бесед по данной теме К. Ламмерс отталкивался от «программы Г. Коля» из десяти пунктов. Видимо, он имел поручение разъяснить ее так, чтобы смягчить нашу реакцию и, с другой стороны, продемонстрировать, что Г. Коль понемногу «отруливает» от своих первоначальных, непродуманных позиций. Неслучайно К. Ламмерс не скрывал, что в Бонне видят «негативное отношение к программе канцлера не только в СССР, странах Восточной Европы (особенно в Польше), но и практически во всех странах Запада».

Комментируя программу Г. Коля, К. Ламмерс говорил о том, что ее зарубежные комментаторы, в том числе и в СССР, сосредоточились лишь на одной части данного документа, а именно — на той, которая («может быть, в неудачных выражениях») трактовала вопросы будущих неизбежных реформ в ГДР. Между тем речь Г. Коля содержала и другие части.

К. Ламмерс обращал внимание прежде всего на вводную часть речи Г. Коля, где были охарактеризованы «рамки, в которых происхо-

дят изменения, и условия, в которых канцлер был вынужден сформулировать свою линию». К числу этих «рамочных» и «условных» К. Ламмерс относил в первую очередь реформы в СССР, странах Восточной Европы, которые и стимулировали перемены в ГДР; процессы западноевропейской интеграции, активным участником которых выступает ФРГ и которые создали «модель свободного объединения европейских народов, обладающую притягательной силой для всех европейцев»; эволюция, политизация НАТО, членом которой является и будет оставаться ФРГ и которая выступает в качестве гаранта не только безопасности, но и сотрудничества западной части континента. Ламмерс приводил слова из речи Коля о том, что немцы «никогда не будут представлять угрозы».

Отвечая на мое замечание о том, что все эти, да и другие «условия» действительно создавали в Европе новый политический фон, но отнюдь не делают необходимыми поспешные, малопродуманные да к тому же представленные в недопустимой форме шаги, что нынешние перемены требуют другого — дальнейшего углубления разрядки для сближения Востока и Запада на общеевропейских принципах, К. Ламмерс, согласившись с основной моей посылкой, заметил, что канцлер «сам оказался под давлением обстоятельств», что события в ГДР развернулись неожиданно быстро и «вынудили» Г. Коля выступить с «некоей программой», чтобы «ввести развернувшуюся в ФРГ бурную дискуссию в нормальные рамки».

К. Ламмерс далее отметил, что высказывавшиеся в Москве Г.-Д. Геншеру соображения о предвыборном характере действий канцлера в целом несправедливы, тем не менее он признал, что в определенной мере Коля учитывал и перспективу выборов, но совсем не в том плане, о котором «думают в Москве». По его словам, если бы канцлер сам не сформулировал четкой программы, то это в гораздо более резкой и уж совсем неприемлемой форме сделали бы республиканцы⁶⁰, которые в результате прошли бы в бундестаг. «Однако мы, — говорил собеседник, — категорически не можем допустить присутствия в парламенте республиканских депутатов. Вот это было бы крайне опасным и для будущего ФРГ, и для ее соседей как на Востоке, так и на Западе».

Далее, К. Ламмерс обратил внимание на то, что кроме первых пяти пунктов Г. Коля, касавшихся отношений с ГДР, существует и вторая их группа, где канцлер однозначно высказывается в том смысле, что решение германской проблемы невозможно вне рамок европейского процесса и где, по существу, он поддерживает советские идеи о его ускорении. Канцлер, говорил К. Ламмерс, говорил о «преодоле-

нии раскола Европы и, таким образом, нашего отечества», а не наоборот (как этого требуют республиканцы и иные экстремисты). В конечном счете Г. Коль сейчас, утверждал К. Ламмерс, перешел на позиции, предложенные Х. Модровым, — «договорное сообщество», и будет действовать соответственно. В ответ сказал собеседнику, что, во-первых, все зависит от того, как интерпретировать предложение премьер-министра ГДР, а во-вторых, если Г. Коль действительно отказался от своих первых позиций, почему он продолжает их пропагандировать?

К. Ламмерс, реагируя на сказанное, заметил: на «малом съезде ХДС» в Западном Берлине канцлер специально отметил, что он не выдвигает идей о создании конфедерации, что будто бы в «десяти пунктах» об этом нет и речи. Возразил Ламмерсу, что это просто неточно, ибо в пункте пятом Г. Коль прямо говорит о «конфедеративных структурах». Ламмерс, слабо защищаясь, утверждал, что это мол «совсем не то же самое, что конфедерация», и повторял: Коль — за «договорное сообщество».

Завершая дискуссию о «десяти пунктах», К. Ламмерс вновь сказал (в разговоре один на один), что речь идет о «неудачном» документе, но что канцлер оказался в цейтноте и даже не успел проконсультировать свои предложения «со всеми в Бонне», включая и Г.-Д. Геншера. Он еще раз подчеркивал, что канцлер хотел избежать беспорядочной дискуссии», что он безусловно за стабильность и в ГДР, и в ФРГ (которая, мол, тоже может оказаться под угрозой, если миллион немцев с Востока потоком хлынет в страну), и в Европе в целом. Он повторял: речь идет не о попытке диктата, но о стремлении избежать «хаоса», о попытке выдвинуть «платформу для дискуссии».

Сказав К. Ламмерсу, что он, разумный человек, напрасно защищает неразумные действия и документы, предложил ему перейти к вопросам, которые в «десяти пунктах» не упомянуты, но которые имеют принципиальное значение. Первый из них — признание польской границы и вообще принципа нерушимости границ. Второй — претензии на воссоздание «Германии 1937 года».

К. Ламмерс, ссылаясь не только на Х. Тельчика, но и на Г.-Д. Геншера, в очень четких выражениях заверял: польскую западную границу никоим образом не будут пересматривать — ни сейчас, ни потом. Хотя в хельсинкском Заключительном акте предусмотрена возможность «мирного изменения границ», она в данном случае не будет использована.

Обратила на себя внимание вместе с тем реплика посла ФРГ (который присутствовал на части беседы 21 декабря): «Но у Польши суще-

ствуется не одна, а две пограничные проблемы, вторая — это проблема ее восточных границ». Четко отвел эту «параллель». Однако следует учесть, что, видимо, подобный прием может использоваться со стороны ФРГ и впредь.

Отвечая на мой вопрос, почему же, если границу по Одере—Нейсе пересматривать не собираются, это не говорится вслух, К. Ламмерс ссылаясь на то, что, мол, в отсутствие мирного договора, который должен будет окончательно закрепить границы, канцлеру «неудобно» выступать по данному поводу. Аналогичным образом он оправдывал и то обстоятельство, что ФРГ не отвергает с достаточной четкостью лозунг «Германии в границах 1937 года». Кроме того, собеседник ссылаясь (при поддержке посла К. Блеха) на Конституцию ФРГ и известное решение Конституционного Суда ФРГ.

Возразил на это, сказав: что бы ни говорилось во внутригерманских документах, международные обязательства ФРГ, содержащиеся хотя бы в заключенных ею договорах, имеют, в соответствии с принципами международного права, приоритет. К. Ламмерс в беседе 20 декабря согласился с этим. 21 же декабря, когда данный вопрос всплыл вновь, он промолчал, а посол К. Блех заметил: «Да, если говорить о ФРГ, то она признала нынешние границы. Но ведь если возникнет объединенная Германия, ей придется заново определить свою позицию». Со своей стороны, в резкой форме я подчеркнул двусмысленность подобной постановки вопроса. Позднее К. Ламмерс уже без посла уверял: даже объединенная Германия не будет ставить вопрос о границах ни Польши, ни каких бы то ни было других государств. Ведь оба германских государства, говорил он, признали существующие границы. С другой стороны, и Г. Коль, якобы, не раз говорил об этом в своем окружении: сейчас «не XIX век, и нельзя бороться за национальные интересы в эгоистических формах, надо учитывать интересы всех, прежде всего соседей».

Развивая эту мысль, сам К. Ламмерс рассуждал о том, что вообще пора бы, имея в виду не столь уж отдаленное будущее, всерьез заняться продумыванием вопроса о перспективах национальных государств и их границ в Европе, переживающей период быстрого приближения к «всеобщей интеграции», пусть отдельные ее части будут участвовать в ней в разных формах.

И в этой, будущей Европе все вопросы, которые сегодня имеют острый характер, отойдут в сторону, зато появятся другие — их-то и надо «вычислить», заранее продумать варианты их решения.

В заключение дискуссии по германскому вопросу К. Ламмерс еще раз повторил: ФРГ не будет стремиться «форсировать процесс» воссо-

единения; «возрождение общегерманского государства возможно только на основе и в рамках общеевропейского процесса»; вопрос о границах «никого не должен волновать».

Задал К. Ламмерсу вопрос: как, по его мнению, оценивают предложения канцлера и вообще всю ситуацию, создавшуюся (не без активного участия ФРГ) вокруг германской проблемы, западные союзники ФРГ? К. Ламмерс дважды возвращался к этой теме. Сначала, в беседе один на один, он четко сказал: мы знаем, что «ускорение движения к решению германской проблемы» никому не пришлось по душе; даже те, кто вроде бы высказывается в духе признания законности требований о воссоединении, на деле никоим образом не готовы допустить его возможность, особенно в ближайшее время.

Далее, Ламмерс отметил, что в Бонне «под лупой» изучали высказывания не только М.С. Горбачева, но и его партнеров по переговорам в Италии, на Мальте и в Киеве и констатировали: канцлер «забежал вперед», надо «тормозить».

В беседе в присутствии посла ФРГ, когда снова была затронута эта тема, Ламмерс в более мягкой форме говорил, что в Бонне знают о реакции союзников, но, мол, «не видят категорического отрицания» возможности воссоединения, только хотят поставить его в определенные рамки. Он сослался в этой связи на пять пунктов Дж. Буша.

Посол тут же подтвердил, что ФРГ не будет действовать так, чтобы идти «наперекор всем», но никто, мол, не отрицает ненормальности существования двух государств одной нации. Тут же, что представляет интерес, посол спросил: как расценивать встречу послов четырех держав в Западном Берлине? Имеется ли в виду продолжать контакты? Если, говорил посол, речь идет о рутинной встрече для обсуждения берлинских дел, это одно. Но если представить себе, что речь идет о попытке «контроля над Германией», то с этим, мол, в нынешних условиях не согласятся ни ФРГ, ни ГДР. Видимо, встреча серьезно обеспокоила Бонн.

Ответил послу в неопределенной форме, но твердо подчеркнул: четыре державы несут ответственность за состояние мира в Европе и не будут от нее уклоняться.

Раскол Германии и Европы, продолжал после этого К. Ламмерс, — это, во-первых, результат развязанной и проигранной Гитлером войны, ее следствие; во-вторых, результат советской политики первых послевоенных лет (на этот тезис я соответствующим образом отреагировал). Отсюда вывод — за ход развития германского вопроса и его возможные последствия несут ответственность в первую очередь немцы, начиная с ФРГ, а затем и Советский Союз. И в конечном счете все

или очень многое будет зависеть от того, насколько удачно будет развиваться советско-западногерманское сотрудничество. В принципе я согласился с тезисом о значении сотрудничества Москвы и Бонна, оговорив, однако, что при этом важно, чтобы Бонн четко следовал тем договоренностям, которые уже достигнуты и могут быть достигнуты в будущем.

2. О положении в ГДР и перспективах его развития.

«Взрыв» в ГДР был, говорил К. Ламмерс, для ФРГ не меньшей неожиданностью, чем для всех других. Может быть, для Бонна он был даже большей неожиданностью, поскольку в принципе там считали, что хорошо знают положение в ГДР, ждали изменений, но не таких «лавинообразных» и не так скоро.

К. Ламмерс не раз подчеркивал, что ФРГ, мол, ничего не делала для «подталкивания» событий, а теперь даже стремится сдерживать их темп. В беседе с глазу на глаз резко сказал ему, что подобное заявление не соответствует действительности. Привел конкретные факты поощрения сперва массового выезда из ГДР летом—осенью нынешнего года, затем выдвижения лозунга конфедерации, призывов к атаке учреждений госбезопасности и т. д. Ламмерс утверждал, что не знал этих фактов; что если они и имели место, то это не результат действий правительства, но «произвольные операции» экстремистски настроенных лиц и т. д. Видно было, однако, что постановка данного вопроса была ему крайне неприятна. Он попросил разрешения рассказать об этой части беседы Х. Тельчику. Я, естественно, не только не возражал, но и, наоборот, просил Ламмерса обратить внимание Тельчика на упомянутые факты.

Далее, говоря о внутреннем положении в ГДР, К. Ламмерс рассуждал о том, что, по его оценке, в ближайшие месяцы республика будет «балансировать на грани взрыва». Он назвал в этой связи два важных фактора. Первый — политический. Если, говорил собеседник, новое руководство страны (под ним он имел в виду правительство) сумеет быстро принять некоторые новые законы, покажет населению, что курс на реформы — реальность, «улица» успокоится и власти смогут если не вздохнуть, то передохнуть, получат простор для действий.

Не возражая против такой постановки вопроса, я все же возразил: руководство страны уже показывает свое стремление к глубоким демократическим реформам, но если из ФРГ будут «подогревать» людей (а ведь не случайно, что все ведущие партии ФРГ засылают туда десятки своих представителей, — ведь не ради же туризма?), то тогда «улица» не успокоится. Еще раз напомним Ламмерсу, откуда и как появилась лозунг конфедерации.

Собеседник в ответ еще раз повторил, что ФРГ не будет форсировать события, что даже о конфедерации больше никто из руководства страны не говорит и т. д. Но затем он сам сказал: «Конечно, дополнительную осторожность нам (т.е. Бонну) надо проявлять».

Второй фактор «балансирования на грани взрыва», по мнению К. Ламмерса, экономический. Население ГДР должно почувствовать, что положение начинает улучшаться. Если этого не произойдет, то возникнет реальная альтернатива: либо несколько миллионов жителей республики перейдет в ФРГ, чтобы найти там приличные условия жизни (что было бы для ФРГ настоящим бедствием, заметил собеседник), либо большинство населения ГДР потребует референдума о немедленном воссоединении с ФРГ (что имело бы крайне нежелательные политико-психологические последствия).

К. Ламмерс рассказывал, что на недавнем заседании в фонде Фридриха Эберта, где присутствовали представители социал-демократов ГДР (отнюдь не настроенные, заметил он, на немедленное воссоединение), последние говорили: если ФРГ уже почти подошла к грани своих возможностей принимать беженцев, то ГДР, безусловно, подошла к грани возможностей «выпускать» беженцев, — республика и так уже задыхается от отсутствия необходимых кадров.

Стало быть, повторил Ламмерс, все зависит от темпов и характера внутренних преобразований в ГДР. И тут ей нужна помощь, дающая стимул к переменам, способным предотвратить кризис, вспышку эмоций. Ее (эту помощь) призваны оказать как ФРГ, так и СССР, каждая по «своей линии».

В ходе дальнейших рассуждений К. Ламмерс, вновь и вновь подчеркивая заинтересованность ФРГ в успехе реформы в ГДР, вместе с тем настойчиво проводил мысль: успешными могут быть лишь реформы, восстанавливающие в том или ином виде капиталистические рыночные отношения (социалистического рынка нигде нет, была попытка нэпа, но она была задавлена), а эффективный рынок, дополненный плюралистической демократией, — наиболее быстрый и реальный путь к подъему экономики и насыщению прилавков.

Конечно, говорил Ламмерс, я понимаю: многие в ГДР хотят продолжать «социалистические эксперименты». Но на это у них не хватит времени: путь этот долгий и неэффективный. Нужен рынок.

Я не хочу сказать, продолжал он, что рынок — только благо. Нет, рынок в ФРГ, например, породил и порождает множество проблем, проблем трудных (безработица, неравенство, преступность и т.д.). И решения этих проблем мы пока не нашли. Рынок создаст аналогичные проблемы и в ГДР, и у вас, в Советском Союзе. Познакомитесь

вы, я в этом уверен, и с безработицей, и с социальной дифференциацией более глубокого характера. Мы с интересом будем следить за тем, как вы будете создавать систему необходимых социальных гарантий против зол, порождаемых рынком.

В ГДР наши соотечественники, продолжал собеседник, питают иллюзии (что мы замечаем и на примере тех граждан ГДР, которые приезжают в ФРГ). Они хотят заполучить рынок, но сохранить бесплатное здравоохранение, дешевый отпуск, дешевое жилье и т. д. Это, действительно, иллюзия. Никакое государство не справится с расходами на эти цели в условиях рыночного регулирования. Повторяю, рынок сопряжен с болезненными проблемами.

Тем не менее лучше рынка никто пока не изобрел никакого механизма сравнительно быстрого обеспечения достатка. Черчилль сказал как-то, что «демократия — это худшая форма государства, за исключением всех остальных, которые еще хуже». То же самое можно сказать о рынке.

Затем К. Ламмерс обратился к проблеме будущей политической структуры ГДР. Ясно, что СЕПГ, даже в ее обновленном виде, не получит на выборах значительного большинства. Она станет меньшинством. Может быть, ей удастся найти хороших союзников и создать коалицию. По прогнозам Ламмерса (видимо, не только его собственным), наибольшие шансы на быстрый рост имеют социал-демократы, хотя бы в силу глубоких социал-демократических традиций в немецком рабочем движении. И это будет «сравнительно левая» социал-демократия, которая сможет быть партнером новой СЕПГ, хотя, быть может, и не по всем вопросам. Не исключено, что крестьянская организация также.

Христианско-демократический союз, по оценке Ламмерса, пока что имеет неопределенные перспективы. Он берет курс, видимо, на то, чтобы вобрать в себя всех верующих. Но практика ФРГ показывает, что многие верующие идут не в ХДС и не в ХСС, а в социал-демократическую и либеральную партии. Особенно лютеране, сторонники реформаторской церкви, протестанты. А в ГДР таких как раз большинство. Но, видимо, ХДС в ГДР будет праветь.

Беспокойство у Ламмерса вызывают неонацистские группы. По его данным, в целом в ГДР их насчитывается 25–35. Они пока небольшие и разрозненные. Но они ведь могут объединиться. Ламмерс интересовался, есть ли в ГДР законодательство, позволяющее запретить неонацистские группы. Интересно, что при этом он вспоминал о четырехстороннем акте 1945 года о денацификации Германии. При этом при этом, что его лично беспокоит и деятельность аналогичных

групп в ФРГ, которые, однако, по его мнению, отвергаются большинством населения, «поумневшим на опыте истории».

Общий вывод К. Ламмерса: развитие ГДР будет сложным. Оно будет зависеть как от «поворотливости» правительства в проведении реформ в экономике, так и от действий соседей ГДР. Еще раз повторил, что «особую ответственность будут нести ФРГ и СССР». В ответ повторил ему, что если он беспокоится насчет предотвращения негативных поворотов во внутренней жизни ГДР, то здесь главное не заниматься подстрекательством со стороны ФРГ.

3. Новые процессы в Европе. Европа и США.

Подчеркнуто значительное внимание в ходе бесед К. Ламмерс уделил проблемам общеевропейского развития, привязывая эту тему и к будущему двух германских государств. В целом его позиция: общеевропейские процессы нужно ускорять, именно они должны быть основой для решения германского вопроса, но не наоборот.

Ссылаясь на просьбу руководителя парламентской фракции ХДС—ХСС А. Дреггера, он передал мне его позицию. А. Дреггер выступает за скорейшее решение германского вопроса, однако полагает, что «рамки» такого решения — общеевропейское сближение. Он считает особенно важным ускорение венских переговоров и решение проблем сокращения вооруженных сил и вооружений на континенте; развитие сотрудничества между европейскими сообществами и СССР, а также другими странами Восточной Европы; создание новых общеевропейских структур с участием всех стран — участниц СБСЕ.

Мы, передавал Дреггер, не можем сами определять темпы решения германской проблемы, но, если мы хотим идти к ее решению, мы обязаны сделать максимум для углубления разрядки в Европе. Иначе никто не согласится «дать Германии свободу». Дреггер хотел бы по возможности в ближайшее время встретиться для обсуждения «европейского узла проблем». Сетовал на то, что до сих пор не удалось организовать поездку делегации его фракции в СССР.

Переходя к собственным соображениям, К. Ламмерс в целом оставался в кругу идей А. Дреггера. Однако был более энергичен. Так, говоря о Венских переговорах, он подчеркивал: если там что-то и было сделано, то только в результате особых усилий СССР, а также США и ФРГ. Он заверял, что сейчас крайне благоприятный момент для того, чтобы путем консультаций обеспечить еще большую степень взаимодействия между СССР и ФРГ на Венском форуме. Сетовал на то, что трудности возникают в результате несогласованности действий западных держав. Высказывал предположение, что с повышением роли «немецкого фактора» трудности в западном союзе могут

возрасти: западные союзники ФРГ будут с еще большей опаской смотреть на Бонн.

Спросил Ламмерса: отчасти не этими ли соображениями вызваны обсуждающиеся сейчас в ФРГ предложения о сокращении бундесвера. К. Ламмерс, особо выделив внутривластные соображения, демографический фактор, все же признал: имеет место и стремление «успокоить» соседей и союзников ФРГ.

Далее, К. Ламмерс, возвращаясь к логике А. Дреггера, говорил о необходимости активнее развернуть работу по созданию «общевропейских структур», «структур, объединяющих страны через границы социальных систем и военных союзов». Он имел в виду при этом и наше предложение о создании центра по предупреждению военной опасности, и сформулированную в Хельсинки идею «трехсторонней комиссии» ЕЭС–СЭВ–ЕАСТ⁶¹, и высказанную М.С. Горбачевым в Италии идею создания комиссии юристов 35 стран. По его мнению, Бонн был бы сейчас склонен к практическому обсуждению всех этих проблем (и других вопросов аналогичного характера — экологического органа, информационной комиссии и т.п.).

Особое внимание он уделил вопросу о развитии сотрудничества СССР, стран Восточной и Центральной Европы с ЕЭС. Эти страны, говорил он, хотя бы включиться в мировую экономику, стать ее активными партнерами. Они будут действовать, конечно, и в индивидуальном порядке. Но все же наиболее эффективный путь — через их сотрудничество с ЕЭС.

Демократические преобразования в Восточной Европе открывают новые возможности для такого сотрудничества. Встают, конечно, в этой связи и военно-политические вопросы. По словам Ламмерса, в «определенных кругах» ФРГ обсуждается такая возможность на перспективу: не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающий всю Европу — от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию и до нейтральных Балкан? Не стоит ли всем этим странам в будущем стать «финляндизированными»⁶²?

Аргумент К. Ламмерса при этом таков: в конечном счете все проблемы, скажем, Польши, Чехословакии в прошлом были связаны с политикой Германии и России. Если превратить всю Центральную Европу в такие «финляндизированные» государства, это может быть для них хорошим выходом, гарантией на будущее, которую могли бы поддерживать СССР и США. Это дало бы, мол, гарантии безопасности и СССР.

Отвечая на вопросы — согласится ли ФРГ (или в будущем объединенная Германия) стать нейтральной? Что станет в этом случае

с союзами? И как отреагируют на такую идею западные державы? Не кажется ли Ламмерсу, что его идея предполагает по существу ликвидацию Варшавского Договора при сохранении в том или ином виде НАТО? — К. Ламмерс отвечал: нет, все эти идеи — на будущее, на период «после преодоления блоков», когда будет создана общеевропейская система безопасности. Тем не менее фактически все его рассуждения в конечном счете объективно выходили на то, что Европа «от Бреста до Бреста»⁶³ была бы в той или иной форме единой, а СССР и США, не исключаясь из Европы, занимали бы в ней «особое положение» — как бы внешних гарантов стабильности и безопасности. По его убеждению, такая «конфигурация» отвечала бы интересам и СССР, и США.

На вопрос о том, как же он, Ламмерс, представляет себе такую конструкцию, если он одновременно предполагает активное участие СССР во всех общеевропейских учреждениях, Ламмерс не ответил. Стал рассуждать на тему о том, что он говорит сейчас о системе безопасности, которая должна предусматривать необходимые гарантии для всех 35 стран СБСЕ. Конечно, говорил он, ни одна из конструкций, которая может быть «придумана», не должна оставлять СССР без должных гарантий его безопасности. Общеевропейское же политическое, экономическое и иное сотрудничество может охватывать все 35 стран.

В этой связи К. Ламмерс изложил свое небезынтесное видение перспектив развития «конфигурации сил» в Европе. По его словам, здесь явно складываются три «эллипса».

Первый «эллипс» — Москва—Брюссель (то есть европейские сообщества). Здесь наладится тесное сотрудничество сначала на базе СБСЕ, затем, и все более, на базе взаимодействия СССР—ЕЭС, к которому будут подключаться другие восточно- и западноевропейские страны.

Это сотрудничество будет охватывать в том числе и проблемы безопасности в «общеевропейском ее измерении». Здесь Ламмерс предвидит возможность не только диалога, но и сотрудничества СССР с Западноевропейским союзом (во всяком случае, на тот случай, если обновленные Европейские сообщества не возьмут «заботу об обороне» на себя). Конечно, тут будут и трудности, но в целом в «эллипсе» Москва—Брюссель перспективы взаимодействия видятся Ламмерсу оптимистически.

Второй «эллипс» — Брюссель—Вашингтон. Здесь просматривается сохранение союзных отношений, однако с большими трудностями, так как, во-первых, в области обороны Европа захочет быть более

самостоятельной и не зависеть от решений Пентагона, а во-вторых, после создания «единого рынка» экономические противоречия между США и Западной Европой «отнюдь не смягчатся».

Третий «эллипс» — Москва—Вашингтон. Здесь Ламмерс был очень осторожен в выражениях. С одной стороны, он говорил о том, что эти две столицы должны быть «гарантами стабильности» на континенте (хотя у них, конечно, есть многочисленные «заботы» и в других регионах мира). С другой же стороны, у него проглядывало опасение (в еще большей мере оно было заметно в репликах посла ФРГ К. Блеха): как бы две «великие столицы» не договорились друг с другом за счет интересов Европы и в ущерб им.

Во всех трех «эллипсах» будет, говорил собеседник, и сотрудничество, и соперничество. Важно, однако, найти «гармонию в соотношении и отношениях между ними». И единственный путь здесь — развитие общеевропейского процесса.

По ходу бесед и в их заключение К. Ламмерс не раз возвращался к теме о том, что, имея в виду «Хельсинки-2», нужно было бы уже теперь, незамедлительно, начинать подготовку к этому форуму, определить его формат и повестку дня (давая при этом понять, что обсуждения германской проблемы там он хотел бы избежать).

Судя по ходу бесед, К. Ламмерс очень основательно к ним готовился и, видимо, не в одиночку. Этот человек — хороший канал для прощупывания намерений Бонна и для доведения до его сведения наших позиций (и опасений). Тем более что его личные взгляды более умеренны (ближе к позициям Г.-Д. Геншера) и, стало быть, более приемлемы для нас.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

1990 год

Обсуждение германского вопроса на узком совещании в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС

26 января 1990 года

*(Присутствовали: Горбачев, Рыжков, Шеварднадзе, Крючков,
Ахромеев, Черняев, Шахназаров, Яковлев, Фалин, Федоров)*

Горбачев. Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можно с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий. Даже Модров отваливает из СЕПГ. Неважно, что он искренний наш друг. Нет реальных сил в ГДР.

Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ. Социал-демократы — при всех успокаивающих заявлениях и клятвах Брандта и его коллег — ринулись использовать ГДР в предвыборной борьбе.

Брандт — уже председатель Объединенной СДПГ. Видные члены этой партии готовы баллотироваться в Народную палату, отказаться от членства в бундестаге и вернуться на родину — в Восточную Германию, где большинство из них родились. Стремятся объехать ХДС на этом.

Мы можем на этом сыграть. Надо пригласить Коля и сказать ему: смотри, что делается, и ты тоже в эту игру играешь и можешь проиграть. У социал-демократов в ГДР больше шансов, чем у тебя. Мы же не смотрим на германскую проблему через ваши избирательные очки, мы смотрим в европейском и мировом контексте. Также видят ее твои союзники по НАТО. И ты знаешь разницу между тем, что они говорят публично, и тем, что они думают.

Так вот. Мы тебе, дорогой Гельмут, предлагаем тоже всерьез встать в германских делах на европейскую точку зрения — на деле, а не только на словах.

Конкретно, что это означает: в ГДР — наши войска, в ФРГ — натовские войска. Это реальный факт, вытекающий из правовых итогов вой-

ны, установленных победителями. И это утверждает право четырех держав участвовать в германском процессе. Тебе, и особенно Брандту, не нравится, что среди победителей — Франция («почетный победитель», как вы иронически ее называете). Хорошо. Но она сейчас — другая реальность, чем в 1945 году. И давай соберем не «4», а «5» — с твоим, Коля, участием. И определимся в правах немцев и в правах остальных.

Черняев. Михаил Сергеевич, по-моему, надо собирать не «5», а «6» — четырех от победителей и двух от немецких государств.

Горбачев. Давайте это обсудим. Продолжаю. Главное, на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска. А они этого долго еще не делают. И с этим Колю придется считаться, как и с тем, что экономически съест ГДР, потребуется несколько лет. Так вот. Эти годы — и в нашем, и в вашем распоряжении. Давайте разумно их используем. И подготовимся к Общевропейской встрече на высшем уровне 1990 года.

Акция с «5» или «6» по нашей инициативе возвращает нас на роль активных и неустрашимых участников германского урегулирования. Это выгодный ход.

Шеварднадзе. Михаил Сергеевич, для Коля сейчас главный вопрос — о «договорном сообществе», которое ведет к конфедерации ФРГ—ГДР. Нам не надо включаться в дискуссию о воссоединении. Не наше это дело. Пусть ГДР выступает с инициативами. А о войсках вести разговор только с Соединенными Штатами. Я против «института», в котором будут четыре победителя. Это значит, что натовцы там будут хозяевами положения.

Крючков. Дни СЕПГ сочтены. Это не рычаг и не опора для нас. Модров — фигура переходная, держится за счет уступок, а уступать скоро будет нечего. Стоит обратить внимание на СДП ГДР.

Наш народ боится, что Германия опять станет угрозой. Она никогда не согласится с нынешними границами.

Постепенно надо начинать приучать наш народ к воссоединению Германии. Наши войска в ГДР — фактор общевропейского процесса. Необходимо активно выступать в поддержку наших друзей — бывших сотрудников КГБ и МВД в ГДР.

Яковлев. Надо, чтобы Модров вмонтировался в СДП и возглавил ее восточную часть. Наши войска в ГДР Америке нужны больше, чем нам самим. Хорошо, если бы Модров выступил с программой воссоединения — без предрассудков, исходя из реальностей, а мы бы его активно поддержали. Этим мы завоюем симпатии немецкого народа.

И при этом надо сослаться на то, что за единую Германию мы выступали с самого 1946 года. А условия? Нейтрализация, демилитаризация. Будет сопротивление со стороны Англии, Франции, малых европейских государств. Ставим в ситуацию раздумья Соединенные Штаты. А мы можем сидеть на горе и сверху смотреть на схватку. Что же касается отношения нашего народа, то ведь сам Сталин сразу после войны выступал за сохранение единой Германии. Во всяком случае дальше просто наблюдать нам нельзя.

Федоров. Это будет на руку реваншистским силам. По моим данным, в Западной Германии не хотят объединения сейчас. Модров выдвинул идею референдума в ГДР, но после 6 мая.

Рыжков. Надо реально смотреть на процесс. Его не остановить. Сейчас все дело в тактике, потому что ГДР нам не сохранить. Все барьеры уже снесены. Экономика ее разносит. Все государственные институты распущены. Сохранить ГДР — дело нереальное. Конфедерация — да. Но мы должны выдвинуть условие для конфедерации. Неправильно отдавать все Колю. Если будет так, то Германия через 20—30 лет развяжет третью мировую войну.

Горбачев. Процесс и у нас, и в Восточной Европе — это объективный процесс. И он уже очень перегрет. Там, где этот процесс затронул более прочные звенья: ГДР, Чехословакия, Румыния, — там рвануло сильней. Урок нам: поспевать, не отставать, все время иметь перед глазами реальность.

Народ — даже при той очень большой критике, которую он слышит, — на перестройку не посягает. Скорее, не приемлет противников перестройки. Наше общество, наиболее прогнившее из всех ему подобных. И ничто его не спасет. Мы сами начали его преобразовывать. И надо дальше так держать, идти вперед, не теряя инициативы. Топтание губительно.

Был Брестский мир № 1, теперь мы в ситуации «Брестского мира» № 2. Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны. Очень важно это понимать. Общество очень заидеологизировано, и поэтому реальные процессы нас обгоняют. А партия никак не может обновиться.

Конечно, выделить ГДР приходится. Это особый случай. Это не Румыния. Чехословакия, Болгария, Венгрия в нас заинтересованы. Они переболеют, но не смогут далеко уйти. Польша — особый случай. И совсем особый случай — ГДР. В Польше остался сильный частный сектор. Сельское хозяйство, по существу, частное. Но Польша и экономически, и политически, и исторически зависит не от нас. Не надо пугаться Мазовецкого (*тогдашний премьер-министр ПНР*) и его пре-

тензий. Мы ведь полякам зря ничего не давали. И ведь мы оказались у них в долгах. Пока в ходе перестройки отношения с польским народом у нас не ухудшились.

Остается самый трудный пункт — ГДР. Ибо она может уйти: есть ФРГ и есть Европейское сообщество, к которым она давно привязана. Для нас есть еще моральный фактор — реакция советского народа. Я бы поставил на то, чтобы выиграть возможно больше времени. Самое главное сейчас — растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и в СССР.

Стратегия такая. Вся Западная Германия ведь заинтересована не терять связи с нами. Мы ей нужны, и она нам нужна. Но не абсолютно. Разве нам не нужны Франция, Англия? Так считать было бы большой ошибкой. Мы нужны немцам. Это, в свою очередь, заставляет нас считаться с такой зависимостью. Деловые круги не хотят нахлебников. В ФРГ — 58 млн, в ГДР — 16 млн. Франция не хочет объединения. Англия боится оказаться на задворках. Все эти моменты мы должны учитывать.

Итак, основные пункты стратегии:

- 1) отношения с великими державами по этой проблеме;
- 2) Венский процесс (*переговоры об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе*);
- 3) мы и СЕПГ;
- 4) мы и ФРГ;
- 5) мы и ГДР.

Не отказываться от позиции победителей. Выдвинуть идею «4 + 2». Но сначала договориться с Францией. Может быть, мне съездить в Париж?

Канализировать германский вопрос в Венский процесс. По проблеме войск в Европе держаться так, чтобы не показалось, что мы просто уходим в год 50-летия Победы. Наличие войск в Германии тесно связать с венским процессом.

И Колю сказать — не лезь. По этой части мы можем договориться со всеми. С ФРГ сохраняется потенциал особых отношений: и с нею, и с ГДР. На этом надо настаивать. Есть взаимные интересы, есть база для взаимопонимания.

Мы и СЕПГ. Там сейчас эйфория в отношении СДПГ. Но забыли, что здесь куча проблем — и европейских, и германских. Не ставить крест на СЕПГ. Там все-таки 2 млн членов. Пусть теперь осталось 700 тыс. Списывать их совсем было бы неразумно. Будет выкристаллизовываться какая-то левая сила. Послушаем Гизи.

Другие соцстраны. Надо с ними работать. Они все же союзники. Если мы их бросим, их подберут.

Идее выиграть время отвечает предложение о «договорном сообществе» с конфедеративными чертами.

Будем сдерживать тех, кто очень торопится.

Какие ближайшие шаги?

1. Принять в Москве Модрова 2 февраля, а потом Гизи. Тут у нас моральные обязательства.

2. Коля принять после Бейкера и сразу после Модрова. А потом Модрова проинформировать о беседе с Колем.

3. Выстроить идеи для разговора с Колем на основе бесед с Бейкером и с Модровым.

4. Проинформировать Тэтчер сразу после встречи с Модровым.

5. Миттерану написать письмо. Вопрос, когда менять послов?

Шеварднадзе. Это центральный вопрос.

Горбачев. Поручения:

— пропагандистское обеспечение процессов в Восточной Европе (Яковлев, Фалин, Федоров);

— интервью Горбачева о воссоединении Германии после встреч с Модровым и Колем;

— не исключать моего краткого визита — на один день в Лондон и на один день в Париж;

— Ахромееву готовиться к выводу войск из Германии. Колю и Модрову разъяснить «экономическую незащищенность» ГДР.

В ходе обсуждения развернуто выступали также Фалин, Шахназаров, Федоров, Ахромеев, Черняев.

Запись сделана сразу после заседания, стенограмма которого (даже протокол) не велась. Запись неполная. Однако за аутентичность зафиксированного в записи сделавший ее ручается.

Запись А.С. Черняева

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Х. Модровым⁶⁴

30 января 1990 года

*(Во встрече принимали участие Н.И. Рыжков,
Э.А. Шеварднадзе, В.М. Фалин, Р.П. Федоров,
заместитель министра иностранных дел ГДР Г. Отт
и посол ГДР в СССР Г. Кёниг)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас, товарищ Модров, и ваших спутников. Мы встречаемся в особое время — время больших размышлений, тревог и надежд. Всем, кто сейчас у политического руля, особенно в Европе, выпала очень сложная задача. Ведь все мы дети своего времени, а приходится иметь дело с процессами, принимать такие решения, значение которых далеко выходит за пределы времени, в котором мы живем. Но жаловаться не на кого. Все надо было делать раньше у вас, да и в нашей стране. Это главный урок. Но вот вулканологи работают даже тогда, когда пепел летит им на голову. Вот и нам нельзя уклоняться от новых вызовов жизни, прятать от них голову. Это, так сказать, лирическое вступление.

Мы рассчитываем на откровенный, товарищеский разговор с вами. ГДР — это предмет наших особых забот, и не только во внешней политике, но и во внутренней. В германской проблематике переплетаются и история, и нынешний день, и будущее.

Сейчас многие изображают дело так, будто только Советский Союз сдержанно относится к форсированию объединения Германии. Но на самом деле это тревожит и Францию, и Англию, да и многие другие государства. Что касается западногерманских деятелей, то они все настойчивее подталкивают к объединению, хотя официально заявляют, что не собираются подхлестывать его.

В последнее время Коль, похоже, предпочитает дожидаться образования нового правительства у вас, чтобы с ним вести практические дела, а пока фактически способствует дестабилизации ситуации в ГДР. Видимо, рассчитывают в этой атмосфере нанести смертельный

удар по СЕПГ, по государственным структурам и кадрам в республике, связанным с партией...

Коля, видимо, беспокоит, как бы его в ГДР не опередила СДПГ, что работало бы против ХДС. А это уже прямо касается вопроса о власти, который будет решаться на предстоящих выборах в ФРГ. Предвыборная борьба там явно оказывает дестабилизирующее воздействие и на ГДР. Словом, очевиден разрыв между заверениями западных деятелей и их практической политикой.

Мы хотели бы услышать ваши оценки ситуации, хотя нам, конечно, известно, что она обостряется. Но тем более важно в этой обстановке обменяться мнениями о том, как воздействовать на самый сложный и трудный вопрос — как остановить экстремизм, который не дает нормально работать правительству. Думаю, очень важно разъяснить людям, что самое главное сейчас — это нормализовать функционирование экономики, и тот, кто мешает этому, действует против интересов нации.

Х. МОДРОВ. Ситуация у нас очень сложная. Время сейчас для ГДР буквально судьбоносное. Все очевиднее и глубина кризиса в стране, и вина ее прежнего руководства. Вчера принято решение о предъявлении обвинения в государственной измене Хонеккеру, Миттагу, Мильке, Херману. Обвиняются в этом всего 29 бывших деятелей центрального уровня и 290 человек на местах. Они обвиняются в нарушении прав и конституционных свобод человека, в разрушении экономики, злоупотреблении властью.

Развитие в ГДР вступает в новый этап. Первый (октябрь—ноябрь) был очень кратким. Его революционный характер ставится под вопрос огромным негативным влиянием таких факторов, как открытие границы с ФРГ, массированным воздействием с ее стороны. Сейчас гнев масс, которые узнали о злоупотреблениях бывших функционеров высшего эшелона, переброшен против органов безопасности и партии в целом.

Наше коалиционное правительство было единственным органом, который поддержал авторитет государства. Но он начал сильно слабеть.

Партия после октября прошла два этапа. Когда Кренц был избран первым секретарем и Председателем Госсовета, была предпринята попытка взять под защиту старое руководство. Была проявлена большая непоследовательность в обновлении партии. Этот этап продолжался практически лишь до чрезвычайного съезда СЕПГ. На нем удалось предотвратить раскол партии, однако не добились крутого ее обновления. Сейчас в партии много различных платформ, но рядовые члены партии до сих пор не видят ее лица.

По инициативе деятелей церкви был созван «круглый стол». Привлекаем к работе и оппозиционные группы. Количество их растет. Правительство тоже участвует в «круглом столе». 15 января, после напряженных раздумий, ситуация заставила и меня выступить на заседании «круглого стола».

19 января на заседании Правления партии ставился вопрос о ее роспуске. Я был против и добился отклонения предложения о роспуске. 26 января совещание всех местных правлений партии тоже высказалось за ее сохранение. 4 февраля на очередном заседании Правления собираемся изменить название партии, впредь называть ее Партия демократического социализма. Дело, конечно, не только в изменении названия. Нужны прежде всего практические перемены, иначе потеряем базу.

С тем чтобы несколько ослабить драматизм положения, 22 января я предложил оппозиции принять участие в правительстве. В прошлое воскресенье провели широкое совещание «круглого стола» с участием новых оппозиционных партий и групп. Я открыто оценил положение в правительственной коалиции как все более хрупкое. Некоторые партии намеревались выйти из коалиции. Только огромными усилиями удалось сохранить дееспособность.

Но экономическая и социальная напряженность продолжают расти, затрагивая повседневную жизнь людей. Повсеместно раздаются требования о повышении зарплаты и пенсий, увеличении отпусков. Это потребовало бы дополнительного расходования примерно 40 млрд марок, что далеко превышает реальные возможности ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А как выглядит сейчас ваш государственный бюджет?

Х. МОДРОВ. Весь бюджет — 230 млрд марок. Внутренняя задолженность — 170 млрд марок, внешняя — 20 млрд долларов.

Решать наши проблемы мы можем только на пути повышения эффективности хозяйствования. Однако экономическое положение все ухудшается. Уже начались забастовки. Во многих местах временно приостанавливают работу, прибегают к замедлению ее темпов. Здесь опасная цепная реакция. Есть трудности в снабжении товарами повседневного спроса. Негативно сказывается открытие границ. Люди боятся нестабильности нашей валюты. Отсюда — бум покупок. Рост социальной напряженности все труднее контролировать. На местах идет распад местных органов власти. Во многих народных представительствах не хватает кворума. А там, где они еще сохраняются, их не признают. Авторитет местных органов власти подрывается и начавшимся процессом по делу о фальсификации коммунальных выборов 7 мая 1989 года. Правопорядок в стране оказывается под большим вопросом. Правовые

нормы грубо нарушаются. Далеко не полностью обеспечивается защита прав граждан. Раздаются угрозы диверсий на предприятиях и в учреждениях. Угрожают даже больницам. Все это вызывает страх у людей. Страх охватывает не только старые партии, но и новые.

Недавно председатель новой социал-демократической партии рассказал мне, что он постоянно меняет место жительства, ночует в Западном Берлине.

Растет радикализация и правых, и левых группировок. Есть случаи самоубийства работников государственной безопасности. Они, прямо скажем, находятся в тяжелом положении. Их общая численность достигает 85 тыс. человек. Отмечаются случаи волнений и в рядах национальной армии, хотя в целом она выполняет свой долг в рамках организации Варшавского Договора. Союз офицеров требует проведения военной реформы, повышения зарплаты. Возможности использования армии для наведения порядка внутри страны ограничены. Несколько стабильней положение в народной полиции. Она выполняет все функции охраны порядка, но не со всем может справиться достаточно надежно.

Растут негативные настроения по отношению к советским войскам. И здесь могут возникать проблемы. Это касается прежде всего тех случаев, когда проводятся занятия на полигонах. В ряде мест население очень внимательно следит за советскими частями.

Не останавливается интенсивная волна выездов из республики. За январь этого года ее покинуло примерно 50 тыс. человек. Если эти темпы сохранятся, то к концу года мы лишимся еще 500 тыс. граждан. Среди уезжающих, к сожалению, растет доля интеллигенции и молодых квалифицированных рабочих.

ГДР подвергается массивному воздействию со стороны ФРГ. Коль намерен принять личное участие в предвыборной борьбе на территории республики. В этих целях он даже отменил свои поездки в Чили и Бразилию и активно контактирует с Христианско-демократическим союзом в ГДР. Таким же образом действует и СДПГ. Брандт выступает в наших городах перед многотысячными митингами, и основное требование — объединение Германии. Он прямо заявляет, что Коль и Модров тормозят этот процесс, который надо ускорить. Под лозунгом «Германия — единое отечество» проходят демонстрации во многих наших городах. Вчера, например, в Лейпциге и Дрездене на них собралось до 100 тыс. человек.

Из всего этого следует вывод, что идею существования двух немецких государств уже не поддерживает растущая часть населения ГДР. И, кажется, эту идею невозможно уже сохранить. Тенденция к объ-

единению особенно остро дает себя знать в приграничных районах, например в Тюрингии. Сдерживать эти тенденции не могут не только старые, но даже и те новые партии, которые этого хотели бы. Процесс дестабилизации усиливается благодаря тому, что и в ФРГ, и в ГДР предстоят выборы. ФРГ фактически перенесла свою предвыборную борьбу в ГДР. И для Коля, и для социал-демократов уже она стала полем их предвыборной борьбы.

Весьма критическая ситуация создается в результате роста резких нападков на СЕПП. Это ведет к распаду и Государственного совета, и экономических органов. Сейчас даже трудно сказать, сколько человек осталось в партии — 500–600 тыс.? Некоторые говорят, что 800 тыс. или даже миллион. Но я не уверен в этом. До октября в партии насчитывалось 2 млн 200 тыс. человек. К сожалению, выходит немало и видных людей: генеральные директора комбинатов, другие ответственные работники. Негативно сказалось прямое предательство Бергхофера, а он ведь был заместителем председателя правления.

Моя резкая оценка ситуации в стране на заседании «круглого стола» в прошлое воскресенье не вызвала возражений. Все, в том числе и представители новых партий, подтвердили, что ситуация весьма серьезная. В результате на заседании был достигнут консенсус. Его главные моменты:

— приблизить выборы в народную палату, провести их 18 марта с.г., а 6 мая — в местные народные представительства;

— создать правительство национальной ответственности, в которое вошли бы по одному представителю от всех партий и групп, участвующих в «круглом столе», в качестве министров без портфелей, но с правом решающего голоса для принятия правительственных постановлений;

— правительство выделяет представителей для участия в «круглом столе».

Пойти на это пришлось потому, что оппозиция могла бы парализовать действия правительства и Народной палаты.

Пока нельзя с уверенностью сказать, будет ли новое правительство дееспособным, насколько тяжелым окажется груз новой коалиции. Не прекращается поток выступлений внутри и извне, направленных на выхолащивание идеи сохранения ГДР в качестве самостоятельного государства. То, что сейчас в этом плане делается по отношению к нашей республике, это по сути дела попытка демонтировать все послевоенное устройство в Европе. На демонстрациях, как это было, например, недавно в Лейпциге, терроризировали тех, кто нес знамя ГДР. Улица сейчас, к сожалению, полностью в руках противника. Поэтому

непредсказуемо поведение на предстоящих выборах даже тех, кто не участвует в уличном разгуле.

Считаю исключительно важным обсудить всю проблему, касающуюся двух государств на немецкой земле, и связанные с этим конкретные шаги. Дело в том, что идеи и формулировки, которые мы использовали до сих пор, уже не действуют. Большинство общественных сил, за исключением мелких левых сект, так или иначе группируются вокруг идеи объединения. Мы подготовили свои соображения на этот счет, с которыми я просил бы вас по возможности прямо сейчас здесь познакомиться (*передает документ*)⁶⁵.

Если мы не проявим сейчас инициативу, то начавшийся процесс будет продолжаться стихийно и скоротечно, уже целиком помимо какого-либо нашего воздействия. Только наша инициатива может повернуть его в русло ответственности, об исключительной важности которой говорил сегодня журналистам ГДР Михаил Сергеевич. Совершенно согласен с вами в том, что Коль отходит от договоренностей, которые были достигнуты с ним в Дрездене. Во-первых, он почувствовал, что в ГДР сложилась такая ситуация, которой он может воспользоваться, выступая в качестве инициатора процесса объединения. Во-вторых, объединение стало центральным вопросом предвыборной борьбы в ФРГ. И поэтому каждый из участников этой борьбы старается ускорить его решение, чтобы набрать себе больше очков.

Как мы можем влиять на ход событий? Важно затормозить процесс и перевести его в общеевропейское русло; иначе будет нарастать влияние другой стороны, а наше влияние падать.

Думаю, что стоило бы Советскому Союзу напомнить о своих правах в Германии вместе с другими тремя державами. Стоило бы быстро договориться о партнерстве четырех держав в деле стабилизации положения.

Для нас очень важно ваше мнение относительно наших новых предложений. Думаю, целесообразно изучить вопрос, на каком международном уровне следовало бы обсудить нынешнее положение в Европе, и прежде всего в Центральной Европе. Ведь процессы, происходящие сейчас на немецкой земле, затрагивают и наших соседей, особенно Польшу.

Нам могли бы помочь соответствующие заявления министров иностранных дел Советского Союза и США, встреча которых, как известно, предстоит в ближайшее время в Москве.

Огромной помощью для нас был бы визит в ГДР Михаила Сергеевича и Николая Ивановича, особенно в свете того, что с Запада в последнее время очень активно приезжают к нам высшие руководящие деятели.

Что касается экономических вопросов, то мы обсуждали их недавно с товарищем Силаевым. Поэтому здесь хотел бы сказать лишь о самом главном. Очень серьезна для нас проблема поставки нефти из Советского Союза. В январе мы получили на 508 тыс. тонн меньше соответствующей договоренности. В первом квартале поставки сократятся на 1 млн 127 тыс. тонн. Это приведет к огромным негативным последствиям в нашей химической промышленности, отразится на работе транспорта и снабжении топливом населения, на обеспечении весеннего сева. В январе нам удалось несколько выровнять положение, но дальше сделать это будет вряд ли возможно, поскольку из-за высокой внешней задолженности поля для маневра у нас практически нет. Прошу еще раз рассмотреть возможность решения этой тяжелой для нас проблемы на высоком уровне, потому что в беседе с товарищем Силаевым добиться договоренности не удалось.

И еще об одном. Очень серьезная ситуация на предприятии «Висмут». Там у нас занято 40 тыс. человек. Решить проблему с товарищем Белоусовым тоже не удалось, а проблема острая, и не только в экономическом плане.

Весьма тяжелая ситуация создается в валютной сфере из-за открытых границ. Сейчас действует обменный курс: одна марка ГДР — на три марки ФРГ, а коммерческий курс — один к восьми. В предстоящие недели и месяцы это создаст большие проблемы в снабжении населения. Вся наша социальная политика была эффективной лишь в условиях закрытых границ. Теперь же все наши социальные достижения оборачиваются против нас, так как установленные у нас низкие цены на товары исключительно выгодны теперь спекулянтам. По западным маркам, они скупают у нас товары за бесценок. Да и граждане ГДР, которые теперь могут работать и в Западном Берлине, и в ФРГ, тоже пускаются в спекуляцию с валютой.

В нынешних условиях союз с Советским Союзом сохраняет для нас стратегическое значение. И отношения с СССР являются для нас по-прежнему приоритетными. Более того, сейчас необходимо активизировать все возможности, которые только есть в нашем сотрудничестве. Особенно актуально стабильное взаимодействие в экономике. Исключительно важна деятельность двусторонней правительственной комиссии. От этого сейчас во многом зависит экономическая ситуация в ГДР.

В духе дискуссий, прошедших недавно в Софии на сессии СЭВ, мы стремимся работать над своим участием в международном разделении труда с ФРГ и Западной Европой в целом. Они сейчас довольно широко идут нам навстречу. Видимо, в этой области мы могли бы теснее сотрудничать.

В связи с начавшимися в ЧССР и Венгрии кампаниями за вывод советских войск аналогичные вопросы стали ставиться и перед правительством ГДР. Но главный вопрос в нашем международном сотрудничестве — это проблема отношений между двумя немецкими государствами.

В субботу мне предстоит короткая встреча с Колем в Швейцарии, а более продолжительная 13–14 февраля в Бонне. Для того чтобы эти встречи были достаточно эффективными, мне очень важно получить ваши советы.

Думаю, наша нынешняя встреча по своему содержанию и значению такая, какой еще не было. Я рассказал все как есть. К сожалению, не могу сказать ничего другого.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу отметить откровенность вашей информации. Мы тоже придерживаемся принципа: реально смотреть на вещи и реально их оценивать, приятные они или нет. Без этого не может быть реальной политики. Уклоняться от жизни никто не имеет права. Более того, промедление создает вакуум, который заполняют другие силы, преследующие другие политические цели. Это может лишь породить сумятицу, дезориентировать общество.

Понимаем остроту положения ГДР. Соседство с ФРГ накладывает на нее особый отпечаток. Так было всегда, а поэтому мы уже давно давали понять руководству ГДР, что необходимы перемены, учитывающие требования времени. И в тех условиях, когда положение республики было достаточно стабильным, такие перемены, скорее всего, могли бы пройти относительно безболезненно. Теперь же страна во многом охвачена эйфорией воссоединения. Но даже в ФРГ рационально мыслящие круги понимают, что если нынешние процессы примут неконтролируемый характер, то это тяжело скажется и на ФРГ, и на всей Европе. Деловые круги сознают, что если поток переселенцев из ГДР не прекратится, то в результате «расхлебывать кашу придется именно им и народу ФРГ, политики которой сейчас в предвыборной гонке соревнуются между собой в подогревании националистического ажиотажа в ГДР.

Согласен с вами, что для ГДР сейчас судьбоносный период. И поэтому хочу сказать вам, товарищ Модров: не теряйтесь, держитесь последовательно. Пусть и в правительстве, и за «круглым столом», и везде почувствуют, что стержень в политике, которой придерживается Модров, есть. И думаю, народ сможет тоже почувствовать это. Думаю, ваши соображения о приближении выборов правильные. Ведь сейчас и Коль, и другие усиленно раскачивают ситуацию, хотят полностью дискредитировать СЕПГ, правительство Модрова и со-

здать, таким образом, более благоприятную среду для достижения своих политических целей.

Мы, со своей стороны, прямо скажем Колю, что это недальновидная политика. Если они будут продолжать дестабилизировать правительство Модрова, то это будет иметь далеко идущие негативные последствия для всех, в том числе и для Коля, для ФРГ в целом. Ведь сейчас все так тесно взаимосвязано. Мы намерены это ему сказать при личной встрече, а он очень хочет встретиться с нами в Москве. Думаю, что и сейчас, после нашей с вами встречи, направим ему наши письменные соображения. Полагаю, что может быть весьма конструктивной мысль об особой ответственности трех наших государств за процессы, идущие сейчас в центре Европы. Такая формула позволяет нам отстаивать и интересы ГДР и влиять на процесс ее сближения с ФРГ. Она подчеркивает необходимость учета наших интересов. Мы найдем способ довести до Коля мысль о нежелательности возникновения кризиса доверия из-за действий, ставящих под сомнение достигнутые политические договоренности.

У нас есть немало возможностей — и мы их используем и в Лондоне, и в Париже, да и в США — действовать в этом же ключе. Хотя, откровенно говоря, все больше признаков того, что США хотели бы разыграть немецкую карту. Их беспокоят перспективы собственных позиций в будущей Европе. Их не устраивает ни западноевропейская интеграция, ни тем более интеграция всей Европы. Они, видимо, взвешивают и возможность объединения и нейтрализации Германии, даже если это обернется полным выводом американских войск из Западной Европы.

Все это надо учитывать и вам, использовать немалые резервы для инициативной политики.

Что касается Советского Союза, то мы понимаем потребность немецкого народа в ФРГ и ГДР в углублении общения, его стремление к сотрудничеству и взаимодействию. Думаю, вы в ваших предложениях правильно намечаете этапы. Очевидно, сейчас надо настраиваться на заключение договора о сотрудничестве и добрососедстве с элементами конфедерации. Таким образом, уже на первом этапе вводятся новые элементы. Следующий этап — переход к конфедеративным структурам и в отдаленной перспективе — к срастанию двух государств в единое. Представляется, это неплохая основа для инициативной деятельности.

Конечно, мы непременно доведем эти ваши соображения до всего нашего руководства. Но уже сейчас можно сказать, что вы правильно подчеркиваете необходимость таких предпосылок для развития про-

цесса, как поддержание стабильности и правопорядка. Только внутренняя нормализация в ГДР может подготовить здоровое движение к будущим этапам. Думаю, безусловно, правильной является и мысль о том, что процессы сближения не могут идти при игнорировании прав четырех держав.

Откровенно говоря, большое совпадение наших мыслей и подходов объясняется тем, что буквально несколько дней назад, в пятницу, за этим же самым столом мы с рядом наших компетентных товарищей из руководства и специалистами подробно обсуждали вопросы, связанные с процессами, происходящими в ГДР. Поэтому я сейчас так реагирую на ваши соображения.

Полагаю, возможна и встреча четырех держав по этим вопросам, может быть — даже на высшем уровне. Заявления об их намерениях могли бы канализировать процессы в более здоровое русло. Единины мы и в том, что германские дела должны решаться в контексте общеевропейского развития. Самый главный вопрос — военный нейтралитет ГДР и ФРГ. Это требует обдумывания в конкретном плане. Но одно несомненно и очень важно — этот процесс должен идти с двух сторон. Если будет разрушена военно-политическая структура на Востоке, то создастся резкий перекося в балансе сил, что, конечно, не может не вызывать общую обеспокоенность всех европейцев. Вопрос ставится не вообще о нейтралитете, а о военном нейтралитете как этапе. Это надо нашим министрам хорошо проработать.

Главное — сохранение государственного суверенитета ГДР, невмешательство в ее внутренние дела.

Словом, представляется, что ваши предложения исходят из активной позиции, и надо ее продвигать, чтобы не уступить инициативу. Как вы полагаете такую инициативу реализовать?

Х. МОДРОВ. Сразу видно, что поставленные нами вопросы уже прорабатывались вами раньше. И то, что вы сейчас сказали, большая поддержка для нас. Нам нужно держаться. У нас просто нет другого выбора. Я уговаривал членов СЕПГ не выходить из правительства. Мы теперь действуем по принципу, когда-то начертанному на наших знаменах: «Пролетариям нечего терять...». Сейчас у нас одна цель — сохранить в чистоте свое имя, остаться порядочными людьми, которым никто не мог бы сказать, что мы были трусами и безголовыми в то время, когда надо было действовать.

Моя собственная ситуация все больше осложняется. Я единственный из тех членов Политбюро ЦК СЕПГ, кто остался на занимаемом посту. И сейчас уже начинаются выпады против меня. Этим зани-

маются и внутри республики, и на Западе. Только вчера в «Ди Вельт» утверждали, что я не полностью ликвидировал Министерство безопасности, агенты которого продолжают действовать в ФРГ. В воскресенье вечером я практически поставил вопрос о доверии...

Теперь о том, как мы думаем реализовать наши новые соображения. Во-первых, скажем о них сегодня на пресс-конференции здесь в Москве. Скажем, что передали наши соображения советской стороне, которая изучает их.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо хорошо взвесить, как целесообразнее поступить. Может быть, еще до вашей встречи с Колем выйти на широкую общественность с этими новыми предложениями, изучив, как это лучше сделать — вам лично, или от имени коалиционного правительства, или от «круглого стола». Если выступит Модров и скажет, что это позиция всего правительства, то это будет сильный ход, это подкрепило бы позиции правительства, уменьшило бы его хрупкость и вместе с тем связало бы всех его участников. Но вопрос в том, поддержат ли вас в коалиционном правительстве или нет, не заблокируют ли, не начнутся ли долгие дебаты, что приведет к потере времени. Не лучший ли вариант — выступление лично от имени главы правительства? Может быть, с кем-то из состава правительства посоветоваться, подготовить почву, чтобы не было для всех неожиданностью, и не вызвало бы конфронтационной реакции.

Н.И. РЫЖКОВ. Может быть, стоит широко преподнести новые предложения в выступлении перед парламентом, чтобы парламент не оставался в стороне.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Вы уверены, что получите поддержку правительства?

Х. МОДРОВ. Думаю, что в основном получим. Может быть, будут и какие-то добавления. Еще сегодня вечером я смогу проконсультроваться с представителями церкви и некоторыми другими участниками «круглого стола».

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Наверняка развернется борьба вокруг вопроса о нейтралитете.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Действительно, важно не обходить ни правительство, ни парламент. Может быть, стоило бы широко осветить как раз ваше выступление с новыми предложениями перед правительством с тем, чтобы был крупный задел уже к вашей встрече с Колем. Что касается нашей позиции, то можно было бы, наверное, сказать, что в целом новые предложения правительства ГДР встречены советской стороной с должным вниманием, при том понимании, что они заслуживают обсуждения всеми заинтересованными государствами...

Х. МОДРОВ. Хотел бы уточнить вопрос о нефти. Можно ли рассчитывать на помощь?

Н.И. РЫЖКОВ. Это очень трудная проблема для нас. Добыча нефти упала на 17 млн тонн. Мы в трудном положении. Будем еще смотреть, есть ли малейшая возможность помочь. Но ситуация, повторяю, очень сложная.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В общем будем делать все, чтобы не допустить разрушения двусторонних экономических связей. Думаю, необходимость их должны понимать и в ФРГ. Важно втягивать западных немцев и в трехстороннее экономическое взаимодействие, в создание трехсторонних совместных предприятий. Ведь и с ФРГ, и с ГДР у нас самые большие связи. Кстати, западные немцы тоже должны понимать, что им одним брать на себя экономические проблемы ГДР вряд ли под силу. Разве они смогут, например, обеспечить ГДР топливом, сырьем? Словом, мы в принципе за то, чтобы взаимовыгодные двусторонние связи сохранялись. Эти вопросы надо и с ФРГ обсуждать.

Х. МОДРОВ. Мы стремимся получить от ФРГ определенную экономическую поддержку, рассчитываем на 15 млрд западных марок. Кроме того, на 4–5 млрд товаров для рынка. Они пока жмутся.

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** А как вы думаете защищать членов СЕПГ от необоснованных нападков? Ведь нельзя на большинство партийцев возлагать ответственность за преступления Сталина, ошибки Брежнева. Рабочий класс, крестьяне, трудовая интеллигенция не могут нести ответственность за всю деятельность прежнего руководства СЕПГ. Здесь важна и моральная сторона. Не зря же, в самом деле, целые поколения трудящихся жизнь прожили.

Х. МОДРОВ. Мы пытаемся делать это, Михаил Сергеевич, но отклика необходимого нет даже на предприятиях.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Что, и внизу вскрывается так много безобразий, злоупотреблений?

Х. МОДРОВ. Пожалуй, не в этом дело. Сейчас та ненависть, которая вспыхнула против высшего руководства, к сожалению, распространяется на всех членов партии. Раздаются требования объявить всю партию преступной организацией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этого допускать нельзя, надо бороться.

Х. МОДРОВ. Даже от Президента ФРГ Вайцзеккера я получил обращение, в котором он говорит о негуманном обращении с бывшими руководителями ГДР. Я вынужден был ответить ему, что не в компетенции правительства приостановить начатые процессы. Однако хочу переговорить в этой связи с церковными деятелями, может быть, с крупными адвокатами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, критерий здесь должен быть только один — закон. Если кто-то незаконно получил деньги, построил собственную дачу за государственный счет, злоупотребил властью, он должен за это отвечать в полном соответствии с законом. Но если речь идет о политических просчетах, ошибках, это иная плоскость. Есть ли хоть один политик, не совершавший ошибок? Конечно, нет. Так что же, тогда надо судить буквально всех и каждого, кто занимается политикой?

Х. МОДРОВ. Думаю, интересна и важна постановка вопроса о трехстороннем экономическом сотрудничестве — СССР—ГДР—ФРГ. Важно было бы быстрее договориться о конкретных вещах. Мы, например, недавно передали ФРГ свои предложения по 30 проектам. Они намерены дать нам под это особый кредит. Речь идет о своего рода плане Маршалла. Видимо, будет выделено 6 млрд марок, главным образом, на развитие мелкого частного предпринимательства. Кроме того, сейчас бурно развиваются непосредственные связи между землями ФРГ и округами ГДР.

Для нас очень важным был бы приезд в ГДР уже в ближайшее время Горбачева и Рыжкова, которых мы официально приглашаем с визитами. Это очень актуально в свете того, что руководители ФРГ и других западных государств сейчас очень активно посещают ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, мы могли бы с благодарностью принять ваши приглашения. Я, правда, недавно был у вас. Может быть, теперь Николай Иванович смог бы совершить ответный визит в Берлин. Хотя, конечно, уезжать сейчас очень трудно. У нас процесс перестройки вступил в бурную фазу. Уже события в ваших странах начинают на нас влиять. Кое-кто даже заявляет, что, дескать, надо и в СССР делать так, как в ГДР или Румынии.

Х. МОДРОВ. Учитывая обстановку, сложившуюся в СЕПГ и стране, мне пришлось по-новому определить свою позицию в партии. Я нашел такую формулу: глава правительства отвечает перед народом, а не перед одной партией. Соответственно отказался от поста заместителя председателя Правления партии, тем более, что фактически я этой функции и не осуществлял. Главе коалиционного правительства приходится поддерживать консенсус, выходящий далеко за партийные рамки. Так, например, у меня установилось очень неплохое взаимопонимание с церковью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Разумеется, необходимо учитывать специфику ситуации в стране и находить отвечающие ей новые формы политических институтов и всей политической работы.

За Германию, единое отечество

(концепция к дискуссии о пути к германскому единству)⁶⁵

Исходя из воли граждан ГДР и ФРГ и в осуществление права немецкого народа на самоопределение, мы стремимся к объединению двух германских государств. Обусловленная историческими, общественно-политическими, а также экономическими реальностями эта цель может быть достигнута только поэтапно, в ходе многолетнего процесса.

Необходимыми и возможными этапами на этом пути могли бы стать:

— заключение договора о сотрудничестве и добрососедстве (договорное сообщество), который содержал бы уже существенные конфедеративные элементы, такие, как экономический, валютный и транспортный союз, сближение правовых систем;

— создание конфедерации между ГДР и ФРГ с совместными органами и учреждениями, такими, как, например, парламентский комитет, палата земель, совместные исполнительные органы;

— в дальнейшей перспективе ставится цель слияния в единое германское государство в форме «Германской федерации» или «Германского союза» посредством проведения выборов в обеих частях конфедерации, образования единого парламента, единой Конституции и единого правительства с местопребыванием в столице Берлине.

Необходимыми предпосылками такого развития являются:

— продолжение процесса демократического обновления при сохранении стабильности, правопорядка и законности, дееспособность государственных органов ГДР, переход к земельной структуре;

— соблюдение интересов и прав четырех великих держав, а также заинтересованности всех народов Европы в мире и стабильности, независимости, суверенитете и надежных границах. Заявление о намерениях четырех великих держав о том, что после образования единого

германского государства будут окончательно урегулированы все вопросы, возникшие в итоге Второй мировой войны и послевоенного периода, включая присутствие иностранных войск на немецкой земле и принадлежность к военным союзам;

— включение процесса немецкого единства в европейский процесс с учетом предложений о создании «европейского дома» и «европейской конфедерации»;

— военный нейтралитет ГДР и ФРГ на пути к федерации;

— уважение государственного суверенитета и принципов невмешательства и независимости.

Этот процесс объединения немцев осуществится на основе договоренностей между правительствами и парламентами ГДР и ФРГ. Все стороны заявляют о своей приверженности демократическим и ненасильственным формам политической борьбы и создают для этого необходимые гарантии. Они способствуют цивилизованному и культурному диалогу по этому вопросу на национальном и международном уровнях, включая проведение референдумов. Конструктивную роль в этом процессе могла бы взять на себя намеченная на конец 1990 года встреча в верхах стран — участниц СБСЕ.

Эту концепцию отличает приверженность демократическим, патриотическим и прогрессивным идеям и движениям общей истории и недавнего прошлого в пользу единства немецкой нации, а также гуманистическим и антифашистским традициям немецкого народа. Их осуществление должно отвечать пожеланиям и интересам немецкого народа, а также стать одним из факторов прочного мира, стабильности, сотрудничества и благосостояния на европейском континенте.

Эта концепция обращена к гражданам ГДР и ФРГ, ко всем европейским народам и государствам, к мировой общественности с просьбой высказывать свои мнения, идеи и предложения.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

В.В. Загладин о беседе с послом ФРГ в СССР К. Блехом

1 февраля 1990 года

1. К. Блех, сославшись на свою беседу с советником Г. Коля по вопросам внешней политики Х. Тельчиком, сказал, что последний поручил передать ему следующее.

В политике, направленной на сближение и подготовку к воссоединению ФРГ и ГДР, правительство ФРГ стремится действовать взвешенно (чего, отмечает Тельчик, нельзя сказать о некоторых представителях политических сил ФРГ, в том числе и правящих партий). При этом канцлер исходит из учета двух основных моментов.

Первый из них — ответственность ФРГ в международном плане. Мы, передает Тельчик, понимаем, что у соседей ФРГ, да и не только у соседей процесс воссоединения вызывает беспокойство. И мы не хотим предпринимать ничего такого, что хоть сколько-нибудь оправдывало бы это беспокойство.

Второй — национальная ответственность правительства ФРГ. Эта национальная ответственность требует, с одной стороны, учитывать стремление немцев на Востоке и на Западе к единству, считаться с их эмоциями. С другой стороны, эта же национальная ответственность требует не спешить, не ускорять процесс искусственно. Ибо такое ускорение, а особенно его последствия будут создавать серьезнейшие проблемы для самой ФРГ в хозяйственном, социальном и политическом плане. Канцлер отлично это сознает.

Тельчик просил передать далее, что правительству очень трудно «соединить эмоции с разумными действиями», тем более что эмоции сейчас все больше подогреваются из ГДР. В ФРГ же среди граждан растет чувство настороженности (с осознанием тех сложных проблем,

которые неизбежно породит для ФРГ воссоединение, особенно, что нежелательно, ускоренное).

2. Далее Блех сказал, что в Бонне с большим интересом ознакомились с сообщением о встрече М.С. Горбачева с Х. Модровым. «Кто умеет читать, может найти там много интересного и позитивного. Речь идет о новом шаге в европейской политике. Ни одно из замечаний советского лидера, говорил Блех, не вызывает возражений ни у меня лично, ни у Тельчика.

К. Блех сказал, что обсуждал с Х. Тельчиком проблему вмешательства политических партий ФРГ в избирательную кампанию в ГДР. Тельчик признал, что политические партии ФРГ «допускают перебор», что они чересчур активны. Со своей стороны, Блех сказал, что активность партий ФРГ, действительно, чересчур велика, но что это результат, во-первых, давления из ГДР — все «родственные» партии требуют помощи, и трудно, мол, им отказать. Во-вторых, сказывается предвыборное соперничество ХДС—ХСС и СДПГ. Самую большую активность развили социал-демократы, и ХДС/ХСС «не может отступать перед их нажимом». «Поговорите с Брандтом», — говорил посол.

3. Затем был затронут вопрос о последствиях процесса восстановления единства Германии, то есть вопрос о безопасности и границах... Блех отрицал, что есть даже малейшая опасность возрождения агрессивных тенденций в объединенной Германии. Он сказал далее, что думать о том, какими могут быть юридические гарантии, надо сообща, с участием заинтересованных стран.

В этой связи задал послу вопрос о границах, в частности о польской. Хотя канцлер, будучи в Париже, выступал по этому поводу более определенно, чем ранее, но все же элементы нечеткости в его высказываниях были. А уже после этого выступления председатель Конституционного Суда ФРГ Герцог снова повторял: германский Рейх юридически все еще продолжает существовать. Как увязать одно с другим?

К. Блех, отвечая, говорил о том, что ни в одном документе Конституционного Суда не говорится о границах 1937 года; что в Конституции речь идет об объединении «немецкого народа», но не земель, где когда-то жили немцы; что, говоря о воссоединении, в ФРГ думают только об объединении ГДР и ФРГ, но никто не полагает, что за этим последует «присоединение» каких-то других земель, ныне входящих в состав Польши или СССР.

Далее К. Блех сказал, что, какие бы расчеты ни строили в Москве или Бонне, события развиваются своим ходом. Время поджимает.

Канцлер, заключил посол, надеется на *личную* рабочую встречу с М.С. Горбачевым, имея в виду часть встречи обязательно провести один на один. Ибо у него «есть что-то такое, в том числе касающееся ГДР, что может сказать только он и только лично М.С. Горбачеву».

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

Встреча М.С. Горбачева с Г. Гизи

2 февраля 1990 года

В беседе был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с происходящими в Советском Союзе и ГДР процессами демократических преобразований, обновления обеих партий, развитием обстановки в европейском регионе.

Гизи рассказал о кардинальных переменах в содержании и методах деятельности СЕПГ–ПДС, стремлении партии активно содействовать стабильности в стране, нарушение которой ставит под угрозу коренные интересы укрепления мира в Европе и прежде всего самих немцев.

КПСС, сказал М.С. Горбачев, солидарна с единомышленниками в ГДР. Освобождаясь от груза прошлого и сознавая свою ответственность за судьбы страны и народа, СЕПГ–ПДС способна внести большой конструктивный вклад в столь необходимую для ГДР консолидацию всех прогрессивных и демократических сил.

Были отмечены мужество, сила духа товарищей, смело противостоящих кампании травли по отношению к массе честных партийцев, достойно работающих на благо общества. В атмосфере разжигания антикоммунистических настроений развязнее ведут себя неонацистские, профашистские группы в ГДР, за счет которых явно хотели бы расширить и укрепить свои позиции внешние праворадикальные силы.

Собеседники были единодушны в понимании важности демократических перемен в ГДР, ее безусловного права самой решать вопросы своего будущего. Они заявили о недопустимости вмешательства извне во внутривнутриполитическую жизнь республики, которое нельзя квалифицировать иначе, как попытку подрыва суверенного государства, выступающего одним из важнейших гарантов стабильности в Европе на нынешнем историческом повороте в его развитии.

В Советском Союзе, отметил М.С. Горбачев, с пониманием воспринимается стремление немцев ГДР и ФРГ к сближению и взаимодействию. Это естественный факт. Об этом шла речь и в недавней беседе с Х. Модровым. Хотелось бы еще раз подчеркнуть пагубность нагнетания страстей вокруг этого вопроса, упрощенческого подхода к нему.

Мы убеждены, сказал советский руководитель, что в рамках европейского процесса, в конструкции общего дома в Европе может найти свое решение и вопрос о немецком национальном единстве. Произойдет ли это в условиях общеевропейской конфедерации, с идеей которой выступил Президент Ф. Миттеран, или в какой-либо иной форме, — это остается за историей. Мы надеемся, в двух германских государствах будет проявлена высокая ответственность при поисках таких путей и форм возможного единения, которые не противоречили бы интересам всех европейских народов, интересам мира во всем мире. Позиция СЕПГ—ПДС по этим вопросам, насколько нам известно, довольно определенно выражена в заявлении Президиума ее Правления 1 февраля с.г.

В условиях активного развертывания германских проблем всем странам, всем партиям и движениям, чьи интересы это остро затрагивает, людям на улицах и людям в кабинетах — всем необходимо действовать осмотрительно и в высшей степени разумно. Иначе можно погубить Европу, только-только вставшую на путь взаимного доверия и сотворчества.

Отвечая на вопросы журналистов, Г. Гизи сказал, что процесс объединения двух германских государств будет идти по пути конфедерации в рамках общеевропейского процесса с учетом интересов четырех великих держав. На первом этапе будет формироваться договорное сообщество при признании суверенитета и независимости. Этот процесс, по его мнению, будет способствовать стабилизации в Европе, развиваясь в рамках общеевропейского объединительного процесса. В противном случае, подчеркнул руководитель СЕПГ—ПДС, это был бы путь к дестабилизации.

При решении германского вопроса, заметил он, надо найти правильную последовательность действий, чтобы этот процесс не нанес ущерба интересам немцев и других европейских народов.

Оценивая перспективы внутривнутриполитического развития в ГДР, в частности возможный исход выборов в Народную палату республики, Г. Гизи подчеркнул, что его партия примет любой результат выборов.

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бейкером⁶⁶ 9 февраля 1990 года

(Во встрече участвовали Э.А. Шеварднадзе и А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. [...] В начале этой части нашей беседы хотел бы дополнить сказанное относительно общеевропейской встречи в 1990 году⁶⁷.

Судя по многочисленным признакам, ситуация в Европе вырывается из рук. Поэтому нам эта встреча в верхах поможет канализировать процессы. Направление развития, если оно будет идти в демократических эволюционных формах, может дать результаты, благоприятные и для Запада, и для Востока.

Я подумал: наш прогноз о том, что мир будет меняться, причем меняться драматически и во многих своих частях, оказался правильным. И очень хорошим совпадением является то, что в это время отношения между двумя наиболее мощными и влиятельными странами мира находятся в благоприятной фазе. Это важно для настоящего, это заделы на будущее.

Сейчас мы можем еще многое сделать. Дальше будет сложнее. Я говорил, что наши страны «обречены» сотрудничать. Надо сделать это сотрудничество стабильным. Между нами нет непреодолимых противоречий. А те противоречия, которые существуют, надо понять и стремиться поставить их в рамки взаимодействия...

Дж. БЕЙКЕР. Сегодня утром у меня с министром Шеварднадзе было обстоятельное обсуждение германского вопроса. Хотел бы услышать и ваши соображения на этот счет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я хотел бы послушать вас.

Дж. БЕЙКЕР. Во-первых, этот процесс идет гораздо быстрее, чем кто-либо мог ожидать в прошлом году, даже в декабре прошлого года. На протяжении прошлой недели я встречался с министрами иностранных дел Великобритании, Франции, ФРГ. Все придерживаются

того же мнения. 18 марта народ ГДР проголосует на выборах. Подавляющим большинством он выскажется за объединение, изберет руководителей, которые поддерживают идею объединения Германии. Вскоре два германских государства начнут обсуждение внутренних аспектов объединения, таких вопросов, как объединение правительств, парламентов, общая столица, общая валюта, экономический союз. Все это уже происходит де-факто.

Мне хорошо известна озабоченность Советского Союза, о которой мы подробно говорили с министром. При этом мы воспринимаем ваши недавние высказывания и выступление господина Шеварднадзе в Брюсселе в декабре прошлого года как выражение понимания вами того факта, что объединение является неизбежным. Самое главное — чтобы этот процесс протекал в стабильных условиях и обеспечивал стабильность на перспективу. Мы считаем, что для этого необходимы рамки или механизм решения вопросов, касающихся внешних аспектов объединения. В то же время к созданию такого механизма необходимо подходить крайне осторожно, с тем чтобы не вызвать всплеска германского национализма. Приступить к его созданию необходимо только после того, как две Германии начнут обсуждение внутренних аспектов объединения.

Мы начали с французами и немцами предварительное, пока без прицела на договоренность обсуждение возможности создания механизма «2 + 4».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел спросить вас, что вы думаете относительно механизма «4 + 2»?

Дж. БЕЙКЕР. Думаю, что лучше иметь именно механизм «2 + 4». Я разъяснял г-ну Шеварднадзе, почему, на наш взгляд, четырехсторонний подход не сработает. Думаю, что идея использования процесса СБСЕ тоже трудно осуществима, так как это было бы слишком громоздко. Хочу также подчеркнуть, что у меня нет заверений со стороны ФРГ, что немцы согласятся с подходом «2 + 4».

Разумеется, выработывая подход к внешним аспектам объединения, необходимо в определенной степени учитывать и озабоченности соседей Германии. Поэтому вполне возможно, что форум СБСЕ мог бы использоваться для ратификации договоренностей, которые будут выработаны в рамках механизма «2 + 4».

Мы с вами вместе воевали, вместе принесли в Европу мир. К сожалению, потом мы плохо распорядились миром, и это привело к «холодной войне». Мы не смогли тогда взаимодействовать. Сейчас, когда в Европе происходят быстрые и фундаментальные перемены, у нас есть более благоприятные возможности взаимодействия в инте-

ресах сохранения мира. Я очень хочу, чтобы вы знали: ни Президент, ни я не намерены извлекать односторонних преимуществ из происходящих процессов.

Еще некоторые моменты. Мы действительно не выступаем за то, чтобы Германия была нейтральной. Западные немцы тоже сказали нам, что они не считают такое решение удовлетворительным. Хотел бы пояснить почему.

Если Германия будет нейтральной, то она не обязательно будет не милитаристской. Наоборот, она вполне может принять решение о создании своего собственного ядерного потенциала вместо того, чтобы полагаться на американские ядерные силы сдерживания. Все наши западноевропейские союзники и ряд восточноевропейских стран довели до нашего сведения, что они хотели бы, чтобы Соединенные Штаты сохраняли военное присутствие в Европе. Не знаю, поддерживаете ли вы такую перспективу. Но хочу заверить: если только наши союзники скажут нам, что они против нашего присутствия, мы выведем свои войска домой.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Насчет других ваших союзников я не знаю. А вот объединенная Германия вполне может этого потребовать.

Дж. БЕЙКЕР. Если так, то наши войска вернутся домой. Мы уйдем из любой страны, которая не хочет нашего присутствия. Настроения в пользу этого всегда были сильны в американском народе. Однако если во главе объединенной Германии будет стоять нынешнее западногерманское руководство, то это руководство говорило нам: оно против того, чтобы мы уходили.

И последнее. Механизмом, обеспечивающим присутствие Соединенных Штатов в Европе, является НАТО. Если НАТО будет ликвидирована, то такого механизма присутствия США в Европе не будет. Мы понимаем, что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении. Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «2 + 4» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток.

Вот наши соображения. Может быть, можно найти и лучший подход. У нас пока нет согласия немцев на этот подход. Я изложил его Геншеру, и он сказал лишь, что обдумает его. Что касается Дюма (*министр иностранных дел Франции*), то ему эта идея понравилась. Теперь

я изложил этот подход вам. Повторяю, может быть, можно придумать что-то гораздо лучшее, но пока нам это не удалось.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу сказать, что в целом мы разделяем такой ход размышлений. Действительно, процесс начался, он идет. И нам надо попытаться приспособиться к новой реальности. Нужен механизм, который содействовал бы тому, чтобы стабильность в Европе — этом очень важном центре мировой политики — не была нарушена. Конечно, у нас с вами есть некоторые различия во взгляде на ситуацию. Думаю, в этом нет ничего страшного. Главное — не подходить к ситуации слишком упрощенно.

Во-первых, мы хотим, чтобы положение в Европе улучшилось. Нельзя допустить, чтобы в результате происходящего положение стало хуже. Надо думать о том, как действовать в условиях новой реальности. Возникает вопрос: какая это будет Германия? Как она будет склонна действовать в Европе и в мире? Это вопросы принципиальные. И они, как мы видим, воспринимаются по-разному, скажем, в Париже, Лондоне, Варшаве, Праге, Будапеште.

Дж. БЕЙКЕР. Это я понял.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вчера я говорил по телефону с Ярузельским. Он знает, что вы сейчас находитесь в Москве, знает также, что завтра в Москву приезжают Коль и Геншер. С учетом этого Ярузельский высказал суждения по ряду вопросов, в частности по Германии. А Германия — это для поляка вопрос! Он считает, что надо поддерживать контакты, консультироваться по этому вопросу. Он высказал мнение, что присутствие американских и советских войск в Европе является элементом стабильности.

Если же взять Чехословакию и Австрию, то там существуют опасения, как бы в единой Германии не разыгрались силы, которые могут заявить претензии на границы 1938 года, на Судетскую область, Австрию. Конечно, сегодня такие претензии не высказываются. А что будет завтра? Если взять Францию и Великобританию, то у них возникает вопрос: а останутся ли они крупными игроками в Европе? Короче, в этой ситуации нам с вами легче в силу массы и веса наших стран. Коль и его команда ведут разговоры с нами, понимая, что это значит.

Дж. БЕЙКЕР. Согласен.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Итак, необходимо действовать тактично, взвешенно, понимая национальные чувства народа, не препятствуя им, но стремясь канализировать этот процесс. Что касается механизма «4 + 2» или «2 + 4», механизма, который опирался бы на международно-правовую основу и давал бы возможность консультироваться, оцени-

вать ситуацию, то, может быть, после нашего обмена мнениями следовало бы продолжить вам, как вы считаете нужным, и нам, соответствующим образом, консультации с нашими партнерами на Западе и Востоке. Это пока не означает, что у нас есть согласие, но надо искать. Вы сказали, что ФРГ не выразила согласия с этим подходом. Что касается Модрова, то, судя по нашим беседам с ним, он поддержит такой подход. Завтра мы можем спросить Коля, что он об этом думает.

Дж. БЕЙКЕР. Это было бы хорошо. Но хотел бы сделать одно предостережение. Если у нас и есть шанс убедить немцев поддержать подход «2 + 4», то только после 18 марта, только после того, как определится позиция ГДР, после того, как они начнут обсуждение внутренних аспектов объединения. В противном случае они скажут: давление четырех держав неприемлемо, объединение является чисто германским вопросом. Наш подход предусматривает, что внутренние аспекты объединения действительно являются делом двух Германий. Однако внешние аспекты должны быть обсуждены с учетом интересов безопасности соседей Германии, должны быть приемлемы для них. Кроме того, нам необходимо обсудить статус Берлина. Если мы будем подходить к делу таким образом, то есть шанс, что немцы согласятся с предлагаемым механизмом.

Должен еще раз признаться, что с канцлером я это не обсуждал вообще, а Геншер не дал мне ответа. Он сказал лишь, что рассмотрит подход. Думаю, что он его одобрит. Но вот канцлер — это другое дело. Ведь он является кандидатом на предстоящих выборах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важный фактор, который накладывает свой отпечаток на ситуацию.

Дж. БЕЙКЕР. Таковы причуды демократии. Ему придется действовать очень осторожно, чтобы не создать в Германии впечатление, что он передает в руки других вопрос объединения страны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу рассказать вам о симпозиуме, который был недавно организован Евангелической академией и на котором присутствовали представители всех партий и групп ФРГ и ГДР, за исключением партии Модрова. В итоге обсуждения большинство участников высказались за конфедерацию. Представители ГДР подчеркивали, что экономическое сближение двух Германий не должно означать распродажу или колонизацию ГДР. Они сказали, что не хотят, чтобы с ними разговаривали, как с малыми детьми.

Второй вывод — объединение должно состояться только на территории нынешних ФРГ и ГДР при уважении существующих границ и сохранении принадлежности двух частей Германии к НАТО и Варшавскому Договору.

В то же время были и разногласия. Некоторые представители как ФРГ, так и ГДР высказались за нейтрализацию будущей Германии. Однако большинство представителей двух стран высказались за то, чтобы сохранить принадлежность к двум союзам, которые из военных превращались бы в новые политические структуры.

Самым удивительным было выступление Брандта. Он утверждал, что никто не должен мешать самоопределению Германии. Сказал, что немцы не должны ждать, как пойдет процесс СБСЕ, что не общеевропейское сближение должно предшествовать объединению Германии, а наоборот, объединение Германии должно состояться раньше. Он отверг конфедерацию и выступил за федеративное германское государство. Причем западногерманская часть этой федерации должна оставаться в НАТО, а что касается бывшей ГДР, сказал он, то об этом надо подумать.

Многие представители ФРГ критиковали Брандта за разжигание германского национализма, за то, что он пытается обогнать даже Коля.

Интересным было выступление известного ученого Вайцзеккера, брата нынешнего Президента ФРГ. Он сказал, что необходимо избежать обострения немецкого национализма по многим причинам, в том числе и потому, что это может привести к волне национализма в Советском Союзе. Он понимает, что означает для советского народа память о прошлой войне. Он подчеркнул также, что всплеск национализма в СССР мог бы стать угрозой для перестройки. Чем больше немцы кричат об объединении, тем больше это пугает соседей. В Европе, подчеркнул Вайцзеккер, не забыли Освенцим.

Писатель Гюнтер Грасс подчеркнул, что объединенная Германия всегда была в истории рассадником шовинизма и антисемитизма. Говорилось и об экономических издержках объединения. Приводилась цифра: в ближайшие 8–10 лет экономическая цена объединения составит 50 млрд марок. Когда немцы узнают правду об этом, подчеркивали выступавшие, они трижды подумают, стоит ли объединяться.

Вот такая интересная мозаика мнений. Я так подробно рассказал вам об этом потому, что считаю: не стоит все же поддаваться эмоциональной волне, поддаваться нажиму, уходить от размышлений и прогнозов о том, что все это может значить и как канализировать этот процесс. В обоих германских государствах есть силы, которые видят опасность. И это важно. Я просил бы вас сказать Президенту, что мы хотим поддерживать с вами контакт, обмениваться информацией и, если необходимо, идеями по этой проблеме.

Дж. БЕЙКЕР. Обязательно сделаю это. Хочу, чтобы вы поняли: я не говорю, что мы должны поддаваться эмоциональной волне. Но я считаю, что вскоре внутренняя интеграция Германии станет фактом.

В этих условиях нашим долгом перед народами, нашим долгом ради мира во всем мире является сделать все возможное для того, чтобы выработать такие внешние механизмы, которые обеспечат стабильность в Европе. Вот почему я и предложил данный механизм.

Что же касается экономической цены объединения, то этот вопрос, наверное, будет обсуждаться в ходе предвыборной кампании. Однако, я думаю, он будет захлестнут эмоциональным порывом, стремлением людей соединиться, быть вместе.

Хочу задать вам вопрос, на который не обязательно давать ответ сейчас. Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы все это обдумываем. Мы намерены углубленно обсудить все эти вопросы на уровне руководства. Разумеется, ясно, что расширение зоны НАТО является неприемлемым.

Дж. БЕЙКЕР. Мы согласны с этим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вполне возможно, что в той ситуации, как она складывается сейчас, присутствие американских войск может играть сдерживающую роль. Возможно, что нам с вами следует вместе подумать, как вы сказали, о том, что единая Германия, может быть, будет искать пути перевооружения, как это произошло после Версаля, создания нового вермахта. Действительно, если она будет находиться вне европейских структур, история может повториться. Технический, промышленный потенциал позволяет Германии это сделать. Если она будет существовать в рамках европейских структур, то этот процесс можно предотвратить. Обо всем этом надо подумать.

Многое в том, что вы сказали, представляется реалистичным. Давайте думать. Какой-то итог сейчас подвести невозможно. Вы знаете, что ГДР тесно связана с нами, да и ФРГ является нашим первым торговым партнером на Западе. Исторически Германия всегда была сильным партнером России. И у нас, и у вас есть возможность воздействия на ситуацию. И эти возможности можно было бы использовать, когда мы выработаем рациональный подход, учитывающий интересы наших и других стран, разработаем соответствующий механизм. Не нужно недооценивать эти возможности. Конечно, сейчас дело очень осложняется предвыборной борьбой, накалом страстей, которые разогревают общество. Будем следить за ситуацией, думать, как действовать. [...]

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один

10 февраля 1990 года⁶⁸

*(На встрече присутствовали
с немецкой стороны Х. Тельчик, с советской — А.С. Черняев)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать вас, г-н Федеральный канцлер. Очень хорошо, что вы приехали в Москву: Время сейчас такое, что нам постоянно надо быть в контакте. События развиваются динамично, поэтому есть о чем поговорить.

Часто вспоминаю разговоры в Бонне летом прошлого года. Тогда мы, обсуждая отдельные вопросы, никак не могли предполагать, что они потребуют своего решения в столь быстрый срок. То, что тогда для нас витало где-то в облаках, сейчас спустилось на землю, стало объективной реальностью, актуализировалось. Очень хорошо, что за время, истекшее с нашей последней встречи, мы поддерживали живой контакт, обменивались посланиями, разговаривали по телефону. Это помогло нам лучше чувствовать и понимать друг друга.

Время, действительно, непростое. Мы у себя в Советском Союзе все время держим себя в напряжении, чтобы, как говорится, не наломать дров. Сдержанность и взвешенность нужны, разумеется, не только во внутренних делах, но и во внешней политике.

Вы гость, вам и слово.

Г. КОЛЬ. Спасибо за теплый прием, за приветствия. Наша сегодняшняя встреча назрела, разговор будет весьма важный.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен.

Г. КОЛЬ. Я тоже с удовлетворением вспоминаю наши встречи и беседы в Бонне и связываю с ними наш сегодняшний разговор. Летом прошлого года мы, действительно, очень обстоятельно и серьезно поговорили. И я хотел бы отталиваться от тех бесед, говорить с вами так же искренне и открыто.

Мы многое успели сделать во время вашего пребывания в ФРГ. Было подписано Совместное заявление, оно действует во всех пунктах. Нынешнее развитие, как я считаю, идет в духе этого Совместного заявления. За истекшее время многое изменилось, многое пришло в движение. Не в последнюю очередь, разумеется, благодаря проводимой вами политике, благодаря вашим акциям. Хотел бы выразить удовлетворение теми результатами, которых вы добились в проведении перестройки. Понимаю, что вам и вашим единомышленникам нелегко, и от всей души желаю вам новых сил и успехов.

Очень хорошо понимаю положение, в котором вы находитесь. Мои симпатии на вашей стороне. Я внимательно следил за работой недавнего Пленума ЦК КПСС. Хорошо, что Пленум имел свою предысторию, что была проделана солидная подготовительная работа. Поэтому он и оказался таким впечатляющим, ярким, а не заурядным мероприятием. Еще раз поздравляю вас с успехом.

Происходящее в Советском Союзе вызывает большие симпатии у нас в стране. Я прошел испытание, причем весьма легко. Речь идет о получении согласия правительства на предоставление Советскому Союзу финансового содействия на поставку продовольствия. Возражений не было никаких. Все высказались за то, чтобы помочь, чтобы поддержать политику перестройки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить вас за эту инициативу, которая выходит за рамки обычных отношений и приобретает благородное политическое звучание. Мы ценим инициативу Федерального канцлера, поддержку Федерального правительства, понимание со стороны бизнеса, отношение к нам населения ФРГ.

Г. КОЛЬ. Мы хотим, чтобы перестройка шла вперед, чтобы ей сопутствовал успех. Что же касается данной конкретной акции, то это, бесспорно, принципиально новаторское мероприятие. Открыв новую главу в наших отношениях, мы как раз и должны быть новаторами.

По пути из аэропорта в машине я говорил Шеварднадзе, что эта акция полностью отвечает тем заверениям, которые мною были сделаны в Бонне летом прошлого года.

Хотел бы сказать с полной откровенностью, г-н Генеральный секретарь: если возникнет ситуация, когда вам понадобится помощь или поддержка и вы решите, что я могу помочь, прошу вас сразу же обращаться ко мне. Можете быть уверены, что в моем лице вы вновь найдете внимательного и отзывчивого адресата.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Заранее благодарен. Я ценю политический смысл этой акции.

Г. КОЛЬ. Позвольте перейти к анализу обстановки. С момента нашей встречи в Бонне произошли драматические перемены. Никто не был в состоянии их предугадать. За последние четыре—пять недель ситуация стала еще более драматической. Мы хотим взаимодействия с Советским Союзом, с вами, г-н Генеральный секретарь. Помимо нас двоих необходимо также взаимодействовать с США. Все это поможет предотвратить хаотическое развитие событий, которое не нужно ни одной из сторон.

Мое видение ситуации таково: движение идет по двум рельсовым путям. Одна колея проходит по Германии, среди немцев, затрагивает их интересы. Другая колея касается наших соседей, прежде всего Советского Союза, затрагивает интересы его безопасности. Обе колеи взаимосвязаны. Я начал свои высказывания с немецкой колеи. Другая колея является европейской. Очередность не играет никакой роли, так как движение по одной колее невозможно без движения по другой колее.

В октябре прошлого года я разговаривал по телефону с Кренцем, когда он был избран председателем Государственного совета ГДР. Я ему прямо и откровенно сказал, что не верю в то, что ему удастся овладеть ситуацией. Именно так и случилось.

На место Кренца пришел Модров. Я его считаю искренним человеком. Я думал, что в декабре он справится с ситуацией, сможет взять в свои руки процесс, сможет повлиять на его темпы. 19 декабря я с ним встречался в Дрездене, мы обговорили целый ряд вопросов. Я предполагал, что будет положено начало переговорам о договорном сообществе, о федеративных структурах и других наметках. Модров, однако, изменил свою концепцию, сконцентрировался на экономической стороне дела, а также на избирательном праве.

1—2 января обстановка была трудной, но стабильной. Однако в течение двух последующих недель все рухнуло. Катастрофические последствия, прежде всего психологического порядка, имел спор о правоохранительных органах, вылившийся в разгром здания Министерства государственной безопасности. Можно констатировать, что примерно 20 января авторитет государства ГДР рухнул. Иных слов не найдешь, и последствия были катастрофические.

За последний год из ГДР в ФРГ перешло 380 тыс. человек. Из них 200 тыс. человек моложе 30 лет. Это интеллектуальная элита, будущее государства: специалисты по электронике, врачи, представители других интеллектуальных профессий.

Ошибочно было бы думать, что они едут к нам за деньгами, за конвертируемой маркой. Переселенцев мы встречаем без всякой роско-

ши: по приезде они получают 200 марок на человека плюс 4 тыс. марок беспроцентного кредита на жилищное обустройство. Так что деньги, как полагает кое-кто в Советском Союзе, для них не являются самоцелью. Они едут ради своего будущего.

В начале января число переселенцев снизилось, но потом их цифра вновь подскочила. В течение января к нам из ГДР перешло 55 тыс. человек. Если темпы переселения сохранятся, то в феврале к нам перейдет 65–70 тыс. человек.

Именно поэтому выборы в ГДР были перенесены с 6 мая на 18 марта. Повлияет ли этот перенос на ситуацию с переселением, пока сказать трудно. Неделю назад Модров говорил мне в Давосе, что государственный авторитет рухнул. Для нас возникшая ситуация является непостижимой. Приведу несколько примеров.

В ГДР одно государственное предприятие поставляет другому государственному предприятию свои изделия и требует за них в оплату марки ФРГ. Отдельные округа ГДР заявляют о своей полной независимости, о неподвластности правительству в Берлине.

Очень плохо, что усиливаются чувства мести, призывы к расправе. Сейчас всюду готовятся процессы над бывшими руководителями ГДР. Я рекомендовал Модрову быть сдержаннее, попытаться приглушить отрицательные эмоции, не концентрировать все внимание на обличении и осуждении бывших руководителей. Сам он это развитие не подгоняет, пытается его притормозить.

Однако те, кто занимает посты ниже, действуют совершенно по-другому. Сотрудники прокуратур, бургомистры — все они хотят, как принято говорить, заслужить белую рубашку. Сейчас идет около 100 процессов. Для такой страны, как ГДР, это очень много. Тем более что там нет тех трех ступеней, которые есть в ФРГ, — федерация, земля, коммуна. С руководящего уровня там сразу вступаешь в неизвестность.

Другой факт, который пока еще не предан огласке. Вчера утром магистрат Восточного Берлина обратился в сенат Западного Берлина с предложением взять в свое ведение больницы, полицию, городскую железную дорогу, коммунальные службы столицы ГДР.

В ФРГ приезжают офицеры Национальной народной армии ГДР и заявляют о своей готовности перейти на службу в бундесвер. Если бы я раньше сказал, что такое возможно, меня бы сочли ненормальным. Однако все это стало реальностью.

Последние десять дней на меня оказывают особое давление. Надо что-то придумать, надо как-то удерживать людей в ГДР от перехода в ФРГ. Если будут уходить специалисты, то невозможно будет стабилизировать экономику. А уже ушло две трети врачей, много специали-

стов по электронике, ученых разных специальностей. Сейчас население ГДР находится в состоянии депрессии.

До сих пор все шло довольно мирно. Даже демонстрация численностью в 500 тыс. человек прошла мирно. Пока нет радикализации, но это всего лишь пока. Население ГДР возлагает все надежды на нас, на ФРГ. Их нельзя разочаровывать, иначе начнется радикализация.

В ГДР дислоцированы советские войска численностью около 400 тыс. человек. Там же живут жены и дети советских офицеров. Долгом советского руководства является их защита. Это элементарная логика, законный интерес, и я его поддерживаю.

До сих пор я говорил о том, что реально, что уже произошло. Теперь попытаюсь сказать о том, что может произойти, как будет выглядеть ситуация послезавтра. Попытаюсь сделать прогноз.

18 марта в ГДР предстоят выборы. Я и мое правительство постараются сделать все для того, чтобы до выборов там не произошло краха. После выборов будет сформирован новый парламент, появится новое правительство. Независимо от исхода выборов, стремление к объединению Германии будет нарастать. Сейчас в ГДР нет ни одной партии, которая была бы против объединения. За единство Германии выступает даже бывшая СЕПГ. Мы не сомневаемся в том, что партии ГДР и новое правительство заявят о своем стремлении к единству Германии.

Нужна разумная реакция. Именно поэтому мною было сделано предложение о создании валютного союза и расширении экономического сотрудничества. Целью этого является восстановление экономики ГДР, приостановка оттока из нее людей. Для ФРГ все это проблемы, но проблемы разрешимые.

Так или иначе, если будет сделано предложение о достижении единства Германии, то мне придется действовать. И я хочу действовать в тесном контакте с вами, г-н Генеральный секретарь. Происходящие перемены — не в последнюю очередь результат политики перестройки, поэтому мы хотим быть рядом друг с другом.

Еще один отрицательный момент. Сейчас в ФРГ разворачивается бурная дискуссия об атомных электростанциях в ГДР. Этот вопрос затрагивает не только нас, но и Советский Союз. Федеральный министр Тепфер, ведающий вопросами экологии, в том числе и безопасностью на АЭС, во время недавнего пребывания в ГДР получил предложение ее властей взять на себя проблематику обеспечения безопасности ядерных реакторов в ГДР. Тепфер сказал, что в настоящий момент это невозможно. После осмотра АЭС в Грайфсвальде он, правда, предложил ее немедленно остановить. Положение там угрожающее. Оборудование этой АЭС более старое, чем в Чернобыле. Люди бегут из этой

местности. Вы знаете, что после Чернобыля у нас была самая настоящая истерия. Сейчас ситуация гораздо хуже. Беспокойство гораздо сильнее. Пресса подливает масла в огонь. Тема АЭС в ГДР стоит на повестке дня. В ближайшее время необходимо принять какие-то решения.

Надо готовиться к тому, чтобы адекватно реагировать на надвигающиеся события. Я не хочу их ускорения. Но на меня, я вижу, движется волна, и я не смогу ей противостоять. Это реальность, и я не могу с ней не считаться.

Надо разумно и с доверием относиться друг к другу, учитывать взаимные интересы безопасности. Они складываются из реальных интересов и психологических факторов. Был Гитлер, германский вермахт прошел по Советскому Союзу, Франции, Голландии, Польше.

Для немцев это суровая история, и они извлекли из нее уроки. Я лично хочу вместе с вами, г-н Генеральный секретарь, участвовать в формировании начавшегося десятилетия, 90-х годов. Уроки истории должны при этом постоянно быть перед глазами. Я уверен в том, что мы вскоре продолжим наш разговор на эту тему. Многое предстоит обдумать, обсудить, переосмыслить.

Если появится единая Германия в составе ГДР—ФРГ—Берлин, то необходимо будет пойти на заключение соответствующих договоров. В них предстоит прежде всего подвести окончательную черту под вопросом о границах. Я знаю, что в Советском Союзе есть сомнения в отношении известного решения федерального Конституционного Суда. Это решение не будет проблемой. Если развитие пойдет так, как оно сейчас вырисовывается, то новое единое правительство Германии, единый германский парламент примут окончательное решение. Здесь не должно быть и тени сомнения или причин для недоверия.

Другим является вопрос НАТО и ОВД. Я слышал, что у вас состоялась плодотворная беседа с госсекретарем Бейкером. Не вдаваясь в подробности, хотел бы лишь сказать, что мы выступаем за дальнейший прогресс в вопросах разоружения и будем ему всячески содействовать. Мы за прогресс в Вене, за успех переговоров по СНВ, прежде всего по химическому оружию. Естественно, что при этом нельзя забывать и ракеты короткой дальности, которые у вас называются тактическими. Об этом тоже предстоит поговорить.

Чего мы не хотим, так это нейтралитета. Это была бы историческая глупость. Такая ошибка уже была совершена после 1918 года. Для немцев тогда был определен специальный статус. Смысл Рапалло заключался в том, чтобы выбраться из этого специального статуса. Не надо повторять ошибок.

Мы считаем, что НАТО не должна расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопасности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н Генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР.

Одно дело, когда говорим мы, а другое дело, когда говорят простые люди. Они помнят о судьбе своих отцов и братьев. И это вполне нормальное явление. Однако, если мы не будем действовать, положение станет критическим. Этого надо избежать. И мы готовы действовать вместе с нашими партнерами, соседями и друзьями. У нас очень популярно ваше высказывание о том, что тот, кто опаздывает, того наказывает история. Мы готовы им руководствоваться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Благодарю вас за ваши соображения. У меня возникло несколько вопросов. Видимо, в настоящий момент в практическом плане стоит вопрос об экономической стабилизации ГДР.

Г. КОЛЬ. Там нужна другая экономическая система.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда речь идет о валютном союзе, то предусматриваются какие-то временные сроки?

Г. КОЛЬ. Я не могу ответить на этот вопрос по следующей причине. Если бы меня спросили об этом в конце декабря, я бы сказал, что на такой переход потребуется несколько лет. Это было бы разумно, так считают экономисты. Но сейчас меня не спрашивают. Люди все решают ногами. Начинается хаос. Вероятно, реакция может последовать на это через несколько недель, а может быть, месяцев.

М.С. ГОРБАЧЕВ. То есть сразу же после выборов?

Г. КОЛЬ. Вполне возможно. Я тоже не хочу никакой поспешности.

Однако я уже говорил об обращении магистрата Восточного Берлина к сенату Западного. На следующей неделе ко мне придет бургомистр Западного Берлина и скажет, что надо будет платить. И я не смогу ему отказать. Положение таково, что сейчас каждый делает все, что ему заблагорассудится. А нужен экономический порядок. Именно в этом заключался смысл моих известных десяти пунктов. Они предусматривали решение пункт за пунктом вопросов создания договорного сообщества.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не понял ваши рассуждения о заключении нового договора, в котором был бы окончательно урегулирован вопрос о границах. Разве они не закреплены? Или тут перевод неточный?

Г. КОЛЬ. Да, он урегулирован в Московском и Варшавском Договорах. Но эти договоры были заключены с ФРГ. Поэтому речь идет о подтверждении того, что в них было сказано. Если ГДР и ФРГ объединятся, то новый германский парламент должен будет подтвердить

положения этих договоров. В отношении их сути не может быть никаких сомнений. А решение федерального Конституционного Суда касается Московского договора, заключенного между Советским Союзом и ФРГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А вас это не пугает? Вы же будете хоронить ФРГ.

Г. КОЛЬ. Я этого не боюсь. Мне представляется, что новое государственное образование — единая Германия — может и не заключать новых договоров. Новое государство может вступить в права старых договоров, разумеется, с согласия Москвы и Варшавы. Это уже технический, а не политический вопрос. Его решение не представляется мне чрезмерно трудным.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Центральный вопрос статуса единой Германии — в военной безопасности.

Г. КОЛЬ. Здесь можно найти решение. Советский Союз вправе стремиться к обеспечению интересов своей безопасности. Мы заинтересованы в сохранении суверенитета. Необходимо найти пути для укрепления доверия с обеих сторон. Это касается не только нас, но также США, Франции и Великобритании. Я уверен в том, что сделать можно многое. Считаю, что будет, например, весьма важно, если новое германское государство займет ту же самую позицию, возьмет на себя те же самые обязательства, что и ФРГ в отношении атомного, бактериологического и химического оружия. Это будет важно и для Советского Союза, и для США, Великобритании и Франции. Французы и англичане в глубине души весьма рады тому, что у них есть оружие, которого нет у немцев. Они рады этому не потому, что могут этим оружием угрожать нам. Для них эта радость имеет под собой специфическую психологическую основу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не получается ли, что плюралистическая система в ФРГ и избирательная кампания привели в действие механизмы, которые сделали предметом соревнования различных сил проблему объединения? А это обернулось тем, что общество в ГДР раскололось. И не будет ли хуже, если в общество ГДР будет привноситься это соревнование?

Г. КОЛЬ. Этого не происходит.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А не стала ли ГДР заложницей предвыборной кампании?

Г. КОЛЬ. Нет. В ГДР все началось гораздо раньше, чем было принято решение о выборах. Вообще там все было бы намного спокойнее, если бы Хонеккер хотя бы весной 1989 года приступил к реформам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я ему это говорил.

Г. КОЛЬ. Мне об этом известно. Скажу вам откровенно, поскольку у нас очень добрый доверительный контакт: что бы было с Советским Союзом без вас? Те люди, которые выступают против вас, ничего не смыслят ни во времени, ни в политике. Но мы-то видим, что вы формируете будущее, что правда на вашей стороне. Любой политический деятель должен хорошо знать историю и руководствоваться ею, иначе его никто не поймет. Ведь у нас есть дети, мы их воспитываем, даем им образование, то есть формируем будущее.

Хонеккер вел себя так, как будто нет Горбачева, как будто нет Венгрии и Польши. Ему ничего лучшего не пришло в голову, как поехать в Румынию. Теперь известно, куда все это привело, как плачевно все закончилось.

Что касается выборов, то мы из ФРГ не собираемся ими руководить, как-то их направлять. Когда я перед Рождеством прилетел в Дрезден, то, не ступив еще на землю, повернулся к сопровождавшему меня министру и сказал, что поездка удалась. На пути из аэропорта в город меня встречали десятки тысяч людей, а в городе собрались сотни тысяч. Скажу откровенно, что в жизни у меня не было таких мук с произнесением речи, как тогда в Дрездене. Вы, наверное, видели и кадры и слышали речь. Я в ней специально сказал, что мы пойдем общим совместным путем с Советским Союзом.

Что касается выборов в ГДР, то такие области, как Тюрингия и Саксония, являются оплотом исторических партий. В свое время там активно и успешно действовали Маркс, Энгельс, Бебель, Лассаль. Крупнейшие съезды исторического масштаба проходили в Айзенахе и Гере. В 1932 году, еще до прихода к власти нацистов, в Саксонии больше всего голосов собрали коммунисты. И лишь после них оказались социал-демократы. У социал-демократов вообще исходные позиции лучше, чем у других. В 1945 году с помощью маршала Жукова произошло их слияние с коммунистами. Сейчас эта партия появилась вновь. Вилли Брандт, которого вы хорошо знаете, сейчас, как епископ или митрополит, странствует по ГДР, раздает всем свое благословение. Его даже избрали почетным председателем СДПГ ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы тоже не сидите на месте. Когда в Давосе вы вели дискуссию, то затрагивали тему невмешательства. И подавали ее в связи с внутренним распадом ГДР.

Г. КОЛЬ. Да, так оно и есть.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо, если бы это было так. А различные силы в ГДР просят ФРГ не обращаться с ними как с малыми детьми.

Г. КОЛЬ. Мы этого не делаем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я знаком с высказываниями известного ученого Карла-Фридриха фон Вайцзеккера, который призывает воздерживаться от вмешательства. Еще один вопрос. Верно ли, что руководство ФРГ видит объединение Германии уже не в рамках общеевропейского процесса, а за его пределами?

Г. КОЛЬ. И то и другое. Это ведь всех затрагивает. Я не вижу различий.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос. Короче, в главном исходном пункте есть понимание: сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию.

Г. КОЛЬ. Немцы это знают. Вы хотите сказать, что вопрос единства — это выбор самих немцев.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но в контексте реальностей.

Г. КОЛЬ. Согласен с этим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Есть реальности. Была война, оставившая нам тяжелое наследие. Мы это наследие сейчас пересматриваем и хотим его изменить: уйти от конфронтации и вражды. Вышли на общеевропейский процесс, на новое мышление в мировой политике. В таких условиях и открылась возможность перевода «немецкого вопроса» в другую фазу. Делать это нужно совместными усилиями, с учетом не только своих интересов, но и интересов соседей.

Г. КОЛЬ. Присоединяюсь к такой постановке вопроса.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Немцы доказали, что они извлекли уроки из прошлого. И это оценено в Европе и в мире. И подтверждение этого в тех изменениях, которые выкристаллизовываются и на Западе, и на Востоке, в заявлениях о том, что с немецкой земли никогда не должна исходить война.

Г. КОЛЬ. Я это трактую наоборот: «С немецкой земли должен исходить только мир». И это не фраза, это совершенно серьезно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важная констатация. Речь идет еще об одном выборе немцев — в пользу мира.

Строить объединенную Германию надо на фундаментальных вещах. Поэтому я и задал вопрос о границах. Это фундаментальная вещь. Ибо кое-кто подбрасывает в этот горячий момент иные суждения. А момент весьма ответственный, поскольку на горизонте замаячила объединенная Германия.

Г. КОЛЬ. Для меня этот вопрос создает внутривосточные трудности. Но я придерживаюсь именно того, что я сказал вам.

У меня есть соотечественники, которые лишились своих родных мест. В конце Второй мировой войны рейх потерял одну треть своих территорий. 13 млн человек были изгнаны со своей исторической родины, 2 млн погибли во время бегства. Сейчас из 13 млн в переселенцев в живых осталось 4–5 млн. У них есть дети и внуки. Они разумом чувствуют, что бывшие территории — это вчерашний день. Если провести опрос общественного мнения, то 88–89% выскажутся за то, что все в прошлом.

Если провести референдум о том, чтобы воссоединение ГДР и ФРГ состоялось при одновременном признании окончательной границы по Одеру–Нейсе, то за это выскажутся 92–93%. Но если говорить честно, то у многих людей в душе не затихает боль. Эта проблема представляет собой часть внутренней ситуации в ФРГ. На меня оказывают давление, призывают воздействовать на определенную часть избирателей, завоевывать их голоса. Но я придерживаюсь того, о чем имеются договоренности.

У меня к вам большая личная просьба, г-н Генеральный секретарь. Было бы очень хорошо, если бы тема границ в сочетании с судьбой изгнанных не поднималась, пока в ней не наступит полная ясность. Для меня неважно, когда этот день наступит — завтра, через четыре месяца или через четыре года. Это моя внутривластная проблема, и мне не хотелось бы, чтобы давление на меня усиливалось.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но вы должны признать, что у меня, Ярузельского, Модрова, руководства Чехословакии — у всех есть тоже внутренняя ситуация. Вы обратили внимание на последний Пленум ЦК. Там эта тема уже присутствовала: та ли, мол, политика проводится? Не забыли ли мы о жертвах народа? Это выскочило и очень сильно присутствует у нас. Канцлер должен это иметь в виду. Ибо, строя единую Германию, важно знать ее место в содружестве народов. Этот контекст должен всеми нами учитываться. Мы за то, чтобы жить вместе и сотрудничать друг с другом к взаимной выгоде.

Г. КОЛЬ. Я уже говорил, что с немецкой земли должен исходить только мир. Если не будет внутреннего мира, то не будет и мира вовне. А недальновидных людей или глупцов хватает везде.

Что касается границ, то для моего внутреннего мира необходимо определиться по линии Одер–Нейсе. С Чехословакией у нас проблем нет: 14 дней тому назад Союз изгнанных из Судетской области и Богемии заявил, что у него нет вопроса в отношении границ с Чехословакией. Дух возмездия улетучивается, ему на смену приходит желание жить и сотрудничать друг с другом. Что касается границы по Одеру–Нейсе, то здесь я должен иметь внутреннюю поддержку большинства

немцев в стране. Для этого у меня есть хорошие шансы. То, что я говорил недавно в Варшаве, было, как мне кажется, воспринято положительно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Два дня назад я разговаривал по телефону с Ярузельским. Он в курсе того, что мы с вами встречаемся.

Г. КОЛЬ. Ярузельский — это один из адресатов в Польше. Но там есть другие, с другой точкой зрения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У Ярузельского хорошая позиция. Он выступает за то, чтобы реальные процессы шли с учетом внутренних интересов народов, с которыми немцы имеют исторические связи.

Г. КОЛЬ. Г-н Генеральный секретарь, немцы в ГДР и ФРГ принимают решение в контексте общеевропейского развития. Не надо беспокоиться о судьбе границ. Здесь все ясно, и в день «X» этот вопрос как окончательно решенный будет снят с повестки дня. Но сегодня вытаскивать этот вопрос было бы преждевременно. Я вам говорил, что у меня с ним связаны внутривосточные проблемы. Этот вопрос не должен вас больше волновать. Но я прошу вашего понимания: сейчас я не могу этого сделать. Но слово сдержу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Очень важно, что мы можем говорить о доверительном уровне наших отношений, что мы можем так говорить друг с другом.

Вот наша принципиальная позиция. Так уж сложилось, что «немецкий вопрос» оказывает сильное влияние на европейскую и мировую политику. Поэтому мы должны распорядиться ситуацией по историческим критериям. Есть эмоции, стремления, но есть и реальный контекст.

Мы готовы сотрудничать так, чтобы не нарушать взаимопонимание, новые хорошие отношения между нашими народами, между СССР, ГДР и ФРГ, чтобы в будущем эти отношения не взорвались, а обогащались бы. Реальность и в том, что среди социалистических стран у нас самые широкие связи с ГДР.

Г. КОЛЬ. Я уверен, что торгово-экономические связи являются особой статьей, особой проблематикой.

Скажу совершенно ясно, что если процесс будет развиваться так, как он идет, то мы возьмем на себя все те обязательства, которые взяла на себя ГДР в договорах и соглашениях, заключенных с вами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Принимаю это к сведению.

Г. КОЛЬ. Этим мы внесем большой вклад в дело укрепления взаимного доверия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Среди капиталистических стран для Советского Союза на первом месте стоит ФРГ. Так что немцы для нас — главные партнеры. А значит, нас связывают большие интересы.

Г. КОЛЬ. Хотел бы предложить следующее. Если после выборов процесс объединения начнет ускоряться, то нам надо будет оперативно и в доверительной атмосфере обсудить проблематику экономических взаимоотношений. Мы не хотим, чтобы у советской стороны возникло недоверие в том смысле, что взятые по отношению к Советскому Союзу обязательства не будут выполняться. Если дело пойдет так, как ожидается, то для вас часть партнеров в ГДР исчезнет. Это может вызвать недоразумения, чего следует избежать. Поэтому я и предлагаю в спокойной доверительной обстановке, без какой-либо огласки поговорить о том, что следует предпринять.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я сказал Модрову и скажу вам: если быстро пойдут процессы, то до того, как встанет вопрос о федерации или конфедерации, возникнут проблемы экономические. Вы правильно говорите: что такое экономика без валюты?! В этот момент, когда пойдет большая перестройка экономических связей ФРГ и ГДР, сказал я Модрову, важно не разрушить, а обогащать наше сотрудничество. Но я понимаю, что на Федерального канцлера ляжет груз проблем ГДР. Мы готовы участвовать в создании объединений, совместных предприятий, которые возникнут на территории ГДР.

Этот комплекс вопросов вписывается в исторические отношения между Германией и Россией. И мы можем не утратить, а обогатить то, что есть. Но я подхожу к главному. И тут все надо взвесить и обдумать. Ядром остается военный компонент. Он играет решающую роль в определении европейского и мирового баланса. Вы эту тему затрагивали. Наша формула включает — с немецкой земли не должна исходить угроза войны; послевоенные границы должны быть нерушимыми. А третий пункт — территория Германии не должна использоваться внешними силами.

Возникает вопрос: каким должен быть статус объединенной Германии? Я знаю, что канцлер не воспринимает нейтрализацию. Говорят, что это унизило бы немецкий народ. По отношению к нынешнему поколению это выглядит, может быть, несправедливо, если учесть вклад этого поколения в европейское и мировое развитие. Вроде бы мы это поколение вычеркиваем. Это ненормально, так в политике нельзя.

И все же я вижу объединенную Германию за пределами военных образований, со своими национальными вооруженными силами, необходимыми для достаточной обороны. Не знаю, что это за статус — «независимость», «неприсоединение». Индия, Китай — вот какие государства придерживаются такого статуса! И это их не унижает. Почему же такой статус должен унижать немцев? Это не нейтрализует.

Это сила, и не только европейская, но и мировая. Надо «погонять» эту мысль, взвесить ее с различных точек зрения.

Было бы несерьезно, если бы одна часть государства входила в НАТО, а другая — в ОВД. Где-то до реки одни войска стоят, а на другом берегу — уже другие. Давайте «погоняем» эту мысль, г-н федеральный канцлер. Говорят: что такое НАТО без ФРГ? Но уместно будет и спросить: что такое ОВД без ГДР? Это серьезный вопрос. В военных вопросах не должно быть расхождений. Говорят, что НАТО развалится без ФРГ. Но ведь и ОВД придет конец без ГДР. Если мы договоримся о главном, то важно, чтобы мы и в этом не разошлись.

Г. КОЛЬ. Это не одно и то же. Достаточно взглянуть на географическую карту.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если мы в одностороннем порядке выведем из ГДР все войска, то вы НАТО тоже не удержите. Необходимы разумные решения, которые не отравляли бы атмосферу в наших отношениях.

Так или иначе, эту часть разговора, думаю, не следует предавать огласке. Скажем, что у нас состоялась плодотворная беседа по широкому спектру вопросов европейского и мирового развития, что такой обмен мнениями будет продолжен.

Г. КОЛЬ. Это очень важно. Конечно, необходимо прийти к какому-то согласию. США при этом не должны оставаться в стороне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Обязательно. Вчера я беседовал с госсекретарем Бейкером. Он говорил, что после выборов представители двух германских государств и четырех держав могли бы собраться и поговорить, с тем чтобы придать процессу основательность, пока не включая в разговор других.

Г. КОЛЬ. Мне эта идея очень нравится. Однако для ясности хотел бы совершенно четко сказать, что мы не приемлем отдельную конференцию четырех держав.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Без вас ничего решаться не будет.

Г. КОЛЬ. За столом с четырьмя державами должны сидеть два германских государства или, если развитие пойдет быстро, одно германское государство. Очень хорошо было бы, если бы этот стол стоял в Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это вполне возможно.

Г. КОЛЬ. Для нас это важно по психологическим соображениям.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Только вот где? Две ножки стола по одну сторону границы и две — по другую?

Г. КОЛЬ. Такая встреча будет очень важной, принятые на ней решения должны устраивать СССР, США и ФРГ. Но должна быть учте-

на также психология Лондона и Парижа. От участников встречи потребуются незаурядное политическое искусство.

М.С. ГОРБАЧЕВ. От нас и американцев вам не отделаться. В США ведь ваши лучшие друзья.

Г. КОЛЬ. Если бы за этим столом сидел Президент Буш, то он поддержал бы идею такой встречи. Он этого хочет. Ему легче, так как за ним стоит американская общественность. У нас дома положение в психологическом смысле иное, чем во Франции или Великобритании. Но и их мнение надо учитывать.

Позвольте мне сейчас сделать небольшое резюме. Если я вас правильно понял, то вы говорили о том, что решение об объединении немцев является вопросом самих немцев. Немцам должна быть предоставлена возможность обдумать контекст, компонентами которого являются отсутствие угрозы войны с территории Германии, извлечение уроков из прошлого и учет интересов безопасности наших соседей.

Далее. Параллельно с процессом объединения Германии необходимо вести поиски взаимодовлетворительного решения в связи с существованием НАТО и ОВД. Соответствующий разговор с партнерами надо начать незамедлительно. Это, я думаю, можно будет сказать публично.

А вот огласке не подлежит наша договоренность о том, что мы проведем инвентаризацию экономических связей между ГДР и Советским Союзом, чтобы обеспечить выполнение взятых по отношению к вам обязательств, чтобы объединенная Германия взяла на себя эти обязательства и гарантировала их выполнение.

Необходимо условиться с нашими партнерами — США, Францией и Великобританией, что оба германских государства или одно германское государство и четыре державы встретятся для выработки соответствующего решения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы близко к тексту повторили то, что говорил я. Я бы только вернулся к началу беседы: Советский Союз и ФРГ с учетом мнения Модрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор. И есть понимание и согласие в том, что германская проблема не сводится к объединению и удовлетворению чаяний немцев. Она затрагивает интересы соседних государств, ситуацию в Европе и в мире.

Г. КОЛЬ. Тут у нас все сходится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо также отметить, что это очень важная часть общеевропейского процесса и вклад в него.

Г. КОЛЬ. В последнее время я часто цитирую высказывание Аденауэра, сделанное 35 лет тому назад: «Германский вопрос можно решить только под европейской крышей».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Будем держать руку на пульсе. Очень важно, чтобы ситуация не вырвалась из рук.

Г. КОЛЬ. Я сказал Шеварднадзе в машине, что советское руководство может рассчитывать на меня в любой ситуации, какой бы сложной она ни была. Пять недель назад я говорил бы по-другому. Пять недель назад не было еще идеи валютного союза. Если у вас появятся какие-либо трудности, я буду готов с вами встретиться по первому же сигналу в течение нескольких часов. Нам предстоит нелегкий путь, и я хочу пройти его вместе с вами. Мы начали новую главу в отношениях, мы должны ее писать вместе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо.

Г. КОЛЬ. Должен еще сказать, что меня беспокоит положение советских немцев. Количество выездов в ФРГ быстро растет. Мы не хотим, чтобы они уезжали. Надо сделать так, чтобы они счастливо жили здесь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Эта проблема у нас в поле зрения. Советских граждан немецкой национальности везде, где они живут: в Казахстане, на Алтае, в других местах, — убеждают не уезжать. Их очень ценят. Надо искать для них новые формы общежития, в частности, в автономном образовании. Идеи практического плана были и есть. Однако надо иметь в виду, что после ликвидации у нас немецкой автономии прошли десятилетия, поэтому вопрос о ее восстановлении решается непросто. Этим занимается Верховный Совет. Мы стремимся поскорее найти позитивное решение. Будем вас информировать.

Г. КОЛЬ. Вам удастся справиться с межнациональными конфликтами?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы не можем не справиться. В нашем государстве говорят на 120 языках. Без решения национальных проблем не состоится перестройка. Но это непросто, сложнее, чем решить экономические проблемы.

Г. КОЛЬ. Нерешенность национальных проблем тормозит и решение экономических проблем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И политических. Это дает пищу моим критикам. Но общество понимает, что дальше так жить нельзя. Если бы мы пять лет назад не начали перестройку, то у нас все кончилось бы румынским вариантом или вариантом ГДР, но, разумеется, в масштабах Советского Союза...

Г. КОЛЬ. У нас получилась очень хорошая беседа. Я рад был встретиться с вами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Будем надеяться, что на этом ответственном отрезке европейского и мирового развития, когда решаются судьбы го-

сударств, у нас сохранится сотрудничество. Мы не испортим отношения между нами и другими.

Г. КОЛЬ. Будем углублять наш диалог. Летом мы очень хорошо побеседовали у меня дома. Сегодня мы продолжили наш разговор. Я думаю, что не за горами и наша следующая встреча. Буду держать вас в курсе всех дел. Еще раз говорю: если понадобится, готов встретиться срочно, в течение нескольких часов.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам будет о чем поговорить. Каталог вопросов приличный. Вот вы собираетесь ввести в ГДР марку ФРГ. А у нас там стоят войска, и их содержание привязано к другой марке. Тут есть над чем подумать.

Г. КОЛЬ. Мы не будем уклоняться ни от каких вопросов.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем *(продолжение)*

10 февраля 1990 года

(В беседе приняли участие с немецкой стороны Г.-Д. Геншер и Х. Тельчик, с советской — Э.А. Шеварднадзе и А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прежде всего хотел бы за большим столом приветствовать Федерального канцлера, министра иностранных дел ФРГ и всех ваших коллег здесь в Москве, в Кремле.

Кажется, еще совсем недавно мы встречались с вами в Бонне, а с г-ном Геншером и в Москве. Но тогда были одни условия, одна ситуация. Мы вели беседы по многим аспектам наших отношений, в том числе и по тем, которые сегодня оказались актуальными.

Считаю, что мы сумели тогда не только обсудить текущие дела, но и уловить надвигающиеся перемены. Особенно важно то, что мы своевременно начали говорить на эту тему, условились действовать в это переломное, ответственное время в духе сотрудничества, с сознанием ответственности, что нашло отражение в нашем Совместном заявлении.

Это помогло нам и сейчас, при нынешнем повороте событий в Восточной Европе, в Советском Союзе проявить тот подход, который является единственно правильным в нынешних условиях. Это самое большое свидетельство того, что наши отношения действительно переходят в новую фазу.

С этой точки зрения мы рассматриваем и германский вопрос, который занимает нас сегодня в первую очередь. У нас с Федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа — а оно приближается, — о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, — это, конечно, выбор немцев. Но, и мы были в этом едины, проблема такого характера, как германский вопрос, касается не только немцев, но и их соседей, всей Европы, да и не только Европы, является центральным пунктом

мировой политики. Это очень важное понимание и политическая констатация и в то же время важный ориентир, чтобы не ошибиться и действовать ответственно в это очень непростое время.

Конечно, есть специфика отношений между Советским Союзом и двумя немецкими государствами. Это чувствуем и мы, и вы. И особенно важно, чтобы была полная ясность в том, что сейчас, в это время бурных перемен, все то, что сложилось в отношениях между нашими государствами, не было разрушено, а обогащалось новым содержанием, сотрудничеством, крепло и развивалось.

Есть два существенных момента: законные интересы немцев и законные интересы Советского Союза, других государств. Мы с Федеральным канцлером очень подробно и обстоятельно рассмотрели военный аспект сложившейся ситуации. Здесь особенно важно действовать ответственно. Мы констатировали и в этом вопросе взаимопонимание.

Г. КОЛЬ. Хотел бы сделать несколько замечаний, прежде всего принципиального плана.

У нас была исключительно хорошая беседа. Мы рассматриваем ее как последовательное продолжение и углубление тех бесед, которые мы вели в Бонне. Действительно, верно то, что, когда мы встречались в Бонне, никто не мог предугадать драматизма развития обстановки. Весьма важным было то, что мы тогда условились о постоянном тесном контакте друг с другом, так как невозможно было в то время предвидеть, сколь динамичным будет ход событий. Мы ни в коей мере не заинтересованы в возникновении хаотической ситуации в Европе.

Если бы кто-то задумал сделать ставку на дестабилизацию обстановки, это нанесло бы огромный вред при всех обстоятельствах. Действительно, события развиваются очень драматично. Мы об этом долго и подробно говорили.

Я очень приветствую ваше, г-н Генеральный секретарь, замечание о том, что желание немцев жить в условиях единства — это вопрос, который немцы должны решать сами. Однако надо видеть его и в контексте, в увязке с интересами наших соседей, в европейском и мировом масштабе. Ведь этот вопрос имеет непосредственное отношение к реальностям, которые сложились в итоге войны и послевоенного развития. Это и вопрос безопасности наших соседей, не в последнюю очередь Советского Союза. Тут надо учитывать как этот аспект безопасности, так и связанные с ним факторы психологического плана. Здесь прямо затрагиваются ОВД и НАТО.

Но в то же время мы говорили, что СССР и ФРГ — не одни в мире. Если мы ведем речь о ФРГ, то ясно, что затрагиваются вопросы, связан-

ные с ГДР и Берлином. Если обсуждаются вопросы безопасности, то имеется в виду прежде всего разоружение. Слава Богу, здесь мы на хорошем пути, и то, что происходит в Германии сейчас, может расширить этот путь. Надо, конечно, помнить и об интересах Англии и Франции, которых также непосредственно затрагивает германский вопрос. Все это предполагает, что мы должны вести последовательную, кропотливую работу, чтобы справиться со стоящими перед нами задачами.

Образно говоря, развитие обстановки идет как бы по двум рельсам: на первом — это ход дел в Германии, а на втором — его международный контекст.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Только на двух рельсах и можно продвинуться дальше. На монорельсе, хотя он уже сейчас и появился, далеко не уедешь.

Г. КОЛЬ. Мы исходим из того, что движение должно идти параллельно. Важно, чтобы темп движения по одному рельсу, на который мы можем оказывать непосредственное воздействие, совпадал с темпом движения по второму. В этом случае, если с обеих сторон будет проявлена добрая воля, то и в условиях объединенной Германии будет в полной мере действовать положение о том, что с немецкой земли должен исходить мир.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы с вами, г-н Федеральный канцлер, таким образом, отчитались. Теперь интересно узнать, что думают министры, о чем они между собой говорили, какую политику условились проводить дальше.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Министры думают в том же направлении, что и руководители. По-другому нельзя.

Мы очень подробно обсудили перспективы намеченного общеевропейского совещания на высшем уровне, считаем, что с его помощью сможем выйти на решение острых проблем, включая ситуацию в германском вопросе и в Восточной Европе. Мы договорились о том, чтобы развернуть основательную подготовительную работу к этой встрече, провести обстоятельные дискуссии со всеми нашими партнерами.

Создадим в этих целях рабочие группы, чтобы потом, на более позднем этапе, провести встречу министров иностранных дел в плане подготовки к встрече на высшем уровне.

Мы о многом говорили и считаем, что развитие должно привести к гарантиям стабильности в Европе. Здесь есть большие резервы, которые необходимо задействовать в полной мере.

Так же довольно предметно мы обсудили вопрос трансформации ОВД и НАТО, с тем чтобы они стали гарантами стабильности с учетом

перемен, которые произошли в Европе. Согласились, что есть необходимость постоянно встречаться, проводить консультации на разных уровнях между СССР и ФРГ, так как события развиваются динамично и диалог на этом фоне особенно необходим. Затрагивалось и еще одно интересное направление: создание четырехсторонних учреждений в интересах Европы и немецкой нации. Здесь, однако, еще требуется конкретная проработка.

Г.-Д. ГЕНШЕР. В нашей беседе с господином Шеварднадзе мы вначале дали нашу оценку положению в ГДР, рассказали, что мы имеем в виду предпринять для стабилизации экономической обстановки там. Потом мы говорили о необходимости интенсивной подготовительной работы к общеевропейской встрече на высшем уровне, с тем чтобы достичь на ней существенных результатов. У нас в Оттаве будет возможность обстоятельно поговорить об этом. Так, чтобы конференция занималась не только «открытым небом», но и земными проблемами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо иногда спускаться с небес на землю.

Г.-Д. ГЕНШЕР. И остаться на ней, если, конечно, не иметь намерения стать космонавтом. Мы обсуждали с господином Шеварднадзе вопрос о том, каким образом оба германских государства будут договариваться о собственном будущем, говорить на эту тему с четырьмя державами, — одним словом, определять совместный путь к объединению. Затем оба германских государства могли бы приступить к консультациям с советской стороной в рамках существующих процедур. Необходимо, чтобы была ясность в отношении всех этих вопросов так, чтобы мы могли соответственно проинформировать на этот счет участников СБСЕ на предстоящей конференции.

Г. КОЛЬ. Я хотел бы особо подчеркнуть последовательность постановки этих вопросов. Нельзя идти на общеевропейскую встречу на высшем уровне без их урегулирования. Надо, чтобы все было определено заранее, а не решалось бы в большом кругу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы собрались на Хельсинки-1, когда у ФРГ уже был большой пакет договоренностей с СССР, ПНР, другими социалистическими странами. Об этом надо помнить.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Я сказал в беседе, что мы не имеем намерения вести переговоры такого рода за спиной четырех держав.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В таком случае и мы начали бы что-то предпринимать за вашей спиной.

Г. КОЛЬ. В XX веке обе наши страны уже пытались действовать таким образом, но, как известно, не выиграли от этого.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Действительно, дух дискуссий министров совпадает с направленностью и характером наших переговоров с канцлером.

Не хочу возвращаться к отдельным моментам нашей беседы с Федеральным канцлером, но подчеркну, что в результате этого очень важного разговора мы договорились взаимодействовать, чтобы избежать опасности недопонимания, сохранять атмосферу доверия, ответственно, взвешенно решать нынешние проблемы и открыть дорогу для сотрудничества в будущем. Мы условились динамизировать наши контакты.

Г. КОЛЬ. Мы договорились о том, что, если события будут развиваться особенно драматично, мы незамедлительно будем вступать в контакт друг с другом. Я всегда считал, что лучше лишний раз поговорить. Если нам удастся продвинуться вперед на данном этапе, то дело пойдет хорошо и в дальнейшем. При таком развитии мы в духе нашего боннского заявления можем сделать крупный шаг, в том числе и в области экономики и в том, что касается специфики экономических отношений между СССР и ГДР. Мы найдем здесь продуманные решения.

И, раз уж зашел разговор об экономике, сообщу — думаю, присутствующие здесь послы будут этому рады, — что договоренность о совместном полете космонавтов будет вскоре подписана.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А ведь это говорит об уровне сотрудничества, ибо сотрудничество в космосе — это показатель доверия.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Х. Модровым 12 февраля 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня сложилось впечатление, что главным для Коля было убедить нас в том, что положение в ГДР развивается в направлении к неминуемому краху. По его словам, до 20 января с. г. он представлял себе ситуацию в ГДР более стабильной, но после 20 января с. г. эти представления изменились. Дело идет к коллапсу. Продолжается уход жителей ГДР в ФРГ. Коалиционное правительство теряет контроль над предприятиями и даже целыми округами. Сильны настроения в пользу создания валютного союза между двумя германскими государствами, введения в ГДР в качестве расчетной денежной единицы западногерманской марки. Магистрат столицы ГДР, заявил Г. Коль, обратился к сенату Западного Берлина с предложением принять на себя заботу о городском железнодорожном транспорте, коммунальном хозяйстве, медицинских учреждениях, а также полиции Берлина — столицы ГДР. Коль стремился донести до нас мысль о том, что ситуация в ГДР трудноуправляема, нарастает движение в пользу объединения с ФРГ. При этом он ссылаясь на вату с ним беседу в Давосе.

Ответил Колю, что действия и высказывания западногерманских политиков, соревнующихся за первенство в предвыборной борьбе, подхлестывают процессы объединения. А ведь это идет вразрез с договоренностью об ответственном и взвешенном подходе к сближению двух германских государств.

Коль высказывался в том смысле, что после выборов в Народную палату 18 марта в ГДР будет сформировано правительство, которое ускорит процесс объединения. Тем более что все слои населения ГДР выступают за это объединение. Нужно действовать, чтобы стабилизи-

ровать положение в ГДР. Канцлер явно пытался предстать в Москве эдаким спасителем немцев, отцом германского объединения. Мол, люди бегут из ГДР, требуются активные шаги, в частности переход к валютному и экономическому союзу.

Склонен считать, что Коль заручился на этот счет поддержкой американской администрации. Это можно было почувствовать и в беседе с госсекретарем США Бейкером. Учитывает Коль и позиции Великобритании и Франции, хотя и в меньшей степени.

Сказал Федеральному канцлеру, что наша позиция в германских делах остается прежней. На определенном этапе возникли два немецких государства. Вопрос о том, как они будут жить дальше, должен решаться в историческом контексте. Сейчас история ускорила свой ход. Какие будут выбраны государственные формы, темпы сближения ГДР и ФРГ, определяют в конечном счете сами немцы. Но ведь процесс объединения затрагивает и СССР, другие государства, прежде всего соседей ГДР и ФРГ. Встают вопросы безопасности Советского Союза, Европы в целом, нерушимости границ, послевоенных территориально-политических реальностей. В процессе объединения в качестве переговорщиков должны выступать не только ГДР и ФРГ, но и Советский Союз. Мы исходим не из тандема, а из треугольника.

Коль наши аргументы принял, обещал подумать. В то же время он пытался маневрировать относительно военно-политического статуса объединенной Германии, ссылаясь при этом на общественное мнение в ФРГ, в котором, по его словам, сильны настроения в пользу сохранения членства в НАТО.

Ответил на это, что сохранение объединенной Германии в НАТО для нас неприемлемо. Известно, что означает ФРГ для НАТО. Но ведь известно и то, что значит для Варшавского Договора ГДР. Что касается военного статуса, то есть интересные прецеденты: государство может быть нейтральным, может быть и неприсоединившимся. Подчеркнул, что в отношении военно-политических аспектов между СССР и ФРГ должна быть полная ясность...

В целом у меня сложилось впечатление, что Коль вел себя высокомерно.

Х. МОДРОВ. Благодарю, Михаил Сергеевич, за эту ценную информацию. Хотел бы сделать несколько пояснений. Коль взял с собой в Москву некоторые идеи, высказанные Шпэтом, в частности о создании валютного союза между ГДР и ФРГ. Он прямо сказал, что закачивать денежные средства в ГДР на потребительские цели — дело пустое.

В связи с валютным союзом хочу заметить, что о предложениях правительства ФРГ по этому вопросу я узнал из сообщений средств

массовой информации. До этого, во время встречи в Давосе, мы договорились с Колем образовать рабочую группу экспертов из восьми человек (по четыре от ГДР и ФРГ) для обсуждения вопросов сотрудничества в экономической и финансовой сфере. Я назвал наших представителей в эту группу, но их в ФРГ не пригласили, и никакого обсуждения по поводу валютного союза не состоялось. Зато внезапно появилось заявление правительства ФРГ о валютном союзе. Информация Коля в беседе с вами искажает реальное положение дел.

Что касается внутривосточного положения в ГДР, то оно, конечно, сложное. Шпэт в течение пяти дней находился в ГДР, посетил Дрезден, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт, увез с собой соответствующие впечатления. Конечно, к его приезду кое-кто старался нагнетать настроения вокруг объединения и предстоящего «краха» республики.

Я беседовал с обер-бургомистром Берлина (восточного). Ни с какими предложениями, о которых говорил вам Коль, к правящему бургомистру Западного Берлина Момперу он не обращался. Это чистая провокация. Хотя мне известно, что некоторые из этих идей в сенате Западного Берлина высказывались. В ФРГ, не без участия Шпэта, была разработана целая концепция таких провокационных мер перед поездкой Коля в Москву. Это подтвердилось и в беседе, которую недавно провел Гизи с представителями партии «зеленых» ФРГ.

Настроения в ГДР в пользу объединения с ФРГ сильны. Но одновременно растет и озабоченность трудящихся за социальные последствия объединения. Большинство ведущих политических партий ФРГ на стороне Коля. Пока нет однозначно четкой позиции у социал-демократов. Я тоже не готов дать определенные оценки на этот счет, СДПГ высказывается в весьма завуалированной форме. Буду вести беседы с Колем с учетом этого дифференцированно, а не так, как он это планирует.

Сегодня на заседании «круглого стола» в Берлине будет обсуждаться концепция моей предстоящей встречи с Колем. Каков будет итог этого обсуждения — сказать не берусь, первые результаты станут известны к вечеру.

В целом же, думаю, что каких-то основополагающих решений между ГДР и ФРГ до 18 марта с. г. принято не будет.

Экономическое положение ГДР тяжелое, производство промышленной продукции не просто стагнирует — оно снижается. В январе падение производства составило 6% по сравнению с прошлым годом.

Мы пытаемся укреплять органы власти на местах, поддерживать окружные и районные советы. Но здесь есть проблемы. Сейчас генеральный прокурор ГДР ведет расследование около ста дел, связанных

с фальсификацией итогов коммунальных выборов в мае 1989 года. Среди тех, против кого ведется следствие, есть и руководители окружных и районных советов. Это ослабляет власть на местах. Постараюсь принять меры, чтобы приостановить эти расследования. Кренц изъявил готовность выступить на заседании Народной палаты с заявлением по поводу подготовки и проведения тех выборов. Нужно дать политическую оценку этой проблеме.

Согласен с вами в том, что Коль держит себя высокомерно, хочет войти в историю как «отец» объединения немцев.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Считаю наш обмен информацией весьма полезным.

Х. МОДРОВ. ФРГ хочет повлиять на ход предвыборной кампании в ГДР, добиться выгодного для Бонна результата и формирования такого правительства ГДР, которое бы подталкивало процесс объединения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, в этих условиях наша с вами задача состоит в том, чтобы твердо отстаивать принципиальную политическую линию, действовать взвешенно, ответственно. В процессе сближения двух германских государств нельзя не учитывать законные права и интересы европейских государств, пренебрегать уроками истории. Это очень серьезный вопрос. Движение вперед, наш вклад в это развитие возможны только на основе такой формулы.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

В.В. Загладин о своей беседе с К. Райс

12 февраля 1990 года

[...] В германском вопросе, говорила Райс, США исходят во-первых из того, что, во-первых, немцы имеют право на воссоединение; во-вторых, из того, что это воссоединение не должно нанести ущерба никому в Европе или за ее пределами; в-третьих, из того, что ФРГ сорок лет была надежным и верным союзником США.

Райс отметила, что, по анализу американских специалистов, новые поколения немцев, выросшие после войны, воспитаны в духе демократии, их трудно было бы склонить на путь агрессивной политики, даже если бы кто-то этого захотел. Отвечая на замечание о том, что в ФРГ, а теперь и в ГДР имеется немало элементов реваншистского характера, Райс сказала, что такие элементы «могут появляться и в самых демократических странах», что за ними надо следить и иметь соответствующие строгие законы.

Далее, как главную, Райс выделила мысль о том, что основной гарантией «нормального» развития объединенной Германии является ее членство в НАТО. При этом она не скрывала, что США рассматривают НАТО, во-первых, как основу своего присутствия в Европе (а «уходить из Европы мы не собираемся»); во-вторых, как орудие контроля над обстановкой, обеспечения безопасности. С этой точки зрения и СССР должен быть заинтересован в сохранении НАТО, во всяком случае в нынешний, сложный и, видимо, довольно длительный переходный период. Все это, продолжала она, тем более верно, что НАТО сейчас меняется и будет продолжать меняться, превращаясь из орудия чисто «военного контроля» в орудие политическое. «НАТО — наш якорь в Европе, и выдергивать его из европейской почвы было бы для нас невозможно», — заключила Райс.

В достаточно ясной форме Райс давала понять, что любая форма вывода ФРГ из НАТО была бы для США неприемлемой, что, если бы мы на этом настаивали, это могло бы нанести ущерб отношениям СССР—США. «Нам, несколько раз повторила она, надо найти такой вариант, который удовлетворил бы обе наши страны».

Далее, она развивала мысль о том, что объединенная Германия должна одновременно оставаться членом интеграционной группировки в Западной Европе. Это тоже орудие контроля над Германией. Оно нужно потому, что, объединившись, Германия станет еще мощнее экономически. В этих условиях она тем более должна соблюдать все те обязательства, которые она взяла на себя в рамках ЕС.

Экономически сильная Германия, конечно, «не всем нравится», говорила Райс, но думаю, что для Восточной Европы и для СССР это не будет представлять опасности. Даже наоборот, такая Германия сможет стать для них хорошим партнером (особенно учитывая уже имеющиеся связи СССР с ФРГ и прежде всего с ГДР). Сотрудничество с объединенной Германией стало бы тем маршрутом, который смог бы облегчить интеграцию Восточной и Западной частей Европы. [...]

(В. Загладин)

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

**Выдержки из выступлений
на совещании в зале Секретариата ЦК
по вопросам чрезвычайного
Съезда народных депутатов СССР
и подготовки к XXVIII съезду КПСС
13 февраля 1990 года**

Горбачев. Зачем приезжал Гельмут Коль? Главным образом, чтобы убедить нас в том, что ГДР вот-вот крахнет. До 20 января он думал, что все может пойти постепенно. Теперь, мол, дело явно идет к коллапсу.

Сговорились (немцы) с американцами. США боятся интеграции Западной Европы и хотят заполучить Германию в главные союзники. Поэтому надо плотно действовать сейчас в треугольнике: СССР—Германия—США.

Главное для нас — удержать позиции по безопасности, по границам, по европейскому процессу.

Формула «4 + 2» будет иметь важное значение. Соотношение сил там будет в нашу пользу: Тэтчер, Миттеран, Модров ближе к нашей позиции.

Но мы уже не имеем в лице Модрова и К⁰ друзей. Они сплелись с ФРГ.

При Хонеккере ГДР задолжала десятки миллиардов долларов.

Надо продолжать конфиденциальные контакты со всеми — в рамках последних реальностей, особенно по вопросам безопасности и границы.

В перспективе — объединение Германии. И надо, чтобы европейский и мировой баланс в ходе этого процесса не был нарушен.

И вторая линия — экономические связи с ФРГ: 6,5 млрд рублей — годовой товарооборот, а с ГДР почти 14 млрд.

А с Францией и Англией работать и до того, как включится институт «4 + 2»; Маслюкову — проработать все валютные вопросы с ФРГ и ГДР. К этому подключить Силаева и Ситаряна.

Примаков. Надо использовать плюсы от объединения Германии для нашей политики на Польшу и Чехословакию.

Лигачев. На парламент выходить с германским вопросом?

Горбачев. Но тогда придется говорить вещи, о которых пока ничего не напечатали.

Если трансформируются оба блока (НАТО и ОВД), тогда образуется новая система безопасности. Может быть, с этим и выйти на Верховный Совет? Пусть наша комиссия: Яковлев, Язов, Шеварднадзе, Крючков — это обдумает.

Примаков. Германия — одна из тем выступления Президента, когда мы его будем избирать.

Горбачев. Прогнозировать очень трудно, но пока у нас есть позиция: была война, возникли два германских государства, есть интересы немцев, есть интересы всех вокруг. Пока этот расклад остается.

Проинформировать союзников? Но кого, кроме поляков?

Лукьянов. А надо ли?

Шеварднадзе. В Оттаве поговорим, и хватит пока.

Манаенков. Может быть, партию проинформировать? [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Разговор М.С. Горбачева с Г. Кодем по телефону 20 февраля 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы привыкли здесь — в бурях перестройки. Все нормально, все укладывается в процесс политического соперничества.

Недавняя выходка Ельцина вызвала и удивление, и возмущение в обществе, даже в самом его окружении⁶⁹.

Да, вроде акции отчаяния или для подогрева собственной бодрости. Корни его поведения, видно, в том, что он теряет авторитет. А это человек-разрушитель. В Верховном Совете (РСФСР) он оказывался изолированным. И думает — что же ему делать? Вот и решил побольше использовать напряженную ситуацию.

В общем-то ситуация в российском Верховном Совете кризисная. Депутаты потребовали созыва Съезда РСФСР. Ельцин попытался выйти из изоляции и опереться на общественные силы, поэксплуатировать недовольство из-за роста цен.

Должен сказать, что Верховный Совет СССР твердо заявил: выступление Ельцина недостойно деятеля такого ранга. И оно требует реагирования. Он должен взять свои слова обратно, или встанет вопрос о его дальнейшей судьбе.

Г. КОЛЬ. *(что-то говорит.)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. В обществе ждут конкретных дел в области финансов, рынка, цен. Я готов сотрудничать с любыми общественными силами, в том числе в российском правительстве (т.е. РСФСР). Но этот человек лишен конструктивного запаса. Это разрушитель по натуре. Многие публично от него отмежевались — Назарбаев, Кравчук и др.

Г. КОЛЬ. *(??)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Печально, конечно, что налицо элементы конфронтации. Но, думаю, нет худа без добра.

Г. КОЛЬ. *(Спрашивает о разговоре Горбачева с Модровым, который состоялся 12 февраля.)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пока нет ответа. Но должен тебе сказать: разговор был жесткий.

Г. КОЛЬ. *(??)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам неизвестно. Ждем ответа. Я обещаю быстро тебя проинформировать.

(Обмен краткими репликами.)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, да... Мы выступаем за то, чтобы на новой основе придать нужный характер отношениям с Восточной Европой, особенно с Венгрией. Сейчас там идет формирование нового кабинета *(министров)*.

Была ситуация, когда и нам, и им *(восточным европейцам)* надо было подумать, как строить отношения дальше. А вот теперь начинается встречный процесс.

Желаю всего хорошего, и дома — привет.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2*

Ответы М.С. Горбачева на вопросы корреспондента «Правды»

21 февраля 1990 года

ВОПРОС. В редакцию продолжают поступать письма, в которых читатели просят разъяснений по вопросу об объединении Германии. Известно, что и на Западе на этот счет высказывается немало разных суждений, в том числе и относительно итогов вашей встречи с канцлером Коелем. Что бы вы могли сказать по этому поводу?

ОТВЕТ. Вопрос действительно очень важный, один из главных в современной международной политике. Я бы выделил тут два аспекта.

Первый, это право немцев на единство. Мы никогда не отрицали этого права. И хочу напомнить, что даже сразу после войны, которая принесла нашему народу и законную гордость победы, и ничем неизмеримое горе, естественную ненависть к ее виновникам, Советский Союз выступал против расчленения Германии. Не нам принадлежит эта идея, и не мы несем ответственность за то, как потом, в условиях «холодной войны», стали разворачиваться события.

Добавлю к этому: даже после того как появились два германских государства, Советское правительство совместно с ГДР продолжало отстаивать принцип единства Германии. В 1950 году СССР поддержал предложение ГДР о восстановлении общей германской государственности. 10 марта 1952 года Советское правительство выдвинуло план объединения Германии в едином демократическом и нейтральном государстве. Запад отверг и это предложение. В 1954 году на совещании министров иностранных дел в Берлине мы вновь предложили создание единой демилитаризованной Германии. И вновь получили отказ. Год спустя, 15 января 1955 года, Советское правительство выдвинуло предложение о создании единой Германии с избранным на свободных выборах правительством, с которым был бы подписан

мирный договор. И это предложение осталось без ответа. В 1957–1958 гг. не было даже рассмотрено выдвинутое ГДР и активно нами подержанное предложение о создании германской конфедерации. В 1959 году последовало новое советское предложение на совещании министров иностранных дел четырех держав: заключить мирный договор с единой объединенной Германией, которая не входила бы в военно-политические группировки, но обладала бы определенным военным потенциалом. Результат тот же.

Да и при заключении Московского договора СССР не исключал в перспективе преодоления раскола Германии. Свидетельство тому — принятие нашим правительством «Письма о германском единстве», которым Брандт и Шеель сопроводили подписание ими этого Договора.

Таковы факты.

Как видите, этот вопрос для нас не новый. Мы исходим из того — и об этом мне приходилось не раз и публично, и в контактах с немецкими политическими деятелями говорить, — что история так рассудила: возникли два германских государства, и ей принадлежит рассудить, какой в конце концов будет государственная форма существования немецкой нации. И вот история заработала неожиданно быстро. В этих условиях мы еще раз подтвердили, что немцы сами должны определить, как, в какие сроки и в каких формах будет проходить их объединение. Об этом шла речь в беседах с Модровым и вскоре затем с Колем.

Но это лишь одна сторона проблемы, и в этих беседах не только об этом говорилось.

ВОПРОС. Что вы имеете в виду?

ОТВЕТ. Прежде всего то, что объединение Германии касается не только немцев. При всем уважении к этому их национальному праву ситуация такова, что невозможно себе представить, чтобы немцы между собой договорились и потом предложили всем остальным одобрить уже принятые ими решения. Есть вещи фундаментальные, которые международное сообщество вправе знать и в которых не должно быть места для двусмысленности.

Далее. Должно быть изначально ясно, что ни сам процесс сближения ФРГ и ГДР, ни единая Германия не должны нести ни угрозы, ни ущерба национальным интересам соседей и вообще кому бы то ни было во вне. И конечно, исключается всякое посягательство на границы других государств.

Помимо незыблемости сложившихся в результате Второй мировой войны границ, что является самым существенным, есть и другие ее последствия. Никто не отменял ответственности четырех держав. И снять ее с себя могут только они сами. Мирного договора с Герма-

нией еще нет. И только он может в международно-правовом порядке окончательно определить статус Германии в европейской структуре.

На протяжении длительного времени безопасность, как бы то ни было, поддерживалась наличием двух военно-политических союзов — ОВД и НАТО. Пока только намечаются предпосылки для формирования принципиально новой системы безопасности в Европе. Поэтому сохраняется и роль этих союзов, хотя она существенно модифицируется по мере снижения вооруженного противостояния, ослабления военного компонента безопасности, усиления политических аспектов их деятельности. Следовательно, и воссоединение Германии должно происходить с учетом этих обстоятельств, а именно недопустимости нарушения военно-стратегического баланса двух этих международных организаций. Тут должна быть полная ясность.

И последнее. Из сказанного вытекает, что процесс объединения Германии органически связан и должен быть синхронизирован с общеевропейским процессом, с его стержневой линией — формированием принципиально новой структуры европейской безопасности, которая придет на смену блоковой.

ВОПРОС. Известно, что в Оттаве министры иностранных дел договорились о механизме обсуждения германского вопроса с участием СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР. Не могли бы вы пояснить, как мыслится роль этого механизма?

ОТВЕТ. Действительно, речь идет об определенной форме обсуждения германского вопроса между шестью упомянутыми государствами. Кстати, идея такой процедуры родилась в Москве и в западных столицах одновременно и независимо друг от друга. О ней мы говорили с Модровым и потом с Колем. И всякие ссылки на «приоритеты» вряд ли уместны.

Правовая ее основа связана с итогами войны, с ответственностью четырех держав за будущую роль Германии в мире. Вместе с тем она учитывает и огромные перемены, которые произошли с тех пор в Европе и в мире, в самих двух германских государствах, поэтому и включает их в формулу этого механизма, условно названного «2 + 4».

Задача состоит в том, чтобы всесторонне и поэтапно обсудить все внешние аспекты германского воссоединения, подготовить вопрос к включению в общеевропейский процесс и к рассмотрению основ будущего мирного договора с Германией. Причем эффективность таких консультаций, их авторитет зависят от степени доверия и открытости между всеми участниками. Разумеется, суверенные государства могут осуществлять любые контакты, в том числе и по германскому вопросу, на двусторонней и любой другой основе. Но мы ис-

ключаем такой подход, когда трое или четверо будут первоначально сговариваться между собой и выкладывать остальным участникам уже согласованную позицию. Это неприемлемо.

ВОПРОС. А нет ли в этой процедуре элемента дискриминации по отношению к другим странам, тоже участвовавшим в войне?

ОТВЕТ. Вопрос правомерный. Именно поэтому, не умаляя исторически обусловленного права четырех держав, мы связываем механизм «2 + 4» с общеевропейским процессом и вместе с тем понимаем особый интерес других стран, не обозначенных в этой формуле. А следовательно, и их законное право защищать свои национальные интересы. Прежде всего я имею в виду Польшу — незабываемость ее послевоенных границ, как и границ других государств, должна быть гарантирована. Такой гарантией может быть только международно-правовой акт.

ВОПРОС. Как вы оцениваете определенную тревогу среди советских людей, да и со стороны других европейских народов по поводу перспективы возникновения в центре Европы единого германского государства?

ОТВЕТ. И исторически, и психологически такое беспокойство понятно. Хотя нельзя отрицать, что немецкий народ извлек уроки из опыта гитлеровского господства и Второй мировой войны. В обоих германских государствах выросли новые поколения, которые смотрят на роль Германии в мире иначе, чем, скажем, на протяжении последних ста с лишним лет, и особенно в период нацизма.

И, конечно, важно, что не только со стороны общественности ФРГ и ГДР, но и на официальном, государственном уровне не раз перед лицом всего мира было заявлено: с немецкой земли никогда не должна исходить война. А в беседе со мной Коль дал еще более обязывающую трактовку этой формулы: с немецкой земли должен исходить только мир.

Все это так. Однако никто не имеет права игнорировать негативный потенциал, сложившийся в прошлом Германии. И тем более невозможно не учитывать народную память о войне, ее ужасах и потерях. Поэтому очень важно, чтобы немцы, решая вопрос об объединении, помнили о своей ответственности и о том, что необходимо уважать не только свои интересы, но и чувства других народов.

В особенности это касается нашей страны, советского народа. Он имеет неотъемлемое право рассчитывать и возможность добиваться того, чтобы от объединения немцев наша страна не понесла ни морального, ни политического, ни экономического ущерба и чтобы в конце концов был реализован давний «замысел» истории, которая

определила нам жить рядом, протянула между нашими народами нити связей и глубокого взаимного интереса, перекрестила — иногда в трагических столкновениях — наши судьбы и которая в условиях новой эпохи дает нам шанс доверять друг другу и сотрудничать. [...]

(Вторая часть интервью касалась советско-германской договоренности о сокращении численности войск СССР и США в Центральной Европе.)

«Правда». 21.02.1990

Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Дж. Бушем 28 февраля 1990 года

Дж. БУШ. [...] Несколько слов о недавнем визите канцлера Коля. Я считаю, что он был полезным. Как и Коль, мы считаем германское единство позитивным развитием событий. У нас общая цель: строительство демократической единой Германии, которая вместе со своими традиционными союзниками и в рамках все более интегрированной Европы содействовала бы стабильности и прочному миру в Европе.

Мы были согласны с тем, что объединенная Германия должна оставаться в НАТО, а американские войска — в Европе, пока европейцы этого хотят, но ни дня больше. Мы согласны также с относительно особым статусом для бывшей территории ГДР.

В последнее время как на Западе, так и на Востоке растет беспокойство относительно последствий объединения Германии. Мы, однако, считаем, что сейчас, когда после Второй мировой войны прошло много лет, единая Германия не должна вызывать опасений и не будет наносить ущерба законным интересам безопасности какого бы то ни было государства. ФРГ готова работать вместе со своими соседями, СССР и его союзниками в интересах стабильности и мира в быстро меняющейся Европе. После моих продолжительных бесед с Гельмутом Кодем я убежден, что это так.

Вам, очевидно, известно, что мы обсуждали и роль Советского Союза, вашу личную роль в процессе европейского примирения, проявленное вами уважение к мирным переменам в Восточной Европе. В этой связи Коль просил меня активно консультироваться с вами и как можно быстрее продвигаться к договоренностям о сокращении и ограничении вооружений. Я заверил его, что именно в этом состоит мое намерение.

И последнее. Хочу поблагодарить вас за то, что, несмотря на крайнюю занятость, вы уделите столь много времени Дж. Бейкеру в ходе его недавнего визита в Москву. Все мы с признательностью отмечаем эту вашу щедрость.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Благодарю вас, г-н Президент, и хочу в порядке реакции сказать следующее.

Думаю, и для нас, и для вас исходной точкой является необходимость поддержания общей безопасности всех государств в результате тех перемен, которые происходят в Европе в связи с объединением Германии. Видимо, мы оба понимаем, что эта важная проблема должна рассматриваться в контексте послевоенных реальностей и общеевропейского процесса.

В этом контексте в позиции канцлера Коля не все ясно. Возникает много вопросов у европейцев, в том числе и у нас. Да и в ФРГ многие обращают внимание Коля на необходимость уважения послевоенных реальностей, и в частности четкого заявления о нерушимости границ. Мне тоже пришлось сказать об этом в интервью газете «Правда». Здесь необходима ясность.

Ясность необходима и в вопросе о будущем единой Германии в контексте европейской безопасности, учитывая особое значение для всего мира. Вы сказали, что в этом плане у вас с канцлером есть взаимопонимание. Должен вас разочаровать: у нас с ним такого взаимопонимания пока нет.

Вы сказали, что происходящее не должно ни у кого вызывать беспокойства, что объединенная Германия не будет представлять угрозы. Но тогда возникает вопрос: если это так, если угрозы нет, если баланс не будет нарушен, то почему же западные страны так стремятся интегрировать Германию в одну военно-политическую организацию? Разве это не изменит баланс? Если мы придем к выводу, что это затронет безопасность Советского Союза и его союзников, то тогда нам придется серьезно задуматься.

Поэтому я хочу пригласить вас к продолжению консультаций по этому важному вопросу. Хочу заверить вас, что мы будем продолжать консультации и с канцлером Колем. Надеюсь, что вы с пониманием отнесетесь к нашей особой заинтересованности в этом вопросе. Думаю, в процессе консультаций и сотрудничества мы найдем взаимоприемлемое решение.

Я, разумеется, удовлетворен теми впечатлениями, которые вынес из своей поездки в Москву г-н Бейкер, и той работой, которую удалось совместно провести в ходе его визита. Она заслуживает должного упоминания. Сейчас очень важно сохранить все накопленное в на-

ших отношениях — ведь это на сегодняшний день, пожалуй, самое ценное в мировой политике...

Дж. БУШ. Я ценю и принимаю к сведению все, что вы сказали. Может быть, в недалеком будущем у нас будет возможность поговорить по закрытому телефону еще более откровенно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я тоже на это рассчитываю.

Дж. БУШ. Хочу заверить вас в том, что я понимаю: оговорки, высказанные вами по германскому вопросу, исходят не только от Советского Союза, который помнит свою историю, но и от многих западных европейцев. Вы вправе без колебаний и с полной откровенностью излагать свою позицию.

Мы тоже понесли жертвы в войне, окончившейся сорок пять лет назад. Но сейчас мы убеждены, что единая Германия не станет агрессивной силой. Что же касается вашего вопроса о том, почему же в таком случае мы хотим включить Германию в Западный союз, то я отвечу: для гарантии, на всякий случай.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Относительно продолжения нашего диалога. Я надеюсь, мы сможем продолжить наши контакты различными способами, имеющимися в нашем распоряжении, в недалеком будущем. Надеюсь, что мы с вами сумеем все взвесить и найти такой подход, который соответствовал бы нашим интересам, интересам новой объединенной Германии и всех европейцев.

Дж. БУШ. Это очень хорошо сказано. Надо все взвесить. Я тоже рассчитываю на продолжение обмена мнениями по этому очень важному вопросу.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Встреча М.С. Горбачева с правительственной делегацией ГДР

6 марта 1990 года

Хотел бы вновь подтвердить, заявил М.С. Горбачев, что Советский Союз уважает право немцев ГДР и ФРГ на самоопределение. Понятно, что Советскому Союзу, как, очевидно, и другим, прежде всего европейским государствам, далеко не безразлично, каким образом пойдет сближение обоих германских государств, как будут выполняться их международные обязательства. Германский вопрос затрагивает фундаментальные интересы международного сообщества, и Советский Союз вместе с другими странами вправе добиваться безусловных гарантий того, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила война.

Мы твердо убеждены, сказал М.С. Горбачев, что сближение ГДР и ФРГ только тогда не нарушит баланс интересов на континенте, если будет гарантирована его поэтапность, контролируемость, увязанность с обеспечением безопасности всех заинтересованных государств в русле общеевропейского процесса. Нагнетание ажиотажа, стремление аннексировать ГДР, политика «свершившихся фактов» не отвечают ответственному подходу к решению столь чувствительного для судеб Европы и мира вопроса, как германский. Это, по нашему суждению, не отвечает интересам и самих немцев, которые не могут не быть заинтересованы в конструктивных, плодотворных отношениях со всеми народами Европы на основе прочного взаимного доверия.

Непременное условие движения к единой Германии — полный учет прав и интересов четырех держав, других государств, особенно соседних, безоговорочное признание существующих ныне европейских границ, отказ от каких бы то ни было реваншистских территориальных притязаний.

Со всей определенностью было заявлено о неприемлемости включения будущей Германии в НАТО, какие бы оговорки при этом ни делались. Нельзя допустить действий, которые вели бы к слому сложившегося в Европе равновесия — основы стабильности и безопасности, взаимного доверия и сотрудничества.

Принципиальные аспекты германского единения, включая военно-политический статус Германии, отметил советский руководитель, могут найти окончательное решение в рамках мирного урегулирования, которое станет важным элементом складывающихся на континенте новых структур безопасности, а с точки зрения международного права поставит Германию в равное положение с другими членами мирового сообщества.

Живой обмен мнениями показал близость или даже совпадение основополагающих подходов руководства ГДР и Советского Союза к различным аспектам межгерманского сближения.

Х. Модров высказался в пользу того, чтобы при поэтапном движении к немецкому объединению учитывались социально-экономическое, духовное, культурное своеобразие ГДР, характер ее международных связей и обязательств перед другими государствами. Ни у кого не должно быть сомнения в том, что ГДР и подавляющее большинство ее граждан рассматривают границу по Одере—Нейсе как окончательную, как неперемнное условие мирного будущего для немецкого, польского и других народов Европы.

Процесс сближения требует взаимной ответственности, тщательно взвешенных шагов. Он не должен вести к снижению социальной защищенности жителей ГДР, наносить ущерб их законным правам, собственности, всему народному достоянию республики, созданному трудом нескольких поколений за целый ряд десятилетий. Естественно, также не могут игнорироваться и жизненные интересы населения ФРГ.

С обеих сторон дана позитивная оценка многопланового сотрудничества Советского Союза и ГДР, нового характера отношений между ними. Подчеркнута взаимная заинтересованность в сохранении и умножении всего ценного, что было и есть в экономических, научно-технических, политических и культурных связях двух государств, а также в укреплении взаимного доверия на благо их народов.

«Правда». 07.03.1990

Интервью М.С. Горбачева газете «Правда» 7 марта 1990 года

ВОПРОС. Каково отношение Советского Союза к какой-либо форме участия объединенной Германии в НАТО?

ОТВЕТ. На это мы не можем дать согласия. Это абсолютно исключено. Мы считаем, что процесс объединения двух немецких государств — процесс естественный, укладывающийся в ту самую концепцию, которую я излагал и раньше: той реальностью, которую история нам оставила в наследство, она сама и распорядится. Сейчас, как мы говорим, история заработала с ускорением. И мне думается, что в этом случае, безусловно, должны учитываться интересы немцев. И мы готовы к этому. Но и немцы, и все, кто причастен к этому процессу, должны учитывать естественные интересы соседей — двух немецких государств, всех европейцев. А если помнить, что германский вопрос — один из самых крупных в мировой политике, то и интересы всего мирового сообщества. И эту проблему нельзя упрощать.

Недопустимо в больших, судьбоносных вопросах, затрагивающих такие фундаментальные вещи, как интересы народов, самих немцев, европейцев, всего мира, действовать наспех, так сказать, «нахрапом». Подобный метод не подходит для большой политики. Необходим поэтапный подход, и, я думаю, в нем заинтересован и народ ГДР. Он хочет знать, что с ним будет, какова его судьба, всех тех поколений, которые жили и трудились в республике. Это и в интересах немцев ФРГ. Они хотят знать, чего от них потребует объединение. Над этим, я думаю, серьезно размышляют там предприниматели, все деловые люди. Ведь это очень большая проблема. Поэтому, как с внутренней, так и с внешнеполитической точки зрения, с точки зрения реальной жизни двух немецких государств, думаю, поэтапное продвижение

к объединению, взвешенный подход — благо, если этот процесс вляется в процесс европейского сближения, который, кстати говоря, нам, может быть, нужно и ускорить. А это значит, что будут синхронизированы оба процесса, будет снята озабоченность, которая может возникнуть, если этого не сделать. А она уже есть. Сейчас уже много говорят о границах.

Господин канцлер в последние дни внес кое-какие коррективы в свою позицию по этому вопросу, я это отмечаю и приветствую, ибо «маневры», неясность в таких фундаментальных вещах — не для серьезной политики. Люди должны все ясно представлять и знать. Это во-первых. Во-вторых, где быть объединенной Германии? Я думаю, что, если будут идти европейский и венский процессы, мы выйдем на Хельсинки-2, будут трансформироваться НАТО и Варшавский Договор из военно-политических в политические организации. Это одна ситуация. И тогда не будет необходимости в этом торге — где быть объединенной Германии. Мне недавно в беседе один из представителей руководства западной державы сказал: ну, собственно, почему вас, г-н Горбачев, волнует этот вопрос, ведь немцы уже не те — другие! Да. Немцы и на Востоке, и на Западе привержены миру, они многое сделали. Это все верно. Но в таком случае, ответил я ему, давайте договоримся так: почему они должны входить в НАТО, пусть войдут в Варшавский Договор, если это не имеет никакого значения. Сразу последовало возражение: да нет, зачем же... Таким образом, это мое встречное предложение многое прояснило. Давайте будем все основательно взвешивать, просчитывать — словом, вести дело серьезно.

И сейчас все время, если вы помните, я подчеркиваю: мы переживаем такие перемены в мире, в Европе, которые принесут нам большие изменения — новую Европу, новые взаимоотношения между людьми, государствами, народами. Значит, нельзя упустить этот шанс. Но это одновременно требует и большой ответственности. Нельзя разрушать то, во что все мы вложили столько сил. Ведь все, что происходит, — это результаты общих усилий на протяжении десятилетий, не только положительных, но и негативных, из которых мы извлекли уроки. И теперь, когда открылся исторический шанс, надо быть очень ответственными. Вот я хотел бы так широко ответить на ваш короткий вопрос. Ибо все это важно для всех нас. Мы будем активно и конструктивно участвовать в идущих процессах, но мы не допустим, чтобы были взорваны зародившиеся и набирающие силу позитивные тенденции в Европе, остановлен процесс обновления отношений между европейскими странами. Это для нас исходный пункт.

ВОПРОС. Вы говорили, что процессы, идущие в Германии, очень сложны, что они требуют ответственного подхода от всех. Как вы думаете, хватит ли ответственности сейчас в Германии в преддверии выборов?

ОТВЕТ. Знаете, есть деликатные сферы, во внутренние дела нельзя вмешиваться. Мы твердо встали на эту позицию — не вмешиваться во внутренние дела. Это не значит, конечно, что нам все безразлично; напротив, одним процессам мы сочувствуем, солидарны с ними; другие оцениваем негативно. Но в конце концов выбор делает каждый народ сам. Поэтому, наблюдая отсюда, из Москвы, за предвыборной кампанией, я вижу, что кое-кто торопится, кое-кто хочет навязать свои взгляды, свои оценки. Я вижу, что есть попытки надавить на немцев ГДР в интересах своей партии, своих политических расчетов.

Вы мне задали этот вопрос, спровоцировав мой ответ. Надеюсь, и в ФРГ, и в ГДР не воспримут, будто тем самым я вмешиваюсь в предвыборную кампанию. Напротив, я вижу, как много сейчас в ГДР визитеров из ФРГ и как они вмешиваются в ее дела, будто ГДР уже потеряла суверенитет, будто ГДР уже не независимое государство, признанное мировым сообществом. Там все это есть, это присутствует. Но пусть уж сами немцы разберутся в этом. Я полагаю, что народ сам должен хорошо подумать, решая, кому отдать приоритет, ибо на этом этапе особенно важно, чтобы в парламенте, в правительстве, во всех органах власти оказались люди, способные вести дело ответственно, взаимодействуя со всеми заинтересованными правительствами и народами.

ВОПРОС. Как вы представляете будущие отношения Советского Союза с единой Германией? Могут ли возникнуть качественно другие связи, чем раньше с ФРГ и ГДР?

ОТВЕТ. Думаю, отношения, конечно, будут меняться. Только что на эту тему я высказался перед членами правительства Х. Модрова. Полагаю, что эти отношения имеют хорошую перспективу. Но опять же это зависит от того, как мы сейчас будем взаимодействовать. При одном подходе можно прибавить, даже укрепить и расширить сотрудничество. Но при другом — посеять подозрения, негативы.

В интересах наших двусторонних отношений и сотрудничества, я думаю, мы должны с обеих сторон действовать ответственно. У нас самые большие и широкие контакты среди социалистических стран существуют с ГДР. У нас самые широкие связи среди западноевропейских государств с ФРГ. Это само по себе очень важно. Мы хотим, чтобы, когда будет идти процесс объединения, а он коснется всех сфер,

в том числе экономики, эти интересы не пострадали ни для объединенной Германии, ни для немцев, ни для нас.

Если обратиться к отношениям между Германией и Россией, то, как вы знаете, они имеют большую историю. В них было и такое, из чего надо извлекать уроки. Мы не можем забыть того, что случилось, когда в Германии к власти пришел фашизм, и чем это обернулось для наших народов — для советского народа и немцев. И то, что мы сделали выводы, пошли путем мирным, стали перестраивать отношения на новой основе, сотрудничать и в двусторонних интересах, и в интересах мира, очень важное достижение наших народов и государств. Это надо сохранить. Мы со своей стороны будем делать все, чтобы так это и было. Но, как говорят, здесь взаимные интересы, и нужна взаимность. Перспективы, думаю, большие. Я вижу, какой интерес проявляют немцы из ФРГ, предприниматели к объединению интеллектуальных, научных усилий, технической базы, ресурсов наших государств. Это могло бы хорошо послужить и нашим народам, и Европе. В этом смысле я оптимист.

«Правда». 07.08.1990

Заявление МИД СССР

14 марта 1990 года

Начавшийся в последнее время процесс сближения ФРГ и ГДР и возникшая в связи с этим реальная перспектива объединения Германии вновь выдвинули германский вопрос в центр мировой политики. Внимание общественности вновь концентрируется сейчас на таких ключевых элементах, как заключение мирного договора, военно-политический статус будущей Германии, ее границы, сохранение стабильности и баланса сил, сложившихся на континенте, дальнейшее развитие общеевропейского процесса, включая создание новых структур коллективной безопасности. Решение каждой из этих задач, как отдельно взятой, так и в совокупности, уже в силу их масштабности мыслимо лишь на согласованной основе.

С учетом этого в Оттаве было принято решение о создании в составе двух германских государств, СССР, Великобритании, США и Франции соответствующего переговорного механизма, в рамках которого все участвующие стороны будут действовать в соответствии с характером и объемом принадлежащих им прав и ответственности. Это, разумеется, не исключает участия в той или иной форме любого другого европейского государства при рассмотрении интересующих его вопросов, относящихся к германскому мирному урегулированию. Особое внимание должно быть уделено решению задачи синхронизации сближения и возможного объединения двух германских государств с общеевропейским процессом. Столь объемная работа, если, разумеется, подходить к ней с должной ответственностью, не может быть выполнена в один присест, даже усилиями многих участников. Поэтому речь может идти только о поэтапном развитии, без его искусственного подстегивания, создания обстановки какого-то цейтнота вокруг строи-

тельства немецкого единства. Собственно говоря, из этого и исходит подавляющее большинство заинтересованных государств.

Соглашаются с этим вроде бы и в Бонне. Однако на практике определенные круги в ФРГ продолжают вести дело к тому, чтобы по существу оставить в стороне от германского урегулирования ряд его потенциальных участников и поставить международное сообщество, включая четыре державы, перед свершившимися фактами.

Ключ к достижению такой цели некоторые политики ХДС—ХСС видят в том, чтобы задействовать статью 23 Основного закона ФРГ, которая дает возможность механического присоединения ГДР к ФРГ по частям, отдельными землями или целиком всей республикой. Иными словами, ставка делается по существу на узурпацию одного германского государства другим.

В этом случае в Бонне, видимо, рассчитывают лишить ГДР ее суверенных прерогатив отстаивать в качестве равноправного партнера права и интересы граждан ГДР, их социальные завоевания, те ценности, которые были созданы упорным трудом за время существования республики. В соответствии с такой установкой сейчас выстраивается и практическая линия ФРГ в отношении ГДР. Путем массированного вмешательства во внутренние дела республики, покушения на народнохозяйственные, имущественные и общественные структуры ее хотели бы поставить перед угрозой экономического хаоса. В ГДР, и не только там, указывают, что подобный вариант ударил бы по жизненным интересам граждан республики, возложил на них основные тяготы и издержки приспособления к иным социально-экономическим и политическим условиям и порядкам. Немалых жертв потребовал бы он и от западногерманских налогоплательщиков.

А как быть с обязательствами по международным соглашениям ФРГ? Если их вознамериваются перенести на ГДР, то тем самым предопределялся бы военно-политический статус объединенной Германии, то есть ее включение в НАТО. Далее, статья 23 Основного закона ФРГ допускает возможность предъявления территориальных претензий к другим государствам. Но ведь все это прямо затрагивает внешние аспекты.

С какой стороны ни подходить к задействованию статьи 23, такой образ действий явился бы неправомерным, неприемлемым. Вопросы, имеющие поистине судьбоносное значение для всей Европы, не могут решаться на основе Конституции или иных внутренних актов ФРГ, не могут быть делом рук одних только немцев.

Нельзя забывать, что Советский Союз, Франция, Великобритания и США, согласно Потсдамскому соглашению продолжают сохранять

свои права и ответственность за Германию в целом, за то, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила угроза миру. Их прямой долг вместе с ФРГ и ГДР — реализовать это основополагающее положение в форме надежных международно-правовых гарантий.

Следует помнить и о том, что Потсдамское соглашение однозначно исходит из того, что восстановление германской государственности должно происходить в упорядоченных, демократических рамках, что порядок и условия объединения обоих германских государств будут решаться на основе договоренности между весьма заинтересованными сторонами, и прежде всего четырьмя державами. Позже это принципиальное положение было также закреплено в соответствующих договорах ФРГ с тремя западными державами и ГДР — с Советским Союзом, по которым четыре державы в полной мере сохраняют свои права и ответственность в отношении Германии в целом. Это относится и к Западному Берлину с его особым статусом, определенным в Четырехстороннем соглашении.

Таким образом, не поглощение одного немецкого государства другим, не скоропалительные и односторонние действия, продиктованные конъюнктурными расчетами, а объединенные усилия всех заинтересованных сторон могут обеспечить взаимоприемлемое, рассчитанное на длительную перспективу решение сложнейших проблем германского урегулирования. Бесспорно и то, что подавляющее большинство европейских государств в качестве главного ориентира при этом рассматривают сохранение и укрепление стабильности на континенте, основываясь на положениях хельсинкского Заключительного акта.

В таком подходе живую заинтересованность проявляют и многие немцы как в ГДР, так и в ФРГ, отдавая себе отчет в том, что будущая Германия лишь тогда сможет занять достойное место в международном сообществе и обретет его доверие, если поставит весь свой потенциал на службу мира и сотрудничества в Европе. Уроки Второй мировой войны обязывают всех, кого затронула эта трагедия, сделать все, чтобы она никогда не повторилась впредь.

Позиция Советского Союза в германских делах диктуется прежде всего его искренним желанием жить в мире и согласии с немецким и другими европейскими народами, внести весомый, конструктивный вклад в общеевропейское мирное строительство и в обеспечение надежной безопасности на коллективных началах.

«Правда». 14.03.1990

Заявление Советского правительства

28 марта 1990 года

В связи с заявлением правительства ГДР от 1 марта 1990 года по вопросам собственности в ГДР Советское правительство считает необходимым констатировать следующее.

Декларация о поражении Германии от 5 июня 1945 года и Потсдамское соглашение от 2 августа 1945 года предусматривали принятие программы мер, направленной на искоренение германского милитаризма и нацизма, на демократизацию политической жизни, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Были приняты решения о передаче в распоряжение четырех союзных держав всей германской военной промышленности и наказании военных преступников, а также о децентрализации экономики с целью уничтожения существовавшей в прошлом чрезмерной концентрации экономической силы.

На основе этих решений в течение 1945—1946 годов Союзный контрольный совет в Германии принял ряд постановлений, в том числе закон № 9 от 20 ноября 1945 года «О конфискации имущества, принадлежащего акционерному обществу “И. Г. Фарбениндустри”, и контроле над ним» и закон № 10 от 20 декабря 1945 года «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», предусматривавший в числе прочего конфискацию имущества упомянутых лиц.

В порядке реализации этих постановлений Советская военная администрация в Германии (СВАГ) наложила секвестр на имущество нацистских преступников, фашистского государства, германских военных учреждений и конфисковала имущество национал-социалистской партии.

Весной 1946 года приказом СВАГ это имущество и предприятия были переданы местным органам немецкого самоуправления.

30 июня 1946 года всенародным референдумом в земле Саксония был принят закон об объявлении экспроприированным имущества нацистов и военных преступников и о передаче его в народную собственность. В голосовании участвовали 93,7% взрослого населения, причем за одобрение закона высказались 82,42%. Эти решения в 1946–1947 годах были поддержаны населением всей советской зоны оккупации и управления остальных земель и провинций издали аналогичные постановления. Всего к августу 1946 года в собственность народа было передано 9 281 предприятие.

Это имущество составило основу народного государственного сектора в Восточной Германии. В последующем, вплоть до конца 1953 года, в собственность народа ГДР было передано большое число предприятий, которые по распоряжению тогдашних оккупационных властей являлись советской собственностью, в том числе ряд промышленных предприятий, перешедших к СССР в счет уплаты репараций на основе решений Потсдамской конференции.

В соответствии с целями Потсдамского соглашения, с согласия Советской военной администрации и по требованию трудовых крестьянских масс, в 1945 году земельными властями в Восточной Германии была проведена аграрная реформа. В ее ходе была ликвидирована основа реакционного прусского юнкерства, конфисковано (в 1945–1946 годах) 2 852 000 гектаров земли — все владения военных преступников, а также владения крупных помещиков размером свыше 100 гектаров. Это дало возможность передать землю в распоряжение малоземельных и безземельных крестьян, переселенцев, народных имений.

Надо подчеркнуть, что о проведении всех мероприятий по демократизации собственности в Восточной Германии советская сторона информировала Союзный контрольный совет, пока он еще существовал, и Контрольный совет принимал эту информацию к сведению.

Поскольку эти мероприятия осуществлялись в рамках программы демилитаризации и денацификации Германии, декартелизации ее экономики, они имели принципиальное значение в процессе создания антифашистских демократических структур на территории нынешней ГДР.

С учетом своих прав и ответственности в германских делах Советский Союз выступает за соблюдение законности отношений собственности в ГДР, против попыток поставить имущественные отношения в ГДР под вопрос в случае создания валютного союза и экономическо-

го сообщества с ФРГ, а также в случае возникновения единой Германии. Это предполагает, что оба германских государства в процессе их сближения и объединения будут исходить из законности мер в области экономики, осуществленных в 1945–1949 годах Советской военной администрацией в Германии. Совершенно неприемлемыми были бы попытки, если бы они имели место, оспаривать права нынешних собственников земли и другого имущества в ГДР, приобретенные в свое время с согласия или по решению советской стороны, которая руководствовалась при этом Декларацией о поражении Германии, Потсдамским соглашением и другими четырехсторонними постановлениями и решениями.

Советское правительство разделяет в этом вопросе позицию правительства ГДР о необходимости строгого соблюдения правопорядка и защиты социально-экономических прав и интересов миллионов людей в ГДР.

«Правда». 28.03.1990

Из беседы М.С. Горбачева с Д. Хэрдом

10 апреля 1990 года

(В беседе участвовали Э.А. Шеварднадзе и А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас, г-н министр. Сразу же хочу сказать, что наши отношения с Великобританией прогрессируют на всех направлениях. Это позволяет решать любые вопросы. И наш посол действует активно, и ваш покой нам не дает. Мы ценим наши отношения, которые совместными усилиями политиков и дипломатов продвигаются успешно. Такая степень взаимопонимания и доверия позволяет не тратить время на ходы, ухищрения и процедуры. И это особая, самостоятельная ценность. Сейчас время такое, что без понимания, доверия, личных контактов никуда не деться, можно «наломать дров». До сих пор мы действовали взвешенно и ответственно, хотя иногда и приходится «объясняться» друг с другом. Все же наши действия вполне адекватны времени. В Европе, да и во всем мире, сейчас происходят глобальные перемены. Происходят они вполне естественно, без анархических форм. Вырвался германский вопрос, который заставил всех нас задуматься. И мы должны быть все очень внимательными...

Я получил письмо от г-жи Тэтчер. Она выполнила обещание информировать о встрече с канцлером Колем, о том, что удалось обсудить и к каким выводам прийти. Я ей благодарен за это сообщение. Я знаю и ваши высказывания по этому вопросу, и вижу, что позиции СССР и Великобритании очень близки. Надеюсь, что вы уже обсудили эту тему с Шеварднадзе. Думаю, вряд ли достигнуто согласие о том, куда все же включить объединенную Германию.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Я предлагаю включить ее в Варшавский Договор, но согласия пока нет.

Д. ХЭРД. Мы пока не обсуждали этот вопрос, но, видимо, 100-процентного согласия не будет. Я считаю, что к этому вопросу следует под-

ходить с точки зрения обеспечения стабильности во всей Европе. Было бы лучше, если бы эта крупная держава в случае ее объединения не оставалась бы предоставленной самой себе в условиях, когда, возможно, американские войска будут выведены оттуда. Если бы Германия вышла из НАТО, то от этого союза мало что осталось бы.

Было бы все же лучше, чтобы объединенная Германия осталась в рамках нынешнего союза, который претерпит изменения в плане сокращения вооруженных сил и количества вооружений. Однако в таком случае американские войска останутся в нем, хотя и в меньшем количестве. Останутся в нем и английские войска, так же, как войска других стран — членов НАТО. Это неплохие рамки для объединенной Германии, с точки зрения как Советского Союза, так и Великобритании, но при условии, что не будет предприниматься ничего такого, что могло бы нанести ущерб взаимным интересам и достоинству, и что будет решен вопрос о пребывании ваших войск в Восточной Германии. Таким образом, предстоит обсудить эти два вопроса.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Президент Буш, когда разговор зашел о включении объединенной Германии в НАТО, уверял меня, что это равным счетом ничего не значит. Ведь НАТО уже существует, говорил он, и ситуация там ясна. В ответ я сказал ему, что, может быть, лучше включить единую Германию в состав Варшавского пакта. Это привело его в замешательство.

Я понимаю ваши слова так, что вопрос этот должен решаться таким образом, чтобы не посеять недоверия, которое могло бы подорвать капитал, накопленный нами совместно, — капитал, благодаря которому между нами сейчас сложились отношения сотрудничества, благодаря которому мы можем уверенно смотреть в будущее. А это, пожалуй, еще более ценно, чем капитал.

Наверное, мы должны включить в наш диалог вопрос о создании структур безопасности в новой Европе — в Европе от Атлантики до Урала. Тогда и этот вопрос можно будет решить по-другому. Возможен переходный этап до того, как в Европе будут заложены структуры безопасности. Если есть такое понимание необходимости создания системы безопасности, то надо ускорить процесс создания новых структур и синхронизировать его с процессом объединения Германии. Тогда мы сможем смотреть по-другому и на само объединение.

Если же такой связи не будет, если сегодня мы будем смотреть на этот вопрос только с позиции включения объединенной Германии в НАТО, то это очень серьезно. Думаю, с учетом политического процесса, идущего в стране, Верховный Совет не пропустит это. В этом я уверен. Уже сейчас доходят сигналы — я имею в виду политические,

военные, дипломатические круги, — не надо спешить с Венским процессом. Раз НАТО хочет получить объединенную Германию, нарушить баланс безопасности, зачем двигаться ускоренными темпами в направлении сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе. Включение Германии в НАТО для нас неприемлемо.

Союзники по коалиции должны действовать взвешенно и ответственно. Они не могут вносить обеспокоенность в советское общество. Они не должны так поступать. Если кто-то хочет вызвать нестабильность в Европе, нанести ущерб СССР, то мы сделаем выводы.

В этом контексте мы вырабатываем подходы, будем действовать ответственно и конструктивно. Нельзя сказать, что возникшие барьеры непреодолимы. Просто они трудны, и нам всем надо быть внимательными.

Д. ХЭРД. Советский Союз и Великобритания могли бы объединить свои усилия по трем крупным направлениям: действия в рамках формулы «2 + 4», Венские переговоры и перспективы проведения в конце этого года совещания на высшем уровне стран — членов СБСЕ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Уверен, мы так можем действовать. Мы согласны действовать на этих направлениях.

Д. ХЭРД. Да, все они взаимоувязаны. Я не думаю, что американцы или мы пойдём на встречу в верхах, если не будет соглашения в Вене. Вы, со своей стороны, тоже обеспокоены тем, что в случае отсутствия прогресса в других областях процесс объединения Германии может стать препятствием. То есть речь идет о том, что вы называете синхронизацией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У наших американских друзей и партнеров есть какие-то расчеты. Они побаиваются сплоченной Европы. Да еще тут СССР. И они действуют так, чтобы замедлить все эти процессы.

Какой вывод? Мы должны снять их озабоченности. Мы не можем вести дела так, чтобы Америка оставалась в стороне или сохраняла свои озабоченности. Это нереальная политика. США должны участвовать в этих процессах, присутствовать в Европе. Должны учитываться их интересы, как и наши с вами. Иначе не получится. Так что, я думаю, общими усилиями надо помочь им преодолеть этот комплекс. [...]

**Из беседы М.С. Горбачева
с В. Ярузельским
13 апреля 1990 года**

[...] **В. ЯРУЗЕЛЬСКИЙ.** Недавно Жискара д'Эстен и Шмидт прислали мне свои статьи, которые они позднее опубликовали в американских газетах. В них шла речь о путях обеспечения европейской безопасности. Я ответил им статьей на ту же тему, в которой подчеркивал важность не допустить нарушения европейского равновесия. Там я, в частности, предложил, поскольку на западе объединенной Германии останутся кроме американских еще и английские, французские, бельгийские и голландские части, расположить на востоке страны, на территории нынешней ГДР, кроме советских, еще польские и чехословацкие части.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень серьезное предложение и, думаю, правильное. Может быть, пока не стоит его отражать в сообщении для печати, но обязательно сказать там о германской проблеме, о необходимости гарантирования послевоенных границ. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. де Микелисом

17 апреля 1990 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** На днях я встречался с американским сенатором Митчеллом... Американцы недовольны сильными интеграционными процессами в Европе, не хотят включения в них Советского Союза. Считают, что это для них опасно. Поэтому они ухватились за объединение Германии. В Восточной Европе идут сложные процессы, а в Западной — германские дела сказываются на интеграционных процессах. Значит, сложнее становятся перспективы участия в них Советского Союза. Американцы думают, что такое развитие их устраивает.

Я говорил сенатору Митчеллу, да и Президенту США, когда мы с ним встречались на Мальте, что это не так. Американцам об этом надо говорить. Вы же прекрасно понимаете значение перестройки для будущего наших отношений.

Мы наблюдаем, что происходит, например, с канцлером Колем. Изменилась ситуация в результате быстрых и бурных процессов в Восточной Европе. По-новому встал германский вопрос, и начались шатания. А надо, чтобы все процессы, в том числе и объединение Германии, шли синхронно с общеевропейским процессом. Конечно, синхронизация не может быть абсолютной, ведь это политика, а не техника, где подгоняют шестеренки.

Но эти процессы должны идти параллельно, и именно так можно будет выйти на правильное решение германского вопроса. С тем чтобы, с одной стороны, не создавать озабоченности в Европе, и, с другой — чтобы сохранить атмосферу конструктивного сотрудничества, которую нам удалось вместе создать с таким трудом, пройдя через тяжелые испытания, в том числе через «холодную войну».

Думается, у европейцев есть такое понимание. Возможно, его сейчас стало больше и у канцлера Коля. А у Геншера, видимо, процент понимания, реализма выше, чем у канцлера.

В этом контексте мы подходим к вопросу о месте объединенной Германии в Европе. Думаю, искать ответы надо через определенные шаги, может быть, придав большее ускорение созданию новых структур европейской безопасности, основанных на иных механизмах, иных институтах. Если процесс будет идти, если будут вырисовываться параметры структур общеевропейской безопасности, то положение и место объединенной Германии может на каком-то переходном этапе быть тем или иным. В детали сейчас вдаваться не буду.

Но такое объединение Германии, при котором не будут думать об общем процессе, вызовет много вопросов и серьезную озабоченность. Это может сказаться и на Венском процессе. Почему, если НАТО не хочет считаться с интересами нашей безопасности, мы должны идти на те или иные шаги в Вене? Мы десять раз подумаем, прежде чем их сделать. Отразится это и на Женевских переговорах. Ведь это вопрос баланса на главном направлении, касающемся безопасности государств.

Наши немецкие партнеры — люди эмоциональные. Они «завелись» и никак не могут выйти из этой эйфорической фазы. Как, кстати, и у нас кое-кто никак не может выйти из митинговой фазы, вплотную приступить к конкретным делам.

Меня смущает тот факт, что Вашингтон не очень беспокоится о том, чтобы вникать в ситуацию, глубоко проанализировать ее, поразмышлять. Американцам кажется, что проглядывается возможность оси Вашингтон—Бонн (не в давнем, конечно, смысле данного термина) и появляется соблазн поиграть на этом. Они и Колю мешают занять реалистическую позицию, поощряют суетливость в этих делах. Прямо скажу, нам такая суета в Вашингтоне не нравится. И им нужно обратить внимание на более взвешенную позицию европейцев.

Я приветствую вашу триаду: фантазия, реализм, добрая воля. Это означает, что в Риме не утратили древние традиции глубоких размышлений по крупным вопросам. Разделяю констатацию того, что Италия с учетом ее нынешнего положения, имея в виду и внутривосточные аспекты, и то руководство, которое ее возглавляет, может внести конструктивный вклад на нынешнем этапе развития европейских и мировых процессов...

Дж. де МИКЕЛИС. Большое спасибо за исключительно интересный и широкий по охвату рассказ.

Мне понятна ваша позиция по германскому вопросу. Как я понимаю, ее отличают два момента: необходимость синхронизации между

процессами германского объединения и формированием системы общеевропейской безопасности, а также желание хорошо использовать переходный период. Этот период, который будет составлять от 18 до 24 месяцев, будет исключительно важным и деликатным. Поэтому здесь нам надо работать вместе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я приветствую такой подход.

Дж. де МИКЕЛИС. Я прекрасно понимаю, что если не появится чего-то нового, то вы будете держаться за старое, за Потсдам. Ведь это лучше, чем ничего. Поэтому важно ускорить работу по созданию общеевропейских структур безопасности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы готовы внести конструктивный вклад в создание новой Европы. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Записка В.М. Фалина М.С. Горбачеву

18 апреля 1990 года

США и ФРГ при несколько пассивной роли Англии и Франции настойчиво и целеустремленно ведут дело к тому, чтобы все внутренние и внешние аспекты объединения Германии были решены за рамками переговорного процесса «2 + 4», а Советский Союз ставился бы перед совершившимися фактами. Общественное мнение исподволь приучают к тезису, что в «шестерке» ни одно государство не должно обладать правом вето, особенно в вопросах, где налицо мнение «демократического большинства». По сути, предварительно сговариваясь в своем кругу, западные державы уже нарушают принцип консенсуса и — в сравнении с ситуацией на встречах с Бушем на Мальте, а также с Бейкером в Москве и Оттаве — позиции СССР и США по ключевым проблемам расходятся все дальше.

Исходный мотив в поведении как Вашингтона, так и Бонна весьма незамысловат: свобода маневра Советского Союза ныне ограничена до предела, и Запад в состоянии без риска серьезной конфронтации реализовать по максимуму свои давние притязания. Сторонников более взвешенного подхода, не исключавших — ради обеспечения длительной фазы конструктивного развития — соразмерного учета интересов СССР, почти не слышно.

Существенным моментом западной тактики является интенсивная обработка не только членов блока НАТО, но и наших союзников по Варшавскому Договору. Цель видна невооруженным взглядом — изолировать СССР, оставить его в одиночестве и в «шестерке», и на встрече «35-ти».

Представляется насущно необходимым со всей определенностью выразить советскую позицию, прежде всего по следующим вопросам.

1. Мирный договор. Должно быть показано, почему Советский Союз не считает приемлемыми для себя неправовые варианты подведения черты под Второй мировой войной (декларации, меморандумы и т.п.), а также попытки растащить главные составные мирного акта (послевоенные границы, военные обязательства Германии; судьба четырехсторонних союзнических решений и вытекающих из них прав и пр.) по различным в качественном отношении урегулированиям.

Констатировать, что к фундаментальным проблемам войны и мира срок давности неприменим. Упорное стремление некоторых кругов уклониться от заключения мирного договора может лишь настораживать и само по себе является дополнительным доводом в пользу мирного урегулирования.

В любом случае впредь до подписания соответствующего документа, адекватного по правовой значимости и реальному содержанию мирному договору, СССР не сложит с себя прав и ответственности, которые он принял, поставив свою подпись под Ялтинским и Потсдамским соглашениями, Актом о безоговорочной капитуляции и Декларацией о поражении Германии, остающихся частью действующего международного права и отраженных в Уставе ООН.

Что касается формы и сути мирного урегулирования, то СССР открыт для конструктивного диалога, в котором представители ФРГ и ГДР выступали бы как равные с другими участниками процесса. Поскольку речь пойдет в первую очередь об определении обязательств Германии перед международным сообществом, то есть о внешних аспектах германского объединения, вполне логично, чтобы тема мирного урегулирования стала предметом переговоров «2 + 4».

Можно было бы высказаться за то, чтобы «шестерка» взяла на себя труд — в тесном контакте с Польшей, Югославией, Чехословакией, другими государствами, подвергшимися гитлеровской агрессии и оккупации, — подготовить текст документа, который был бы затем открыт для подписания правительствами всех стран, участвовавших своими вооруженными силами в войне с Германией.

Во избежание классической дилеммы «победители—побежденный» можно было бы говорить не о мирном договоре, а об «акте мира», а также экономно использовать слова и понятия, акцентирующие различия в статусе договаривающихся сторон. Нарботанная практика (Московский и другие «восточные» договоры, ряд соглашений, которые ФРГ заключила, в особенности с Францией) позволяет без ущерба для дела описать и надлежащим образом закрепить искомую ситуацию в недискриминационном для немцев стиле и тем избежать «версальского синдрома».

Так, в основу документа мог бы быть положен принцип отказа от насилия как средства национальной политики. Он дополнялся бы обязательством не допускать использования немецкой территории третьими странами или группами стран для проведения политики силы по отношению к кому бы то ни было в Европе или за пределами Европы. При такой конструкции советские интересы получали бы нужную правовую защиту.

Далее. В качестве первого шага в реализации обязательств об отказе от насилия и о неиспользовании немецкой территории в целях создания военных угроз другим предусмотреть выравнивание степени милитаризации Германии хотя бы до средневропейского уровня (сейчас он многократно выше), имея в виду, что на последующих этапах именно Германия как по темпам, так и по глубине мероприятий в области разоружения и контроля над вооружениям и задавала бы тон в создании общеевропейской системы безопасности.

Нынешние обязательства ФРГ и ГДР об отказе от производства и обладания оружием массового уничтожения (ядерного, бактериологического и химического — «АВС») желательно воспроизвести в более полном виде (по японскому образцу — не производить, не приобретать, не ввозить). Кроме того, записать отказ от работ над созданием или приобретением систем массового поражения, основанных на новых физических принципах.

К односторонним военным обязательствам Германии, подлежащим фиксации при мирном урегулировании, теснейшим образом примыкает проблема военного статуса Германии как такового. Соображения на сей счет излагаются в п. 2. Здесь же уместно отметить, что мирный договор — у нас единственный шанс состыковать объединение Германии и общеевропейский процесс, хотя по времени они разойдутся, и, похоже, серьезно.

Вопрос о границах требует строгой юридической прописи. Ни в каком случае обязательства Германии не должны получить форму односторонней декларации или отсылки к ранее состоявшимся и возможным будущим урегулированиям. Следует проявить осторожность в признании за немцами права на «мирные территориальные изменения». Актуальный опыт с ГДР показывает, во что все может вылиться. Не исключены «покупки» и «выкупы» немцами своих «бывших» земель или части из них у поляков, и не только у них, особенно когда в рамках интегрированных экономических и иных структур проблема государственных («национальных») границ сотрется в общественном сознании.

Остальные, в частности экономические, моменты мирного урегулирования легче поддаются разрешению. По ним спор пойдет скорее

о том, как и насколько события, имевшие место в период войны, могут и должны быть искуплены теперь. Особняком стоит тема экономических интересов СССР по многосторонним и двусторонним договорам с ГДР. Она рассматривается в п. 4.

Еще один аргумент в пользу полнокровного мирного урегулирования. Допустим, восстановление единства Германии пойдет по пути действительного объединения двух государств, а не поглощения большим меньшего. Даже и в этом случае возникли бы асимметрии в части учета интересов четырех держав, если, понятно, мы не потребуем неучастия Германии в «Общем рынке» и т. п.

Реальность, однако, такова, что уход трех держав и ФРГ от мирного урегулирования тождественен намерению погасить права Советского Союза как державы — победительницы и как архитектора и союзника ГДР при сохранении за США, Англией и Францией весомого пакета «первоначальных прав», поскольку они перешли в Боннский договор 1952 года (с поправками 1954 года) и другие их договоренности с ФРГ.

Вполне вероятно, что Вашингтон, Лондон и Париж, желая продемонстрировать свое «великодушие» на фоне «неуступчивости» СССР, в состоянии заявить о готовности прекратить действие своих особых прав и многочисленных оговорок к суверенитету ФРГ. В этом случае возникла бы юридическая фикция, так как ограничения суверенитета немцев давно встроены в структуры НАТО, «Общего рынка», военно-политических организаций Западной Европы. Пересмотр же всей совокупности возникших за 40 с лишним лет взаимосвязей — задача в чем-то превосходящая по сложности воссоздание единой Германии.

Чем мог бы ответить Советский Союз на формальное «великодушие» Запада? Видимо, выдвижением проекта мирного договора («Акта мира»), выдержанного в максимально благоприятном ключе для широких масс немцев и деловых людей и предложением во имя полного и окончательного примирения наших народов подписать такой договор (акт) только с нами. Если в 1952 году идея мирного договора с единой Германией нашла широчайший отклик в сердцах и умах немцев, то, надо полагать, что отвергнуться от нее сейчас противникам замены временных решений в Европе постоянными было бы значительно труднее.

2. Военный статус объединенной Германии. Судя по всему, на этом направлении Запад решил устроить генеральное сражение. После первоначальной растерянности, в момент которой высказывались отдельные не лишённые привлекательности идеи (вывод ФРГ из военной организации НАТО; одновременное участие Германии

в НАТО и ОВД; шаги по ограничению вооружений на немецкой территории, опережающие общеевропейские темпы; возможность частичной денуклеаризации Германии и др.), наблюдается ужесточение — от недели к неделе — подходов США и ФРГ, а также руководства Атлантического блока.

Геншер продолжает время от времени рассуждать о форсировании движения в направлении европейской коллективной безопасности с «растворением в ней НАТО и ОВД». Ему же принадлежат высказывания о том, что разоружение должно стать «ядром» общеевропейского процесса. Но Геншера, кроме западногерманских социал-демократов и левых партий в ряде стран «Общего рынка», мало кто слышит.

Вопрос ставится о «полномасштабном» участии Германии в НАТО. Отклоняется сама мысль о выключении немецкой территории из инфраструктуры блока. Если раньше в пропаганде упор делался на «контроль» над будущей единой Германией, то теперь ссылаются на важность сохранения эффективности союза как «фактора стабильности» в Европе. Совсем недавно участие Германии в НАТО называлось «промежуточным вариантом». С некоторых пор, однако, его преподносят как решение на перспективу. Если до марта с. г. приподнимали цену «уступки» — нераспространения сферы деятельности НАТО на ГДР, то примерно с месяц назад в своем кругу стали проговаривать, что данное обязательство неприменимо в «кризисных ситуациях».

На встрече Дж. Буша и М. Тэтчер на Бермудах участие Германии в НАТО охарактеризовано как условие сохранения Атлантического союза. Идея военной нейтрализации Германии отклоняется по сугубо утилитарным соображениям: Североатлантический блок изначально строился на использовании немецкой территории согласно американской военной доктрине «выдвинутых вперед рубежей» и на участии ФРГ в реализации этой доктрины. Как отмечается в некогда секретном британском правительственном документе 1953 года, принять предложение о нейтрализации Германии значило бы вернуться к политике Потсдама, с которой три державы официально порвали в 1947 году (следовательно, до чехословацких событий февраля 1948 года и до берлинской блокады), а именно к совместному с СССР контролю над демилитаризованной Германией.

Решающим в уравнении является не нейтрализация, а демилитаризация. Более того, негативная реакция США и ФРГ на гипотезу одновременного вхождения объединенной Германии в НАТО и ОВД может свидетельствовать о склонности повысить ставки в ведущейся Западом игре. На Бермудской встрече Буша с Тэтчер заявлено, что объединенная Германия должна иметь «полный контроль над всей

своей территорией без каких-либо дискриминирующих ограничений немецкого суверенитета». По словам Фицуотера, вхождение единой Германии одновременно в две группировки было бы равнозначно той же «нейтрализации». Сегодня, однако, дело так и обстоит. Стало быть, соблазн нарушить баланс к собственной выгоде застигает горизонт и побуждает более платонически взирать на общеевропейские проекты.

Что касается размещения советских войск на территории ГДР, то время их пребывания хотели бы свести к технически необходимому для передислокации.

Всюю ведется работа, призванная не просто готовить почву для планов НАТО в отношении Германии и ОВД, но явочным порядком изменяющая положение уже теперь и урезающая возможности СССР оказывать противодействие. Сигналы тому — заявление вновь избранной Народной палаты ГДР в пользу участия Германии в НАТО и ранее сделанные аналогичные заявления поляков, венгров и чехословаков. С 1 января 1990 года без обговора с нами начало функционировать государственное ведомство ГДР по использованию воздушного пространства республики. Западная группа войск приглашена иметь в этом ведомстве «наблюдателя». На днях ННА ГДР фактически прекратила боевое дежурство ПВО в интересах ОВД.

Идет подкоп под советско-американскую договоренность о предельной численности вооруженных сил СССР и США, размещаемых в Центральной Европе (плюс американских в других европейских районах). «Недостаток» договоренности видится кругам, склоняющимся к наращиванию нажима на СССР, в том, что две державы выступают на равных условиях дислокации их войск в Германии. Существует мнение, что США неосторожно сотворили «невыгодную» для себя взаимосвязь и лучше было бы от нее поскорее избавиться.

Наибольшие расчеты ФРГ и ее партнеры связывают с распространением на ГДР статьи 23 боннской Конституции, которое означало бы появление на европейской политической карте нового, расширенного издания ФРГ со всем наследием «холодной войны».

Есть ли в нашем распоряжении резервы для активизации борьбы за общеевропейский вариант долговременного решения? С момента краха режима СЕПГ в ГДР европейская политика СССР по крупному счету впала в полосу раздумий и самоанализа, чтобы не сказать — депрессии. Запад нас переигрывает, выдавая обещания уважать интересы СССР, а на практике шаг за шагом отгораживая нашу страну от «традиционной Европы». Подводя промежуточный итог истекшему полугодию, надо констатировать, что «общеевропейский дом»

из конкретной задачи, реализацией которой, было, занялись страны континента, превращается в мираж.

Вывод, казалось бы, напрашивается сам собой: нужно задействовать все калибры, чтобы показать европейцам, в особенности немцам, что их надежды могут быть преданы в очередной раз. Вместо стабильной Европы с гарантированным мирным будущим и взаимовыгодным сотрудничеством в самых различных сферах апологеты «холодной войны» навязывают перегруппировку сил, чтобы продлить век политики конфронтации. Чтобы нам поверили и нас поняли, придется раскрыть некоторые скобки и критически оценить линию США на переговорах в Женеве и Вене, их упорное нежелание признать равные стандарты, попытки искусственно расчленять материю, чтобы не принимать на себя обязательств, которые не нарушали бы баланса интересов двух держав. Советская сторона избаловала Вашингтон своей гибкостью, доброй волей и покладистостью. Американцы чаще всего делают из нашей конструктивной позиции выводы, противоположные тем, на которые СССР, руководствуясь здравым смыслом и элементарной порядочностью, вправе рассчитывать.

Следующее неперемное условие успеха — твердость. При всей нашей переговорной гибкости западная сторона должна постоянно ощущать, где и каковы пределы, которых СССР будет держаться неперемно, в том числе в случае попыток оказать на него массивное давление.

Наиболее эффективной формой такого давления считается инспирирование демонстраций «народной воли» и создание нетерпимого психологического климата вокруг советских войск в ГДР. Имея это в виду, необходимо безотлагательно разъяснить населению двух Германий и всей Европы сущность нашей концепции европейского мирного порядка, освобождения континента от всех видов оперативно-тактического ядерного оружия, демилитаризации региона. Естественно, параллельно показывать преимущества, вытекающие из преодоления раскола Европы на враждебные военные и отчужденные друг от друга экономические лагеря. Иными словами, следовало бы по всем линиям резко активизировать работу в пользу «европейского дома», выделяя мысль об увязке преодоления раскола Германии и раскола Европы.

В зависимости от реакции общественности взвесить целесообразность проведения референдума в Германии по вопросу — «принадлежность к общеевропейской системе безопасности или членство в НАТО?». Если предварительная проработка обнаружит, что нужный нам исход референдума маловероятен, замкнуть все на мирный дого-

вор, памятуя, что до его заключения немцы имеют лишь ограниченное право на самоопределение и определение будущего военного статуса Германии остается прерогативой держав, принявших безоговорочную капитуляцию.

В самом крайнем случае, да и то скорее, чтобы высветить фарисейство Запада, поскольку он не примет этой модели, допустить, что объединенная Германия может являться участником военных союзов на переходном этапе к созданию европейской системы безопасности. При этом, однако, должны неукоснительно соблюдаться:

- а) условия мирного договора;
- б) Германия не будет входить в интегрированные структуры этих союзов и не предоставлять союзам возможность использования своей территории для действий, не связанных непосредственно с обороной собственно Германии;
- в) на территории Германии не будет размещаться оружие массового уничтожения, а также обслуживаться техника и боевые подразделения любой национальности, выполняющие задачи общешлокового, регионального глобального характера;
- г) участие в одном из союзов не исключает параллельного участия в другом союзе, членом которого являлось до объединения одно из германских государств. Если Германия предпочтет членство в одном из союзов, то территория (в том числе воздушное пространство), на которую прежде распространялась компетенция другого союза, не может ни при каких, в том числе кризисных, обстоятельствах быть использована для размещения вооруженных сил союза, членом которого станет Германия, или в иных интересах этого союза;
- д) советские войска размещались бы на нынешней территории ГДР столько времени, сколько СССР считал бы для себя необходимым в условиях размещения на нынешней территории ФРГ иностранных вооруженных сил и отсутствия общеевропейской структуры безопасности. Если СССР будет полагать, что потребность в дислокации его войск в означенном регионе отпала, он после их вывода будет иметь право содержать там персонал для наблюдения за выполнением положений, предусмотренных п.п. «2».

3. Объединение двух германских государств или аншлюс одного другим. Переговорная формула «2 + 4» не обрела своей динамики и пока не оказывает воздействия на процессы практического сращивания ГДР и ФРГ. Западные немцы немало преуспели в навязывании своих взглядов новому руководству ГДР, которое подчас ведет себя так, как если бы Республика была свободна от международно-правовых обязательств перед СССР.

Парадокс — уже не только Запад, но и наш союзник убеждает Советский Союз, что объединенная Германия должна войти в НАТО, что мирный договор не нужен, что статья 23 Конституции ФРГ едва ли не самый логичный способ преодоления раскола страны. Нам подсказывают, что прагматизм рекомендует не возражать против требований, выдвигаемых Бонном и поддержанных НАТО, а добиваться «приемлемого» для СССР их претворения в жизнь.

Советская сторона изрядно потеряла от того, что не раскрыла, чем обернется игнорирование наших законных возражений против тех или иных установок для немцев, международных отношений в целом. Если бы СССР, к примеру, предупредил, что включение ГДР в состав ФРГ, согласно статье 23 боннской Конституции, будет квалифицироваться как агрессия страны — члена НАТО против страны — члена ОВД и нарушение основополагающих прав Советского Союза, то в Бонне, и не только там, задумались бы над тем, стоит ли перегибать палку. Если бы мы заявили, что без мирного договора все наши права державы-победительницы сохранятся в полном объеме, это образумило бы многих и побудило немцев искать решений не в обход СССР, а вместе с ним.

Наших друзей в обеих Германиях дезориентирует, как они находят, советская податливость или неготовность отстаивать юридически безупречные позиции. СССР давно мог бы показать флаг, хотя бы в том же Берлине, где правоохранные органы ГДР потеряли контроль над событиями. Три западные державы думают над тем, как продлить свое пребывание в 3. Берлине на время после объединения Германии, и взвешивают, нельзя ли использовать для этого в качестве зацепки «временное» размещение советских войск на территории ГДР. Может быть, с учетом паралича госорганов ГДР и забвением приемниками прежней власти того мандата, на основе которого 40 лет назад и создавалась республика, восстановить (понятно — «временно») Советскую военную администрацию в Восточном Берлине, примерно на условиях, на которых существуют таковые в западных секторах? Восстановить в порядке предостережения против игр со статьей 23 и намек на то, что советские права — это незыблемая реальность.

Советский Союз не может принять Конституцию ФРГ за правовой базис постоянных или промежуточных урегулирований по Германии. Эта Конституция построена на претензиях пангерманизма (рейх «в границах 1937 года», право выступать от имени «всех немцев», в том числе проживающих вне Германии), на отрицании социального выбора (что стало предлогом для запрета КПГ), на отклонении предписа-

ний Потсдама, касающихся демократизации, денацификации и демилитаризации Германии.

Следовательно, чтобы стать дискуссионной, конституция ФРГ должна была бы быть заблаговременно очищена от всех наслоений «холодной войны» и реваншизма. Но тогда возникла бы, по сути, новая конституция.

Стоит заметить, что основные экономические, финансовые, социальные и прочие мероприятия, скорому проведению которых руководство ФРГ и ГДР, судя по заявлениям, придает значение, не имеют прямой и жесткой связи с объединением по статье 23. Их осуществлению ничто не мешало при правительстве Модрова и не мешает при правительстве де Мезьера⁷⁰. Г. Коль маневрирует, имея в виду воспользоваться сложным экономическим положением ГДР, во многом искусственно созданным не без влияния Бонна, чтобы пробить решения, выходящие за рамки собственно объединения двух Германий.

4. Об экономических интересах СССР в контексте объединения Германии. Вопрос этот связан по преимуществу с двусторонними отношениями между Советским Союзом и будущей единой Германией и едва ли займет центральное место на переговорах по формуле «2 + 4». Тем не менее значение его для нас трудно переоценить. СССР связывают с ГДР многие тысячи контрактов. Действие некоторых из них простирается в XXI век.

Объединение по статье 23 формально освобождало бы ГДР от этих обязательств. В Бонне не исключают, что без приемлемого решения СССР может вообще отказаться от рассмотрения внешних аспектов объединения Германии. Вместе с тем ФРГ не спешит дать гарантии, что слова Коля на московской встрече — «все будет в порядке» — не останутся словами.

Проникновение частного западногерманского капитала в экономику ГДР чревато уже сейчас радикальными переменами. Часть предприятий, основных наших поставщиков, намечена к закрытию, другие переводятся на выпуск новой продукции. Обещания канцлера их ни к чему не обязывают. На повестке дня изменение условий и порядка взаимных расчетов.

Новый премьер ГДР де Мезьер высказывается за сохранение в общих чертах действующих правил. Его главная забота, чтобы не пресекся текущий из СССР поток энергии и сырья, пока ГДР будет занята торгов с ФРГ. Западные немцы тоже не заинтересованы в крутой ломке механизмов нашего экономического обмена с ГДР, тем более что при пересчете товарообмена на свободно конвертируемую валюту немцы в накладе не останутся.

Объективности ради надо отметить, что Бонн неоднократно просил советскую сторону представить ему «для изучения» детальный список наших соответствующих пожеланий и претензий, касающихся экономики, на случай объединения Германии. До сих пор это не сделано, и при осложнениях в недалеком будущем немцы не преминут указать нам на сию медлительность.

Наконец, было бы целесообразно загодя, то есть уже сейчас, вступить в доверительные контакты с ФРГ по вопросам, связанным с финансированием наших расходов на содержание советских войск в ГДР после введения в оборот там западногерманской валюты. По некоторым сведениям, Бонн готов пойти нам навстречу, но в «замаскированной форме». Прямое компенсирование советских расходов вызвало бы раздражение американцев, которые в ФРГ не пользуются такими льготами.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 2

Из беседы М.С. Горбачева с Л. де Мезьером 29 апреля 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас как главу правительства ГДР, на плечи которого выпала столь высокая ответственность перед своим народом, перед всеми европейскими народами на нынешнем переломном историческом этапе.

Л. де МЕЗЬЕР. Могу вас заверить, что ощущаю тяжесть бремени, взятого на себя. Хотел бы прежде всего высказать вам, г-н Президент, слова признательности за возможность встретиться с вами. Когда вы были в Берлине в октябре прошлого года, вы, конечно, почувствовали, с какой большой надеждой встречал вас наш народ. Высказанная вами в беседе с журналистами мысль о том, что тому, кто не прислушивается к вызовам времени, приходится тяжело расплачиваться за это и проигрывать, эта мысль, благодаря средствам массовой информации, облетела буквально всю страну.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В те дни в Берлине я ясно ощутил, что вас ждут большие события.

Л. де МЕЗЬЕР. Это чувствовал весь народ. Но, к сожалению, не понимало бывшее тогда у власти руководство.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Крупные делегации, прибывшие из всех регионов республики, фактически демонстрировали свое несогласие с режимом. Я наглядно убедился, что Хонеккер и его ближайшие коллеги уже не улавливают то, что происходит в стране.

Л. де МЕЗЬЕР. К сожалению, очень многие в нашей стране годами не понимали тех сигналов к обновлению, которые дал апрельский Пленум вашей партии в 1985 году. И то, что осенью прошлого года события у нас развернулись так бурно, — это свидетельство того, что было упущено слишком много времени.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, это так. Надо признать, что все мы во многом опоздали.

Л. де МЕЗЬЕР. Разрешите вручить вам маленький сувенир. Это осколок от Берлинской стены.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Она долгое время казалась непреодолимой. Но, объективно говоря, свою роль она сыграла. Когда меня спрашивали, как я отношусь к этой стене, я говорил: стена создана временем. Ее существование оправдывалось обстановкой взаимного недоверия, конфронтации. Новое время распоряжается иначе. Оно позволяет расчищать пути к взаимопониманию и сотрудничеству. Очень важно, однако, чтобы этот процесс шел менее болезненно. Похоже, что сейчас в обеих частях Германии несколько прибавилось реализма по сравнению с тем, что было во время предвыборной кампании.

Это было тяжкое время. Оно выпало на плечи правительства Модрова. Думаю, история воздаст должное тем, кто выстоял на этом отрезке времени. К счастью, все-таки наиболее тяжелых, трагических поворотов удалось избежать. Да и у вас сейчас миссия тоже не простая. Пожалуй, больше реализма в оценке ситуации стал проявлять и канцлер Коль, хотя и не во всем.

Мне не раз приходилось говорить ему, что нужно действовать с максимальной ответственностью и по внутригерманским, и по международным соображениям. А поначалу ведь дело воспринимали так, что осталось лишь положить ГДР себе в карман, и примеряли только в какой — правый или левый. Но это, во-первых, нереально, а во-вторых, так политику не ведут. Я ему при всех случаях говорю об этом и ловлю на слове, которое он дал мне в Бонне. А мы договорились о том, что в период, когда Восточная Европа и весь континент вступают в полосу перемен, когда будет давить о себе знать и нестабильность, надо вести себя особенно ответственно, подавлять эгоизм, чрезмерные аппетиты, имея в виду огромное значение тех позитивных процессов, которые начинаются в Европе. Ведь речь идет о том, что сейчас закладывается будущее Европы на сто лет вперед.

Но последовательности у канцлера не хватало. Он нередко заявлял одно, а делал другое.

Что касается нас, то объединение Германии для нас не новая проблема. Даже тогда, когда на исходе Второй мировой войны шла речь о послевоенном устройстве, мы выступали за единство Германии, хотя, как вы знаете, были и совсем иные планы. Кто-то хотел расчленив Германию, с тем чтобы навсегда покончить с ее мощным потенциалом в сердце Европы.

Мы и сейчас считаем, что стремление к объединению ГДР и ФРГ — это естественный, органический процесс. При этом мы с уважением относимся к интересам ГДР, с которой нас связывают десятилетия тесного, плодотворного сотрудничества. Никто не должен забывать, что ГДР — это суверенный субъект международного права, полноправный член ООН. Словом, ГДР — это не задворки ФРГ. Это миллионы людей со своими интересами, судьбами. Это такая реальность, с которой никто не может не считаться.

Понимая чаяния немцев, уважая их право на самоопределение, мы, соответственно, относимся и к процессу объединения Германии, не собираемся ни в коей мере препятствовать ему. Но этот многогранный процесс, имеющий важные и довольно острые международные грани, должен протекать достойно, солидно.

Л. де МЕЗЬЕР. Вы правы, г-н Президент, что период, начавшийся в ноябре, и вся предвыборная кампания — это было время больших страстей. Я входил в то время в кабинет Модрова, и у нас тогда были три главные цели: сделать все возможное, чтобы наступившей зимой народ не замерзал, не голодал и не истек кровью. Вся деятельность правительства была реакцией на эти реальные опасности того времени. И их удалось избежать. На какую-либо иную активность у нас не хватило сил.

Теперь же наше правительство старается удержать инициативу в своих руках, быть во главе общественных движений. Но это удастся только в той мере, в какой мы правильно воспринимаем желания людей. Подавляющее же большинство народа желает как можно быстрее объединения Германии. Важно, что за последнее время возрастает понимание необходимости упорядоченного протекания этого процесса. Это не удастся, если процесс объединения не будет включен в контекст формирования новой системы европейской безопасности.

В связи с вашими замечаниями о позициях канцлера Коля можно, пожалуй, сказать, что он понимает перемены во времени. Процессы идут более сложные. В программном заявлении правительства я отметил, что процесс объединения должен идти при сохранении и уважении достоинства и самобытности ГДР. Компонентом нашей самобытности является и вся история наших тесных отношений с Советским Союзом.

К сожалению, процесс объединения двух немецких государств сейчас сильно опережает общеевропейский процесс. Видимо, мы вместе с вами должны подумать, как сообща гармонизировать эти два процесса.

Наше правительство выражает свою твердую волю — быть надежным и предсказуемым партнером.

Мы чувствуем себя несколько неуверенными в результате того, что интересы Советского Союза изображаются по-разному. Поэтому нам было бы очень интересно в этой беседе определить пути взаимодействия, четко договориться о том, как учитывать позиции друг друга.

Для нас представляет очень большой интерес сохранение и расширение экономических отношений с Советским Союзом. Переход к новым формам хозяйствования сопряжен с большими трудностями. Для нас очень важно иметь надежных партнеров, заказчиков с советской стороны.

Сейчас 35% всех занятых в производственной сфере — это те, кто работает над выпуском продукции для Советского Союза. Вы видите, какая это большая доля. Нам нужна поддержка с вашей стороны, поскольку в условиях объединенной Германии ее западная часть будет очень сильным конкурентом для нас, что может сказаться на социальной стабильности Восточной Германии.

Возникает вопрос и о правовых гарантиях экономических и других интересов при объединении двух немецких государств.

Мы исходим из того, что с образованием пяти земель на нынешней территории интересы населения будут защищаться лучше.

Важно уже сейчас договариваться о возможности трехсторонних переговоров, то есть с учетом ФРГ, прежде всего по экономическим вопросам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я тоже за то, чтобы наши отношения развивались нормально к большой взаимной пользе, с реальными выгодами и для Германии, и для Советского Союза.

Обо всем этом я не раз говорил канцлеру Колю. И он так быстро соглашается, выражает полное понимание, заявляет о готовности к самому конструктивному сотрудничеству, что я даже начинаю сомневаться в его словах, тем более что такие слова нередко не совпадают с реальными делами.

Ваши замечания о целесообразности сотрудничества в треугольнике ФРГ—ГДР—СССР заслуживают внимания на всех уровнях. Об этом особенно важно не забывать сейчас в процессе переговоров «2 + 4».

Со временем этот треугольник, видимо, утратит свои углы и сможет превратиться в линию — пусть она будет даже чуть-чуть кривой, — в широкую дорогу взаимовыгодного, плодотворного советско-германского сотрудничества. Таким образом, есть что обсуждать в рамках треугольника.

Сейчас, когда вы обсуждаете идею германского валютного и социального союза, вам, конечно, важно защитить социальные интересы населения ГДР, позаботиться о том, чтобы человек стал жить не хуже.

Думаю, интересам объединенной Германии будет отвечать и сохранение тех мощных, реальных связей в экономике, науке и технике, которые создавались за десятилетия сотрудничества между Советским Союзом и ГДР. Это одна из важных причин, по которой необходимо хорошо позаботиться и о расчетах в новых условиях, когда начнет действовать валютный союз. Важно осмыслить в экономическом плане и вопрос об обеспечении группы советских войск в ГДР. Я не касаюсь сейчас политической стороны этого вопроса.

Из бесед с Гельмутом Колем вытекает, что он понимает важность сохранения рынка, который создан экономическими связями между Советским Союзом и ГДР. Но дело, конечно, не только в понимании им этого вопроса. Сохранение такого рынка — это прежде всего требование экономики, которая сама диктует политикам то, что хочет она. И здесь приходится быть реалистом. Нельзя, занимаясь экономикой, попадать в идеологический капкан. Иначе можно многое потерять.

Решать принципиальные и практические экономические вопросы в рамках треугольника надо уже в ближайшие месяцы. Это дело безотлагательное.

Мы будем постоянно взаимодействовать с вами. И в ходе переговоров «шестерки» не допустим какого-либо пренебрежения, с какой бы то ни было стороны, ни к интересам Советского Союза, ни к интересам ГДР. Фамильярность вообще нежелательна, а в таких вопросах, как отношения между государствами, народами, просто недопустима. Думаю, что канцлер Коль должен с пониманием отнестись к нашему с вами сотрудничеству. Он надеется на полную поддержку со стороны трех западных держав. Но он не все знает об их позициях. Поддержка с их стороны не столь однозначна, как ему кажется. Мне об этом известно.

Тем не менее основная поддержка будет со стороны американцев. Они хотели бы потеснее привязать к себе ФРГ, поскольку опасаются западноевропейской интеграции, а еще больше общеевропейской — от Атлантики до Урала.

Наша перестройка в какой-то мере ослабила опасение западных европейцев за свою безопасность и, напротив, показала им реальную и достаточно привлекательную перспективу общеевропейского сотрудничества. Американцев особенно настораживает возможность германо-советского сближения, перспектива появления новых экономических конкурентов. Они стремятся укрепить свое присутствие в Европе, давая понять, что оно совершенно необходимо, поскольку

на континенте беспокойно. Таким образом, плетутся политические, военные и экономические кружева.

Западные европейцы тоже не слишком бы хотели объединения потенциалов Германии и Советского Союза. Но, собственно говоря, мы и не собираемся их пугать. Мы намерены все больше чувствовать и вести себя как и подобает европейцам.

Л. де МЕЗЬЕР. Я во многом разделяю эти ваши суждения. Цель создания общеевропейского дома не исключает, чтобы две страны в нем имели особые взаимосвязи. Если посмотреть на историю Германии, то она говорит, что немцам всегда было хорошо тогда, когда они имели хорошие отношения с Россией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И в принципе Европа тоже выигрывала от этого.

Л. де МЕЗЬЕР. Конечно, когда я говорю о важности отношений между Германией и Россией, надо учитывать интересы Польши и других стран. Ведь бывало и так, когда отношения между нашими двумя странами были хорошими, а другим странам приходилось плохо.

Я уверен в необходимости европейской системы безопасности, из которой, конечно, нельзя исключать американцев, поскольку без их участия не было бы международной стабильности. Я не говорю уже о том, что без советско-американского сотрудничества невозможно решать такую важную проблему, как сокращение ядерных вооружений. Поэтому мы с большим интересом и надеждой ожидаем вашей встречи в мае в США.

Что касается наших переговоров с ФРГ о валютном и социальном союзе, то рамки возможных совместных действий определяются двумя моментами. С одной стороны, ФРГ готова учесть наши интересы, хотя западно-немецким гражданам не хотелось бы платить за это слишком дорого. С другой стороны, граждане ГДР ожидают быстрого получения западногерманских марок. И если их ожидания не оправдаются, то опять усилится бегство на Запад. У нас были дни, когда туда уходили более 3 тыс. наших граждан, главным образом молодые квалифицированные рабочие. Сейчас отток составляет примерно 1 тыс. человек за неделю. В результате возрастная пирамида нашего населения ухудшается. Это создает напряженность. Люди у нас видят сейчас прежде всего западногерманскую марку и не замечают скрывающихся за ней опасностей для положения наших предприятий, для своего собственного социального положения.

Правда, мы испытываем некоторый оптимизм в связи с тем, что знаем: в ФРГ не заинтересованы в резком ухудшении положения в ГДР, потому что это сразу сказалось бы негативно и на самой ФРГ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Все это говорит о том, что надо реалистически подходить ко всем аспектам процесса объединения.

Л. де МЕЗЬЕР. На сессии СЭВ в Софии в январе этого года Советский Союз предложил перейти на расчеты в СКВ по мировым ценам. ГДР, как известно, просила сохранить нынешний способ расчетов. Вчера в беседе с г-ном Рыжковым мы говорили о формах подготовки к переводу расчетов на СКВ. Я считаю, что надо договариваться и о расходах на советскую группу войск. Такие расходы предусматриваются в ходе переговоров с ФРГ о валютном и социальном союзе. Они прислушиваются к нашим соображениям на этот счет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я обращал внимание Коля на это. Канцлер говорил, что заинтересован в сохранении экономических связей, существующих ныне между ГДР и Советским Союзом, что такие связи будут даже более динамичными. Хорошее знание представителями ГДР советского рынка — это тоже плюс, который поможет всей Германии успешнее выходить на советский рынок.

Л. де МЕЗЬЕР. Да. Хорошие связи с Советским Союзом — это наше преимущество.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На днях, когда я был в Свердловске на одном из оборонных заводов, узнал, что там уже налажено взаимодействие с западногерманской компанией «Филипс». А ведь примерно еще год назад этого не было. Теперь же, когда западные немцы увидели наши возможности, оценили их, то сотрудничество пошло быстрее. Уже через два года совместная продукция сможет конкурировать на всех рынках мира. Но ведь специалисты ГДР знают не одно—два наших предприятия, а практически всю страну.

Думаю, те проблемы, которые касаются наших двусторонних отношений, вы обсудили и еще обсудите с Рыжковым.

Хотел бы обратить ваше внимание на некоторые внешнеполитические аспекты, имеющие принципиальное значение. Действительно, как вы отметили, общеевропейский процесс и объединение Германии развиваются в разных темпах. И надо вместе думать, как это поправить. Объединение должно быть хорошо вписано в общеевропейский контекст. Это должно стать предметом серьезного разговора и на встречах «шестерки». Необходимо продвижение к новым структурам безопасности в Европе. Если это не будет зафиксировано в документах, может появиться много разночтений и практических расхождений.

До наших западных партнеров мы уже доводим эту мысль. По всем вопросам объединения Германии, которые затрагивают безопасность, мы будем очень требовательными, как и все: не больше и не меньше.

Вы правы, без участия США в крупных международных делах ничего не получится. Это наш давний постулат. Поэтому мы и уделяем так много внимания отношениям с американцами. Сотрудничаем с ними в рассмотрении региональных конфликтов. Пытаемся взаимодействовать в их урегулировании. Тем более необходимо активное участие США в новом этапе общеевропейского сотрудничества, в создании новой европейской системы безопасности. Без вовлечения в это дело американцев мы не построим ни общеевропейского дома, ни даже общеевропейского гаража. Если начать их изолировать, опять пришлось бы всем строить убежища. Американцы это чувствуют. Поэтому надо сотрудничать с ними и в вопросе объединения Германии. В одном из разговоров с Бушем по телефону он пытался убедить меня, что поскольку немцы и на Западе, и на Востоке изменились, постольку Советский Союз не должно-де беспокоить включение объединенной Германии в НАТО. В ответ на это, используя те же самые аргументы, я внес альтернативное предложение — включить объединенную Германию в Варшавский Договор. Это предложение привело Буша в замешательство. Объединение Германии ставит реальные сложные проблемы, которые нужно решать с учетом интересов безопасности, прежде всего соседей Германии, всех государств — участников общеевропейского процесса.

Когда нас пытаются уговорить, что включение объединенной Германии в НАТО, мол, не будет ничем угрожать нам, то хотелось бы сказать: уговаривать нас не надо, это не детский сад, и речь идет не об игрушках, а о таком серьезном деле, как безопасность. Мы много размышляем о том, как совместить объединение Германии с прочными гарантиями безопасности. Мы приходим к выводу, что надо быстрее продвигаться к созданию европейской структуры безопасности. И основательно продумать, каким должен быть переходный период к ее созданию. Может быть, в этой связи стоит просчитать возможность двойного членства объединенной Германии и в НАТО, и в Варшавском Договоре. Некоторые с порога отвергают такой симбиоз или гибрид, но, повторяю, надо спокойно взвесить все возможности и варианты. Пока нам совершенно ясно следующее: находящиеся в ГДР советские войска должны оставаться там и иметь нормальные условия для своего пребывания.

Попытки достичь односторонних военно-стратегических преимуществ за наш счет мы будем решительно отводить. Любые несбалансированные односторонние шаги, ведущие к ущемлению наших интересов, поставят нас перед необходимостью рассмотреть под этим углом зрения всю стратегическую ситуацию. Естественно, возникнет

вопрос и о продвижении венских и всех остальных переговоров по разоружению. Я не хочу сейчас развивать эту тему — хочу лишь подчеркнуть ее серьезность.

Л. де МЕЗЬЕР. Согласен, что действительно возникает ряд очень серьезных вопросов. Если объединенная Германия будет целиком включена в НАТО, то это означало бы отрицание того, что ГДР была фактором стабильности и безопасности в центре Европы. С другой стороны, простая фиксация нынешнего положения без учета перемен, связанных с объединением Германии, могла бы привести к нестабильности у нас. И это тоже не привело бы к решению проблемы.

Наша позиция состоит в том, что мы не считаем обязательным закрепление членства объединенной Германии в НАТО. Мы за политику продвижения к роспуску блоков, в том числе, конечно, и НАТО.

Хотел бы выделить три аспекта такого продвижения. Во-первых, необходима институционализация общеевропейского процесса. Речь могла бы идти о регулярных встречах министров иностранных дел, министров обороны, командующих вооруженными силами всех государств-участников. Представляется целесообразным создать многосторонний орган по урегулированию спорных вопросов. Нужно предусмотреть модели проверки договоренностей, касающихся разоружения и военной разрядки. Во-вторых, нужно дать новый стимул венским переговорам. Нас беспокоит то, что они застряли. За Веной-1 должна последовать Вена-2, встреча в верхах.

В-третьих, мы за изменение структуры и стратегии НАТО. И такие изменения должны не только декларироваться, но и проявляться на практике. Должен меняться сам характер НАТО в пользу приоритета политического сотрудничества над военным.

Коалиционная договоренность между партиями, входящими в наше правительство, предусматривает возможность такого вхождения объединенной Германии в НАТО, которое было бы приемлемо для соседей и других европейских государств.

Имеется в виду при этом, что НАТО изменило бы свой характер. Кроме того, предусматривается особый военный режим для территории, на которой сейчас расположена ГДР. На этой территории не должно быть войск НАТО, а войска, образующие ныне народную армию ГДР, должны быть в техническом отношении связаны с Варшавским Договором и ни в коем случае не будут связаны с военными структурами НАТО. Иначе восточная часть Германии превратилась бы в цель для атаки. А поскольку территория ГДР заселена очень густо и покрыта массой промышленных объектов, оборонять ее весьма трудно.

Возвращаясь к исходному пункту нашей беседы, хотел бы подчеркнуть, что точное определение вашей позиции по отношению к процессу объединения Германии облегчило бы мне и понимание, и действия, связанные с этим процессом. А это последнее очень важно для нас, так как мы сейчас обязаны действовать очень активно и целеустремленно. Иначе история нас накажет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы у себя здесь проигрываем много вариантов возможных позиций, которые целесообразно занять на первой встрече «шестерки». Но суть нашего подхода в общем такова, какой я вам ее описал.

Ход процесса объединения Германии ставит вопрос об ускорении создания новых общеевропейских структур безопасности. Это первое. Второе — мы не мыслим себе, чтобы объединенная Германия была полностью интегрирована в НАТО.

Л. де МЕЗЬЕР. Мы тоже не мыслим этого.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Третье. Мы за то, чтобы менялось содержание деятельности и Варшавского Договора, и НАТО соответственно тем переменам, которые уже произошли и происходят в Восточной Европе.

Мы вправе поставить перед НАТО те вопросы, о которых вы говорили: и о принятии оборонительной доктрины, и об изменении структуры и направленности этого союза. Тем более что в Варшавском Договоре такие изменения уже происходят. В этой связи мне уже приходилось выступать с критикой и американцев, и западных европейцев, которые по сути дела сохраняют без изменений военную доктрину НАТО, о чем, вопреки разного рода декларациям, свидетельствует характер военных учений, которые они проводят.

Мы обсуждаем также целесообразность контактов между НАТО и Варшавским Договором, создания общеевропейских механизмов, которые делали бы события в Европе предсказуемыми, то есть примерно тот комплекс мер, о котором говорили и вы. Таким образом, переходный период к созданию новой структуры европейской безопасности контурно можно обозначить примерно так: изменение доктрин, структур и направленности деятельности ОВД и НАТО с упором не на военные, а на политические аспекты их деятельности.

Характерно, что разговоры о включении объединенной Германии в НАТО дополняются разного рода предложениями об оставлении на какой-то период советских войск на нынешней территории ГДР. Такие предложения свидетельствуют об опасениях, что Советский Союз не примет включения объединенной Германии в НАТО.

Наши западные партнеры по переговорам, очевидно, не могут не учитывать, что слишком явное настаивание на достижении односто-

ронних преимуществ может толкнуть нас на роспуск Варшавского Договора и полный уход советских Вооруженных Сил в пределы своей собственной территории. Тогда руководителям НАТО придется объяснять населению своих стран, зачем вообще нужен этот блок.

Важно, что наши с вами позиции по принципиальным вопросам близки. Полагаю, что на первом этапе переговоров «шестерки» входить во все детали проблемы не надо. Стоит посмотреть, как пойдут процессы. Но важно в полной мере использовать имеющиеся возможности для наращивания и согласованного продвижения наших позиций по всем вопросам. Конечно, в целом надо действовать конструктивно, а те крайние шаги, о которых я упоминал, потребуются лишь тогда, когда будут явно задеваться интересы нашей безопасности.

Думаю, процесс переговоров будет нелегким. Для нас неприемлема ссылка на статью 23 Основного закона ФРГ как на базу для германского объединения. Мы полагаем, что этой цели отвечал бы мирный договор.

Реалистический подход мог бы заключаться лишь в установлении определенных пределов военных расходов, численности армии и характере ее деятельности в восточной части Германии. Я не касаюсь пока вопроса о судьбе советских войск — это особый вопрос, и его надо обсуждать в других контекстах. Но повторяю: нас с вами могут отнести к очень большим оптимистам, если мы будем исходить из того, что в объединенной Германии будут сосуществовать, так сказать, два типа по-разному ориентированных вооруженных сил. Ведь сама логика политического развития в объединенной Германии будет уже не та, что сегодня.

Л. де МЕЗЬЕР. До настоящего момента мы не выдвигали каких-либо окончательных предложений. Мы пока стремимся найти компромиссное решение и исходим из того, что над такими решениями надо думать сообща.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Полагаю очень важным это ваше соображение. Думаю, наш сегодняшний с вами обмен мнениями уже дает достаточный материал для первого тура заседания «шестерки». Что касается деталей, к ним можно было бы вернуться позднее.

Л. де МЕЗЬЕР. Мне хотелось бы затронуть еще два аспекта проблемы.

Вы, г-н Президент, критически высказались по поводу возможности объединения Германии на основании статьи 23 Основного закона ФРГ. Мы по-другому оцениваем эту ситуацию. В своей предвыборной кампании мы прямо отдавали предпочтение этому пути к объединению и получили на это мандат наших избирателей. Мы считаем такой

путь возможным и оправданным, поскольку он должен привести, по нашему мнению, к изменению Основного закона и исключению из него в итоге 23-й статьи. Это будет показывать, что никаких территориальных претензий у объединенной Германии не существует.

Вообще же я думаю, что дискуссия о том, какой статье отдать предпочтение при объединении, — 23-й или 146-й — это больше спор, занимающий юристов, чем определяющий суть дела. Мы считаем, что главное состоит в том, как будет выглядеть объединенная Германия, а не то, какими путями продвигаться к ее созданию. Мы также предполагаем возможность переговоров между ГДР и ФРГ, как это делается, например, сейчас при заключении валютного и социального союза между ними. Таким образом, мы считаем, что возможность для межправительственных паритетных переговоров остается открытой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы, чтобы нашу критику статьи 23 Основного закона вы не воспринимали как попытку замедлить процесс объединения Германии. Это не так. Мы исходим из принципиальных соображений.

Л. де МЕЗЬЕР. Наш подход учитывает то обстоятельство, что, скажем, при проведении референдума шансы ГДР, в которой 16 млн граждан, добиться успеха не очень большие. Нам будет трудно убедить 60 млн западногерманских граждан в том, что они должны изменить свой Основной закон, при котором они, вообще-то говоря, жили довольно хорошо.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, очень важно избегать всяких двусмысленностей, неопределенностей во всем, что затрагивает интересы соседей Германии, других европейских государств. Смотрите, как остро воспринимаются попытки Коля уйти от четких ответов на требования, например, поляков об окончательном признании границы по Одере—Нейсе.

Л. де МЕЗЬЕР. Мы были бы наивными, если бы не заметили этих трудностей. Вы знаете, наша позиция в этом отношении достаточно определена. Народная палата ясно заявила об окончательном признании этой границы. Не думаю, что канцлер Коль обращается к статье 23 Основного закона по внешнеполитическим причинам. Скорее, его поведение в данном случае объясняется внутривнутриполитическими причинами — давлением «Союза изгнанных» и т.п.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы не собираемся вмешиваться во внутривнутриполитические проблемы. Это, понятно, целиком дело самих немецких сторон. Что же касается внешнеполитических аспектов объединения, то тут мы будем строго следить за тем, чтобы права Советского Сою-

за, одной из четырех держав — победительниц, ни в чем не ущемлялись по сравнению с правами трех других.

Хотел бы напомнить, что при создании ГДР Советский Союз принял к сведению, что образование этого государства учитывает все требования Потсдамских соглашений. Этого нельзя сказать об Основном законе ФРГ. Таким образом, наше критическое отношение к статье 23 Основного закона ФРГ имеет реальную историю. Мы хотели бы напомнить об этом. Однако думаю, что непреодолимых препятствий здесь нет. Надеюсь, мы вместе будем двигаться к новой ситуации, действовать в конструктивном плане. Но вы должны знать и понимать наши позиции. Мы никогда не соглашались и не согласимся с претензиями на признание границ Германии 1937 года, поскольку это резко противоречит всем политическим итогам Второй мировой войны.

Л. де МЕЗЬЕР. Дело в том, что ссылка на границы 1937 года имеет значение лишь для определения гражданства ФРГ, а не территориальных претензий. Мне приходилось специально заниматься изучением этой проблемы.

В строгом юридическом смысле ссылка на границы 1937 года позволяет тем немцам, которые жили на немецкой территории в границах того времени, претендовать на немецкое гражданство.

М.С. ГОРБАЧЕВ. При самых различных толкованиях ссылка на границы рейха 1937 года вызывает беспокойство соседей Германии. Да и официальные представители ФРГ заявляют, что окончательное определение границ Германии еще предстоит.

Л. де МЕЗЬЕР. Полагаю, что юристы должны еще раз обратиться к имеющимся документам и правильно их истолковать и разъяснить.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Видите ли, если свести все к вариантам толкований, то ведь может быть и такой ход рассуждений. Руководители ФРГ выступают за объединение на основе статьи 23 Основного закона. За это же выступает и нынешнее правительство ГДР. Где же гарантия того, что, объединившись, Германия откажется от статьи?

Одну из гарантий справедливого решения германской проблемы мы видим в использовании соответствующих прерогатив четырех держав.

Л. де МЕЗЬЕР. Мы исходим из того, что должно быть найдено международно-правовое решение. К нему можно прийти в итоге переговоров «шестерки». Соответствующие договоры можно было бы депонировать в ООН, что придало бы им большую стабильность.

Наш блок, одержавший победу на выборах в ГДР, выиграл потому, что предложение об объединении Германии путем использования статьи 23 Основного закона ФРГ отвечало воле большинства граждан

ГДР. Среди тех, кто возражал против применения статьи 23, в основном были те, кто вообще против объединения Германии.

Хотел бы обратить ваше внимание на идею о том, чтобы включить в систему договоров, связанных с объединением Германии, также договор о дружбе и взаимопомощи с СССР. Это гарантировало бы продолжение и расширение нашего сотрудничества с Советским Союзом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы имеете в виду заключение такого договора между объединенной Германией и СССР?

Л. де МЕЗЬЕР. Да, такого рода соображение имеется и в ФРГ, и, насколько мне известно, Федеральный канцлер положительно относится к этому. Таким образом, можно было бы снять очень многие вопросы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я думаю, что завершение мирного урегулирования германской проблемы солидными документами закрепило бы разумный и справедливый баланс интересов, сняло бы все озабоченности, в том числе и связанные со статьей 23 Основного закона. Документ о мирном урегулировании, который смогли бы подписать и гарантировать и четыре державы-победительницы, целиком закрывал бы все еще остающиеся вопросы.

Хотел бы подчеркнуть, что необходимо достичь таких окончательных решений, которые бы не вызывали ни у кого никаких эмоциональных озабоченностей, а напротив, закрепили и продвигали вперед позитивные итоги той огромной общей работы по оздоровлению международных отношений, которую за ряд десятилетий проделали все европейские народы, в том числе и сами немцы, особенно их новое поколение, внесшее большой вклад в дело укрепления мира.

То, что я сказал вам о статье 23 Основного закона, — это, надеюсь, заслуживает вашего дополнительного размышления. Вы подумаете над этим, и мы еще подумаем.

Л. де МЕЗЬЕР. Тут самое главное не упираться в эту статью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы с вами сейчас откровенно обмениваемся мнениями, излагаем друг другу свои подходы и сомнения. Это, так сказать, наша внутренняя лаборатория, поиск более полного и глубокого взаимопонимания.

Думаю, нужна своего рода инвентаризация договоров и других взаимных обязательств, действующих между СССР и ГДР, с тем, чтобы определиться, какие из них могли бы в порядке правопреемственности быть восприняты объединенной Германией.

Я думаю, что мы сегодня побеседовали с вами хорошо, к взаимной пользе. Очевидно, это наше сотрудничество необходимо продолжить на всех уровнях.

Л. де МЕЗЬЕР. Благодарю вас, г-н Президент, за сегодняшнюю беседу. Она очень важна для нас. Хотелось бы как можно быстрее продолжить этот диалог.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, сейчас должны очень активно и тщательно поработать вместе наши специалисты по всем вопросам, представляющим взаимный интерес. Особо важны вопросы, связанные с проблемой валютных союзов. Это, повторяю, безотлагательные вопросы. И, конечно же, все направления, связанные с внешнеполитическими аспектами объединения Германии.

Хотел бы заверить вас, что на предстоящих встречах «шестерки» наши представители готовы постоянно взаимодействовать с вами.

Л. де МЕЗЬЕР. Я не думаю, что все проблемы, которых мы сегодня касались с вами, стоит обсуждать на «шестерке».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Разумеется. Сегодня у нас с вами был доверительный двусторонний диалог, затрагивающий прежде всего интересы наших отношений. На заседании «шестерки», думаю, речь должна идти о поисках конструктивных решений. Главное — «шестерка» должна так завершить свою работу, чтобы не сломать, не нарушить то позитивное, что создавалось десятилетиями, хотя, конечно, прийти к такому результату будет нелегко.

Я был рад познакомиться с вами, г-н де Мезьер. Не приходилось ли нам уже где-то встречаться и раньше?

Л. де МЕЗЬЕР. Нет, к сожалению, не приходилось, это первая встреча, и я ею удовлетворен.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы за продолжение и расширение наших контактов по всем линиям, в том числе и с общественно-политическими организациями ГДР — с Христианско-демократической партией, которую возглавляете вы, социал-демократами, Партией демократического социализма, которую возглавляет Гизи. Вы ведь, кажется, работали вместе с ним по линии коллегии адвокатов?

Л. де МЕЗЬЕР. Он был председателем коллегии, а я — заместителем председателя.

Теплый привет, г-н Президент, просил передать вам Эппельман, с которым вы встречались в Москве, когда принимали министров кабинета Ханса Модрова.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, я помню его. Прошу передать привет и добрые пожелания всем нашим друзьям в ГДР. Желаю вам успехов в вашей деятельности на благо граждан ГДР на этом чрезвычайно ответственном повороте в немецкой и европейской истории.

Из докладной записки А.С. Черняева М.С. Горбачеву⁷¹

4 мая 1990 года

Михаил Сергеевич!

[...] Как вы нас учите, ничего нельзя упрощать. И тем не менее политика тем и отличается от экспертизы, что она сводит проблему к самому главному, которое всегда, как правило, просто.

Совершенно очевидно, что Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет. Это так же неизбежно, как, например, образование Российской коммунистической партии. И зачем нам, как и в этом случае, опять догонять уходящий поезд, явно уже не имея возможности вскочить в паровоз, а дай Бог, где-нибудь в середину состава?

Нам все равно придется смириться с фактом оставления Германии в НАТО. Но, если мы сейчас будем «железно стоять», потом это будет выглядеть крупной уступкой, отступлением. [...]

Рассуждения насчет того, что в результате объединения Германии, а потом и возможного присоединения Польши к НАТО границы блока пододвинулись бы к советским границам, — это из вчерашнего дня, это стратегия времен Второй мировой войны и «холодной войны», когда наша собственная безопасность измерялась не только в военном плане, но и в социально-политическом — через содружество. И будут ли бронетранспортеры и гаубицы бундесвера стоять на Одере—Нейсе, или на Эльбе, или где-нибудь еще, ситуацию в мировой военной стратегии это не меняет. Эта ситуация определяется ядерным балансом СССР и США. Неважно, будет ли он сокращен на 50%, 80% или 90%, но он остается балансом. Даже более того: безопасность связана с принципом неприемлемости возмездия. На этом принципе, по существу, строилась наша ядерная стратегия до того, как мы добились

паритета с США. На этом принципе держится ядерная доктрина Англии, Франции, Китая. Какое количество войск с Запада и с Востока и всяких прочих вооружений в Европе сейчас имеется — это не влияет на реальную безопасность Советского Союза (хотя и значительно изменяется международно-политическая ситуация). Реальная наша безопасность определяется на советско-американских переговорах.

Вы говорите: если всю Германию возьмут в НАТО, тогда мы оставим и венский процесс, и переговоры по СНВ. Но ведь это будет едва ли не смертельный удар для всей политики нового мышления, по крайней мере — серьезный нокдаун по ней. Я уже не говорю, что это будет большой подарок американцам, которым мы развяжем руки для совершенствования и наращивания своего ядерного потенциала. Ценности и приоритеты тут, мне кажется, просто несопоставимы. Даже если это неизбежный в политике шантаж, то уж больно рискованный, прежде всего с точки зрения экономической, с точки зрения сохранения резервов для внутренней нашей перестройки.

У меня такое ощущение, что Шеварднадзе не удастся удержаться на уровне тех директив, которые он вчера получил. Да и натовцам очень трудно будет его понять. Казалось бы, СССР сейчас, как никогда, заинтересован в поддержке перестройки со стороны Запада. Казалось бы, он должен был оценить его относительную сдержанность в литовском деле. Казалось бы, Советский Союз заинтересован в том, чтобы подтвердить свою веру в реальность европейского процесса, в то, что наступает новая эра — эра доверия, когда исчезают страхи былых нашествий, агрессий, военных завоеваний и т. д. И для этого есть объективные предпосылки, о которых вы не раз говорили публично.

И вдруг именно в такой момент мы демонстрируем железную непримиримость на основе аргументов, которые, с точки зрения нового мышления и новой военной доктрины, выглядят странно. Зачем нам сейчас, в такой сложный момент перестройки, осложнять отношения с Западом, вызывать дополнительные подозрения и спекуляции?..

P.S. Прилагаю очень серьезный, по-моему, анализ перспектив Европы и нашей возможной здесь политики, подготовленный у Журкина в Институте Европы.

С уважением, по долгу международного помощника
А. Черняев

Из беседы М.С. Горбачева с Х. Тельчиком

14 мая 1990 года

*(В беседе приняли участие Н.И. Рыжков, председатели правлений
«Дрезденер Банка» В. Реллер и «Дойче Банка» Х. Коннер)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вашу миссию, которой мы придаем весьма важное значение, в Москве. Вы уже имели обстоятельный разговор с Рыжковым и Шеварднадзе. Я о нем информирован. Хотел бы также высказать несколько соображений.

Ситуация ясна. Однако, не разобравшись в общих аспектах, можно запутаться в конкретике. Несколько замечаний о положении у нас в стране, о том, что мы испытываем на собственном опыте, что тянем, как говорится, на своей шее.

Прежде всего следует исходить из того, что у нас огромные резервы, впечатляющий материальный и интеллектуальный потенциал. Во-вторых, наша перестройка — это не пропаганда, а жизнь, которая требует борьбы. Ее новые формы никто не преподнесет на блюдечке с голубой каемочкой. Их надо внедрять трудом, напряжением всех сил, всех ресурсов. При этом, конечно, следует иметь в виду и возможности партнеров.

Сотрудничать — это не значит оказываться в зависимости, особенно политической. Для Советского Союза такая зависимость является нравственно неприемлемой. Решения мы принимаем независимо, но учитываем при этом, что в мире сейчас все страны, все государства так или иначе взаимосвязаны.

Понимая это, Советский Союз не замыкается в себе, не варится в собственном соку, а вступает в контакт с окружающим миром, заключает договоренности, прежде всего с развитыми государствами.

Если мы что-то берем, то мы за это платим. Это является залогом сохранения нашей самостоятельности и независимости. В мире все должны помогать друг другу, мы — вам, вы — нам. Надо в максималь-

ной степени использовать преимущества международного разделения труда.

Наша сегодняшняя ситуация характеризуется вступлением перестройки в решающую фазу развития. В 1985 году мы сделали свой выбор. С тех пор прошло пять лет, за это время мы успели набить себе шишек, но многому научились. Гласность и демократия пускают в нашем обществе все более глубокие корни. Необратимым процессом стал демонтаж командно-административной системы. Ведем мы его не по наитию, а на основе тщательно выверенных политических прогнозов.

Прошедшие пять лет были подготовительным этапом, а сейчас настало время принятия решительных мер. Правительство их разработало, и вскоре они будут представлены обществу. Оно для этого уже созрело. Я имею в виду прежде всего введение у нас в стране рыночных отношений. Старую систему мы подружили, шестеренки разошлись, сцепление разъединилось, однако колеса продолжают крутиться. Это пока что препятствует внедрению новых механизмов, движению по новой колее, поэтому наше общество сейчас качается, имеет место фактор обеспокоенности, нерешительности, неуверенности. Но мы не намерены останавливаться на полпути, приложим все усилия для того, чтобы преодолеть эту самую трудную полосу.

Вырисовывается новый рывок с привычными, традиционными для Запада формами сотрудничества. Это наш выбор. Немцам, славящимся умением все взвесить и рассчитать, надо это иметь в виду. Россия и Германия имеют многовековой опыт весьма масштабного сотрудничества. Эти два элемента можно было бы соединить. Такова логика жизни.

Что осложняет переходный период? Прежде всего речь идет об отставании внедрения новых форм хозяйствования. Старое не сдается просто так, липнет, цепляется за все новое, мешает ему расти. В результате этого у нас возникла непростая ситуация в экономике: рынок по сути дела вырвался из рук, задача заключается в том, чтобы связать «дикие» деньги, наводняющие страну.

Мы выступаем за умеренность, за сокращение расходов, вводим новую налоговую систему. Но посмотрите, какая драка идет в Верховном Совете СССР при обсуждении проекта закона о налогообложении предприятий. Изменения требует и банковская система. В развитых странах даже льготный процент составляет 6–7%. А у нас он 1,5%. Посмотрите, насколько мы щедрее, великодушнее вас. Все это надо менять, создавая одновременно широкую и разветвленную базу для производства материальных благ, товаров, которые так ждет наше население.

Именно на это нацелена проводимая нами экономическая реформа. Раньше в нашей экономике центр тяжести приходился на тяжелую промышленность, на оборонный сектор. Теперь мы разворачиваем ее в сторону решения социальных вопросов, производства товаров массового потребления. Естественно, что все это мы хотим сделать с наименьшим риском. А для этого нам нужны страховочные меры, своего рода страховой фонд. Под ним мы подразумеваем льготный кредит от наших западных партнеров. Он, разумеется, будет возвращен, база для выполнения взятых на себя обязательств у нас есть.

Приведу один пример. Недавно я был на Урале, посетил там, в частности, оборонное предприятие приборостроительного профиля, работающее на космос. В свое время фирма «Филипс» его игнорировала. Но пришло время, и мы это предприятие сделали открытым. Приехали специалисты с «Филипс», посмотрели, поговорили и заключили программу сроком на 2,5 года по совместному производству изделий, которые будут хорошо продаваться на мировом рынке. И наш завод, и «Филипс» в этом не сомневаются.

Нас особенно беспокоит то, что финансовая ситуация не позволяет нам развернуть в полном объеме социальные программы. Для выправления положения нужны кредиты. У председателя Госплана СССР есть список нескольких десятков предприятий весьма эффективной ориентации. Вложение в них 50–100 млн рублей дает отдачу от 1 до 6 млрд. Это открывает большие перспективы, в том числе и для того, чтобы не выпускать из-под контроля рыночные цены.

Немало проблем предстоит нам решить также в легкой и пищевой промышленности. С полученным от вас в свое время кредитом мы поступаем еще недостаточно рачительно, медленно его выбираем. И это притом, что мы теряем 25–30% произведенной сельскохозяйственной продукции.

Нам известно, что «Дойче Банк» наметил под реконструкцию 200–300 предприятий. Мы это приветствуем, будем поддерживать. Конечно, немцы, как и все, боятся за свои деньги. Мы отвечаем на это ускорением перехода к рыночной экономике, к выходу на мировые цены, введением конвертируемости рубля. Естественно, что все это мы должны будем делать осмотрительно, постепенно. Если мы откроемся сразу и полностью, то нас просто ограбят. Для ясности я выражаюсь упрощенно.

У нас хорошие перспективы для расширения интеграции, переплетения наших производственных и научно-технических потенциалов, более эффективного использования ресурсов, внедрения новых технологий, подготовки высококвалифицированного персонала.

Именно сейчас мы должны особенно хорошо понять друг друга. Когда идет речь о предоставлении льготных кредитов на государственном уровне, то надо, конечно, видеть, с кем имеешь дело, кто перед тобой — Польша, Болгария, Индия — или великая держава, такая, как Советский Союз.

Нам нужен кислород, чтобы пережить два—три года. Это самый напряженный и ответственный срок. А по самым оптимистическим прогнозам на то, чтобы прочно встать на ноги, нам понадобится пять—семь лет. Мы подсчитали, что нам, как минимум, нужен кредит в 15—20 млрд рублей, который обязуемся возратить через семь—восемь лет. Возможности для этого будут. Кстати, и совместные предприятия будут получать прибыль, вносить свой вклад в укрепление нашего финансового положения. Мы поворачиваемся к рынку, вступаем на новый путь, и нам нужно плечо для опоры.

Есть и текущие проблемы, решение которых является безотлагательным. Рыжков вам о них говорил. Для этого нам требуется, как можно скорее, 1,5—2 млрд рублей. Вы в курсе дела. В наше положение входят, недавно кое-кто позвонил, сказал, что собрано 6—10 млрд.

А вот в США не хотят войти в наше положение. Для меня это принципиальный вопрос, это должны знать и в руководстве ФРГ. Мы начали поворот со всеми вытекающими отсюда сложными последствиями, и было бы неэтично попытаться воспользоваться явлениями нестабильности. Так могут поступать не политики, а узколобые прагматики, мыслящие старыми категориями от выборов до выборов.

Надо понимать, что без изменения Советского Союза ничего в мире не изменится. В нашем народе созрело понимание необходимости этих изменений. Он был закомплексован, десятилетиями жил в путах, а сейчас хочет иной жизни, желает вдохнуть демократии, стать гражданином цивилизованного государства.

Процесс переосмысления идет быстро. Еще месяц назад при одном упоминании о рыночной экономике поднимался крик о возврате к капитализму, о контрреволюции и т.п. А сегодня все воспринимается «нормально», произошел психологический перелом, и даже те, кто вчера хотел нас четверговать, сегодня высказываются в поддержку прогрессивных начинаний. Если мы не пойдем друг друга, то упустим самое главное — перестроечный курс, перспективу на будущее.

Я настраиваюсь на откровенную и принципиальную беседу с президентом Бушем. Сейчас в мировом масштабе начинает проявляться своего рода американский реваншизм, чувствуется усиление великодержавных амбиций. Скоро в Москву опять придет госсекретарь Бейкер, у меня с ним будет беседа, которая явится подготовкой к встрече

с Бушем. Я передам Бейкеру некоторые соображения для Президента, чтобы он их обдумал до моего приезда в Вашингтон.

Х. ТЕЛЬЧИК. В четверг, 17 мая, Федеральный канцлер Коль встретится с Бушем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Речь идет о серьезных вещах, а не о мелкой политической игре. Надо видеть, что нам не просто выдерживать взятый курс внутри и вовне. Некоторые думают, что им достаточно расставить корзины и, ничего не делая, ждать, когда туда упадут созревшие плоды. Это недальновидная политика.

Если задать вопрос, будем мы или не будем идти избранным путем без поддержки Запада, то ответ на это один — будем, и никто нас не остановит. Однако сделать это нелегко, такая линия будет сталкиваться с опасностями. Если наш народ ощутит изменения в лучшую сторону, то он будет готов потерпеть, мобилизовать свои внутренние ресурсы.

Однако без поддержки Запада может произойти определенный срыв. Надо иметь в виду, что наша оппозиция, как левая, так и правая, не дремлет. Они ждут ошибок с нашей стороны, промахов с тем, чтобы усилить общественную напряженность, недовольство трудящихся. Политический плюрализм вызвал к жизни всевозможные течения. Ситуация серьезная, и мы не позволяем себе закрывать на нее глаза, а также приукрашивать ее в глазах наших западных партнеров, вводить их в заблуждение.

В течение последних 20 дней у меня были, по сути дела, непрерывные встречи с трудящимися, очень оживленный и откровенный обмен мнениями. Чувствуется, что люди дистанцируются от правых и левых, тянутся к тем, кто предлагает реальные, обдуманные решения. Социологи определили, что среди советских политиков самый высокий персональный рейтинг у Горбачева и Рыжкова. Это приятно, но и в то же время накладывает особую ответственность.

Я постарался вам обрисовать ситуацию такой, какая она есть. Мы ничего не можем откладывать на завтрашний день, во всем нужна полная ясность. Рыжков 25 мая выступит в Верховном Совете по кардинальным вопросам экономических преобразований. Поэтому именно сейчас нам очень важно знать, на кого мы можем рассчитывать всерьез, кто для нас на Западе наиболее надежный партнер.

Х. ТЕЛЬЧИК. Позвольте поблагодарить вас, г-н Президент, за ваши исключительно интересные и пронизанные напряжением высказывания. Быть принятыми вами — большая честь для меня и для приехавших со мной председателей правлений «Дрезднер Банк» Вольфганга Реллера и «Дойче Банк» Хильмара Коппера.

Прежде всего хотелось бы передать вам самый теплый сердечный привет от Федерального канцлера Коля. Наша миссия в Москву совершается от его имени и по его поручению. Этим он подтверждает свое желание активизировать с вами диалог, обеспечить нашим государствам выход на качественно новый уровень взаимоотношений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это совпадает с нашими намерениями.

Х. ТЕЛЬЧИК. Тот факт, что мы так быстро приехали в Москву, демонстрирует готовность Федерального канцлера внести свой личный вклад в наполнение новой главы советско-германских отношений, показать, что он персонально в этом заангажирован.

Я очень рад, что вы так подробно, ничего не утаивая, рассказали нам о положении в стране, о том, как идут реформы. Воля к сотрудничеству между нашими странами неоднократно подтверждалась. Это двусторонний процесс. Будет ли успех перестройки завтра — зависит от устремлений Советского Союза сегодня, от его отношений со своими партнерами. Мы верим в те решительные шаги по пути укрепления перестройки и наращивания гласности, которые предпринимаются вами в этой огромной стране. Федеральный канцлер желает вам успеха на этом пути и вновь заявляет о своих симпатиях и поддержке. Просил бы вас исходить из того, г-н Президент, что канцлер Коль отдает себе полный отчет в том, что начатые в Советском Союзе преобразования — это огромный фронт работ, в освоении которого советское руководство нуждается в своевременной поддержке. Конечно, вы справитесь и одни, но это будет стоить излишней траты сил.

Мы не преследуем односторонних интересов. Все государства, как вы правильно сказали, зависят друг от друга, и в эту цепь взаимной зависимости включена и ФРГ. Мы за то, чтобы гармонизировать интересы всех государств и направлять их навстречу друг другу к их взаимной выгоде, ориентируясь на дальнейшее совершенствование хозяйственного взаимодействия.

Германия сотрудничает со всем миром, ее экономика зависит от экспорта, от освоения рынков других государств. Мы не замыкаемся, понимая, что состояние экономики наших соседей определяет также и ход нашего развития. Ваши политические и экономические успехи — это также и наши успехи.

В своей беседе с Шеварднадзе канцлер Коль обратил внимание на то, что мы сейчас вступили в историческую фазу развития не только двусторонних отношений, но и общеевропейских и мировых процессов. Во всех своих выступлениях он неизменно указывает на ваш личный вклад, г-н Президент, в дело наращивания позитивных преобразований на нашей планете.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам хотелось бы, чтобы все почувствовали, что своих партнеров мы ищем прежде всего в Европе. Мы ориентируемся на них в контексте общеевропейского процесса, углубления взаимовыгодного сотрудничества, движения на пути к созиданию общеевропейского дома. Европа нам ближе всего. Но это не значит, что мы отворачиваемся от других. К нам сейчас многие стремятся. Южная Корея все громче стучится в нашу дверь, с Ближнего Востока идут все более интенсивные сигналы. Все хотят развивать отношения на основе новых форм экономического взаимодействия.

Н.И. РЫЖКОВ. Здесь очень важной формой являются реинвестиции. Это касается прежде всего деятельности совместных предприятий. Когда закладывается долгосрочная основа, то и перспективы открываются благоприятные.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы хотим быть лучше понятыми европейцами и не будем отвергать неординарных шагов с западной стороны. Необходима синхронизация политики и экономики, подведение под политику надежного экономического фундамента. Без экономики нет будущего.

Х. ТЕЛЬЧИК. Канцлер Коль видит это точно так же. В беседе с Шеварднадзе он подчеркивал, что сейчас необходимо создать задел для выхода на качественно новый уровень отношений между Советским Союзом и объединенной Германией. Необходимо заблаговременно подвести под эти отношения солидную и долгосрочную международно-правовую основу. Вы знаете, что Федеральный канцлер предложил ориентироваться в этом смысле на заключение широкоформатного и всеобъемлющего договора между Советским Союзом и Германией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этот договор надо начинать готовить уже сейчас. Кроме того, Россия и Германия при новом формировании своих отношений должны думать о том, чтобы не напугать других. Здесь надо мыслить общеевропейскими категориями, с тем чтобы советско-германское взаимодействие стало одной из опорных конструкций общеевропейского процесса.

Х. ТЕЛЬЧИК. Федеральный канцлер просил меня передать вам, г-н Президент, что он готов к рабочей встрече с вами в возможно скорый срок. Он предлагает на ваше усмотрение период с 16 по 20 июля или с 27 по 31 августа. Имеется в виду неформальный обмен мнениями по самому широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес.

В связи со встречами канцлер просил меня передать вам, что на него произвели большое впечатление ваши рассказы о родных краях. Он

мечтает увидеть степи, Ставрополь, не забыл, с каким увлечением вы ему описывали красоты этих мест.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы обдумаем предложение канцлера Коля. В начале июля состоится XXVIII съезд КПСС. Он займет в целом 10 дней. Поэтому для нашей встречи с канцлером Колем лучшего всего подходили бы двадцатые числа июля,

Х. ТЕЛЬЧИК. Я передам это Федеральному канцлеру. Он рассматривает диалог с вами как компонент общеевропейского и мирового процесса. Этот процесс включает в себя комплекс вопросов двустороннего характера, переговоры в рамках механизма «шестерки», СБСЕ, Вену. По нашему мнению, на целый ряд вопросов нет и не может быть единого ответа. Иногда необходима сумма ответов для того, чтобы была полная ясность, чтобы были учтены интересы всех.

В двустороннем комплексе наших отношений на первый план сейчас выдвигается договор между Советским Союзом и единой Германией, рядом с которым развивается комплекс экономического взаимодействия. К многосторонней сфере отношений относятся вопросы безопасности, разоружения, взаимодействия в решении межрегиональных проблем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Передайте, пожалуйста, Федеральному канцлеру, что мы за то, чтобы действовать, не нарушая ни свою, ни чью-либо еще безопасность. Если при обсуждении вопросов безопасности чаша весов вдруг начнет стремительно склоняться в какую-нибудь одну сторону, то это потребует соответствующей реакции. Для Советского Союза, в частности, возникнет необходимость зарезервировать время для того, чтобы всесторонне проанализировать меняющуюся стратегическую ситуацию, взвесить все ее компоненты, в том числе советско-американские отношения, Вену и др.

Сейчас важно найти консенсус на стратегическом уровне, найти баланс, устраивающий как Запад, так и Восток. Главный вывод — это перестраивать отношения таким образом, чтобы не ущемлять ничьих интересов безопасности.

Х. ТЕЛЬЧИК. Федеральный канцлер убежден в том, что такой консенсус будет найден. Это будет успехом для всех. Движение в этом направлении уже началось... Коль был, кстати, инициатором сделанного американскому Президенту предложения обдумать вопрос об определенной категории американского ракетно-ядерного оружия. Позитивная реакция вашингтонской администрации на это известна.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На Буша не мешает иногда надавить. Мы не дуем плохо о США, однако не хотим вместе с американцами оказаться в западне под давлением кругов, которые, вежливо говоря, не очень

заинтересованы в позитивных подвижках в международных отношениях. Недавно я разговаривал с Бушем по телефону, он говорил мне, что не надо питать недоверия к объединенной Германии, что только в НАТО она будет страной, истинно приверженной миру.

Я ему сказал, что нам именно такой страны не хватает сейчас в ОВД. Варшавский Договор сейчас ослаблен, так как целый ряд входящих в него государств вынужден заниматься своими внутренними делами. Поэтому было бы неплохо, если бы объединенная Германия укрепила ОВД своим вступлением в нее.

Буш не ожидал такого предложения, не рассчитывал, что вопрос будет поставлен в такой плоскости. Если речь идет о том, доверять или не доверять немцам, то почему бы не сделать их самостоятельным внеблоковым государством, которое имело бы многосторонние экономические, научно-технические, культурные и другие связи со своими соседями, со всем миром, А вот США почему-то считают, что немцам лучше всего быть под западным контролем, и для этого находиться в НАТО.

Классическим решением был бы, конечно, роспуск обоих блоков. Тогда можно было бы жить в условиях существования новых структур безопасности. Эта та цель, о которой я сообщал также и федеральному канцлеру.

Х. ТЕЛЬЧИК. Мы интенсивно обдумываем связанную с этим проблематику.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Много не просто и для вас, и для нас. Когда я делал доклад в связи с 45-й годовщиной Победы, то не решился все сказать. Мы сейчас вышли на магистральный путь развития советско-германских отношений. А ведь за спиной у нас 27 млн погибших советских людей, 18,5 млн раненых, контуженных, десятки миллионов осиротевших и потерявших здоровье. Вся нация была потрясена до основания. То же можно сказать и о немцах.

Поэтому оба наших народа призваны строить свои отношения в будущем так, чтобы их ничто не омрачало. На мой взгляд, за многие столетия сегодняшняя ситуация — самая благоприятная для старта в новое будущее отношений между Германией и Россией.

Х. ТЕЛЬЧИК. У меня есть еще один небольшой вопрос. В пятницу Федеральный канцлер имел беседу с премьер-министром Литвы Прунскене. Он был вежлив, но сдержан.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Она просила по телефону, чтобы ее приняли в Москве. Мы считаем, что вначале они пусть разберутся у себя в Литве, а потом мы посмотрим, принимать их или нет.

Х. ТЕЛЬЧИК. Федеральный канцлер просил меня передать вам, г-н Президент, что он не видит свою задачу в том, чтобы давать вам

советы или рекомендации. Он также не хочет быть посредником. Совместно с Миттераном они предприняли кое-какие шаги для предотвращения конфликта.

В Европе никто не заинтересован в дестабилизации, которая может возникнуть из-за Литвы⁷². Поэтому канцлер откровенно сказал Прунскене, что на месте литовского руководства он не принимал бы таких решений, какие были приняты у них. Должен идти диалог без каких-либо предварительных условий, а лучшей отправной точкой для такого диалога было бы замораживание известного заявления литовского парламента от 10 марта.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Совершенно верно. Все должно быть возвращено к состоянию до 10 марта. Затем можно было бы в рамках конституционного процесса начать бракоразводный процесс. Среди пришедших в Литве к власти много несерьезных людей, даже авантюристов. Это должно быть видно и на Западе. Мы ввели ограниченные экономические санкции для того, чтобы они почувствовали, что значит порывать с остальной частью федерации.

Н.И. РЫЖКОВ. Речь идет отнюдь не об экономической блокаде. Это советские люди, и мы им желаем добра. Прекратились лишь поставки нефти и некоторой части природного газа. А болтуны и политиканы орут на весь свет, что их хотят взять измором. Все это ложь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Конфликт, конечно, пока еще не утрачивает своей остроты. Однако конечный путь — это восстановление конституционного строя. Мы в этом не сомневаемся.

Я беседовал с известным американским политиком Митчеллом. Если бы в США произошла история, похожая на литовскую, то они в 24 часа всех бы раздавили. Видите ли, американцы могут себе позволить кое-какие акции даже за пределами своей страны, а мы в своем государстве должны, мол, действовать с оглядкой, думать о том, что скажут за его пределами.

Вся эта история усиливает недовольство советского народа. Запас доброй воли у нас не бесконечен. Люди в Литве дождутся президентского правления.

Ваша информация о беседе с Прунскене была интересной. Передайте канцлеру, что мы будем идти исключительно путем политических решений.

Х. ТЕЛЬЧИК. Канцлер считает, что на Прунскене произвело впечатление то, что до сих пор с ней на Западе никто не говорил более ясным и открытым языком. Его слова, как он считает, упали на плодотворную почву, и это вскоре почувствуется.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В Литве много поляков, а они не хотят идти за литовцами при выходе республики из СССР. После войны Белоруссия отдала Литве пять районов. Белорусы пострадали от Чернобыля, а эти пять районов чистые, и сейчас они их просят назад. Одним словом, предстоит решить непростой вопрос, но решен он будет.

Ну, а что думают немецкие банки?

В. РЕЛЛИЕР. Я вспоминаю о том, как вы меня спросили, г-н Президент, почему мой банк называется «Дрезднер Банк». Так он именуется уже более 100 лет. И более 100 лет сотрудничает с вами. Мы намерены укреплять наши связи и в будущем. Этому поможет и наш нынешний приезд в Москву.

Х. КОППЕР. Чрезвычайно признателен вам за интересную беседу. Мы, банкиры, занимаемся главным образом финансовыми вопросами. Но они включают в себя также экономическое и политическое измерение. Мир весьма изменился в позитивном смысле с момента наступления перемен в Советском Союзе. В этом смысле мы отдаем себе отчет в особой ответственности и в особых обязательствах ФРГ по отношению к Советскому Союзу.

В. РЕЛЛИЕР. Мне, а также многим на Западе очень нравится выдвинутая вами идея общеевропейского дома. Европа — это огромная стройка. Западная Европа интегрируется, Восточная Европа реформируется. Под общеевропейской крышей нам предстоит решать задачи исторического порядка.

ФРГ должна представлять собой своего рода приводной ремень между Востоком и Западом Европы. Именно таким должно быть историческое предназначение будущей единой Германии. Здесь мы рассчитываем на активное сотрудничество с Советским Союзом. Именно под этим углом зрения нам и предстоит зашнуровать пакет с кредитами, включая и срочные меры, касающиеся 1,5–2 млрд рублей.

Х. ТЕЛЬЧИК. Искренне благодарю вас за беседу, г-н Президент, мы уезжаем домой с чувством уверенности, что Советский Союз намерен неизменно идти курсом перестройки и демократизации. В этом вы можете рассчитывать на нашу поддержку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прошу передать привет Федеральному канцлеру Колю.

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бейкером 18 мая 1990 года

(На встрече присутствовали Э.А. Шеварднадзе и А.С. Черняев)

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Возьмите вопрос объединения Германии. Ваша позиция на этот счет противоречива. Я не знаю, чем она питается. Может быть, вы боитесь объединения Европы? Я не раз говорил и здесь, и в Европе и могу подтвердить сейчас: мы понимаем необходимость присутствия — необязательно военного — Соединенных Штатов во всех европейских процессах. Вы можете из этого исходить.

Но вот вы говорите: обе Германии являются миролюбивыми, демократическими странами, и нет оснований видеть какую-то опасность в происходящем. Вы говорите, что мы преувеличиваем опасность. Но ведь я говорил Президенту Бушу: если это так, если вы не считаете это важным фактором, то почему не согласиться с тем, чтобы объединенная Германия была членом Варшавского Договора?

Или другое: вы говорите, что немцам можно доверять, что они доказали это. Но если это так, то зачем включать Германию в НАТО? Вы отвечаете, что если Германия не будет в НАТО, то это может создать проблемы в Европе. Выходит, вы не доверяете Германии.

Я бы понял вас, если бы вы выдвигали какие-то иные, реалистические аргументы. Буду с вами откровенен. Если бы вы сказали, что отсутствие Германии в НАТО нарушило бы существующие в Европе структуры безопасности, то я бы, может быть, вас понял. Но тогда давайте думать, давайте искать подход к тому, как заменить нынешнюю структуру безопасности, основанную на существовании двух военно-политических блоков, какой-то новой структурой, как двигаться к этой структуре. Вы же говорите, что НАТО нужна сейчас и будет необходима чуть ли не всегда, и тут же добавляете, что Советский Союз

по-прежнему имеет большую армию, сильно вооружен, вот, дескать, поэтому НАТО будет нужна всегда.

В общем, повторяю, ваша позиция, ваши аргументы противоречивы. Они не согласуются с теми главными подходами, которые мы решили заложить в наши отношения.

К чему я веду? Опять буду с вами откровенен. Если объединенная Германия войдет в состав НАТО, то это будет серьезным изменением соотношения сил, всего стратегического баланса. Для нас возникнет вопрос: каков должен быть наш следующий шаг. Думаю, вы, как человек логически мыслящий, это понимаете. Очевидно, нам пришлось бы приостановить все обсуждения в области разоружения, проанализировать, какие изменения нам надо внести в нашу доктрину, в позицию на переговорах в Вене, в наши планы сокращения вооруженных сил. Возникнет вопрос, почему все это делаете? И это очень серьезный вопрос.

Мы хотели бы рассчитывать на серьезный подход с вашей стороны. И когда видим элементы игры с нами, нас это беспокоит. Разве это нужно? Разве можно допустить, чтобы наши отношения превратились чуть ли не в возню? В Советском Союзе происходят крупные перемены, идет процесс обновления, а это неизбежно непростой процесс. Мы видим, что порой у вас возникает искушение воспользоваться ситуацией.

Думаю, действовать таким образом было бы очень большим заблуждением...

Дж. БЕЙКЕР. Г-н Президент, очень хорошо, что вы решили поднять эти вопросы в узком составе. И вообще хорошо, что вы их поставили...

Прежде чем сказать несколько слов по германской проблеме, хотел бы подчеркнуть, что наша политика не направлена на то, чтобы оторвать Восточную Европу от Советского Союза. Прежде у нас была такая линия. Но сегодня мы заинтересованы в том, чтобы построить стабильную Европу и сделать это вместе с вами.

Вы говорите: если США доверяют Германии, то зачем включать ее в НАТО? Мой ответ: если вы доверяете, то почему не дать немцам возможность сделать собственный выбор? Мы не заставляем их идти в НАТО. Мы хотим, чтобы объединенная Германия была членом НАТО не потому, что боимся Советского Союза, а потому, что считаем: если Германия не будет твердо укоренена в европейских институтах, то могут возникнуть условия для повторения прошлого.

Вы, как и я, изучали историю, помните Лигу наций. Конечно, хорошо говорить об общеевропейских структурах безопасности, о роли СБСЕ. Это прекрасная мечта, но лишь мечта. А НАТО существует.

Участие в НАТО будет означать, что Германия будет и впредь полагаться на этот союз в плане обеспечения своей безопасности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И все-таки для чего НАТО? Ведь НАТО была создана в другой ситуации, а зачем это сейчас?

Дж. БЕЙКЕР. Если Германия не будет прочно укоренена в существующей структуре безопасности, то в центре Европы возникнет образование, которое будет озабочено обеспечением своей безопасности иным путем. Оно захочет получить ядерную безопасность, в то время как сейчас, в НАТО, эта безопасность обеспечивается американским ядерным зонтиком. Оставаясь в составе НАТО, Германия гораздо легче сможет пойти на отказ от ядерного, биологического или химического потенциала.

В то же время хочу сказать, что мы знаем, почему членство Германии в НАТО представляет для Советского Союза психологическую проблему.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Посмотрим на вопрос с военной точки зрения. Сейчас, когда Варшавский Договор все быстрее превращается в чисто политическую организацию, членство объединенной Германии в НАТО усилит ваш военный союз.

Дж. БЕЙКЕР. В ближайшей, краткосрочной перспективе, может быть. Однако мы говорим сейчас об изменении, адаптации НАТО, о придании ей более политического характера.

Мы признаем важность сокращения бундесвера. У нас с вами, однако, есть разногласия относительно того, где об этом надо договариваться. Однако мы понимаем и учитываем вашу озабоченность. Я не думаю, что мы добиваемся односторонней выгоды.

Мы хотим стабильности в Европе, мы желаем успеха перестройке. Как и вы, мы пережили две войны, которые были результатом нестабильности в Европе. И мы не хотим, чтобы это повторилось.

Позвольте привести мне некоторые примеры того, каким образом мы стремились учитывать ваши вполне законные озабоченности, формулируя нашу политику по Германии.

Первое. Мы предложили, чтобы на втором этапе венских переговоров, который должен начаться сразу же после подписания первого соглашения по обычным вооруженным силам, был рассмотрен вопрос о сокращении и ограничении численности войск бундесвера. Мы говорили об этом с немцами, и думаю, что они согласятся с этим.

Второе. Президент Буш предложил приблизить сроки начала переговоров по тактическим ядерным вооружениям.

Третье. Мы предложили, и немцы согласились с тем, что Германия возьмет на себя обязательство не производить, не создавать и не приобретать ядерное, химическое или биологическое оружие.

Четвертое. Мы предложили, чтобы на определенный согласованный переходный период войска НАТО не находились на территории нынешней ГДР.

Пятое. Мы предложили также, чтобы на определенный переходный период советские войска оставались на территории нынешней ГДР.

Шестое. НАТО будет претерпевать эволюцию, становиться более политической организацией. Кроме того, будет проведен крупный пересмотр военной стратегии с учетом упомянутого вами снижения эффективности Варшавского Договора и необходимости усиления политической роли союзов.

Седьмое. Мы приложили большие усилия для достижения договоренности по вопросу о границах Германии. Сейчас есть твердое понимание того, что единая Германия будет включать в себя лишь территорию ГДР, ФРГ и Берлин. Это важно для поляков, а также для некоторых стран Западной Европы. Очевидно, это важно и для Советского Союза.

Восьмое. Мы прилагаем усилия на различных форумах для того, чтобы в конечном счете превратить СБСЕ в постоянный институт, который стал бы важным краеугольным камнем новой Европы...

Этот институт включал бы в себя все страны Европы, Советский Союз, Соединенные Штаты. Я предложил провести в сентябре этого года в Нью-Йорке совещание министров иностранных дел 35 стран по подготовке к встрече в верхах СБСЕ.

И, наконец, девятое. Мы активно добиваемся того, чтобы в процессе объединения были должным образом учтены экономические интересы Советского Союза.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что включение единой Германии в НАТО представляет собой политическую проблему для вас. И тем не менее мы считаем, что, если единая Германия будет твердо стоять на якоре в рамках этого испытанного института безопасности, она никогда не захочет иметь собственный ядерный потенциал или собственное независимое военное командование.

В военном отношении НАТО будет выглядеть совершенно по-иному в результате тех изменений, которые проходят сейчас в Центральной и Восточной Европе.

Разумеется, если Германия не захочет остаться членом НАТО, то она и не будет таковым. Соединенные Штаты не могут заставить Германию быть в НАТО. Это не вопрос доверия к немцам. Мы просто искренне считаем, что это та структура, которая обеспечивает большую стабильность в Европе; причем не только в плане отношений Восток—Запад. В Европе немало очагов нестабильности, являющихся следствием межнационального соперничества, этнической напря-

женности и т. д. Причем нередко это имеет место в европейских странах, которые не имеют ничего общего с напряженностью между Востоком и Западом.

Тот факт, что Польша, Чехословакия, Венгрия поддержали наш подход, не является результатом усилий американской дипломатии. Мы приветствуем их позицию, однако активно не добивались этого. Мы, кстати, высказали мнение о желательности создания некоторыми из этих стран той или иной региональной ассоциации.

Итак, я понимаю вашу озабоченность, она вполне законна. Надеюсь, что мои разъяснения были для вас полезными.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А что если вы окажетесь пророком, и объединенная Германия не захочет оставаться в НАТО? Вы говорите, что не можете ее заставить. Что же произойдет потом?

Дж. БЕЙКЕР. А я хочу спросить вас: если Германия будет не в НАТО, то что вы предлагаете?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я хотел бы, чтобы на стадии переговоров, до объединения мы что-то делали. Сейчас у нас есть такая возможность. Когда же этот процесс завершится, у нас не будет никакой возможности что-либо предлагать. В этом суть.

Ваши рассуждения построены только на том, что единая Германия должна быть членом НАТО. Ничего другого вы не предлагаете. В то же время сами говорите, что Германия может когда-то не захотеть быть в НАТО. Представим себе, что же произойдет, когда процесс переговоров завершится. У Германии есть право выйти из НАТО, но тогда у нас не будет никакой возможности что-либо предлагать. А сейчас у нас есть такая возможность, есть права и обязанности четырех держав-победительниц, процесс объединения еще не завершен.

Если мы решим, что объединенная Германия не будет членом какой-либо военной организации, то, конечно, возникает вопрос о том, каков должен быть ее статус. Думаю, это должна быть демократическая, демилитаризованная страна с четко определенными границами и т. д. Это была бы новая ситуация, и ее надо было бы закрепить в окончательном мирном урегулировании. В документ об урегулировании можно было бы включить ваши девять пунктов. Это все поняли бы. Это был бы более или менее равноудаленный подход, хотя, конечно, Германия все равно была бы ближе к вам, но баланс был бы лучше.

Дж. БЕЙКЕР. Вы предлагаете, чтобы в документе было указано, что Германия не будет иметь право оставаться в НАТО?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Германия была бы вне военных группировок. Так же, как и многие другие страны.

Дж. БЕЙКЕР. То есть речь идет о нейтральной Германии?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не знаю. Может быть, неприсоединившейся. Может быть, какой-то особый статус. Есть, например, особый статус Франции.

В заключение этой части беседы я хотел бы предложить: давайте еще раз хорошенько подумаем. Мы думаем, и вы подумайте. И давайте продолжим этот разговор в Вашингтоне. Ну, а если вас не убедят никакие мои аргументы, то я предложу Президенту и скажу публично, что мы хотим вступить в НАТО. Вы ведь говорите, что НАТО не направлена против нас, что это просто структура безопасности, адаптирующаяся к новым реальностям. Вот мы и предложим вступить в НАТО.

Дж. БЕЙКЕР. Шеварднадзе спрашивали об этом на пресс-конференции в Бонне.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. И я сказал тогда, что мы пока не подавали заявления о приеме в НАТО.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Во всяком случае, вопрос этот не чисто гипотетический. Это не какой-то абсурд.

Дж. БЕЙКЕР. Это интересно. Вы сказали, что есть много нейтральных и неприсоединившихся стран. Это так. Но они являются таковыми по собственному выбору, а не потому, что кто-то их заставил принять этот статус.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну а может быть, и немцы выберут его сами. Во всяком случае должен быть какой-то резервный вариант. Вы же исходите лишь из одного варианта. Вы этого хотите. Но мы хотим другого. Нельзя исходить лишь из того, чего хотите вы.

Дж. БЕЙКЕР. Мы хотим этого лишь потому, что они сами об этом просят. Вы говорите, что для вас это неприемлемо. Но нейтралитет нельзя навязать. Нельзя требовать его в качестве условия прекращения действия обязательств четырех держав. Это противоречило бы принципам хельсинкского Заключительного акта. В нем ясно говорится о том, что страны имеют право участвовать в союзах. Кроме того, такой подход выделял бы Германию в какую-то особую категорию, он вызвал бы большое недовольство и неприязнь со стороны немцев. То есть это посеяло бы семена будущей нестабильности, а этого как раз мы и не хотим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А почему вы считаете, что недовольство будет только в том случае, если Германия не станет частью западного союза?

Дж. БЕЙКЕР. Недовольство будет только в том случае, если Германия будет выделена в какую-то особую категорию, если ей будет что-то навязано против ее воли. Если Германия сама захочет стать членом Варшавского Договора, то это другое дело.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если они захотят вступить в Варшавский Договор, то что вы скажете?

Дж. БЕЙКЕР. Мы не будем возражать, если это действительно будет их свободный выбор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Таким образом, мы можем отметить, что вы отнеслись бы с пониманием к такому желанию.

Дж. БЕЙКЕР. Хельсинкский Заключительный акт гласит: каждая страна может быть членом любой организации, любого союза.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Могу я сделать вывод, что, если объединенная Германия захочет стать членом Варшавского Договора, Соединенные Штаты отнесутся к этому с пониманием?

Дж. БЕЙКЕР. Мы скажем, на наш взгляд, Германия должна быть полноценным членом НАТО, однако лишь по собственному выбору.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И все же в принципе: если объединенная Германия, исходя из принципа свободы выбора, воспользуется своим правом выбрать ту организацию, к которой она хочет принадлежать, и пожелает быть членом Варшавского Договора, сможете вы дать на это согласие или нет?

Дж. БЕЙКЕР. Мы скажем, что, на наш взгляд, это неверное решение с точки зрения интересов будущей стабильности. Однако мы признаем принципы Хельсинки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ясно. Ну, что же, я доволен: вы фактически дали аргументы в пользу моей позиции. Ведь мы и говорим, что членство объединенной Германии в НАТО изменит то соотношение, которое обеспечивало стабильность в Европе на протяжении 45 лет. Таким образом, наш аргумент — зеркальное отражение вашего.

Дж. БЕЙКЕР. Нет, я не могу с этим согласиться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо искать, как совместить наши подходы. Объединение Германии — это новая реальность, и этот новый феномен подвергает испытанию нашу способность находить решения, основанные на балансе интересов. Ведь мы сказали, что именно к этому мы стремимся. И сейчас, когда этот подход подвергается первому серьезному испытанию, надо искать взаимоприемлемое решение.

Дж. БЕЙКЕР. Хочу спросить: согласитесь ли вы со свободным выбором Германии остаться членом НАТО?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я с вами откровенен, и я сказал вам: если единая Германия будет принадлежать лишь к НАТО или к Варшавскому Договору, то это приведет к изменению стратегического баланса в Европе и во всем мире. Думаю, вам не следует в нынешней ситуации оставлять нас в одиночестве. Это очень ответственный момент, и мы

можем в таком случае пойти на совершенно неожиданные шаги. Так что давайте лучше искать взаимоприемлемые решения.

[...] Да и наше возможное членство в НАТО — это не такая уж дикая фантазия. Ведь была же в свое время большая коалиция, — так почему же это невозможно сейчас?

Дж. БЕЙКЕР. Я хорошо понимаю ваш аргумент о том, что нельзя оставлять вас сейчас одних. Откровенно говоря, именно поэтому мы выдвинули предложение о механизме «2 + 4». Мы признаем необходимость того, чтобы вы участвовали в управлении европейским процессом, в том числе процессом объединения Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Абсолютно верно.

Дж. БЕЙКЕР. Мы понимаем и ваши внутривнутриполитические факторы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, нам уже говорят, что получился механизм «1 + 4». Причем «один» — это Советский Союз, а Германия в западной четверке.

Дж. БЕЙКЕР. И еще об одном. Я сказал, что общеевропейская безопасность — это мечта. Но я имел в виду, что это мечта на сегодняшний день. Мы внесли конкретные предложения о том, как строить ее структуры, чтобы она стала реальностью. А до этого мы считаем важным, чтобы Германия твердо была укоренена в институтах безопасности, не испытывала соблазна создать какую-то свою собственную структуру обеспечения безопасности. Мы считаем важным членство Германии в ЕЭС, хотя сами не являемся его членами. Мы видели, к чему в прошлом привело существование обособленной, нейтральной Германии.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Два слова по проблеме численности бундесвера. Мы считаем, что определиться на этот счет надо в составе «шестерки», а после этого необходимо закрепить принятые решения в рамках СБСЕ, на Венских переговорах по обычным вооруженным силам. Ведь проблема военного потенциала объединенной Германии не может не относиться к внешним аспектам германского объединения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Суммируя, хочу сказать, что мы неплохо «погоняли мысль» перед встречей в Вашингтоне.

Недавно я выступал с докладом в связи с 45-й годовщиной победы над фашистской Германией. Я говорил о 27 млн советских людей, погибших в этой войне. Но ведь я не все сказал. Мы потеряли лучшую часть нашего народа. А 18 млн раненых и контуженных! А ущерб для здоровья тех, кто голодный, холодный, плохо одетый работал в тылу. Это было колоссальное потрясение для всего народа.

Поэтому все очень непросто. Так что подумайте об этом еще раз.

И в заключение хочу еще раз сказать вам: не верьте тем, кто утверждает, что Советский Союз хотел бы вытеснить Соединенные Штаты из Европы. Наоборот, мы убеждены, что без Соединенных Штатов ничего сделать, ничего добиться в Европе невозможно.

Дж. БЕЙКЕР. Мы и не верим таким утверждениям.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с А. Дубчеком 21 мая 1990 года

А. ДУБЧЕК. [...] Несколько слов о выводе советских войск. Достигнутая договоренность об этом воспринята в целом с пониманием. Я, как могу, помогаю разумному решению связанных с этим проблем. Но в обществе высказывается опасение: не задержится ли вывод войск из Чехословакии так, как это происходит в ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Корни и природа пребывания советских войск в Чехословакии и ГДР различные. Можете всем сказать, что вывод наших войск из Чехословакии будет осуществляться в точном соответствии с договоренностями и тормозиться не будет.

А. ДУБЧЕК. Поднимаются и вопросы об ущербе, нанесенном пребыванием советских войск. Но думаю, по этим вопросам мы договоримся. И в этом отношении нам приходится сейчас поправлять то, что испортили другие. Думаю, что вопрос о выводе войск имеет широкое общеевропейское значение. И неслучайно с Запада постоянно будируют этот вопрос.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В связи с нынешними процессами объединения Германии мы и перед ФРГ, и перед США поставили ряд вопросов, над которыми им придется поразмышлять серьезно. Мы ведь не можем не видеть стремление некоторых политических сил Запада «погреть руки» на трудностях, связанных с перестройкой в СССР, на сложностях преобразований в Восточной Европе. Игра идет крупная. Конечно, в нее будут втягивать и вас, и венгров, и поляков.

А. ДУБЧЕК. Поляки, имея в виду неопределенность позиции Коля по вопросу о восточной границе объединенной Германии, ведут себя довольно настроенно. Ведь они-то особенно хорошо помнят, как из Германии пришли две мировые войны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По вопросу объединения Германии, ее вхождения в НАТО мне пришлось недавно подробно беседовать с Бейкером. Я прямо сказал ему, что если не будет в полной мере обеспечена безопасность Советского Союза, то не будет обеспечена и международная безопасность в самом широком смысле. Мы будем вынуждены вообще по-иному взглянуть на всю стратегическую ситуацию. Нужно ли нам продолжать переговоры по СНВ, по обычным вооружениям?

Необходимо искать взаимоприемлемые решения с учетом интересов всех. Если вся объединенная Германия войдет в НАТО, то, может быть, и нам вступить в этот союз? Словом, я предложил своего рода домашние задания для Президента Буша.

А. ДУБЧЕК. И, как видно, довольно сложные.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Иначе и быть не может, ведь речь идет о повороте к принципиально новой европейской и мировой структуре международных отношений. Именно в этом состоит вопрос. К нему нельзя подходить с узких, конъюнктурных позиций, диктуемых только лишь узкопартийными соображениями очередного пребывания на президентском посту от выборов до выборов. Решая такого рода вопросы, мы не имеем права думать только о сегодняшнем дне, закрывая глаза на то, что будет завтра. Ведь не могу же я, при всем внимании к повседневным нуждам людей, бросить сегодня все средства на производство или закупку колбасы, которой у нас так сейчас не хватает, не думая о том, что и как придется делать потом.

Имея дело с американцами, приходится учитывать их сугубо прагматический подход к целому ряду принципиальных проблем, перемены в их позициях. [...]

А. ДУБЧЕК. Везде, где можно, я говорю нашим: «Братцы, осторожно, нельзя игнорировать объединение Германии, чрезмерно уповать на экономические связи с Западом. Можно попасть в кабалу. И тогда не поможет размахивание национальным флагом — суверенитет уйдет».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, Чехословакии важно особенно внимательно отнестись к появлению объединенной Германии.

А. ДУБЧЕК. Для нас исключительно важно, развивая экономические связи с Западом, не терять взаимовыгодных отношений с Советским Союзом. [...]

Из интервью М.С. Горбачева американскому журналу «Тайм»

22 мая 1990 года

[...] Вы спрашиваете, что отличает мой подход от подхода Президента Буша. Различия есть. По американскому сценарию, насколько сейчас можно судить, «прорабом» и гарантом европейского строительства должна быть НАТО, которая к тому же усиливается за счет объединенной Германии.

Я могу понять, что у американцев и у многих европейцев свое восприятие этой организации. Ей приписывают заслугу сохранения мира на протяжении всей «холодной войны». На этом основании нас пытаются уверить, что роль НАТО и на новом этапе будет исключительно позитивной и даже служить интересам Советского Союза. Но это несерьезно. Что бы про НАТО сейчас ни говорили, для нас это символ опасного для дела мира конфронтационного прошлого. И мы никогда не согласимся доверить ей ведущую роль в строительстве новой Европы. Я хотел бы, чтобы нас правильно поняли.

Мы предлагаем альтернативу, а именно: а) институционализация европейского развития, создание совершенно новых структур на общеевропейской основе, естественно — с активным участием США и Канады; б) синхронизация политического и разоруженческого процессов с темпом объединения Германии. Во всяком случае их максимальное сближение и увязывание друг с другом. В этом мы видим, кстати, и одну из главных функций механизма «2 + 4».

То, что завтра в Европе будет существовать единое германское государство, это реализация естественного права немецкой нации. Но хотел бы еще раз напомнить немцам, особенно в связи с некоторой эйфорией по итогам недавнего боннского совещания «шестерки»: они не должны забывать, что объединение двух Германий касается

не только их. Оно — на стержневом направлении всего европейского процесса, затрагивает жизненные интересы многих в Европе, в том числе Советского Союза, который больше, чем кто бы то ни было, принес жертв, чтобы с немецкой территории больше никогда не исходила война. Никакие самые, может быть, искренние заверения, сделанные сейчас под горячую руку, не могут заменить прочных международных гарантий навсегда мирного развития и навсегда мирной политики Германии.

И еще одно замечание. Мне кажется иногда, что не все на Западе так уж безмерно рады объединению Германии, как иногда показывают. И даже надеются, что его удастся застопорить нашими руками, чтобы переложить ответственность на нас и поссорить нас с немцами».

*Вестник Министерства иностранных дел СССР.
1990. 30 июня. № 12(70). С. 9–10.*

Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Митгераном⁷³

25 мая 1990 года

*(На встрече присутствовал В.В. Загладин.
Беседа началась во время рабочего завтрака)*

[...] **Ф. МИТТЕРАН.** Действительно, СССР и Франция принадлежат к разным военным союзам, имеют разные системы, которые в ряде областей находятся друг с другом в состоянии конкуренции и даже антагонизма. И мы, и вы испытываем схожие трудности в отношении германской проблемы. Однако мы — союзники немцев, а вы — пока еще нет (*смеется*). Действительно, нашим министрам предстоит непростая работа.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорил на днях Бейкеру, что всем нам, и в том числе немецким руководителям, как нынешним, так и тем, кто возглавит будущую единую Германию, необходимо самым серьезным образом осмыслить проблему объединения. Ведь невозможно добиться подлинных решений, если каждый будет тянуть одеяло на себя.

Бейкер убеждал меня, что, мол, ничего страшного не происходит. Тогда я его спросил: «Будете ли вы возражать, если объединенная Германия изъявит желание вступить не в НАТО, а в Варшавский Договор?». Он сразу сказал, что она добровольно хочет вступить в НАТО. Я вновь повторил свой вопрос, подчеркнув, что говорю не о будущем выборе немцев, а об отношении к последнему со стороны Соединенных Штатов. Тогда Бейкер заявил, что США не согласятся с таким вариантом. На это я сказал: «Вы мне дали хороший аргумент: СССР против членства будущей единой Германии в НАТО». Что же будем делать дальше?

Ф. МИТТЕРАН. В данной ситуации существуют объективные реалии, которые невозможно обойти. Ваша аргументация и ваш вопрос были очень искусны с диалектической точки зрения, в плане умения вести беседу. Но ведь ваш собеседник мог ответить вам, что не зани-

мается политической фантастикой. Действительно, ФРГ — член НАТО, и именно она — если называть вещи своими именами и отбросить дипломатическую оболочку происходящего — поглощает ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но ведь мы не говорим о «поглощении».

Ф. МИТТЕРАН. Но и я никогда не говорю о «поглощении»! Просто сейчас, в беседе с вами, я называю реалии их именами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но есть и другие реалии, о которых нельзя забывать... Советский Союз может почувствовать себя в изоляции и тогда уж, естественно, будет искать из нее выходы...

Ф. МИТТЕРАН. Изоляция — это, скорее, проблема Восточной Германии. ФРГ — мощная экономическая держава с 62-миллионным населением, с собственной армией. Каково будет поведение 17 млн жителей нынешней ГДР? Это, разумеется, очень важная проблема. Но она не является центральной, доминирующей.

Я выдвинул следующее требование: при любом варианте передовые рубежи НАТО — а Франция не участвует в их обороне — не должны выдвигаться в восточную часть будущей единой Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Членство будущей Германии в НАТО может повлечь за собой серьезные нарушения всего стратегического баланса. Нам предлагают только один способ решения проблемы без какой-либо альтернативы...

Ф. МИТТЕРАН. Но могут быть и другие варианты — те, которые обсуждаем мы с вами, которые вы обсуждаете с Бушем, о которых идет речь на международных форумах. Результатом германского единства не может быть изоляция Советского Союза. Франция этого не примет. Так что в этом вопросе надо проявить немного воображения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы мне дали еще один хороший аргумент: всем нам надо проявлять воображение. Однако воображение партнеров, с которыми я беседовал в последнее время, ограничивается только одним вариантом...

Ф. МИТТЕРАН. Надо также изучить проблему мирного договора, мирного урегулирования. Какую цену немцы готовы заплатить за новую систему? Возможно, что и ничего.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но все это не прекращает прав наших держав, возникших в результате Второй мировой войны. В нашем случае эти права опираются на 27 млн погибших и 18 млн искалеченных.

Ф. МИТТЕРАН. Это неоспоримо. Но это история. Сейчас у немцев иные идеи. Они изменились.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну, раз у них иные идеи и вы испытываете к ним полное доверие, то почему же вы так настаиваете на их обязательном членстве в военно-политическом блоке? Пусть тогда будут соблюдены

послевоенные договоренности — Германия должна стать демилитаризованным, демократическим, денацифицированным, свободно развивающимся государством. Поскольку вы им так доверяете, пусть Германия развивается автономно — и по отношению к Востоку, и по отношению к Западу.

Ф. МИТТЕРАН. Конечно, немцы остались немцами, но они уже не те, что были.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но это звучит как противоречие.

Ф. МИТТЕРАН. Я не вижу здесь противоречия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну, скажем, диалектическое противоречие.

Ф. МИТТЕРАН. Если сейчас, например, во Франции провести опрос общественного мнения среди людей моложе 25 лет, половина не скажет, кто такой де Голль. Каждое поколение живет ради самого себя. Поэтому главная задача высших политических руководителей заключается в том, чтобы обеспечить преемственность истории. Но нынешнее поколение более не хочет считать себя связанным грузом прошлого.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы, безусловно, за движение вперед. Но есть такие вещи, которые не могут стать предметом политического торга. Это надо понимать.

Ф. МИТТЕРАН. Надо понимать также то, что ускорение процесса объединения Германии, начавшееся в ноябре прошлого года, опрокинуло высказывавшиеся на этот счет возражения. На встрече в верхах ЕС в ноябре 1989 года Коль даже не осмелился повести речь об объединении. С тех пор прошло немного времени. Но уже в апреле этого года можно было считать, что объединение произошло, по крайней мере в умах.

В декабре 1989 года в Киеве мы с вами обсуждали перспективу германского объединения. Непосредственно после этой встречи состоялось совещание на высшем уровне стран — членов ЕС в Страсбурге. Именно там Коль в первый раз поставил вопрос о немецком единстве. Мы дали на это согласие, оговорив его рядом условий. Прежде всего в том, что касается соблюдения достигнутых договоров, достижения окончательного мирного урегулирования по границам, соблюдения решений СБСЕ. Прошло несколько месяцев — январь, март, апрель, — и канцлер резко ускорил шаг. Ситуация сложилась так, что даже его политические противники скрепя сердце вынуждены были шагать с ним в ногу.

В это время вся немецкая пресса буквально набросилась на меня, обвиняя в том, что я, якобы, ставлю препятствия на пути объединения Германии. Действительно, я не проявлял на этот счет особого энтузи-

азма, но говорил я только об условиях объединения. Я не откликнулся на обращенную ко мне просьбу посетить Берлинскую стену.

Какие возможности имеются у нас, чтобы воздействовать на идущий процесс? Что я мог сделать в то время? Послать бронетанковую дивизию, да еще вооруженную ядерными средствами? Тем более что речь идет о союзной нам стране. Я консультировался тогда с Маргарет Тэтчер. Ее размышления шли в том же направлении, что и мои. Но при этом она была первой, кто направил немцам поздравительную телеграмму после того, как они проголосовали в пользу объединения.

Так что какие у нас имеются средства влияния, исключая, разумеется, угрозы? Нет смысла просто бросать слова на ветер. Надо стремиться к умиротворению конфликтов, а не к их обострению. Я всегда стремился к постепенной ликвидации военных блоков. Однако сейчас намечаются жесткие союзы. Так, между США и ФРГ не существует каких-либо трудностей. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один

25 мая 1990 года

*(На беседе присутствовали с французской стороны
помощник Ф. Миттерана Ж. Аттали, с советской — В.В. Загладин)*

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Сейчас в центре мировых событий — Европа. Так что мы можем продолжить начатый нами за завтраком обмен мнениями по европейским делам, завершить обсуждение германской проблемы и поговорить о перспективах европейского процесса.

Ф. МИТТЕРАН. Согласен. Мне будет просто изложить позицию Франции. У нас хорошие отношения с немцами. Но мы не слепы. Мы никогда не закрывали глаза на то, как они сконцентрировали все усилия на том, чтобы объединение Германии произошло как можно быстрее. Все это время я заявлял следующее: я не ставлю каких-либо предварительных условий для воссоединения, но считаю, что последствия объединения Германии должны стать предметом переговоров на базе соответствующих гарантий. О каких гарантиях идет речь?

Во-первых, встает вопрос о границах. Необходима договоренность относительно их неприкосновенности. Прежде всего эта проблема затрагивает Польшу. Стремясь достичь ясности в этом вопросе, я принял в Париже Ярузельского и Мазовецкого. Мы выступили с ними с согласованной позицией по этому вопросу.

Я всегда говорил Колю, что процесс германского объединения должен обязательно сопровождаться гарантиями по вопросу о границах и что он должен внести ясность в этот вопрос. Но он этого так и не сделал, за исключением разве что нашей последней беседы с ним. Тогда он сказал, что, как бы ни развивались события, два немецких парламента проведут отдельные заседания, чтобы заявить о тех основах, на которых будут вестись переговоры после завершения объединения Германии. Ведь до этого он заявлял примерно следующее: мы вообще не можем ничего сказать до того, как будет достигнуто единство.

Таким образом, он немного «подал назад». Это значит, что в июне соберутся парламент Восточной Германии и парламент Западной Германии и примут соответствующие заявления. Но ясно, что полякам нужно что-то более серьезное. Вот как мне видится нынешняя ситуация.

Во-вторых, существует проблема отношений Германии с Европейскими сообществами. Я не намерен углубляться в этот вопрос — я его только обозначаю. Я всегда считал, что Германия должна пойти на уступки, передать Сообществам часть своих национальных компетенций, чтобы позволить им продвигаться вперед. Другими словами, необходимо пойти дальше «чисто германской воли».

В-третьих, разумеется, встает вопрос об альянсах. Хотелось бы знать, что вы сейчас думаете о будущем НАТО и Варшавского Договора? Мы об этом вкратце уже говорили сегодня за завтраком. Лично я не вижу каких-либо возможностей запретить Германии сделать свой выбор, когда она объединится и полностью обретет свой суверенитет. Это не отвечало бы и Хельсинкским договоренностям.

Другое дело, что от нее необходимо потребовать гарантий — до того, как это произойдет. Я думаю, что после завершения процесса объединения никто не сможет запретить Германии осуществлять свои намерения.

И мы опять возвращаемся к обсуждению вопроса о сохранении присутствия советских войск на Востоке Германии и сохранении западных войск — на западе Германии. Это суть проблемы, но важна и ее форма. Я считаю, что в этой области движение не должно быть слишком быстрым. Уже сейчас настроения общественности внутри Германии по этим проблемам не такие, как были, скажем, накануне парламентских выборов, и мы не можем сказать, какими они будут к концу этого года.

Коль был разочарован результатами выборов в двух землях ФРГ: Нижняя Саксония и Рейнланд-Пфальц. Поэтому он хотел бы ускорить процесс объединения, чтобы воспользоваться на выборах притоком голосов из ГДР. Было бы мудро помешать ему в этом, то есть сделать так, чтобы процесс шел помедленнее. Через какое-то время, когда будут проводиться новые выборы с участием уже всех немцев, ситуация станет яснее, начальный энтузиазм уляжется. Что произойдет затем? Если руководителями будущей Германии станут те же люди, которых мы знаем, то ситуация не изменится. Если же это будут новые люди, ну что же, посмотрим, как нам поступать.

Какими средствами мы располагаем? США — полностью на стороне ФРГ. Они — за немедленное воссоединение. Великобритания занимает более сдержанную позицию. Я даже считаю, что, по существу, она враждебно относится к объединению Германии. Но англичане однозначно высказываются за ее членство в НАТО.

Так что у нас мало средств «в лоб» помешать немцам сделать то, к чему они стремятся. Хотелось бы знать, что вы намереваетесь делать в этой связи.

Далее, существует такой аспект, как различные договоренности, заключенные в Европе. Во-первых, необходимо обеспечить соблюдение правил, согласованных в рамках Хельсинкского процесса. Следует придать больше веса содержанию СБСЕ. Необходим постоянный механизм, чтобы не просто проводить иногда встречи министров иностранных дел, а поставить их на регулярную основу. Необходим постоянный секретариат с конкретными полномочиями. Кстати, США не могут жаловаться на такой подход, потому что они сами являются участниками СБСЕ.

Как я говорил вам за завтраком, необходимо избежать соблазна изолировать Советский Союз, избежать всего, что могло бы создать у него даже впечатление, что к этому кто-то стремится...

Этим я руководствуюсь, намереваясь высказаться за диалог между СССР и «семеркой» в ходе ее встречи в Хьюстоне. Все-таки надо выходить из двублокового состояния Европы; при этом важно обеспечить Советскому Союзу необходимые условия его безопасности с учетом также интересов его внутренней безопасности.

Что я имею в виду? Я прекрасно осознаю, что объединение Германии, ее членство в НАТО создают для вас очень большие проблемы. Я тоже испытываю трудности в этой связи, но иного порядка. Поэтому я подчеркиваю необходимость создания условий безопасности для вас, а также европейской безопасности в целом. Этой целью я руководствовался, в частности выдвигая свою идею создания европейской конфедерации. Она схожа с вашей концепцией строительства общеевропейского дома.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо за детальное изложение, г-н Президент. Думаю, источником нынешней ситуации является то, что сложились вместе два мощных процесса. Во-первых, процесс западноевропейской интеграции с ориентиром прежде всего на создание к концу 1992 года единого рынка.

С другой стороны, возникли импульсы нашей перестройки, родилась идея общеевропейского дома. Сегодня европейцы сильнее, чем раньше, ощутили себя таковыми. И я вижу — я давно это заметил, — что американцы забеспокоились. Причем не как раньше, то есть в основном с точки зрения обострения экономической конкуренции, а с точки зрения опасений за свои позиции в Европе в целом.

Такие опасения у них стали усиливаться, когда они увидели, что европейцы — и на Востоке, и на Западе — от рассуждений об обще-

европейском доме переходят к реальным шагам в этом направлении. Такие опасения у американцев приводят к осложнению ситуации. Возникают взаимные подозрения.

Как мне известно, они подозревают Францию — на Западе и Советский Союз — на Востоке в том, что они подхлестывают эти процессы, чтобы выдворить американцев с континента. Но ведь мы с вами, не говоря уж о публичных выступлениях, никогда, даже с глазу на глаз такого не говорили. Мы не против присутствия американцев в Европе. Я считаю, что оно необходимо. В противном случае у американцев возникнут опасения, а это чревато негативными последствиями. Надо быть реалистом.

Я на этот счет думаю следующее. Если американцы почувствуют себя ущемленными, а тем более, если возникнет реальная угроза некоторого их отстранения, то это приведет в движение силы, могущие поставить препятствия на пути позитивных тенденций в Европе и в мире в целом. При этом я замечая, что сами США ищут таких подходов, которые позволили бы им предотвратить выход европейских процессов за нужные им рамки, не допустить развития их в нежелательном для американцев направлении.

Ф. МИТТЕРАН. Совершенно с вами согласен.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне кажется, что наш друг Коля, с которым у меня хорошие отношения, очень спешит, стремится втянуть нас в идущий процесс. Он может наломать дров. И я солидарен с вашим тезисом о том, что надо действовать без спешки, согласовывать шаги.

Убежден, что в вопросе о сроках спешки быть не должно. Выход из сложившейся ситуации вижу в синхронизации европейского процесса и процесса строительства германского единства. Скорости развития этих процессов на деле уже различные, и вряд ли возможно добиться абсолютной их синхронизации. В международных отношениях это вообще невозможно. Но стремиться к максимальному сближению темпов необходимо, такой подход отвечал бы интересам европейских стран — Польши и даже Великобритании при всей ее специфике.

Американцам же ближе позиция Коля. Им видится, что таким путем они сохраняют НАТО и свое влияние в НАТО. Ранее НАТО была нужна США в военном аспекте как противовес советской военной мощи. Теперь же получается, что НАТО будет закреплять единую Германию в каких-то надежных рамках. Не исключено, что такой подход американцев имеет целью увековечить НАТО.

То, с какой настойчивостью американцы отстаивают тезис о необходимости и полезности НАТО, заставляет меня задаться вопросом:

не думают ли США таким образом создать какой-то механизм, институт, своего рода директорию по управлению мировыми делами? Но это шло бы вразрез с политикой, философией, образом мыслей, которые начинают преобладать у европейцев. Это противоречило бы позитивным тенденциям европейского развития, у истоков которых стояли СССР и Франция.

Как все это совместить, вот проблема. Я не снимал бы с повестки дня вопрос о том, что «четверка» еще не до конца использовала свои права.

Ф. МИТТЕРАН. Коль, пользуясь поддержкой США, намерен завершить дело объединения Германии до конца этого года. Это реальная проблема.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом вопросе есть одно очень важное обстоятельство. Это, повторю, права четырех держав. Пусть будет заключен не мирный договор, а какой-то документ об окончательном мирном урегулировании, подводящий черту под итогами Второй мировой войны, в том числе по германскому вопросу. Это должен быть какой-то международный обязывающий документ, в котором были бы зафиксированы важнейшие элементы. Такое соглашение вошло бы составной частью в фундамент будущей структуры безопасности.

Мне кажется, что пора думать и о новых институтах. Почему бы не поразмышлять о налаживании взаимодействия между Варшавским Договором и НАТО? Надо поискать какие-то формы связей между этими двумя организациями. В частности, уже существует широкое понимание того, что необходим какой-то центр по предотвращению кризисных ситуаций в Европе.

Мы надеемся на то, что НАТО перейдет на иную доктрину, нежели нынешняя. Это с учетом уже осуществляемой в Варшавском Договоре работы в отношении военной доктрины открыло бы надлежащую перспективу политизации двух блоков, налаживания новых взаимоотношений между ними. Если будут вырисовываться какие-то формы взаимодействия и взаимосвязи между двумя военно-политическими группировками, то, может быть, единая Германия могла бы стать каким-то пространством, полем для такого взаимодействия. Тогда единая Германия не принадлежала бы только Варшавскому Договору или только НАТО, а стала бы чем-то, что перекрывалось бы обеими организациями.

Я говорил Бейкеру: нам известна ваша благожелательная позиция в отношении высказывавшегося рядом представителей восточноевропейских стран намерения выйти из Варшавского Договора, чтобы впоследствии вступить в НАТО. Ну, а какова будет реакция США,

если аналогичное желание изъявит СССР? Важно уже сейчас прорабатывать вопросы конкретных форм взаимоотношений двух военно-политических группировок, поскольку от этого будет зависеть политическое лицо будущей Европы.

Поиск новых форм отношений между союзами мог бы осуществляться в контексте разработки политической организации новой Европы. Тогда бы в сочетании с тем, что вы говорили о конкретных мерах и гарантиях, связанных с объединением Германии — о границах, о присутствии иностранных вооруженных сил в Германии, о судьбе международных соглашений, заключенных немецкими государствами с другими странами, о других элементах урегулирования, — договоренности между союзами органически вплелись бы в этот процесс.

Тогда всем стало бы ясно, что мы меняемся, что происходит движение Востока и Запада навстречу друг другу, в частности в Вене; что две военно-политические группировки взаимодействуют между собой по такому ключевому вопросу, как строительство немецкого единства. Этим же задачам отвечали бы и новые формы экономического сотрудничества, в том числе Европейский банк. Этот банк мог бы стать каналом, связывающим страны Запада и Востока.

Ко всему этому могли бы добавиться договоренности о придании встречам на высшем уровне между всеми европейскими странами регулярного характера, о создании постоянно действующего органа, в котором были бы представлены министры иностранных дел. Об этом и вы говорили. Работа в этом направлении послужила бы стимулом к большей интеграции и единству новой Европы, а не к ее разъединению, отвечала бы задачам преодоления появившихся в последнее время взаимных подозрений. Тогда все европейцы, а не только наиболее крупные среди них по-настоящему почувствовали бы себя хозяевами своего континента.

Я считал бы полезным, чтобы на уровне министерств иностранных дел наших стран началось совместное обдумывание реалистических подходов к этим проблемам. Сейчас с разных сторон пытаются подбрасывать «простые» решения, которые на самом деле хранят в себе большие опасности. А ведь речь идет о судьбах Европы, которые, в свою очередь, будут определять судьбы всего мира. Убежден, если говорить о позитивных импульсах мирового развития, то они могут прийти в настоящее время только из Европы. Просто не вижу, откуда еще они могли бы прийти.

Ф. МИТТЕРАН. Согласен, что все это может стать предметом конструктивных обсуждений между нами.

Сейчас реальная трудность связана с вопросом о членстве объединенной Германии в НАТО. США, а также руководители двух Германий, хотели бы решить его как можно быстрее и, естественно, в пользу такого членства.

Другое дело, что думает об этом все немецкое население, простые немцы. Разумеется, эти вопросы будут решаться между самими немцами, но какой вариант могли бы предложить им вы?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Присутствие будущей единой Германии одновременно в обоих блоках.

Ф. МИТТЕРАН. Не думаю, чтобы это предложение, в общем-то умное, было бы принято. При этом напомним, что лично я выступаю за постепенную ликвидацию военных блоков.

Складывается впечатление, что вопрос о членстве будущей Германии в НАТО будет увязываться с ходом переговоров по разоружению. Если говорить конкретно, то будете ли вы делать такую увязку в отношении Венских переговоров? Вы же не будете отказываться от таких своих козырей, как переговоры по разоружению. По крайней мере до того, как получите ответ по данному аспекту германского урегулирования. Другими словами, будете ли вы тормозить ход разоруженческих переговоров в зависимости от хода германских дел?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это может быть одним из тех последствий, о которых я говорил.

Ф. МИТТЕРАН. Я не испытываю ни малейшего сомнения относительно решимости ФРГ и поддерживающих ее США в том, что касается вопроса о НАТО. Видимо, вы будете говорить об этом на предстоящей встрече с Президентом Бушем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Обязательно. На эту тему мы долго говорили с Бейкером. Я просил его подробно передать американскому Президенту мои соображения. Пусть он считает, сказал я, что это ему «домашнее задание» накануне нашей встречи. Я подчеркивал в беседе с госсекретарем, что мы оказываемся в странном положении, когда от нас требуют действий в зависимости от того, что хочет и чего не хочет Буш или Коль.

Ф. МИТТЕРАН. Я не пессимист. Но думаю, что Буш будет чрезвычайно удивлен, когда вы сообщите ему о своем предложении. Он к этому не готов. Идея принадлежности Германии к двум блокам покажется ему несколько несуразной. С одной стороны, она дает Германии необычайно сильные позиции, с другой — сами же немцы от нее откажутся.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На это можно сказать, что так видятся вещи из Вашингтона, в то время как у европейцев свои взгляды...

Ф. МИТТЕРАН. Я обратил внимание на то, что вы сказали относительно мирного договора или мирного урегулирования, в котором были бы определены все необходимые условия для европейской безопасности, а также для безопасности СССР. Мне представляется, что такой подход был бы лучше понят, нежели предложение об одновременном членстве Германии в двух союзах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну что ж, это один из вариантов, который можно обсуждать. Наши с вами отношения таковы, что такого рода вопросы мы можем обсуждать в спокойной обстановке. Почему бы ни подумать и о таком варианте: объединенная Германия входит в политическую организацию НАТО, но не входит в ее военные структуры, как Франция.

Ф. МИТТЕРАН. Я не возражаю, но это будет зависеть от самих немцев. Лично я не вижу в этом для себя никаких неудобств.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В наше время политику мало не возражать, надо и предлагать. А мнение французского Президента сегодня очень весомо.

Ф. МИТТЕРАН. Я много размышляю над вопросом о закреплении обязательства Германии не владеть ядерным оружием. Все прочие проблемы имеют меньшее значение.

В начале июля я буду участвовать в работе сессии Совета НАТО. Там будут обсуждаться политические вопросы. Я не участвую в мероприятиях, когда речь идет о военной проблематике. Это связано с известным вам неучастием Франции в военной организации НАТО. В ходе совместной с Бушем пресс-конференции во Флориде 19 апреля я счел необходимым подчеркнуть, что не может быть речи о том, чтобы Франция повысила степень своей вовлеченности в НАТО.

Итак, как я буду строить свое выступление перед участниками сессии НАТО? К тому времени вы уже изложите Бушу ваше предложение об одновременном членстве Германии в двух союзах. Я, как любой человек, могу ошибаться, но, насколько я знаю своих союзников по НАТО, не может быть ни малейшего шанса, чтобы они согласились на такое предложение.

Знаете, кем, пожалуй, ваше предложение будет лучше всего воспринято? Самими немцами. Я имею в виду общественность, а не «штабы». Дело в том, что немецкое общественное мнение испытывает чувство неуверенности. Оно бы предпочло вообще не участвовать в системе союзов. Немецкая общественность уже получила объединение; сейчас на повестке дня выравнивание уровней развития частей будущей Германии. Немцы вообще опасаются ядерного оружия, и они были бы рады, если бы его убрали с их территории. Так что немецкое

общественное мнение могло бы присоединиться к вашему предложению, но об этом реально можно говорить только через год. Потому что до этого срока с немецким общественным мнением особо считаться не будут.

По моей просьбе Аттали ездил в США, где встречался с американскими военными, в частности со Скоукрофтом.

Ж. АТТАЛИ. Нет ни малейшего сомнения в той важности, которую США придают членству Германии в НАТО. Они видят в этом важное условие сохранения своего присутствия на европейском континенте.

Ф. МИТТЕРАН. Так что американцы и немцы, которым и предстоит решать эту проблему, отнесутся к вашему предложению негативно. А после того как Германия обретет полный суверенитет, мы вообще ничего не сможем им сказать. Немцы заявят: «Мы имеем такое же право, как и другие, распоряжаться своей судьбой». Это произойдет очень скоро — через восемь месяцев или через год. К этому времени все уже свершится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Видимо, вы правы.

Ф. МИТТЕРАН. Можно заранее представить реакцию и других партнеров по НАТО. Например, Великобритания, которая занимает осторожную и, в сущности, враждебную позицию по отношению к германскому процессу, более, чем кто-либо другой из европейцев, привержена идее сохранения Германии в НАТО. Таким образом, на Англию я рассчитывать не могу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы можете рассчитывать на меня. Даже если вы не примите предложение действовать вместе, я все равно выскажу свою точку зрения.

Ф. МИТТЕРАН. Но вы не являетесь членом НАТО. Поймите меня правильно. *(Смеется.)* Франция же не может допустить, чтобы она оказалась в Атлантическом союзе где-то на обочине. Я тоже не доволен всем тем, что касается развития германских дел. Я могу говорить на эту тему с Бушем, с которым у меня хорошие отношения, но не об участии Германии в союзах. В вопросе об альянсах мою позицию можно назвать контрастнопатальной.

Я говорил следующее: нельзя предпринимать ничего, что могло бы не только изолировать СССР, но и создать у него ощущение, что его пытаются изолировать. Я подчеркиваю, что в конце концов вопрос о членстве Германии в НАТО не является архисрочным. Тем более, что ФРГ уже входит в НАТО. Пусть процессы идут так, как они идут. А тем временем будет работать группа «4 + 2», будет решаться вопрос о мирном урегулировании, будет усиливаться СБСЕ, потом будет видно. Но мои собеседники не очень-то к этому прислушиваются.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Немцы постоянно стучатся в дверь к нам, подают сигналы.

Ф. МИТТЕРАН. Интересно, чего же они добиваются от вас?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Они хотят, чтобы я поддержал процесс объединения до конца, в том числе в вопросе о сроках. Но ведь мы же с вами говорили, что мы не против германского объединения.

Ф. МИТТЕРАН. Я ни за, ни против. Этот вопрос решают сами немцы. Есть иные аспекты, которые зависят не только от них, но и от группы «4 + 2», а также от европейских сообществ.

Но немцы стремятся стать стопроцентными хозяевами своей политики. Им хотелось бы избавиться от опеки «4 + 2». Может получиться следующее: они дадут какие-то обещания полякам, наметят урегулирование берлинского вопроса и затем заявят группе «4 + 2»: «Здесь делать больше нечего, уходите». Такое поведение можно назвать рефлексом силы.

Поэтому я задаю вопрос: какими средствами мы обладаем, чтобы направить этот процесс иным образом?

Аргументация о границах воспринимается всеми. Не только Польшей, но и Данией, Бельгией, Великобританией, Италией, Францией и т. д. Это, конечно же, позитивный элемент. Когда речь заходит о роли СБСЕ, то все ее поддерживают. Сложнее обстоит с вопросом о недопущении изоляции СССР. Когда я выдвинул идею европейской конфедерации, мне как-то задали вопрос: «Вы, разумеется, не включаете конфедерацию СССР?». Я ответил: «Конечно же, я включаю». Более того, именно в этом состоит смысл моей идеи. На этот счет я имею поддержку, например, тех стран, которые я упомянул.

Что же касается вопроса о членстве Германии в НАТО, то я готов оказать помощь, но считаю, что ключ находится у вас. Что я могу сделать? Послать туда дивизию?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нам проще: наши дивизии уже находятся там (смех).

Причем они находятся там на законном основании. И если они будут оттуда выводиться, то надо обеспечить, чтобы это тоже делалось законным образом.

Ф. МИТТЕРАН. Вы упомянули вопрос о статусе невключения Германии в военные структуры. Это ключевой момент.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я постоянно «гоняю» эту мысль. Вы первый, с кем я поделился ею.

Ф. МИТТЕРАН. Благодарю вас. У нас с вами разные обязательства. Но у нас общие цели. Мы должны обеспечить европейскую безопасность, и не против кого-то, а вместе со всеми. Разумеется, речь

не идет о том, чтобы мы с вами объединились против немцев. Хотя, может быть, я и неосторожно выскажусь: мне с вами спокойнее, нежели с ними.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Коль стучится в дверь, напрашивается. Это понятно — он хочет, чтобы мы не создавали ему помех. Он понимает, что мы можем воздействовать на идущий процесс, хотя ему и кажется, что этот процесс никто не остановит.

Ф. МИТТЕРАН. Конечно, у вас есть определенные возможности воздействовать на развитие событий, при том понимании, что мы не можем его остановить. В этой связи особое значение приобретает вопрос о сроках. Вы высказали очень важную мысль относительно синхронизации.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Конечно, речь не идет об абсолютной синхронизации. Важно вести дело к этому, добиваться взаимозависимости процессов...

Ф. МИТТЕРАН. Дело в том, что я не умею говорить «нет». Даже немцам. Пожалуй, не выдам вам особого секрета, если скажу, что не раз как публично, так и в закрытом порядке мне подбрасывали мысль о передаче немцам какой-то части контроля над нашими ядерными стратегическими средствами. Сколько бы раз это ни повторялось, каждый раз я говорил «нет». Я не говорю «нет», если знаю, что на следующем этапе мне придется сказать «да». Если я скажу «нет» в вопросе о принадлежности Германии к НАТО, то окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня ситуация сложнее. В обществе у нас широко распространено отрицательное отношение к участию Германии в НАТО.

Ф. МИТТЕРАН. Я понимаю вашу озабоченность. У нас тоже общественность испытывает ощущение крадущегося беспокойства.

Уже 45 лет люди живут в рамках системы различных союзов. У них выработались как бы условные рефлексы. Поэтому любая новизна вызывает беспокойство. Например, де Голль у многих вызывал беспокойство.

Я постоянно повторяю: европейская безопасность невозможна без СССР. Не потому, что СССР — противник, имеющий мощную армию, а потому, что он наш партнер. Это в наших интересах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Один раз мы уже упустили шанс быть вместе. Важно не допускать больших ошибок на этот счет. Новые ошибки могут иметь непоправимые последствия.

Ф. МИТТЕРАН. Понимаю вас. К 1939 году английские и французские дипломаты накопили много ошибок. Они создали у Москвы

ощущение беспокойства. В результате Сталину пришлось делать выбор между двумя беспокоящими вариантами вместо того, чтобы выбирать между гарантиями спокойствия и беспокойством. Это имело драматические последствия.

Независимо от того, какой строй существует в СССР, мы должны быть друзьями. А теперь, когда ваша страна демократизируется, мы видим еще одну причину, чтобы идти навстречу друг другу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, мы явно сближаемся.

Ф. МИТТЕРАН. В настоящее время вы оказались заблокированными, поставив задачу невхождения будущей Германии в НАТО. Если разговор окажется невозможным, немцы и их партнеры по НАТО могут выбрать простой вариант — принять решение о ее членстве в НАТО.

Я осознаю, насколько деликатна эта область столкновения интересов. Поэтому я все время говорил партнерам по НАТО: примите обязательство о невыдвигении боевых порядков НАТО с нынешней территории ФРГ в Восточную Германию. Руководствуясь этими же соображениями, я был сторонником сокращения числа ракет меньшей дальности. В начале 1988 года, когда во Франции было правительство Ширака, я выступил против модернизации ракет «Лэнс». Несколько недель назад Буш выступил с заявлением, в котором по сути дела, содержалось признание правильности моих тезисов

Вы видите, что я готов содействовать умиротворению возникающих конфликтных ситуаций. Однако, что касается обсуждавшегося нами конкретного вопроса, я просто не вижу, как вы можете добиться своего. Вы можете ужесточить свою позицию. Но такой подход станет источником дестабилизации в Европе. По всем остальным вопросам как-то договориться можно. Но вопрос о членстве в НАТО стоит особняком. Даже если вы добьетесь от немцев уступок, то они будут касаться не существа, а процедуры. Например, вашим войскам разрешат оставаться там полтора, может быть, три—четыре года. Но потом им скажут: уходите. Так что в принципиальном плане немцы не пойдут на ваше предложение. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из второй беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем⁷⁴

Вашингтон, Белый дом, 31 мая 1990 года

*(На встрече присутствовали с советской стороны
С.Ф. Ахромеев, А.Ф. Добрынин, В.М. Фалин, А.С. Черняев,
Э.А. Шеварднадзе; с американской стороны — Дж. Бейкер,
Б. Скоукрофт и другие официальные лица)*

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Если бы мы раньше не установили личный контакт, не было бы опыта сотрудничества у наших министров и, главное, не состоялась бы Мальта, то, уверен, наши страны оказались не подготовленными к событиям в Восточной Европе, и особенно в Германии. А значит, могли бы быть совершены большие ошибки. Ведь достаточно одной спички, чтобы в периоды напряженности вспыхнул костер.

Теперь же можем констатировать, что острый период кардинальных перемен протекал в принципе спокойно, хотя сами изменения приобретали порой весьма острые формы и в Восточной Европе, и в Советском Союзе.

Хочу предложить вам в этой связи сразу же рассмотреть в едином комплексе картину меняющейся Европы и процессы, запущенные объединением Германии. Ведь это настолько связано, что нельзя оторвать одно от другого...

Я считаю реальным нахождение такого варианта решения внешних аспектов объединения Германии, который не только не препятствовал бы, но, наоборот, поощрял позитивные тенденции в советско-американском диалоге, в Европе, как и во всем мире. Варианта, который имел бы протяженность во времени и был бы синхронизирован с европейскими процессами. Тогда, пройдя через переходный период, мы вышли бы на новые структуры отношений в Европе, включая и отношения в сфере безопасности.

В течение такого периода необходимо было бы быстро изменить природу противостоящих блоков — перевести их в русло взаимодействия, трансформировать из военных в преимущественно политиче-

ские организации. Такую позитивную направленность скрепило бы, на наш взгляд, какое-то соглашение или соглашения между ОВД и НАТО.

Параллельно вы бы проявили инициативу в целях реформы доктрины НАТО, а Советский Союз привел бы в соответствие со своей новой оборонительной доктриной конкретику военных построений. Развивались бы обмены между штабами, мы бы совместно рассмотрели уровни вооруженных сил будущей объединенной Германии. Одновременно были бы поставлены и более общие вопросы, связанные с взаимодействием структур безопасности СССР и США.

Наконец, такой творческий подход инспирировал бы и новые варианты обеспечения безопасности объединенной Германии — скажем, опирающейся на две опоры — не только на Западе, но и на Востоке. В порядке гипотезы предположу, что это могла бы быть какая-то форма ассоциированного членства.

Должен признать, что мысли, которыми поделился с нами государственный секретарь в Москве, дали толчок и нашему творчеству, для которого характерен поиск взаимовыгодных продолжений. Надеюсь, что и вы не обманете наши ожидания и предложите что-нибудь новенькое. Ведь если мы с вами договоримся, то, уверен, немцы с нами согласятся.

Дж. БУШ. Спасибо за ваши разъяснения. Как я понимаю, у нас в германском вопросе имеются фундаментальные расхождения. Возможно, его истоки коренятся в разном историческом наследии СССР и США. Ваша озабоченность, недоверие в отношении намерений объединенной Германии слишком глубоки, игнорируют 50-летний опыт демократии на немецкой земле.

Вместе с тем ваши опасения можно понять. Мы тоже сражались с Гитлером, но американские жертвы не идут в сравнение с 27 млн русских жизней, принесенных в жертву вооруженной борьбе с нацистской Германией.

И все же, как мне кажется, наш подход к Германии более перспективен и лучше просчитан во времени. Ведь процессы объединения разворачиваются быстрее, чем кто-либо из нас мог себе представить, и нет силы, которая может их затормозить. Поэтому подозрительность, обращенная в прошлое, здесь особенно плохой советчик.

Мне кажется, наш подход к Германии как к близкому другу более прагматичен и конструктивен, хотя, скажу откровенно, его разделяют далеко не все и на Западе. Некоторые западные европейцы так же, как и вы, не доверяют ни ФРГ, ни немцам в целом. Однако все мы на Западе едины в одном: главная опасность в том, чтобы выделить Герма-

нию из сообщества демократических стран, навязать ей какой-то особый статус и унижительные условия существования. Как раз такое развитие событий могло бы привести к возрождению немецкого милитаризма и реваншизма, чего вы опасаетесь.

Видимо, не забывая о тех нарушениях прав человека, которые имели место в нацистской Германии, надо в то же время учитывать и ее последний демократический опыт, исходить из того, что немцы заслужили достойное и равное место в семье демократических государств.

Таким образом, суммируя, хочу сказать, что мы подходим к Германии с разных позиций, хотя изменения, как вы правильно заметили, меняют лик и Советского Союза, и Соединенных Штатов, вступая в противоречие с устоявшимися стереотипами.

Конечно, у нас нет магического кристалла, и мы не можем прорицать будущее, однако, насколько можно себе представить ближайшую перспективу, самое большое зло — это выделение единой Германии в особую категорию. Тут с нами согласны не только западные европейцы, но и большинство стран Восточной Европы. При этом объединенная Германия не должна быть ничьим врагом, и процесс ее встраивания в новую Европу предполагает самое тесное участие СССР, справедливый учет интересов вашей страны.

И еще об одном вопросе. Думаю, вы все-таки согласитесь, что какое-то американское присутствие в Европе необходимо, хотя некоторые люди в самих США придерживаются иной точки зрения, жалуются на непропорционально большое бремя по защите и экономическому обеспечению Европы, которая выпала на долю американцев. Так вот, если исходить из преобладающего у нас убеждения, то политическое, экономическое и военное участие США в европейской судьбе незаменимо для безопасности и стабильности всего Старого света.

Порой меня спрашивают — и это вопрос не без подвоха, — кто же враг Америки в новой неузнаваемо изменившейся Европе? И я с убежденностью отвечаю: неопределенность, нестабильность, непредсказуемость. Как бы это ни было трудно, но я хочу вас заверить, что американское присутствие в Европе ни в коей мере не угрожает интересам Советского Союза. Более того, сегодня наше присутствие там — гарантия стабильности.

Конечно, мы действуем в условиях демократии, и, если новое поколение немцев решит так, мы уйдем из Германии. Но сейчас, повторяю, настроения совсем иные. На эти настроения работают и традиции НАТО, многие статьи Североатлантического договора. С учетом всего сказанного я еще раз призываю вас перебороть страх

перед единой Германией, оставить прошлое позади. На этом пути вы встретите в нас надежных партнеров, и мы вместе сможем показать остальному миру, что поднялись над эгоистическими интересами, работаем ради всеобщего блага.

Понимаю, что вы, возможно, не найдете в моих словах ничего нового. Но поверьте, это искреннее убеждение, и если я не прав, то прошу вас не колеблясь указать на мои ошибки. Добавлю лишь, что стараюсь не торопиться с выводами и тем более не проявлять поспешности или политической экстравагантности в поступках. Помнится, когда рухнула Берлинская стена, мой политический оппонент упрекал меня в робости, в том, что я недостаточно энергично приветствовал это событие. Однако я принял во внимание ваш призыв проявлять осмотрительность, действовать деликатно, учитывая хрупкость новых процессов в Европе и в Советском Союзе.

Что же касается моего критика, то я сказал, что не намерен, как мальчишка, танцевать на обломках Берлинской стены.

Поверьте, не мы толкаем Германию к объединению и не мы определяем темпы этого процесса. И уж, конечно, у нас и в мыслях нет нанести какой-то вред Советскому Союзу. Поэтому мы выступаем за членство объединенной Германии в НАТО, не игнорируя и более широкий контекст СБСЕ, учитывая традиционные экономические связи двух германских государств. Такой вариант отвечает, на наш взгляд, и советским интересам. Так что прошу указать мне, в чем я не прав.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прежде всего думаю, что понял основной источник вашей обеспокоенности. Вы считаете присутствие США в Европе фактором стабильности и обеспокоены перспективами его сохранения. Что ж, я уже говорил, что сейчас американское присутствие в Европе даже необходимо (а что будет потом, покажет жизнь). При этом я говорю именно о военном присутствии, поскольку экономическое и политическое участие США в европейских делах — это бесспорная константа.

Европа — естественный центр мировой политики, и если допустить здесь перекосы, то последствия скажутся на всем мире. Советско-американское же сотрудничество — одна из опор, на которых стоит европейское политическое пространство. Поэтому мы за учет ваших интересов, а значит — за американское присутствие в Европе.

Но вы допускаете методологический просчет, когда связываете свое присутствие только с НАТО, и опасаетесь, что выход ФРГ из Североатлантического союза будет началом его конца, а значит, и началом конца вашего военного присутствия на континенте. Я с этим выводом не согласен, но озабоченность понимаю. Особенно примени-

тельно к сегодняшним реалиям, когда без НАТО, возможно, в любом случае не обойтись.

Вижу и ваши попытки изменить функции НАТО, попробовать вовлечь в эту организацию новых членов. Если курс на трансформацию союза, на его политическую диффузию в общеевропейском процессе серьезен, то это, конечно, совсем иное дело. Но тогда встает вопрос о превращении НАТО в подлинно открытую организацию, дверь в которую не была бы затворена ни для одного государства. Тогда, пожалуй, и мы могли бы подумать о членстве в НАТО. Теперь же для такого радикального вывода, честно говоря, маловато фактов.

Теперь на другую тему. Вас чрезвычайно беспокоит самочувствие объединенной Германии, по которому вы вычисляете и здоровье НАТО. Беспокоит настолько, что вы забываете о самочувствии и интересах Советского Союза. А это, в свою очередь, никак не помогает ни стабильности, ни предсказуемости.

Вместо того чтобы заикливаться на членстве будущей объединенной Германии в НАТО, давайте лучше подумаем о том, как сблизить все еще разделяющие Европу военно-политические блоки. Скажем, почему отвергать с порога членство ФРГ одновременно в НАТО и в Варшавском Договоре? Такое двойное членство могло бы стать связующим элементом, своего рода предтечей новых европейских структур, а заодно закрепило бы и НАТО.

В практическом плане объединенная Германия могла бы заявить, что будет соблюдать все обязательства, унаследованные как от ФРГ, так и от ГДР. Что бундесвер по-прежнему подчиняется НАТО, а войска в ГДР — правительству новой Германии. Одновременно на территории нынешней ГДР в течение переходного периода оставались бы советские войска, и все это могло бы быть дополнено каким-то соглашением между ОВД и НАТО. Таким образом, мы снимем озабоченность многих стран и подстегнем создание будущих структур европейской безопасности.

Не обязательно добиваться всего сразу. Тут возможен и поэтапный подход. Скажем, мы приветствовали бы изменение доктрин НАТО уже на ближайшем заседании этого блока.

Возникает естественный вопрос: если НАТО не с нами собирается воевать, то с кем? Уж не с Германией ли?

Дж. БУШ. Я же говорил — с нестабильностью.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Неужели вы думаете, что чем больше оружия, тем устойчивее стабильность. Казалось бы, прошедшие десятилетия должны были убедить вас, каким тяжелым грузом ложатся на плечи народов гонка вооружений, конфронтация.

Ну, да мы с вами, как говорится, «погоняли» мысль — пусть теперь наши министры поищут конкретные варианты решения внешне-политических вопросов объединения Германии. Поищут с учетом прогресса в рамках «2 + 4», при сохранении наших прав по итогам войны. С этими правами никому не советую шутить — они окончатся лишь на завершающем этапе всеобщего урегулирования.

Одна из перспективных для поисков областей — обсуждение содержания переходного периода: чем его наполнить, какими структурами, как менять союзы и какие выработать общие документы.

В этой связи готов публично подписаться под следующим обязательством: если хоть в какой-то момент переходного периода у США появится ощущение, что Советский Союз пытается ущемить их интересы, то Вашингтон получает безоговорочное право на выход из договоренности и на соответствующие односторонние действия.

Но мы такого никогда не допустим. Ведь это противоречило бы нашим собственным интересам.

Дж. БУШ. Очень хорошо. Принимаю это ваше заявление к сведению. Однако хотелось бы исправить одно неверное впечатление. Я отнюдь не думаю, что чем больше оружия, тем больше стабильности. Напротив, США стремятся к скорейшему соглашению в Вене и немедленному переходу к еще более глубоким сокращениям в рамках Вены-2. При этом, разумеется, готовы учитывать законные интересы Советского Союза.

Может быть, мне не стоило бы это говорить, но я думаю, что неправильно проводить параллели между выводом советских войск из стран, которые в них больше не нуждаются, и перспективой сокращения американского военного присутствия, которое приветствуется практически всеми европейцами и является фактором стабильности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Здесь мы сможем договориться. Но нужно ясно представлять себе, что если у советских людей сложится впечатление, что с нами в германском вопросе не считаются, то все позитивные процессы в Европе, включая переговоры в Вене, окажутся под серьезной угрозой. Это не блеф. Просто народ заставит нас остановиться и осмотреться. А мне бы этого очень не хотелось. Я хочу двигать советско-американский диалог, добиваться скорейшего достижения договоренностей в Вене и на других форумах.

В этой связи очень важно, чтобы мы добились здесь, в Вашингтоне, четкого понимания. Иначе все осложнится, а для этого нет никаких объективных показаний.

Более того, возможна и дополнительная гибкость, конечно, если она исходит с обеих сторон. Скажем, я помню, как государственный

секретарь давал мне понять в Москве, что не прочь возвратиться к нашему старому предложению — об ограничении уровня советских и американских войск не 195 тыс., а 225. Что же, об этом можно подумать.

Дж. БЕЙКЕР. Хочу воспользоваться возможностью, чтобы подчеркнуть главную мысль: мы стараемся во всей полноте учитывать интересы Советского Союза, и об этом наглядно говорят те девять пунктов, которые я излагал в Москве. Напомню вкратце их содержание.

Мы пошли на поддержку создания общеевропейских структур, чего раньше избегали.

Провозгласили адаптацию НАТО к новым условиям за счет укрепления ее политического компонента.

Стараемся как можно быстрее двигаться в направлении ограничения вооруженных сил, включая бундесвер. Разумеется, для этого требуется самый тесный контакт и доверие немцев.

Заверили Советский Союз, что в ГДР в течение ограниченного периода не будет никаких натовских войск.

Готовы на протяжении короткого периода времени допустить пребывание советских войск на территории ГДР. Президент имеет в виду позднее обсудить этот вопрос с вами несколько подробнее.

Мы придали новый импульс обсуждению проблемы тактического ядерного оружия в Европе.

Уже теперь мы стараемся обеспечить окончательное и устраивающее всех решение по границам.

У нас с немцами достигнуто понимание относительно обязательства будущей Германии отказаться от обладания ядерным, химическим и бактериологическим оружием.

США стараются создать благоприятные политические условия для дальнейшего развития советско-немецких экономических связей.

Все это однозначно направлено на обеспечение законных интересов Советского Союза.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Мы с государственным секретарем готовы поработать по всем этим вопросам. Однако центральный вопрос военно-политического статуса будущей Германии требует решения на уровне президентов.

Необходимо определиться и с содержанием переходного периода, в течение которого сохранялась бы ответственность объединенной Германии и перед НАТО, и перед ОВД. И это отнюдь не химера, ведь параллельно будут идти сближение двух блоков, демонтироваться военное противостояние и закладываться основа для коллективной безопасности в Европе.

Дж. БУШ. НАТО — это якорь стабильности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но два якоря надежнее. Вы как моряк должны это понимать.

Дж. БУШ. А где мы найдем второй якорь?

М.С. ГОРБАЧЕВ. На Востоке. Какой конкретно — пусть обмозгуют наши министры.

Дж. БУШ. Да, пусть подумают. Но нужно учитывать необычайный темп объединения Германии. После успешного завершения согласования в рамках «2 + 4» рукой подать до новой Германии.

А опереться в этот момент можно будет только на НАТО. Конечно, обсудить расширение роли процесса СБСЕ стоит, но я вам честно скажу, что он слишком громоздок, чтобы рассчитывать на быстрый и конкретный результат.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы не исключаем никаких вариантов. Возможно, НАТО и ОВД сохранятся в какой-то форме в течение более долгого времени, чем это сейчас можно представить. Тогда они, как я уже говорил, могли бы заключить соглашение, учитывающее создание единой Германии, а также метаморфозы собственных организаций. Опять-таки существовала бы возможность перекрестного членства ОВД и НАТО. Ведь если мы хотим навсегда покончить с расколом континента, то и военно-политические структуры нужно привести в соответствие с объединительными тенденциями общеевропейского процесса.

Сегодня это, может быть, звучит неожиданно, но мы вступаем в абсолютно новый период европейской политики. К тому же, Вторая мировая война уже засвидетельствовала рождение весьма необычной коалиции, объединенной общей благородной целью. Разве мы глупее Сталина и Рузвельта?

Дж. БУШ. Надо учиться и на их ошибках.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Так давайте же создадим новую свободную коалицию, изменим доктрины и институты, утвердив примат политики над военными структурами.

Дж. БЕЙКЕР. Как вам практически видится сосуществование новой НАТО и нового Варшавского Договора?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сначала — конкретное соглашение между блоками, из которого вырастут многочисленные обмены, создание совместных органов по укреплению доверия, предотвращению кризисных ситуаций.

Эти процессы станут хорошим подспорьем и для венских договоренностей, обеспечат их политической страховкой.

Если же поступить иначе, включить мощную объединенную Германию в один союз, то сразу же возникнет дисбаланс, перед нами встанут вопросы, на которые никто не сможет найти ответ.

Дж. БУШ. Вы согласны с нашим исходным тезисом, что объединенную Германию нельзя ставить в особое положение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Соглашусь, если вы примете ассоциативное участие, принцип сближения блоков при посредничестве объединенной Германии, то есть положение, не меняющее нынешних обязательств ни ФРГ, ни ГДР, а за этим, естественно, последует и реформа самих блоков, в органической увязке с венским и общеевропейским процессом.

Страшные жертвы, которые мы понесли в ходе Второй мировой войны, — это тоже психологическая и политическая реальность сегодняшнего дня. И никто — не мы и не вы — не может ее не учитывать.

Дж. БУШ. И все же мне трудно вас понять. Может быть, потому, что я не испытываю страха перед ФРГ, не вижу в этой демократической стране агрессивной державы. Если вы не поломаете свой психологический стереотип, нам будет трудно договориться. А договоренность возможна, ведь и мы, и Коль хотим сотрудничать с вами во всех областях.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Тут не должно быть неясности. Мы никого не боимся — ни США, ни ФРГ. Просто мы видим необходимость изменения отношений, ломку негативной и создания конструктивной модели. Это наш свободный выбор.

Я надеюсь, что из присутствующих никто не верит в такую чепуху, будто какая-то из сторон победила в «холодной войне». Подобные мысли скользят по поверхности, хватывая лишь верхушку айсберга. Вывод должен быть совсем иным: 50 лет конфронтации доказали ее абсурдность, то, что она ведет лишь к самоуничтожению.

Теперь о доверии. Вы утверждаете, что мы не доверяем немцам. Но почему же тогда мы дали добро их стремлению к объединению? Зажечь красный свет мы могли — механизмы у нас были. Однако мы предоставили им возможность делать свой выбор демократическим путем. Вы же говорите, что доверяете ФРГ, а тянете ее в НАТО, не позволяете самой определить свою судьбу после окончательного урегулирования. Пусть она сама решает, в каком союзе ей состоять.

Дж. БУШ. Я с этим полностью согласен. Но ведь немцы уже достаточно ясно определили свой выбор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нет. Это вы стремитесь поставить их под свой контроль.

Дж. БУШ. Если Германия не захочет оставаться в НАТО, ее право выбрать иную участь. Так говорится и в Заключительном акте Хельсинки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Давайте тогда сделаем публичное заявление по итогам наших переговоров, что Президент США согласился, что

суверенная объединенная Германия сама решит, какой военно-политический статус ей избрать — членство в НАТО, нейтралитет или что-то иное.

Дж. БУШ. Выбирать союз — право каждой суверенной страны. Если правительство ФРГ — я рассуждаю чисто гипотетически — не захочет оставаться в НАТО, даже предложит нашим войскам убраться, мы примем этот выбор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Значит, так и сформулируем: Соединенные Штаты и Советский Союз за то, чтобы объединенная Германия по достижении окончательного урегулирования, учитывающего итоги Второй мировой войны, сама решила, членом какого союза ей состоять.

Дж. БУШ. Я бы предложил несколько иную редакцию: США однозначно выступает за членство объединенной Германии в НАТО, однако, если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен. Беру вашу формулировку.

Дж. БУШ. Может быть, пусть все-таки наши министры обсудят эту проблему поподробнее.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я только за, но пусть обсудят и включение такой формулировки в какой-то итоговый документ, и наши идеи о переходном периоде.

Дж. БЕЙКЕР. Как ни говорите, но одновременные обязательства одной и той же страны перед ОВД и НАТО отдают шизофренией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Только для финансиста, который складывает центы в доллары. А политика — это порой поиск возможного в сфере непривычного.

Дж. БЕЙКЕР. Но ведь обязательства перед ОВД и перед НАТО — это соперничающие обязательства.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вот-вот, это уже теплее. Вы повели речь о соперничестве, а оно потянет за собой противостояние. Значит, ничего не меняется. И втягивая объединенную Германию в один блок, вы резко ломаете баланс. Тогда и нам придется решать, что делать в новой обстановке — продолжать ли сидеть в Вене и т. д.

Давайте все же откажемся от конфронтационной логики и будем искать конструктивный выход.

В.М. ФАЛИН. Хотел бы уточнить один момент. Мы ведем речь о замене временных структур, хотя они и просуществовали около 50 лет, на постоянные, в которых Советский Союз и США смогут объединиться на всю обозримую перспективу. Вы сами говорили, что ФРГ в будущем может поставить вопрос и о выходе из НАТО. Поэтому нам с вами неплохо бы подумать о будущем, просчитать грядущую

структуру безопасности. Гарантию здесь даст лишь общеевропейская система, в которую на равных со всеми условиями вольется и объединенная Германия.

Если мы с вами будем объединены пониманием общей конечной цели, то договоримся и по переходному периоду. Главное — отказаться от военного противостояния, понять, что безопасность в Европе неделима. В этом смысле объединение Германии должно стать концом раскола Европы в сфере безопасности, а не увековечиванием его.

Дж. БУШ. Как быть с публичным заявлением?

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Я бы здесь не торопился, вел себя осторожно с учетом хрупкости нынешнего прогресса и в рамках «2 + 4», и в плане подготовки общеевропейской встречи в верхах, и под углом Венской договоренности.

Дж. БУШ. Что же мы все-таки скажем, если нас спросят об итогах этого обсуждения?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ответим, что все это заседание в расширенном составе посвятили рассмотрению ситуации в Европе, в том числе под углом урегулирования внешних аспектов объединения Германии. Договорились на основе этого обмена мнениями, что министры иностранных дел и эксперты продолжат проработку поднятых вопросов.

А если нас спросят, сблизилась или нет наши позиции, то можно было бы сказать, что обмен мнениями получился серьезный и полезный, и мы теперь лучше понимаем подходы и позиции друг друга. Кроме того, можно было бы добавить, что в ходе обсуждения были выдвинуты идеи, требующие дополнительной проработки. Пусть поломают себе голову, что это за идеи.

Дж. БУШ. Согласен. Так и поступим.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Выступление М.С. Горбачева на совместной с Дж. Бушем пресс-конференции по итогам визита в США

4 июня 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы обсуждали проблемы европейского процесса, особенно в связи с внешними аспектами объединения Германии. Я не могу сказать, что мы пришли к согласию. Но это не означает, что наши усилия были бесполезными. В ходе обсуждения появились новые аргументы, новые возможные углы зрения, были пояснены позиции. Мы готовы вести и дальше обсуждение в поисках приемлемого для всех решения. Да мы и не могли этот вопрос решить здесь, в Вашингтоне, вдвоем с Президентом. Есть формула «2 + 4», есть другие европейские государства, у которых также большой интерес к тому, чтобы было найдено правильное решение, которое бы всех удовлетворило.

Мы хотим, и в этом позиция Советского Союза, чтобы именно совместно были найдены такие решения, которые вписывались бы в общую позитивную тенденцию перемен в Европе и в мире, укрепляя безопасность, а не расшатывая и не уменьшая ее.

«Правда». 05.06.1990

Из беседы М.С. Горбачева с М. Тэтчер⁷⁵

8 июня 1990 года

*(На встрече присутствовали с английской стороны
помощник М. Тэтчер сэра Пауэл, с советской — А.С. Черняев)*

[...] **М.С.ГОРБАЧЕВ.** Я понимаю, почему Президент Буш держится за НАТО — ведь без этого союза отпадет необходимость в американском военном присутствии в Европе, и, соответственно, существенно уменьшится политическое влияние США на континенте. Поэтому они за то, чтобы Германия была в НАТО. Им кажется, что без Германии НАТО неполноценна, а нет НАТО — нет американского присутствия в Европе.

Лично я воспринимаю это очень серьезно. Исходный пункт у меня с ним и с вами — принципиальное положение: не может быть неравной безопасности. Если один из партнеров будет испытывать неуверенность, терзаться подозрениями, чувствовать себя и свою безопасность ущемленной, — дело не пойдет.

И второй момент этого же исходного пункта: ничто в мире не пойдет, если мы не будем сотрудничать с Соединенными Штатами по всем направлениям. Это не исключает того, что мы должны сотрудничать с другими странами. Но если с США не будет взаимопонимания, ничего не будет хорошего, это будет мешать всему..

М. ТЭТЧЕР. Соединенные Штаты являются наиболее мощной экономической державой в мире. У них великолепно развита система свободного предпринимательства; наконец, там живут замечательные, щедрые душой люди. Действительно, США взяли на себя роль своего рода «мирового полицейского», но это лишь помогло им положить конец ряду конфликтов. Согласна с вами — прогресс возможен только при сотрудничестве и взаимопонимании между Советским Союзом и Соединенными Штатами, Европой, с дальнейшим подключением Японии и Китая.

Что касается объединения Германии, то у меня есть определенные опасения на этот счет, и я поделилась ими с Президентом Миттераном. Правда, разница в том, что я высказываю эти опасения публично, а Миттеран нет, что вполне понятно, поскольку он стремится поддержать позицию ФРГ в Европейском сообществе.

Я убеждена, что для объединения необходим длительный переходный период. За это меня критиковала пресса в ФРГ, Франции, США. Но сейчас уже стало ясно, что длительного периода не будет и что ГДР присоединится к ФРГ в соответствии со статьей 23 Конституции этой страны. Вся Европа наблюдает за этим процессом не без определенного страха, очень хорошо помня о том, кто начинал обе мировые войны. Задача состоит в том, чтобы исключить возможность конфликта, который вновь исходил бы с немецкой земли.

Американское военное присутствие в Европе является стабилизирующим фактором. Но только в одном месте это присутствие необходимо больше всего — на территории Германии. Франция не интегрирована в систему военного командования НАТО, Голландии и Бельгия слишком малы для размещения там американских войск, Испания слишком далеко, на территории Великобритании уже достаточно американских сил. Таким образом, остается Германия. Кстати, в американском Конгрессе некоторые считают, что надо существенно сократить уровень военного присутствия США в Европе. Я надеюсь, что американские законодатели не зайдут в этом слишком далеко. Если американские войска останутся в Германии, это будет мощным фактором безопасности для всех, включая Советский Союз. И поскольку ГДР намерена присоединиться к ФРГ, а последняя уже является членом НАТО, то мы считаем, что в НАТО должна войти вся объединенная Германия вместе с размещенными там американскими войсками.

Вопрос состоит в том, как успокоить не только Советский Союз, но и другие страны по поводу германской угрозы. У вас были предварительные переговоры на эту тему. Я встречалась вчера с госсекретарем Бейкером. Высказываются идеи ограничения германской армии уровнем, существенно более низким, чем 400 тыс. Вы высказывали предложение подумать о совместной декларации НАТО и ОВД. Необходимо поработать и над этим вопросом. Но, о чем бы мы ни договаривались, американские войска должны оставаться в Европе, в Германии как фактор мира и стабильности, причем они должны включать ТЯО (*тактическое ядерное оружие*) на возможно минимальном уровне.

Вы правы относительно европейских структур безопасности. И здесь, мне кажется, нельзя недооценивать роль процесса СБСЕ. Я говорила вчера госсекретарю Бейкеру, что в Европе существует эко-

номическая структура в виде ЕЭС, оборонительная структура в виде НАТО, и мы должны больше задействовать СБСЕ, вести там политические дискуссии, обсуждать вопросы, относящиеся к безопасности. Ведь мы в данном случае имеем дело с 35 государствами и с огромной территорией — от западного побережья США до восточного побережья Советского Союза и границы с Китаем. Пусть дважды в год встречаются министры иностранных дел стран СБСЕ. В том же ключе высказывается и г-н Шеварднадзе.

Мы оба сознаем, что исторически в странах Центральной Европы всегда присутствовал элемент неустойчивости, неуверенности в будущем. Им необходим форум, в котором они могли бы участвовать на равных основаниях с ведущими державами. И этот форум — СБСЕ. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Издалека мы подошли к вопросу объединения Германии. Может быть, сейчас покажется необычным, что я говорю. Но к этому не надо относиться с подозрением. Мы найдем то, что устроит всех.

Никакие варианты не должны отбрасываться как выходящие за рамки обычного или несбыточные. При этом неважно, чей именно это будет вариант — Тэтчер, Буша, Горбачева или папы римского. Главное — не зачеркнуть то, что уже накоплено, создано, а укрепить это. А началось великое дело, и все мы — его участники. Посмотрите, что происходит в Европе. А если в Европе сложатся новые отношения между государствами, то это состоится и во всем мире.

Меня очень беспокоит, чтобы при обсуждении статуса Германии ни одна из стран не чувствовала себя ущемленной, чтобы не был нарушен баланс, не возникла у кого-то неуверенность. Поэтому, я думаю, несколько процессов должны идти взаимосвязанно, и все должно охватываться переходным периодом. Процесс объединения Германии, — а это и ваше мнение — должен идти спокойно, взвешенно.

Но не все так считают. Наш друг Коль все пытается подогнать под предвыборную кампанию. Хочет быть «отцом» объединения Германии. Но есть реальности. Вчера я беседовал с премьер-министром ГДР. И, несмотря на то, что он представляет ту же партию, что и Коль, мне нравится его трезвость и озабоченность стратегической и политической ситуацией в Европе.

Интересны результаты последних опросов общественного мнения в Западной Германии. В то время как еще недавно 56% опрошенных высказывались против чересчур быстрого объединения, сейчас эта цифра возросла до 60%. Все это будет определяться внутренними пружинами.

А если говорить о внешних аспектах, тут многое будет зависеть от нас. Никто не отменял права четырех держав. И делать вид, что они

исчерпаны, преждевременно. Мы должны окончательно закрыть вопрос, должен быть документ об окончательном урегулировании. Без этого не может быть полного суверенитета объединенной Германии. И это надо самим понять, четко доводить до немцев, до всех европейцев.

Далее. Мы слышим рассуждения о вхождении в НАТО объединенной Германии. Но Коль — канцлер ФРГ, а не объединенной Германии. А вы поддерживаете вхождение Германии в НАТО. На каком основании? Объединенной Германии еще нет. Мы можем говорить о каком-то подготовительном этапе, рассматривать варианты. И поэтому нам нужен вариант, который не нанес бы ущерба европейскому процессу. Есть несколько проблем, которые надо решить, чтобы идти к новым структурам безопасности. Речь идет об изменении самой природы двух блоков с таким расчетом, чтобы они трансформировались в политические организации.

Немалые надежды возлагаем на предстоящее совещание в верхах НАТО в Лондоне. Боюсь, что, если оно не принесет каких-либо ощутимых позитивных результатов, это может посеять подозрения среди некоторых европейских стран.

В последнее время мы говорим о европейском информационном, культурном, правовом, научном пространствах. Пора говорить и о едином пространстве безопасности. И на этой основе решать внешние аспекты объединения Германии.

Приглашаю подумать о подготовке совместного документа НАТО и ОВД, в котором будет зафиксировано сближение между двумя союзами, растущее взаимопонимание между ними, налаживающееся сотрудничество. Было бы неплохо создать межблоковый постоянный орган, в рамках которого могли бы совещаться и проводить консультации военные эксперты. Кстати, министры обороны начали ездить друг к другу.

Почему бы объединенной Германии не подтвердить обязательства между ФРГ и НАТО и между ГДР и ОВД. В этом случае у нас будет два якоря, удерживающих объединенную Германию. Это дополняет предложения, по которым у нас есть понимание: о нерушимости границ, о недопустимости обладать ядерным оружием, об уровне вооружений и т. д.

Все эти предложения имеют право на существование. Нельзя подходить к военно-политическому статусу объединенной Германии однозначно, как это делает Запад. Ведь сколько форм членства разных стран в НАТО: французская модель, датско-норвежская модель, британская модель.

М. ТЭТЧЕР. Наши подводные лодки, оснащенные ядерными ракетами «Поларис», подчинены объединенному командованию НАТО. Я имею прерогативу в любой момент вывести их из этого подчинения. Что же касается ядерных сил США на нашей территории или в наших водах, но они не могут быть использованы без нашего согласия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Совершенно правильно. Модели членства в НАТО бывают разные, и в этом смысле необходима гибкость. Я все это и хочу использовать, чтобы обосновать еще одну модель, чтобы она отвечала интересам всех. Реформирование НАТО и ОВД и соглашение между ними привели бы к тому, что любые государства могли бы вступить в одну из этих организаций. Может быть, кто-то еще захочет вступить в НАТО. А если бы мы, СССР, решили вступить в НАТО? В общем, необходим переходный период для процесса формирования европейских структур безопасности, во время которого на территории этой страны будут оставаться войска четырех держав. Я это сказал Бушу.

В ближайшее время мы, видимо, разработаем довольно стройную концепцию решения этого вопроса и, безусловно, поделимся ею с вами. А пока пусть наши министры иностранных дел, подчиненные им эксперты «погоняют» эти вопросы.

М. ТЭТЧЕР. Идущий с нарастающей быстротой процесс объединения Германий — это реальность, которая еще более станет таковой после 1 июля нынешнего года, когда в силу войдет важнейшее для будущего этой страны соглашение об экономическом и валютном союзе. Медлить с обменом марок ГДР на марки ФРГ нельзя, поскольку стоимость марки ГДР постоянно падает. Различные финансовые институты ФРГ открывают сейчас свои филиалы в ГДР, поскольку, если они этого не сделают, то, по мнению Коля, вновь начнется массовый отток граждан ГДР в ФРГ в поисках более высокого уровня жизни. Единственная мера, способная это предотвратить, — быстрое объединение. 1 октября собираются также объединиться обе ветви ХДС.

Поскольку ГДР присоединяется к ФРГ, она автоматически унаследует все международные обязательства Федеративной Республики, включая членство в НАТО и ЕЭС. В рамках ЕЭС необходимо будет осуществить ряд переходных мер для более быстрого вхождения восточной части, объединенной Германии в рыночные отношения.

У меня нет никаких сомнений в том, что канцлер Коль использует процесс объединения для целей предвыборной кампании. Я лично постоянно выступала за длительный переходный период. Но, признаюсь, среди западных стран я была в этом одинока.

Мне интересно было услышать, что вы ожидаете ощутимых результатов от июльской встречи в верхах НАТО. В настоящее время

министры иностранных дел союза обсуждают в Шотландии будущую военную стратегию НАТО: какие для нее понадобятся вооружения, должна ли оборона иметь характер передового базирования или может быть глубинной. В Западной Германии находится 1,2 млн войск, они должны иметь адекватные объекты для обучения и военных учений. Кстати, западные немцы считают, что таких объектов сейчас на их территории слишком много. Все это требуется обсудить, но, боюсь, мы можем не успеть к июлю подготовить конкретные решения по всем этим вопросам.

Мы также пытаемся предсказать последствия заключения соглашения по обычным вооружениям для всех заинтересованных сторон. Безусловно, удельный вес политических вопросов в деятельности НАТО будет возрастать, хотя она и останется оборонительным, стратегическим союзом. Мы будем сохранять структуру НАТО в целом, поскольку намереваемся продолжать переговоры по контролю над вооружениями, а также работать в направлении сближения двух союзов.

Что касается освобождения немецкой территории от оружия массового уничтожения, то я считаю, что наличие ТЯО в американских войсках в Германии является жизненно важным фактором. В противном случае будет подорвана сама основа американского военного присутствия там.

Вы упомянули Францию — ее в свое время вывел из военной структуры НАТО Президент де Голль в результате своих разногласий с союзниками. Штаб-квартира союза была переведена из Парижа в Брюссель. Иногда я говорю французскому руководителю, почему бы вам не сделать обратный шаг, ведь де Голля давно уже нет. Но они продолжают придерживаться принятого им решения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По данным нашей разведки, французские вооруженные силы задействованы в планах НАТО на случай чрезвычайной ситуации.

М. ТЭТЧЕР. Да, конечно, кроме того, имеется франко-германская бригада.

На передовых рубежах в ФРГ находится 70 тыс. британских войск — 55 тыс. сухопутных и 15 тыс. ВВС. Имеется и ядерное оружие, находящееся в рамках интегрированного командования НАТО. Но, как я уже говорила, мы можем в любой момент вывести его из-под контроля этого командования.

У нас сложились особые, фундаментальные отношения с США, основанные на истории, традициях, культуре, языке. Буш всецело поддерживает канцлера Коля.

Совместное заявление НАТО и ОВД — хорошая идея, но надо ее тщательно проработать, чтобы это заявление звучало убедительно. Во многом благодаря вам в мире сложилась новая ситуация. Такое заявление теперь выглядит реальностью. В него могли бы войти меры доверия, оно могло бы поставить на официальную основу обмена визитами между министрами обороны, формализовать дискуссии между ними, военными экспертами. Там можно было бы заявить о стремлении двух союзов поддерживать безопасность на уровне минимального сдерживания.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В заявлении также может быть зафиксировано намерение создать постоянный совместный орган — центр по предотвращению конфликтов.

М. ТЭТЧЕР. Под эгидой СБСЕ у нас проходят переговоры по обычным вооружениям. Может быть, стоит в этих же рамках договориться об ограничении войск, размещенных в Германии. Наверняка появятся и новые дополнительные соображения.

Вскоре после объединения Германия, которая будет насчитывать 80 млн человек, станет настоящим экономическим гигантом, самой мощной экономической державой в Западной Европе. И тут нельзя упускать из виду вопрос безопасности. Единственное, чем можно обуздать амбиции новой Германии, если таковые появятся, это присутствием на ее территории американских войск. Уверена, что, когда вы завершите процесс перестройки и станете сильнее в экономическом отношении, ваша роль в Европе неизмеримо вырастет.

Но как страховку американские войска необходимо сохранить. Если бы у нас не было военных флотов в Персидском заливе, то неизвестно, как далеко бы зашла война между Ираном и Ираком.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо, пусть над этим вопросом продолжают работать наши министерства иностранных дел. А на следующее заседание «шестерки» мы, вероятно, привезем наш проект формулы решения этой проблемы.

М. ТЭТЧЕР. Можете ли вы сейчас сообщить какие-либо детали этой формулы?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это было бы несколько преждевременно, пока мы еще определяемся. Необходимо, чтобы немцы понимали: пока не будет окончательного урегулирования на базе переговоров «2 + 4», объединенная Германия не может считаться полностью суверенным государством.

М. ТЭТЧЕР. Важно, чтобы окончательное урегулирование не затягивалось искусственно. Немцы не против какой-то формы мирного урегулирования, но предпочли бы достичь его, не расширяя при этом круг «шестерки».

Таким образом, на повестке дня стоят следующие вопросы. Первое. Соглашение по общим вооружениям должно быть заключено в этом году, прогресс в целом удовлетворительный. Второе. Необходимо тщательно проработать вопрос о совместном заявлении НАТО и ОВД и его тексте. Третье. Будут продолжены переговоры в рамках «2 + 4».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если урегулирование внешних аспектов германской проблемы будет протекать нормально и спокойно, ни у одной из заинтересованных стран не будет сомнений в его правильности, не возникнет никаких подозрений. Если же какая-либо страна займет деструктивную позицию и нацелится на смещение баланса сил, то мы будем вправе считать, что наша безопасность находится под угрозой. И тогда нам придется вновь проанализировать ситуацию, с тем чтобы определить наши дальнейшие действия. Мое желание — идти дорогой, на которую мы встали. Она уже вывела нас на крупные решения и обещает длительный мирный период. И сорвать это — нанести тяжелый удар по всему прогрессу. Поэтому не может быть ультимативного подхода.

М. ТЭТЧЕР. Я вполне понимаю вашу позицию. Я тоже хотела бы видеть устойчивое сотрудничество между нами. Иной вариант ущемлял бы вашу безопасность, что было бы не в наших интересах. Мы положили начало такому сотрудничеству, что очень важно. Без этого не было бы продвижения вперед. Конечно, объединение Германии связано с определенными последствиями, и мы не должны ничего упускать из виду. Я говорила об этом вчера с госсекретарем Бейкером и моим министром иностранных дел Хэрдом. Поэтому, действительно, давайте возвратим все эти вопросы на дальнейшую проработку в наши внешнеполитические ведомства. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

На пресс-конференции М.С. Горбачева и М. Тэтчер

8 июня 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Естественно, большое внимание было уделено германской проблеме. Я подробно изложил наши аргументы и наши озабоченности. Г-жа Тэтчер подтвердила, что она понимает необходимость максимально учесть наши мнения. Я не раз говорил в Америке и здесь снова изложил в развернутом виде свои соображения г-же Тэтчер. Центральная мысль моих рассуждений остается та же — нельзя замыкаться на одном каком-то варианте, который неизбежно будет односторонним. Нужен интенсивный обмен мнениями, интенсивный поиск предложений, с тем чтобы выйти на оптимальный вариант, который бы удовлетворил всех, а самое главное — способствовал бы развитию и укреплению позитивных процессов Европы и в мире. И ни в коем случае не оказался бы тормозом этого процесса.

Оба мы подтвердили свою позицию о праве немцев жить в едином государстве. Но окончательное подведение итогов войны — это дело не только одних немцев. Уже имеется механизм «2 + 4». Он должен сполна сыграть свою роль, которая вытекает из итогов войны, а не из раскола Германии. Он, как известно всем, произошел позже. Естественно, в контексте общеевропейского процесса мы говорили и об участии в решении этого вопроса всех европейских государств. [...]

М. ТЭТЧЕР. Президент уже выделил некоторые наиболее важные вопросы, которые мы обсуждали. Конечно же, мы обсуждали последствия объединения Германии. И вы знаете нашу точку зрения, что объединенная Германия должна оставаться в НАТО. Она имеет право выбора своих союзнических обязательств, но мы также понимаем, что

Советскому Союзу и Варшавскому Договору потребуются гарантии в том, что их безопасность будет обеспечена. Мы должны дать подобные заверения, как я уже говорила, в том числе на встрече стран НАТО, с представителями которых я беседовала.

«Правда». 10.06.1990

Совместное заявление правительств ФРГ и ГДР об урегулировании открытых имущественных вопросов

15 июня 1990 года

Раздел Германии, связанное с ним переселение людей с Востока на Запад и различные правовые системы в двух немецких государствах привели в вопросе о правах на имущество к многочисленным проблемам, затрагивающим интересы многих граждан в Германской Демократической Республике и в Федеративной Республике Германия.

При решении стоящих на повестке дня имущественных вопросов оба правительства исходят из необходимости социально приемлемого примирения различных интересов. Правовые гарантии, юридическая определенность, а также право на собственность являются теми основными принципами, которыми руководствуются правительства Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германия при решении насущных имущественных вопросов. Лишь таким образом удастся обеспечить прочный мир в области права в будущей Германии.

Оба германских правительства договорились о следующих основополагающих принципах.

1. Отчуждение собственности, происходившее на основе оккупационного права или верховенства оккупационных властей (с 1945 по 1949 год), не может быть отменено. Правительства Советского Союза и Германской Демократической Республики не видят возможностей для ревизии принятых тогда мер. Правительство Федеративной Республики принимает это к сведению с учетом исторических изменений. Оно считает, что окончательное решение вопроса о возможной государственной компенсации должно быть предоставлено будущему общегерманскому парламенту.

2. Управления по опеке и подобные меры, ограничивающие право распоряжаться собственностью на землю, производственными пред-

приятными и прочим имуществом, подлежат ликвидации. Тем самым гражданам, имущество которых было взято в государственное управление из-за их бегства из ГДР или по другим причинам, возвращается право распоряжаться своей собственностью.

3. Отчужденная недвижимость возвращается бывшим владельцам или их наследникам исключительно с учетом указанных в пунктах а) и б) категорий:

а) возвращение прав собственности на земельные участки или строения, использование или предназначение которых, в частности, были изменены таким образом, что они были переданы в общественное пользование, использованы в комплексном жилищном или поселковом строительстве, присвоены для хозяйственного использования или включены в новое предприятие, в силу сложившихся обстоятельств невозможно. В этих случаях выплачивается компенсация, если в соответствии с действующими для граждан Германской Демократической Республики положениями подобная компенсация уже не была осуществлена;

б) если граждане Германской Демократической Республики добросовестно приобрели в собственность подлежащую возврату недвижимость или вещное право распоряжаться ею, то в таких случаях необходимое социально приемлемое возмещение убытков бывшим владельцам посредством замены земельного участка равноценным или посредством компенсации. Это относится и к недвижимости, которая была продана государственным опекуном третьим лицам. Детали подлежат уточнению;

в) если бывшие владельцы или их наследники имеют права на возвращение имущества, то вместо такового они могут выбрать компенсацию.

Вопросы учета изменения стоимости будут решены отдельно.

4. Содержащиеся в пункте 3 положения распространяются соответственно на использованные под застройку земельные участки, которые находились в управлении владельцев, которыми распоряжались по их поручению и которые были национализированы в связи с экономическими потребностями.

5. Охрана прав квартиросъемщиков и существующие права на пользование для граждан Германской Демократической Республики в отношении затрагиваемых данным заявлением земельных участков и зданий гарантируются, как и прежде, и регулируются согласно действующему в каждом конкретном случае законодательству Германской Демократической Республики.

6. На управляемых предприятиях существующие ограничения на распоряжение отменяются; собственник вступает во владение имуществом своего предприятия.

Для предприятий и участков, переведенных в народную собственность в 1972 году, действует закон от 7 марта 1990 года об учреждении и деятельности частных предприятий и об участиях в предприятиях. При этом статья 19 абзац 2, предложение 4 истолковывается таким образом, что государственная доля подлежит продаже частным обществам по их заявлению; таким образом, решение о продаже принимается не по усмотрению компетентной инстанции.

7. В случае предприятий и участков, переведенных в народную собственность путем конфискации в период с 1949 по 1972 год, бывшему собственнику с учетом изменения стоимости предприятия предприятие передается в качестве единого целого, либо передаются доли общества или продукции предприятия, если он не желает воспользоваться компенсацией. Детали еще требуют более подробной регламентации.

8. В случае, если имущественные ценности, включая права на получение дохода, приобретены в результате недобросовестных махинаций (например, злоупотребления властью, коррупции, принуждения или обмана со стороны покупателя), то приобретение прав не подлежит охране и должно быть аннулировано. В случаях честного приобретения применяется пункт 3, б.

9. В случае, если проводились конфискации имущества, связанные с противоречащими правовому государству уголовными процедурами. Германская Демократическая Республика создаст законодательные условия для их исправления посредством процедуры, отвечающей требованиям правосудия.

10. Долевые права граждан Федеративной Республики Германия в займе выкупа старых активов обслуживаются, включая проценты, во второй половине 1990 года, то есть после валютного перевода.

11. В случае сохранения валютных ограничений в платежном обороте они перестают действовать с вступлением в силу валютного, экономического и социального союзов.

12. Управляемое государственными инстанциями Федеративной Республики Германия в порядке опеки на основании исполнительного закона о носителях прав имущество юридических лиц публичного права, существующих или существовавших на территории ГДР, передается правомочным лицам или их правопреемникам.

13. Исполнение.

а) Германская Демократическая Республика немедленно создаст необходимые правовые нормы и процедурные положения.

б) Она объявит, где и в течение какого срока граждане, которых это касается, смогут выдвинуть свои требования. Срок подачи заявлений не будет превышать шести месяцев.

в) Для удовлетворения требований о компенсации в Германской Демократической Республике будет образован самостоятельный в правовом отношении, отделенный от государственного бюджета фонд.

г) Германская Демократическая Республика позаботится о том, чтобы до истечения срока в соответствии с пунктом 13, б не производились продажи земельных участков и зданий, прежние права собственности на которые не выяснены, за исключением случаев, когда между заинтересованными лицами имеется согласие о том, что возвращение не рассматривается или о нем не заявляется. Отчуждения земельных участков и зданий, прежние права собственности на которые не выяснены, но которые тем не менее были произведены после 18 октября 1989 года, подлежат пересмотру.

14. Оба правительства поручают своим экспертам выяснение дальнейших деталей.

«Нойес Дойчланд». 16–17.06.1990

Из беседы М.С. Горбачева с М. Вернером

Москва, 14 июля 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас, г-н Генеральный секретарь. Сам факт, что вы сидите в этом кабинете и мы беседуем, означает, что в мире что-то происходит.

М. ВЕРНЕР. Действительно, мне все еще кажется, что это происходит во сне, что это мечта.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы очень хорошо сказали: как будто это происходит во сне. Наше сознание очень консервативно, не поспевает за действительностью. Когда в 1986 году я проработал со своими коллегами новые предложения во внешней политике и мы вышли на Заявление от 15 января, то в Европе, в натовских кругах многие говорили, что это, мол, утопия, пропаганда.

А теперь уже позади соглашение о ликвидации средних ракет и на горизонте договор о 50-процентном сокращении ядерных вооружений, соглашение о сокращении обычных вооружений, о ликвидации химического оружия. И вот генеральный секретарь НАТО господин Вернер находится здесь, в Кремле. Вот и утопия! [...]

Все сейчас меняется. Я приветствую любое встречное движение. На Мальте я сказал Президенту Бушу: Советский Союз более не считает Соединенные Штаты своим врагом. Так что сегодняшний мир, идеи, реальности — все это меняется.

Должен сказать, нам многое нравится в Лондонской декларации, но не все. Я так понимаю, что за один шаг все не пройти. [...]

Может быть, вы хотите теперь прокомментировать декларацию?..

М. ВЕРНЕР. Вы упомянули о вашем заявлении от 15 января 1986 года. Мы все очень внимательно тогда прислушались к нему.

Но некоторые из нас говорили тогда, что надо подвергнуть его испытанию на искренность.

А сегодня, когда мы тоже меняемся, мы говорим, что вы тоже можете подвергнуть нас испытанию на искренность. Это в связи с нашей декларацией.

Могу заверить вас, что эта декларация отнюдь не пропаганда, а очень серьезный документ... Так, например, мы решили прежде всего изменить нашу военную стратегию. Я уже создал под своей эгидой специальную группу в составе политических и военных деятелей, которая будет разрабатывать детали, касающиеся изменения стратегии в военной и ядерной областях. Мы ищем пути выхода из конфронтации и перехода к новой эре сотрудничества... Мы предлагаем вам сотрудничать не только в политической области, но и в экономической, и даже в военной.

Поэтому я приглашаю вас от имени Североатлантического союза приехать в Брюссель и выступить в штаб-квартире НАТО. Мы были бы рады, если бы вы приняли это наше приглашение. [...]

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мой последний опыт убеждает в верности древнеиндийского изречения: дорогу осилит идущий. Оно возникло еще две тысячи лет тому назад. Но и сегодня оно применимо. И я хотел бы применить его к отношениям не только между Западом и Востоком, но и между НАТО и Варшавским Договором. Сегодня имеется не только взаимное понимание, но и определенное встречное движение. Это не простой процесс. Тут и вы, и мы проявляем пока еще осторожность. Но если пойдем по этому пути, то осилим возникающие проблемы. [...]

М. ВЕРНЕР. Если быть честным, то надо признать, что происходящие сегодня в НАТО преобразования не произошли бы без преобразований здесь, у вас. Так что преобразования у нас — это реакция на ваши смелые инициативы. Мы хотим меняться так же, как и вы, но лед тронулся только благодаря вам.

Я председательствовал на Лондонской встрече в верхах. И у меня сложилось убеждение, что действовать надо сейчас, уже в этом году. Для этого сегодня имеются уникальные возможности с обеих сторон.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы считаем, что не можем пройти мимо друг друга сейчас, когда открывается шанс на то, чтобы сотрудничать вместе, признавая наши взаимные интересы, чтобы можно было перевести международные отношения в нормальное русло и открыть в них длительный мирный период. В этом нуждается весь мир. [...]

Мы должны сообща продолжать то, что начато, оставить позади драму «холодной войны» и конфронтации и обратить взоры в будущее. В противном случае возникнет настоящий исторический тупик.

Мы хорошо сознаем необходимость совместных действий и уже начали взаимодействовать с вами. Этому мы придаем огромное значение. Все остальное должно быть подчинено этой задаче. И Варшавский Договор, и НАТО, и создание будущих структур европейской безопасности — все должно быть подчинено этому.

Мы начали размышлять над тем, каким могло бы быть возможное содержание совместной декларации НАТО и Варшавского Договора. Быть может, если мы выйдем на договоренность в этом плане, это будет значимый, весомый документ, который явится крупной вехой в мировой политике. [...]

Я очень высоко ценю нашу встречу... С удовольствием принимаю ваше приглашение приехать в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе. У меня будет что там сказать. Когда это сделать — будем думать. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один⁷⁶

15 июля 1990 года

(На встрече присутствовали Х. Тельчик и А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сердечно приветствую вас в Москве, г-н Коль. Мы сможем с вами провести углубленный обмен мнениями по тем вопросам, которые представляют взаимный интерес.

Г. КОЛЬ. Очень рад, что впереди два дня бесед. Будут хорошие беседы. Мне очень нравится высказывание Бисмарка: «Когда Бог идет по истории, надо постараться ухватиться за край его одеяния». Именно эти слова характеризуют наше время, особенно первую половину 90-х годов.

Особая ответственность ложится на наше поколение, на людей нашего возраста. Мы не участвовали непосредственно в войне, наша совесть ничем не отягощена, но мы помним войну, видели ее ужасы. Это отличает нас от нынешней молодежи. Я сам это чувствую по своим двум сыновьям. В отношении людей нашего поколения я использую выражение «милость позднего рождения». У нас есть опыт, которого нет у других. И мы должны в полной мере положить его на алтарь цивилизации.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Эту мысль особенно хочу поддержать. У нас, действительно, есть возможность сравнить прошлое и настоящее. Мне было 10 лет, когда началась война, и 15 лет, когда она закончилась. Это особенно впечатлительный возраст. Нынешнее поколение может быть лучше, но мы обладаем уникальным опытом. Шанс, который открывается, мы почувствовали. Наше поколение еще может сказать свое слово в истории. Меньше стало разговоров, кто выиграл, кто проиграл. Мы почувствовали, что мы — одна цивилизация...

Хотел бы в связи с нашей встречей «застолбить» принципиально важную мысль. Так случилось, что в 90-х годах опять Россия и Герма-

ния должны многое сделать, жить в добре и согласии, взаимно обогащать друг друга, укреплять взаимопонимание, наращивать взаимовыгодное сотрудничество. Когда они разошлись, это обернулось тяжелыми последствиями для наших народов. Мы с вами можем сделать так, чтобы эти два народа были вместе. Я ставлю наши отношения с Германией вровень с советско-американскими. Они не менее важны для судеб наших народов, для истории.

Г. КОЛЬ. Я с этим полностью согласен. Не сомневаюсь в том, что новое качество отношений между Германией и Россией пойдет на пользу советско-американским отношениям. Цель моего приезда такова: дать импульс процессам в отношениях между нашими государствами, имея в виду выйти через год на подписание всеобъемлющего договора между Советским Союзом и объединенной Германией, который учел бы все достойное в существующих договорах СССР с двумя германскими государствами и, конечно, внес бы много нового.

Могу сказать, что если все пойдет нормально, то в декабре этого года состоятся общегерманские выборы. Предвосхищать их результаты я не могу, но исхожу из того, что я буду продолжать свое дело. Поэтому через год мы сможем открыть новую, зримую для всех главу в советско-германских отношениях, вступить в новую эру.

Договор надо разрабатывать без особой рекламы, но интенсивно, не теряя времени. После общегерманских выборов вопрос о единстве будет решен. Нас уже ничто не будет отвлекать, и мы сможем очень быстро добиться взаимного успеха.

Я за то, чтобы рассмотреть с перспективой на будущее все действующие между нами договоры и соглашения, определить при этом, что устарело, что может работать впредь, а что должно быть сформулировано по-новому в соответствии с требованиями времени. Мне хочется, чтобы этот договор охватил все основные аспекты политических, экономических, культурных и гуманитарных отношений, создал надежную основу для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества между советским и германским народами.

Когда мы начнем двигаться к этой цели, то, я уверен, мы будем не одни. Буш тоже присоединится к нам. Я это почувствовал на недавней встрече НАТО в верхах. Идея советско-германского договора благотворно отразится на других процессах, в частности на налаживании сотрудничества между НАТО и ОВД под крышей СБСЕ. Принципиальное значение будет иметь намечаемая совместная декларация двух союзов. Я бы хотел, чтобы она имела характер пакта о ненападении и неприменении силы. Тогда все народы вздохнули бы с облегчением.

Как видите, наш всеобъемлющий договор призван сыграть историческую роль. Назрело хорошее дело, и его надо реализовать.

В последние четыре недели мне пришлось участвовать в трех важных встречах лидеров западных стран в Дублине, Лондоне и Хьюстоне. На всех этих встречах были поставлены ориентиры на будущее, согласованы курсы движения, по сути дела, в одном, позитивном направлении. Темпы, правда, будут разные.

В Хьюстоне позитивно было воспринято ваше послание Бушу. На этой встрече обозначилась четкая тенденция в поддержку проводимых и намечающихся в СССР реформ. Серьезное внимание будет уделяться внутривластическому развитию в вашей стране.

Надо иметь в виду, что 4 ноября у Буша будут выборы. После них он будет свободнее и увереннее. Можете исходить из того, что он будет рядом с нами.

Если у вас четкая ставка на политику реформ, на выработку соответствующей концепции того, что и когда вы будете осуществлять, то я бы просил вас приложить усилия для того, чтобы такая концепция была готова к ноябрю, самое позднее — к декабрю. Предстоят важные встречи общеевропейского и мирового масштаба. И на них, само собой разумеется, как всегда, речь пойдет о ходе политики реформ в Советском Союзе. Если будет выражено пожелание, то мы можем прислать к вам для консультаций наших экономических экспертов.

Для самих нас основная задача на ближайшие месяцы — справиться с процессами в Германии. Положение в экономике ГДР оказалось значительно тяжелее, чем мы первоначально предполагали. Тенденция такова, что с каждым днем оно будет усложняться, а не упрощаться. Это придется учитывать.

Я не собираюсь подталкивать эти процессы. Раньше у нас были другие представления, мы настраивались на то, чтобы все шло своим ходом, солидно и обстоятельно. Однако развитие приняло драматический оборот, имеющий последствия и для вас. Обстановка вынуждает нас одновременно браться за несколько дел, поэтому мы должны рассчитывать друг на друга, доверять друг другу. В этом смысле общегерманские выборы 2 декабря будут иметь определяющее значение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Можно сказать, что вы стоите перед своей перестройкой. Цели большие и трудные.

Г. КОЛЬ. Будем помогать друг другу. Мы об этом условились в прошлом году во время вашего пребывания в ФРГ.

Мы сдержали слово в отношении кредитов, в вопросе о пребывании в ГДР группы советских войск. Время такое, что мы можем полагаться на слово друг друга.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы видим ваши проблемы. На нынешнем этапе отношений необходимо строго учитывать политический контекст развития наших государств. Необходима взвешенность в суждениях, доверительность, взаимопонимание и взаимодействие. Одними бумагами всего не решить, нужен живой диалог, живое общение. Хотя и хорошие бумаги нужны.

Г. КОЛЬ. Согласен. Это значит, что в эти два дня нам предстоит серьезная работа. На мой взгляд, на первый план выдвигаются такие вопросы, как дальнейшая судьба группы советских войск в Германии, членство объединенной Германии в НАТО, а также численность будущей общегерманской армии. Это три барьера, которые нам надо перепрыгнуть. Они имеют значение и для завершения работы в рамках механизма «2 + 4», обретения Германией полного суверенитета, а потолок для немецкой армии непосредственно затрагивает сферу НАТО. Однако на первом плане, конечно, стоят вопросы отношений между СССР и объединенной Германией.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Динамика событий требует повышенного внимания от политиков. Все надо рассматривать во взаимосвязи, в движении вперед.

Мы прилагаем усилия для того, чтобы закрепить Дж. Буша на позициях, которые содействовали бы такому прогрессу. А давление на него было сильное — это я видел. И он все-таки пошел на крупные шаги с тем, чтобы вывести наши отношения на новый уровень. Думаю, и наша последовательность в политике, развитие отношений с ФРГ помогают США занимать конструктивную позицию. И это хорошо.

Я обнаружил — скажу это откровенно, — что американцы беспокоятся, не задумали ли мы с вами вытеснить США из Европы. В беседе с Бушем я твердо сказал, что присутствие американских войск в Европе — стабилизирующий момент. Для Буша такое откровение явилось неожиданностью, он меня даже переспросил. Я ему подтвердил, что не мыслю новых отношений без активной роли США.

Г. КОЛЬ. Я с ним долго говорил на эту тему. Мы знаем, что присутствие американских войск на европейском континенте Советский Союз долгое время воспринимал скептически.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наша позиция трансформировалась после анализа реальностей.

Г. КОЛЬ. Это внесло новый конструктивный элемент в отношения СССР и США. В Лондоне и Хьюстоне это было воспринято с большим удовлетворением.

Бушу понравилась упомянутая мною цитата из Бисмарка. Он реалист и хорошо видит мои проблемы. Идущие в Германии процессы

в Европе нравятся не всем. Историческое прошлое в определенной степени до сих пор обременяет наши отношения с Италией, Францией и Англией. Мы знаем, что понадобится значительное время, пока все забудется.

У Буша четкая концепция с учетом развития в Европе. Немцам он отводит в ней большую роль. Он не будет воспринимать с недоверием динамичное развитие отношений между немецким и советским народами, между СССР и объединенной Германией. США за это. Скоукрофт много мне говорил о конструктивной американской линии в отношении советско-германского сближения. Вы его знаете, это умный человек.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Такое же впечатление он произвел на меня во время моих бесед с американцами.

Г. КОЛЬ. Это тонкий и взвешенный политик, а не какой-то там генерал-крикун. Скоукрофт знает Клаузевица и понимает, что советско-американские отношения должны быть поставлены на новую основу. Это один уровень. Германия — несколько другой уровень. Но чем лучше будут отношения между СССР и США, тем легче нам будет улучшать атмосферу в Европе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сейчас политический контекст существенно отличается от того, который был два—три месяца тому назад. Налицо движение НАТО в сторону трансформации, усиления акцента на политический спектр деятельности. В Лондоне был сделан большой шаг на пути сбрасывания с себя оков прошлого. То, что Советский Союз теперь не рассматривается Западом в качестве противника, имеет большое значение для разработки планов на будущее.

Мы знаем и ценим ту роль, которую играют Федеральный канцлер и правительство ФРГ в развитии позитивных процессов в Европе. В Советском Союзе внимательно за этим следят. Наше общественное мнение постепенно, шаг за шагом перестраивается в сторону понимания того выбора, который сделал немецкий народ, встав на путь объединения. Прошлое мы не можем забыть. В каждую семью у нас в свое время пришло горе. Но надо повернуться лицом к Европе, встать на путь сотрудничества с великой немецкой нацией. Это и есть наш вклад в укрепление стабильности в Европе, в мире.

Тут подбрасывают некоторые военные, в силу их специфических качеств, журналисты, что, мол, распродаем за марки Победу, которая досталась такой ценой, с такими жертвами. Ситуацию нельзя упрощать, но мы должны видеть реальность.

И все же ситуация меняется к лучшему. И мы можем рассуждать конкретно и перспективно, оставляя эмоциональную сторону, хотя

и не забывая ее. И вам, и нам необходимо исходить из посылки: мы видим цель, будущее и видим актуальные проблемы, которые надо решать в связке. Без этого мы не сможем двигаться дальше. Решающее значение для этого будет иметь подведение под наши отношения новой договорно-правовой базы. Поэтому я хотел бы передать вам наши соображения к договору между СССР и Германией. Не как проект, а как соображения. Может быть, у вас что-то появится. И будем это двигать. Это цель.

Г. КОЛЬ. У меня тоже есть соответствующие мысли, изложенные на бумаге, которую я вам сейчас передам. Хотел бы особо подчеркнуть, что это мои собственные соображения. Они не выносились на обсуждение в федеральное правительство. При их составлении я не привлекал на помощь даже министров. У министров много сотрудников, один скажет что-то другому, а потом все выплеснется на страницы газет. МИД и министерство финансов я тоже пока оставил в стороне.

Речь идет пока лишь об эскизе мыслей и соображений. Хотел бы отметить, что в нем много общего с германо-французским договором. Я бы предложил, чтобы мой ближайший сотрудник Тельчик и кто-нибудь из ваших доверенных лиц рассмотрели бы этот документ в предварительном порядке, а на следующем этапе можно будет, наверное, уже подключить МИДы обеих стран. Я пока за конфиденциальность, так как не хочу, чтобы эта тема дискутировалась у нас в ходе предвыборной кампании.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я вас хорошо понимаю, дам поручения.

При подготовке договора надо пойти на встречные шаги, прояснить позиции, с тем чтобы не возникало недопонимания. Часть позиций уже выкристаллизовалась, остальное можно будет доработать. Ясно, что новая Германия будет располагаться на территории ФРГ, ГДР и Берлина, что она откажется от претензий на перекройку границ. Есть и другие вопросы, где наши позиции близки, и их быстро можно привести к общему знаменателю.

Г. КОЛЬ. Многое не представляет для нас проблем, во многом мы пошли очень далеко. По границам были приняты две одинаковые резолюции Народной палаты ГДР и бундестага. Это очень серьезный и солидный шаг.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы исходим также из того, что Германия откажется от ядерного, химического и биологического оружия.

Г. КОЛЬ. В этом не может быть никаких сомнений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Речь должна идти о нераспространении на территорию ГДР военных структур НАТО и сохранении там на какой-то

переходный период советских войск, а также о ликвидации четырехстороннего статуса Берлина.

Г. КОЛЬ. То есть о полном суверенитете Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, но при том понимании, что сократятся наши войска на переходный период.

Есть две тяжелые темы: о членстве Германии в НАТО — здесь вопрос ясен. Де-факто после объединения на территории нынешней ГДР не должно быть войск НАТО. Это в переходный период, а потом вопрос будет терять остроту. Возникнет переходное состояние, характеризующееся тем, что при юридическом членстве Германии в НАТО ее восточная часть будет оставаться в сфере действия Варшавского Договора. Мы даем, таким образом, развязку проблемы о членстве Германии в НАТО.

Второе. Вы настаиваете, чтобы с момента создания единой Германии были отменены четырехсторонние права и ответственность. Требование это не совсем реальное, так как потребуются ратификация соответствующего документа «шестерки». Она займет некоторое время.

В принципе мы могли бы пойти на то, чтобы записать в документе об основных принципах пункт об отмене четырехсторонних прав и ответственности. Предпосылкой этого является заключение нового договора об условиях пребывания наших войск в Германии в течение трех—четырёх лет, либо подтверждение действительности всех договоров с ГДР, которыми регулируется в настоящее время пребывание там советских войск.

Г. КОЛЬ. Эти соображения мы тщательно проанализируем. Я думаю, мы сможем согласиться с пребыванием на территории бывшей ГДР в течение трех—четырёх лет группы советских войск, численность которой будет дополнительно согласована. Может быть найден и какой-то другой вариант. Так или иначе, мы заинтересованы в том, чтобы прекратились четырехсторонние права и ответственность, и Германия стала полностью суверенной.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пребывание наших войск должно быть обязательно урегулировано. Оно не должно повисать в воздухе, для него нужна правовая основа. В противном случае их будут воспринимать как оккупантов.

Г. КОЛЬ. Моя цель ясна. Германия в целом будет входить в НАТО. И вы, и мы это понимаем. Мы знаем, что ждет НАТО в будущем, и думаем, что теперь и вы в курсе дела. Мой друг Вернер, конечно, говорил вам об этом. Войск НАТО на территории ГДР не будет. Если я вас правильно понял, вы не хотите, чтобы сфера действия НАТО распространялась на территорию бывшей ГДР в течение трех—четырёх лет,

пока там будут находиться советские войска. Переход территории ГДР в сферу НАТО должен будет произойти после вывода оттуда советских войск.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Речь идет о совмещении двух принципиальных вопросов. Объединенная Германия является членом НАТО. Де-факто бывшая территория ГДР до тех пор, пока там находятся советские войска, в сферу действия НАТО входить не будет. Суверенитет объединенной Германии при этом никоим образом не ставится под сомнение. По истечении переходного периода можно будет начать переговоры о выводе советских войск.

Г. КОЛЬ. Я думаю, нам надо заключить отдельный договор об условиях пребывания советских войск в Германии. Если мы будем обращаться к договорам, ранее заключенным между СССР и ГДР, то для немцев это явится психологическим синдромом. Послышится уже упомянутое вами слово «оккупация». Поэтому я за новый отдельный договор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Договор об условиях пребывания советских войск в течение трех—четырёх лет.

Г. КОЛЬ. Три—четыре года для меня не проблема. Это будет проблема для вас, так как экономическая ситуация на территории, где находятся советские войска, изменяется. И это соответствующим образом будет на них воздействовать.

Для меня проблема заключается в том, куда пойдут отсюда солдаты и чем они будут заниматься. Здесь мы могли бы оказать содействие. И психологически нам будет легче это сделать, если будет заключен новый договор и, таким образом, исчезнет последний оттенок оккупационных времен. Мы могли бы оказать содействие в обучении военнослужащих гражданским профессиям, причем таким, которые понадобятся именно для перехода на рыночную экономику.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Плюс жильё.

Г. КОЛЬ. Только должно быть сказано, что жильё будет строиться для граждан Советского Союза, а не для военнослужащих Советской Армии. Не должно быть никакого намека на то, будто бы действует некая программа германской помощи Советской Армии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Расселять возвращающихся военнослужащих мы будем по всей территории СССР, а она не такая уж маленькая. Так что ваша озабоченность будет снята.

Г. КОЛЬ. Ребенку надо дать настоящее имя с тем, чтобы оно ни у кого не вызывало сомнений.

В целом хотел бы сказать, что немцы с пониманием и поддержкой высказываются в пользу оказания помощи Советскому Союзу. Здесь

у нас крепкий тыл. Заслуга в этом прежде всего ваша, г-н Горбачев, и ваших сподвижников. Вера в необратимость реформ, позитивных изменений в Советском Союзе, исходящая из Москвы, оказывает на немцев глубокое благотворное воздействие.

Через 10 лет заканчивается XX век. И мы у себя в Германии полны решимости завершить его достойно вместе с великим Советским Союзом на пользу Европе и всему миру. США нас тоже поддержат. Любопытно, что американцы вновь открыли для себя Германию. Сейчас каждый второй сенатор в Вашингтоне утверждает, что у него бабушка была немка.

Хорошие отношения у нас с Францией. Однако есть определенные проблемы. До сих пор был баланс. У ФРГ нет и не будет ядерного оружия, а наша экономика сильнее французской и еще более укрепитя после объединения. Спрашивается, во что же обходится ядерное оружие? Советский Союз воевать не собирается. НАТО тоже к войне не готовится, а ядерное оружие требует немалых сумм из бюджета. У французов в этой связи возникают психологические сложности.

В этих условиях Германия хочет мира, новых отношений с великой Россией. Да и объединение ее происходит не на основе противопоставления другим странам, а в согласии с соседями и со всеми, кого оно затрагивает. Мир с Россией для нас не будет выжат под давлением каких-то обстоятельств, а заключен на свободной, суверенной основе в качестве двух равноправных партнеров. Хотел бы повторить: вся история России и Германии свидетельствует о том, что между русскими и немцами никогда не было врожденной вражды. Силы зла, а не добра натравливали их друг на друга, и это имело трагические последствия. Не случайно в свое время в Россию добровольно приехали 2 млн немцев. Они пустили глубокие корни, и за ними надо ухаживать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В перерывах съезда я гулял по Кремлю и три раза встречался с немцами из Мюнхена, из Штутгарта, из других городов. Всегда получался очень теплый, душевный разговор.

Г. КОЛЬ. День ото дня наш народ становится все более оптимистичным. Прогресс советско-американских отношений, объединение Германии, новая глава в отношениях с СССР — все это вселяет уверенность в мирное будущее. Мы наметили темы для наших предстоящих бесед. Я и моя делегация готовы к самой конструктивной работе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы ее начали в Москве, а продолжим на Кавказе. В ясном горном воздухе многое и видится яснее.

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем *(в составе делегаций)*

15 июля 1990 года

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** У меня складывается впечатление, что мы с вами с пониманием относимся к проблемам, которые поставила сама жизнь. В наших разговорах присутствует и философский момент, важный для отношений Советского Союза с Германией, и прагматический момент. То, что мы делаем, направлено на то, чтобы совместить эти два подхода и сформулировать на них базу наших отношений

О XXVIII съезде, который только что завершился. Баталии были жаркие. У Джона Рида есть книга «10 дней, которые потрясли мир». Так вот мы прошли через 11 дней, имевших не менее важное значение, чем 1917 год.

Съезд высказался за продолжение процессов перестройки, отклонив наскоки как слева, так и справа. Мы пришли к пониманию приоритетности коренных преобразований — развития сельского хозяйства и решения продовольственной проблемы, разработки и заключения нового союзного договора, улучшения положения на потребительском рынке, радикализации экономических программ с целью перехода к рынку. Уже на следующей неделе собираемся провести заседание Президентского совета и Совета Федерации. Обсудим вопрос, как нам двигать дальше правительственную программу перехода к рынку, как перестраивать на основе Союзного договора наше государство. Нас ждут глубочайшие перемены.

Пользуясь тем, что здесь присутствуют члены правительства ФРГ, скажу, что мы ценим развитие в последние месяцы и недели двусторонних контактов по самым разным направлениям, складывающиеся экономические отношения на основе далеко идущих идей. В частности, есть хорошая идея — создание малых и средних форм. Когда

я был на Урале, там рассказали, что одна из западногерманских фирм добралась до местного оборонного предприятия. Были найдены очень интересные формы сотрудничества на основе конверсии.

Хочу выразить признательность за предоставленные нам кредиты, за выступление Федерального канцлера на совещании «семерки» в Хьюстоне в пользу оказания экономической и финансовой помощи Советскому Союзу. Мы делаем сейчас очень крупный маневр в экономике. Такой кредит и помощь облегчат нам решение ряда важных задач.

Надеюсь, что нынешняя встреча углубит взаимопонимание на всех направлениях, что обе наши страны выйдут на новый виток сотрудничества.

Г. КОЛЬ. Спасибо за оказанный прием, гостеприимство, конструктивную беседу. Уверен, что итог двухдневных переговоров будет положительным.

Наступил исторический момент в мировой политике. Начало 90-х годов может приобрести огромное значение для будущего. Ряд процессов требует таких решений, которые окажут длительное и позитивное влияние на последующее развитие. Важно не упустить шанс.

Я точно знаю, что участники встреч представителей западных стран в Дублине, Лондоне и Хьюстоне видят наличие таких уникальных шансов. Мы с большим вниманием следим за развитием в Советском Союзе. Большой интерес вызвал XXVIII съезд КПСС. Хотели бы поздравить вас с подтверждением на съезде линии на продолжение перестройки, с избранием Генеральным секретарем партии.

До конца года «семерка» и ЕС дадут ответ на ваше обращение к Президенту Бушу по вопросу об экономическом и финансовом сотрудничестве Запада с Советским Союзом. Возможно, ответ будет дан в начале декабря, после промежуточных американских выборов.

В целом на Западе произошли серьезные позитивные изменения в отношении сотрудничества с СССР. Президент Буш прямо заявил в Хьюстоне: «Мы хотим, чтобы Горбачев имел успех».

Что касается ФРГ, то мы намерены оказать практическую помощь уже в ближайшее время, без задержки.

О германских делах. К концу года Германия будет воссоединена. Принципиально важно, что в отличие от 1870 года воссоединение Германии происходит в совершенно иных условиях, не на основе противопоставления ее другим странам, а в согласии с соседями и со всеми, кого оно затрагивает.

Надо иметь в виду и то, что и Европа становится иной. При этом мы не забываем историю. Кто не помнит ее, тот не сможет проводить

правильную политику, нацеленную в будущее. Во время войны мы были слишком молоды, чтобы воевать, но достаточно взрослыми, чтобы понять все ужасы войны. Нами уже немало сделано для того, чтобы не допустить повторения столь трагических событий. Эту эстафету мы передадим новым поколениям, но кое-что придется еще сделать и самим.

Одну из ближайших задач мы видим в том, чтобы Советский Союз и объединенная Германия заключили в течение, скажем, года всеобъемлющий договор, который учел бы все ценное в существующих договорах СССР с двумя германскими государствами и, конечно, внес бы много нового. Такая возможность тем более реальна с учетом того, что намечается подписание совместной декларации ОВД и НАТО о ненападении. Было бы хорошо, чтобы Советский Союз и Германия активно помогли реализации этого намерения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хочу поблагодарить за сказанное. Нам придется еще солидно поработать, но можно с уверенностью сказать, что будут найдены подходы, устраивающие обе страны.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем

Архыз, 16 июля 1990 года

*(В беседе приняли участие с немецкой стороны Г.-Д. Геншер
и Т. Вайгель, с советской — Э.А. Шеварднадзе,
Ю.А. Квицинский и С.А. Ситарян)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать вас, г-н Коль, и всех членов вашей делегации в Архызе. Здесь мы можем спокойно и свободно поговорить. Вы — мой гость, и поэтому вам слово.

Г. КОЛЬ. Вчера в Москве мы уже приступили к обсуждению наиболее важных вопросов повестки дня нашей встречи. Сейчас хотел бы начать с всеобъемлющего договора между Советским Союзом и объединенной Германией. К его проработке надо приступать уже сейчас. Мы видим связанные с этим проблемы, но они разрешимы.

Я сейчас говорю об этом от имени ФРГ, а не Германии. Проработка договора тоже пойдет по линии ФРГ—СССР. Во избежание каких-либо недоразумений и недопонимания у других стран, думаю, было бы целесообразно сказать о нашем намерении подготовить договор уже на сегодняшней совместной пресс-конференции. Не вдаваясь в детали, можно было бы сообщить, что этот договор призван охватить все основные аспекты политических, экономических, культурных и гуманитарных отношений, создать надежную основу для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества между советским и германским народами.

Такой информации будет вполне достаточно, чтобы удовлетворить потребность в новостях как в журналистских, так и в политических кругах. А затем наши представители могли бы уже в конфиденциальной обстановке заняться конкретной проработкой этого договора.

Я думаю, и это моя цель, что такой договор мог бы быть заключен уже через год с правительством объединенной Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом есть логика, здесь учитываются как уроки истории, так и существующие реальности. Среди западных стран

у Советского Союза самые разветвленные связи во многих областях с ФРГ, а среди восточноевропейских государств — с ГДР. Отсюда и договор с объединенной Германией должен быть адекватного объема и характера. Это честная, открытая позиция. Думаю, ее все поймут, имея в виду намерение Советского Союза и его будущего партнера — объединенной Германии — выйти на качественно новый уровень отношений друг с другом.

Г. КОЛЬ. С договором у нас никаких проблем не будет. Мне просто хотелось бы избежать впечатления, что нынешнее Федеральное правительство выступает в роли правительства будущей объединенной Германии. Это важный пункт, прежде всего по психологическим мотивам.

Хотел бы повторить, что мы настраиваемся на заключение — на основе далеко идущих идей — всеобъемлющего договора между Советским Союзом и объединенной Германией, который учел бы все достойное в существующих договорах СССР с двумя германскими государствами и, конечно, внес бы много нового. Надо будет посмотреть, что нам взять в будущее из ранее заключенных договоров и соглашений. Документ должен быть масштабным и впечатляющим, достойным таких двух государств, как Советский Союз и Германия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Главное в том, чтобы договор был сориентирован на длительную перспективу. Для советского народа очень важно почувствовать, что его ждет взаимовыгодное добрососедское сотрудничество, налаживание качественно новых связей и контактов с немецким народом.

Г. КОЛЬ. Это очень важный пункт с прицелом на будущее, гарантирующий придание нового качества нашим отношениям.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Было бы желательно согласовать основные положения договора к ноябрю. Нам трудно будет пропустить документы, связанные с объединением Германии, через Верховный Совет СССР, если не будет договора. Это очень существенный момент.

Г. КОЛЬ. У нас могут возникнуть, как мне кажется, некоторые проблемы с Польшей. Они будут касаться границ, но не по существу, а по форме. Что нужно для Верховного Совета?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Обмен письмами.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Письмами типа заявления о намерениях.

Г. КОЛЬ. Я не вижу здесь проблемы. Можно будет договориться о том, что я пришлю вам письмо, содержание которого мы согласуем в предварительном порядке. Это письмо будет содержать перечень положений, которые мы совместно разработаем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Понадобятся, наверное, соответствующие консультации с ГДР.

Г. КОЛЬ. Здесь нет никаких проблем. Мы вступим в контакт с ГДР. Премьер-министр ГДР, возможно, напишет вам письмо, в котором он поддержит идею заключения договора между Советским Союзом и объединенной Германией и выразит согласие с тем, что будет сказано в моем письме.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Понятно, что договор будет подписываться правительством объединенной Германии, но очень важно прийти к определенному промежуточному решению. Наши соображения по содержанию договора мы вам передали.

Г. КОЛЬ. Чтобы все было ясно, дело должно выглядеть следующим образом. Между Советским Союзом и ФРГ идет обсуждение рамок будущего договора. Разговор идет не о самом договоре, а о его рамках. В ходе этих бесед будет подготовлен проект письма, адресованного советской стороне. Мы, ФРГ, согласуем это письмо с ГДР — это будет уже наше двустороннее дело. Думаю, что такой подход удовлетворит все стороны, которых будет затрагивать будущий договор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо.

Г. КОЛЬ. Очень важна работа механизма «2 + 4». Главная цель, которая должна быть там достигнута, — обретение Германией полного суверенитета без каких-либо ограничений после своего объединения. В этой связи нам предстоит обсудить целый ряд очень важных пунктов.

Я уже говорил об излишних, на наш взгляд, требованиях Польши в вопросе о границах. Есть известное решение Народной палаты ГДР, есть такое же решение бундестага ФРГ, где о границах все сказано ясно, просто и окончательно. Поляков это, однако, не устраивает. У нас с ними предстоят переговоры.

Три недели назад я говорил Мазовецкому, что во взаимных интересах было бы желательно заключить всеобъемлющий польско-германский договор. Он занял уклончивую позицию. Поляки и раньше уходили от ясного ответа на наше предложение в ходе соответствующего зондажа. Судя по всему, после объединения Германии с поляками придется заключить прежде всего договор о границах, поскольку на всеобъемлющий договор они пока идти не хотят.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как вы представляете себе завершение работы механизма «2 + 4»?

Г.-Д. ГЕНШЕР. Принятием соответствующего заключительного документа. Очень важно разработать его до встречи СБСЕ в верхах и потом подписать. Важнейшим результатом деятельности «шестерки» должна стать полностью суверенная Германия, не обремененная какими-либо открытыми вопросами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По нашему мнению, это должен быть документ, охватывающий все принципиальные вопросы, относящиеся к внешним аспектам немецкого объединения:

- создание новой Германии в границах ГДР, ФРГ и Берлина;
- отказ Германии от ядерного, химического и бактериологического оружия;

- отношение к четырехсторонним правам и ответственности.

Итогом будет восстановление полного суверенитета. В этой связи надо констатировать наличие некоторых проблем, в отношении которых должен быть найден выход из положения.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Какие проблемы имеются в виду, г-н Президент?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Прежде всего нераспространение на территорию ГДР военных структур НАТО и сохранение там на определенный согласованный период советских войск. Мы с Федеральным канцлером вчера взвешивали идею заключения отдельного договора об условиях пребывания наших войск в Германии. В заключительном документе «шестерки» должна быть принципиальная констатация на этот счет. Одним словом, нужна правовая основа, так как в противном случае пребывание наших войск как бы повисало в воздухе.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Соответствующий документ «шестерки» мы намерены понимать таким образом, что объединенная Германия в соответствии с Заключительным актом Хельсинки будет иметь право выбора входить ей или не входить в тот или иной союз. Вы знаете, что мы за то, чтобы она входила в НАТО. Между нами должна быть ясность на этот счет.

Г. КОЛЬ. Хотел бы предложить следующее, чтобы у нас не было путаницы. Давайте по порядку пройдемся по всем вопросам, а в конце окажем, что и где должно быть реализовано.

Полный суверенитет государства, разумеется, подразумевает свободу выбора в отношении вступления в тот или иной союз.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это понятие охватывает все. Надо, однако, договориться о том, чтобы была взаимность.

Г. КОЛЬ. Политический суверенитет означает для Германии возможность принять решение о том, в каком союзе ей быть. Между нами могло бы быть достигнуто взаимопонимание об этом, но записывать это было бы необязательно.

Об отказе Германии от ядерного, химического и бактериологического оружия я уже говорил. Здесь у нас никаких проблем нет.

Встает вопрос об оформлении соответствующего урегулирования для советских войск, находящихся на территории ГДР. Мы понимаем это таким образом, что будет разработан соответствующий двусторон-

ний договор между Германией и Советским Союзом. Его надо начать готовить уже сейчас. Предлагаю воспользоваться той же процедурой, которую мы наметили по всеобъемлющему советско-германскому договору: ФРГ и СССР вступают в переговоры, а ФРГ по своей линии осуществляет необходимые согласования с ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это один из центральных пунктов. Нам не уйти в ходе наших бесед от темы пребывания советских войск на территории объединенной Германии. Это связано с основной принципиальной позицией о нераспространении на территорию ГДР структур НАТО. Будет складываться такая ситуация, когда в восточной части Германии будут дислоцированы советские войска. Разумеется, что на нее структуры НАТО распространяться не могут. Это не ставит под вопрос суверенные права Германии. Нужен, конечно, отдельный двусторонний договор об условиях пребывания наших войск после объединения Германии.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Объединенная Германия будет суверенным государством, но на определенное время на ее территории, там, где раньше находилась ГДР, будут размещены советские войска. Это должно быть отрегулировано отдельным соглашением.

Г. КОЛЬ. Разработать его надо будет, видимо, также до ноября этого года.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Канцлер выскажет вам свои соображения по содержанию такого договора.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы также выскажем свои соображения.

Г. КОЛЬ. Со своей стороны мы проработаем необходимые вопросы с ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По сути дела, речь пойдет как бы о совмещении вашей и нашей позиций. Германия является членом НАТО, но на ГДР сфера действия НАТО не распространяется.

Г. КОЛЬ. Пока там остаются советские войска?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Посмотрим, как пойдет развитие. Нам и вам нужно все обдумать. Развитие идет в направлении восстановления суверенитета объединенной Германии. Поддерживаю предложение канцлера о том, что должен быть новый договор о пребывании советских войск.

Новая суверенная Германия сообщит нам, что понимает нашу озабоченность и что страны НАТО не будут двигаться на территорию ГДР со своим ядерным оружием.

Г. КОЛЬ. До тех пор пока там находятся советские войска?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда будем говорить о выводе войск, то и обсудим этот момент. К этому времени могут быть подвижки в Вене, воз-

никнет новое качество в отношениях между ОВД и НАТО, и все будет выглядеть иначе. Сейчас нас интересует ближайшее будущее.

Если с вашей стороны последуют какие-то заявления о распространении сферы НАТО на территорию ГДР, то у нас возникнет мощное движение противодействия. Это надо учитывать.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Нужна ясность во избежание сомнений относительно суверенитета Германии. Если нас спросят, то мы скажем, что вопрос будет решаться в соответствии с реально складывающейся обстановкой, но суверенитет Германии при этом не затрагивается.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Суверенитет мы не ставим под вопрос. Все остальное — тактика. Когда спросят, что будет после ухода советских войск, то мы ответим, что при наступлении такой ситуации мы ее рассмотрим.

Г.-Д. ГЕНШЕР. В рамках суверенитета?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Вопрос о войсках является принципиальным и потребует обсуждения. Если после ухода советских войск на территорию ГДР войдет НАТО и там появится ядерное оружие, то произойдет взрыв, и все, что мы сделали, будет похоронено.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Речь идет о совмещении двух принципиальных вопросов — суверенных прав объединенной Германии и того, что делать в будущем. Жизнь меняется очень быстро, и когда наступит следующая стадия, тогда и надо будет выходить на соответствующие решения. Забегать здесь вперед было бы чревато самыми опасными последствиями.

Г. КОЛЬ. Для самоконтроля попробую суммировать все обсуждавшееся еще раз.

Полный суверенитет Германии восстанавливается сразу же после ее объединения. Между объединенной Германией и Советским Союзом заключается договор об условиях пребывания в течение определенного срока на ее территории советских войск. Это будет договоренность об урегулировании всего необходимого и, конечно, нацеленного на перспективу их ухода, постепенного свертывания такого пребывания.

Таким образом, советские войска будут находиться на территории объединенной Германии на основе нового договора, который мы начнем сейчас готовить по линиям СССР—ФРГ и ФРГ—ГДР.

Суверенная Германия сама решает, в какой союз ей входить. Мы говорим, что она станет членом НАТО. Одновременно формулируем, что на период пребывания советских войск структуры НАТО на Восток не распространяются. Правом суверенной Германии будет также

принятие решения о том, что делать после вывода советских войск оттуда, где они сейчас находятся.

Обо всем этом надо четко договориться, с тем чтобы не оставалось никакого бремени на будущее. Иначе действительно может пострадать большой договор.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Разумнее всего было бы четко и ясно зафиксировать, что после ухода советских войск на территории бывшей ГДР не появятся иностранные войска и ядерное оружие, что эта территория не будет использоваться против Советского Союза.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В договоре должна присутствовать мысль, что уход советских войск не будет использован для создания угрозы безопасности Советскому Союзу. У нас будет взаимопонимание, что Германия является членом НАТО, но уход советских войск не подорвет безопасности Советского Союза. Об этом надо совершенно четко договориться.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Не следует создавать впечатления, что Германия станет суверенной только после ухода советских войск. Должно быть ясно, что она будет суверенной, но будет условлено, что структуры НАТО не распространяются на Восток, хотя вовне все должно выглядеть так, чтобы не возникало сомнений в отношении членства объединенной Германии в НАТО. То есть мы говорим, что суверенная Германия принимает свое решение на основе политического суверенитета, а вы говорите о том, что НАТО не распространяет свои структуры на бывшую ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Будет подтверждение, что остающиеся войска не затрагивают суверенитета.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Необходимо выяснить вопрос о том, будут ли к тому времени еще чьи-то войска на территории ГДР. Речь может пойти о немецких войсках, не подчиненных НАТО.

Г. КОЛЬ. Это будут солдаты бундесвера, не находящиеся в подчинении НАТО.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Сейчас в Берлине находятся войска США, Франции, Великобритании и Советского Союза. Их пребывание там регулируется особыми договоренностями, которые будут отменены после получения Германией полного суверенитета.

Мы заинтересованы в том, что, пока советские войска будут находиться на территории ГДР, эти контингенты останутся в Большом Берлине, но на новой договорной основе, а не по четырехсторонним правам. Численность их не должна быть больше, чем сейчас.

Ю.А. КВИЦИНСКИЙ. В Берлине будут сохраняться также советские войска. При этом, согласно договоренности 1945 года, союзнические войска не должны размещать в Берлине ядерного оружия.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Позволю себе подвести промежуточный итог.

Объединенная Германия будет суверенной. Имеется взаимопонимание, что она будет входить в НАТО, но это не будет публиковаться. Структуры НАТО не распространяются на территорию ГДР, пока там находятся советские войска. Относительно их пребывания будет заключен соответствующий договор, который должен быть подготовлен до объединения Германии. Кроме советских войск на территории нынешней ГДР будут дислоцированы войска ФРГ, не подчиняющиеся НАТО. Эти войска называются войсками территориальной обороны.

Войска четырех держав на территории Большого Берлина будут оставаться после восстановления немецкого суверенитета на основе соответствующих двусторонних договоренностей до тех пор, пока советские войска не уйдут с территории бывшей ГДР. Численность войск не должна превышать нынешнюю. Вооружение их остается таким, каким оно было до сих пор.

Чтобы не возникало недоразумений, затрону еще один пункт. Пребывание войск четырех держав на основе двусторонних соглашений не явится препятствием для того, чтобы в Берлине были дислоцированы подразделения бундесвера.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Еще раз затрону очень важный для нас пункт. Необходимо найти подходящую форму — обязательство, заявление или что-то другое, чтобы нам быть уверенными в том, что после ухода советских войск НАТО с ядерным оружием и своими складами не войдет на территорию бывшей ГДР. Иначе будут взорваны все наши договоренности, поставлена под вопрос ваша политика, тем более что в это время будет продолжаться процесс разоружения и не только мы, но и западные державы будут сокращать свои воинские контингенты.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы придерживаемся того правила, что в одной стране не должно быть зон пониженной безопасности. Статьи 5 и 6 Договора НАТО недвусмысленно говорят о том, что союзники обязаны защищать друг друга в случае нападения на них. Это положение распространяется на всю территорию всех государств — членов НАТО. Оно, конечно, распространится и на территорию ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Суверенным правом Германии будет решение вопроса о принадлежности к НАТО. Но и мы имеем право на полную, а не ущемленную безопасность. Поэтому мы должны быть уверены в том, что после нашего ухода страны НАТО не войдут на территорию ГДР с ядерным оружием.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Когда Германия станет суверенной, то на всю ее территорию будут распространяться статьи 5 и 6 Договора НАТО.

Г. КОЛЬ. Эти задачи может решить бундесвер. Для ясности повторю еще раз.

Мы хотим быть справедливыми друг к другу, уверенными в том, что и мы, и вы являемся надежными партнерами. Германия получит полный суверенитет без каких-либо ограничений и станет членом НАТО. Статьи 5 и 6 будут действовать в отношении всей Германии. На время пребывания советских войск на территории бывшей ГДР будет находиться также бундесвер. Но это будут войска территориальной обороны, а не те, которые интегрированы в НАТО. Одновременно достигается договоренность о сохранении французских, английских и американских войск в Берлине до тех пор, пока советские войска будут оставаться в ГДР. Войска трех держав не будут иметь ядерного оружия, а численность их не будет превышать нынешнюю.

Ваша озабоченность заключается в том, что наступит день «X», советские войска уйдут, и что будет после этого? Появится ли ядерное оружие на территории бывшей ГДР?

Скажу откровенно, что пока этот вопрос не обсуждался. Однако развязку необходимо найти. Мы это чувствуем. Но, во-первых, гарантии безопасности дает уже то, что к этому времени мы будем иметь пакт о ненападении. Не должно быть так, чтобы заключался договор, а через несколько лет появлялось ядерное оружие. Мы за то, чтобы быть честными по отношению друг к другу. Если есть противоречия, то их надо обсудить, подумать о путях их преодоления. Новое качество отношений не возникнет, если мы не договоримся. Сейчас я не могу предложить никакой формулировки, но она обязательно будет найдена.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Германия объединится, получит политический суверенитет, будет членом НАТО, будет действовать статья 5.

Может быть, будет предложена соответствующая формулировка в письме канцлера о намерениях, о котором шла речь.

Г. КОЛЬ. Пока я не знаю, как лучше сформулировать это предложение. Еще раз хотел бы уточнить, что вы исходите из того, что после вывода советских войск на территории бывшей ГДР не будет, например, ни американских солдат, ни ядерного оружия. Или имеется в виду только ядерное оружие?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ни иностранных войск, ни ядерного оружия.

Г. КОЛЬ. Войска территориальной обороны — до тех пор, пока советские войска будут находиться на территории бывшей ГДР. Но немецкие войска вообще — это уже другое дело. Это же не иностранные войска.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пока присутствуют советские войска, рядом с ними могут быть войска территориальной обороны. Потом, после

вывода наших войск, может появиться бундесвер, те части, которые интегрированы в НАТО, но без ядерного оружия.

Ю.А. КВИЦИНСКИЙ. И без носителей ядерного оружия.

Г. КОЛЬ. Очень хорошо. Еще раз попробую сформулировать все ясно и твердо.

Полный суверенитет Германии означает, что после вывода советских войск на территории бывшей ГДР могут быть размещены любые германские войска, но их вооружение не должно иметь носителей ядерного оружия. На территории бывшей ГДР не будут размещены иностранные войска.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. В заключительном документе «шестерки» надо отразить в какой-то форме положение о советских войсках. Ведь этот документ будет опубликован, а отдельного договора между СССР и Германией по войскам еще не будет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Речь идет о том, что после подписания заключительного документа «шестерки» мы должны его ратифицировать. Ситуация такова: возникает суверенная Германия, союзники отказываются от своих прав и ответственности, а договора о пребывании советских войск еще нет. Западная группа советских войск оказалась бы в трудном положении. Поэтому до появления двустороннего договора следовало бы в заключительном документе записать строку о советских войсках, имея в виду, что условия их пребывания в Германии будут определяться в договоре между правительствами объединенной Германии и СССР.

Г. КОЛЬ. Нет вопроса. Но надо бы конкретизировать и, наверное, уже сегодня на пресс-конференции сказать о приблизительных сроках их пребывания, а также о численности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если американцы не откажутся от договоренности, то численность известна — 195 тыс. Правда, недавно американцы стали говорить о 225 тыс.

Г.-Д. ГЕНШЕР. На этот счет будут действовать венские договоренности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Конечно, потребуется время, чтобы выйти на 195 тыс. Сокращение войск — дело непростое, вам это хорошо известно. По нашим оценкам, на это потребуется пять—семь лет, некоторые говорили даже о десяти годах.

Г. КОЛЬ. Это долго. Вчера речь шла о трех—четыре года. Это вполне реальный срок.

Скажу совершенно откровенно, что мы не хотим осложнений в наших взаимоотношениях и не хотим, чтобы у вас возникали проблемы. Удлинение сроков пребывания войск может вызвать проблемы, при-

чем не у нас, а у вас. В ГДР сейчас резко меняется экономическая обстановка, картина становится иной. Ваши солдаты все видят, делают из этого соответствующие выводы и принимают какие-то решения.

Скажу совершенно честно: мы можем согласиться и на четыре года. Но лучше три, причем как раз для вас. Три года соответствовали бы вашим интересам.

Мы знаем о тех проблемах, которые могут у вас возникнуть в связи с возвращением в Союз войск. Мы вчера об этом говорили. Еще раз хотел бы подтвердить, что ФРГ готова оказать содействие в обучении демобилизующихся советских военнослужащих гражданским специальностям.

Мы с пониманием относимся и к весьма остро стоящей у вас проблеме обеспечения возвращающихся военнослужащих жильем. Здесь мы могли бы оказать содействие. Главное — избежать впечатления, будто бы ФРГ строит квартиры для советских солдат. Все должно выглядеть таким образом, что мы помогаем вам в решении жилищного вопроса в общесоюзном масштабе. Кого вы будете вселять в это жилье — ваше дело. Но надо только создавать специальные военные поселения или какие-то солдатские гетто.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы не только приветствуем, но и с удовлетворением воспринимаем такие соображения, господин Коль. Надо еще иметь в виду, что мы сокращаем у себя внутри армию на 500 тыс. человек. Страна наша большая, и мы сможем сделать все так, чтобы у вас не было никаких опасений. Три—четыре года пребывания военнослужащих за рубежом — приличный срок, а экономическая среда будет меняться очень быстро. Просил бы Ситаряна и Вайгеля рассмотреть весь этот комплекс вопросов.

Т. ВАЙГЕЛЬ. Мы обсудили о господином Ситаряном проблемы, возникающие для советских войск в свете введения в ГДР марки ФРГ. Для 1990 года, как уже известно, мы нашли особое урегулирование, выделили в рамках госдоговора о ГДР 2 млрд марок ФРГ. Сейчас мы внимательно изучаем ситуацию на предприятиях ГДР, которые завязаны на поставке своих изделий в Советский Союз. Мы думаем о том, как помочь этим предприятиям функционировать и дальше. Исходим при этом не из степени риска для нас, а из желания содействовать развитию отношений в будущем между объединенной Германией и Советским Союзом. Мы даем этим предприятиям необходимые кредиты, оказываем другое содействие. Хорошо было бы осенью, в сентябре, рассмотреть все эти вопросы в комплексе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вчера в Москве было условлено, что Рыжков напишет соответствующее письмо Колю.

Г. КОЛЬ. Важно, чтобы продолжался диалог на руководящем уровне. Мы готовы подключить к этой работе своих министров. То, что было сделано до сих пор, оказалось, на наш взгляд, весьма эффективным.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Необходимо попытаться найти формы для интеграции предприятий ГДР в наши связи. Это удовлетворит и вас, и нас. В ГДР хорошо знают советских партнеров, советскую промышленность, имеют прямые связи с предприятиями. Это надо использовать в интересах дела.

С.А. СИТАРЯН. Обрисовались четыре группы вопросов, которые предстоит обсудить.

— Финансирование советской группы войск по мере сокращения и вывода. Если раньше в пересчете на нефть оно обходилось в 6 млн тонн, то завтра, после введения марки ФРГ, это будет составлять 17 млн тонн. То есть плюс 11 млн тонн, что равно объему наших поставок в ГДР. Значит, не остается ресурсов на решение других задач.

— Имущество Министерства обороны СССР. Надо подумать, что делать с ним дальше. Может быть, выкупить или найти какой-то другой путь, использовать совместные формы хозяйствования.

— Недопущение нарушений кооперационных связей с Советским Союзом в ходе объединения Германии. Этот вопрос можно решить с учетом предложения Рыжкова о создании трехсторонней комиссии. Нельзя затягивать этот вопрос до ноября, так как предприятиям предстоит заключить контракты на будущий год.

— Заключение крупного экономического, торгового и научно-технического соглашения между Советским Союзом и объединенной Германией на длительную перспективу.

Т. ВАЙГЕЛЬ. В последние недели и месяцы была проделана большая работа по решению экономических проблем в свете создания валютного союза между ФРГ и ГДР. Мы считаем достижением, что в соответствующем договоре была сделана защитная оговорка в отношении стран — членов СЭВ и торговли с государствами Восточной Европы. Трудности есть, но мы с большой надеждой смотрим на торговлю с Восточной Европой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы, конечно, в курсе того, что в отношениях с государствами Восточной Европы мы собираемся 1 января 1991 года выходить на мировые цены и свободно конвертируемую валюту?

Т. ВАЙГЕЛЬ. Проблемы с размещением войск связаны с переменами в системе трансферта рубля. Многое будет зависеть от того, как скоро Советский Союз сможет расширить возможности своей экономики, номенклатуры поставляемых товаров. Можно было бы увели-

чить поставки газа на 3 млрд куб. м. Это помогло бы, кстати, решить проблему окружающей среды в ГДР. Я имею в виду бурый уголь.

На встрече «семерки» в Хьюстоне удалось заручиться поддержкой всех участников в плане оказания немедленной технической помощи Советскому Союзу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы поняли сигнал из Хьюстона. Мы знаем также, что означает 4 ноября и начало декабря⁷⁷. Речь идет об одном пакете и может сказаться на позициях, которые мы сейчас обсуждаем. Я помню письмо канцлера Коля, там все увязано в один пакет. Но как бы не получилось так, что пакет этот будут заклеивать в Вашингтоне или в Международном валютном фонде. Надеюсь, что канцлер не уклонится от своей роли в формировании консорциума для реализации крупной идеи, связанной с финансовыми вопросами.

Мы провели огромную работу, чтобы подготовить программу перехода к рынку. Для нас это не менее актуальный вопрос, чем другие, обсуждаемые сегодня. Решать его надо сейчас, а не через два года.

Ясен нам и второй сигнал, касающийся желательности иметь к осени программу нашего перехода к рынку.

Учтен будет и третий сигнал, касающийся работы с европейскими сообществами. Я встречусь с Делором. Возможно, удастся встретиться в ближайшее время и с Андреотти.

Очень надеюсь, что будут приложены все усилия для того, чтобы реализовать весь пакет договоренностей, не разрывая его...

Г. КОЛЬ. На 15–16 декабря планируется вторая встреча ЕЭС в Риме. Обе эти встречи, обе эти даты, а также промежуток между ними чрезвычайно важны. Надо приложить максимум усилий для того, чтобы в этот интервал было сделано многое. Хотелось бы, г-н Горбачев, в этот период поддерживать о вами регулярный контакт, например, по телефону и путем обмена письмами. Наши министры иностранных дел тоже должны быть в постоянном контакте друг с другом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Попытаюсь резюмировать.

1. Мы договорились по вопросу вступления в переговоры в связи с возникновением новой ситуации для группы советских войск в Германии.

2. Рыжков направляет письмо канцлеру Колю по финансово-экономическим проблемам, возникающим в связи с объединением Германии, в том числе о судьбе предприятий ГДР, имеющих тесные кооперационные связи с СССР.

3. Вопрос об имуществе Министерства обороны СССР после ухода из Германии советских войск.

4. Советская концепция перехода к рыночной экономике.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Из чего состоит имущество Министерства обороны?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этот вопрос требует прояснения так же, как и внешние аспекты.

Г. КОЛЬ. Три—четыре года? Решим этот вопрос сейчас или позже?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Может быть, прямо сейчас не стоит?

Г. КОЛЬ. Нам не избежать упоминания временных рамок. На пресс-конференции или где-нибудь еще об этом обязательно спросят.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Три—четыре года и переговоры о соответствующем соглашении.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Вопрос о том, когда уйдет последний солдат, весьма проблематичен. Его нужно прояснить.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Кто это сейчас может сказать?

Г. КОЛЬ. Мне придется нелегко. Сложность заключается в том, что я в парламенте должен буду сказать, когда будут уходить советские войска, а также выкручиваться в вопросе о том, для кого будет строиться жилье.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо сказать обо всем в комплексе. Налаживается сотрудничество, в Советском Союзе осуществляется выход на рынок, мы заняты решением вопросов о приеме наших военно-служащих, об их переквалификации, размещении и т. д. Все это, естественно, требует времени, должна быть подведена соответствующая правовая база.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Важен не первый солдат, а тот, который будет уходить последним.

Г. КОЛЬ. Это важно для ведущих переговоры, так как перед ними должна быть поставлена определенная цель.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Необходимо прояснить обе части комплекса: вывод войск и сотрудничество, здесь тоже нужна конкретность.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Следует обменяться мнениями о численности бундсвера после объединения. У меня следующие соображения на этот счет.

1. Страны — участницы венских переговоров должны договориться о том, что на последующих переговорах будут согласованы национальные потолки для сухопутных и военно-воздушных сил всех 23 участников.

2. До момента вступления соответствующей договоренности в силу никто не должен увеличивать их нынешнюю численность.

3. Мы, немцы, готовы сделать заявление, касающееся как численности вооруженных сил объединенной Германии — сухопутных и военно-воздушных, так и заявления по немецким военно-морским силам, чтобы картина была полной.

Такое заявление будет иметь международно-правовую силу и действовать вместе с соглашением о сокращениях войск всех участников переговоров в рамках «Вена-2». Сейчас мы делаем примерно такое заявление: «В ожидании, что будет «Вена-2», мы начнем сокращение своих вооруженных сил сразу же после «Вены-1».

Сокращение будет осуществляться таким образом, чтобы одновременно с полным выводом советских войск с территории бывшей ГДР мы достигли своей цели сокращения. Таким образом, все начинается с «Вены-1», затем начинается вывод советских войск, а мы начинаем приближаться к своей цели сокращения.

Г. КОЛЬ. Здесь заложена взаимосвязь с формулой «2 + 4».

Г.-Д. ГЕНШЕР. Если советские войска уйдут за три года, то и мы сократим свои за три года. Если вы уйдете через четыре года, то и мы закончим свое сокращение через четыре года. Но в отличие от Советского Союза мы начнем сокращаться сразу же.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо подумать о том, чтобы на период пребывания наших войск в Германии в течение трех—четырёх лет были согласованы соответствующие финансово-экономические условия, по крайней мере на тех же принципах, что и для 1990 года.

Г. КОЛЬ. В отношении 1991 года надо будет взвесить все экономические аспекты. Так было договорено.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сейчас мы вырабатываем новую договоренность. Если решаем вопрос о наших войсках, о сроках ухода последнего солдата, то с такой же ясностью надо сказать, что условия будут определены на той же основе, что и для 1990 года.

Г. КОЛЬ. Исходя в конечном счете из 195 тыс.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пока реальности другие. 195 тыс. — это цель.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Ясность будет внесена в письме Федерального канцлера. Однако урегулирование 1990 года нельзя автоматически распространять на 1991 год. Федеральный канцлер выскажется о строительстве жилья и переквалификации военнослужащих на гражданские специальности. На это пойдут средства.

Мы видим ваши финансовые проблемы, в том числе касающиеся жилья. Но чего мы не хотим, так это заключения договора с упоминанием расходов на размещение войск. Здесь вопрос не в сумме, а в наименовании. У нас стоят другие войска, где мы не несем расходов по размещению. Мы хотим решить вопрос размещения, то есть прав, обязательств и финансов, однако избежать того, чтобы это называлось расходами на размещение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Название мы найдем, как только услышим, что правительство объединенной Германии с пониманием относится

к тому, что изменение условий содержания войск требует новых расходов и финансовых ресурсов.

С.А. СИТАРЯН. Тут возникает вопрос курсовой разницы, применения того же коэффициента, что и в 1990 году.

Г. КОЛЬ. Мы заинтересованы в том, чтобы советские войска были выведены в согласованные сроки. Но при этом мы не хотим, чтобы у вас возникла досада. Найдем путь помочь. Мы говорим о строительстве жилья, об обучении гражданским профессиям. Но я очень не хочу, чтобы в Германии разгорелась дискуссия под лозунгом «Германия суверенна, но в то же время несет расходы по содержанию советских войск».

Практическим примером для решения вопроса могли бы служить отношения у нас между федерацией и землями. Конституция не по всем вопросам дает разъяснения, делегируя часть их в земли. В противном случае все земли были бы завязаны на федерацию, что было бы чревато большими сложностями. Там, где возможно, мы помогаем из центра, но во многих случаях земли решают вопросы сами. Поэтому просил бы вас не называть это расходами на размещение или дислокацию.

Можете исходить из того, что мы найдем удовлетворительное решение. Мы также заинтересованы в том, чтобы не возникали трудности. Трудности для ваших войск в ГДР — это и наши трудности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. С 1 января 1991 года ситуация будет иной. Мы, разумеется, должны видеть, что появится дополнительная нагрузка на содержание войск. Это увеличит круг проблем, касающихся их вывода, возвращения, обустройства и переквалификации. В наших условиях это огромная дополнительная нагрузка на и без того перегруженную экономику. Как оформить — это дело техники. Должна быть ясность по существу. Через различные формы сотрудничества выйти на решения, обеспечивающие сносные условия содержания Западной группы войск.

Г. КОЛЬ. Может быть, подумать о заключении переходного договора?

Г.-Д. ГЕНШЕР. Заключить такой договор, скажем, на 1991, 1992 и 1993 годы. В названии не должны упоминаться войска. Оно могло бы звучать примерно так: «Переходный договор для урегулирования последствий введения на территории ГДР немецкой марки». Этот договор включал бы в себя и расходы, о которых сейчас идет речь, но без их конкретного упоминания. Там могли бы быть затронуты и другие вопросы экономического характера. Появились новые экономические реальности, поэтому возникла необходимость в таком договоре дать им новые оценки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Такой договор, видимо, будет полезен. Он должен определить, что те расходы, которые мы несли до сих пор, остаются за нами, а новые вы берете на себя.

Т. ВАЙГЕЛЬ. Да, это так.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Необходимо установить временные рамки для договора в соответствии со сроками пребывания войск, то есть он будет рассчитан на три—четыре года.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Таким образом, получается, что наряду с договором об условиях пребывания на территории нынешней ГДР советских войск будет еще один договор, связанный с введением на этой территории немецкой марки. Нам придется здесь работать одновременно на двух направлениях.

Г. КОЛЬ. Для нас это не проблема.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда мы объявим о предстоящей после объединения численности бундесвера?

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Не все ясно с вашим заявлением о сокращении численности бундесвера. Вы связываете это с «Веной-2». Однако на этот счет ничего еще не решено. Не думаю, что сокращение бундесвера надо увязывать с выводом советских войск.

Г. КОЛЬ. Мы не видим здесь проблем. Может, назвать как период сокращения четыре года. Объявить об этом можно сегодня на пресс-конференции.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Это решение должно найти отражение в рамках переговоров «2 + 4».

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы сделаем на переговорах в Вене заявление о том, что за четыре года вооруженные силы объединенной Германии будут сокращены до 370 тыс. Такое сокращение мы начнем с момента вступления в силу «Вены-1». Затем мы скажем, что на «Вене-1» мы будем выступать за то, чтобы на «Вене-1А» или на «Вене-2» все 23 государства взяли бы на себя обязательство не повышать потолки своих вооруженных сил. Наше обязательство по сокращению вооруженных сил будет касаться «Вены-2», хотя начать или, может быть, завершить это сокращение мы, видимо, сможем раньше. Наше обязательство будет иметь международно-правовую силу.

Не будет также проблем, если «2 + 4» примут это заявление к сведению.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Где у нас еще могут возникнуть трудности?

Г.-Д. ГЕНШЕР. Завтра, 17 июля, в Париже состоится встреча министров иностранных дел «шестерки». Мы намерены придерживаться уже согласованной на предыдущих встречах линии по вопросу о границах будущей Германии. Поляки выдвинули в этом контексте три дополни-

тельных требования. Согласно одному из них, нам следовало бы согласиться с тем, что Германия станет суверенной только после заключения германо-польского пограничного договора. Мы с этим не можем согласиться, поскольку есть соответствующее заявление бундестага и Народной палаты ГДР. Из будущего заключительного документа также будет ясно, какими станут границы объединенной Германии.

Поляки потребовали от нас также изменить внутригерманское законодательство. На переговорах «2 + 4» мы уже говорили об изменениях Конституции ФРГ, сказали, каких положений не будет в Конституции объединенной Германии. Но наша внутренняя правовая структура — это дело суверенной Германии. Третье требование Польши сводится к тому, что границы объединенной Германии и Польши должны именоваться принципиальными элементами мирного урегулирования в Германии.

Мы готовы заключить пограничный договор, но без создания особого статуса для польско-германской границы. Это будет нежелательным прецедентом. У нас много соседей, но никому из них — ни датчанам, ни голландцам, ни французам, ни другим — не приходило в голову требовать особый статус для своей границы с нами. Если так дело пойдет дальше, то поляки и польско-советскую границу могут потребовать наделить особым статусом.

Г. КОЛЬ. С границами проблем нет. Но у нас есть внутривнутриполитические проблемы. Если германо-польская пограничная проблематика, возникшая из-за позиции Польши, станет стандартом для подхода к европейским границам в целом, то это будет иметь весьма нежелательные последствия. Такой подход неприемлем, и мы об этом говорим прямо.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Несколько уточнений об армии объединенной Германии, которая, судя по всему, сохранит наименование «бундесвер». В Вене обсуждаются сухопутные и военно-воздушные силы. Для нас само собой разумеющейся вещью является включение в 370 тыс. и военно-морских сил объединенной Германии, однако такое включение не должно создавать прецедента для повестки дня «Вены-1».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надо подумать, что мы скажем журналистам. Видимо, надо исходить из того, что состоявшиеся переговоры были частью процесса «2 + 4» и были посвящены обсуждению вопросов, возникающих в связи с объединением Германии в широком международном контексте.

Пресс-конференция М.С. Горбачева и Г. Коля

16 июля 1990 года

Во вступительном слове Г. Коля сказал:

Эта пресс-конференция завершает двухдневную встречу между Президентом Горбачевым и мной, между министрами иностранных дел и министрами финансов обеих стран, а также нашими делегациями. Встреча, я полагаю, будет новой вершиной в истории германо-советских отношений — по плотности и интенсивности наших переговоров в Москве, в самолете, здесь, на родине Президента Горбачева. Я понимаю приглашение на его родину как особый жест. Особый климат отношений между всеми участниками переговоров способствовал еще большему углублению взаимного доверия.

Наши переговоры отличались высочайшей искренностью, взаимопониманием, личными симпатиями. Этому также способствовали условия, в которых мы оказались. Сердечные встречи с жителями Ставрополя, а также с крестьянами на хлебном поле, на котором мы оказались во время промежуточной посадки вертолета. Но особое значение нашей встречи заключается в ее результатах. Мы согласны с тем, что в центральных вопросах удалось сделать большой шаг вперед.

Этот успех стал возможным потому, что обе стороны сознают: в настоящее время в Европе, Германии и Советском Союзе совершаются исторические перемены, которые возлагают на нас особую ответственность. Это верно в отношении политической деятельности в каждой из этих стран, а также в развитии связей между двумя нашими странами, это верно в отношении будущего всей Европы. Президент Горбачев и я согласны в том, что мы должны взять на себя эту историческую ответственность. И мы постараемся вместе справиться с ней. Мы понимаем эту задачу прежде всего как особую обязанность нашего

собственного поколения, которое было сознательным свидетелем войны и ее последствий, но получило важный и, быть может, даже единственный в своем роде шанс формировать будущее наших стран и наших континентов в условиях мира, безопасности и свободы.

Президент Горбачев и я хорошо понимаем, что германо-советские отношения приобретают особое значение для будущего наших народов, а также для судеб Европы. Мы хотим выразить это и договорились о том, чтобы сразу после объединения Германии заключить всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать наши отношения. Такой договор должен охватывать все области отношений — не только политические, но также вопросы взаимной безопасности, экономики, культуры, науки и техники, молодежного обмена и многое другое. Цель заключается в том, чтобы поставить наши отношения на основу стабильности, предсказуемости и доверия, а также взаимодействия в нашем общем будущем.

Наши переговоры послужили выяснению важных вопросов, которые обсуждаются в рамках переговоров по формуле «2 + 4». Мы имеем договоренность, которая была решительно подтверждена на встрече шести министров иностранных дел, состоявшейся в июне в Берлине, а именно договоренность: переговоры по формуле «2 + 4» должны быть завершены своевременно для того, чтобы их результаты можно было на встрече глав государств и правительств стран СБСЕ, которая состоится в ноябре в Париже. Я могу сегодня с удовлетворением и с согласия Президента Горбачева констатировать следующее.

Во-первых, объединение Германии охватит ФРГ, ГДР и Берлин.

Во-вторых, когда объединение состоится, права и ответственность четырех держав будут полностью отменены. Таким образом, единая Германия к моменту своего объединения получит полный и неограниченный суверенитет.

В-третьих, объединенная Германия во исполнение своего неограниченного суверенитета сможет свободно и самостоятельно решить, будет ли она входить в какой-то блок и если будет, то в какой. Это соответствует Заключительному акту СБСЕ. Разъясняя точку зрения правительства Федеративной Республики Германия, я заявил, что объединенная Германия хотела бы быть членом Атлантического союза, и я уверен, что это также соответствует мнению правительства ГДР.

В-четвертых, единая Германия заключит с Советским Союзом Двусторонний договор о выводе войск из ГДР, который должен быть завершен в три—четыре года. Одновременно с Советским Союзом

будет заключен военный договор о последствиях введения западно-германской марки в ГДР на этот же срок — в три—четыре года.

В-пятых, до тех пор пока советские войска будут еще размещаться на бывшей территории ГДР, структуры НАТО не будут распространяться на эту часть Германии. Это с самого начала не будет касаться немедленного применения статей 5 и 6 Договора НАТО. Войска бундесвера, не входящие в военную организацию НАТО, то есть подразделения территориальной обороны, могут быть размещены на территории сегодняшней ГДР и Берлина сразу же после объединения Германии. Войска трех западных держав, по нашему мнению, должны будут оставаться в Берлине после объединения в течение всего периода присутствия советских войск на бывшей территории ГДР. Федеральное правительство будет просить об этом три западные державы и на основе договора урегулирует вопрос о размещении их войск с соответствующими правительствами.

В-шестых, Федеральное правительство заявляет о своей готовности уже в ходе проходящих сейчас Венских переговоров сделать заявление о своем обязательстве сократить вооруженные силы объединенной Германии за три—четыре года до 370 тыс. человек. Это сокращение должно начаться одновременно со вступлением в силу первого венского соглашения.

В-седьмых, объединенная Германия откажется от производства, владения и распоряжения атомным, биологическим и химическим оружием и останется членом Договора о нераспространении ядерного оружия.

Дамы и господа! Эта совместная договоренность представляет собой очень хорошую исходную позицию, чтобы теперь можно было своевременно и успешно договориться о внешних аспектах германского объединения в рамках переговоров по формуле «2 + 4». Сразу по возвращении я установлю необходимые контакты с правительством ГДР и уверен в том, что оно разделит нашу оценку. Одновременно мы информируем три западные державы о сегодняшних результатах. Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер уже завтра во время своей встречи в Париже информирует трех западных министров иностранных дел.

Мы, прежде всего коллега Вайгель со своим коллегой Ситаряном, вели подробные переговоры о дальнейших возможностях экономического и финансового сотрудничества в рамках как двусторонних, так и многосторонних отношений. При этом я хочу сказать, что г-н Президент Горбачев горячо поблагодарил также ФРГ за конструктивную позицию в прошлом. Мы договорились продолжать и еще больше конкретизировать наши переговоры на всех уровнях...

М.С. Горбачев. Я воспользуюсь тем, что г-н канцлер очень много сказал о совместно проделанной работе, об итогах этого важного — мы оба так считаем — визита. Перед тем как перейти к оценке некоторых конкретных вопросов, хочу подчеркнуть два момента.

Прежде всего думаю, что такая работа по такому очень большому комплексу вопросов затрагивает коренные интересы не только наших двух народов, но и всех европейцев и всего мирового сообщества. Мы смогли плодотворно работать потому, что за последние годы прошли большой путь в развитии наших отношений. Сегодня их характеризуют и высокий уровень политического диалога, и определенная степень доверия, и интенсивные обмены на высшем уровне. С господином канцлером мы используем различные формы — личные встречи, визиты, телефонные разговоры, обмениваемся письмами. Это очень активный диалог.

Плодотворно и интенсивно работают наши внешнеполитические ведомства, возглавляемые Г.-Д. Геншером и Э.А. Шеварднадзе, участвуют представители других ведомств, правительств обеих стран.

Атмосфера, которая характеризует отношения, позволила нам на этом трудном этапе глубоких перемен действовать эффективно, в духе взаимопонимания, в поисках ответов на самые жгучие вопросы. И, надо сказать, мы далеко продвинулись за последние месяцы, особенно в ходе этой встречи, которой предшествовала интенсивная работа. Это во-первых.

Думается, вряд ли мы могли выйти на договоренности, о которых сообщил г-н канцлер, если бы не имели нынешнего контекста, в котором проходил этот рабочий визит канцлера к нам. Я имею в виду, что в последние месяцы прошли десятки встреч на высшем уровне, в центре которых были все главные проблемы, связанные с фундаментальными переменами в европейской и мировой политике, в отношениях между странами. Мы уходим от одной эпохи развития международных отношений и вступаем в другую. Как мы полагаем, это будет эпоха длительного мира.

Но значение имеют не только встречи. Мы ожидали, что адекватными будут перемены в такой организации, как НАТО. В Варшавском Договоре в этом плане происходят перемены. Как известно, еще ранее была изменена доктрина этого военного союза. А последняя встреча ОВД — по сути дела это призыв к строительству новых отношений, к трансформации военных организаций в военно-политические, к налаживанию прямых связей между ними.

И вот мы услышали импульс из Лондона, где на последнем заседании НАТО были сделаны очень важные позитивные шаги, откли-

каясь на вызовы времени и на приглашения со стороны стран Варшавского Договора, других европейских государств. Не скажу, что мы аплодируем всему, что прозвучало из Лондона, далеко не так. Но все же начало движения я бы назвал историческим поворотом в развитии НАТО. Таким образом, мы подчеркиваем важность контекста нашей нынешней встречи с канцлером.

Надеемся, сказанное в Лондоне позволит выйти на составление и утверждение декларации, которая будет принята обоими союзами, окажет огромное воздействие на европейскую и всю мировую политику. Так что повторяю: без всего того, о чем я сейчас сказал, нам было бы трудно вчера и сегодня с г-ном канцлером эффективно работать и выйти на то, о чем он уже сказал.

Мы действовали в духе известного немецкого выражения «реаль-политик». Реальная политика требует учета всего сложнейшего комплекса изменений, которые происходят в нашей сегодняшней действительности, в европейском пространстве, в мировой политике. Идет процесс сближения. Мы чувствуем себя хотя и разными, но органичными частями человеческой цивилизации, чувствуем взаимозависимость перед глобальными вызовами. Мы должны действовать совместно, взвешенно, в духе реализма, ответственности за судьбу европейских народов и всего мирового сообщества. Это присутствовало на нашей встрече.

Я бы сказал так: итоги встречи интегрируют и позиции ФРГ, и позиции Советского Союза. Наверное, западногерманская сторона не получила «в чистом виде» то, на что рассчитывала. «В чистом виде» и мы не получили того, на что рассчитывали в свое время. Но мы были реалистами, оценили направленность перемен, сопоставляли, постоянно вписываясь в европейский контекст, пытались органично совместить все эти процессы. И хотя визит канцлера называется рабочим, я бы отнес его к крупнейшим визитам нашего времени.

Главное, как я уже заметил, сказано канцлером. Мы исходим из того, что через заключительный документ международного правового характера выходим на прекращение прав и ответственности четырех держав, которые вытекали из соответствующих международно-правовых решений по итогам войны. То есть объединенная Германия получает полный суверенитет. Она вправе распорядиться этим суверенитетом, сделать свой выбор. Это касается и социального развития, и в каких союзах она захочет участвовать, какие связи поддерживать, с кем будет налаживать или обновлять отношения. Это все признаки полного суверенитета, который получает государство.

Мы детально обсудили эту часть вопроса. Помнится, когда-то я уже говорил, что хотим мы или нет, но наступит время, когда объ-

единенная Германия будет присутствовать в НАТО, если таков выбор ее народа. Но, даже если ее выбор будет таким, она в какой-то мере, в каких-то взаимосвязях, оформленных в правовом порядке, будет сотрудничать с Советским Союзом, тем самым со значительной частью Варшавского Договора. Что-то такое ассоциативное появляется. Таким образом, возникает важная проблема, которую мы тщательно обсудили в конструктивном плане, — это проблема пребывания, сроков, правового положения, условий и т. д. группы войск, которые уже сокращаются и будут сокращаться. Внесена ясность, снята взаимная обеспокоенность. Все это не должно затрагивать суверенитет объединенной Германии, но вместе с тем должны быть учтены интересы Советского Союза.

На встрече «2 + 4» мы будем высказывать соображения о том, что структуры НАТО не должны распространяться на территорию бывшей ГДР.

Возникает вопрос: а что дальше? Мы рассчитываем на то, что после того, как наши войска будут планомерно выведены за какой-то срок (говорили с канцлером о трех—четыре года, и этот вопрос, конечно, будет еще прорабатываться, взвешиваться), на территории, которая естественно полностью окажется под суверенитетом объединенной Германии — и она вправе будет там располагать свои войска, бундесвер, — не появится, однако, ядерное оружие, не появятся иностранные войска. Это предпосылка сохранения доверия, которое сложилось, ответственности, которая присутствует в наших действиях по отношению друг к другу и другим европейцам.

Г-н канцлер высказался в свое время за необходимость выхода на новые отношения Советского Союза и объединенной Германии и развил эту идею на нашей встрече. Сейчас невозможно говорить за объединенную Германию, так что речь идет о мыслях, суждениях на будущее. Я приветствую его высказывания, такой его подход. Почему? Сегодня ФРГ — самый наш крупный партнер среди западных стран, ГДР — самый крупный наш партнер среди восточноевропейских стран. Нашим народам надо осмыслить уже происходящее на новом уровне и с ориентацией на новую эпоху оформить и закрепить соответствующими международно-правовыми документами новый характер, новые импульсы советско-германских отношений. Все это было предметом широкого обсуждения и вчера, и сегодня. В этой части переговоров участвовал и глава нашего правительства Н.И. Рыжков. Они условились с г-ном канцлером обменяться мыслями и важными документами на этот счет.

Таким образом, как вы видите, на этой встрече мы действовали конструктивно, ответственно, в первую очередь перед нашими наро-

дами, в интересах наших стран и в духе ответственности перед всем миром. По-моему, нам есть что сказать партнерам по дальнейшим переговорам.

А теперь мы с господином канцлером постараемся ответить на ваши вопросы.

Корр. советского радио. В прошлом году во время государственного визита в Бонн вы сказали, что подводится черта под военным прошлым между народами. Как вы оцениваете то, что сделано в этом плане за прошедший год?

М.С. Горбачев. Я постарался как раз в своем вступительном слове сказать об этом. Мы не вышли бы на те результаты, на которые вышли во время нынешней встречи, если бы весь прошлый год, и особенно в последние месяцы, интенсивно и конструктивно не сотрудничали. Именно в этом отношении, я считаю, есть продвижения, и значительные.

Наверное, вы имеете в виду и то, что после моего визита в Бонн произошли большие изменения на немецкой земле. Мне кажется, благодаря всему этому, образовался запас прочности как раз к началу известных событий — бурных процессов на немецкой земле. И он помог нам действовать ответственно и конструктивно в это сложное время. Это очень важно. Мне кажется, то, что было сделано сейчас вместе с г-ном канцлером, подтверждает такой вывод.

Западногерманский корр. Вопрос Президенту Горбачеву и канцлеру Колю. Вчера вы вместе посетили ставропольских крестьян и беседовали с ними. Какие совместные действия в аграрном секторе были обсуждены и запланированы Советским Союзом и Германией?

Планируется, в первую очередь, поддержка семейных аграрных хозяйств или же имеется в виду также сотрудничество с колхозами и совхозами? Правительство ФРГ оказывает поддержку в реализации проекта создания совместной германо-советской аграрной школы вблизи Москвы. Какие ожидания, г-н Президент, связываете вы с этой школой?

Г. Коль. Прежде всего я хочу отметить, что проблема аграрной политики не являлась центральной темой наших дискуссий. Мы говорили о развитии двусторонних и многосторонних экономических связей. И, как я уже говорил, г-н Вайгель проделал здесь большую работу с советскими коллегами в том, что касается интенсификации экономических отношений. В рамках общей концепции, разумеется, возможно, что мы будем развивать деятельность и в названной вами области. Но специальной темой это не являлось, а что касается второй части вопроса, то факт, о котором вы говорите, мне, к сожалению, неизвестен.

М.С. Горбачев. Нам было приятно встретиться с крестьянами и почувствовать запах земли, которая нынче обещает богатый урожай. Это нам придало силы — мы должны думать об этой земле, о людях, выращивающих урожай, об их будущем. Это была вдохновляющая встреча. Это во-первых.

Во-вторых. Г-н канцлер прав: вопросы экономического сотрудничества, в том числе на направлении аграрном и легкой промышленности, обсуждались г-ном Вайгелем и тов. Ситаряном. Сегодня, когда мы собрались в полном составе, Ситарян выдвинул в качестве одной из важных сфер сотрудничества аграрную проблему. Речь идет о возможном взаимодействии, особенно в области технологий, перерабатывающей и пищевой промышленности. Если бы мы сегодня смогли все, что выращиваем, убрать, сохранить и переработать, у нас прибавилось бы продовольственных продуктов не меньше чем на 30%. Вот сфера приложения капитала и того опыта и технологий, которыми располагает немецкая экономика.

И, наконец, вы затронули вопрос о том, кому мы будем помогать, если будем сотрудничать. Как известно, и в колхозе, и в совхозе, и на агроферме, и в индивидуальном хозяйстве работает крестьянин. Другое дело, он использует различные формы хозяйствования. Мы за равенство всех форм собственности и экономической деятельности в аграрном секторе: пусть они соревнуются и доказывают, какая из них эффективнее. Когда с вертолета мы с канцлером смотрели на поля Ставрополя, подумалось: вряд ли кому-нибудь в голову придет начать эти поля «резать» и портить, вместо того чтобы продумать, как здесь эффективно использовать удобрения, новые технологии, высокопроизводительные машины, максимально сохранять и убирать урожай. Вот о чем надо думать.

И в труд колхозников можно внести стимул. В Ставрополе многие колхозы уже несколько лет назад перешли на хозрасчет и самоокупаемость и на аренду, создают мелкие кооперативы внутри больших, чтобы использовать всю инфраструктуру больших колхозов и совхозов. Было бы глупостью все разрушать, создавать какие-то мелкие хозяйства, потом заново создавать инфраструктуры. Так что будем сотрудничать, исходя из реальностей. Это самый верный путь.

Корр. АПН. Михаил Сергеевич, крупные результаты переговоров являются, несомненно, проявлением большого доверия с обеих сторон. Возникает, очевидно, новая ситуация по вопросам, связанным с будущим военно-политическим статусом объединенной Германии. Не могли бы вы прокомментировать еще несколько подробнее ваш

подход к этому острому вопросу, и что требуется в дальнейшем, чтобы взаимное доверие действительно было полностью оправдано?

М.С. Горбачев. Нынешняя, я бы сказал, комплексная, позиция по этому вопросу как бы интегрирует и гармонизирует интересы и объединенной Германии, и Советского Союза. Настолько, насколько это возможно. Я думаю, если кто будет искать противоречия в этой позиции, он их может обнаружить. Но политика — искусство возможного, и в данном случае, мне думается, мы исходим из того, что объединенная Германия, получая на основе прекращения прав четырех государств свой полный суверенитет, должна все обдумать в рамках вновь избранного парламента, правительства и сделать свой выбор, где ей находиться. Мы признаем право выбора за всеми народами, мы не можем отказать в этом великому немецкому народу на новом этапе существования его государства. Но мы рассчитываем, что немцы, за плечами которых уроки прошлого, тяжелые, трагические уроки, сделали и в том и в другом государстве выводы, доказали всей своей послевоенной историей, что они открыты процессам демократии, что они вносят вклад в реализацию такой политики, чтобы с немецкой земли больше не исходила угроза войны, что они готовы к сотрудничеству с другими народами. Это важная предпосылка. Без этого ничего не могло состояться.

Во-вторых, есть переходные моменты. Я имею в виду то обстоятельство, что на территории Германии присутствует большая группировка войск. И мы должны отнестись к этому реалистически. Отсюда наша твердая установка: на территорию бывшей ГДР структуры НАТО не распространяются. Более того, мы заключим договор с объединенной Германией об условиях пребывания, сокращения и постепенного вывода этих войск в определенный временной промежуток. Мы взаимодействуем, нормализуя наши отношения, понимая, что мы должны в какой-то мере разделять, насколько это возможно, затраты, чтобы развязать все узлы. Со стороны наших партнеров мы встретили на этот счет понимание как в политическом, так и в экономическом плане.

Далее мы условились о том, что, после того как на обоюдной основе реализуем идею прекращения пребывания советских войск, решим все вопросы, связанные с их выводом, на территории бывшей ГДР, которая, естественно, будет уже находиться в суверенной объединенной Германии, под властью одного правительства, не будет ядерного оружия и иностранных войск. Это очень важный элемент. Продвижение в этом смысле «на восток» не должно быть.

Ну и, наконец, самое главное. Давайте не будем забывать, в какое время мы живем. В иное время, я думаю, мы не вышли бы на догово-

ренности, на все то, что произошло сегодня и что приводит к объединению Германии. Ведь мы одновременно разворачиваем европейский процесс, выходим на Венские договоренности. Руководство ФРГ высказалось за то, что будущий бундесвер должен быть сокращен по численности в общем почти наполовину — 42–45% общей нынешней численности армий двух немецких государств. Это тоже характеризует ответственную позицию руководства ФРГ, и я надеюсь, что это будет трансформироваться в политику тех, кто будет действовать уже в объединенной Германии. Это тоже очень важный элемент. И, наконец, меняется характер НАТО. Появится совместная декларация двух союзов. Они открываются друг другу навстречу, идут на контакты, создаются соответствующие институты, начинается взаимодействие также и по контролю. То есть мы уже имеем совершенно другую ситуацию.

Я бы сказал, что это переходная ситуация к будущим европейским структурам безопасности. Думаю, только так можно понять всю сложность и диалектичность процессов. Мы с партнерами из ФРГ в этих условиях действуем ответственно и взвешенно, уважая интересы и учитывая озабоченности друг друга.

К тому, что мы совместно обсуждаем и решаем, огромный интерес проявляет немецкий народ. Огромен интерес со стороны советского народа. Люди следят за ходом событий, и поэтому особенно важно быть на высоте требований времени. Надо добавить, что мы хотим подготовить такой разворот нашим отношениям с уже объединенной Германией, который отвечал бы интересам и наших двух народов, и всех европейских народов. Это тоже говорит о том, что мы здесь думаем не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Вот в каком контексте надо рассматривать занятую нами позицию, которая интегрирует весь комплекс обсуждавшихся здесь вопросов.

Западногерманский корр. Вы говорили об экономических и финансовых перспективах будущего германо-советского сотрудничества. Не могли бы вы, г-н канцлер, назвать в этой связи несколько основных направлений? Не могли бы вы, г-н Президент, сказать, было бы для вас желательно усиление оказания помощи на многосторонней основе?

Г. Коль. Как вы знаете, в последние недели эта тема весьма интенсивно обсуждалась на целом ряде международных конференций, в том числе во время встречи на высшем уровне стран Европейского сообщества в Дублине и несколько дней назад на Международной экономической встрече в Хьюстоне. Президент Горбачев направил Президенту Бушу, председательствовавшему на встрече в Хьюстоне, письмо, на которое уже отправлен ответ.

В ближайшее время состоятся переговоры между Советским Союзом и различными международными организациями, а также многочисленные двусторонние переговоры. В связи с этим я хотел бы указать на то, что в начале ноября в Риме состоится первая встреча на высшем уровне стран Европейского сообщества под председательством представителя Италии, и уже в Дублине мы договорились о том, что к тому времени заслушаем доклады по этому вопросу.

Решающим обстоятельством — и об этом много говорилось во время нашей встречи здесь — является то, что советское руководство, и в первую очередь сам Президент, будет развивать инициативы в направлении создания рыночной экономики. В связи с этим в ближайшие недели представляется возможным проведение различных бесед. Мы обсуждали также наше предложение предоставить любую помощь экспертов. И, когда перед нами уже будет лежать готовый проект реформ, мы приложим наши силы как на двусторонней, так и на многосторонней основе, чтобы создать общую концепцию, используя для этого возможности НАТО, «семерки» и всех других проявляющих к этому интерес. Наша, точнее говоря, моя цель состоит в том, чтобы оказать необходимую помощь Михаилу Горбачеву и его стране в этот переходный период.

М.С. Горбачев. К тому, что сказал г-н канцлер, я хочу добавить, что эти вопросы мы обсуждали. Может показаться, что речь идет о частностях, что кому-то нужно бросить спасательный круг и т. д. Нет, речь идет о далеко идущих и масштабных переменах, по сути дела — о вопросе высшей стратегии. То, что происходит в Советском Союзе, то, что он в результате перестройки, революционных преобразований разворачивается к интересам человека на принципах демократии и свободы, ищет новые формы и экономической, и политической, и духовной жизни, — все это имеет не только внутреннее значение. Одновременно Советский Союз разворачивается в сторону всей мировой цивилизации. И это уже не просто идея, многое в этом отношении изменилось. Именно поэтому мы встречаемся уже в другой атмосфере, ведем глубокие и перспективные переговоры, вышли на решение многих актуальных вопросов.

То, что мы делаем в Советском Союзе, очень нужно, для того чтобы в этой стране, располагающей огромными возможностями, стране, где живет многомиллионный народ со столетней, тысячелетней культурой, были найдены выходы к демократическому, широкому, поступательному прогрессивному развитию. Для того и перестройка. Но в силу этой мировой роли, огромных масштабов страны, в силу ответственности, которая на ней лежит, за всеобщую безопасность,

очень желательно было бы для нас и для остального мира органичное включение нашей мощной экономики в мирохозяйственные связи. Это выгодно, целесообразно и необходимо для других стран. В момент глубокого поворота в наших преобразованиях, в ходе структурных сдвигов, естественно, возникают и напряжение, трудности. Мы сейчас подходим вплотную к очень глубоким переменам. И нужно воспользоваться возможностями международного разделения труда, использования каких-то финансовых ресурсов для того, чтобы перебороть данный момент, преодолеть его, пройти через самый трудный этап. Но мы не ждем подачек, нам не нужна милостыня. Речь идет о взаимовыгодных договоренностях и переговорах. Нам нужно, в частности, как-то пролонгировать возврат наших долгов на наиболее подходящих условиях. Вот для чего также нужно и важно то, о чем мы здесь говорили.

Мы ставим эти вопросы прямо, открыто, как вопросы большой политики, которые задевают всех. И мы с канцлером были откровенны на этот счет: такое сотрудничество отвечает интересам не только наших двух стран, но и интересам всей Европы, всей мировой экономики.

Ставропольское краевое телевидение. Михаил Сергеевич, мы очень рады видеть вас на родной земле, где вас хорошо знают и верят вам. Хотелось бы спросить, что вы испытали, когда вступили на родную землю?

М.С. Горбачев. По-моему, я нахожусь в положении того знаменитого древнего героя, который, соприкасаясь с родной землей, получает новые силы.

«Зюддойче цайтунг», Мюнхен. У меня два вопроса: один — г-ну Федеральному канцлеру; другой — г-ну Президенту.

Г-н Федеральный канцлер, Советский Союз под руководством Горбачева предоставил немцам полный суверенитет. Речь идет о новой эпохе, о новых структурах безопасности в Европе, и я уже представляю себе завтрашние заголовки в некоторых западных газетах типа: «Крупнейшая экономическая держава Европы за более тесное сотрудничество со сверхдержавой СССР». Как бы вы сумели развеять опасения, связываемые с понятием «Рапалло»?

И вопрос Президенту. Г-н Горбачев, в каком плане вами обсуждалась проблема советских немцев и как вы намереваетесь исправить совершенную в отношении этой национальной группы несправедливость, не предоставляя ей автономной территории?

Г. Коль. Что касается первой части вашего вопроса, то я, конечно, не в состоянии препятствовать кому-либо в написании глупых комментариев. Но те, кто имеет представление об истории, знают, что

сравнение с Рапалло абсолютно неуместно. Тогда имела место совершенно иная историческая ситуация, и это проще всего понять, сравнив Советский Союз начала 20-х годов с Советским Союзом 1990 года. Такое сравнение просто неверно в любом смысле.

Но есть более важный аспект этого вопроса. Объединенная Германия — а именно о такой Германии идет речь — как часть НАТО и часть Европейского сообщества, по моему глубокому убеждению, и при общегерманском правительстве будет продолжать курс, который по общей договоренности приведет к созданию к 31 декабря 1992 года большого общеевропейского рынка, европейского сообщества с населением в 336 млн человек. На встрече ЕС на высшем уровне в конце этого года в Риме планируется проведение двух правительственных конференций: одна — по вопросам экономического и валютного союза Европейского сообщества, а другая, выражаясь общими формулами, — о создании государственного единства Европы.

Это означает, что объединенная Германия пойдет по пути, пролегающему не рядом с западным сообществом, а станет неотъемлемой частью этого западного сообщества. Это одна сторона. Кроме того, я не думаю, что то, что Президент Горбачев и я обсуждали в прошлом году в Бонне и особенно здесь, и то, что мы имеем в виду, говоря об этом договоре, который укажет путь в будущее, может содержать в себе нечто направленное против третьих стран. Наоборот, все европейцы страстно желают, чтобы немцы и Советский Союз имели хорошие отношения, мирные отношения. Если отношения между немцами и Советским Союзом хорошие, если они интенсивно развиваются, если они развивают лучшие главы в истории наших отношений, а мы имели немало таких глав, то мы все извлечем из этого пользу.

Геополитическое положение Германии предполагает нашу позицию в центре Европы. Во времена войн через нас пролегали пути военных походов с Востока на Запад и с Запада на Восток. Но одновременно мы являемся, если хотите, «мостом идей и убеждений». Немецкая культура немыслима без такого оплодотворения. Возьмите математику, философию, живопись — я мог бы привести много примеров. И то, что движет нами, Президентом и мной, обеими делегациями на этих переговорах, — это стремление продолжить эти главы. Как я уже говорил в своем заявлении вначале, в беседах с глазу на глаз мы долго говорили о том, какую большую ответственность мы испытываем по отношению к поколению сегодняшних детей.

Нам было 14–15 лет, когда закончилась война. И мы чувствуем себя ответственными в том, чтобы использовать этот тяжелый опыт, обратить его на службу добру и начать новую разумную главу в нашей

истории. Осталось 10 лет до конца этого столетия, так почему бы нам в конце этого столетия не извлечь уроки из некоторых ошибок? Это, собственно, и есть та формула, которая необходима. Она никому не угрожает, она идет на пользу всем. В первую очередь, разумеется, немцам и советским людям.

М.С. Горбачев. Вы задали очень важный вопрос. Приветствуя развернутый ответ г-на Коля, со своей стороны хочу сказать вот что. Когда мы в Ставрополе возложили венки к Вечному огню, у нас с Г. Кодем была короткая, но очень запоминающаяся встреча с ветеранами войны. Это были люди решительные, среди них — Герои Советского Союза. И вот мы услышали от них: общий урок состоит в том, что нам нужно все сделать, чтобы наши народы сотрудничали, чтобы наши отношения были дружественными, чтобы мы были партнерами и чтобы никогда больше ничего подобного не повторилось. Вот наказ людей, которые прошли через все испытания той страшной войны, в которую нас толкнул гитлеризм и которая потрясла до основания наши народы. Г-н канцлер за последние годы, особенно последние месяцы, постоянно обращается к теме сотрудничества, развития отношений между нашими народами, выступает за новый масштаб сотрудничества не только в сфере экономики и торговли, но и в сфере человеческих контактов, молодежных обменов, связей между учеными, литераторами. Я за этим вижу ответственность, которую выражает канцлер, за будущее отношений между нашими народами. И это вызывает у нас, у советских людей, понимание, а у меня лично, как у руководителя государства, удовлетворение.

Должен еще раз подчеркнуть, что нынешние и визит, и состоявшиеся переговоры были пронизаны пониманием необходимости того, что перед нашими народами открывается новое — лучшее — будущее. Мы учли уроки пережитого. И очень важно, что развитие нынешних наших отношений с Германией идет в связи с европейским процессом. Вы видите также, что действует формула «2 + 4», в которой участвуют шесть государств. А в европейском процессе участвуют представители всех государств нашего континента, плюс США и Канада. Так что нельзя сказать, что мы замыслием какие-то тайны Бонна—Кремля, в которых таятся потенциальные опасности для европейцев, для других народов. Мы с ними со всеми сейчас сотрудничаем и хотим вместе строить новое будущее — ту самую новую Европу, те самые новые отношения, которые были бы на пользу всем и обеспечивали бы прочную безопасность в Европе. А это центральный пункт мировой политики и опорный пункт безопасности во всем мире.

Что касается вопроса о судьбе советских немцев, то мы затрагивали его в беседе один на один. Я приветствую спокойную, реалистическую его постановку. Проблема есть. Она в поле зрения наших высших органов, Верховного Совета СССР. Мы хотим, чтобы она нашла решение с учетом интересов всех советских людей. Кстати, должен сказать, что к немцам Поволжья, к советским немцам, где бы они ни проживали, где бы они ни работали, в стране существует уважительное отношение. Но есть проблемы, которые порождены определенным временем, и от них нельзя уйти. Мы хотим подойти к их решению на основе инициативы самих советских людей. И такие инициативы уже появляются. Мы сочувствуем таким инициативам и будем думать вместе, как выйти на спокойное, уважительное, устраивающее всех решение. Тут у нас, я надеюсь, должно быть понимание, что все мы заинтересованы в справедливом решении.

Телевидение ФРГ. Г-н Федеральный канцлер и г-н Президент, существуют ли еще расхождения между вами в вопросе статуса объединенной Германии в рамках НАТО? Вы только что сказали, что после вывода советских войск структуры НАТО будут распространены на остальную часть Германии, в то время как Президент Горбачев решительно заявил, что на этой территории не должно быть иностранных войск и атомного оружия. Не могли бы вы это разъяснить и как вы представляете себе в будущем атомное вооружение Германии в целом?

Г. Коль. Что касается первой части вашего вопроса, то никакого противоречия нет. Мы договорились, что объединенная Германия в период пребывания советских войск на территории нынешней ГДР не будет размещать там натовских формирований общегерманского бундесвера, там будут располагаться только территориальные подразделения и что позднее, после вывода Советских вооруженных сил, разумеется, там могут быть размещены любые формирования общегерманского бундесвера. Это вопрос суверенного решения немцев. Другое дело, что я исхожу из того, что и общегерманский бундесвер не будет размещать ядерное оружие на территории ГДР. Кроме того, мы согласились с тем, что после вывода советских войск на этой территории не будут размещаться негерманские части.

Западногерманский корр. Г-н Президент, если я правильно понял Федерального канцлера, советские войска и войска союзников, остающиеся пока, в переходный период, в Берлине, не обладают правами, которые бы затрагивали или ущемляли суверенитет Германии. Как бы вы охарактеризовали статус советских войск? Это что — гости?

Г. Коль. Г-н Президент, думаю, я должен первым ответить на этот вопрос. Возможно, я недостаточно ясно разъяснил, что при полном

суверенитете мы исходим из того, что объединенная Германия заключает договоры о пребывании войск в Берлине. Это касается как советских войск, так и американских, французских и английских частей. Мы согласились также с тем, что численность этих частей ни в коем случае не будет превышать нынешнего уровня и, возможно, будет даже меньшей. То есть речь идет о нормальном процессе с точки зрения международного права: суверенная Германия заключает эти договоры.

М.С. Горбачев. Если возникают неясности, я хочу дополнить. С прекращением прав и ответственности четырех держав возникает полный суверенитет объединенной Германии. Но в связи с этим, видимо, уже в первом — всеобъемлющем — договоре будет ссылка на то, что между правительствами Советского Союза и объединенной Германии будет заключен отдельный договор о нахождении и о правовом статусе группировки советских войск в объединенной Германии. И, наконец, есть вопросы, связанные с переходом на новые расчеты в связи с изменениями в валютной сфере. Поэтому будет заключен еще один договор, относящийся именно к этой сфере. Так что все это будет урегулировано на основе двух договоров между объединенной Германией и правительством Советского Союза. Думаю, что мы не можем допустить ситуации, при которой группировка советских войск в объединенной Германии осталась бы в подвешенном состоянии. Это очень важный вопрос, хорошо, что вы его задали.

Всесоюзное радио, программа «Маяк». Как говорили вы, Михаил Сергеевич, и как говорил г-н Коль, отношения между СССР и ФРГ характеризуются углублением человеческих связей. Как вы оцениваете человеческий фактор в международных отношениях?

М.С. Горбачев. В политике очень много существенных элементов, важных составных частей. Мне думается, для того чтобы политика была успешной, она должна сотрудничать с наукой. И политика, как бы это ни казалось парадоксальным, — а я вижу в этом императив времени, — должна все более опираться на нормальные «нравственные» основы. Я вижу новый элемент — это демократизация внешней политики: она уже дело не только одних политиков, а и широких кругов общественности.

Наконец, в условиях, когда мы стоим перед решением поворотных задач, по сути дела — перехода в новую фазу международных отношений, особенно возрастает значение сотрудничества и личных отношений между политиками, личного взаимного доверия. Это очень важный фактор. С этой точки зрения я должен отметить, что наши отношения с канцлером Коелем прогрессируют, и это один из важных элементов, благоприятствующих решению нами крупных проблем.

То же можно сказать об отношениях между нашими министрами, г-ном Геншером и г-ном Шеварднадзе, и, в свою очередь, об отношениях между мной и г-ном Геншером, об отношениях между г-ном Шеварднадзе и г-ном Кодем, другими представителями ФРГ. Я придаю большое значение личному фактору, здесь складывается необходимая степень доверия, а доверие — самая лучшая среда, в которой можно выходить на прорывы в международных отношениях.

Г. Коль. Я хотел бы присоединиться к сказанному. Нельзя устранить проблемы только за счет личных отношений. Но совсем другое дело, когда понимаешь язык партнера, когда существует доверие, когда можно исходить из простой жизненной практики, при которой другого не подозреваешь в том, в чем не должны подозревать тебя. Если это берется за рабочий принцип и если к тому же имеется чувство юмора и схожие интересы, то я нахожу это очень положительным. Я нахожу весьма отрядным и хотел бы здесь это подчеркнуть, что мы за последние годы достигли таких личных отношений, которые даже при различии мнений, впрочем неизбежных, не только облегчают жизнь, но и облегчают нахождение решений.

«Франкфуртер рундшау». Г-н Федеральный канцлер, какое значение вы придаете планируемому двустороннему договору и какие договоры могут вытекать из него в дальнейшем?

Г. Коль. Это должен быть всеобъемлющий договор, и мы намерены вскоре начать интенсивно над ним работать. Я уже назвал основные области этого договора. Президент и я осознаем, что наша цель должна состоять в том, чтобы самое позднее через год заключить такой договор.

М.С. Горбачев. Что же, мы, наверное, подходим к концу нашей встречи. Я благодарю г-на канцлера за эту пресс-конференцию. Она завершила нашу совместную работу в эти дни. Хочу откликнуться по-человечески на приглашение г-на канцлера посетить Германию, его родные места. Думаю, это состоится. Спасибо, дамы и господа, товарищи.

«Правда». 18.07.1990

Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Дж. Бушем

17 июля 1990 года

Дж. БУШ. Поздравляю вас с результатами визита в вашу страну канцлера ФРГ Коля. Я только что говорил с ним по телефону, и он очень доволен результатами встречи. По его мнению, достигнутые договоренности благотворно скажутся на отношениях СССР с Германией и США, а также на отношениях всех западных стран с Советским Союзом. Мы рады вашему заявлению о праве объединенной Германии самой делать выбор относительно ее членства в союзах. Это свидетельство большой государственной мудрости с вашей стороны.

В целом у нас вызывают удовлетворение результаты этой встречи. Надеюсь, что в предстоящие месяцы будет достигнут подобный же прогресс и на переговорах по сокращению обычных вооружений в Европе, а также на переговорах по сокращению стратегических ядерных вооружений.

Основная цель этого разговора — кратко сообщить вам о результатах встречи «семерки» в Хьюстоне. Позже я направлю вам письменное послание на эту тему.

Как вы, очевидно, знаете из принятого на встрече коммюнике, а также из того, что уже рассказал вам канцлер Коль, мы все подчеркнули нашу готовность помочь Советскому Союзу..

Теперь о том, что касается НАТО. Я понимаю, что вы уже получили мое послание на эту тему. У нас вызывает удовлетворение та оценка, которую вы и министр Шеварднадзе дали тем мерам, которые были согласованы на сессии Североатлантического совета в Лондоне. Я помню, как во время вашего визита в США вы говорили о том, что будете внимательно следить за ходом совещания в Лондоне. Мы пошли по пути преобразования Североатлантического союза, и, таким

образом, сейчас открывается эра сотрудничества между Востоком и Западом. Я надеюсь, что в Советском Союзе именно так и были восприняты результаты этой встречи.

Мы также постарались учесть те озабоченности, которые вы высказывали в беседах со мной и с другими. Мы сделали это следующим образом:

- предложили государствам — членам Организации Варшавского Договора принять совместную декларацию о ненападении;

- пригласили вас прибыть в Брюссель и выступить в Североатлантическом совете;

- согласились открыть НАТО для установления регулярных дипломатических связей с СССР и другими государствами Восточной Европы;

- выступили с искренним предложением дать заверения относительно численности вооруженных сил будущей объединенной Германии (как я понимаю, вы обсудили этот вопрос с канцлером Колем);

- в военной области объявили о радикальном изменении в нашем подходе как к обычным, так и к ядерным вооружениям;

- предложили расширить и укрепить процесс СБСЕ, предусмотрев создание новых организационных структур, в рамках которых СССР мог бы принять участие в процессе обновления Европы;

- мы попытались в принятом документе расставить акценты таким образом, чтобы указать на наше стремление иметь такую Европу, где ни одна держава не чувствовала себя в изоляции. Вы знаете о том, что я рассматриваю НАТО как стабилизирующий фактор, особенно если объединенная Германия не окажется в изоляции и станет полноправным членом этой организации...

М.С. ГОРБАЧЕВ. В моих беседах с канцлером нам удалось сблизить позиции. По сути дела результаты встречи учитывают наши общие интересы, интересы Германии, наши и ваши интересы. Хочу сказать, что без Вашингтона, Кэмп-Дэвида, без встречи в верхах Североатлантического союза и Лондонской декларации, без наших с вами усилий, усилий наших внешнеэкономических организаций было бы трудно прийти к сближению точек зрения. Но благодаря ответственности, пониманию, учету интересов друг друга мы пришли к вполне позитивным результатам.

Надеюсь, что Шеварднадзе и Бейкер более конкретно и предметно будут говорить об этом — как о том, о чем мы с вами сейчас говорили, так и по отдельным конкретным вопросам, которые не для телефонного разговора. Я считаю, что если эти договоренности будут выполнены, то это даст позитивные результаты.

Согласен с вами в том, что такое течение процесса позволит надеяться на успешное развитие переговоров в Вене, работы по всему комплексу общеевропейских вопросов.

В заключение хочу сказать, что наш разговор укрепляет мою уверенность в том, что сотрудничество между нами будет крепнуть.

Дж. БУШ. Давайте продолжать подобный обмен мнениями.

В наших сообщениях для прессы можно было бы сказать, что в ходе этого разговора мы провели конструктивное обсуждение результатов хьюстонской встречи и встречи в верхах Североатлантического союза.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, я думаю, так и скажем. И по этим темам тоже.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

**Докладная записка Э.А. Шеварднадзе
М.С. Горбачеву о представлении
проекта советско-германского договора
с приложением проекта письма
М.С. Горбачева Г. Колю**

25 июля 1990 года

Михаил Сергеевич,

Представляем проект советско-германского договора о партнерстве, добрососедстве и сотрудничестве. В нем учтены те соображения, которые передал вам Колю на беседе в Москве 15 июля, а также внесены небольшие дополнения.

Было бы целесообразно передать Колю этот доработанный проект через совпосла в Бонне с вашим посланием, в котором высказаться за скорейшее начало переговоров — по возможности еще до Московской встречи «шестерки», где, судя по всему, должны быть в основном решены все внешние аспекты германского объединения.

Кроме того, важно закрепить взаимопонимание о необходимости скорейшей выработки договора о сроках и условиях пребывания в Германии наших войск в сочетании с соглашением по финансовым вопросам, а также обновления долгосрочного договора об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве с Германией.

Шеварднадзе

Сопроводительное письмо к проекту советско-германского договора, отправленное М.С. Горбачевым Г. Колю*

Уважаемый господин Федеральный канцлер!

В продолжение наших бесед посылаю вам дополненный проект советско-германского договора о партнерстве, добрососедстве и сотрудничестве. В нем учтены те соображения, которые были переданы вами во время нашей беседы в Москве 15 июля.

Сравнение тех соображений, которыми обменялись стороны, показывает, что мы достаточно близки друг к другу. Это вселяет уверенность в то, что нам удастся прийти к договоренности в сжатые сроки и в таком же деловом духе, как были решены вопросы во время наших встреч в Москве и на Северном Кавказе. Нет нужды говорить, что для нас по многим соображениям важны положения договора, регулирующие вопросы безопасности, а также создающие реальные предпосылки для преференциального развития экономических связей между СССР и Германией. Думаю, что они важны и для вашей стороны, поскольку речь идет о новом качестве отношений.

Поскольку договор о партнерстве, сотрудничестве и добрососедстве является важнейшей составной частью общей суммы урегулирований, которая имеется в виду в связи с германским объединением, было бы хорошо прийти к согласию по его содержанию еще до Московской встречи «шестерки», а затем закрепить взаимопонимание, как и было условлено, путем обмена письмами. Это способствовало бы ускорению работы по всем направлениям.

* Письмо отправлено после 25 июля 1990 г.

Ваши соображения в этой связи я просил бы передать через нашего посла в Бонне. Мы готовы приступить к согласованию в Бонне или в Москве — по вашему выбору.

Как договорились, я исхожу из того, что по срокам и условиям дальнейшего пребывания наших войск в Германии будет оперативно выработан и подписан отдельный договор. Он будет внутренне взаимосвязан с соглашением, регулирующим вопросы, которые вытекают из установления финансового и экономического единства Германии, включая и материально-финансовую сторону пребывания наших войск. Важно начать обмен мнениями по этому комплексу вопросов, разумеется, с привлечением ГДР, чтобы иметь полную ясность в течение ближайших месяцев.

Будет правильным также не откладывать в долгий ящик составление обновленного долгосрочного договора об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве.

С удовольствием вспоминаю о наших беседах. Сделано большое дело для будущего советско-германских отношений, для строительства новой Европы.

От взаимодействия и взаимопонимания между нашими странами всегда зависело очень многое. Тем более это справедливо на нынешнем действительно переломном этапе.

С дружеским приветом

М. ГОРБАЧЕВ

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Андреотти

Москва, 26 июля 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. В Европе многое развивается так, как мы предвидели. Откровенно говоря, мы уже тогда понимали, что столкнемся с такими процессами в Европе, особенно связанными с объединением Германии, которые приобретут большой динамизм.

Чрезвычайно важно, несмотря на все трудности, — это канализировать. Не думаю, что все нам удалось, как хотелось, но главное в том, что у всех европейцев — и у Миттерана, и у Тэтчер, и, естественно, у нас с вами — сохраняется такое понимание. В нынешней обстановке это дает нам возможность как-то удерживать события «в узде».

Конечно, у г-на Коля есть определенное состояние эйфории. Но это лишь часть его подхода. Есть еще другая часть: то, что он получил большие авансы от администрации США. Я это почувствовал и во время встречи с ним, и в Кэмп-Дэвиде. Наши партнеры в Вашингтоне все время беспокоятся, что кто-то, мол, собирается их сдвинуть с европейского континента. Как я уже говорил в ходе наших предыдущих бесед с вами, мы понимаем, что это была бы нереалистическая политика. В ходе своего последнего визита в США я говорил об этом и американским руководителям и даже публично заявил, что мы рассматриваем американское присутствие на нашем континенте, даже военное как фактор стабильности. Эта фраза их настолько удивила, что они даже переспросили, правильно ли она переведена. Я ответил: да, правильно. Специально формулирую эту мысль так резко, чтобы быть правильно понятым. Я не представляю себе, чтобы общеевропейский процесс мог идти вперед, если США будут чувствовать себя чем-то ущемленными, а такое ощущение у них все же есть. С подозрительностью относятся они к интеграционным процессам в Запад-

ной Европе. Пытаются «подстегивать» в связи с этим процессы объединения Германии, полагая, что особые отношения с ней могут открыть им необходимые механизмы воздействия.

Суммируя, можно сказать, что беспокойство у всех нас есть. Это нормальное состояние политиков. Вспоминаю, сколько времени мы с вами посвятили анализу того, как двигать вперед общеевропейский процесс, выходить на новые европейские структуры безопасности, на создание общеевропейского экономического, правового, культурного пространства. Все это надо рассматривать во взаимосвязи, поэтому беспокойство есть в то же время и проявление ответственности.

Надо сказать, что и у г-на Коля стало больше реализма. И хотя он по-прежнему торопится, с ситуацией ему приходится считаться. Он сам мне все время повторял одно и то же: мол, не столько он торопит события, сколько развивающиеся в ГДР процессы торопят его. Если, говорит он, не предпринимать никаких действий в валютно-финансовой области, то будет нарастать отток немцев в западную часть Германии. Целые территории окажутся брошенными. Что же делать потом? Завозить в эти районы население? Он утверждал, что начнется распад экономики. И мы с вами могли видеть, что после перехода на расчеты в западногерманских марках в ГДР стало проявляться беспокойство о судьбе предприятий, о занятости.

Но время выдвигает новые проблемы и задачи. Наверное, встанет вопрос об интегрировании объединенной Германии в европейский рынок. Думаю, все мы, насколько возможно, должны постараться, чтобы связать это развитие с общеевропейским процессом, поставить вопрос о трансформации НАТО и Варшавского Договора, о переходном периоде. В этой связи встает вопрос о пребывании наших войск на какое-то время на территории ГДР, об уровне войск бундесвера, о взаимосвязи этой проблемы с венскими переговорами — с Веной-1 и, в перспективе, Веной-2, со встречей на высшем уровне всех европейцев с участием США и Канады. Думаю, очень важно, что эту взаимосвязь нам удалось пока не разрывать.

Скажу прямо, нам было бы трудно на встрече с Кодем выйти на пакет достигнутых соглашений, если бы не три или даже не четыре элемента.

Во-первых, из Дублина со стороны ЕС, а затем из Лондона от НАТО последовали очень серьезные сигналы. Без того, чтобы все было взаимосвязано, нам было бы очень трудно формировать новую позицию. Не скажу, что мы согласны со всем, что там было сказано. Но главное — началось движение.

Во-вторых, мы чувствуем понимание ответственности со стороны Германии, готовность осмыслить отношения, сложившиеся у нас

с ФРГ и ГДР, таким образом, чтобы они получили продолжение. Советское общественное мнение относится к этому с большим пристрастием: велика психологическая ранимость.

В-третьих, мы пытаемся совместить новый процесс, связанный с объединением Германии, с общеевропейским процессом.

И еще. Большое значение имеет тот факт, что в Хьюстоне европейцы заявили о своей твердой позиции в поддержку перестройки, хотя мне известны и все перипетии состоявшихся там обсуждений. Для нашего общества это важно, и нам легче идти на продвижение, согласование, сближение позиций. Надо было реагировать и сохранить тот главный позитив, который мы общими усилиями сформировали в мировой и европейской политике. Этот позитив перевешивает многие частные вопросы и проблемы. Вот что значит сотрудничество и понимание в мировой политике. Откровенно говоря, без тех интенсивных встреч, переговоров, дискуссий, которые у нас состоялись с нашими партнерами, было бы трудно справиться с новой ситуацией. Исходя из всего этого, я смотрю и на нашу сегодняшнюю встречу как на возможность обсудить нынешнюю ситуацию, заглянуть в ближайшее будущее, «сверить часы».

Дж. АНДРЕОТТИ. Германская проблема. Нам прекрасно понятны психологические трудности, которые вам пришлось преодолеть. Несколько лет назад развернулась активная полемика в связи с моим высказыванием насчет того, что существуют две Германии и две Германии должны сохраняться в существовавшей на тот момент ситуации. В новой политической ситуации есть и определенная новая логика. Она требует, чтобы были очень точно расставлены акценты. Единая, более сильная Германия не будет вызывать озабоченности, если она будет прочно включена в Европейское сообщество, в сильно трансформированную НАТО, в общеевропейский процесс, который должен активно идти вперед.

Моя личная точка зрения в том, что скачок в экономическом развитии Советского Союза отвечал бы общим интересам европейских государств, способствуя тем самым сбалансированию ситуации. Мы с большим удовлетворением отметили реализм и фантазию, которые вы проявили при постановке этих вопросов перед немцами. Идея переходного периода, во время которого на территории нынешней ГДР останутся советские войска, — это гениальная формула, позволяющая избежать резких перемен, дающая время для пересмотра деятельности НАТО, что должно привести к коренному изменению ситуации в Европе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорил о том, что объединенную Германию на какое-то время необходимо поставить «на два якоря». Таким образом, создается новая ситуация.

Дж. АНДРЕОТТИ. Это очень точная политическая, юридическая, дипломатическая формула. В Европейском сообществе мы с большим вниманием следили за германскими делами, которые развивались более быстрым темпом, чем предполагал Гельмут Коль. Быть может, свою роль здесь сыграло телевидение. Когда люди увидели многотысячные манифестации в Дрездене и Лейпциге, это внушило народу уверенность в том, что они сами могут ускорить развитие событий.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это точно, мы можем это подтвердить на собственном опыте.

Дж. АНДРЕОТТИ. Хочу обратить внимание и на такую сторону вопроса. Нам в Европейском сообществе представляется, что более тесное вовлечение Германии в различные институты: ЕС, НАТО, общеевропейский процесс — позволит сохранить и «демократическую чистоту» Германии. Кстати, на встречу в Дублине мы пригласили де Мезьера с целью показать, что мы не ведем дело таким образом, как будто Германия уже объединилась.

У части нашего общественного мнения, прежде всего интеллигенции, было немало озабоченности, связанной с германским объединением. Но должен сказать, что последние соглашения, которые вам удалось заключить, эти озабоченности в значительной степени сняли. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Р. Дюма

25 августа 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я очень доволен, что вы приехали к нам в это время. Это еще раз подчеркивает особый характер наших отношений. Надеюсь, что вам с Шеварднадзе удастся найти решение еще не урегулированных проблем. Было бы полезно, чтобы вы с ним обдумали, как будут выглядеть советско-французские отношения, какова будет их роль. Как вы знаете, мы ведем переговоры с немцами по целому ряду направлений, определяющих весь комплекс наших взаимоотношений. У вас также накоплен богатый потенциал связей с ФРГ. Надо эти потенциалы использовать. Видимо, сложится целая система, опирающаяся на такие надежные опоры. Нужно обеспечить их состыковку в интересах строительства новой Европы...

Р. ДЮМА. Я хотел как раз затронуть вопрос о Германии. Рад, что мы имеем возможность встречаться и обсуждать эту проблему. Мы должны обсуждать ее и в дальнейшем. Она имеет как исторические корни, так и новые моменты. Сейчас я не имею в виду те исторические особенности, которые относятся к истории пятидесятилетней давности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Количество перерастает в качество.

Р. ДЮМА. Если говорить о современности, то Германия сейчас активно участвует в интеграции в рамках Европейских сообществ. Это тот элемент, который мы с вами должны вместе обсуждать. Пока Германия переживает эйфорию объединения. Но немцы скоро столкнутся со сложным периодом. Мы это видим на примере ГДР. У них будут политические, экономические, психологические проблемы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы правы.

Р. ДЮМА. Но нельзя недооценивать немецкую динамику. В предстоящий трех-, пятилетний период, когда они будут решать свои мно-

гочисленные проблемы, им надо дать время глубоко обдумать будущую организацию Европы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но надо, чтобы они не только обдумывали, но и предпринимали какие-то шаги.

Р. ДЮМА. Да, я высказался более осторожно.

Говоря о пользе советско-французского взаимодействия, отмечу, что СССР и Франция вовремя обратили внимание на две проблемы, не ожидая истечения пятилетнего периода. Я имею в виду вопрос о границах, а также об изменении военно-политического статуса, унаследованного от Второй мировой войны. Думаю, что здесь мы с вами хорошо поработали. Хотелось бы, чтобы мы с моим другом Эдуардом сумели, завершить в Москве этот процесс. Можно сказать, что никакие другие страны не знают лучше эту проблематику, чем мы, и никто больше, чем мы, не заинтересован в решении этих вопросов.

Я помню, как на первоначальном этапе американцы испугались единого рынка, который вырисовывался на горизонте 1992 года. Поэтому они стали весьма энергично подталкивать Германию к объединению, и оно пошло быстрее, чем нужно.

Как показывает общение с американцами, в краткосрочной перспективе они всегда отдают приоритет прагматизму. В результате у них скоро будут сложности в европейской политике. Но при этом я убежден, что без взаимодействия с американцами на европейском направлении не будет продвижения вперед на всех других направлениях мировой политики. Американцам еще многое предстоит обдумать и осмыслить.

США наконец-то поняли, что Европа может действовать сама по себе. Особенно ярко это проявилось в Хьюстоне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Они должны пережить этот этап. Ведь речь идет о появлении новых центров.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем

7 сентября 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Добрый день, г-н канцлер!

Г. КОЛЬ. Рад приветствовать вас, г-н Президент. Насколько могу судить, так же, как и в период, прошедший с нашей последней встречи, вы сохраняете неизменно отличающее вас настроение человека, уверенно идущего по своему боевому пути.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо. Что касается перемен, то, полагаю, мы оба достигли того возраста, когда поздно менять свои убеждения. Но, конечно, там, где это необходимо, следует менять тактику, избираемую для выполнения поставленных задач.

Г. КОЛЬ. Это так. С вашего разрешения, возвращаясь к нашим встречам в Москве и Архызе, хотел бы отметить, что они имели для меня весьма важное значение — не только в политическом, но и в личном плане.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен, это был самый крупный разговор из состоявшихся между нами. Поставленные в нашем диалоге задачи имеют огромное значение, связаны с весьма большой ответственностью.

Г. КОЛЬ. Но и соответствующими шансами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Абсолютно справедливо. И надо сделать все, чтобы использовать их в полной мере.

Г. КОЛЬ. Обязательно. И в этой связи позвольте затронуть несколько вопросов.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Слушаю.

Г. КОЛЬ. В первую очередь хотел бы подтвердить, что все условленное нами в Москве и Архызе сохраняет обязательную силу и действует. Так, я очень удовлетворен работой по согласованию «большого договора», как этот документ был назван в Архызе. И, если таково

и ваше желание, мы могли бы подписать этот договор после воссоединения, то есть после 3 октября, еще в текущем году.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В общем плане разделяю вашу оценку. Дело в движении вперед в этой очень важной области.

Г. КОЛЬ. Думается, нами найден общий язык в этом отношении. Что касается договора об условиях пребывания и вывода советских войск, то переговоры идут, и, полагаю, тут также можно рассчитывать на скорое завершение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как мне докладывают, здесь не все идет гладко.

Г. КОЛЬ. Именно связанные с этим вопросы и хотел бы с вами обсудить. Основную проблему представляет Соглашение о переходных экономических мерах — она лежит в области расходов. И здесь можно выделить четыре позиции: расходы в связи со строительством жилья для военнослужащих в СССР, расходы на содержание советских войск в период до их вывода, стоимость переподготовки (но этот аспект не представляется важным, поскольку речь идет не об очень большой сумме) и возникшая в последнее время новая позиция — транспортные расходы.

Как я говорил, мы хотели бы оказать советской стороне содействие в области строительства жилья для военнослужащих из группы войск, выводимой из Германии. Мое мнение в этом плане неизменно. Но возникают проблемы в частности. Мы считали бы правильным осуществить строительство жилья для возвращающихся в СССР военнослужащих совместно с советскими организациями. Мы готовы предоставить определенную сумму, материалы и все, что потребуется для решения этой задачи. Однако реализация данного плана вряд ли будет возможна, если с советской стороны не будут назначены ответственные лица, которые обладали бы практически диктаторскими полномочиями для решения на месте всех возникающих вопросов.

И, г-н Президент, у меня возникает вопрос: не будет ли разумней после достижения согласия по сумме собрать для обсуждения деталей реализации этого проекта наших представителей, действительно компетентных в плане решения всех частных вопросов?

И, поскольку мы оба заинтересованы в успехе в этой области, хотел бы отметить в целом, что достичь его можно будет только в том случае, если вся работа по данному проекту будет организована с четкостью генерального штаба.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хотел бы выделить политический аспект этой проблематики — весьма важно решить все вопросы в комплексе. Это принципиальный момент. Мы вышли на очень значительные исторические решения, и, надеюсь, г-н канцлер окажет содействие тому,

чтобы были найдены развязки и по практическим вопросам, ибо это весьма важно для сохранения той атмосферы, благодаря которой стали возможными идущие сейчас процессы. Обсуждаемые в настоящее время вопросы практического характера не столь масштабны в сравнении с объединением Германии. Подчеркну и то, что мы не крохоборы, не торгуемся — все расчеты, представленные нами, поддаются проверке. Немцы хорошо умеют считать, и почему бы совместно не проверить правильность этих расчетов? А после определения адекватной суммы, видимо, было бы целесообразно, как вы предложили, образовать форум, в рамках которого велось бы согласование деталей. Но на этой стадии необходима политическая воля к решению надлежащим образом всего комплекса вопросов в связи с германским урегулированием.

Г. КОЛЬ. Такая воля, вы знаете, есть, я ее доказал. Хотел бы сказать и о том, что уже до конца года, после того, как будет готов пакет ваших реформ, ФРГ не только со своей стороны, но и совместно с союзниками изучит возможности содействия в финансовом измерении реформам в СССР.

Конечно, мы очень детально изучаем финансовые вопросы. Мы знаем, сколь политически важно решение проблемы обеспечения жильем возвращающихся в СССР военнослужащих. Но я предложил бы временно отставить в сторону расчеты обеих сторон, сначала определиться по паушальной сумме, а потом решать вопрос, на что ее распределять. Конечно, это в первую очередь дело советской стороны: определить приоритеты — жилищное строительство или содержание войск — в использовании выделяемых средств. Для нас представляется реалистической общая сумма в 8 млрд марок. И, как мне кажется, оптимальным было бы сделать основной акцент на строительстве жилья.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Должен сказать, что названная вами цифра ставит нас в тупик. Только расходы на строительство жилья с необходимой инфраструктурой — детскими садами, школами, поликлиниками — составляют 11 млрд марок. Но есть и другие суммы — стоимость содержания войск, расходы по их выводу. Как в этом контексте реагировать на предложенную сумму в 8 млрд марок? Эта цифра буквально взрывает всю проделанную нами работу, а ведь она велась в атмосфере хорошего взаимопонимания и доверия.

Ваши специалисты оценивают стоимость интеграции ГДР в новые структуры в 500 млрд марок, исходя из срока 10 лет, то есть 50 млрд марок в год. Это значит, что при сокращении срока ежегодно выделяемая сумма еще более увеличится. Но ведь речь должна вестись

не только о ГДР, поскольку все элементы этого процесса взаимосвязаны. Повторюсь, наши расчеты составлены открыто. Отмечу, что сумма, о которой идет речь, распределенная на срок в четыре года, не так велика.

Благодаря доброй воле и взаимопониманию, стало возможным достичь согласия по окончательному документу, регулирующему объединение Германии. При этом было определено, что практические вопросы, связанные с пребыванием и выводом войск, не войдут в политический документ, составят предмет самостоятельного документа. И сейчас, когда, благодаря этому документу, открыта дорога к политическому документу, вопросы, находящиеся в органической связи с этим документом, имеющие определяющее значение для судьбы наших войск, не решаются. Как быть? Не ставится ли под сомнение атмосфера доверия и доброй воли, сделавшая возможным весь этот процесс?

Г. КОЛЬ. Не думаю. Мы оба имеем добрую волю. Не сомневаюсь, что дорога к решению будет найдена. Однако хотел бы заметить, что суммы, сейчас называемые с советской стороны, значительно выше тех, о которых велась речь раньше. Так, мы говорили о строительстве жилья, а теперь еще готовится вопрос и об обеспечении инфраструктуры, а это совершенно новый момент.

Скажу прямо, что и у нашей стороны есть проблемы в связи с различными, весьма значительными финансовыми обременениями, которые возникли для нас в последнее время. И все же я думаю, что эти вопросы решаемы. Полагаю, нам обоим следовало бы в ближайшее время еще раз взвесить имеющиеся возможности и уже сейчас договориться о том, когда мы могли бы вновь обменяться мнениями. Может быть, я позвонил бы вам в понедельник, очень рано утром?

М.С. ГОРБАЧЕВ. В это время я еще буду находиться в Финляндии.

Г. КОЛЬ. Я готов был бы позвонить и в Финляндию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В понедельник я возвращаюсь в Москву, буду здесь не позднее 14 часов по московскому времени.

Г. КОЛЬ. Если вас устраивает, мы могли бы поговорить в 14.30 по средневропейскому времени.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Хочу еще раз отметить, что испытываю очень большую озабоченность в связи со складывающейся ситуацией.

Г. КОЛЬ. Согласен. Нам надо приложить усилия, чтобы найти решение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Двенадцатого сентября в Москве состоится встреча министров иностранных дел «шестерки». Какие директивы давать министру иностранных дел СССР? Ситуация очень тревожная. Получается, что мы оказываемся в политической ловушке.

Г. КОЛЬ. Никак нет. Вы знаете, что я не хочу развития нашего диалога в таком ключе.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но есть реалии.

Г. КОЛЬ. Да, и мы будем говорить о реалиях. Однако реалии есть на обеих сторонах. И нам обоим предстоит поработать над решением.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важный вопрос — от того, как мы развяжем этот узел, будет очень многое зависеть.

Г. КОЛЬ. Обязательно развяжем. Разрешите теперь затронуть другой вопрос. Наши представители ведут сегодня переговоры в Москве о поставках мяса и других продуктов, в том числе сигарет. Думаю, с обеих сторон сделаны разумные предложения. Речь идет о сумме в общей сложности почти 600 млн марок. У нас есть впечатление, что переговорные позиции сблизилась и что наше предложение представляет для советской стороны интерес. Однако с нашей стороны возникает проблема сроков. Ведь речь идет о поставках товаров из ГДР. Пока мы можем свободно обсуждать эту проблематику. Однако после 3 октября возникнут сложности в связи с теми обязательствами и нормами, которые действуют в ЕС и ГАТТ⁷⁸. Ведь как правительство ФРГ мы можем сделать СССР данное предложение, но правительство объединенной Германии уже не будет иметь такой возможности, ибо это будет связано с обязательствами в рамках ЕС и ГАТТ. Просил бы вас обратить внимание ваших сотрудников на это обстоятельство. Наш представитель, прибывший в Москву, статс-секретарь Киттель имеет все необходимые полномочия для заключения соответствующей договоренности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо, я дам соответствующее указание незамедлительно.

Г. КОЛЬ. Вчера я говорил с Джорджем Бушем по другому вопросу. Разрешите — совершенно вне протокола — спросить: были бы вы заинтересованы в том, чтобы руководители СССР, США, Великобритании и Франции прибыли в Берлин 3 октября для участия в торжествах в связи с объединением Германии? Я не буду официально ставить вопрос об этом, не узнав вашего мнения. Скажу откровенно, мне хотелось сначала переговорить с вами и Бушем и лишь потом обращаться в Париж и Лондон. Если вы согласны с этой идеей, то, вероятно, ее можно было бы обсудить с Бушем в Хельсинки, а мы с вами вернулись бы к ней при нашем следующем разговоре.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, если удастся сохранить сложившуюся атмосферу взаимопонимания и доверия, благодаря которой стало возможным выйти на этот исторический процесс, следовало бы обеспечить его завершение на должном уровне. Таково мое предварительное

мнение. Но важно приложить все усилия для сохранения этого конструктивного духа в наших отношениях.

Г. КОЛЬ. Хорошо. Я вас понял. Уверен, что эта позитивная атмосфера будет сохранена взаимными усилиями.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Подчеркну, что надлежит сделать все необходимое для того, чтобы не создать препятствий на заключительном этапе этого исторического процесса, которые могли бы взорвать не только позитив, накопленный за последние годы, но и наши долгосрочные планы.

Г. КОЛЬ. Да, совершенно с вами согласен. Здесь у нас нет никаких расхождений. Признателен вам, г-н Президент, за беседу.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем один на один Хельсинки, 9 сентября 1990 года

(На встрече присутствовали Б. Скоукрофт и А.С. Черняев)

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Вопрос стоит так: сумеем ли мы действовать в том же духе и на новом этапе мировой политики, в который мы вступили после окончания «холодной войны», а главное — как конкретно мы будем действовать? Это серьезный вопрос, о котором надо много думать. Фактически мы стоим перед глобальным выбором. Вы говорите о новом порядке. Действительно, мы должны жить по-новому, по-новому строить отношения. Цена очень велика. Как я говорил, если бы не было Мальты, если бы не было нового уровня отношений и между нами, то процессы, которые развернулись в Восточной Европе и в связи с объединением Германии, создали бы ситуацию похлеще кризиса в Персидском заливе.

Дж. БУШ. Совершенно верно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Учитывая уровень военного противостояния, имеющийся в Европе, могла бы завариться такая каша, которую мы, пожалуй, не расхлебали бы. И вот сейчас мы стоим перед не менее сложным испытанием.

Вы, наверное, согласитесь, что события в Восточной Европе, германские дела были более трудными для нас, чем для США. Я вам скажу откровенно, что потребовались колоссальные усилия, огромное напряжение политической воли для того, чтобы буквально перешагнуть через себя, преодолеть старые подходы, казавшиеся незыблемыми, действовать так, как того требовали изменившиеся реальности. Мне до сих пор приходится на различных форумах у нас в стране разъяснять эту нашу позицию, доказывать необходимость нового мышления, новых подходов к тому, что происходит в мире, убеждать людей в правильности наших политических шагов внутри страны

и за рубежом. Это не всегда легко, тем более что на Западе есть люди, которые подбрасывают анализ событий, основанный на старом мышлении, и это осложняет наше положение. Тем не менее в подавляющем своем большинстве наше общество понимает позицию советского руководства.

Дж. БУШ. Канцлер Коль пригласил меня приехать в Германию для того, чтобы вместе с вами принять участие в церемонии 3 октября по случаю объединения Германии. Я сказал Колю, причем совершенно искренне, что мне было бы очень трудно выполнить его просьбу. Дело в том, что это будет всего за месяц до выборов в Конгресс, а мне уже пришлось отменить поездку в Южную Америку, которую и я, и южноамериканцы рассматривали как весьма важную. Насколько важным считаете вы это мероприятие? Я знаю, что оно важно для Коля. Но сам я поеду вряд ли. Если я не буду участвовать, это вызовет какие-то проблемы для вас?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нет. Я сам сейчас чрезвычайно занят дома. Предстоит большой бой по вопросам перехода на рыночную экономику. Кроме того, мне придется сейчас возглавить разработку Союзного договора. Как видите, решается будущее нашей страны, и мне было бы очень трудно оторваться. Когда Коль пригласил меня, то я сказал, что считаю это событие очень важным, знаменующим завершение целого этапа истории. Но что касается уровня участия, то я сказал, что посоветуюсь с вами и другими.

Дж. БУШ. Если вы не попросите меня изменить свое решение, скажу ему, что, к сожалению, не могу приехать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я не поеду.

Дж. БУШ. Я отнесу это решение на свой счет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом вопросе нам с вами не надо иметь расхождений.

**Докладная записка А.С. Черняева
о предстоящем телефонном разговоре
с Г. Колем и возможной поездке
в Германию 3 октября**

10 сентября 1990 года

Михаил Сергеевич!

Сегодня в 16.30 (по московскому времени) состоится ваш повторный разговор с Колем. Где подготовить телефон и переводчика?

Он, конечно, спросит у вас окончательный ответ, приедете ли вы 3 октября. По логике вашего предыдущего разговора и если Коля пойдет на «новые уступки», ответ, видимо, должен быть положительный. Однако Бушу вы сказали, что если он не поедет, то и вы не поедете.

Я рассказал об этом разговоре Квицинскому. Мы порассуждали. Он считает (и я согласен с этим), что у американцев тут своя политика. Дело, конечно, совсем не в том, что Буш на сутки не может прилететь в Европу из-за выборов, которые состоятся через месяц. Он, видимо, не хочет санкционировать наше сближение с Германией. Американцы очень подозрительно смотрят на перспективу заключения нами с Германией «Большого Договора».

Не уверен я, что Тэтчер и Миттеран поддержат отказ Буша приехать.

Думаю, что в любом случае нам выгоднее согласиться с приглашением Коля — даже в том случае, если никто из западников не поедет. Они, кстати, поставят себя в очень глупое положение и еще сильнее толкнут немцев в нашу сторону.

Если вы поедете, это будет демонстрацией нашей твердой политики и того факта, что именно от вас немцы получили единую Германию со всеми вытекающими, как говорят, последствиями для отношений между двумя великими нациями в Европе на долгие, долгие годы вперед.

Черняев

Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем

10 сентября 1990 года

Г. КОЛЬ. Хотел бы поздравить вас в связи с успешными результатами встречи с американским Президентом Бушем в Хельсинки. Завтра я буду разговаривать с Бушем по телефону, и он поделится своими впечатлениями.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я удовлетворен встречей с Бушем. Мне кажется, что она ему поможет в дальнейшем. У него появилась дополнительная опора, которая позволит ему еще более действенно противостоять оказываемому на него давлению...

Г. КОЛЬ. С момента нашего последнего разговора 7 сентября я все обдумал. Вы мне помогаете, и я хочу помочь вам.

Хотел бы предложить вам обменяться сейчас мнениями об общей сумме, которую советская сторона от нас ожидает. Я надеюсь, что вы согласитесь с моим предложением. Мы хотим оказать вам содействие в строительстве 36 тыс. квартир. Мы все тщательно взвесили и просчитали. Ситарян в беседе с нашим министром финансов Вайгелем назвал цифру в 16–18 млрд марок. На наш взгляд, эта цифра слишком щедра. Наши расчеты показывают, что все расходы можно будет покрыть суммой 11–12 млрд марок.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы затронули очень важную проблему, которую необходимо решать. Мне бы не хотелось, чтобы на достигнутое нами была брошена тень, чтобы появились препятствия, мешающие нашему продвижению по пути сотрудничества. У вас, конечно, есть трудности, но вы должны попытаться войти и в нашу ситуацию. Вы движетесь, однако не в тех масштабах, как нам хотелось бы. Нам не хотелось бы, чтобы эта проблема решалась с каким-то деляческим подходом. Перед нами большая цель — развернуть мощное сотрудничество, достойное наших государств.

Вы знаете, ситуация у нас в стране весьма непростая. Нам необходимо решительно выправлять экономическое положение. Мы не можем ждать три—пять месяцев. Уже с 1 октября должен быть начат переход на рыночную экономику. Я нахожусь в очень жестком положении и не могу торговаться. Просил бы вас к этому отнестись с пониманием.

Думаю, что все-таки найдутся 15—16 млрд марок. В наших запросах мы очень скромны. Вы же представляете себе, какую махину нам надо будет привести в движение. Речь идет о весьма значительной группировке, судьба которой должна быть определена к взаимному удовлетворению.

Недавно я разговаривал с Рыжковым, и он тоже подтвердил мне, что в своих запросах мы весьма скромны. Должна быть уверенность в том, что в будущем все будет возвращено с лихвой. Сейчас же получается, что мы ведем себя подобно торгашам. Вопрос очень сложный, и я вынужден настаивать на том запросе, который был сделан.

Г. КОЛЬ. Я не хочу торговаться. Мое предложение является разумным и реальным.

Необходимо также видеть ту цель, которую мы поставили перед собой на конец года. Западные промышленно развитые страны будут готовы поддержать Советский Союз в переводе экономики на рыночные рельсы. Осенью мы будем говорить о большом кредите. Я вам в свое время сказал, что ФРГ намерена в этой связи внести свой весомый вклад. Я дал вам слово, и я его сдержу. Для меня это ответственный вопрос. Просил бы вас с пониманием отнестись к тому, что я не могу два раза делать одно и то же дело. Если сейчас мы дадим вам больше, то тогда осенью будем вынуждены дать меньше. А ФРГ хотела бы сделать осенью достойный вклад.

Поэтому просил бы вас принять мое предложение. Оно вполне разумно и открывает возможность немедленно приступить к строительству жилья. А до Рождества будет сделан еще один, второй вклад. Я действительно хочу вам помочь. И хорошо понимаю, в чем у вас проблемы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Скажу вам откровенно, что речь идет не о какой-то помощи в одну сторону. Вы помогаете себе. Мы хотим, чтобы вы почувствовали суверенитет. Скажу прямо, что ваше предложение меня разочаровало.

Г. КОЛЬ. Мне бы не хотелось, чтобы вы были разочарованы. 12 месяцев тому назад мы начали отсчет нового времени в наших отношениях, вышли на новый уровень. Поэтому надо сделать все, чтобы этот процесс не был заторможен. Я знаю, что должен вам помочь как человеку. Вы тоже мне помогаете. В июле мы обсудили все проблемы и на-

метили необходимые меры. Осенью мы окажем вам содействие в реализации программы реформ. Нужно сохранить атмосферу взаимной выручки в наших отношениях.

Наше содействие вскоре приобретет зримые очертания. Мы готовы употребить все силы на строительство жилья, включая предоставление техники. Новый этап наших отношений должен наполняться хорошим материальным содержанием.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не знаю, что вам ответить. Может быть, нам подумать о том, чтобы вернуться к первоначальному положению или растянуть временные сроки.

Мы сейчас составляем перечень стабилизирующих мер. Предусматриваются, в частности, жесткие меры по отношению к внутренним процессам. У меня непростая ситуация, и вы должны ее видеть.

Г. КОЛЬ. Именно здесь мы и хотим вам помочь. Наши расчеты свидетельствуют о том, что мы в состоянии оказать эффективную помощь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. После боев, которые нам пришлось выдержать с правительством, финансистами и военными, я не вижу возможности опускаться ниже 15 млрд марок; 3 млрд необходимо найти.

Г. КОЛЬ. Может быть, подумать о следующем. Мы были бы готовы предоставить вам беспроцентный кредит сроком на пять лет. Надо, чтобы наши компетентные представители поскорее встретились.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Кто будет таким представителем со стороны ФРГ?

Г. КОЛЬ. Я был бы готов направить в Москву статс-секретаря министерства финансов ФРГ. Он мог бы вылететь завтра или послезавтра.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я вас правильно понял, что имеется в виду сделать два шага. Вы предоставляете 12 млрд марок сроком на четыре года на содержание и вывоз войск, и плюс к этому несвязанный кредит.

Г. КОЛЬ. О беспроцентном кредите сроком на пять лет размером в 3 млрд марок уже шел разговор с г-ном Ситаряном.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Может быть, это поможет развязать узел?

Г. КОЛЬ. Я за то, чтобы найти развязку по всем вопросам. Между нами не должно быть никаких недоговоренностей. Все должно быть ясно. Я имею в виду ясность как раз лично между нами, а не между правительствами. Для меня это крайне важно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я тоже за то, чтобы сохранить все достигнутое, нарастить сотрудничество, закрепить наши дружеские отношения.

Г. КОЛЬ. Для меня крайне важно иметь именно дружеские отношения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Жму вашу руку, г-н канцлер. Желаю вам всего доброго.

Г. КОЛЬ. Последний вопрос. Вы с Президентом Бушем не определились в отношении приезда в Берлин 3 октября?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы договорились поразмышлять над этим.

Г. КОЛЬ. Буду ждать от вас ответа. Желаю вам всего доброго.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Л. де Мезьером 12 сентября 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать вас в этот знаменательный день. В Москве сегодня свершилось историческое событие, нашел свое логическое завершение давно идущий объективный процесс⁷⁹. Открывается новая страница советско-германских отношений. И, думаю, у нас есть основания с оптимизмом смотреть в будущее.

Л. де МЕЗЬЕР. Я думаю, что происходящее можно только приветствовать. Процесс, который завершается, берет свои истоки в марте 1985 года. Люди в ГДР очень внимательно следили за развитием, которое было начато перестройкой. Это было не безучастное наблюдение, а аналитический подход. Делались соответствующие выводы, прикидки, формировались различные течения, и в результате мы пришли к тому, что сейчас имеем.

С 1985 по 1989 год вы были для нас в ГДР абсолютным носителем надежд. Мы никогда не забудем в объединенной Германии ни вас, ни ваших сподвижников.

Что касается меня, то я, видимо, останусь в политике, в руководящих эшелонах будущей Германии и не смогу вернуться к своей адвокатской деятельности.

Мне бы хотелось по-прежнему оставаться в контакте с вами. Надеюсь, что мы сможем продолжить с советским послом доверительные и полезные связи, которые между нами установились.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Контакты позволяют лучше знать друг друга, и мы их приветствуем. Это особенно будет касаться, конечно, руководства будущей объединенной Германии.

Л. де МЕЗЬЕР. Сейчас многие говорят, что объединенная Германия будет чем-то вроде увеличившейся ФРГ. Но это не так.

Это будет нечто другое, и не все пойдет гладко, как кое-кому кажется.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я тоже так считаю. Речь идет не о присоединении нескольких миллионов человек, а о включении уже состоявшихся жизней и судеб. Упрощать это ни в коем случае нельзя.

Л. де МЕЗЬЕР. Нас меньше, и мы слабее. А их больше, и они сильнее. Но мы не хотим быть просто младшим братом. У нас своя сформировавшаяся психология, и многие граждане ГДР, пожалуй большинство, заявляют, что не могут и не хотят жить без прошлого.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы тоже не зачеркиваем своего прошлого, а критически его переосмысливаем. Отвергаем сталинщину, другие пороки системы, но не замазываем все черной краской.

Л. де МЕЗЬЕР. Ни один человек не может и не имеет права сказать, что его жизнь прошла впустую.

Сейчас у нас наступают трудности в связи с введением рыночной экономики. Приходится идти на решительные меры. В первые недели после назначения на пост премьер-министра я пытался осуществлять реформы шаг за шагом. Однако из этого ничего не вышло. Поэтому приходится кое в чем идти на ломку, на кардинальное размежевание с прошлым.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас все намного сложнее. Человеку свойственно опасаться нового, особенно если оно непонятно. Приходится многое преодолевать, многому учиться заново. Не всегда все идет гладко.

Л. де МЕЗЬЕР. Я в последние месяцы очень часто повторяю поговорку, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Как у вас обстоит дело с жизненным уровнем населения, с дотациями?

Л. де МЕЗЬЕР. Сейчас все непросто, но мы надеемся на стабилизацию, дотируем мы в основном на персональной основе, по социальному признаку. Люди, прожившие жизнь или вступающие в нее, не должны страдать от того, что оказались в эпохе радикальных перемен.

Позвольте теперь затронуть один важный вопрос специфического характера. В течение многих лет я был адвокатом представителей еврейской общины. Будучи христианином, считал своим долгом защищать тех, кто подвергался гонениям и преследованиям. У меня сложились хорошие контакты с еврейской общиной США, а также с руководителем Всемирного еврейского конгресса Бронфманом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы его знаем.

Л. де МЕЗЬЕР. Я его видел некоторое время тому назад. Он просил меня передать, что хотел бы по возможности в ближайшее время лично встретиться с Президентом СССР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы обдумаем эту просьбу. На днях у меня будет встреча с министром финансов Израиля.

Л. де МЕЗЬЕР. Американские евреи видят большие возможности оказать весомое финансовое содействие советской стороне параллельно с той помощью, которая осуществляется по государственной линии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для более гибкого маневра нам необходим кредит, который мы, разумеется, через несколько лет вернем.

Л. де МЕЗЬЕР. Я готов выполнять в этой связи роль почтальона. Можете на меня рассчитывать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы учтем ваше обращение. Желаю вам всего доброго на будущее.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером 12 сентября 1990 года

(В беседе принял участие Э.А. Шеварднадзе)

[...] **М.С. ГОРБАЧЕВ.** Мы прошли большой путь. И, я надеюсь, вы это хорошо понимаете. Были ситуации, которые порой приобретали острый характер и могли иметь тяжелые последствия. Теперь все позади, и надо смотреть в будущее.

Первое, что хотел бы сказать: надо подумать о том, куда мы вышли. Объединение Германии не произошло бы без соответствующего вклада Советского Союза и руководства ФРГ. Теперь можно уже посмотреть, в каком месте мы остановились и кто является главными действующими лицами. Ими являются прежде всего ФРГ и Советский Союз. Это не подлежит никакому сомнению.

После войны прошли десятилетия. Обе стороны проявили терпение и государственную мудрость. Совершенно очевидно, что если бы не было глубоких внутренних преобразований в Советском Союзе и в ФРГ, то все могло бы остаться по-старому, ничего не произошло бы. И ФРГ, и Советский Союз менялись с течением времени. Был пройден долгий путь поисков взаимопонимания и взаимного доверия. Стали возможными договоры, среди которых на первом месте стоит, конечно, Московский договор 1970 года. Возможной стала перестройка в Советском Союзе. Поэтому все свершившееся имеет свое вполне логичное объяснение.

Я присоединяюсь к мнению Федерального канцлера Коля, что мы прошли сложный путь, достойный обеих стран. То, что было сделано, и то, что будет сделано в наших отношениях, является делом первоочередной важности не только для двух наших государств, но и для Европы, а также для мира в целом.

Мы недавно разговаривали с канцлером по телефону. Вы, конечно, в курсе дела. Речь шла в основном о финансовых делах. Я выразил разочарование тем, как этот вопрос решается. Для нас это вопрос первостепенной важности. Надеемся на соответствующий подход и понимание. Порой у нас возникает впечатление, что идет какой-то торг. Мы не хотим чувствовать себя в роли торгашей или вымогателей.

Канцлер подтверждал готовность оказать нам содействие, предоставить соответствующую помощь. Но надо же видеть, что тем самым ФРГ помогает не столько нам, сколько себе. Ведь речь идет о суверенитете будущей Германии. Иначе войска останутся, и вопрос о суверенитете затянется. Процесс очень сложный, и на это нельзя закрывать глаза.

Советские люди, общественность поймут, что политический процесс объединения Германии окончательно завершен. И, естественно, встанет вопрос: а что же делается с остальными договоренностями, касающимися прежде всего пребывания и вывода наших войск? Если на это не будет ясного ответа, то может возникнуть ситуация, чреватая взрывом.

Естественно, что все не просто. Однако, когда знаешь, что согласована сумма «12 + 3», то ситуация представляется адекватной складывающемуся положению. Это более или менее приемлемо, в том числе и для вас, поскольку очевидно, что из 3 млрд марок определенная, а может быть, и значительная часть вернется в ФРГ в оплату за поставки.

Наши отношения на будущее должен характеризовать солидный и ответственный подход. Завтра будет парафирован всеобъемлющий договор, который закрепит курс добрососедства, партнерства и сотрудничества в отношениях Советского Союза и единой Германии. Этот договор уже прошел Президентский совет. Мы его тщательно рассмотрели и одобрили. Путь для него открыт.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Мы с г-ном Геншером этот договор завтра парафируем. Сейчас завершается работа над договором об экономическом сотрудничестве. Двигутся дела в согласовании договоров о пребывании войск и об их материальном обеспечении.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По-моему, все складывается неплохо. Еще раз поздравляю вас, г-н Геншер. В свершившемся мы видим и ваш большой личный вклад.

Советский Союз хочет видеть в лице ФРГ, в лице будущей Германии надежного партнера. С вашей стороны чувствуем аналогичное стремление.

Однако не всем это нравится. По мере того как наши отношения все более и более вступают в новую фазу, множатся и суждения, отда-

ющие специфическим запахом. «Сочувствующих» хватало во все времена как внутри, так и вовне. Однако самым действенным ответом в таких случаях было подтверждение своей ответственности, своей исторической роли. А то, что говорят, не должно смущать.

Г.-Д. ГЕНШЕР. От всего нашего руководства и от себя сердечно благодарю вас за все, что было сделано. Без всякой патетики хотел бы сказать, что немецкий народ знает и никогда не забудет, что обретением своего единства он обязан прежде всего вашему личному вкладу, а также вкладу г-на Шеварднадзе. Ваши смелость и прозорливость сыграли в процессе объединения решающую роль. Всем ясно, что все произошло благодаря вашей политике последних лет.

Теперь дело за тем, как нам лучше организовать свое будущее. На согласовании находятся различные точки зрения и мнения, которые идут, однако, в позитивном и конструктивном направлении.

Стержневым, отправным пунктом является крупномасштабное развитие европейских процессов, требующее всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и ФРГ. От нас зависит многое, это знают все. И это налагает на нас большую ответственность, которую мы должны оправдать.

То, что было сделано сегодня, явилось для советской стороны самым сложным вопросом. Не думайте, что мы не понимаем, насколько нелегко вам это далось. Доверие, которое вы оказали немцам, будет оправдано. Советский народ никогда не будет разочарован. Времена изменились, уроки истории мы запомнили и видим будущее лишь в добрососедстве и сотрудничестве. Советский Союз и единая Германия — гораздо более перспективное уравнение, нежели Советский Союз — и две разные Германии.

Я не сентиментальный человек, но скажу откровенно: сегодня сбылась мечта моей жизни. Моя родина стала единой, и мой родной город будет теперь принадлежать государству, которое я представляю. Многие говорят, что немцы были разделены 45 лет, то есть с 1945 года. На самом же деле к единому демократическому государству мы приходим через 57 лет, и отсчет надо вести именно от 1933 года.

Очень хорошо, что завтра мы парафируем Большой договор. Это не дает, однако, нам повода для того, чтобы сидеть сложа руки. Вся работа еще впереди. Мы прошли один этап, закончили одну главу и сейчас открываем другую главу наших отношений. Естественно, что надо сознавать свою ответственность. Большой договор, другие намечающиеся соглашения будут нас объединять, мы будем жить и сотрудничать в условиях нарастающей взаимной зависимости. Это можно только приветствовать. Одно государство не может быть счаст-

ливым и довольным, зная, что другие государства сталкиваются с трудностями, принимая вызов, брошенный им судьбой. Надо помогать друг другу. Есть много общих проблем, касающихся экономического взаимодействия, охраны окружающей среды, других вопросов. Эти проблемы нас объединяют.

Много времени прошло с момента нашей первой встречи, г-н Горбачев, четыре года тому назад, летом 1986 года. Тогда мы действительно и говорили друг с другом по-другому, и видели будущее по-разному. Сейчас многие проблемы сняты, и это можно только приветствовать.

Рад и горжусь тем, что у нас сложились честные и доверительные отношения. Вы и г-н Шеварднадзе всегда можете на меня рассчитывать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Исходите из того, что мы будем отвечать вам взаимностью. Это предъявляет нам и вам очень высокие требования.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Очень надеюсь, что со временем, в недалеком будущем, вы сможете посетить мой родной город Галле. Там много друзей вашей страны, причем искренних и верных.

Чем больше друзей, тем спокойнее жить. Меня очень волнует в этом смысле судьба ваших солдат в Германии. Мы хотим, чтобы за оставшиеся три–четыре года они стали нашими друзьями, вернулись бы в Советский Союз с добрыми чувствами, с тем чтобы советский народ знал, что они оставили в Германии друзей.

Я готов повторить свое пожелание вместе с г-ном Шеварднадзе посетить несколько гарнизонов советских войск в Германии. Пусть солдаты увидят, что мы можем быть друзьями. Пусть они станут при возвращении домой посланцами германо-советской дружбы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я бы приветствовал осуществление этой идеи. Вопрос с войсками очень сложный, и его надо облегчать любыми способами.

Надо подумать о том, как прекратить развертывающуюся в отношении наших военнослужащих подстрекательскую, провокационную кампанию. Надо как-то в закрытой форме довести это до руководства средств массовой информации. Я сегодня читал телеграмму, где говорится, что печать, а также телевидение, в частности программа ЦДФ, публикует адреса и телефоны, по которым военнослужащие могут обратиться в случае, если захотят сбежать.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Думаю, мы сможем отреагировать на вашу просьбу, г-н Горбачев. Инциденты нам не нужны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Желаю вам всего доброго. Прошу передать привет и наилучшие пожелания канцлеру Колю.

Из беседы М.С. Горбачева с Д. Хэрдом

14 сентября 1990 года

(На встрече присутствовал А.С. Черняев)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы рассматриваем диалог с Великобританией, с г-жой Тэтчер как диалог привилегированных партнеров. Нет причин для того, чтобы этот диалог не продолжался, не получал новые стимулы для развития отношений сотрудничества между нами и для решения многочисленных проблем, которыми мы занимаемся вместе.

Я очень ценю то, что зародилось в наших отношениях с Великобританией, контакты с госпожой Тэтчер и ее коллегами. В этом духе рассматриваю Ваш нынешний визит.

Чтобы завершить эту мысль, скажу, что вижу особую необходимость в том, чтобы расширять возможности для нашего диалога и сотрудничества с учетом происходящих в Европе событий. [...]

Думаю также, что в эту новую ткань отношений следует органически включить и объединенную Германию и сделать это путем объединения усилий и сотрудничества с ней. Мы это делаем, но при этом не теряем из виду необходимость и значение нашего сотрудничества с вами. [...]

Я глубоко верю, что и американцы тоже должны чувствовать себя активными участниками европейского процесса. Это важная константа, которая, безусловно, будет способствовать развитию и углублению европейского процесса. Если это удастся в Европе, то, думаю, удастся удержать позитивные процессы в международных отношениях в целом. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

**Выступление Э.А. Шеварднадзе
на заседании комитета
по международным делам ВС СССР
20 сентября 1990 года**

Уважаемый председатель!

Уважаемые депутаты!

Считаю необходимым проинформировать Верховный Совет СССР о характере и значении подписанного 12 сентября в Москве министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии.

Все документы, которые были подписаны в этой связи на многосторонней и двусторонней основе, будут представлены на рассмотрение Верховного Совета страны для ратификации.

Вижу свою задачу в том, чтобы предварить это представление и высказать точку зрения Министерства иностранных дел СССР на то, что дает этот Договор нашей стране, насколько он отвечает нашим государственным и политическим интересам.

Нас отделяет менее двух недель от того дня, когда станет свершившимся фактом образование единой Германии. Политическая карта Европы меняется основательно. Хочу подчеркнуть, что подписанный в Москве Договор решает, причем решает своевременно, две стратегически важные для нашей политики задачи. Он определяет положение новой Германии в Европе с должным учетом интересов всех сторон, в том числе, разумеется, и наших интересов. Он открывает путь для самого активного взаимодействия между нашей страной и этой ведущей европейской державой на весь обозримый период.

Единая Германия возникла буквально на глазах в результате бурных и стремительных процессов. Происшедшее все еще остается для многих непривычным, требует осмысления, переоценки многих усто-

явшихся представлений. Но с каждым днем мы все яснее сознаем, что других вариантов развития не было.

И сегодня как никогда уместно еще раз напомнить о том, что раздел немцев не был естественным состоянием. Неслучайно, что ни в 40-е, ни в 50-е годы, да и позднее, вплоть до наших дней, мы не закрывали путь к немецкому единству, хотя по-разному на различных этапах представляли себе пути и сроки его достижения. Вот почему с самого начала, когда нахлынули события осени 1989 года, мы твердо встали на позиции признания права немцев на собственный выбор пути. Принять такое решение было непросто. Но оно было единственно правильным и дальновидным.

На протяжении всех послевоенных десятилетий «германский вопрос», необходимость его окончательного урегулирования оставались центральной проблемой мировой и европейской политики.

В условиях «холодной войны» и конфронтации решить ее было невозможно. Более того, именно Германия была фокусом «холодной войны» и конфронтации. Именно здесь противостояли и противостоят еще друг другу мощные группировки вооруженных сил двух сторон.

Не раз здесь возникали острейшие ситуации, ставившие мир на грань войны. Вечно так продолжаться не могло и не должно. Не для того советский народ принес невероятные жертвы, заплатил немислимо высокую цену за победу, чтобы жить в постоянной угрозе, что придется отразить новую военную опасность с немецкой земли. Надо смотреть правде в глаза: эта угроза была реальной и значительной, пока существовала разделенная Германия, пока в центре Европы сохранялось массивное военное присутствие и противостояние.

С полной ответственностью я могу сказать, что эта угроза перестает существовать с 12 сентября 1990 года, когда в Москве была подведена черта под Второй мировой войной и окончательно урегулированы внешние аспекты германского единства.

В этом — главный смысл Договора в отношении Германии.

Меня могут упрекнуть в наивности. Но спорить надо не со мною, а с положениями Договора, с теми реальностями, которые он создает.

Они таковы.

— Стороны выводят из непосредственного соприкосновения свои вооруженные силы, и через три—четыре года наших солдат не будет в Германии.

— Германия обязалась сократить свои вооруженные силы до уровня в 370 тыс. человек.

— Германия отказалась иметь ядерное, химическое и бактериологическое оружие.

— Восточная часть Германии получает особый военно-политический статус. Там не будут размещаться никакие иностранные вооруженные силы, иностранное ядерное оружие, а немецкие войска не будут иметь носителей ядерного оружия.

— Признаются окончательными границы Германии, ими являются нынешние внешние границы ФРГ и ГДР, Германия не будет иметь территориальных претензий к кому бы то ни было.

— Подготовка к ведению наступательной войны будет рассматриваться как антиконституционное и наказуемое деяние.

Получены гарантии того, что объединенная Германия не будет допускать возрождения нацизма и его идеологии. Она не будет подвергать сомнению правомерность решений четырех держав в 1945—1949 годах по имущественным и земельным вопросам. Обеспечиваются сохранность мемориальных сооружений, других памятников, воздвигнутых на немецкой земле в память о жертвах, принесенных народами в деле разгрома фашизма, а также военных захоронений наших граждан и надлежащий уход за этими объектами.

Новая Германия подтверждает также защиту доверия в отношении тех договоров и соглашений, которые были заключены ГДР и ФРГ в прежние годы, т.е. решается вопрос о правопреемстве.

Думаю, что уже только эти элементы договоренностей дают ясный ответ на вопрос о том, достаточны ли гарантии, полученные нами.

Подчеркиваю это, потому что в последнее время в той или иной форме задается вопрос, насколько подписанные о Германии документы гарантируют интересы и прежде всего безопасность Советского Союза.

Со всей ответственностью повторяю, что подписанные нами документы в полной мере отвечают интересам Советского Союза, всех народов, всех республик. Они идут в русле укрепления европейской и международной безопасности.

Вместе с тем не могу не сделать одного отступления: никакие соглашения, какими бы хорошими они ни были, не могут гарантировать безопасность государства, если такая безопасность не подкрепляется изнутри. Если негативные, разрушительные тенденции в нашей стране сохраняются, если будет продолжаться раздел экономических, финансовых и иных государственных структур, то никакие международные соглашения не смогут обеспечить нам надежной безопасности, спокойной жизни. Внешняя политика — это продолжение внутренней политики, и об этом мы всегда должны помнить.

Что позволило за такое короткое время и сравнительно безболезненно выйти на такие крупные, принципиальные решения? Здесь сыграл роль целый комплекс факторов, среди которых я хотел бы

выделить прежде всего такой, как устойчивое и постоянно углубляющееся оздоровление советско-американских отношений. Это создает ту базу, тот зримо и незримо присутствующий во всех делах фон, который позволяет шаг за шагом удаляться от периода противоборства и входить в эпоху все более объемного и интенсивного сотрудничества во всех измерениях международной жизни.

Германское объединение, выработка связанных с этим многосторонних и двусторонних урегулирований происходили не в вакууме, а в тесной политической и логической взаимосвязи с целым рядом важнейших событий, которые коренным образом меняли обстановку в Европе, характер отношений между существующими блоками, создавали иное видение процессов сегодняшнего дня и перспектив на будущее. В ходе переговоров наша позиция чутко реагировала на происходящие изменения, учитывала их, адаптировалась к новым условиям.

Судите сами. На переговорах Двадцати трех в Вене заканчивается разработка соглашения о крупных сокращениях обычных вооруженных сил — танков, бронетранспортеров, боевых машин пехоты, артиллерии и других видов вооружений. Там же на переговорах Тридцати пяти вырабатываются новые меры доверия в военной области, которые резко увеличат прозрачность всей военной деятельности на континенте.

На следующем этапе Венских переговоров будут обсуждаться сокращения личного состава армии и ВВС всех европейских государств, войск США и Канады в Европе.

Новая Германия возникает уже в другой системе европейских политических и военных координат. Нам было бы трудно изменить свое отношение к участию Германии в НАТО, если бы Запад не выразил готовность к установлению новых взаимоотношений между двумя военно-политическими союзами.

Готовится декларация, в которой участники союзов заявят, что они не рассматривают друг друга как противников, не применят первыми силу.

Идет глубокая трансформация Варшавского Договора. НАТО пересматривает свою доктрину и стратегию, в том числе такие концепции, как «оборона на передовых рубежах», «стратегия гибкого реагирования». Будет понижена боеготовность войск блока, уменьшены количество и масштабы военных учений.

В перспективе НАТО и Варшавский Договор станут составными частями, элементами общеевропейских структур безопасности, а затем, видимо, и растворятся в них. Политические институты СБСЕ в возрастающей степени возьмут на себя решение задач, связанных с укреплением стабильности и предсказуемости, с предотвращением

и урегулированием кризисных ситуаций и конфликтов. С этой целью будет функционировать специальный общеевропейский центр. Решение о его учреждении ожидается на встрече лидеров европейских стран в Париже уже осенью этого года.

Нельзя не учитывать и то, что на всей европейской территории разрешена широкая инспекционная и проверочная деятельность. Ни в Германии, ни где-либо еще на континенте нельзя будет осуществлять в значительных масштабах какую-то скрытную военную активность. Значение этого трудно переоценить. Совместными усилиями создана объективная основа для взаимного доверия, партнерства в вопросах обеспечения безопасности и надежного мира.

В этих новых условиях нельзя больше подходить к германскому вопросу, в том числе и его военным аспектам, со старыми мерками. Обстоятельства переменялись. Изменились и сами немцы. Они заслуживают после того, что произошло за все прошедшие после войны годы, другого к себе отношения и доверия. Возможно, у Договора в отношении Германии будут критики. Я даже не сомневаюсь в этом. Когда совершаются великие перемены, они связаны и с великими тревогами и заботами. Однако я убежден в том, что мы достигли оптимального результата.

К тому же, если говорить об общем балансе интересов, достигнутом в связи с объединением Германии, то он, разумеется, не исчерпывается постановлениями заключительного документа «шестерки». Многие существенные элементы этого баланса лежат как бы за скобками этого документа. Однако они образуют тот общий пакет договоренностей, который был сформирован в ходе переговоров Президента СССР М.С. Горбачева с канцлером ФРГ Коелем в июле во время встречи в Москве и на Северном Кавказе.

Это прежде всего парафированный на этих днях в Москве широкоформатный Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве Советского Союза с объединенной Германией, который выводит нас на качественно новый уровень отношений и взаимодействия с этим вторым после СССР по величине и значению европейским государством.

В Договор включены, помимо положений о регулярных политических консультациях, разностороннем сотрудничестве: в области экономики, науки, культуры, экологии, гуманитарной и иных сферах, принципиально важные положения военно-политического порядка: о ненападении, об отказе от применения первыми вооруженных сил друг против друга или против третьих государств, о неоказании поддержки агрессору в случае, если одна из сторон станет объектом напа-

дения. Эти положения станут существенной прибавкой к договоренностям по военно-политическому статусу объединенной Германии.

Восстановление исторической справедливости в отношении немцев позволяет поставить наши связи с Германией на долговременную, не подверженную конъюнктурным колебаниям основу. Впереди у нас нечто большее, чем просто сумма отношений СССР с ФРГ и ГДР. Впереди — возникновение новой категории межгосударственного общения в Европе, опирающегося на более совершенную договорную базу, прежде всего в общеполитической и экономической областях.

Меняются не только характер и масштабы взаимных обменов и сотрудничества. Резко расширяется сам круг его участников, который будет охватывать практически весь спектр советских и германских политических и общественных сил, начиная с углубленных межпарламентских контактов. Цель ставится так, чтобы ни одна политическая, общественная, профсоюзная, экологическая или женская организация не осталась в стороне от этого важнейшего процесса.

Найдется место в таком сотрудничестве и средствам информации, и органам здравоохранения и социальной сферы, и представителям церкви. Особую роль стороны отводят углублению взаимопонимания, контактов и сотрудничества молодежи двух стран, школьников, студентов, которым уже завтра придется самим нести прямую ответственность за наполнение жизнью достигнутых договоренностей, за реальное продвижение по пути единения Европы.

Сотрудничество с Германией будет быстро набирать размах и темп. Дело не ограничится Договором о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве. На подходе (он практически уже согласован) новый весомый договор о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники. Очевидно, что будущее единое немецкое государство с предположительным совокупным общественным продуктом в 1,5 триллиона долларов явится мощным и надежным партнером для нашей страны. Обе стороны готовы сделать все для того, чтобы выйти в этом деле на новый уровень и качество взаимодействия.

Заканчивается выработка соглашения, определяющего условия пребывания и планомерного вывода наших войск, а также связанного с ним урегулирования, о некоторых переходных мерах. Считаю необходимым отметить в этой связи проявленную немецкой стороной, в том числе канцлером Г. Колем, министром иностранных дел Г.-Д. Геншером, готовность приложить усилия для того, чтобы наши военнослужащие на остающийся срок пребывания имели нормальные условия, в том числе в материально-финансовом смысле, и мог-

ли покинуть немецкую землю с добрыми чувствами, как друзья немецкого народа. Немецкая сторона внесет свой вклад в осуществление специальной программы гражданского жилищного строительства на территории европейской части СССР для выводимых советских войск в объеме 4 млн кв. м жилой площади. Будут созданы также четыре домостроительных комбината мощностью по 100 тыс. кв. м в год. Будут осуществлены и другие меры по оказанию технической помощи и содействия, по предоставлению транспортных услуг и переподготовке наших военнослужащих в целях интеграции их в гражданскую трудовую деятельность. Думаю, что сам по себе такой подход немецкой стороны к вопросам, связанным с нашими войсками, говорит о многом. Он заслуживает высокой оценки не только в межгосударственном, а и в моральном, нравственном плане.

В общем мы вступаем в период по-настоящему новых отношений с Германией. И мы должны научиться полной мерой и смело черпать открывающиеся возможности сотрудничества с этим великим европейским народом. У нас были черные страницы в истории. Но сейчас пришло время решительно обратиться к живительным и мощным истокам традиций мирного, взаимовыгодного взаимодействия, которыми характеризовались многие века нашей совместной истории. Уверен, что именно эти традиции будут определять наше будущее, да и будущее во всей Европе.

Советско-германское сотрудничество ни против кого не направлено. Время игры в альянсы и интриги одних европейских государств против других должно уйти в прошлое. Наша цель — Европа доверия, единения и сотрудничества. За советско-германскими договорами уже проглядываются не менее весомые и значимые договоры о взаимопонимании и сотрудничестве с Францией, о дружбе и сотрудничестве с Италией, новые документы, определяющие характер советско-английских отношений. Созревает пакет крупных соглашений с Испанией, другими западноевропейскими государствами. Перестройка начинает приносить не только отдельные внешнеполитические успехи. Намечается общий сдвиг, образно говоря, почти тектонического характера.

Опыт решения одной из сложнейших и острых внешнеполитических проблем послевоенного времени — германского вопроса — самым наглядным образом демонстрирует реальность создания новой Европы, в которой Советский Союз займет подобающее ему место как один из архитекторов общеевропейского дома, активный член содружества миролюбивых, демократических государств.

*Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 20.
31.10.1990. С. 32–35*

Постановление
Комитета Верховного Совета СССР
по международным делам
20 сентября 1990 года

Доклад тов. Шеварднадзе Э.А. и первое ознакомление с подписанным в Москве 12 сентября 1990 года министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии позволяют сделать вывод о том, что Договор надежно и полно регулирует внешние аспекты объединения двух германских государств. В основе Договора лежит баланс интересов участвующих в нем сторон. По своему содержанию, масштабности решаемых Договором вопросов он представляет собой крупный шаг на пути строительства Европы мира и сотрудничества.

Важным является то, что Договор четко и ясно определяет границы объединенной Германии, устанавливает их окончательный характер, фиксирует отказ Германии от выдвижения территориальных претензий.

Наряду с постановлениями о границах для Советского Союза особое значение имеют положения Договора по вопросам безопасности. В документе торжественно подтверждены обязательства ФРГ и ГДР о том, что с немецкой земли будет исходить только мир. Эти обязательства подкрепляются отказом Германии от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения, договорно установленным пределом для численности немецких вооруженных сил в 370 тыс. человек, созданием особого военно-политического статуса территории нынешней ГДР.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, а также связанные с ним документы содержат необходимые гарантии и обязательства, обеспечивающие интересы нашей страны и отвечающие реальной обстановке в Европе. Это позволяет Со-

ветскому Союзу совместно с США, Англией и Францией отменить четырехсторонние права и ответственность в отношении Германии.

Комитет Верховного Совета СССР по международным делам принимает к сведению информацию Э.А. Шеварднадзе о содержании Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, парафированного 13 сентября 1990 года. Комитет отмечает, что Договор открывает благоприятные возможности для выхода на новое качество сотрудничества и взаимодействия между обоими государствами в области политики, экономики, а также в других сферах.

Комитет Верховного Совета СССР по международным делам считает необходимым:

— рекомендовать Правительству СССР представить Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии на ратификацию;

— подготовить заключение Комитета по Договору с привлечением соответствующих специалистов;

— поручить МИД СССР и Министерству обороны СССР в ближайшее время отрегулировать вопросы, связанные с необходимостью пересмотра с учетом объединения Германии, существующей системы советских дипломатических и консульских представительств в этой стране, а также предпринять необходимые шаги, связанные с прекращением действия четырехсторонних соглашений, решений и практики;

— соответствующим ведомствам СССР в контакте с союзными республиками принять все необходимые меры для обеспечения планомерного вывода советских войск с территории Германии, их обустройства в Советском Союзе, решения социальных вопросов военнослужащих и членов их семей. Периодически заслушивать на заседаниях Комитетов Верховного Совета СССР информацию о состоянии дел в этом вопросе.

*Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 20.
31.10.1990. С. 35–36*

Из беседы М.С. Горбачева с О. Лафонтеном

Москва, 21 сентября 1990 года

*(В беседе приняли участие с советской стороны В.М. Фалин,
с немецкой — Э. Бар, Х. Эмке, К.-Х. Хирземан)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сегодняшнюю встречу я рассматриваю как продолжение уникальных отношений между нашими партиями. Не думаю, что их значение будет со временем уменьшаться. В контексте происходящего на нас лежит совместная ответственность за сохранение социалистической идеи, причем не где-то «в погребке», а в плане ее продвижения в жизнь.

Многие хотели бы выдать происходящее сейчас в Восточной Европе, в Советском Союзе за крах социалистической идеи. Я придерживаюсь другого мнения: рухнула утопическая, волюнтаристская, навязанная версия претворения этой идеи в жизнь. Мы осмысливаем перспективу движения в рамках социалистического выбора, в контексте мировой цивилизации, отходя от модели двухлагерного мира.

Приветствую вашу миссию как в контексте событий, происходящих в Германии, так и в плане советско-германских отношений. Центральная идея на всех переговорах с немецким руководством заключалась в том, что два наших народа, две страны должны не противостоять, а сотрудничать. Уверен, таково мнение всех политических сил и в Германии, и в нашей стране.

Поворот сейчас происходит крупный. Не все на практике идет так, как замышлялось. Важно, что послевоенные десятилетия прожиты не зря. Идет трудный процесс возрождения советско-германских отношений на тех исторических корнях, которые питали их издавна. Одним словом, я вижу логику и перспективы вашей миссии в Москве.

Нелегкая задача стоит перед нынешним советским руководством и Горбачевым лично. Только что с трибуны перечисляли, что Горбачев

успел уничтожить КПСС, социализм, Союз ССР, Восточную Европу, марксизм-ленинизм. Что еще?

В.М. ФАЛИН. Пролетарский интернационализм. Называли еще армию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не надо ничего преуменьшать. Мы из одной эпохи вступаем в другую. Судьба распорядилась так, что в центре перестройки ее инициаторами стало нынешнее руководство. Я остаюсь приверженцем социалистической идеи. Это мое внутреннее убеждение, суть. Будучи демократом, выступаю за социальную справедливость, за власть, не отчужденную от человека труда, за миролюбивую политику, международное сотрудничество.

Весь процесс реформ в обществе идет под воздействием именно этих взглядов. Думаю, ни одна нация, ни один народ не проходили через столь трудную историю. Если бы все происходящее было всего лишь придумано Горбачевым и его коллегами, это было бы очередное насилие над реальностью в собственной стране и за ее пределами.

Все мы — СССР, Европа, мир — приходим к пониманию необходимости перестраивать жизнь. В нашей истории было заведено так: если есть политический противник, то его надо уничтожить, и не политически, а физически. Вот уже шесть лет в этой стране мы движемся вперед в рамках демократического, политического процесса.

Кстати, немцы тоже умеют решать политические проблемы. Кажется, у вас в последнее время основательно прибавилось демократии.

О. ЛАФОНТЕН. Благодарим вас за то, что, несмотря на занятость, нашли возможность встретиться с нами. Хотел бы также поблагодарить за то, что вы сделали для немецкого единства. Не секрет, что благодаря вашей политике были созданы решающие предпосылки для этого. Спасибо также за ободряющее письмо, направленное мне после покушения. Такие жесты очень помогают в трудные времена.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы были все потрясены тем известием.

О. ЛАФОНТЕН. Хотел бы продолжить диалог о социалистической идее. По прошествии времени она трансформируется, однако основной смысл и цели остались прежними. Приняв на последнем съезде СДПГ новую программу — а я руководил редакционной комиссией, — мы многое изменили, но не отказались от целей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я знаком с этой программой, читал ее еще в проекте.

О. ЛАФОНТЕН. В нее введено новое понятие труда. Оно трактуется по-новому, более широко, включая в себя не только промышленных рабочих, но и весь оплачиваемый наемный труд в целом. За это нам основательно досталось от наших профсоюзов.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наверное, от металлургов, шахтеров. Но, конечно, если брать информатику, высокие технологии, там трудно провести грань между рабочим, наладчиком, инженером, техником.

О. ЛАФОНТЕН. Здесь наблюдается то, что можно определить как сопротивление мышления. Маркс отмечал, что традиции прошлых поколений тяготеют над последующими. Скончавшийся недавно социолог Норберт Элиас разрабатывал идею о том, что действительность всегда опережает развитие сознания.

Сейчас наблюдаются особенно сильные импульсы, толчки в сторону интеграции, и нациям нужно учиться думать по-новому. В Германии тоже идет перестройка, хотя и иного, чем у вас, характера. В ее ходе сталкиваемся с большими проблемами. Важно не повторить ошибки прошлого. Процесс европейской интеграции должен идти в рамках СБСЕ вместе с Советским Союзом.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Полностью согласен. Видимо, вы подозреваете, что я об этом на каком-то этапе забыл. Поясню: я был сторонником более постепенного объединения. А вы — внутри — не справились. Было много спонтанного. Нам нужно было делать выбор, и выбор непростой. Поскольку не все удалось канализировать, пришлось принимать решение в пользу поворота всего процесса в международные рамки. Думаю, мы поступили правильно, не заняв негативную позицию. При всех перипетиях процесс немецкого объединения идет по главному руслу, в чем-то даже подталкивает европейский процесс, выводит отношения между нашими народами на новую фазу. Наша политика в целом остается прежней в том, что касается общеевропейского контекста.

На первом этапе сделано многое, однако, взрослея, организм, возможно, захочет пошевелить не только головой, но и мускулами. Правда, надеюсь, что и немцы другие, и международная среда стала иной. Вы ведь понимаете, что в нашем обществе очень внимательно смотрят, как там немцы, чем они живут.

О. ЛАФОНТЕН. В свое время была издана книга под названием «Запоздалая нация»: немцы, мол, создают единое национальное государство в то время, когда все большие компетенции приобретает Европейское сообщество, растворяя в известном смысле национальные разграничения. Мы делаем ставку на европейское единение, создание европейской общности с участием Восточной Европы и Советского Союза. Возникают противоречивые мысли. Например, недавно было высказано предложение о том, чтобы Германия стала постоянным членом Совета Безопасности ООН. А может быть, лучше, чтобы такой статус приобрело ЕС?

М.С. ГОРБАЧЕВ. А что скажут на это Франция и Великобритания?

О. ЛАФОНТЕН. Пусть и там заново осмыслят собственную роль. Особенно непросто это будет сделать англичанам, да и французам тоже.

Х. ЭМКЕ. Любопытно, что, отвечая Андреотти на такое предложение, Геншер тоже предложил ему поговорить сначала в Париже и Лондоне.

О. ЛАФОНТЕН. Несмотря на сопротивление, процесс европейского единения идет вперед. Видимо, это также вопрос смены поколений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наш выбор сделан — двигаться к европейской общности. Мир сильно меняется, и хорошо, что процесс переосмысления ускорился и в США. Представьте себе, что персидский кризис разразился бы лет семь назад. Американцы быстро позаботились бы о наведении порядка в известном имперском, жандармском стиле: как «придавили» Панаму, Гренаду.

И такие настроения в Америке присутствуют. Президенту Бушу нелегко проводить нынешнюю линию при таких акцентах в общественном мнении США. Так распорядился Всевышний, что на самом первом этапе новых советско-американских отношений они подверглись серьезному испытанию.

Казавшаяся уже почти рутинной ООН вдруг активизировалась. Этот институт как бы ждал своего часа. Я говорил американцам, что перестройка в СССР нужна не только нам самим, но и им, причем в не меньшей степени. Изменения пошли и в США, там заговорили о своей перестройке. То, что происходит сейчас в Европе, как в Восточной, так и в Западной, во многом определяет дальнейшее развитие и вне нашего континента. Опыт, интеллектуальный потенциал, исторические корни, политическая культура Европы могут дать положительные импульсы. Особенно, если удастся объединить наши ресурсы. Я — русский, советский, все сильнее чувствую себя европейцем.

О. ЛАФОНТЕН. Без сомнения, ваша политика многое изменила в Европе и Америке. Достаточно обратить внимание на вывод войск, сокращение военных потенциалов с западной стороны, что было немыслимо в прежние времена. Нашлась личность, которая смогла разрубить узел противоречий, основанных на логике «паритетного» мышления. Буш понимает, что ему не устоять перед общественным мнением, и поэтому ищет международного сотрудничества.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы недавно были в США?

О. ЛАФОНТЕН. Да, накануне Хельсинки.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Значит, вы готовили Хельсинки? По крайней мере, участвовали в этом.

О. ЛАФОНТЕН. Здесь есть и экономическая подоплека. Политика в области вооружений, проводившаяся Рейганом, нанесла большой ущерб американской экономике. Дефицит госбюджета там все еще очень велик. Хотел бы подчеркнуть, что и правительство ФРГ совершило фундаментальную ошибку в процессе объединения Германии. Вопреки рекомендациям экспертов оно сразу ввело на территории ГДР немецкую марку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Здесь были и политические расчеты.

О. ЛАФОНТЕН. Как и в шахматах, в политике правильность первых двух шагов не гарантирует, что последний ход тоже будет верным. В сравнении с первоначальными оценками, затраты, связанные с объединением Германии, уже сейчас оказываются в десять раз выше. Ежегодно будет требоваться свыше 150 млрд марок, или половина нашего госбюджета. При этом не учитываются частные капиталовложения. Финансовым возможностям ФРГ нанесен сильный ущерб.

Будучи в Америке, я сказал, что объединение с ГДР обойдется нам во много раз дороже, чем американцам — затраты в связи с событиями вокруг Персидского залива.

М.С. ГОРБАЧЕВ. К тому же, там платят другие.

О. ЛАФОНТЕН. Был установлен неверный обменный курс марки. Это сказывается, в том числе, и на наших отношениях с Восточной Европой и с вами. Поток товаров на Восток на три четверти держится на дотациях. Например, продажа автобуса производства ГДР в Венгрию вследствие этого обходится венграм вчетверо дороже, чем прежде. Реальный курс западной и восточной марки 1:4 и дает такой объем дотаций.

Х. ЭМКЕ. Для сравнения: то же самое произойдет, если вы будете продавать нефть по мировым ценам.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Важно, чтобы на нынешнем переходном этапе, характерном для обеих наших стран, мы теснее сотрудничали друг с другом. Это будет положительно сказываться на динамике и масштабах перемен.

Мы в Советском Союзе вплотную подошли к рынку. Это видно и по бурным дискуссиям. Не хватает только, чтобы премьер разошелся с Президентом. Мы будем вводить рыночные механизмы, пойдем в сторону приватизации. Последнее означает для нас не замену тотального господства государственной собственности на тотальное господство частной собственности, а замену собственника. Имеем в виду возникновение свободных ассоциаций производителей. Формы могут быть разные: акционерные, кооперативные, арендные. Социалистическую идею соединяем таким образом с частным интересом производи-

теля. Предстоят меры по демонополизации, созданию новых инфраструктур, предполагаем улучшить законодательство об иностранных капитальных вложениях. На выходе закон о предпринимательстве. Видимо, приблизим подход и к решению проблемы конвертируемости рубля, с тем чтобы поставить сотрудничество на здоровую основу. Ваши предприниматели умеют считать.

О. ЛАФОНТЕН. Не все!

М.С. ГОРБАЧЕВ. ГДР и ФРГ — два наших самых крупных внешне-торговых партнера.

Х. ЭМКЕ. Важное значение для будущих советско-германских связей будет иметь отношение немецкого населения к советским военнослужащим в Германии в переходный период.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Геншер заявил, что наши войска будут рассматриваться как представители дружественной страны. Надеюсь, позиция социал-демократов будет по крайней мере не хуже. Поддерживаю г-на Эмке в постановке этого крайне важного вопроса. Многое будет зависеть от того, не будут ли наши войска рассматриваться как оккупационные.

Х. ЭМКЕ. Нужны прямые контакты населения с военнослужащими и членами их семей. Просим проинформировать ваше командование о наших намерениях, поскольку реакция бывает весьма неодинаковой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это будет сделано. Более того, мы условились, что во время предстоящей поездки Шеварднадзе к вам он вместе с Геншером выедет в войска, и будет дан сигнал.

Хотел бы обратить внимание и на следующее. Как я уже сказал Геншеру, западногерманская телекомпания «ЦДФ» допустила при съемках сюжетов и интервью с нашими военными в ГДР и членами их семей провокационные вещи. Я имею в виду стимулирование обращений наших военнослужащих с просьбой о предоставлении политического убежища. Конечно, бывают разные случаи. Но если они и происходят, нельзя допускать никаких спекуляции.

О. ЛАФОНТЕН. Думаю, что общая атмосфера в нашей стране в связи с беженцами будет блокировать подобные действия. ХДС очень боится увеличения потока беженцев. В прошлом году в ФРГ приехали около миллиона человек, в нынешнем ожидается примерно 600 тыс. Проблемы с жильем, рабочими местами оказывают сильное давление на предвыборную борьбу. Никто не может позволить себе заманивать людей.

К.-Х. ХИРЗЕМАН. В данном случае мы вместе в обиде на «ЦДФ».

О. ЛАФОНТЕН. Правовая ситуация в нашей стране такова, что в случае обращения о предоставлении политического убежища воз-

возможности его отклонить весьма ограничены. Сейчас мы думаем над тем, каким образом исключить предоставление убежища гражданам тех стран, где нет политических преследований.

Э. БАР. Со своей стороны, мы могли бы предложить для ваших военнослужащих, других советских граждан программы обучения по тем гражданским профессиям, которые вам могут понадобиться.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Поддерживаю эту идею. В рамках подготавливаемого договора об условиях пребывания советских войск в Германии предусматривается решение многих конкретных вопросов.

Х. ЭМКЕ. Здесь можно рассчитывать на помощь немецких предпринимателей.

О. ЛАФОНТЕН. Хотел бы затронуть и вопрос о переселенцах из СССР немецкой национальности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вопрос о советских немцах в поле нашего зрения. Отношение к ним в обществе неплохое. Надо только взаимоприемлемо решить проблему автономии. «Сверху» не получается. Территория бывшей немецкой автономии сейчас густо заселена. Хотя в Ульяновской области два района уже пригласили к себе немецких переселенцев. Рассчитываем на инициативу «снизу», так сказать, взаимное согласие. Специальная комиссия Совета Национальностей Верховного Совета постоянно занимается этой проблемой.

О. ЛАФОНТЕН. Кстати, ваш военнослужащий немецкого происхождения может в случае обращения автоматически получить наше гражданство, соответствующую финансовую и прочую поддержку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне известен ваш «имперский» закон (*оживление*). Действует ли у вас еще постановление о запретах на профессию?

О. ЛАФОНТЕН. Приходя к власти в федеральных землях, социал-демократы отменяют это постановление. Так было в Сааре, в Нижней Саксонии. СДПГ теперь имеет большинство в бундесрате, и Коль не может делать все, что захочет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. По секрету скажу, что написал письмо канцлеру Колю. Обращаю его внимание на то, что нельзя допустить преследований в Германии бывших членов СЕПГ. Если это начнется, возникнут подозрения, привкус прошлого. Налицо и антисоветская направленность таких тенденций. Если мы смотрим в будущее, этого не должно быть.

Э. БАР. Очень хорошо! Пусть «друзья» в ХДС задумаются. До сих пор члены компартии не могли у нас стать почтальонами. Скоро члены ПДС смогут стать офицерами бундесвера.

В.М. ФАЛИН. Очень сомнительно. Среди офицеров Национальной народной армии распространяют анкеты, где спрашивают не

только о членстве в партии, но и о том, занимался ли опрашиваемый спортом вместе с членами СЕПГ.

О. ЛАФОНТЕН. Восточный ХДС входил при Хонеккере в правительство ГДР, а теперь, по мнению руководства ФРГ, «достойн» участия в новом правительстве. С этой партией объединяется ХДС Коля. Не секрет, что условием профессиональной карьеры в ГДР было членство в СЕПГ или другой блоковой партии. Пусть Коль относится к другим партиям хотя бы наполовину так же тепло, как к восточному ХДС.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если бы мы заняли в этом вопросе нейтральную позицию, это имело бы опасные последствия и в связи с тем, что в нашей стране в процессе плюрализации общества также кое у кого появилось желание взять политический реванш.

О. ЛАФОНТЕН. Есть и исторический аргумент. После краха гитлеровского рейха бывший член нацистской партии мог стать даже Федеральным канцлером. Почему в таком случае бывшие члены СЕПГ не имеют права стать государственными чиновниками? Говорил на эту тему с Гонсалесом. После свержения Франко в Испании смотрели только вперед.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это достойный подход. Закончили с одним — пошли вперед. И памятники Франко никому не помешали.

О. ЛАФОНТЕН. Доведите это ваше мнение до сведения Коля.

К.-Х. ХИРЗЕМАН. Было бы важно обратиться к канцлеру с тем, чтобы он, следуя духу нового мышления, отменил запреты на профессии в целом по стране. Этого добиваются социал-демократы. Понимаю, что это внутривнутриполитический вопрос, однако ваше обращение будет иметь особый вес.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы были тесно связаны со многими людьми в ГДР. Если в этом вопросе будут чувствоваться, мягко говоря, деформации, пойдет «охота за ведьмами», то у нас в стране, в обществе это произведет очень неблагоприятное впечатление. Я не думаю, что Хонеккер был действительно замешан в злоупотреблениях. Не из того теста он сделан. Я ведь был свидетелем всей этой трагедии. Одно дело политические просчеты, другое — злоупотребления.

О. ЛАФОНТЕН. Он был просто очень стар. Я с ним тоже часто встречался. Выходец из антифашистского Сопротивления, Хонеккер не смог со временем пересмотреть прежние взгляды, воспринять новые идеи. Поговорите с Колем насчет него. Если это сделаем мы, на нас все набросятся.

Э. БАР. Михаил Сергеевич, что будет с ядерным оружием, размещенным на территории ФРГ? Кажется, этот вопрос остался за рамка-

ми бесед с Колем. Мы хотим создания на территории всей Германии первой безъядерной зоны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этот вопрос обсуждался. Кстати, кажется, министр обороны ГДР Эппельман — а он «ваш» — почти забыл об этом.

Э. БАР. Я не могу нести ответственность за все, что он делает. Мы будем настаивать на том, чтобы одновременно с выводом из Германии последней единицы советского ядерного оружия было выведено и последнее американское ядерное оружие. Пока что западные державы готовы говорить лишь о наземных ядерных вооружениях, но не об оружии воздушного базирования. Это был бы подрыв соглашения о ракетах средней дальности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Достигнуто взаимопонимание о том, что по окончании Вены-1 встанет вопрос о ядерном оружии. У нас с вами здесь большое совпадение позиций. Видел телерепортажи о выводе американского химоружия из ФРГ. Воистину, заходя в дом, думай, как из него выйти!

О. ЛАФОНТЕН. Не хотим злоупотреблять вашим временем в момент принятия важных политических решений. Надеемся на продолжение контактов, может быть, в нашей стране. Когда вы собираетесь в Германию?

Х. ЭМКЕ. На Рождество?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Многое будет зависеть от того, как пойдут дела у нас. Думаем подписать советско-немецкий «Большой» договор. Не знаю, правда, как буду расплачиваться по вексялям. Обещаний дано много, в частности Франции, с которой собираемся подписать крупный договор.

Рад был всех вас здесь видеть. Высоко оцениваю тот диалог, который мы ведем и лично, и на партийном уровне. Будем продолжать. Передайте приветы моему старому другу Вилли Брандту, председателю Хансу-Йохену Фогелю. Желая вам успеха. Передайте привет и канцлеру Колю.

О. ЛАФОНТЕН. С удовольствием. Еще раз спасибо за встречу. Передаю вам приветы и пожелания успехов от Брандта и Фогеля.

Докладная записка А.С. Черняева и проект письма Г. Колю

24 сентября 1990 года

Михаил Сергеевич!

Представляю проект письма Колю по поводу гонений в ГДР, о чем вы говорили и Лафонтену.

Основу подготовил Фалин.

Я, редактируя и убирая все словесные изыски, сократил более чем вдвое.

С уважением, А. Черняев

**ФЕДЕРАЛЬНОМУ КАНЦЛЕРУ
г-ну ГЕЛЬМУТУ КОЛЮ**

Уважаемый г-н Федеральный канцлер! Откровенно говоря, после Архыза я не предполагал, что вскоре возникнет необходимость обращаться к вам по вопросу, который, казалось бы, закрывался самой логикой подведения черты под прошлым. Но достижимо ли оно, если начать сводить счета за поведение и за политику в другом государстве, которое жило по своим законам.

Вы, наверное, догадываетесь, что я имею в виду обвинения и уже начавшиеся преследования против членов СЕПГ и ее руководства в духе примитивного антикоммунизма.

Не возьмусь оценивать, насколько верна цифра 8 тыс. человек, которых будто бы собрались судить в федеральных судах за «национальную измену», за «преступления против человечности» и, не в последнюю очередь, за «подрывную деятельность в интересах иностранного государства». Был бы человек — параграф сыщется, а из архивов при желании можно извлечь все что угодно.

Как дети «холодной войны», мы-то с вами ведаем, сколько несправедного ей сопутствовало на обеих сторонах. Федеративная Республика и ГДР, конечно, не были здесь исключением.

Теперь вместо двух укладов жизни, двух суверенитетов возникает один уклад. Но кое-кому этого, видно, мало. Хотят заставить бывшего противника испить горькую чашу до дна.

Что же касается «услужения иностранному государству», то не будем игры играть — метят в Советский Союз, пренебрегая его вкладом в восстановление единства Германии. Советская общественность и Верховный Совет, которому еще предстоит ратификация, внимательно следят за ходом объединительного процесса. Они, несомненно, не оставят без реакции попытки выдать за криминал то, что до недавнего времени в ГДР вытекало из союзнических обязательств. Открытая или даже скрытая проповедь антисоветизма и антикоммунизма не вяжется с принципами добрососедства, которым мы с вами присягнули.

Вот почему, г-н Федеральный канцлер, я хотел бы пригласить вас изыскать способ охладить усердие тех, кто не прочь продлить «холодную войну» на внутригерманском фронте. Великий исторический поворот, которому мы вместе дали старт, должен увенчаться гражданским миром и у вас дома, а не быть омраченным «охотой за ведьмами». Это лишь прибавило бы вам симпатий и доверия.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Постановление
Верховного Совета СССР
о Договоре о дружбе, сотрудничестве
и взаимной помощи между СССР и ГДР

2 октября 1990 года

В связи с предстоящим объединением Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германия и учитывая соответствующее обращение ГДР, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Принять к сведению обращение Правительства ГДР, в котором в соответствии со статьей 62 Венской конвенции о праве международных договоров выражается пожелание прекратить к моменту создания единой Германии действие Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой от 7 октября 1975 года.

2. Поручить Совету Министров СССР в контексте объединения Германии продолжить необходимую работу по всестороннему обеспечению интересов Советского Союза, касающихся прежде всего сферы безопасности, до вступления в силу новых урегулирований.

3. Поручить Комитету Верховного Совета СССР по международным делам и Комитету Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности совместно с членами других комитетов Верховного Совета СССР и постоянных комиссий палат провести слушание по вопросам, поставленным народными депутатами в ходе обсуждения настоящего постановления.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов
Москва, Кремль. 2 октября 1990 г.

Из беседы М.С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером⁸⁰

Бонн, 9 ноября 1990 года

(На встрече присутствовал А.С. Черняев)

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. Очень рад вновь приветствовать вас здесь, в Бонне. В отношениях между Советским Союзом и ФРГ завершается год, которому не было равных во всей их истории. Все это стало возможным благодаря советской политике «нового мышления». Без этой политики год назад не состоялось бы объединение двух частей Берлина. Без конструктивной линии Советского Союза процесс урегулирования внешних аспектов объединения Германии не завершился бы столь позитивными, нацеленными на будущее результатами.

Договор, который вы с Федеральным канцлером подпишете сегодня, станет важнейшим событием в наших отношениях. Мы хотим как можно конкретнее воплотить его в жизнь.

Люди в ФРГ с напряженным вниманием и большим участием следят за внутренним развитием в Советском Союзе. Они желают успеха перестройке, политике реформ.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Повод нынешнего визита выходит за рамки обычного. Две наши огромные страны, два наших народа вступают в поворотную фазу в своих отношениях. Она содержит особый шанс и для наших стран, и для всех европейцев. Вокруг этого сейчас много рассуждений, размышлений о том, каковы будут последствия. Мы убеждены, что последствия будут самые позитивные. Ведь меняются не только наши отношения, но и мир в целом.

Сегодня мы далеко продвинулись в этом плане. Те события, которые происходят в Персидском заливе, в иное время могли бы привести к войне. Сейчас ситуация иная.

Мы рассчитываем, что будущее наших отношений лежит на пути активного, целеустремленного взаимодействия в духе добрососедства,

партнерства и сотрудничества, как это заложено в Большом договоре. Перед нами масштабные ориентиры, и мы не должны терять их из виду, даже если будут какие-то временные трудности.

Когда начинают рассуждать о том, стоит или не стоит выделять кредиты Советскому Союзу, — а речь идет о 10–20 млрд, — то это слишком прагматический подход. Сотрудничество СССР и ФРГ содержит в себе огромный шанс. Советский Союз идет в сторону рынка. Если мы на этой основе развернем сотрудничество, то это принесет большую обоюдную пользу и Советскому Союзу, и ФРГ, тем более на этапе, когда в экономическом развитии в мире намечается определенный спад. Мы почувствовали, что и американцы ощутили эту тенденцию и стали с большим интересом относиться к крупномасштабным проектам экономического сотрудничества. Намечается многомиллиардное сотрудничество с США по таким проектам, как создание нового пассажирского самолета, освоение Тенгизского месторождения нефти.

Одним словом, мы за то, чтобы сейчас включить новую скорость в развитии советско-германских отношений. Особое значение в этом плане имеет то, чтобы в процессе адаптации бывшей ГДР в объединенную Германию не потерялись и не разрушились многообразные связи, большой потенциал сотрудничества, который был накоплен нами и Восточной Германией за предыдущие десятилетия.

Большое поле для сотрудничества представляют собой наши программы конверсии военного производства. Здесь у нас имеются хорошие фонды, высококвалифицированные специалисты. Хорошую перспективу мы видим в таких областях, как подготовка кадров для рыночной экономики, обучение менеджеров, специалистов. Если Большой договор отражает как бы философию отношений, то второй договор, который предстоит подписать, — о широкомасштабном экономическом сотрудничестве, — определяет пути практического наполнения этих отношений.

Хотел бы высоко оценить позицию руководства ФРГ в таком важном вопросе, как временное пребывание советских войск в Германии. Для нашей общественности это чрезвычайно важный и чувствительный вопрос. Мы надеемся, что эта конструктивная линия будет подкреплена и продолжена. Веское слово руководителей ФРГ в этом вопросе будет иметь большое значение для наших отношений в целом, в том числе и для прохождения через Верховный Совет всего комплекса документов по окончательному урегулированию в отношении Германии.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Недавно я выступал в Лейпциге и говорил о советских войсках в ГДР. Я подчеркнул, что это представители дру-

жественного народа на немецкой земле. Меняется политический климат, меняются и задачи советских вооруженных сил здесь. Не секрет, что в прошлом отношение к советским войскам не всегда было теплым, но теперь есть повод отнестись к ним с открытостью и добрыми чувствами.

Все эти слова были восприняты аудиторией продолжительными аплодисментами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. За 30—40 лет наши отношения с Восточной Германией достигли очень высокого уровня. В рамках этих отношений многое менялось, в том числе в смысле преодоления последствий тяжелой войны. Без этого этапа развития трудно сказать, как бы выглядела ситуация сегодня. Нынешний этап развития подготовлен долгим сближением людей, их тесным общением во многих областях. Все это нельзя вычеркнуть из послевоенной истории.

Р. фон ВАЙЦЕККЕР. Согласен. 16 млн немцев бывшей ГДР именно так и думают. Они не хотят свести на нет те глубокие человеческие связи, которые у них сложились с Советским Союзом. Напротив, они хотят привнести этот потенциал в политику новой Германии.

В день объединения Германии я заявил, что западная граница Советского Союза не должна быть восточной границей Европы. С этим в ФРГ согласны все. Сегодня у нас впервые в истории есть шанс создать в Европе прочный, свободный, мирный порядок, подкрепить его новыми общеевропейскими институтами. Большим вкладом в это должна стать предстоящая встреча в верхах в Париже. СССР и ФРГ немало потрудились совместно, чтобы сделать это возможным.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Согласен с вами. В Советском Союзе высоко ценят конструктивную роль, которую в развитии наших отношений и европейского сотрудничества играет министр иностранных дел Геншер. Его добрые, а во многом и товарищеские отношения с Эдуардом Шеварднадзе помогают укреплению доверия между нашими странами.

Сейчас совершается исторический поворот. Такие повороты даются нелегко. Важно поэтому, чтобы во главе внешней политики стояли смелые люди, способные в полной мере справиться с вызовами времени. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один

Бонн, 9 ноября 1990 года

Г. КОЛЬ. Рад приветствовать вас в Бонне, г-н Президент. Это уже наша третья встреча в этом году. Дела идут динамично, нам есть что обсудить.

Сегодня у нас ясная солнечная погода, даже небо приветствует ваш приезд в Германию, народ которой признателен вам за все то, что лично вы для него сделали.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошая погода настраивает на оптимистический лад. Нам придется основательно поработать, и я уверен, что мы выполним ту обширную программу, которая предусмотрена для нашего пребывания на вашей земле.

Г. КОЛЬ. Прежде всего мне хотелось бы знать, как идут дела у вас дома, в Советском Союзе. Мы получаем информацию, но ее явно недостаточно, хотелось бы быть более основательно в курсе дела. Скажу искренне, что нас испугало происшествие 7 ноября на Красной площади. Месяц назад у нас было совершено покушение на министра внутренних дел Шойбле. В него стрелял психически больной человек, наркоман. Сейчас Шойбле парализован.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас состоялись манифестации в связи с Октябрьскими праздниками. В отличие от прошлых лет инициатива шла не сверху, а снизу. Было много дискуссий о целесообразности празднования годовщины Октябрьской революции. Если раньше лозунги утверждались в парткомах, то теперь каждый свои пишет. Это очень интересно.

Какие были лозунги! Плюрализм без берегов. Очень много было обращений к Президенту: «Президент — мы за социализм», «Президент — мы за рынок, но против базара», «Президент — мы за демократию, но без демагогии».

Рядом со мной на трибуне стоял Рыжков. Я спросил его: у нас есть правительство? Почему обращаются не к правительству, а к Президенту?

Было много лозунгов за сохранение Союза, против дестабилизации общества. Люди прямо призывали: Горбачев и Ельцин, думайте о стране! Предостерегали от конфронтации, которая наносит ущерб продвижению общества по пути перестройки.

Торжественное заседание по случаю праздника, которое проходило накануне, тоже было необычное. Выступавший рабочий из Павлово-Посада прямо требовал конструктивного взаимодействия между Ельциным и Горбачевым. По окончании заседания зал не хотел расходиться, ждали, когда мы с Ельциным окажемся рядом.

Общество у нас сейчас основательно заведено. Вы знаете, что на подходах к празднику Моссовет развернул дискуссию о том, нужно ли его отмечать. Когда я вернулся из Испании, то дискуссия охватила уже всю страну. Мы получили сигнал от общества, что люди не хотят отказываться от главного государственного праздника. Можно сказать, что 7 ноября вся страна добровольно и решительно пошла на манифестации.

Естественно, нашлись те, кто не присоединился к праздничным мероприятиям. Это касается, в частности, Прибалтики.

Но вот если взять Ригу, то там в манифестации приняло участие 120 тыс. человек — почти столько же, сколько в Москве. Это были латыши, русские, представители других национальностей. Состоялся торжественный парад, и военных буквально забросали цветами.

Пришел в движение основной массив населения. До последнего времени он занимал выжидательную позицию, наблюдал за всеми процессами со стороны. Сейчас мы получаем ясные сигналы, что советские люди хотят стабилизации и консолидации. Они за демократию, но одновременно за порядок и дисциплину и категорически против сепаратизма и национализма.

Г. КОЛЬ. Чего, собственно, хочет Ельцин — занять ваше место?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я этого не знаю. Он стал игрушкой в руках определенных сил. По натуре, убеждениям он разрушитель. Как идти к созданию, не знает. Прирожденный оппозиционер. У него очень своеобразное окружение, которое воздействует на него в деструктивном направлении. Он не может порвать с теми, кто его привел.

А вообще-то с ним можно иметь дело, нельзя его оставлять без внимания. Мы с ним договорились встретиться 11 ноября и поговорить о дальнейших делах. В его линии много заявлений, демагогии, конфронтации. А общество начинает это отторгать. Надоело это людям. Ельцин чувствует эту драму, ищет тактические шаги. Его выступ-

ление 16 октября навредило ему и всем нам. Многие раскусили его опасный, демагогический характер.

В целом же в обществе крепнет настрой на быстрое заключение нового Союзного договора. Его проект почти завершен. В ближайшее время он будет опубликован и вынесен на обсуждение.

Г. КОЛЬ. Центру, видимо, придется отказаться от некоторых традиционных прав и полномочий. Иначе, как нам кажется, федеративное развитие застопорится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Из Центра уходит все, что носит региональный характер, что приносит пользу прежде всего регионам. Мы говорили «федерация», а на самом деле у нас было унитарное государство. По сути дела в Москве решалось все — от гвоздя до ракеты. Естественно, такое нелепое положение необходимо радикальным образом изменить. Надо обеспечить человеку и региону экономическую самостоятельность...

Г. КОЛЬ. Мое желание получить подробную информацию из первых рук о ситуации в Советском Союзе вызвано необходимостью точно знать, что и когда я должен сделать, чтобы содействовать успеху перестройки, с которой связан прогресс развернувшихся в Европе и мире позитивных перемен, успех которой важен прежде всего для немцев и Германии.

Мы выходим на качественно новый уровень сотрудничества, и поэтому нам нужна, если можно так выразиться, крыша для того, чтобы работать спокойно, невзирая на отдельные атмосферные явления. Я за то, чтобы тесно работать плечом к плечу, вселяя друг в друга уверенность в завтрашнем дне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В обществе настроения решительные. Любые меры Президента в нынешней ситуации будут поддержаны. Но мне хочется решать проблемы иначе, на путях обновления.

Г. КОЛЬ. Сейчас для общества, причем не только вашего, самым современным демократическим строем является федерация. Централизм — это уже прошлый век.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы многонациональное государство, и это предполагает национальные интересы. Внутри же одной нации строить федерацию намного легче.

Г. КОЛЬ. Как обстоят дела с экономической реформой? Мы видим, что вы вступили на совершенно новый для себя путь и вам не хватает современных знаний и опыта. Идти впотьмах, набивая себе шишки, было бы неоправданной тратой времени. Мы готовы помочь, и я возобновляю свое предложение о направлении в Советский Союз высококвалифицированных экспертов, которые могли бы оказать со-

действие в выборе современных, — и именно для вас подходящих — приемов и методов перехода к рыночной экономике.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если кому-то покажется, что мы маневрируем, чтобы затянуть реформу, то это ошибка. Мы идем на реформу собственности, выходим на смешанную экономику, где будут соседствовать друг с другом государственная собственность, акционерные общества, частные предприниматели, кооперативы, арендаторы и т. д. Главное в том, чтобы они получили самостоятельность и ответственность, право распоряжаться результатами своей деятельности.

Мы делаем все для того, чтобы переход к рынку был по возможности безболезненным, стараемся не допускать крупных просчетов и ошибок. Спрашивают: почему весной этого года Горбачев не повернул к рынку? А весной, согласно опросам, 85% населения были против рынка. Сейчас ситуация изменилась. Сейчас ровно столько же выступают за рынок. Повернуть страну к рынку непросто. Здесь и экономические реформы, и оздоровление рубля и всей финансовой системы, и совершенствование ценовой политики. Все это предпосылки экономической стабилизации. Одновременно нами взят курс на разгосударствление предприятий, развитие предпринимательства. Сейчас каждую неделю принимаются крупные решения.

Валютные дела. До недавнего времени ситуация была такова, что республики не имели ни долларов, ни марок, ни другой валюты. Украина, например, не могла найти 40–60 тыс. долларов на модернизацию некоторых мощностей легкой и пищевой промышленности, которые после этого были бы в состоянии выпускать продукции на 5 млрд рублей.

Сейчас мы вплотную стали заниматься валютной политикой, создали Валютный комитет во главе с Рыжковым, куда входят все председатели Советов Министров республик. Им предстоит серьезная работа.

Теперь к вам капитальный вопрос! На Западе много рассуждают о том, что Советский Союз, мол, все более ввергается в хаос. Поэтому, говорят, есть смысл пока воздержаться от оказания ему материальной поддержки. Речь, мол, идет о бездонной бочке. Это не относится к канцлеру Колю, его позиция известна.

У меня такие рассуждения вызывают улыбку. Судите сами: речь идет о предоставлении на период маневра в 10–12 месяцев необходимых финансовых ресурсов государству, чей валовой национальный продукт превышает один триллион рублей. Что такое на этом фоне 10–12 млрд долларов? Не они нас спасут, а мы сами себя. Мы берем на себя все бремя, но говорим вам откровенно как партнерам: ближай-

шие 10–12 месяцев — полтора года будут для нас наиболее трудными. И в это время желательна поддержка процесса перехода к рынку, прежде всего с точки зрения снабжения населения необходимыми товарами, приспособления экономики к законам мирового хозяйства.

Узким местом остается продовольствие и группа товаров повседневного спроса. Мы собираемся на кое-что отпустить цены. И в этот момент для нас важно сманеврировать, не выпустить ситуацию из-под контроля, не допустить того, чтобы рынок оказался пустым. Здесь-то и желательно получить соответствующую поддержку.

Мы не можем допустить того, чтобы с переходом к рынку люди вышли на улицу. Это нанесет поражение всем нам, поставит под угрозу достижение сообща определенных целей. Повторяю: самое узкое место — это товары легкой и пищевой промышленности.

Если говорить о деловых людях Германии, то они всегда отличались перспективным мышлением. Ваши бизнесмены одними из первых раскусили, что такое конверсия военного производства. Здесь уже намечены очень интересные и многообещающие совместные проекты. Мы готовы их всячески поддерживать.

Г. КОЛЬ. Я вас очень хорошо понимаю, обещаю принять соответствующие меры. Я очень рад, что вот уже целый год наши беседы характеризует открытый и дружественный тон. Особенно я ценю то, что между нами установился надежный личный контакт, дружеские личные отношения, взаимные семейные симпатии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне это тоже доставляет большое удовлетворение.

Г. КОЛЬ. Я желаю на будущее успеха лично вам, но в то же время и всей советской стране, всему народу.

Меня все время спрашивают, что будет, если перестройка не удастся? Я отвечаю, что возникнет хаос с последствиями не только для Советского Союза, но и для Европы и для всего мира. При этом я отмечаю, что, хотя сейчас там нет маршала Жукова, это еще ни о чем не говорит. Есть другие, и они уже беззастенчиво заявляли о своем существовании. Понятие «бонапартизм» хорошо известно везде и не требует никаких разъяснений.

Когда мне приходится участвовать в дискуссиях на темы перестройки в Советском Союзе, то я постоянно подчеркиваю, что настоящая политика — это не сидеть в ложе оперного театра и со стороны наблюдать за происходящим на сцене. Истинный политик нашего времени должен быть не зрителем, а участником событий. Только так можно обеспечить прогресс исторического развития. Отсидиваться в комфорте и сытости неприлично, а думать о том, что водоворот истории тебя минует по меньшей мере наивно.

Совершенно официально заявляю вам, что как Федеральный канцлер Германии и просто как гражданин Гельмут Коль я ставлю на вас, г-н Горбачев. Именно на вас, а не на всех, кто находится рядом с вами.

Поэтому я считаю себя призванным и обязанным содействовать вам в совершении тех добрых дел, которые вы наметили. Можете быть уверены в том, что на этом сложном отрезке пути я буду рядом с вами.

Сейчас, как я уже говорил, вам нужна прежде всего, помимо прочего, компетентная и квалифицированная экспертная помощь. Этими экспертами не обязательно должны быть немцы. Среди них могут быть и представители других стран. Но вы должны услышать их суждения, чтобы не блуждать в потемках.

Я считаю, что время не терпит ни в краткосрочном, ни в среднесрочном, ни в долгосрочном плане. Необходимо действовать. Какой толк от реформ, если не будет воздуха? Мы это видим и примем соответствующие меры.

В Риме 27 октября я сказал, что предстоящая встреча в декабре в рамках сессии Евросовета в качестве основной темы повестки дня, ее главного пункта должна рассмотреть ход реформ в Советском Союзе. Нам на эту сессию надо выходить, будучи хорошо подготовленными.

Поэтому я думаю направить к вам через две—три недели своего ближайшего помощника Тельчика, а с ним двух—трех авторитетных экономистов. Так же настроены Делор и Гонсалес.

Многое в этом смысле изменилось и в Вашингтоне. Там тоже начинают склоняться по ряду вопросов к европейскому образу мышления. Недавно я беседовал по телефону с Президентом Бушем и сказал ему, что в Европе с удовлетворением воспринимают крепнущее единство и сотрудничество между США и СССР в отношении ситуации на Ближнем Востоке, в частности в Персидском заливе. Можно себе представить, сказал я Бушу, что было бы, если бы советским министром обороны являлся сейчас маршал Устинов.

Сегодня утром я принимал бывшего госсекретаря Шульца. Мы были едины в том, что Горбачеву надо помочь, причем именно сейчас, в преддверии зимы, продовольственными и потребительскими товарами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я уже говорил, что наступает самый ответственный этап. Мы будем входить в рынок. Именно в ближайшие 10—12 месяцев — полтора года нам понадобится содействие.

Г. КОЛЬ. Дорогой друг, вы можете на меня положиться. Я сознательно называю вас другом, потому что мы многое сделали вместе и многое нам еще предстоит сделать.

Считаю себя вправе сказать следующее. У меня складывается впечатление, что японцы хотят изменить свою позицию, намерены более тесно работать с «семеркой», находить позитивные подходы.

Мне кажется, что если бы возникла основа для разговора с японцами, то дела пошли бы по-другому. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Еще бы. Вопрос для нас острый и чувствительный. Стоило Ельцину поднять вопрос, народ напрямую спрашивал: правда ли, что он собирается раздавать нашу землю? Вообще с территориальным вопросом нам надо быть очень осторожными. Передел мира — опаснейшая вещь, не знаешь, где кончится. Лучше идти по пути сотрудничества, наращивания хозяйственного взаимодействия, всестороннего расширения экономических связей. Если речь пойдет о том, чтобы в этом контексте открыть Дальний Восток для японцев, то связи могут быть самыми разнообразными.

Г. КОЛЬ. Хочу порассуждать вслух. История развивается очень быстро, и результаты налицо. Я бы сказал японцам, что для начала важнее всего открыть двери в экономическом отношении, сделать акцент на решении дел именно в этой области. Они, конечно, заинтересовались бы, будет ли в Москве к этому благоприятное отношение. Я бы ответил, что в свое время мы оставили в стороне германский вопрос, проблематику объединения, а все внимание сконцентрировали на экономическом сотрудничестве. Исторические процессы пошли своим ходом, порой неожиданно для нас. Но мы их взяли под контроль, оставаясь на почве реальностей, и пришли поэтому к тем результатам, которые приветствуются и одобряются всеми сторонами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я готов поехать весной в Японию. Мы чувствуем, что там появляется что-то новое. Нам необходимо перешагнуть через определенный период. Это совершенно очевидно. Мы говорим: давайте не ставить условия, давайте сотрудничать.

Г. КОЛЬ. Хорошо, я вас понял. Надо японцев включать в этот процесс. От этого будет польза всем. Но работа предстоит напряженная, поскольку там есть изоляционистски настроенные группы, и их сопротивление придется преодолевать.

Теперь еще один вопрос, который нас беспокоит. Просил бы вас взять его под свой непосредственный контроль. Речь идет о строительстве квартир для возвращающихся военнослужащих. Очень просил бы вас назначить для ведения дел в этой области нескольких людей, облеченных большой властью и полномочиями, своего рода «квартирных диктаторов». Мы за то, чтобы обращаться именно к ним,

а не тратить попусту время в контактах и бесплодных дискуссиях с сотнями людей.

Квартирную программу необходимо срочно запустить. То, что мне приходится сейчас слышать на этот счет, не настраивает на оптимистический лад. Наш министр экономики передаст приехавшему с вами г-ну Ситаряну соответствующий меморандум. Вопрос надо решительно пробовать, потому что через год вас и меня спросят, что было сделано, и мы должны будем дать конкретный ответ.

Далее. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что мы придаем большое значение реализации программы повышения квалификации руководящих экономических кадров. Этот процесс приносит вполне очевидную пользу. Поэтому мы предлагаем эту программу продлить, так как она рассчитана на три года. Здесь у нас накоплен опыт, мы знаем, что нужно теперь совершенствовать, изменить в лучшую сторону.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Я отреагирую на ваши высказывания. Прежде подчеркну — и, думаю, вы со мной согласитесь, — что сейчас открылся уникальный шанс для вступления по сути дела в новую эпоху наших отношений. Если мы сейчас им не воспользуемся, то я просто не знаю, когда судьба окажется к нам еще раз настолько благосклонной.

Боюсь, как бы политики не стали жертвами мелких хозяйственных расчетов. Повторю: перестройка — наше бремя, и мы выдержим все тяготы, связанные с переходным периодом. Мы хотим получить возможности для маневра. Мы намерены шире открыть свою экономику для иностранного капитала. А там пойдет естественный процесс. В США, на Западе появляются признаки экономического спада. Поэтому наши намерения могли бы оказаться к месту.

Г. КОЛЬ. Спад чувствуют прежде всего Англия и США. Мы пока его не замечаем.

М.С. ГОРБАЧЕВ. В Японии его признаки тоже появились, там начинают избавляться от ценных бумаг. Поэтому и с этой точки зрения советско-германское сотрудничество открыло бы перспективу не только для нас, но и для Германии. Советскому Союзу наиболее органичны связи с Германией, хотя и США тоже стучатся в наши двери с крупными проектами.

Г. КОЛЬ. Американцы хотят, кстати, вместе с немцами реализовать в СССР несколько крупных проектов.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Многое, конечно, может состояться. Присылайте к нам г-на Тельчика со специалистами, как вы предлагаете. Надо как следует подготовиться к встрече в Риме 14 декабря.

Был бы вам признателен, г-н Федеральный канцлер, если бы вы проявили в рамках ЕЭС инициативу о предоставлении Советскому

Союзу излишков продовольственных и промышленных товаров, накопившихся в странах европейского сообщества. Это именно то, что нам необходимо для маневра на переходный период. В правительстве СССР для этих вопросов создана специальная группа, возглавляемая Ворониным. Эта группа будет координировать все действия внутри и вовне страны. То, что будет поступать извне, должно находиться в распоряжении Центра, поскольку речь идет о поддержании снабжения крупных индустриальных центров страны.

Принимаю ваше предложение о создании авторитетной группы по строительству жилья для военнослужащих. Можете исходить из того, что для реализации планов весьма широко будут использоваться возможности Министерства обороны СССР.

Г. КОЛЬ. Здесь нужны абсолютно компетентные специалисты, а не чиновники. Они должны сесть, все обсудить и привести в действие механизм строительства.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Разумеется, я приветствую предложение о продлении программы повышения квалификации советских экономических кадров. Мы убедились, что у нас голод на менеджеров западного уровня. Раньше как-то обходились, а теперь уже нельзя. Но, как у нас говорят, пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

Г. КОЛЬ. Есть еще два вопроса из сферы двусторонних отношений. Польша, Венгрия и Чехословакия просят нас передать им оружие из арсеналов бывшей Национальной народной армии ГДР. Нам это оружие не нужно, и я бы его отдал. Речь идет о горах вооружений. Одних только автоматов Калашникова на складах имеется 1 млн 200 тыс. штук. Это какой-то идиотизм. Мы так и не можем понять, зачем столько понадобилось.

В то же время, как я считаю, это оружие ни в коем случае не должно попасть в страны «третьего мира». Поэтому были бы признательны вам, если бы вы оперативно и положительно решили вопрос о судьбе этих вооружений, иначе нам придется пустить их на металлолом.

Польша, Венгрия и Чехословакия вряд ли будут создавать нам проблемы, получив то оружие, о котором они просят. Я готов им отдать его даром, а не продавать. Правда, Мазовецкий сказал мне, что поляки хотят, чтобы немцы еще оплатили им транспортировку этого оружия с нашей территории в Польшу. Это, конечно, чересчур. Но от оружия мы хотим избавиться, поскольку его содержание на складах, охрана и т. д. стоит денег.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо, мы это обдумаем. Надо будет разобраться. На это понадобится несколько дней, и мы сообщим вам о принятом решении.

Г. КОЛЬ. Мы рассчитываем на положительный ответ.

Второй вопрос касается проблем советских немцев. Ситуация неутешительная, число выезжающих растет. В 1990 году выедет 125 тыс. Мы их не переманиваем, это не наша политика. Мы за то, чтобы они оставались, сохранив свою национальную идентичность, язык, культурные традиции. Кстати, и в том договоре, который мы сегодня подпишем, советским немцам также уделено внимание. Нам надо быть готовыми к тому, что этот вопрос нам зададут на сегодняшней пресс-конференции.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Советские немцы — действительно реальная проблема, которую необходимо решить. Мы за то, чтобы инициатива в отношении их дальнейшей судьбы исходила из регионов, а не сверху. Об этом я говорил недавно академику Раушенбаху, когда вручал ему орден.

Г. КОЛЬ. По двусторонним вопросам у меня все. Хотел бы знать ваше мнение об обстановке в Персидском заливе. Я чувствую, что положение там становится все серьезней.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня несколько замечаний по двусторонним отношениям. Очень важно, чтобы заключение второго договора — об экономическом сотрудничестве — воспринималось как продолжение преемственности отношений Советского Союза с ГДР. Тут надо договориться, чтобы не отдавать все во власть приватизации.

Г. КОЛЬ. Естественно, что так быстро этого делать нельзя.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Сотрудничество должно продолжаться. У нас принято решение найти и поставить 10 млн тонн нефти. Это значит, что будут загружены все нефтеперерабатывающие предприятия в Восточной Германии.

Г. КОЛЬ. Очень хорошо.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Несколько слов о нашей армейской группировке, находящейся на территории Германии. Очень важно, что Президент, Федеральный канцлер, а также г-н Геншер сделали заявление, призвав немецкий народ рассматривать советских солдат, которые находятся здесь в силу определенных решений и договоров, как представителей дружественной армии. Мы приветствуем заявления о том, чтобы возвращающиеся солдаты уходили как друзья, унося с собой добрые чувства к немецкому народу.

Это для нас очень чувствительный вопрос. Очень прошу вас лично иметь это в виду. Если с какого-то угла прозвучит нежелательное высказывание, последствия будут отрицательными. Вы должны знать, что депутаты от военных в Верховном Совете СССР очень следят за этим.

Г. КОЛЬ. Мы видим проблему в том, что у советских солдат пошатнулась дисциплина. Они уже не те, что несколько лет тому назад. Происшествия с ними носят такой характер, который ранее был немислим. Я понимаю, что все это связано с переходным периодом.

Я встречался с руководителями новых земель на территории бывшей ГДР и просил их дать указание коммунальным органам поддерживать дружественные отношения с находящимися на их территории частями Советской Армии. Я сам намерен весной будущего года демонстративно побывать в советских армейских частях, пообщаться с военнослужащими.

Я был бы готов поехать туда и сейчас, но не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я использую Советскую Армию в своей предвыборной кампании. А вообще я люблю общаться с солдатами. Я всегда ездил к американцам, находящимся на территории ФРГ. Знаю что везде, где есть солдаты, есть и проблемы, которые надо решать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Можете рассчитывать здесь на наше полное взаимопонимание. Мы будем приветствовать взаимопонимание и доброжелательные контакты между Советской Армией и бундесвером.

Г. КОЛЬ. Только не надо стремиться к общению исключительно на генеральском уровне. Пусть встречаются командиры рот и батальонов, а также рядовые. Это молодые люди, за ними будущее.

Наверное, имеет смысл создать смешанную комиссию по решению вопросов, связанных с пребыванием советских войск. Мы готовы, в частности, открыть у вас в казармах курсы по переквалификации военнослужащих, обучения их перспективным гражданским профессиям, например работе на компьютерах. На это у нас предусмотрено 200 млн марок.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы рассмотрим вопрос о смешанной комиссии. В этой связи возникает вопрос о судьбе имущества, принадлежащего советским военным организациям. Мы знаем, что к нему проявляют интерес ваши деловые люди, которые хотят или что-то купить, или создать совместные предприятия. Это весьма перспективное дело.

Г. КОЛЬ. Я слышал о заинтересованности в ваших аэродромах. Думаю, и другие объекты имеют перспективы для сотрудничества. Будем работать в этом направлении. [...]

(Далее была обсуждена ситуация в Персидском заливе.)

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем (в составе делегаций)

Бонн, 9 ноября 1990 года

(Во встрече участвовали с советской стороны Э.А. Шеварднадзе, В.М. Фалин, С.А. Ситарян, М.А. Моисеев, А.С. Черняев, Ю.А. Квицинский, В.П. Терехов, с германской — Г.-Д. Геншер, Г. Штольтенберг, Г. Хаусман, Т. Вайгель, Н. Блюм)

Г. КОЛЬ. Сердечно приветствую членов советской делегации. Наши сегодняшние переговоры являются историческим событием, закладывают качественно новую основу для советско-германских отношений. Они свидетельствуют о том, что мы извлекли уроки из истории.

Перед этим заседанием мы с г-ном Горбачевым дискутировали в течение двух часов. Пришли к широкому взаимопониманию по всем вопросам. Параллельно встречались министры. Просил бы их коротко информировать собравшихся о содержании и основных результатах этих бесед. Предлагаю начать министрам иностранных дел.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Ход подготовки к общеевропейской встрече глав государств и правительств в Париже — тема, которой уделили основное внимание руководители внешнеполитических ведомств Германии и Советского Союза. Господин Шеварднадзе и я пришли к единому мнению: нужно сделать все, чтобы достичь согласия в отношении центра по предотвращению и регулированию конфликтов, даже если не удастся сразу учесть все требования, касающиеся функций центра. Важно для начала его создать.

Обсуждалось состояние Венских переговоров по обычным вооруженным силам в Европе. Нас радует, что накануне, в беседе с господином Бейкером в Москве, достигнуты положительные результаты.

Создание новых структур в Европе, строительство общеевропейского дома, по нашему общему убеждению, требуют укрепления внутренней стабильности государств. В этом без преувеличения заинтересованы все — и те страны, в которых происходят конфликты и столкновения, и те, кто от них избавлен, но ощущает на себе их последствия.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Это наша тринадцатая встреча с г-ном Геншером в этом году.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Число не самое удачное. Но сейчас в мире утверждается позитивное отношение и к нему. *(Оживление.)*

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. Мы подробно обсудили ситуацию в Персидском заливе, посвятив ей более часа. Вывод таков: обстановка там архисложная, требующая объединения усилий двух наших государств с целью обеспечения безусловного выполнения Ираком резолюций Совета Безопасности. Есть готовность действовать именно в таком духе.

Не было расхождений в отношении подготовки к парижскому «саммиту». У нас есть уверенность, что оставшиеся вопросы по договору об обычных вооруженных силах мы сумеем разрешить. Для этого потребуется дополнительно поработать с турками и норвежцами.

Поднимался еще один важный вопрос — о правопреемстве объединенной Германии в отношении договоров, заключенных между СССР и ГДР. Предстоит объемная работа: за полтора года рассмотреть около 400 договоров и соглашений. Договорились ускорить темпы ведения переговоров. Кроме того, надо проинвентаризировать и договоры между СССР и ФРГ. Кое-какие из них устарели и нуждаются в корректировке.

Т. ВАЙГЕЛЬ. Министры, отвечающие за экономику и финансы, затрагивали бюджетные вопросы. На следующей неделе федеральное правительство примет решение о бюджете. Обсуждался процесс консультаций в связи с принятым в Хьюстоне решением относительно банковской деятельности. Г-н Ситарян информировал об усилиях Советского правительства по переходу к рынку, о конкретных предложениях советской стороны о сотрудничестве в области энергетики.

Г. ХАУСМАН. Что касается энергетики, то речь шла об обеспечении экспортно-импортных поставок энергоносителей в 1991 году на базе мировых цен и с расчетами в конвертируемой валюте. В следующий понедельник в Москве состоятся переговоры на экспертном уровне об осуществлении жилищной программы в соответствии с Соглашением о некоторых переходных мерах, в том числе и с участием строительных фирм из других европейских стран. Имеется в виду обсудить вопросы цен, качества, сроков. Обменялись мнениями по поводу создания советско-немецкой комиссии экспертов для изучения состояния дел и подготовки рекомендаций по переходу к рыночным отношениям.

С.А. СИТАРЯН. Хотел бы выделить два момента из наших сегодняшних бесед.

Во-первых, наряду со стратегическими задачами речь шла о завершении работы по контрактации торговли как с фирмами и объединениями на территории ФРГ, так и с товаропроизводителями из бывшей ГДР. Принципиальный вопрос в том, чтобы удержать на необходимом уровне поставки запчастей и комплектующих изделий, иначе в следующем году возникнут серьезные отрицательные последствия для советской промышленности.

Во-вторых, большое внимание было уделено нефтедобыче и перспективам поставок советской нефти в Германию. В ГДР мы продавали 17 млн, в ФРГ — 8 млн тонн ежегодно. В связи с возникшими в Советском Союзе трудностями сохранить такой уровень поставок не удастся. Сегодня советская сторона в состоянии поставлять не более 10 млн тонн в год. Если ФРГ помогла бы оборудованием, внесла вклад в модернизацию этой отрасли, мы могли бы впоследствии увеличить объем поставок. На эту тему стороны условились продолжить переговоры на экспертном уровне.

Что касается газовой промышленности, то 6 ноября начаты переговоры по Ямбургу. Мы приглашаем ФРГ к участию в проекте газодобычи на Баренцевом море, который весьма перспективен. С немецкой стороны был проявлен интерес. Мы рассчитываем также, что участие советского Газпрома на акционерных началах в системе газовых объединений в ФРГ будет стимулировать советско-германское сотрудничество в этой отрасли. По этому поводу Николай Иванович Рыжков направил письмо канцлеру Колю, а я обращался к господину Хаусману.

Н. БЛЮМ. Соглашение о сотрудничестве в социально-трудовых вопросах, которое мы подпишем сегодня, продолжает традиции соглашения о содействии повышению квалификации специалистов в области охраны труда и профессиональной реабилитации инвалидов от 13 июня 1989 года и полностью себя оправдывает. Новое соглашение будет регулировать не только охрану труда и реабилитацию, но и трудовые отношения. В частности, в нем предусмотрено создание центра занятости. Вскоре к нам придут министры труда и социального обеспечения из 15 республик СССР.

Г. ШТОЛЬТЕНБЕРГ. Генерал Моисеев и я провели хорошую беседу. Вообще контакты между военными стали более интенсивными. Почти вся сегодняшняя беседа была посвящена ситуации в Западной группе войск и вокруг нее. Нет сомнения, что Договор о временном пребывании и планомерном выводе войск создает

надежную основу для урегулирования всех возникающих вопросов в конструктивном духе. Известно, что в некоторых районах среди населения распространено недовольство учебно-боевой деятельностью советских частей. Командование ЗГВ принимает меры по ограничению и сокращению такой деятельности, и это воспринимается позитивно.

М.А. МОИСЕЕВ. Наши встречи с руководством бундесвера перешли, можно сказать, на плановую основу. Помимо того, о чем говорил г-н Штольтенберг, мы обсуждали меры доверия, вопросы вывода войск, конкретизировали сроки вывода, договорились о порядке обмена информацией.

Г. КОЛЬ. Короткое замечание. Мое горячее желание состоит в том, чтобы между бундесвером и Западной группой советских войск установились прочные связи, причем не только между командующими и генералитетом, но и в первую очередь между солдатами. Я планирую посетить расположение советских частей в Германии, поговорить с солдатами. Призываю к этому и других членов кабинета.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы послушали всех. Очень интересная информация. Мое отношение к проведенной работе.

Можно сказать, что характер отношений позволяет быстро включаться в дело. Деловитость встреч вызывает позитивное отношение, характеризует высокую степень взаимного доверия. Надеюсь, что все оставшееся нерешенным после сегодняшних переговоров будет сделано.

Подчеркну, что с канцлером были обсуждены фундаментальные проблемы, подходы к развитию ситуации в Европе и мире, к роли двух государств в контексте идущих перемен. Есть солидная отправная база для того, чтобы наш общий вклад в строительство новых международных отношений возрос.

Центральный вопрос нашего визита — какими будут отношения. За истекший год произошли исторические изменения в Германии и Советском Союзе. Налицо понимание, что новое сотрудничество, партнерство отвечают коренным интересам двух народов и не направлены против других.

Мы с канцлером едины в том, что после проделанной сторонами работы по урегулированию принципиальных вопросов двусторонних отношений необходимо сделать акцент на координации практического сотрудничества. Мы вошли в новую фазу отношений, и ее плоды должны быть видны и в СССР, и в Германии.

Говорили о Персидском заливе. По сути, сложившаяся там ситуация является для всех нас проверкой, можем ли мы действовать

эффективно, стараясь уходить от использования военных инструментов.

Говорили о перестройке. Я информировал о событиях в Советском Союзе, включая дела самых последних дней. Подтвердил, что перестройка в СССР — это дело СССР, она нужна прежде всего нам, с тем чтобы органично вписаться в общемировое развитие. Но, разумеется, в успехе перестройки заинтересовано и все мировое сообщество.

Одним словом, мы хорошо поработали. Спасибо всем участникам.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № , опись № 1

Выступления на церемонии подписания Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР

9 ноября 1990 года

Выступление Г. Коля

Г-н Президент, господа министры, дамы и господа!

Г-н Президент, мы собрались здесь, во дворце Шаумбург, чтобы вместе стать свидетелями кульминационного момента вашего визита: мы подписываем первый политический основополагающий договор, который заключает объединенная Германия — Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Федеративной Республикой Германия и Союзом Советских Социалистических Республик.

Мы избрали для этого достойные рамки, которые отражают преемственность наших отношений. Здесь, в этом зале, до середины 70-х годов стоял стол, за которым заседал федеральный кабинет. Здесь в 1955 году наш первый Федеральный канцлер Конрад Аденауэр принял решение об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом, а в 1970 году при Федеральном канцлере Брандте был утвержден Московский договор.

Всеобъемлющий Договор, который мы теперь подписываем, олицетворяет нашу совместную политическую волю в трех отношениях.

Во-первых, мы подводим итоговую черту под многострадальной главой прошлого и расчищаем путь для того, чтобы начать все сначала. При этом мы продолжаем добрые традиции многовековой общей истории наших народов.

Во-вторых, мы открываем путь для широкого сотрудничества между нашими государствами и тем самым придаем отношениям между ними новое качество — в интересах наших народов и в интересах мира в Европе.

В-третьих, мы договорились о том, чтобы вместе решать важные задачи, которые возникнут сегодня, а также на пороге третьего тысячелетия.

— Мы будем предотвращать любые войны, ядерные и обычные, и сохранять и укреплять мир.

— Мы будем обеспечивать верховенство международного права во внутренней и международной политике.

— Мы будем вносить свой вклад в обеспечение сохранения жизни человечества и заботиться об охране окружающей среды.

— Не в последнюю очередь мы поставим в центр нашей политики человека, его достоинство и права.

Наш Договор претворяет эти высокие цели в конкретные обязательства в отношении:

— соблюдения территориальной целостности всех государств в Европе;

— отказа от угрозы силой или применения силы;

— мирного решения конфликтов и ненападения;

— разоружения и контроля над вооружениями;

— интенсивных широких консультаций.

Ввиду процессов реформ в вашей стране наше экономическое и научное сотрудничество приобретает огромное значение. Это будет подчеркнуто в Договоре о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники, который тоже будет подписан сегодня.

Этот Договор послужит международно-правовой основой для того факта, что объединенная Германия — как член Европейского сообщества — будет крупнейшим экономическим партнером Советского Союза.

Сегодня будут также заложены новые договорные основы для сотрудничества в вопросах труда и социального обеспечения.

Г-н Президент! Я испытываю особое удовлетворение от того, что наш всеобъемлющий Договор обращен также к людям — к каждому из наших граждан в отдельности:

— он открывает путь для широких контактов, в частности для контактов молодежи и для развития культурного обмена;

— он дает возможность советским гражданам немецкой национальности сохранять свой язык, культуру и традиции и дает нам шанс помогать им в этом;

— и не в последнюю очередь, наш договор позволит осуществить глубоко гуманное желание посещать и ухаживать за могилами убитых, где бы они ни находились.

Таким образом, этот Договор представляет собой не только широкое взаимопонимание между нашими государствами и правительствами, но также призыв ко всем нашим гражданам вносить свой вклад в примирение между нашими народами.

Но в этом Договоре, г-н Президент, речь идет не только о наших странах и народах. Согласно заключительной договоренности в отношении Германии, мы закладываем также новый мощный краеугольный камень в установление мирного порядка в Европе. Мы рады, что аналогичный договор Советский Союз только что подписал с Францией, а также последующим договорам с другими западноевропейскими партнерами.

Через 10 дней мы подпишем на Парижской встрече глав государств и правительств стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе новые исторические документы, которые продвинули вперед разоружение и меры укрепления доверия в Европе и создадут всеобъемлющие структуры безопасности.

Короче говоря, мы на правильном пути к Европе и миру, к добрососедству, партнерству и сотрудничеству.

В этом духе, г-н Президент, мы и хотим подписать этот Договор.

Выступление М.С. Горбачева

Уважаемый г-н Федеральный канцлер!

Дамы и господа! Товарищи!

Сегодня особый день в многовековой истории наших стран, думаю, и в европейской истории.

Подписав документ, о котором совсем недавно трудно было даже помыслить, мы официально подвели итог целому историческому процессу и обозначили общую для нас с вами перспективу на большую глубину.

Путь к такому договору измеряется не неделями подготовки текста, а годами и десятилетиями совместного преодоления прошлого и поисков нового качества отношений между Советским Союзом и Германией.

С глубоким удовлетворением я отмечаю большой вклад в это великое дело Федерального канцлера — г-на Гельмута Коля, при первых контактах с которым мы пришли к выводу, что отношения между нашими народами созрели для основательных перемен.

В этот момент я хочу воздать должное инициаторам и творцам «восточной политики», и прежде всего г-ну Вилли Брандту и господину Гансу-Дитриху Геншеру.

Мы откликнулись на призыв времени, в канун нового века восприняли его как долг перед собственными нациями и перед всей Европой.

Но мы не смогли бы приступить к делу, если бы не убедились, что из трагической истории прошлого в двадцатом столетии извлечены уроки и что это уже глубоко вошло в сознание и в политическую жизнь.

И должен сказать: мы не добились бы успеха, если бы к этому времени не произошло существенного улучшения советско-американских отношений.

И мы отдаем должное в этом деле Франции и Великобритании, их народам и правительствам.

Движение было ускорено бурным процессом внутренних преобразований в Восточной Германии, разрушивших стену раскола немецкой нации. Между реализацией воли немцев к объединению и переходом на новый уровень советско-германских отношений не должно было быть периода неясности и неопределенности.

Это своевременно поняли ответственные политики всех трех сторон, которым с самого начала пришлось регулировать этот процесс на принципах мира и согласия.

И очень важно, что Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германия родился вместе с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии, подписанным в Москве два месяца назад.

Убежден, что мы сделали единственно правильный выбор. Приняли глубоко продуманное решение долговременного плана, отвечающее жизненным интересам и исконной традиции обоих народов и государств.

Уверен я и в том, что Большой — как его уже назвали — советско-германский договор будет не эпизодом, а константой нового мирного порядка, который создается усилиями всех участников общеевропейского процесса.

Советско-германский договор ни против кого не направлен. Наше согласие и сотрудничество — часть несущих конструкций общеевропейского дома, в котором безопасность каждого будет безопасностью всех, где восторжествуют общечеловеческие ценности, дух уважительности, солидарности и добрососедства. [...]

Визит М.С. Горбачева в ФРГ. 9–10 ноября 1990 г. М., 1990.

Из беседы М.С. Горбачева с Х.-Й. Фогелем и О. Лафонтеном

Бонн, 10 ноября 1990 года

(В беседе принял участие В.М. Фалин)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать руководителей германской социал-демократии. Я высоко ценю вклад СДПГ в развитие отношений между нашими странами. Мы помним тех, кто стоял у истоков «восточной политики» ФРГ, помним деятельность социал-демократов в правительственной коалиции и внимательно следим за вашей работой в оппозиции...

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Прежде всего, г-н Президент, позвольте мне от имени СДПГ поблагодарить вас за объединение Германии. Сейчас на всех предвыборных собраниях люди начинают аплодировать сразу, как только упоминается ваше имя. Сейчас вы на Западе самый популярный политик. И мы рады этому.

Социал-демократы приветствуют подписанный вчера Большой договор. Это компас, указывающий путь в будущее. Но этот договор создан не на пустом месте. Присутствующий здесь г-н Фалин, будучи в свое время послом в ФРГ, помнит, как социал-демократы создали и защищали, в том числе и от нападков ХДС, исторический Московский договор. Процесс СБСЕ возник исключительно благодаря вкладу СДПГ и СвДП. Но в истории бывают случаи, когда урожай собирают не те, кто сеял. Но уж тут ничего не поделаешь...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы вступаем сейчас в самый трудный период перестройки — переход к рыночным отношениям. Здесь нам нужны понимание и солидарность. Для нас это вопрос номер один.

Х.-Й. ФОГЕЛЬ. Для нас ответ совершенно ясен. Мы на вашей стороне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. История предоставила нам уникальный шанс, грех было бы им не воспользоваться. Советско-германские связи име-

ют глубокие корни. И на нынешнем этапе они могли бы стать осью европейского сотрудничества.

В.М. ФАЛИН. Если бы нам удалось объединить советские и немецкие технологические нормы, то Советский Союз и Германия смогли бы уйти далеко вперед, стать недостижимыми для таких конкурентов, как, например, японцы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы намерены уделять внимание продолжению сотрудничества с восточногерманскими землями. ГДР была нашим важнейшим экономическим партнером.

О. ЛАФОНТЕН. Саарская область, которую я возглавляю, поддерживает теснейшие связи с Грузией. Мы будем развивать наши связи и впредь. В этом смысле, как я слышал, в Грузии придают значение продолжению поставок с предприятий бывшей ГДР, в которых они нуждаются...

М.С. ГОРБАЧЕВ. Открывается огромный шанс для масштабного, рассчитанного на долгие десятилетия советско-германского сотрудничества. И «вложения» в перестройку, сделанные сейчас, оправдаются с лихвой для тех, кто проявит смелость и широту взгляда. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Т. Вайгелем

Бонн, 10 ноября 1990 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать представителей Баварии, вас, г-н Вайгель. Мы с вами встречались в 1987 году, когда вы были в Москве вместе с г-ном Штраусом. Это была незабываемая встреча, большой содержательный разговор, запоздалое, тем не менее основательное знакомство с большим немецким политиком и гражданином. Он видел далеко вперед и немало сделал для выработки подходов к советско-германскому сотрудничеству, преодолению наследия войны. То, о чем он думал, отходя от собственных предубеждений, теперь претворяется в жизнь. Это был не застывший ум, он мог переступить через застывшие концепции. И мыслитель, и волевой человек. Это не каждому дано.

Т. ВАЙГЕЛЬ. На меня тогда незабываемое впечатление произвели вы, г-н Горбачев. Я сделал подробнейшую запись беседы, и Штраус ознакомил с ней лишь двух человек — Президента Вайцзеккера и Генри Киссинджера.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну, Вайцзеккер — человек надежный. А вот Киссинджер... (*взрыв хохота*). Тем не менее он человек интересный. Мы с ним много спорили и в общем очень откровенны друг с другом...

Т. ВАЙГЕЛЬ. Наша партия является в ФРГ одной из самых крупных народных партий. На последних выборах мы получили почти 55% голосов. Как видите, народ нам верит и идет за нами.

Вчера вы произнесли великую речь, г-н Президент. Я ее перечитал ночью несколько раз и уверен в том, что ваши высказывания будут иметь огромный резонанс не только в Германии, но и во всем мире. Это трогательная, волнующая речь.

Позвольте воспользоваться случаем и поздравить вас с присуждением вам Нобелевской премии мира, хотя делаю это с опозданием.

От имени партии хотел бы поблагодарить вас за то, что вы сделали в отношении нашего многолетнего лидера Франца-Йозефа Штрауса. Многие говорили о Штраусе, выражаясь грамматическими категориями, в «плюсквамперфекте». Вы же сказали, что он будет и тогда, когда не будет других.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Нынешней быстроте темпов исторического развития предшествовал долгий период накопления знаний друг о друге и окружающем мире. И еще раз подтвердилось: не только мы делаем историю, но и она меняет нас. В результате образовался такой фактор, как доверие, который способен обеспечить действительно масштабное развитие советско-германских отношений. У сотрудничества Германии и Советского Союза огромное будущее, если не поддаваться конъюнктурным соображениям и постоянно помнить о колоссальных ресурсах, которыми располагают обе нации, две страны.

Т. ВАЙГЕЛЬ. Я горжусь тем, что как министр финансов подписал первое соглашение суверенной Германии с Советским Союзом о переходных мерах. Сам этот документ — необходимый вклад в примирение между нашими народами.

Образцом работы может служить Архыз, данные им импульсы. После него мы буквально через несколько дней и недель разработали целый ряд конкретных важнейших договоренностей. Это свидетельствует о том, насколько эффективной может быть практическая отдача при наличии взаимного доверия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы в курсе наших дел, г-н министр. Вы реально представляете себе масштабы нашего возможного сотрудничества. С точки зрения размеров богатства, которое может быть создано в ходе этого сотрудничества на благо обоих народов и международного прогресса, сумма, необходимая Советскому Союзу для преодоления особых трудностей при переходе к новым формам экономики, представляется несоизмеримо незначительной. Если принять во внимание 700 млрд долларов, которые планируется затратить на подтягивание бывшей ГДР до уровня ФРГ, то кредит в 15–20 млрд, который мы вернули бы через четыре–пять лет, просто незначителен.

Надо иметь в виду, что тот, кто инвестирует в перестройку на нынешнем ее наиболее ответственном этапе, тот мыслит по-настоящему историческими категориями. Вот почему я ценю позицию Федерального канцлера, вашу позицию как министра финансов ФРГ. Хотя прекрасно понимаю, что сама должность министра финансов обязывает быть максимально внимательным.

Т. ВАЙГЕЛЬ. То, что меня понимает Президент СССР, для меня крайне важно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Необходимо использовать исторический шанс, который нам сейчас предоставлен. Скупой платит дважды.

Нас, Советский Союз и Германию, ждут огромные достижения, ибо трудно найти более удачное сочетание различных элементов — экономических, интеллектуальных, исторических, географических и иных, которые во взаимодействии могут дать необычайно мощные результаты.

Речь идет о том, что на остром этапе мы переходим к новым формам жизни, непривычным для нашего народа. Процесс идет болезненно. Тот, кто сейчас делает вложения, тот мыслит далеко вперед. Я надеюсь на масштабный подход.

Т. ВАЙГЕЛЬ. Мы в курсе всех ваших проблем и окажем вам содействие, потому что знаем, что за вами правда. На этот счет у меня с Федеральным канцлером нет никаких расхождений.

Хотя я и являюсь министром финансов, я готов пойти на риск в этом и в будущем году в делах с Советским Союзом. Мы вам верим, г-н Президент, и поэтому готовы рисковать. Все, что мы можем сделать в связи с переходом вашей экономики к рынку, мы сделаем.

Вместе с министром сельского хозяйства мы сейчас организуем поставки в Советский Союз сельскохозяйственной продукции с территории бывшей ГДР. Думаем, для вас это явится хорошим подспорьем.

Только в этом году я подписал финансовых обязательств от имени Германии в отношении Советского Союза на сумму в 24 млрд марок. Мы рассматриваем это как немецкий вклад в солидарность с Советским Союзом в рамках международной ответственности.

Желаю вам всего доброго, г-н Президент. Как баварец, как руководитель крупнейшей баварской партии, хотел бы просить вас во время следующего приезда в ФРГ обязательно побывать в Мюнхене. Там вас с нетерпением ждут, и вы не будете разочарованы. [...]

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Из беседы М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером

Бонн, 10 ноября 1990 года

(В беседе принял участие О. Ламбсдорф)

М.С. ГОРБАЧЕВ. Рад приветствовать вас, нашего старого общего знакомого. Вчера был большой день. Мы подписали Большой договор. Отраднo, что его удалось выработать в относительно короткие сроки, в атмосфере конструктивности и взаимной заинтересованности.

В этом большая ваша заслуга, г-н Геншер. Ценим ваш вклад в дело укрепления взаимоотношений между нашими государствами и надеемся на доброе сотрудничество и впредь.

Перед нами встают сложные политические, военно-политические вопросы, предстоит целый ряд важных и ответственных мероприятий. Мы за то, чтобы Советский Союз и Германия взаимодействовали друг с другом во всех областях, поскольку мир теперь будет смотреть на них более пристально, нежели раньше.

Г.-Д. ГЕНШЕР. В контактах с вами, г-н Президент, мы всегда чувствовали надежность и перспективу. Мы высоко ценим то, что благодаря вам произошли позитивные изменения в Европе, был преодолен раскол моей страны и моего народа. Западногерманские политики и я, прежде всего в вопросах объединения, стремились к тому, чтобы этот процесс протекал не изолированно, а в увязке с общеевропейским развитием.

Германское объединение, как мы надеемся, оказало и еще окажет благотворное воздействие на процесс СБСЕ, который обеспечил поворот к лучшему в европейском и мировом развитии.

Я рад, что смогу сегодня со своим другом Шеварднадзе посетить мой родной город Галле. Наша поездка стала возможной только благодаря объединению, только благодаря вашим усилиям, г-н Президент.

О. ЛАМБСДОРФ. Вы, конечно, знаете, что я из той же партии, что мой друг Геншер. Раньше он ее возглавлял, сейчас я являюсь ее председателем. Целиком и полностью присоединяюсь к тем словам, которые были сказаны Геншером в ваш адрес, г-н Президент. Сейчас, как вы знаете, у нас идет предвыборная кампания. Приходится ездить по всей стране, выступать перед различными аудиториями. Надо завоевывать симпатии избирателей, и я для этого выработал свой метод. Стоит мне только в своем выступлении упомянуть две фамилии — Горбачев и Геншер, как зал сразу же взрывается аплодисментами.

Большое впечатление на меня произвела ваша вчерашняя речь на обеде у канцлера. Мне приходится сейчас бывать и в восточной части Германии, выступать там перед людьми. И на всех встречах я неизменно повторяю, что к советским солдатам, которые некоторое время будут находиться на нашей территории, надо относиться доброжелательно, как к друзьям, гостям, которые с добрыми чувствами должны вернуться домой. Скажу откровенно, что такие обращения тоже встречаются аплодисментами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ваша фамилия у нас хорошо известна, г-н Ламбсдорф. Ваши предки жили в России. Знаю о вашем вкладе в развитие хозяйственного взаимодействия между нашими странами в 70-е годы, когда вы были министром экономики ФРГ. Сейчас мы вступаем в новую фазу отношений и надеемся, что вы будете активно участвовать в реализации намеченных планов.

Хотел бы затронуть два момента, касающихся нынешней Европы. Порой приходится слышать, в том числе и у нас, что изменения в восточноевропейских странах означают политическое поражение, демонстрацию политической несостоятельности.

Нас такой подход удивляет, поскольку на самом деле речь идет о выходе на новую историческую эпоху. Мы ничего не потеряли, а наоборот, приобрели новую Европу, суверенную, уютную, устремленную в будущее.

Второе замечание касается того, что происходящие процессы носят фундаментальный характер и ведут прежде всего к созданию новых структур европейской безопасности. Время пустопорожных деклараций прошло. Варшавский Договор и НАТО изменяются, и нам предстоит определить их дальнейшую судьбу.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Мы вчера обсуждали эти вопросы, говорили о стабилизации в Европе, о том, чтобы драматические процессы не привели к возникновению взрывоопасных ситуаций. Первоочередной заботой для нынешней Европы должно являться не изменение существующих границ, а их закрепление и утверждение. В этом смысле

нашу большую озабоченность вызывает юго-восток Европы, прежде всего то, что происходит в Югославии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Есть такие термины, как балканизация и ливанизация. В Европе не должно быть ни того, ни другого. Мы на собственной шкуре испытали, что это означает. Национализм и сепаратизм ни в коем случае нельзя поощрять. Они отбрасывают назад общественное развитие.

Г.-Д. ГЕНШЕР. История подтвердила, что для Европы самыми приемлемыми демократическими образованиями являются федерации или конфедерации, но никак не сепаратизм.

Сейчас ситуация такова, что в Западной Европе страны все более сближаются, готовятся к делегированию части своих прав общим западноевропейским органам. А вот Восточная Европа рассуждает о новых границах.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы имеем дело с парадом суверенитетов. История развивается, прошло 40 лет, страны вышли из-под опеки, которая, может быть, была и оправдана. Мы сказали своим восточноевропейским соседям, что они могут делать, что хотят, мы не будем вмешиваться. Хотелось бы надеяться, что там все уляжется, все станет на свои места.

Г.-Д. ГЕНШЕР. В среду я собираюсь поехать в Варшаву, чтобы обсудить там будущий польско-германский договор о границах. Мне хочется прояснить весь комплекс вопросов до встречи в верхах в Париже, чтобы он там уже не всплывал.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это разумный подход. Мы тоже за то, чтобы Парижская встреча была устремлена в будущее и не была обременена вопросами, которые могут быть решены отдельно.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Главное, что встреча в Париже откроет новые качества отношений европейских народов и государств. Намечаются новые структуры, и дело надо двигать, руководствуясь прежде всего тем, что должен быть обеспечен прогресс, и не должно происходить торможения.

Точки зрения разные. Не все хотят таких элегантных структур, какие хотим мы с вами, например центр по предотвращению конфликтов. Но, как говорится, всему свое время. Важно сохранять динамику развития и двигаться вперед.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Стабильность в Европе надо сохранять. Мы знаем, насколько это важно. Мы работаем сейчас над Союзным договором, проект которого в ближайшее время будет вынесен на всенародное обсуждение. Наше внутреннее развитие теснейшим образом связано с общеевропейским. Поэтому мы подходим к нему со всей ответственностью.

Г.-Д. ГЕНШЕР. Я знаю, что мне придется с поляками попотеть. Но иного выхода нет. Я за то, чтобы напрячь все усилия и разрубить этот относящийся к границам дьявольский круг, в котором мы все сейчас крутимся. Границы вообще надо превращать в нечто излишнее. Я уверен, что такой этап в человеческой истории настанет. Люди будут сохранять национальную и культурную самобытность, а границы между ними будут носить чисто символический характер.

Не дай Бог нам начать перекраивать границы: все похороним. А почему не использовать все возможности сотрудничества для создания общеевропейского пространства, продвигаясь вместе к этой цели. Это долгосрочная перспектива, но она обеспечивает надежное развитие для всех.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1

Указания М.С. Горбачева Черняеву

(в самолете при возвращении из Бонна)

10 ноября 1990 года

ГОРБАЧЕВ. Какие практические выводы из бесед с Колем и другими?

I. Коль предложил послать в Москву Тельчика с группой экспертов, чтобы точно выяснить, что нам нужно в смысле помощи. От нас с ними будут работать Ситарян и Маслюков.

Надо точно определить:

— неотложные меры по продовольствию и ширпотребу для заполнения рынка;

— перекрыть все пути «увода» поставок от индустриальных центров;

— то же в отношении военных объектов (здесь особенно тщательно назвать набор самых необходимых товаров);

— точно расписать механизм доставки, по согласованию с объектами и по их запросам;

— собрать излишки товаров и продовольствия у ЕС, их там накопилось больше, чем достаточно. Поставить этот вопрос перед немцами, попросить их содействия.

Уже через неделю принять Тельчика в Москве.

II. Создать специальную группу по вопросам жилья для военных, выводимых из Германии. Но не ведомственную — не от Минобороны, а государственную; возглавит ее Белоусов. Она должна готовить строительную-индустриальную базу для реализации немецких денег на эти цели.

III. Реализовать поставки с предприятий бывшей ГДР. Вайгель берет на себя организацию этого дела.

IV. Об обучении увольняемых военнослужащих гражданским профессиям. Коль особенно привержен этой идее.

Дать наши обоснованные встречные предложения.

V. Обустройство советских немцев. Германия готова дать деньги на это.

VI. Пойти на крупные транспортные проекты общеевропейского значения. Немцы берут на себя «лидерство» в этом деле. Нам это крайне выгодно.

VII. Военное имущество ЗГВ. Что продать и кому, что перевести в режим совместных предприятий, как быть с аэродромами, с другими объектами: все — точно расписать и согласовать с Вайгелем и Тельчиком.

Критерии подходов и конкретные предложения должно определять Минобороны вместе с Катушевым.

VIII. Компенсация советским гражданам, угнанным гитлеровцами на работу в Германию. Немцы готовы создать специальный Фонд. Войти с ним в контакт, определить — кому.

IX. Шпэт (Баден-Вюртенберг) готов организовать подготовку кадров — менеджеров для нас. Из других германских земель есть такие же предложения. Пусть Маслюков, Ситарян и другие внесут конкретные предложения.

X. 14 декабря в Риме собирается верхушка ЕС. Коль просил подготовить ему «подсказку» — как ему действовать в наших интересах, в интересах нашего с ним сотрудничества и нашего сотрудничества с ЕС.

Займись этим. То, что я сказал, — основа для распоряжений Президента СССР.

И еще: добавка в I раздел — вопрос о конверсии. Немцы готовы помочь, втягивать надо в это и американцев.

Коль спрашивал, можно ли продавать чехам, венграм и т. д. оружие и прочее военное снаряжение, принадлежавшее Народной армии ГДР? Минобороны вместе с МИДом пусть решат этот вопрос. Но — без права перепродажи (чехами и др.) оружия в другие страны.

О посылках из Германии нашему населению в порядке гуманитарной помощи. Открыть все двери. И указание нашей таможне — пошлин не брать.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1*

В.В. Загладин о беседе с Н. Шефером

14 ноября 1990 года

14 ноября встретился с заместителем руководителя ведомства по печати и информации Федерального правительства ФРГ Н. Шефером (ХСС).

1. Н. Шефер, ссылаясь на руководителя своей партии, министра финансов ФРГ Т. Вайгеля, дал исключительно высокую оценку визиту М.С. Горбачева в Бонн и просил, при возможности, еще раз поблагодарить советского руководителя за все, что он сделал для Германии, и заверить: немцы этого не забудут.

2. Опять-таки ссылаясь на руководство ФРГ, Шефер просил не упустить из внимания вопрос о положении наших войск на территории бывшей ГДР.

Руководство ФРГ, говорил он, сделает все, чтобы к ним относились как к войскам дружественной страны. Г. Коль в начале года совершит поездку по местам расположения войск СССР, проведет встречи с населением на эту тему. Однако ситуация в самих советских частях, состояние дисциплины (самовольные отлучки, дезертирство, торговля оружием) таковы, что решающий поворот в отношении к нашим военнослужащим даже эта поездка вряд ли обеспечит.

Все чаще, говорил Шефер, возникают конфликты с местным населением. Неоднократно происходили случаи воровства военнослужащими СА. При этом в некоторых случаях в ходе расследования, по словам собеседника, выяснялось: кражи осуществлялись по требованию офицеров, как бы в виде взятки за внеплановый отпуск и т. д.

У населения вызывает негативную реакцию и социальная сторона дела: материальное положение советских солдат и офицеров, условия жизни их семей. Как говорил собеседник, к советским военнослужа-

шим отношение двойственное: сочувствие, сопереживание и вместе с тем недоверие, горечь.

Н. Шефер говорил все это вполне искренне, однако можно было проследить и подтекст: нашей армии надо, мол, поскорее возвращаться домой.

3. Шефер обратил внимание и еще на один вопрос. По мере того как улучшаются отношения СССР и ФРГ, особенно в связи с подписанием богатого по содержанию договора между ними, у «соседей» (были названы Франция, Великобритания, Италия) растут опасения, настороженность. А одновременно, говорил собеседник, несколько сокращается и их готовность оказывать помощь перестройке.

Конечно, последнее связано, видимо, с существующими там сомнениям и насчет перспектив внутреннего развития нашей страны. Но свою роль играет и «немецкий фактор».

(В. Загладин)

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 3, опись № 1

1991 год

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем

18 января 1991 года

М.С. Горбачев. Добрый день, дорогой Гельмут. Я смотрел по телевизору, как проходила церемония твоего избрания на пост канцлера объединенной Германии. Как человек и политик, хочу поздравить тебя с этим знаменательным событием. Ведь избран первый канцлер объединенной Германии. К сожалению, случилось так, что эта церемония совпала с некоторыми трагическими событиями, что может вызывать смешанные чувства⁸¹. И все же еще раз хочу поздравить тебя с избранием.

Г. Коль. Большое спасибо за поздравления. В этих словах ощущается большое дружеское чувство. Я весьма рад, что вчера ты мог наблюдать телевизионную передачу о выборах канцлера в бундестаге. И я отдаю себе отчет в том, что во многом обязан своим избранием и той совместной политике, которую мы вместе начали и проводим.

М.С. Горбачев. Я также исхожу из того, что начатая нами совместная политика предопределила перемены исторического масштаба как в отношениях между нашими народами, так и применительно к Европе и всему миру. Дорогой Гельмут, я хочу особо подчеркнуть, что в твоём лице я имею дело с человеком, который умеет держать слово. Это особенно важно на крутом, переломном этапе своего развития, который сегодня переживает Советский Союз. Мы особо ценим то, что со стороны Германии мы можем рассчитывать не только на партнерские отношения, но и на сопричастность к проводимой нами политике.

Внутренние процессы в нашей стране вступили сегодня в решающую фазу. Много приходится вести дискуссий, дебатов, настоящей политической борьбы с тем, чтобы, с одной стороны, продолжать линию на достижение поставленных целей, а с другой — оградить лю-

дей от возможных негативных последствий, обеспечить социальную защищенность. Нужно откровенно сказать, что здесь нельзя обойтись без жестких мер экономического, финансового и административного характера. И в этой связи сразу же начинают возникать вопросы: не уходит ли Горбачев от намеченного им курса, не кончился ли новый Горбачев, не превратился ли он в старого, не предпочел ли он опять командно-административную систему, не сдвинулся ли он вправо? Со всей откровенностью хочу сказать, что выбор нами сделан и свою политику мы менять не собираемся.

Г. Коль. В своем недавнем публичном выступлении я четко заявил о том, что у меня нет ни малейшего сомнения в отношении того, что Михаил Горбачев не изменился. Как политик, я понимаю, что порой бывают моменты, когда для осуществления определенных политических целей нельзя обойтись без обходного маневра. Часто требуются терпение и выдержка. И это приносит свои плоды.

М.С. Горбачев. Мне известна твоя, Гельмут, оценка развития обстановки, и я высоко ценю ее...

(Далее речь зашла о ситуации на Ближнем Востоке в связи с военными действиями США против Ирака (операция «Буря в пустыне»)).

Г. Коль. Я полагаю, что нам необходимо умножить усилия для выхода на быстрейшее решение конфликта.

М.С. Горбачев. Я сразу же проинформирую тебя о получении информации из Багдада. Может быть, это произойдет сегодня, и тогда мы сможем вновь связаться по телефону...

Г. Коль. Думаю, что нам необходимо поддерживать тесный контакт и самое позднее во второй половине дня в понедельник созвониться вновь и обменяться мнениями.

М.С. Горбачев. Договорились. Хотел бы вновь, Гельмут, передать мое личное поздравление, к которому присоединяется Раиса, по поводу избрания тебя на высокий пост. [...]

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1*

Заявление Верховного Совета СССР

4 марта 1991 года

Сегодня Верховный Совет СССР ратифицировал три важнейших договора, касающихся германского урегулирования и будущего советско-германских отношений. Это Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ и Договор между СССР и ФРГ о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники.

Верховный Совет СССР оценивает этот комплекс документов как имеющий историческую значимость, подводящий черту под Второй мировой войной, учитывающий сложившиеся новые реальности в Европе и в мире и открывающий новую эпоху прочного мира и крупномасштабного сотрудничества между советским и немецким народами.

Народные депутаты СССР, члены Верховного Совета СССР выражают надежду, что принятое Германией обязательство о том, что с немецкой земли будет исходить мир, и только мир, будет неуклонно соблюдаться и органически вписываться в новые структуры безопасности и сотрудничества в Европе. Советский народ, понесший неисчислимые жертвы при отражении нацистской агрессии, вправе ожидать, что объединенная Германия будет действовать с учетом уроков прошлого и той ответственности, которая ложится на нее в настоящем и будущем. Двигаясь по такому пути, немецкий народ всегда может рассчитывать на поддержку и солидарность Советского Союза. От того, как будут закладываться советско-германские отношения, зависит во многом лицо будущей Европы, положение дел в мире.

Принципиально важное значение имеют положения договоров об окончательном характере нынешних границ Германии, ее отказе от каких-либо территориальных притязаний, а также вся сумма ее военно-политических обязательств, в том числе обязательства не производить и не приобретать ядерное, биологическое и химическое оружие. Верховный Совет СССР исходит из того, что в объединенной Германии будут последовательно соблюдаться права человека и, в частности, будет исключена дискриминация граждан бывшей ГДР по политическим и иным мотивам.

Верховный Совет СССР пришел к выводу, что ратифицированные договоры отвечают национальным и государственным интересам Советского Союза.

Вытекающие из этих договоров практические обязательства сторон обеспечивают и решение вопросов, связанных с развитием широкомасштабного взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества.

Верховный Совет поручает Кабинету министров СССР, соответствующим ведомствам и организациям принять необходимые меры для реализации положений ратифицированных договоров и строгого соблюдения сторонами вытекающих для них обязательств. Все эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для советского народа, Верховный Совет СССР будет держать под своим неослабным контролем.

*Москва, Кремль. ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР
«Правда». 06.03.1991*

Телефонный разговор М.С. Горбачева с Г. Колем

5 марта 1991 года

Горбачев. Приветствую тебя, Гельмут. Как дела?

Коль. Здравствуй, Михаил. Хорошо ли ты меня слышишь?

Горбачев. Хорошо слышу даже все оттенки твоего голоса. Думаю, что после вчерашней ратификации советско-германских документов мы стали ближе и слышим друг друга еще лучше.

Коль. От души благодарен тебе за то, что ты сдержал слово. Вчерашняя ратификация произвела у нас очень большое впечатление, хотя до этого говорилось и печаталось немало всякой чепухи. Достигнут очень хороший результат, и я сердечно благодарю тебя.

Горбачев. Должен сказать, что ратификации предшествовала большая работа по разъяснению значимости этих документов. Что касается вчерашнего заседания Верховного Совета, то обсуждение и атмосфера были хорошие, а результаты голосования — очень хорошие.

Коль. Передай, пожалуйста, мою сердечную благодарность и всем твоим сотрудникам за проделанную очень большую работу.

Горбачев. Думаю, в конечном счете победил здравый смысл. Люди поверили в то, что открылась новая страница советско-германских отношений, а наше сотрудничество, которое и раньше было хорошим, приобретает новое качество. Понимание этого и явилось, на мой взгляд, решающим фактором.

Коль. Слава богу, все прошло успешно.

Горбачев. Думаю, оставшиеся вопросы тоже вскоре решим.

Коль. Еще раз благодарю. У тебя сегодня был Мэйджор?

Горбачев. Был и передал от тебя привет. У меня осталось весьма благоприятное впечатление от нашей беседы.

Коль. Поверь, это хороший человек, и мне очень хотелось бы, чтобы ваши контакты были столь же успешными, как и с Бушем. Это было бы ценно для наших отношений. Он еще молод, у него все впереди.

Горбачев. Да, пожалуй. Я доволен содержанием и атмосферой нашей беседы с ним, которая проходила довольно откровенно. У меня такое впечатление, что он к тебе очень расположен.

Коль. Повторю еще раз, он очень хороший человек. Скажи, пожалуйста, нет ли у тебя каких-нибудь новостей о положении в зоне Персидского залива, надежной информации об обстановке в самом Ираке?

Горбачев. Ситуация в Ираке непростая. Там подспудно развиваются и зреют различные процессы. Большого пока сказать не могу.

Коль. Ты не знаешь, где сейчас Саддам Хусейн?

Горбачев. Точно не знаю, но складывается впечатление, что он на месте. Внимательно слежу за развитием ситуации и буду тебя информировать.

Коль (смеясь). Не прячешь ли ты Хусейна где-нибудь в Крыму?

Горбачев. Ну, уж лучше ему прятаться на севере Германии.

Коль. Вот уже без надобности. У нас и без того достаточно сумасшедших.

Горбачев. Кстати, о ситуации в Заливе. Мне кажется, было бы полезно немного уравновесить реакцию Джорджа. По-моему, там у него пробежала какая-то тень. Конечно, он и сам разберется в ситуации, но было бы лучше ему в этом помочь. Он ведь ходил по лезвию бритвы, и мы были среди тех, кто его выручал. Если он думает, что те, кто ему только и поддакивает всякое, и есть его настоящие друзья и партнеры, то ведь это не так. Ограничусь этими словами.

Коль. Хорошо понимаю тебя. Может быть, мы созвонимся еще раз в начале будущей недели, а я тем временем переговорю с Джорджем.

Горбачев. Есть еще один вопрос, по которому хотел бы обменяться с тобой мнениями. Но это не телефонный разговор. Лучше напишу тебе письмо.

Коль. Конечно, жду и дам ответ. Как ты встретил свой день рождения?

Горбачев. Встретил дома. У нас сейчас сложная ситуация, и она не располагает к празднованию юбилеев. Ограничился семейным кругом. Благодарю тебя за поздравления. До свидания. Крепко жму твою руку.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1*

Тезисы

к беседе М.С. Горбачева с Г. Колем

18 июня 1991 года

Вопросы для подготовки материалов

1. Ситуация в стране, особенно под углом зрения выборов в России. Оценка ближайших политических последствий выборов.
2. О 22 июня 1941 г., об основном содержании посланий, которыми намечено обменяться, и других мероприятиях.
3. Информировать Колю о состоянии отношений с Бушем, обмене письмами по СНВ, по зерновому кредиту, по реализации торгового соглашения и т.д., о характере предстоящей советско-американской встречи в верхах.
4. Об основных элементах нашей программы экономических реформ, которая будет представлена на «семерке».
5. Обмен мнениями о ситуации в Восточной Европе, в частности:
 - наша оценка состояния и перспектив двусторонних отношений Советского Союза со странами Восточной Европы; наша позиция по «пункту преткновения»;
 - наши намерения по активизации политики на восточноевропейском направлении; принципы отношений с бывшими союзниками;
 - общеевропейский аспект ситуации в Восточной Европе и возможности сотрудничества двух наших стран в вопросах поддержания стабильности и безопасности в этом стратегически важном СССР, для ФРГ, всей Европы и Средиземноморья регионе.
6. Общеевропейский процесс:
 - о предстоящей в Берлине встрече мининдел СБСЕ; что мы туда везем (А.А. Бессмертных, наверно, Геншера проинформировал; тем не менее стоит что-то сказать и Колю с учетом встречи Бессмертных — Геншер) отношения СССР—ЕС. Что думает Коль о возможно-

стях на эту тему. Западноевропейская интеграция и советская перестройка;

советско-германское сближение в контексте наших отношений с другими главными странами Западной Европы;

— о роли и претензиях НАТО после Парижской хартии⁸²; НАТО и ЗЕС⁸³ в контексте европейского процесса и европо-американских отношений;

— проблемы координации различных европейских структур в целях институализации СБСЕ.

7. Ситуация в зоне Персидского залива, перспективы ближневосточного урегулирования (с учетом подключения ЕС).

8. Отдельные вопросы советско-германских отношений:

— недавнее решение о создании натовского корпуса быстрого реагирования и планируемое с 1991 г. размещение в восточных землях Германии многонациональных соединений, опирающихся на ту или иную форму ядерного присутствия США на немецкой земле, что противоречит Договору;

— вопросы, связанные с выполнением соглашений о выводе из Германии Западной группы войск (готовит Ситарян);

— вопросы отношений Германии с республиками, а также калининградский сюжет.

9. Положение с восстановлением автономии советских немцев.

10. Наши озабоченности в связи с фактами дискриминации или преследований деятелей ГДР.

Черняев

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

**Письмо М.С. Горбачева
Р. фон Вайцзеккеру об обмене
культурными ценностями**

12 июля 1991 года

Уважаемый г-н Президент!

Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ распахнул дверь для окончательного примирения и сближения наших двух великих народов. Он выводит на принципиально другой уровень сотрудничества. Позволяет нам заняться также и аспектами прошлого, которые по ряду причин обе стороны предпочитали выносить за скобки. Я имею в виду восполнение, насколько возможно, колоссального урона, нанесенного войной культуре и искусству, историческому наследию наших народов.

Включение в Договор особой нормы на этот счет свидетельствует, что мы больше не считаем правильным списывать потери культурных ценностей на общую беду. Об этом мне пишут советские граждане, деятели культуры и искусства.

За годы войны и оккупации Советский Союз потерял множество уникальных памятников культуры, искусства и национальной истории. Невосполнимы утраты наших архивов, библиотек, музеев. Не очень сподручно выражать этот урон в марках или рублях, ибо многие произведения и памятники бесценны. Но если воспользоваться оценками 1914 года, то общий ущерб культурному достоянию страны составляет 140 млрд золотых рублей, в том числе произведений искусства похищено или уничтожено на сумму 23 млрд рублей.

Причем я не включаю в эти расчеты потери частных лиц, владевших коллекциями, библиотеками, предметами искусства.

К сожалению, почти ничего из произведений искусства и памятников истории, кроме сокровищницы Псковско-Печорского монастыря, за истекшие годы нам не вернули. Где же находится все то, что

вывозилось с советской территории и предназначалось для «коллекций» Гитлера, Геринга, Коха... Как мне отвечать на вопросы, которые задают мне советские граждане?

В распоряжении наших войск, вступивших в Германию в 1945 году, оказалось немало культурных ценностей, размещавшихся в местах их постоянного или временного хранения, а то и брошенных, помещенных в сырые штольни, к тому же заминированные. В дальнейшем немецкому народу было передано многое из этого его национального достояния. Возвращено 763 шедевра Дрезденской галереи, 1610 других живописных полотен, 18 383 памятника античной культуры, 166 646 листов графики, более ста тысяч монет, в том числе 4187 золотых. А если учесть майссенские коллекции, собрание этнографического музея, нотную библиотеку и др., то единиц хранения много больше.

Разумеется, с обеих сторон предстоит кропотливая работа по систематизации данных, касающихся перемещений и судьбы культурных и исторических ценностей, а также по установлению их нынешнего местонахождения. Очевидно, придется задействовать специалистов и уполномоченных наших правительств, на которых ляжет этот кропотливый труд.

У меня нет сомнений в том, что при взаимном желании нам удастся разгадать немало тайн, обнаружить многие пропажи, восполнить образовавшиеся пробелы. Советская сторона постоянно ориентировалась на эту перспективу и заботилась о том, чтобы оказавшиеся под ее контролем объекты не разошлись по миру.

Без деятельного содействия Правительства объединенной Германии и ее соответствующих служб просто невозможно осуществить подобную работу, ибо относящаяся к этому документация советских учреждений культуры, как подчас и сами учреждения культуры, была уничтожена на оккупированной советской территории, многие хранители культурных ценностей или их владельцы погибли.

Хотелось бы услышать ваши соображения о том, как лучше организовать всю эту работу, как обеспечить возвращение незаконно вывезенного на действительно взаимной основе.

Мне стало известно, что статс-секретарь Министерства внутренних дел ФРГ г-н Хорст Ваффеншмидт вошел в контакт с Институтом научной информации Академии наук СССР по поводу оказавшихся в распоряжении последнего книг Готской библиотеки. Они договариваются о способе их возвращения в Германию и о сотрудничестве в рамках их компетенции. Мне кажется, это хорошее начинание в контексте того, с чем я к вам, г-н Президент, обращаюсь.

И еще об одном я хотел бы узнать Ваше мнение.

Театральные деятели и столичные власти хотят создать в Москве Международный центр культуры, бизнеса и торговли. Германские фирмы «Дублин» и «Рольф Дайле» (Штутгарт), «Корона» (Майнц) намеревались одно время образовать совместное с москвичами предприятие «Красные холмы» для возведения этого Центра. «Байрише-Ферайнсбанк» (Мюнхен) согласился возглавить консорциум западных банков по финансированию проекта.

Думаю, это хорошая инициатива, которая лежит в русле советско-германского партнерства. Но, как я понял, указанные фирмы нуждаются в своего рода одобрении их намерений со стороны высших властей Германии.

Примите, г-н Президент, выражение моего высокого к Вам уважения.

М. ГОРБАЧЕВ Президент СССР

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Тезисы

для телефонного разговора с Г. Колем

2 октября 1991 года

Уважаемый г-н Федеральный канцлер!

Поздравляю вас, Федеральное правительство, всех немцев.

Теперь уже сама бурная история года подтвердила, что мы с тобой действовали тогда, год назад, правильно, вовремя ухватили момент, когда поток истории диктовал только одно-единственное решение.

Единство немецкой нации было восстановлено на благо ее самой и принесло явно позитивные результаты для дела мира и свободы, для здорового и полноценного развития отношений между двумя великими европейскими народами.

Этот год еще раз подтвердил, что немецкий народ сделал выводы из уроков истории. Верим, что с немецкой территории никогда больше не будет исходить война. Состоялось историческое примирение двух наших народов. И оно лучшая гарантия мира и стабильности, по крайней мере в Европе.

Германия прожила важный, но нелегкий год. Рады, что сложные проблемы, и экономические, и чисто человеческие, связанные с интеграцией восточных и западных земель, постепенно решаются.

У нас этот период, как известно, был очень нелегок, даже отмечен трагедией. Хочу сказать слова признательности тебе, Гельмут, Федеральному правительству, немецкому народу за солидарность, сочувствие, реальную поддержку на нашем трудном пути как в двустороннем, так и в международном плане.

Слово, которое дали два великих народа друг другу в исторический день вашего единения, подтверждено делом, прошло суровую проверку испытаниями этого уникального года.

Мы в Союзе очень ценим добрые, здоровые отношения с Германией. Уверен, останемся и в будущем надежными и честными партнерами, друзьями, готовыми идти друг другу навстречу и действовать вместе, помня о великой ответственности, которую возложила на наши народы судьба.

Говорят, что в жизни человека первый год критический. В жизни государств, по-видимому, тоже. Думаю, мы можем констатировать, что единая Германия уверенно двинулась вперед. А раз так — немцы будут вызывать все большее уважение и симпатию соседей и всех других народов.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Телефонный разговор М.С. Горбачева и Г.-Д. Геншера 25 декабря 1991 года

Геншер. Звоню с самыми добрыми чувствами и приветствую от всего сердца. Рад был бы лично поговорить со старым своим другом.

Горбачев. Старая дружба не ржавеет. Благодарен, что вы позволили мне в такой день. Это символизирует большое значение, которое вы придаете нашим отношениям, отношениям между нашими народами.

Передайте от меня и от Раисы Максимовны вашим родным сердечные поздравления с Рождеством и заверения в добрых чувствах к вам. Память о том, что нам удалось вместе сделать доброго и значительного в эти годы, сохранится.

Я постарался войти в положение моих зарубежных партнеров, когда они услышат мое прощальное Заявление. Поэтому не выступил с ним в день Рождества: пусть, мол, спокойно дома празднуют.

Я буду выступать, Си-Эн-Эн будет передавать на весь мир... Вы услышите.

Я хочу поблагодарить вас за сотрудничество в эти годы. Получил ваше письмо, переданное послом. С радостью констатировал, что вы так же, как я, воспринимаете то, что мы делали вместе.

Я Джорджу Бушу уже сказал, что в тайге не собираюсь прятаться, останусь в сфере политики, чтобы содействовать продолжению того, что мы вместе делали.

Это же могу сказать и вам. Очень дорожу дружбой с вами, с Гельмутом. Надеюсь продолжать контакты, обмен мнениями с вами.

Благодарю за желание поговорить лично. Для меня важно поделиться размышлениями о том, как распорядилась судьба. Я рад говорить с другом.

Геншер. Спасибо за все, что вы сделали. Вчера еще послал вам письмо, чтобы сказать вам, что я испытываю в этот день. Он особенный в вашей жизни. Но и для всего мира. Он важен для нас, немцев. Вы заслужили не только благодарность немцев, но завоевали их сердца. И это останется навечно. То, что вы сделали для вашей страны, для народов ее соседей, — это навсегда войдет в историю.

Вы можете быть уверены, что вам благодарны не только в Германии, но и во многих странах мира.

Рад, что вы решили продолжать играть роль в политической и общественной жизни. Этого от вас ждут.

Я вспоминаю нашу первую встречу летом 86-го года. У нас с вами был тогда трудный разговор. Но я знал, я видел, что человек, с которым я разговаривал, искренен. И во многом наши точки зрения совпали.

И беседы с Раисой Максимовной тогда имели для меня особое значение.

Я вспоминаю наш с ней разговор и на Кавказе летом 90-го года. Она говорила мне, что надо, чтобы обязательства, которые здесь каждый взял на себя, были соблюдены. Я тогда заверил ее, что мы твердо будем держать свое слово.

Заверяю вас — и от имени моей жены — в самом добром к вам и к Раисе Максимовне расположении. И желаем вам всего доброго.

Горбачев. Спасибо, и вам всего доброго.

Геншер. Мое искреннее желание — вновь увидеться с вами.

Знайте: слово Ганса-Дитриха Геншера — надежное, верное слово!

Надеюсь, мы еще сможем в разных обстоятельствах встречаться и продолжать сотрудничать. Знайте, что у Горбачева есть здесь верные, большие друзья.

Горбачев. Жму по-дружески руку.

*Запись А.С. Черняева
Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1*

Прощальное письмо
М.С. Горбачева Г. Колю
25 декабря 1991 года

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ГЕЛЬМУТУ КОЛЮ
ФЕДЕРАЛЬНОМУ КАНЦЛЕРУ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГЕРМАНИЯ И ГОСПОЖЕ КОЛЬ

Дорогой Гельмут!

Я оставляю пост Президента СССР.

И хотя события пошли не так, как я считал правильным и наиболее целесообразным, не теряю надежды на конечный успех дела, которое я начал шесть лет назад, на то, что Россия и другие государства, вошедшие в новое Содружество, превратятся в современные демократические страны.

В этот нелегкий для меня момент я обращаюсь мысленно к тому, что мы сделали с тобой вместе. Объединение Германии — это крупнейшее событие мировой истории и новой мировой политики. И то, что мы больше, чем кто-либо, способствовали этому, останется, надеюсь, в памяти народов.

Хочу, чтобы российско-германские отношения успешно развивались на том фундаменте, который мы вместе заложили в Большом Договоре.

От всего сердца желаем мы с Раисой Хеннелоре, всей твоей семье здоровья, благополучия и счастья.

Твой Михаил

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 1

Примечания

¹ В 1985–1986 гг., т.е. в течение первого года пребывания М.С. Горбачева у руководства страной, отношения между Советским Союзом и ФРГ оставались весьма прохладными. Эта ситуация не отвечала интересам СССР. Об этом и шла речь на совещании.

² Политический консультативный комитет (ПКК) — высший орган Организации Варшавского Договора (ОВД).

³ Так обычно именовали руководителей деятелей стран социалистического содружества, а также представителей зарубежных коммунистических партий.

⁴ Имеется в виду катастрофа, произошедшая 26 апреля 1986 г. на атомной электростанции в г. Чернобыль (Украина) и приведшая к радиоактивному заражению обширных территорий.

⁵ Речь идет о предложениях, направленных на повышение эффективности соглашения о нераспространении ядерного оружия.

⁶ Намек на возможный приход СДПГ к власти в результате предстоящих парламентских выборов.

⁷ Договор с США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ).

⁸ Хозяйственная выставка, организованная ФРГ, на открытие которой прибыл Йоханнес Рау.

⁹ Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) — организация западных держав по контролю над поставками в СССР и другие социалистические страны наиболее современной электронной техники и так называемых товаров двойного (в том числе военного) назначения.

¹⁰ Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — организация экономического сотрудничества социалистических стран.

¹¹ «Стокгольм-1» — сокращенное наименование переговоров о сокращении численности ракет средней и меньшей дальности в Европе

¹² Речь идет о предстоявшей встрече М.С. Горбачева и Президента США Рональда Рейгана в Рейкьявике, на которой предполагалось обсу-

дить проблемы сокращения ядерных вооружений и прекращения гонки вооружений.

¹³ Имеется в виду мораторий на подземные испытания ядерного оружия.

¹⁴ Встреча лидеров шести влиятельных «неприсоединившихся» стран, занимавших антивоенные позиции.

¹⁵ Пьеса М.Ф. Шатрова «Так победим» вызвала широкий резонанс, а автор получил Государственную премию (1983).

¹⁶ В декабре 1986 г. А.Д. Сахаров был возвращен в Москву из ссылки по распоряжению М.С. Горбачева.

¹⁷ Речь идет о Пленуме ЦК КПСС состоявшемся в апреле 1985 г. На нем М.С. Горбачев впервые изложил свою программу глубоких преобразований в стране.

¹⁸ Пленум, на котором был впервые поставлен вопрос об ответственности ЦК КПСС и самой партии за прошлое.

¹⁹ В октябре 1986 г. Гельмут Коль дал интервью журналу «Ньюсуик», в котором сравнил М.С. Горбачева по пропагандистскому мастерству с Геббельсом.

²⁰ Бергедорфский круглый стол — сообщество интеллектуалов, с 1961 г. проводившее регулярные встречи для обсуждения актуальных международных вопросов, в том числе советско-западногерманских отношений.

²¹ Встреча состоялась в Берлине, во время совещания ПКК.

²² «Двойное нулевое» решение — согласие на взаимную ликвидацию (или снятие с боевого положения) ракет средней (до 2000 км) и меньшей (до 500–600 км) дальности.

²³ Соглашение по РСМД — договоренность относительно ограничения численности ракет средней и меньшей дальности.

²⁴ АО «Висмут» — совместное советско-германское (ГДР) предприятие по добыче урановой руды.

²⁵ «Три корзины» Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принятого на саммите в Хельсинки в 1975 г. Так, по аналогии с тремя взаимосвязанными разделами буддистских канонических текстов (на санскрите «Трипитака» — «три корзины»), дипломаты стран — участниц Совещания называли три сферы обязательств, принятых на себя участниками СБСЕ: «первая корзина» — вопросы безопасности, «вторая корзина» — экономическое и другое сотрудничество, «третья корзина» — гуманитарные проблемы, права человека.

²⁶ Московский договор был заключен между СССР и ФРГ в 1970 г. Предусматривал признание договаривающимися сторонами границ, сложившихся в результате Второй мировой войны. Был активно поддержан политическими партиями, входившими в правящую тогда коалицию (СДПГ и СвДП), и натолкнулся на резкое сопротивление находившихся в оппозиции правоцентристских партий (ХДС и ХСС).

²⁷ СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, форум для переговоров, объединивший большинство европейских стран, США

и Канаду и преобразованный впоследствии в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

²⁸ Имеются в виду американские баллистические ракеты средней дальности «Першинг-2», принятые на вооружение армии США в 1983 г. В то время широко обсуждались планы их размещения в странах Западной Европы, прежде всего в Западной Германии, в ответ на установку советских ракетных комплексов РСД-10 «Пионер» (по терминологии НАТО «СС-20»).

²⁹ Рапалльский договор был заключен в 1922 г. между Германией и РСФСР в предместье Генуи — Рапалло во время Генуэзской конференции. Договор предусматривал возобновление дипломатических отношений, взаимный отказ от претензий, развитие торгово-экономических связей двух стран. Вызвал в свое время острую негативную реакцию держав — победительниц в Первой мировой войне, прежде всего Великобритании и Франции.

³⁰ Встреча состоялась на другой день после торжественного заседания в Москве, посвященного 70-летию Октябрьской революции. В заседании принимали участие, помимо компартий, представители ряда социал-демократических, социалистических и национально-демократических партий, приглашенных на празднование. Со вступительным словом на заседании выступил М.С. Горбачев.

³¹ Вашингтонский договор (1987) по РСМД предусматривал ликвидацию в Европе ракет средней и меньшей дальности.

³² В ходе встречи М.С. Горбачева и Вилли Брандта проблема отношений СССР—ФРГ практически не затрагивалась. Брандта, как председателя Социалистического Интернационала и бесспорного лидера крупнейшей в Европе социал-демократической партии, интересовали, в первую очередь, международная ситуация и перестройка в СССР.

³³ Имеется в виду опубликованная в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г. статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», содержащая критику политики перестройки с позиций сталинизма. Статья вызвала ожесточенные дискуссии в стране. Резкий ответ на статью Андреевой был дан в редакционной статье газеты «Правда» 5 апреля, подготовленной по поручению Политбюро.

³⁴ Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) — долговременная программа по завоеванию военного господства в космосе и предотвращению ракетного нападения на США. Объявлена Р. Рейганом в 1983 г. СНВ — стратегические (ядерные) наступательные вооружения.

³⁵ Речь идет об обсуждавшейся в то время идее проведения общеевропейской встречи левых партий.

³⁶ Новый председатель СДПГ прибыл в Москву во главе делегации.

³⁷ Во время визита министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера в Москву (29–31 июля 1988 г.) у него состоялся обмен мнениями с министром иностранных дел СССР. 30 июля Геншер был принят М.С. Горбачевым.

³⁸ В то время в Вене продолжались переговоры о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе.

³⁹ Заявление М.С. Горбачева от 15 января 1986 г. содержало развернутую программу всеобъемлющего сокращения и ликвидации ядерных вооружений.

⁴⁰ Беседа состоялась в рамках первого официального визита канцлера ФРГ Гельмута Коля в Москву.

⁴¹ Председатель СДПГ Ханс-Йохен Фогель прибыл в Москву во главе делегации в связи с открытием постоянного представительства близкого к СДПГ Фонда Фридриха Эберта.

⁴² Речь идет о судьбе ракет малой дальности (т.н. ракет «поля боя»).

⁴³ Имеются в виду американские ракеты малой дальности «Лэнс» (до 600 км).

⁴⁴ Напоминание о получившем широкую известность заявлении члена Политбюро ЦК СЕПГ Курта Хагера. В ответ на вопрос корреспондента об отношении руководства СЕПГ к перестройке в Советском Союзе он сказал: «Если сосед переклеивает обои — это не означает, что вам надлежит делать то же самое».

⁴⁵ 12–15 июля 1989 г. состоялся первый государственный визит в ФРГ М. С. Горбачева в сопровождении Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева, И.С. Силаева, А.С. Черняева и др. Во время визита М.С. Горбачев встречался со многими политическими деятелями и общественностью.

⁴⁶ Имеется в виду т.н. «Доклад Армеля» (1967), заложивший основы политики НАТО в отношении СССР и стран Восточной Европы. Автор доклада — министр иностранных дел Бельгии Пьер Армель.

⁴⁷ 13 июля, во время пребывания М.С. Горбачева в ФРГ, им и Г. Колем было подписано Совместное заявление, опубликовано совместное сообщение.

⁴⁸ 6 октября 1989 г. М.С. Горбачев прибыл в ГДР на празднование 40-летия ГДР, встречался с руководящими деятелями республики. Население, требовавшее коренных реформ, подобных перестройке в Советском Союзе, устроило советскому руководителю беспрецедентно восторженную встречу.

⁴⁹ Речь идет о перепечатке статьи о пребывании в США Б.Н. Ельцина, опубликованной в американской печати. В ней, в частности, приводились зарисовки его пьяных выходов.

⁵⁰ Так близкие знакомые называли между собой Г.Х. Шахназарова.

⁵¹ 18 октября 1989 г. Эгон Кренц был избран новым Генеральным секретарем СЕПГ, а 24 октября — председателем Государственного совета и Совета национальной обороны ГДР. 1 ноября Кренц прибыл в Москву.

⁵² Культурбунд — объединение творческих работников ГДР.

⁵³ Приводимое далее выступление Гельмута Коля было связано с нарастающим кризисом в ГДР. Поскольку выступление свидетельствовало об отступлении канцлера от договоренности не форсировать события, оно вызвало серьезное недовольство Горбачева.

⁵⁴ Беседа состоялась во время государственного визита М.С. Горбачева в Италию (29 ноября — 1 декабря 1989 г.).

⁵⁵ В начале декабря 1989 г. М.С. Горбачев и Президент США Джордж Буш (старший) встретились на Мальте. Эта встреча ознаменовала прекращение «холодной войны». В ходе встречи обсуждалась и ситуация в Восточной Европе, в том числе в Германии.

- ⁵⁶ М.С. Горбачев принял Геншера в Москве.
- ⁵⁷ См. прим. 53.
- ⁵⁸ Беседа с Жаком Аттали была проведена в порядке подготовки к встрече М.С. Горбачева с прибывшим в Киев Президентом Франции Ф. Миттераном.
- ⁵⁹ Имеется в виду ввод войск стран Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 г.
- ⁶⁰ Республиканская партия — крайне правая националистическая партия, начавшая набирать очки на политической арене ФРГ.
- ⁶¹ ЕАСТ — Европейская ассоциация свободной торговли.
- ⁶² «Финляндизация» — термин, утвердившийся в западной пропаганде для обозначения влияния СССР на страны за пределами социалистической системы.
- ⁶³ «От Бреста до Бреста» — имеется в виду пространство от французского порта Брест на Атлантическом побережье до советского города Брест (Брест-Литовск) на польско-советской границе.
- ⁶⁴ Беседа М.С. Горбачева и Х. Модрова состоялась в Москве.
- ⁶⁵ Проект обращения к гражданам ГДР и ФРГ, ко всем европейским народам, переданный Х. Модровым Горбачеву 30 января 1990 г.
- ⁶⁶ Встреча состоялась во время пребывания Государственного секретаря США Джеймса Бейкера в Москве.
- ⁶⁷ Имеется в виду запланированное Общеввропейское совещание на высшем уровне.
- ⁶⁸ Беседа состоялась во время приезда Г. Коля в Москву.
- ⁶⁹ В феврале 1990 г. Б.Н. Ельцин выступил перед большой аудиторией в московском Доме кино, где подверг резкой критике политику Горбачева и потребовал его отставки.
- ⁷⁰ 19 марта 1990 г. в ГДР состоялись выборы в Народную палату (парламент). Значительное большинство голосов было подано за ХДС (40,9%) и за СДПГ (21,8%). Победителями была образована правительственная коалиция «Содружество во имя Германии». Премьер-министром нового правительства стал председатель Христианско-демократического союза ГДР Лотар де Мезьер.
- ⁷¹ Докладная записка была написана в связи с обсуждением германского вопроса на политбюро ЦК КПСС 3 мая 1990 г.
- ⁷² В марте 1990 г. Верховный совет Литвы принял акт о восстановлении независимости Литовского государства и об отмене действия Конституции СССР на территории Литвы.
- ⁷³ Встречи М.С. Горбачева и Франсуа Миттерана проходили во время визита Президента Франции в Москву.
- ⁷⁴ В конце мая — начале июня 1990 г. М.С. Горбачев в сопровождении делегации нанес визит в Соединенные Штаты. В ходе визита была достигнута договоренность о внешнеполитических условиях объединения Германии и вхождения объединенной Германии в НАТО.
- ⁷⁵ На обратном пути из Вашингтона после визита в США М.С. Горбачев остановился в Великобритании для встречи с премьер-министром Маргарет Тэтчер.

⁷⁶ 15–16 июля Гельмут Коль находился с визитом в СССР сначала в Москве, а затем на Северном Кавказе — в Архызе (Ставропольский край). Во время визита были разработаны и согласованы проекты основных документов об объединении Германии.

⁷⁷ В ноябре—декабре 1990 г. внутривнутриполитическая ситуация в СССР резко обострилась. Союзные и автономные республики одна за другой принимали акты о государственном суверенитете. Вспыхнули межнациональные конфликты в Молдавии, Узбекистане, Южной Осетии. Начались беспорядки в Чечне. На базе групп, отколовшихся от КПСС, стали возникать партии самой различной политической ориентации. Демонстративно подал в отставку с поста министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе.

⁷⁸ Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) — многостороннее межправительственное соглашение, имевшее целью снижение таможенных пошлин и других барьеров в международной торговле. Впоследствии уступило место Всемирной торговой организации (ВТО).

⁷⁹ 12 сентября 1990 г. в Москве состоялось подписание Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. Договор подписали министры иностранных дел ФРГ, ГДР, а также США, СССР, Франции и Великобритании (по формуле «2 + 4»).

⁸⁰ 9–10 ноября 1990 г. по приглашению Федерального канцлера ФРГ М.С. Горбачев посетил Федеративную Республику Германия. В ходе визита в Бонне был подписан Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, парафированный 13 сентября 1990 г. в Москве. Состоялись встречи М.С. Горбачева с Рихардом фон Вайцзеккером, Гельмутом Коелем и другими деятелями ФРГ.

⁸¹ Имеются в виду события 13 января 1991 г. в Вильнюсе, в ходе которых произошло столкновение военнослужащих Советской Армии и горожан, повлекшее человеческие жертвы.

⁸² Парижская хартия для новой Европы — итоговый документ, принятый 21 ноября 1990 г. участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (общеевропейская встреча в верхах). Провозгласила окончание эры конфронтации и раскола, зафиксировала намерение подписавших ее сторон строить отношения на взаимном уважении и сотрудничестве.

⁸³ Западноевропейский союз (ЗЕС) — договорное сообщество ряда западноевропейских стран.

Краткий биографический справочник*

Аденауэр, Конрад (Konrad Adenauer) — западногерманский государственный и политический деятель. Председатель Христианско-демократического союза (1946–1966), первый глава правительства (канцлер) Западной Германии (1949–1963).

Аксен, Герман (Hermann Aksen) — восточногерманский политик. Кандидат (с 1963 г.), член Политбюро ЦК СЕПГ (1971–1989), руководитель Внешнеполитической комиссии ЦК.

Амеронген, Отто Вольф фон (Otto Wolf von Amerongen) — западногерманский промышленник. Президент «Отто Вольф АГ». Активный сторонник развития внешнеторговых отношений с СССР.

Андреотти, Джулио (Giulio Andreotti) — итальянский государственный деятель. Один из руководителей Христианско-демократической партии. Неоднократно занимал министерские посты в правительстве Италии. Председатель Совета министров (1972–1973, 1976–1979, 1989–1992).

Андропов Юрий Владимирович — советский государственный и партийный деятель. Председатель КГБ СССР (1967–1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984).

Антонов Алексей Константинович — заместитель Председателя Совета Министров СССР, постоянный представитель СССР в СЭВ.

Армель, Пьер (Harmel Pierre) — бельгийский политический и государственный деятель. Премьер-министр (1965–1966). Будучи министром иностранных дел Бельгии, подготовил т.н. «Доклад Армеля» (1967), заложивший основу политики НАТО в отношении СССР и стран Восточной Европы.

* В справочник включены сведения о лицах, участвовавших или упоминавшихся в ходе переговоров, записи которых опубликованы в данном издании. Приводимые сведения призваны лишь пояснить текст публикуемых документов и не претендуют на исчерпывающую полноту и абсолютную точность.

Аттали, Жак (Jacques Attali) — специальный советник Президента Франции Франсуа Миттерана (1981–1990), первый президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР).

Аугштайн, Рудольф (Rudolf Augstein) — западногерманский журналист, основатель и издатель журнала «Шпигель».

Ахромеев Сергей Федорович — Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (1984–1988). Советник Председателя Президиума (затем Председателя) Верховного Совета СССР (1988–1989), советник Президента СССР по военным вопросам (1990–1991).

Байц, Бертольд (Berthold Beitz) — западногерманский промышленник, председатель наблюдательного совета концерна Круппа (1970–1990).

Бангеман, Мартин (Martin Bangeman) — председатель Свободной демократической партии (1985–1988), министр экономики ФРГ.

Бар, Эгон (Egon Bahr) — западногерманский политический и государственный деятель. Один из руководителей СДПГ, ближайший сподвижник В. Брандта в разработке новой восточной политики, статс-секретарь кабинета В. Брандта (1969–1972).

Бейкер, Джеймс (James A. Baker) — американский государственный деятель, занимал высокие посты в администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша (старшего). Министр финансов (1985–1988), государственный секретарь США в администрации Дж. Буша (старшего) (1989–1992).

Белоусов Игорь Сергеевич — министр судостроительной промышленности СССР (1984–1988).

Бёме Ханс Иоахим (Hans Joachim Boehme) — член Политбюро ЦК СЕПГ (1986–1989).

Бергхофер, Вольфганг (Wolfgang Berghofer) — немецкий политик. Бургомистр Дрездена (1986–1990). Сторонник политических реформ в ГДР, один из инициаторов так называемого «Дрезденского диалога» с оппозицией, за что его в ГДР даже называли «Бергачов». Вышел из СЕПГ (середина января 1990 г.), подав пример значительной части руководства партии.

Бессмертных Александр Александрович — советский дипломат. Сменил Э.А. Шеварднадзе на посту министра иностранных дел СССР (в декабре 1990 г.).

Бжезинский, Збигнев (Zbigniew K. Brzezinski) — американский политолог, помощник Президента США по национальной безопасности (1977–1980) в администрации Дж. Картера (1977–1980).

Биляк, Василь (Vasil Biljak) — член Политбюро ЦК Коммунистической партии Чехословакии.

Блех, Клаус (Klaus Blech) — западногерманский дипломат. Посол ФРГ в СССР, затем в Российской Федерации (с 1989 г.).

Блюм, Норберт (Norbert Blüm) — западногерманский политик. Министр труда и социальных вопросов в кабинете Г. Коля (1982–1998).

Болдин Валерий Иванович — партийный деятель, заведующий Общим отделом ЦК КПСС (с 1987 г.), руководитель аппарата Президента СССР (1990–1991).

Болен, Чарлз Юстис (Charles Eustes Bohlen) — американский дипломат. Личный переводчик Ф. Рузвельта на Ялтинской конференции, посол США в СССР (1953–1957).

Бондаренко Александр Павлович — советский дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол, сотрудник центрального аппарата МИД СССР, заведующий германским отделом (1949–1950, 1955–1961).

Брандт, Вилли (Willy Brandt) — западногерманский политический и государственный деятель, председатель СДПГ (1964–1987), председатель Социалистического Интернационала (1976–1992). Министр иностранных дел (1966–1968), канцлер ФРГ (1969–1974), инициатор новой восточной политики в отношении СССР. Лауреат Нобелевской премии мира.

Бронфман, Эдгар М. (Edgar M. Bronfman) — американский бизнесмен, президент Всемирного еврейского конгресса (с 1981 г.).

Буш, Барбара (Barbara Bush) — жена Президента США Дж. Буша (старшего).

Буш, Джордж Герберт Уокер (George Herbert Walker Bush) — Президент США (1989–1993).

Вайгель, Теодор (Theodor Waigel) — западногерманский политический и государственный деятель, председатель баварского Христианско-социального союза (1988–1999), министр финансов в кабинете Г. Коля (1989–1998).

Вайцеккер, Карл-Фридрих фон (Carl Friedrich von Weizsacker) — немецкий ученый, физик, брат президента ФРГ.

Вайцеккер, Рихард фон (Richard von Weizsacker) — Президент Федеративной Республики Германия (1984–1994).

Вальде, Вернер (Werner Walde) — кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ (1976–1989), первый секретарь партийной организации округа Котбус (1969–1989).

Ваффеншмидт, Хорст (Horst Waffenschmidt) — западногерманский государственный деятель. Заместитель министра (статс-секретарь) в Министерстве внутренних дел кабинета Г. Коля (1982–1997), специальный уполномоченный правительства ФРГ по репатриации (1988–1998).

Вёрнер, Манфред (Wörner Manfred) — министр обороны ФРГ (1982–1988), генеральный секретарь НАТО (1988–1994).

Воронин Лев Алексеевич — советский государственный деятель. Первый заместитель председателя Госплана СССР (с 1980 г.). Заместитель Председателя правительства (1988), член ЦК КПСС (1981–1991).

Гавел, Вацлав (Václav Havel) — чешский писатель, лидер «бархатной революции», Президент Чехословацкой Республики (1989–1992), Президент Чешской Республики (1993–2003).

Геллерт Наталья Владимировна — механизатор из Казахстана, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, казахстанский дипломат (после 1991 г.).

Геншер, Ганс-Дитрих (Hans Dietrich Genscher) — немецкий политический и государственный деятель. Министр внутренних дел ФРГ (1969–1974), министр иностранных дел и вице-канцлер (1974–1992), председатель Свободной демократической партии Германии (1974–1985).

Герек, Эдвард (Edward Gierek) — польский политический и государственный деятель. Первый секретарь ЦК ПОРП (1970–1980).

Герцог, Роман (Roman Herzog) — западногерманский государственный деятель. Председатель Федерального Конституционного суда (1987–1994), Федеральный президент ФРГ (1994–1999).

Гизи, Грегор (Gregor Gysi) — восточногерманский политик, адвокат. Возглавил Рабочий комитет по реорганизации СЕПП, затем (1990) был избран на ее Чрезвычайном съезде председателем партии, принявшей вскоре наименование Партии демократического социализма (ПДС).

Голль, Шарль де (Charles De Gaulle) — генерал, лидер французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, Президент Франции (1959–1969).

Гонсалес, Фелипе (Felipe González) — испанский политический и государственный деятель. Генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии (с 1974 г.), премьер-министр Испании (1982–1996), вице-председатель Социалистического Интернационала.

Горбачева Раиса Максимовна — жена М.С. Горбачева.

Горовиц, Ларри (Lawrence Hovowitz) — американский кинопродюсер. Руководитель аппарата сенатора Эдварда Кеннеди (конец 80-х гг.).

Грасс, Гюнтер (Günther Grass) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1999).

Громько Андрей Андреевич — советский государственный и политический деятель, дипломат. Министр иностранных дел СССР (1957–1985), председатель президиума Верховного Совета СССР (1985–1988), член Политбюро ЦК КПСС (1973–1988).

Грос, Карой (Károly Gros) — венгерский политический и государственный деятель. Председатель Совета министров Венгерской Народной Республики (1987–1988), Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии (1988–1989).

Гуднейстер, Эндрю (Andrew Goodpaster) — американский генерал, советник Президента США Д. Эйзенхауэра (1954–1961), главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО (1969–1974), затем председатель Атлантического совета США и Фонда Джорджа Маршалла.

Гусак, Густав (Gustav Husák) — чехословацкий политический и государственный деятель. Генеральный (Первый) секретарь ЦК Компартии Чехословакии (1969–1987). Президент ЧССР (1975–1989).

Делор, Жак (Jacques Delors) — французский политический и государственный деятель. Министр экономики и финансов в кабинете Франсуа Миттерана (1981–1984). Председатель (1985–1994) Комиссии Европейских сообществ (с 1993 г. Европейский союз).

Добрынин Анатолий Федорович — советский дипломат, посол СССР в США (1962–1986). Секретарь ЦК КПСС, заведующий Международным отделом (1986–1988), затем советник по международным вопросам Председателя Президиума Верховного Совета СССР, советник Президента СССР.

Долус, Хорст (Horst Dohlus) — восточногерманский политик. Секретарь ЦК СЕПГ, ответственный за работу центрального печатного органа, кандидат (с 1976 г.), член Политбюро СЕПГ (1980–1989).

Дреггер, Альфред (Alfred Dregger) — западногерманский политик. Председатель фракции ХДС в бундестаге (1982–1991).

Дубчек, Александр (Alexander Dubček) — чехословацкий государственный и политический деятель. Первый секретарь ЦК КПЧ (1968–1969), один из инициаторов реформ, получивших известность как «Пражская весна». Председатель Федерального собрания Чехословацкой Республики (1989–1992).

Дэн Сяопин — политический и государственный деятель Китайской Народной Республики. Генеральный секретарь ЦК КПК (1956–1966), председатель Военного совета ЦК КПК (1981–1989), инициатор реформ в КНР.

Дюма, Роланд (Roland Dumas) — французский политик, социалист. Министр иностранных дел Франции (1984–1986; 1988–1993)

Живков, Тодор (Todor Zhivkov) — болгарский политический и государственный деятель. Первый (с 1981 г. Генеральный) секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (1954–1989), Председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии (1971–1989).

Жискард д'Эстен, Валери (Valéri Giscard d'Estaing) — французский государственный и политический деятель, основатель Республиканской партии (1977). Президент Франции (1974–1981).

Журкин Виталий Владимирович — академик, академик-секретарь отделения международных отношений АН СССР (РАН) (1988–1998), основатель и директор Института Европы АН СССР (1987–1998).

Загладин Вадим Валентинович — первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, советник М.С. Горбачева по международным делам (с 1988 г.).

Зайков Лев Николаевич — советский политический и государственный деятель, член Политбюро (1986–1990), секретарь ЦК КПСС (1985–1990).

Зайтерс, Рудольф (Rudolf Seiters) — западногерманский политический деятель. Вице-спикер бундестага (1971–1976, 1982–1984), руководитель аппарата канцлера Г. Коля (1989–1991), министр внутренних дел ФРГ (1991–1993).

Зибер, Гюнтер (Günther Sieber) — член ЦК СЕПГ. Кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ (ноябрь–декабрь 1989 г.).

Зиндерман, Хорст (Horst Sindermann) — восточногерманский политический и государственный деятель. Председатель Народной палаты ГДР (1976–1989), кандидат (с 1963 г.), член Политбюро СЕПГ (1967–1989).

Кадар, Янош (János Kádár) — венгерский государственный и политический деятель. Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (1957–1989)

Каменцев Владимир Михайлович — советский государственный деятель, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственной внешнеэкономической комиссии (с 1986 г.).

Камю, Альбер (Albert Camus) — французский писатель и философ-экзистенциалист.

Карлссон, Ингвар (Ingvar Carlsson) — шведский государственный и политический деятель. Заместитель премьер-министра Швеции Улофа Пальме (1982–1986). После гибели Пальме (1986) сменил его на посту премьер-министра и председателя Социал-демократической рабочей партии.

Кастро Рус, Фидель (Fidel Castro Ruz) — лидер кубинской революции. Премьер-министр (1959–1976), Председатель Государственного Совета и Совета Министров (с 1976 г.) Республики Куба.

Катушев Константин Федорович — советский партийный и государственный деятель. Председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям (с 1985 г.), министр внешнеэкономических связей СССР (с 1988 г.).

Квицинский Юлий Александрович — советский и российский дипломат. Посол СССР в ФРГ (1986–1990). Возглавлял советские делегации на переговорах об ограничении стратегических наступательных вооружений в Женеве (1981, 1987).

Кенан, Джордж (George Kennan) — американский дипломат, историк, посол США в СССР (1952). Автор доктрины сдерживания, вдохновитель плана Маршалла и доктрины Трумэна.

Кёниг, Герд (Gerdt König) — посол ГДР в СССР (с 1987 г.).

Кеннеди, Эдвард Мур (Edward Moore Kennedy) — американский политический деятель, сенатор, брат президента США Джона Ф. Кеннеди.

Кесслер, Хайнц (Heinz Kessler) — член Политбюро ЦК СЕПГ (1986–1989), министр обороны ГДР (1985–1989).

Киннок, Нил Гордон (Neil Gordon Kinnock) — английский политик, лидер Лейбористской партии Великобритании (1983–1992).

Киссинджер, Генри (Henry Kissinger) — американский политолог и государственный деятель, помощник по национальной безопасности Президента США Ричарда Никсона (1969–1973), государственный секретарь США (1973–1977) в администрациях Никсона и Джеральда Форда. Лауреат Нобелевской премии мира (1973).

Киттель, Вальтер (Walter Kittel) — западногерманский дипломат. Статс-секретарь в кабинете Г. Коля.

Кляйбер, Гюнтер (Günther Kleiber) — восточногерманский политик, кандидат (с 1967 г.), затем член Политбюро ЦК СЕПГ (1984–1989).

Койвисто, Мауно (Mauno Koivisto) — финский политический и государственный деятель. Президент Финляндии (1982–1994).

Колесников Владислав Григорьевич — министр электронной промышленности СССР (1985–1991).

Коль, Гельмут (Helmut Kohl) — немецкий политический и государственный деятель. Председатель Христианско-демократического союза (ХДС; 1973–1998 г.), канцлер ФРГ (1982–1998).

Коль, Иоганна Элеонора (Хеннелора) (Johanna Eleonore (Hannelore) Kohl) — жена Г. Коля.

Коппер, Хильмар (Hilmar Kopper) — западногерманский банкир, председатель правления «Дойче Банк» (1977–1997).

Кочемасов Вячеслав Иванович — советский дипломат. Посол в ГДР (1983–1990).

Кошник, Ганс (Hans Koschnik) — председатель внешнеполитической комиссии при Правлении СДПГ. Бургомистр Бремена (1994–1996).

Кравчук Леонид Макарович — советский партийный и украинский государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро (1989–1990), член Политбюро ЦК КПУ (1990–1991), Председатель Верховной Рады Украины (1990–1991), Президент Украины (1991–1994).

Кракси, Беттино (Bettino Craxi) — итальянский политический и государственный деятель. Генеральный секретарь Итальянской социалистической партии (1976–1993), премьер-министр Италии (1983–1987).

Кренц, Эгон (Egon Krenz) — кандидат (с 1976 г.), член Политбюро ЦК СЕПГ (1983–1989), сменил Эриха Хонеккера на посту Генерального секретаря СЕПГ и Председателя Государственного совета ГДР (в октябре 1989 г.).

Кроликowski, Вернер (Werner Krolikowski) — член Политбюро (1971–1989), секретарь ЦК СЕПГ (1973–1976, 1988–1989).

Крючков Владимир Александрович — Председатель КГБ СССР (1988–1991).

Ламбсдорф, Отто, граф (Otto Lambsdorff, Graf) — западногерманский политический и государственный деятель. Министр экономики Германии (1977–1984), преемник Г.-Д. Геншера и М. Бангемана на посту председателя Свободной демократической партии, представленной в коалиционном кабинете Г. Коля (1988–1993).

Ламмерс, Карл (Karl A. Lamers) — западногерманский политический деятель. Докладчик фракции ХДС/ХСС в бундестаге по вопросам разоружения.

Ланге, Ингеборг (Ingeborg Lange) — кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ (1973–1989), руководитель Женской комиссии ЦК СЕПГ.

Лафонтен, Оскар (Oscar Lafontaine) — западногерманский политик. Председатель саарской земельной организации СДПГ, лидер левого крыла СДПГ (1977–1996). Председатель СДПГ (1995–1999), министр-президент федеральной земли Саар (1985–1998). Вышел из СДПГ (2005), руководитель фракции Левой партии Германии в бундестаге.

Лигачев Егор Кузьмич — советский партийный деятель. Секретарь ЦК КПСС (1983–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990).

Лиханов Альберт Анатольевич — советский писатель. Председатель правления Советского Детского Фонда (с 1987 г.).

Лихачев Дмитрий Сергеевич — филолог и литературовед, академик АН СССР (РАН). Председатель Правления Советского фонда культуры (1986–1993; с 1991 г. Российский фонд культуры).

Лоренц, Зигфрид (Siegfried Lorenz) — восточногерманский политик. Первый секретарь СЕПГ округа Карл-Маркс-Штадт (1976–1989), член Политбюро ЦК СЕПГ (1986–1989).

Лукьянов Анатолий Иванович — советский государственный и партийный деятель. Секретарь ЦК КПСС (1987–1988), первый заместитель Председателя (1989), Председатель Верховного Совета СССР (1991).

Мазовецкий, Тадеуш (Tadeusz Mazowiecki) — польский политический и государственный деятель. Один из руководителей профсоюза «Солидарность», премьер-министр Польской Республики (1989–1990).

Майер-Ландрут, Андреас (Andreas Meyer-Landrut) — немецкий дипломат, посол ФРГ в Москве (1980–1983; 1987–1989).

Манаенков Юрий Алексеевич — секретарь ЦК КПСС (1989–1991).

Маслюков Юрий Дмитриевич — советский и российский государственный деятель. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР (1985–1991).

Медведев Вадим Андреевич — советский политический деятель. Секретарь (1986–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1988–1990).

Мезьер, Лотар де (Lothar de Maiziér) — последний премьер-министр ГДР (апрель–октябрь 1990 г.).

Мейджор, Джон (John Major) — английский политический и государственный деятель, консерватор. Входил в состав кабинета М. Тэтчер (с 1981 г.; секретарь казначейства, министр иностранных дел, министр финансов), сменил ее на посту премьер-министра и в роли лидера партии (1990–1997).

Микелис, Джанни де (Gianni De Michelis) — итальянский политический и государственный деятель, социалист. Неоднократно входил в состав правительства Италии. Министр иностранных дел в кабинете Дж. Андреотти (1989–1992).

Мильке, Эрих (Erich Mielke) — кандидат (с 1971 г.), затем член Политбюро ЦК СЕПГ (1976–1989), министр государственной безопасности ГДР (1957–1989).

Мис, Герберт (Herbert Mies) — председатель Германской коммунистической партии (ФРГ) (1973–1990).

Мита, Чириако де (Ciriaco De Mita) — итальянский государственный деятель, христианский демократ. Премьер-министр Италии (1988–1989).

Миттаг, Гюнтер (Günther Mittag) — кандидат (с 1963 г.), затем член Политбюро (1967–1989), секретарь ЦК СЕПГ по вопросам промышленности.

Миттеран, Франсуа (François Mitterand) — французский политический и государственный деятель. Первый секретарь Французской социалистической партии (1971–1981), Президент Французской Республики (1981–1995).

Митчелл, Джордж (George J. Mitchell) — американский политик, лидер демократического большинства в сенате США (1989–1995).

Михник, Адам (Adam Michnik) — польский публицист, один из лидеров демократической оппозиции.

Модров, Ханс (Hans Modrov) — предпоследний премьер-министр ГДР (ноябрь 1989 — март 1990), член Политбюро СЕПГ (1989–1990), почетный председатель Партии демократического социализма (1990–2004).

Моисеев Михаил Алексеевич — начальник Генерального штаба (1988–1991), маршал Советского Союза (1989), помощник Президента СССР по военным вопросам (1991).

Момпер, Вальтер (Walter Momper) — член СДПГ, бургомистр Западного Берлина (1989–1991).

Мюккенбергер, Эрих (Erich Mückenberger) — восточногерманский политический деятель. Кандидат (с 1950 г.), член Политбюро ЦК СЕПГ (1958–1989), председатель Центральной комиссии партийного контроля.

Мюллер, Герхард (Gerhard Müller) — кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ (1985–1989), руководитель партийной организации округа Эрфурт.

Мюллер, Маргарет (Margarete Müller) — кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ (1963–1989).

Назарбаев Нурсултан Абишевич — советский и казахский государственный и политический деятель. Председатель Совета министров Казахстана (1984–1989), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1989–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), Президент Республики Казахстан (с 1990 г.).

Натта, Алессандро (Alessandro Natta) — итальянский политик. Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии (1984–1988).

Немет, Миклош (Miklós Neméth) — венгерский государственный деятель. Председатель Совета министров Венгерской народной республики (1988–1990).

Нойбер, Фридель (Friedel Neuber) — западногерманский банкир. Председатель правления «Вестдойче Ландесбанк АГ».

Нойман, Альфред (Alfred Neumann) — восточногерманский политический и государственный деятель. Кандидат (с 1954 г.), член Политбюро ЦК СЕПГ (1958–1989).

Отт, Гарри (Harry Ott) — восточногерманский дипломат. Посол ГДР в СССР (1974–1980), представитель ГДР в ООН, заместитель министра иностранных дел ГДР, член ЦК СЕПГ.

Папандреу, Андреас (Andreas Papandreu) — премьер-министр Греции (1981–1989, 1993–1996), основатель и лидер партии Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК).

Пассио, Перти (Pertti Passio) — финский государственный деятель. Заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Финляндии (1989–1991).

Пауэл, Чарлз (Charles Powell) — многолетний помощник премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

Пик, Вильгельм (Wilhelm Pieck) — первый Президент ГДР (1949–1960), сопредседатель СЕПГ (1946–1954).

Примаков Евгений Максимович — советский и российский политический и государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1989–1990), руководитель службы внешней разведки России (1991–1996), министр иностранных дел (1996–1998) и премьер-министр Российской Федерации (1998–1999), академик АН СССР (РАН).

Прунскене, Казимера (Kazimiera Prunskiene) — литовский политик, экономист, профессор. Председатель Совета министров Литовской ССР, (1990–1991) первый премьер-министр независимой Литвы, министр сельского хозяйства (2005–2006).

Райс, Кондолиза (Condoleezza Rice) — политолог, американский государственный деятель. Профессор Стэнфордского университета (1981–1989). Директор, а затем старший директор Отдела Советского Союза и Восточной Европы Совета национальной Безопасности США (1989–1991), советник Президента США Дж. Буша (младшего) по вопросам национальной безопасности (2001–2005), государственный секретарь США (с 2005 г.).

Раковский, Мечислав (Mieczyslaw Rakowski) — польский публицист и политик, премьер-министр Польской Народной республики (1989–1990).

Рау, Йоханнес (Johannes Rau) — западногерманский политик и государственный деятель. Член президиума Социал-демократической партии Германии (СДПГ), премьер-министр земли Северный Рейн–Вестфалия (1978–1998), Президент ФРГ (1999–2004).

Раушенбах Борис Викторович — советский ученый, действительный член АН СССР (РАН), один из основоположников космонавтики.

Рейган, Рональд (Ronald Reagan) — Президент США (1981–1989).

Рейнгольд, Отто (Otto Reinhold) — восточногерманский политический деятель, ректор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ.

Рёллер, Вольфганг (Wolfgang Röller) — немецкий финансист. Председатель правления «Дрезднер Банк», президент Федерального банковского союза (1987–1991).

Роведдер, Детлеф (Detlev Rohwedder) — западногерманский промышленник и политик, руководитель сталелитейного концерна «Хеш». В 1990 г. возглавил агентство по приватизации предприятий «Тройханд» в ГДР. 1 апреля 1991 г. был убит боевиками леворадикальной организации RAF («Фракция Красной Армии»).

Роннебургер, Уве (Uwe Ronneburger) — западногерманский политик, член фракции Свободной демократической партии в бундестаге ФРГ, руководитель делегации, посетившей СССР в 1989 г.

Рунау, Хайнц (Heinz Ruhнау) — западногерманский промышленник. Председатель правления авиакомпании «Люфтганза».

Рыжков Николай Иванович — советский государственный и политический деятель, председатель Совета Министров СССР (1981–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990).

Сахаров Андрей Николаевич — советский физик и правозащитник. Академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии мира (1975).

Силаев Иван Степанович — советский государственный деятель. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро Совета Министров СССР по машиностроению (1985–1990), Председатель Совета Министров РСФСР (1990–1991).

Ситарян Степан Арамаисович — советский государственный деятель, экономист. Первый заместитель Председателя Госплана (1986–1989), заместитель Председателя Совета Министров СССР (1989–1991), академик АН СССР (РАН).

Скоукрофт, Брент (Brent Scowcroft) — помощник Президента США по национальной безопасности в администрациях Дж. Форда и Дж. Буша (старшего).

Слюньков Николай Никитович — советский партийный и государственный деятель. Секретарь, член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990).

Стоун, Норман (Norman Stone) — английский историк, специалист по России и Восточной Европе, советник М. Тэтчер по вопросам европейской политики (1987–1990).

Сунуну, Джон (John H. Sununu) — американский политик, губернатор штата Нью-Хемпшир (1983–1989), руководитель аппарата сотрудников Белого дома в администрации Дж. Буша (старшего) (1989–1991).

Тельчик, Хорст (Horst Teltschik) — заместитель руководителя Ведомства Федерального канцлера в кабинете Г. Коля (1982–1990), начальник отдела внешней политики и безопасности. Ближайший советник Г. Коля по внешнеполитической проблематике.

Терфер, Клаус (Terfer Klaus) — западногерманский государственный деятель, министр по вопросам защиты окружающей среды в кабинете Г. Коля (1987–1994).

Терехов Владислав Петрович — советский и российский дипломат. Советник-посланник посольства СССР в ФРГ (1981–1986), посол СССР и России в ФРГ (1990–1997).

Тиш, Гарри (Harry Tisch) — кандидат (с 1971 г.), затем член Политбюро ЦК СЕПГ (1975–1989), руководитель профсоюзов ГДР.

Тоденхофер, Юрген (Jürgen Todenhofer) — западногерманский политический деятель, христианский демократ, депутат бундестага (1972–1990).

Тэтчер, Маргарет (Margaret Thatcher) — политический и государственный деятель Великобритании. Лидер Консервативной партии (1975–1990), премьер-министр Великобритании (1979–1990).

Ульбрихт, Вальтер (Walter Ulbricht) — Первый (до 1953 г. Генеральный), секретарь ЦК СЕПГ (1950–1971). Председатель Государственного совета ГДР (1960–1971).

Устинов Дмитрий Федорович — советский государственный и партийный деятель, Маршал Советского Союза, министр обороны и член Политбюро ЦК КПСС (1976–1984).

Фалин Валентин Михайлович — советский дипломат. Посол СССР в ФРГ (1971–1978), руководитель информационного агентства АПН (1986–1988), заведующий Международным отделом, секретарь ЦК КПСС (1988–1991).

Федоров Рафаэль Петрович — заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС (1990–1991).

Фицвотер, Гарри (Harry E. Fitzwater) — заместитель директора ЦРУ США (1981–1986), пресс-атташе при Р. Рейгане

Фогель, Ханс-Йохен (Hans Jochen Vogel) — западногерманский политический и государственный деятель. В 1983–1991 гг. лидер социал-демократической оппозиции в бундестаге, председатель СДПГ (1987–1991).

Фрейндлих Алиса Бруновна — советская и российская актриса театра и кино.

Хагер, Курт (Kurt Hager) — кандидат (с 1958 г.), затем член Политбюро ЦК СЕПГ (1963–1989), ответственный за идеологическую работу партии.

Хаусман, Гельмут (Helmut Hausmann) — западногерманский политик, Министр экономики в кабинете Г. Коля (1988–1991).

Херман, Иоахим (Joachim Heermann) — кандидат (с 1973 г.), затем член Политбюро (с 1978 г.), секретарь ЦК СЕПГ (1976–1989).

Хирземан, Карл Хайнц (Karl Heinz Hirseman) — глава баварской организации СДПГ, член прибывшей в Москву делегации этой партии.

Хонеккер, Эрих (Erich Honecker) — Генеральный (до 1976 г. Первый) секретарь ЦК СЕПГ (1971–1989), председатель Государственного совета ГДР (1976–1989).

Хусейн, Саддам (Hussein или Husain Saddam) — Президент, глава правительства и верховный главнокомандующий Иракской республики (1979–2003).

Хэрд, Дуглас (Hurd Douglas Richard) — политический и государственный деятель Великобритании. Занимал различные министерские посты в кабинетах М. Тэтчер и Дж. Мейджора. Наибольшую роль сыграл в качестве министра иностранных дел в кабинете М. Тэтчер (1989–1995).

Чаушеску, Николае (Nicolae Ceaușescu) — Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии (1965–1989), Председатель Государственного совета (1967–1974), Президент Румынии (1974–1989).

Черняев Анатолий Сергеевич — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР по международным вопросам (1986–1991).

Шабовский, Гюнтер (Gunther Schabowski) — восточногерманский политик. Главный редактор газеты «Нойес Дойчланд» (1978–1985), кандидат (с 1981), член Политбюро ЦК СЕПГ (1984–1989), секретарь ЦК (1986–1989), первый секретарь партийной организации Восточного Берлина (1985–1989).

Шатров Михаил Филиппович — советский драматург.

Шахназаров Георгий Хосроевич — профессор, доктор юридических наук, первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, впоследствии помощник М.С. Горбачева, государственный советник при Президенте СССР.

Шеварднадзе Эдуард Амеросиевич — советский и грузинский политический и государственный деятель. Министр иностранных дел СССР, член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990). Президент Грузии (1992–2003).

Шель, Вальтер (Walter Scheel) — западногерманский государственный деятель, Председатель Свободной демократической партии (1968–1974), федеральный президент ФРГ (1974–1979). Активный сторонник новой восточной политики по отношению к СССР и странам Восточной Европы.

Шефер, Норберт (Norbert Schafer) — заместитель руководителя ведомства по делам печати и информации в кабинете Г. Коля.

Шмидт, Гельмут (Helmut Schmidt) — западногерманский политический и государственный деятель. Один из лидеров СДПГ, канцлер ФРГ (1974—1982).

Шмитт, Хорст (Horst Schmitt) — председатель Социалистической единой партии Западного Берлина.

Шойбле, Вольфганг (Wolfgang Schauble) — западногерманский политический и государственный деятель, христианский демократ. Министр внутренних дел ФРГ (1989—1991). В 1990 г. на него было совершено покушение, после чего он стал инвалидом. Продолжает активно участвовать в политике ФРГ.

Шпэт, Лотар (Lothar Späth) — заместитель председателя Христианско-демократического союза 1981—1989), премьер-министр земли Баден-Вюртемберг (1978—1991).

Шрёдер, Герхард (Gerhard Schröder) — немецкий политический и государственный деятель. Премьер-министр земли Нижняя Саксония (1990—1998), председатель СДПГ (1999—2004), канцлер ФРГ (1996—2005).

Штольтенберг, Герхард (Gerhard Stoltenberg) — министр финансов (1982—1989) и министр обороны (1989—1992) в кабинете Г. Коля.

Штоф Вилли (Willi Stoph) — председатель Совета министров ГДР (1964—1973; 1976—1989), член Политбюро ЦК СЕПГ.

Штраус, Франц Йозеф (Franz Josef Strauss) — западногерманский политический и государственный деятель. Председатель баварской консервативной партии Христианско-социальный союз (ХСС) (1961—1988), премьер-министр земли Бавария (1978—1988). В 1950—1960-х гг. занимал различные министерские посты в правительстве ФРГ.

Штроугал, Любомир (Lubomir Strougal) — чешский политический и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПЧ.

Шульц, Джордж (George Schulz) — американский государственный деятель, экономист. Неоднократно занимал министерские посты в администрации Р. Никсона. Государственный секретарь в администрации Президента Р. Рейгана (1982—1989).

Шюрер Герхард (Gerhard Schürer) — восточногерманский политический и государственный деятель, кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, руководитель плановой комиссии (1973—1989).

Эберляйн, Вернер (Werner Eberlein) — член Политбюро ЦК СЕПГ (1986—1989).

Элиас, Норберт (Norbert Elias) — немецкий философ, социолог, исследователь культуры.

Эмке, Хорст (Horst Emke) — западногерманский политик, заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге, член делегации этой партии в Москве.

Энгольм, Бьорн (Bjorn Engholm) — западногерманский политический деятель, председатель СДПГ (1991—1993).

Эпельман, Райнер (Rainer Eppelmann) — пастор, деятель оппозиции в ГДР, занимал министерские посты в кабинетах Х. Модрова и Л. де Мезьера (министр обороны).

Язов Дмитрий Тимофеевич — генерал, министр обороны СССР (1987–1991), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1987–1990).

Яковлев Александр Николаевич — советский партийный деятель. Секретарь (1986–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990). Академик АН СССР (РАН).

Яровинский, Вернер (Werner Jarowinsky) — восточногерманский политик, секретарь ЦК, кандидат (с 1963 г.), член Политбюро СЕПГ (1984–1989).

Ярузельский, Войцех (Wojciech Jaruzelski) — польский военный, государственный и политический деятель. Министр национальной обороны (1962–1983), председатель Военного совета национального спасения (1981–1983), премьер-министр (1981–1985), Первый секретарь ЦК ПОРП (1981–1989). Президент Польской Народной Республики (1989–1991).

**Михаил Горбачев и германский вопрос.
Сборник документов. 1986–1991**

Младший редактор *Ю.Л. Михайлова*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор *Е.Ю. Агарева*

Подписано в печать 19.09.2006. Формат 60 x 90 ¹/₁₆

Печать офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печ. л. 43,5. Тираж 1500 экз.

Изд. № 40/05-и

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

ISBN 577770364-X

9 785777 703644